

**XV ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЕНИСЕЙСКИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ»
(ЕНИСЕЙСКИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ – 2023)**

29→30 СЕНТЯБРЯ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет
Юридический институт

ЕНИСЕЙСКИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

сборник научных статей по материалам
XV Всероссийской научно-практической конференции
(29-30 сентября 2023 г.)

Электронное научное издание

Красноярск
СФУ
2023

УДК 34
ББК 67.3
Е63

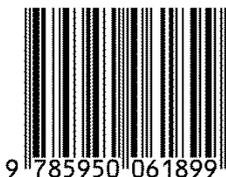
Е63 Енисейские политико-правовые чтения : сборник научных статей по материалам XV Всероссийской научно-практической конференции (29-30 сентября 2023 г.) [Электронный ресурс] / отв. ред. Г.Л. Москалев. – Электрон. дан. – Красноярск: Общественный комитет по защите прав человека, 2023. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I; 128 Mb RAM; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-9500618-9-9

Представлены статьи участников XV Всероссийской научно-практической конференции «Енисейские политико-правовые чтения», которая состоялась в Юридическом институте Сибирского федерального университета 29-30 сентября 2023 года. Предназначено для преподавателей и обучающихся юридических вузов и всех, кто интересуется современными проблемами права.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

ISBN 978-5-9500618-9-9

УДК 34
ББК 67.3

© Сибирский федеральный университет, 2023
© Оформление Г.Л. Москалев, 2023

Электронное научное издание

Подписано в свет 30.11.2023. Заказ № 9
Тиражируется на машиночитаемых носителях

Красноярская региональная общественная организация
«Общественный комитет по защите прав человека»
660075, г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 6

УДК 343.1

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

© Р.М. Абдрашев

Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан

Январские события, всколыхнувшие общество и открывшие системные проблемы в деятельности правоохранительных органов и суда, явились основанием для постановки амбициозных целей, связанных с началом построения Нового Казахстана [1]. И в своих выступлениях Президент Республики Казахстан К-К.Токаев отмечал необходимость деbüroкратизации уголовно-процессуального законодательства, что послужило основанием для формирования межведомственной рабочей группы для проведения ревизии нормативно-правовых актов на предмет сокращения и совершенствования процедур, связанных с движением уголовного дела в различных стадиях уголовного процесса [2].

С одной стороны, многократные концептуальные изменения уголовно-процессуального законодательства указывают на его нестабильность и нехватку времени на адаптацию новых норм и институтов к потребностям правоприменительной деятельности. С другой стороны, законодатель Республика Казахстан (в сравнении с политикой стран постсоветского периода), учитывая глобализационные процессы, активно исследует новые правовые институты, способствующих противодействию наиболее сложным проявлениям преступности в условиях современной криминогенной ситуации (например, институт финансового расследования).

Неспособность УПК Республики Казахстан 2014 года эффективно регулировать общественные отношения указывает на необходимость разработки нового уголовно-процессуального закона. Изложенное обусловлено тем, что нормы и институты действующего УПК Республики Казахстан не адаптированы к криминологической характеристике современной преступности, которая ориентирована на интернет-пространство, в результате чего субъекты уголовного процесса чаще всего имеют дело с электронными доказательствами, дефиниция которых отсутствует в отечественном законодательстве. Таким образом, устаревшие догмы теории доказательств указывают на необходимость создания новой теории доказательств, отвечающей потребностям практики.

Внедренная в Республике Казахстан трехзвенная модель уголовного процесса с разделением полномочий оказалась не новой для отечественной правовой системы. В соответствии с положениями УПК Республики Казахстан 1997 года модель также была трехзвенной, при которой полномочия субъектов предварительного расследования, прокуратуры и суда были четко разграничены [3]. Вместе с тем, ее отличительной чертой является отсутствие процессуальной самостоятельности субъектов предварительного расследования (следователя и дознавателя), который согласовывают все ключевые процессуальные решения по делу с прокурором, а подозреваемый получает статус обвиняемого с момента составления прокурором обвинительного акта, а также производства иных действий.

В отличие от модели уголовного процесса Российской Федерации, предусматривающую автономию следователя, деятельность субъектов предварительного расследования в Казахстане сосредоточена на выявлении и пресечении уголовных правонарушений, установлении причастных к совершению уголовного правонарушения лиц, сборе и закреплении доказательств. Дознаватели и следователи не принимают ключевых процессуальных решений по расследуемому делу, что снимает психологическую нагрузку и ответственность за судьбу уголовного дела. Данные обстоятельства негативно влияют на качество предварительного расследования.

На сегодняшний день уполномоченным органом разработан проект изменений и дополнений в УПК Республики Казахстан, в котором предусмотрена возможность предоставления защитником акта защиты по уголовным делам. Вышеуказанный институт есть в английском уголовном процессе, к преимуществам которого можно отнести отсутствие категорий «уголовное дело», «лицо, ведущее уголовный процесс», что исключает коррупционные риски, связанные с наличием дискреционных полномочий у субъектов, ведущих уголовный процесс. Отсутствие в отечественном Уголовно-процессуальном законе категории «субъект, ведущий уголовный процесс» представило бы возможным законодателю предусмотреть не только принцип независимости судьи (ст.22 УПК Республики Казахстан), но и независимость иных участников уголовного процесса, например, эксперта (в УПК Республики Казахстан отсутствует право эксперта на законодательную инициативу). Казахстанский эксперт, не являясь субъектом, ведущим уголовный процесс, при производстве судебной экспертизы не может выйти за пределы, обозначенные поставленными вопросами. И наделение экспертов независимостью (такой принцип существует в

специализированном законе) сделает формальным вопрос о том, кто является инициатором назначения и производства судебной экспертизы – защитник или субъект предварительного расследования.

Отдельное место в трехзвенной модели уголовного процесса Республики Казахстан занимают сделки с преступником, закамуфлированные под дефиницию «процессуальное соглашение». Не вызывает сомнений тот факт, что вышеуказанный институт позволил деbüroкратизировать Казахстанский уголовный процесс, ускорив процесс движения уголовного дела. Вместе с тем, подобные сделки превращают традиционный уголовный процесс с присущими гарантиями прав участников процесса в формальное рассмотрение уголовного дела, при котором судья не обязан устанавливать истину. При таком подходе уже не важно, назначена ли по делу судебная экспертиза или орган, ведущий уголовный процесс, ограничился заключением специалиста. К примеру, в США всего лишь в 3% имеет место судебное разбирательство уголовных дел, а оправдательный приговор – большая редкость, что является причиной заключения большого количества сделок. И в данном случае заключение процессуальных сделок становится вынужденной мерой для лиц, попавших в орбиту уголовного преследования и суда.

Проводя сравнительно-правовой анализ УПК союзных республик, я пришел к выводу, что в правовой системе ряда стран (из этических соображений не называю их) имеются консервативные уголовно-процессуальные законы с традиционными институтами и нормами, присущими советскому законодательству. Вместе с тем, это не мешает реализовывать задачи уголовного процесса, направленные на защиты прав и свобод участников уголовного процесса. Таким образом, основной гарантий защиты прав и свобод участников уголовного процесса является не модель (вид) уголовного процесса, а наличие механизма реализации закона, уровень правовой культуры субъектов уголовного преследования и судей.

Законодатель Республики Казахстан принял решение отказаться от стадии возбуждения уголовного дела. Однако недостаточная проработанность этого вопроса привела к тому, что ряд казахстанских ученых считает, что фактически стадия возбуждения уголовного дела существует, поскольку сохранилась доследственная (предварительная) проверка по некоторым категориям уголовных правонарушений, перечень которых законом не конкретизирован и вытекает из смысла ст.179 УПК Республики Казахстан.

Так, в соответствии с частью 1 статьи 179 УПК Республики Казахстан не подлежат регистрации заявления, сообщения или рапорт об уголовном правонарушении:

«1) в которых отсутствуют сведения о нарушениях действующего законодательства, об ущербе, о существенном вреде либо незаконном доходе, невыполнении, ненадлежащем выполнении профессиональных обязанностей медицинским или фармацевтическим работником, неоказании медицинской помощи больному лицом, обязанным ее оказывать, нарушении порядка проведения клинических исследований и применения новых методов и средств профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, подтвержденные актами проверок, ревизий, аудита и другими, когда их наличие является обязательным признаком уголовного правонарушения;

2) о нарушениях, основанных на неисполнении или ненадлежащем исполнении гражданско-правовых сделок, совершенных в письменной форме и не признанных судом недействительными, мнимыми или притворными» [4].

Такой не конкретизированный подход и отсутствие прямой регламентации на обязательность назначения судебной экспертизы привел к ряду нарушений, когда следователи стали практиковать использование «липových заключений специалиста» для регистрации заявлений и сообщений о совершенных экономических уголовных правонарушений в ЕРДР.

Ошибочно говорить о том, что оперативно-розыскная деятельность интегрирована в отечественный уголовный процесс в виде негласных следственных действий. Скорее всего, негласные следственные действия представляют собой не характерный для уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан институт. Возникли коллизии, поскольку ряд негласных следственных действий предусмотрен в качестве негласных оперативно-розыскных мероприятий в законе Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» [5]. Практика показывает, что наличие диспозитивных норм в УПК Республики Казахстан позволяя избегать проведение негласных следственных действий, делая эти нормы нежизнеспособными.

Список использованных источников:

1. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953>

2. Новый закон разработан с соблюдением интересов всех участников уголовного процесса. – URL: <https://ortcom.kz/ru/novosti/1685362417>

3. Трехзвенная модель уголовного процесса. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-osnovaniyam-teorii-dokazatelstv-v-sostyazatelnom-ugolovnom-protseesse>

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&sub_id=1790000&pos=3482;-54#pos=3482;-54

5. Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15.09.1994. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000_

УДК 343.34

РОССИЙСКАЯ ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ

© Д.А. Авдеев

Тюменский государственный университет

Вопросы, касающиеся организации и взаимодействия высших органов государственной власти Российской Федерации по-прежнему являются весьма дискуссионными, а в свете конституционных поправок 2020 года, остаются самими обсуждаемыми в последнее время среди ученых-конституционалистов. Функционирование высших органов государственной власти – Президента, Правительства, палат Федерального Собрания и Конституционного Суда Российской Федерации позволяет выявить особенности их организационной деятельности, показать специфику их взаимоотношений в сфере государственного управления, что в свою очередь, дает основания говорить о характеристике российской формы правления.

Однако, определить к какому виду следует относить сложившуюся форму правления Российской Федерации затруднительно в силу ряда обстоятельств. Высказываемые различные мнения о российской форме государственного правления можно поделить на несколько групп. Одни считают, что Российская

Федерация представляет собой президентскую республику [5], другие полагают, что ее можно относить к смешанной (полупрезидентской) республике [6, с. 292], третьи рассматривают ее как суперпрезидентскую республику [3, с. 40]. Сопоставление высказываемых точек зрения невольно наталкивает на вопрос – почему при характеристике организации высших органов государственной власти Российской Федерации, анализе их конституционно-правового статуса, взаимодействии друг с другом, исследователи приходят к различным выводам относительно вида формы государственного правления? Видимо те или иные свойства, признаки (черты) отечественной системы организации высших органов власти и управления не позволяют со всей долей очевидности и однозначности отнести российскую форму правления к тому или иному виду. Попытаемся в рамках данной статьи ответить на вышеуказанный вопрос и определить в чем же заключаются специфика модели современной российской формы правления и что же порождает различные мнения среди ученых.

Известно, что в основе любой классификации лежат те или иные критерии (основания). В настоящее время, традиционно, республика, как форма государственного правления, подразделяется на президентскую, парламентскую и смешанную. При этом ключевыми отличиями их друг от друга выступает способ избрания президента, порядок формирования правительства и его политическая ответственность. Однако, наряду с указанными видами республиканской формы правления выделяют полупрезидентскую, полупарламентскую, президентско-парламентскую, парламентско-президентскую, президентско-парламентскую, суперпрезидентскую и др. При этом становится не понятным являются ли подобные наименования республиканской формы правления самостоятельными видами, используемые наряду с президентской, парламентской и смешанной республиками, или же они представляют собой их разновидности? Полагаем, что это является одной из причин путаницы в определении вида отечественной формы правления.

По нашему мнению, президентская и парламентская республики представляют собой два вида республиканской формы правления, которые отличаются, главным образом, способом избрания главы государства и порядком формирования высшего коллегиального органа исполнительной власти – правительства, его политической ответственностью. Все же остальные вариации республиканских форм правления, в том числе и приведенные выше представляет собой синтезированные разновидности президентской и парламентской республик, так как заимствуют их признаки, что, в конечном итоге и, приводит к появлению новых моделей организации системы высших органов власти [2, с. 66-67]. Следовательно, смешанная республика – это не

самостоятельный вид республиканской формы правления, а всего лишь обобщенная характеристика формы правления того или иного государства, которая включает себя признаки как президентской, так парламентской республик. При этом особенности национального колорита политико-правового, социально-экономического свойства, равно как и другие обстоятельства (размер территории, историческое развитие государственности, правовая культура граждан, ментальность, культурно-духовная составляющая общества и пр.) не могут не откладывать свой отпечаток на модель организации высших органов государственной власти и управления. Таким образом, по нашему мнению, президентская форма правления, используемая в различных странах всегда будет отличаться теми или иными особенностями, что позволяет говорить о национальных моделях президентской республики. Иными словами, существует американская модель президентской республики, бразильская, аргентинская и т.д., и т.п.

Юридическая путаница с определением вида российской формы правления заключается еще и в том, что при ее анализе смешиваются юридическая конструкция организации высших органов государственной власти, которая отражена в тексте Конституции Российской Федерации с одной стороны и, сложившаяся правоприменительная практика их функционирования в действительности. В частности, согласно ч. 1 ст. 111 Конституции Российской Федерации Председатель Правительства назначается Президентом после утверждения его кандидатуры Государственной Думой, а в соответствии с ч. 2 ст. 112 Председатель Правительства представляет на утверждение Государственной Думе кандидатуры своих заместителей и федеральных министров, за исключением тех, которые непосредственно назначаются Президентом. Следовательно, этот факт, позволяет рассматривать Российскую Федерацию как смешанную (полупрезидентскую) республику, так как Правительство формируется и Президентом, и Думой. Однако, анализируя положения конституционного текста, можно сделать иной вывод. Так, не утверждение Думой кандидатуры Председателя Правительства не препятствует Президенту назначить Председателя Правительства при этом, предоставляя ему право на роспуск Государственной Думы. Таким образом, в любом случае решающее слово остается за Президентом, который фактически самостоятельно формирует Правительство Российской Федерации.

Возможность выражения недоверия Правительству Государственной Думой можно также расценить как элемент смешанной республики. Однако, как следует из положений статьи 117 Конституции Российской Федерации, как и при формировании Правительства, последнее, оно же, решающее слово, остается за

главой государства. Так, Президент может не согласиться с вотумом недоверия, выраженным Государственной Думой, а в случае повторного выражения недоверия в течение трех месяцев, Президент вправе принять одно из двух альтернативных решений или распустить Государственную Думу или же отправить в отставку Правительство. При этом вероятность отставки Правительства весьма незначительна.

Вышеизложенное позволяет говорить о том, что нет ничего смешанного в российской форме правления, что позволяло бы характеризовать ее как полупрезидентскую. Для разновидностей смешанной формы правления существенным признаком является совместное формирование персонального состава правительства и его ответственность как перед президентом, так и перед парламентом (одной из его палат). Премьер-министр в смешанной республике является самостоятельной политической фигурой, находящейся вне президентского и парламентского непосредственного контроля. Таким образом, можно резюмировать, что порядок формирования Правительства и решение вопроса об отставке Правительства находится в компетенции Президента, является его прерогативой. В этом случае подобное положение вещей позволяет характеризовать российскую форму правления как президентскую республику.

Однако, анализ других признаков формы правления Российской Федерации, выражающийся в особенностях функционирования и взаимодействия высших органов власти и управления свидетельствуют о том, что отечественная форма правления не соответствует президентской республике по следующим причинам. Во-первых, в президентской республике отсутствует должность премьер-министра, так как правительство возглавляет сам президент, который и организует его работу. Во-вторых, президент не обладает правом законодательной инициативы, в силу того, что представляет исполнительную власть, а соответственно, не может вносить законопроекты в парламент. В-третьих, президент не вправе распустить парламент или одну из его палат. В-четвертых, организация высших органов власти в президентской республике функционирует на основе концепции разделения властей, которая предполагает создание системы сбалансированного невмешательства в организацию и деятельность иных высших органов государственной власти, осуществляющих государственное управление с элементами взаимного контроля.

Вышеизложенные обстоятельства, как видно, не позволяют относить отечественную форму правления к президентской республике. Гипертрофированные полномочия российского главы государства, которые признаются подавляющим большинством ученых [4, с. 106] позволяют

рассматривать ее как суперпрезидентскую. Однако, на наш взгляд, форма правления не может считаться суперпрезидентской, если она не отвечает признакам президентской республики. Ведь, словообразование «суперпрезидентская» предполагает ярко выраженные характеристики президентской республики. Иначе в основе выделения «суперпрезидентской» республики лежат иные критерии и основания, которые ее отличают от известных видов или же разновидностей республик. Однако, особенности суперпрезидентской республики сводятся авторами лишь к чрезмерному политико-правовому доминированию Президента в системе государственного управления. При это конкретные критерии или существенные признаки выделяемой им формы правления, не называются.

Ранее, автор данных строк характеризовал сложившуюся форму правления как республиканский монархизм в основе которой лежат принципы единовластия и централизации, характеризующуюся большим объемом прерогатив главы государства; дисбалансом в распределении властных полномочий между высшими органами государственной власти, отсутствием полноценной системы сдержек и противовесов; сосредоточением политической власти в одном центре, наличием специфичной системы формирования органов публичной власти, обеспечивающей интересы правящей элиты [1, с. 58]. Подобная характеристика отечественной формы правления «выбивается» из существующей классификации форм правления, что делает затруднительным процесс ее идентификации. Иными словами, исходя из существующей классификации форм государственного правления на президентскую и парламентскую форму правления Российской Федерации нельзя отнести ни к президентской, ни к смешанной, ни к суперпрезидентской.

Итак, заимствование признаков президентской и парламентской республик приводит к появлению гибридных их разновидностей, а соответственно и к многообразию национальных моделей организации высших органов государственной власти в том или ином государстве, что в свою очередь, затрудняет их классификацию по известным критериям или же основаниям. В таком случае возникает необходимость в использовании иных подходов к классификации современных форм государственного правления в основе которых будут лежать новые (дополнительные) критерии их разграничения. К числу таковых, как нам кажется, можно отнести то как происходит распределение государственно властных полномочий между высшими органами власти и управления, сколько центров политического управления при этом образуется. Данный подход, по нашему мнению, позволит несколько иначе взглянуть на группирование стран по формам правления. Кстати, само деление

форм правления на монархии и республики в настоящее время в большей степени имеет номинальный характер и, как таковое представляется несколько архаичным, так как не в полной мере отвечает современному их восприятию. Например, по уровню развития демократических институтов и степени народовластия парламентские монархии мало чем отличаются от парламентских республик. Разница между ними заключается лишь в способе формирования главы государства.

Исследование конституционно-правового статуса высших органов государственной власти Российской Федерации, принципов их взаимодействия и функционирования позволили выявить некоторые существенные признаки, которые позволяют характеризовать российскую модель формы правления как конституционную монархию, отличительными чертами которой является: сосредоточение (концентрация) властных полномочий в одном политическом центре, возглавляемым главой государства, нахождение Президента вне системы разделения властей, осуществление Президентом общего руководства Правительством, дихотомия федеральной исполнительной власти, юридическая и политическая ответственность Правительства перед Президентом.

Список использованных источников:

1. Авдеев Д.А. Республиканский монархизм или конституционализация российской формы правления // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 3. Право. С. 54-62.
2. Авдеев Д.А. Так какая же форма правления в России? Часть I // Государство и право. 2023. № 8. С. 64-73.
3. Кондрашев А.А. Суперпрезидентская республика в России: миф или реальность? // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2018. № 6. С. 34-42.
4. Конституционное право России: учеб. /отв. Ред. А.Н. Кокотов и М.Н. Кукушкин. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. – 544 с.
5. Навальный С.В., Александрова К.И. Россия – президентская республика: конституционно-правовое исследование // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2020. № 1 (15). С. 91-101.
6. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М., 1998. – 448 с.

УДК 343.9

**О КОРРУПЦИОННЫХ РИСКАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ
ОБЕСПЕЧЕНИИ ВЫБОРОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И МЕССЕНДЖЕРОВ С МАССОВО-
КОММУНИКАТИВНЫМ ФУНКЦИОНАЛОМ**

© Е.А. Акунченко

Сибирский федеральный университет

Демократические выборы представляют собой одну из основ конституционного строя Российской Федерации. В силу своей значимости для системы государственного управления избирательный процесс подвергается существенному негативному воздействию, которое направлено на воспрепятствование свободному волеизъявлению граждан или искажение результатов голосования в пользу заинтересованных в этом лиц. В специальной литературе подчеркивается, что «реальное положение дел в области охраны избирательных прав человека свидетельствует о распространенности и массовости нарушений, в том числе и преступлений, совершаемых в ходе выборов» [28, с. 6].

Одной из актуальных угроз безопасности института народовластия выступает коррупция в избирательном процессе. Широкое распространение данного негативного социального явления нарушает реальную политическую конкуренцию, снижает уровень доверия населения к процессу формирования власти посредством выборов, способствует коррумпированию будущих представителей органов власти, а также проникновению во власть криминальных элементов и пр. [9, с. 322]. На сегодняшний день проблемам познания и предупреждения коррупции в избирательном процессе посвящены труды множества исследователей [2; 3; 5; 6; 8; 12–17; 20; 22; 29; 30]. Вместе с тем в условиях всеобъемлющей цифровой трансформации возрастает необходимость научного поиска перспективных направлений развития антикоррупционной деятельности в сфере электоральных отношений. Полагаем, что к числу актуальных следует отнести идентификацию и устранение коррупционных рисков в сфере информационного обеспечения выборов.

Информационное обеспечение выборов представляет собой важный элемент избирательной системы, который одновременно может рассматриваться в качестве объекта охраны и источника опасности [19]. С одной стороны, распространение социально значимой информации об избирательном процессе и его непосредственных участниках является неотъемлемым условием

формирования политических предпочтений граждан, а также их осознанного волеизъявления. С другой – на сегодняшний день различные средства массовой коммуникации активно используются в качестве ретранслятора недостоверной информации в целях манипулирования общественным мнением. В период избирательной кампании роль информационного воздействия существенно возрастает, поскольку от результатов голосования зависит не только персональный состав органов народного представительства, но и готовность избранных должностных лиц действовать в интересах многонационального народа Российской Федерации – носителя суверенитета и единственного источника власти в нашей стране.

Незаконная агитация и иные злоупотребления в сфере информационного обеспечения выборов относятся к числу наиболее распространенных форм коррупции в избирательном процессе [11, с. 49–50]. Кроме того, в специальной литературе отмечается, что одну из самых многочисленных групп субъектов коррупции в избирательном процессе образуют организации, осуществляющие выпуск средств массовой информации (далее – СМИ), и их представители: «Именно на них избирательным законодательством возлагается обязанность информационного обеспечения выборов в соответствии с предъявляемыми к такому обеспечению требованиями. Однако на практике, исходя из содержания только информационных материалов, можно безошибочно определить, кого поддерживает то или иное СМИ. Нередко даже неоднократно привлекаемые к административной ответственности за нарушение порядка и правил проведения предвыборной агитации, СМИ продолжают проводить незаконную предвыборную агитацию» [10, с. 36].

Как известно, в современных условиях основные информационные потоки в рамках избирательной кампании сосредоточены в интернет-пространстве. В частности, результаты самооценки респондентов в ходе июльского опроса ВЦИОМ показывают, что 86 % россиян, пользующихся хотя бы одной социальной сетью или мессенджером, проводят в них время практически ежедневно [25]. Специалисты подчеркивают, что данное обстоятельство должно учитываться в электоральной практике участников избирательного процесса, реализующих свои субъективные избирательные права, а также при применении права избирательными комиссиями, судебными и иными уполномоченными органами [26]. Вместе с тем действующее нормативно-правовое регулирование информационного обеспечения выборов не в состоянии обеспечить безопасность избирательного процесса от угроз, связанных с использованием средств массовой коммуникации, не имеющих статуса СМИ в традиционном их понимании.

В настоящий момент значительный объем социально значимой информации о выборах распространяется посредством социальных сетей и мессенджеров с массово-коммуникативным функционалом (например, Telegram-каналов), которые не являются сетевыми изданиями в соответствии с абз. 16 ст. 2 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», а следовательно, не могут быть привлечены к юридической ответственности за нарушение порядка участия средств массовой информации в информационном обеспечении выборов, референдумов, общероссийского голосования (ст. 5.5 КоАП РФ). Фактически они имеют все необходимые признаки СМИ (за исключением государственной регистрации), а именно осуществляют периодическое распространение массовой информации под постоянным наименованием (названием). Более того, зачастую отдельные аккаунты в социальных сетях и мессенджерах имеют прямую аффилиацию с зарегистрированными СМИ, а распространяемый посредством них контент модерируют одни и те же лица. Но при этом деятельность таких интернет-сообществ по информированию избирателей носит квазизаконоуловительный характер.

Особую общественную опасность в данном случае представляет возможность использования социальных сетей и мессенджеров с массово-коммуникативным функционалом в целях организованного распространения дезинформации о ходе отдельной избирательной кампании или дискредитации избирательной системы в целом для создания обстановки напряженности в обществе и дестабилизации процессов государственного управления. Как пишет Г. Н. Горшенков, криминогенный эффект массовой коммуникации «есть результат массово-коммуникативного воздействия, который выражается в негативном отношении адресата к нравственно-правовым ценностям, социальным нормам и обуславливает антиобщественную, противоправную мотивацию либо провоцирует преступное поведение» [4, с. 95]. Деструктивный потенциал такого воздействия не стоит недооценивать, поскольку мировой опыт наглядно свидетельствует о ведущей роли средств массовой коммуникации в реализации сценария «цветных революций» [21, с. 85].

Сложившаяся ситуация усугубляется также тем, что массово-коммуникативный ресурс социальных сетей и мессенджеров в ходе выборов может быть с успехом использован за счет незаконного финансирования избирательных кампаний. Отсутствие статуса СМИ и, как следствие, анонимность владельцев и администраторов таких интернет-сообществ позволяют заинтересованным участникам избирательного процесса оплачивать распространение недостоверной информации и незаконных агитационных материалов. Ведущую роль в реализации данной формы коррупционного

поведения играет избирательный штаб, через который осуществляется привлечение и последующее распределение как официального избирательного фонда, так и «черной кассы» в целях финансирования применения «грязных» избирательных технологий, в том числе направленных на подкуп СМИ и иных средств массовой коммуникации [7, с. 35]. При этом в условиях скоротечности избирательной кампании установление виновных лиц и пресечение их деятельности является крайне затруднительным.

На необходимость скорейшей правовой регламентации сетевых отношений, в том числе в избирательном процессе, исследователи обращали внимание еще двадцать лет назад [18, с. 29]. Информация об инициативах в сфере нормативного оформления деятельности социальных сетей и мессенджеров с массово-коммуникативным функционалом все чаще появляется в новостных сообщениях [27]. Вместе с тем перспектива распространения статуса СМИ и, как следствие, не только их прав, но и обязанностей на популярные ныне средства массовой коммуникации является достаточно отдаленной. Поэтому, учитывая назревшую потребность активизации предупреждения противоправного поведения субъектов информационного обеспечения выборов, необходимо обратить внимание не только на меры воздействия, которые связаны с ограничением поведения физических и юридических лиц, но и на меры, направленные на стимулирование социально полезного правомерного поведения. Следует согласиться с позицией о том, что более актуальной представляется выработка стандарта (этических правил) использования сети Интернет при проведении выборов и референдумов, для чего необходима поддержка как государства, так и широкого спектра политических сил [24, с. 47]. Примечательно, что меры этической ответственности за распространение недостоверной информации в Telegram-каналах, аффилированных с зарегистрированными СМИ, уже использовались в практике Избирательной комиссии Красноярского края [23].

Подводя итог, отметим, что в условиях тотальной цифровизации процессов социальной коммуникации система обеспечения антикоррупционной безопасности избирательного процесса должна учитывать уязвимость существующих механизмов нормативно-правового регулирования информационного обеспечения выборов [1]. Идентификация коррупционных рисков в сфере информационного обеспечения выборов, а также разработка эффективных мер, направленных на их устранение, будут способствовать укреплению институтов народовластия и обеспечению устойчивости избирательной системы к внешнему несанкционированному воздействию. Данное обстоятельство представляется особенно важным с учетом тех

внешнеполитических вызовов, которые на сегодняшний день стоят перед Российской Федерацией.

Список использованных источников:

1. Акунченко Е.А., Дамм И.А., Щедрин Н.В. Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы // Национальная безопасность / Nota Bene. 2018. № 1. С. 49–71.

2. Алмиева А.А. О некоторых аспектах противодействия коррупции в избирательном процессе // Право и политика. 2020. № 1. С. 65–71.

3. Астанин В.В. О подкупе и регулятивных возможностях благотворительности в период предвыборных кампаний // Закон и право. 2003. № 4. С. 13–15.

4. Горшенков Г.Н. Массово-коммуникативное воздействие на криминологическую ситуацию (региональный аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук / Г. Н. Горшенков. – Н. Новгород, 1997. – 441 с.

5. Девицкий Э.И., Жмуров Д.В. Подкуп избирателей: взгляд криминолога // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 2. С. 289–298.

6. Зайцева О.В. Административный ресурс в избирательных кампаниях как форма проявления коррупции // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 3. С. 19–24.

7. Зырянова И.А. Избирательный штаб кандидата – субъект коррупции в избирательном процессе? // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 32–37.

8. Зырянова И.А. К вопросу о понятии коррупции в российском избирательном процессе // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 561–563.

9. Зырянова И.А. Коррупция и ее негативные последствия в российском избирательном процессе // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом : материалы научно-практической конференции. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015. – С. 320–323.

10. Зырянова И.А. Основные субъекты коррупции в избирательном процессе // Мир юридической науки. 2013. № 10–11. С. 33–38.

11. Зырянова И. А. Основные формы коррупции в избирательном процессе // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 45–50.

12. Игнатенко В.В. Подкуп избирателей как коррупционное административное правонарушение // Академический юридический журнал. 2014. № 3. С. 24–28.

13. Илий С.К. Мониторинг электоральной коррупции в России // Мониторинг правоприменения. 2017. № 1. С. 18–22.

14. Кабанов П.А. Основные виды электоральной преступности в современной России // Следователь. 2004. № 12. С. 39–42.

15. Какителашвили М.М. Прозрачность финансирования политических партий в сфере реализации международных актов по противодействию коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 11. С. 56–60.

16. Клейменов М.П. Два аспекта обеспечения антикоррупционной безопасности избирательного процесса // Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы : сборник научных статей. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – С. 33–38.

17. Климова Ю.Н. Коррупциогенные факторы в избирательном процессе: подходы к определению и алгоритм стратегического управленческого воздействия // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 39–48.

18. Климова Ю.Н. Преступность и массовая коммуникация в период предвыборной агитации : дис ... канд. юрид. наук / Ю. Н. Климова. – Н. Новгород, 2003. – 233 с.

19. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности : монография / под ред. Н. В. Щедрина. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2010. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/441840>.

20. Красинский В. В. Организованная преступность на выборах и в российских органах власти : монография / В. В. Красинский. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 224 с.

21. Наумов А.О. Традиционные и новые медиа как акторы «цветных революций» // Дискурс-Пи. 2018. № 3-4. С. 79–87.

22. Номоконов В.А. Государственная антикоррупционная политики в сфере защиты избирательных прав граждан // Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы : сборник научных статей. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 27–32.

23. О жалобе Черных А.С. на нарушение порядка участия средств массовой информации в информационном обеспечении выборов : Решение Избирательной комиссии Красноярского края от 09.09.2023 № 84/1034-8 // Официальный интернет-портал правовой информации Красноярского края. – URL: <http://zakon.krskstate.ru/0/doc/98042>.

24. Постников А.Е. Конституционная модель политической системы России в условиях развития «цифрового общества» // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 38-49.

25. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения // Официальный сайт ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-voivlechennost-i-predpochtenija>.

26. Турищева Н.Ю. Правовой режим распространения печатных агитационных материалов // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 4. С. 24–28.

27. Фадеев предложил приравнять Telegram-каналы к СМИ // Сетевое издание «Ведомости». – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/05/05/973933-fadeev-priravnyat-telegram-kanali-k-smi>.

28. Шапиев С.М., Соктоев З.Б., Кругленя А.Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме : научно-практическое издание / под ред. С. М. Шапиева. – М.: Центральная избирательная комиссия РФ, 2016. – 192 с.

29. Шевердяев С.Н. Актуальные направления разработки проблематики электоральной коррупции в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 12. С. 18–23.

30. Щедрин Н. В. О необходимости уголовной ответственности за продажу избирателями своих «голосов» // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 89–92.

УДК 378.342

МЕРЫ СТИПЕНДИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ

© В.В. Андрианова

*Международный Юридический Институт
Московский международный университет*

Стипендия является одной из мер социальной поддержки государства и назначается с целью стимулирования обучающихся к освоению образовательной программы. В Российской Федерации в 2023 году обучается более 590 тысяч студентов на местах, финансируемых за счет бюджетных

ассигнований. Обучающиеся на «хорошо» и «отлично», получают различные меры социальной поддержки обучающихся в вузах: государственная академическая стипендия, повышенная государственная академическая стипендия, стипендии Президента РФ и стипендии Правительства РФ; именные стипендии; государственная социальная стипендия. Студенты имеют право на получение одновременно нескольких видов стипендий, но, к сожалению, минимальный размер государственной академической стипендии установлен в 1484 рублей. Некоторые вузы за счет своего бюджета увеличивают сумму. Так, например, в МГГЭУ размер государственной академической стипендии для студентов, обучающихся на оценки «отлично» составляет 5000 рублей, а размер повышенной стипендии за достижения в общественной деятельности – 15000 рублей. В Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации размер государственной академической стипендии отличников составляет 3629 рублей. В МГЮА им. Кутафина размер повышенной государственной академической стипендии – 10 000 рублей. В регионах размеры стипендий существенно ниже несмотря на то, что в 2023 году размер стипендиального фонда запланирован на 59,3 млрд рублей. Для того чтобы студенты большую часть времени осваивали образовательную программу, а не работали, обеспечивая оплату жилья и питание, существует необходимость приравнять минимальный размер стипендии к уровню прожиточного минимума. Подобное предложение вносилось на рассмотрение в Государственную Думу РФ в 2020 году, принято не было. Установленные размеры стипендий в течение года могут варьироваться, на это влияют: сокращение субсидий федерального бюджета на стипендиальное обеспечение; увеличение количества студентов, имеющих право на получение стипендии. С решением о сокращении размеров стипендий должны быть согласны совет обучающихся и профсоюз Университета.

Оспорить природу стипендиальной выплаты пытался аспирант ИГП РАН А. Каплиев, который дважды обращался в Верховный суд РФ, оспаривал ряд НПА, устанавливающих размер стипендий аспирантам и докторантам. Отказ в удовлетворении требований был мотивирован тем, что стипендия является мерой государственной поддержки, а не заработной платой. Конституционный суд в своем определении указал, что МРОТ предназначен в качестве вознаграждения за выполнение трудовых обязанностей, а не для норматива при расчете социальных выплат. В ОЧУ ВО «МЮИ», АНО ВО «ММУ» студентам-юристам не только оказываются меры материальной поддержки, выплачивается материальная помощь, но и снижается размер платных образовательных услуг.

Несмотря на то, что стипендия является не единственной мерой поддержки и студенты юридических специальностей имеют дополнительные возможности

заработка, участвуя в конкурсах и конференциях, серьезных грантах, международных профессиональных олимпиадах, проблема стипендиальной поддержки не теряет актуальности. Университеты в рамках развития сотрудничества с будущими работодателями в лице крупных юридических компаний, адвокатских образований, могут дополнительно поддержать успешно обучающихся будущих юристов, а также развивать сотрудничество с ассоциацией выпускников, привлекая внебюджетные средства для поддержки обучающихся.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 31.12.2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

2. Постановление Правительства РФ «О формировании стипендиального фонда» от 17.12.2016 № 1390 (ред. от 28.06.2021) // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209143/.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 по делу № 1596-О // Официальный информационно-правовой портал Гарант.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70141976/>.

УДК 347.9

ЗАЩИТА ПРАВ СТУДЕНТОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В РАМКАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ ВУЗА

© В.В. Андрианова

*Международный Юридический Институт
Московский международный университет*

Юридические клиники как субъекты оказания бесплатной юридической помощи входят в негосударственную систему бесплатной юридической помощи. В соответствии со ст. 48 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, которая в случаях, предусмотренных федеральным законом, предоставляется бесплатно.

В ч. 1 ст. 23 ФЗ от 21.11.2011 №324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее — ФЗ от 21.11.2011 № 324-ФЗ) законодатель обозначил цели, для реализации которых образовательные организации высшего образования вправе создавать юридические клиники.

Министерство науки и высшего образования детализировало, что к оказанию бесплатной юридической помощи допускаются на добровольных началах студенты, проявившие личную заинтересованность в осуществлении указанной деятельности и обладающие необходимым уровнем общекультурных и профессиональных компетенций, сформированных в процессе освоения соответствующих образовательных программ.

Учитывая особенности конкретной образовательной организации возможно создание индивидуальной модели функционирования юридической клиники. Так, юридический факультет МГГЭУ располагает значительными ресурсами и специализируется на защите прав инвалидов. Наиболее часто обращения поступают по вопросам предоставления дополнительной жилплощади инвалидам, жилья детям-сиротам, земельных участков инвалидам, обеспечения бесплатными лекарственными средствами, предоставления санаторно-курортных путевок, возможности получения компенсации за самостоятельно приобретенное средство технической реабилитации. Подобный опыт не только позволяет студентам глубже проникнуть в изучаемые отрасли права, но еще на стадии обучения в вузе определиться с будущим направлением профессиональной деятельности и потенциально рассчитывать на дальнейшее успешное трудоустройство. Принципиально важно расширить назначение и возможности юридических клиник, уйдя от выполнения сугубо учебных задач, сделать юридические клиники практикоориентированными. Одна из самых сложных категорий дел – оспаривание решений медико-социальной экспертизы по установлению или изменению группы инвалидности, так называемому «снятию» инвалидности при отсутствии положительных изменений в состоянии здоровья и невозможности излечения. Возникает необходимость получения доступа к документам, содержащим врачебную тайну. Несмотря на то, что инвалидам должна оказываться бесплатная юридическая помощь адвокатами, многочисленны случаи отказа в предоставлении такой помощи, в том числе ввиду того, что ответчиками по административным искам являются администрации, министерства, бюро медико-социальной экспертизы, значимые органы исполнительной власти субъектов федерации. Внедрение цифровых технологий работу бюро медико-социальной экспертизы, создание единого портала, электронный документооборот облегчает процедуру обжалования из

действий и решений, позволяет студентам-клиницистам активно включаться в деятельность по защите прав инвалидов.

Список использованных источников:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>

2. Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. 24.06.2023) // СЗ РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6725.

3. Приказ Минобрнауки России «Об утверждении Порядка создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи» от 28.11.2012 № 994 // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>

УДК 343

НОРМА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ОСОБО ЦЕННЫЕ РАСТЕНИЯ И ГРИБЫ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

© Е.Ю. Антонова

*Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

Согласно Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 17.02.2014 № 212-р) редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и грибов играют важную роль в различных экосистемах и являются индикаторами состояния природных экосистем. Основными причинами перехода видов растений и грибов в категорию редких и находящихся под угрозой исчезновения являются деградация и сокращение мест обитания в результате масштабного хозяйственного освоения территорий и прямое преследование со стороны человека. Серьезную угрозу для многих видов растений и грибов представляют

глобальные климатические изменения, последствия влияния которых до конца не изучены.

О посягательствах на особо ценные растения и грибы в науке уголовного права уже высказывались неоднократно, однако серьезных исследований до сих пор не проводились. Вместе с тем, важность применения мер правового, в том числе уголовного правового воздействия, за незаконные действия в отношении данных предметов обусловлена тем, что таковые угрожают уничтожению и исчезновению многих видов, создавая серьезные проблемы с сохранением дикой флоры, а также влекут ухудшение функционирования экосистемы.

Проблема незаконной торговли объектами дикой флоры и фауны – международная. По оценке экспертов, по «рентабельности» она занимает второе место после наркоторговли [2, с. 12-16]. Глобализация рынка международной торговли с развитием сети Интернет привела к значительному расширению рынков сбыта, в том числе и нелегально добытых растений [3, с. 98-111]. Экзотические и дикие растения собирают и продают по всему миру, чтобы использовать их части и производные для различных целей, в том числе в качестве фармацевтических препаратов, косметических продуктов и продуктов питания. Наряду с легальной торговлей растениями и их производными прибыльность этого рынка способствовала росту незаконной торговли, когда исчезающие виды продаются в нарушение Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС). Интернет еще больше увеличил незаконную торговлю растениями и их производными, облегчив связь спроса и предложения и превратив ее в настоящий гибридный (онлайн и офлайн) рынок. В свою очередь правоохранительные органы имеют ограниченные возможности обучения, у них отсутствует оборудование и достаточный опыт для эффективного противодействия незаконной торговле посредством цифровых технологий [6, р. 428-450].

Нормы об ответственности за посягательства на данные предметы в российском уголовном законодательстве появилась лишь в 2023 году и с учетом изложенных выше обстоятельств являются социально обусловленными. Статья 2261 УК РФ (Контрабанда) дополнена таким предметом как особо ценные дикие растения и грибы. Кроме того, УК РФ был дополнен статьей 2601, регламентирующей ответственность за умышленные уничтожение или повреждение, а равно незаконные добычу, сбор и оборот особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами

Российской Федерации. Перечень данных предметов для применения названных норм, утверждается Правительством РФ.

Остановимся подробнее на статье 2601 УК. Структурно данная норма полностью соответствует ст. 2581 УК, в которой речь идет о незаконном обороте особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, повторяя все технические с законодательной точки зрения огрехи.

В качестве предмета данного преступления законодатель называет особо ценные растения и грибы, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ, их продукты, части и дериваты (производные). Объективная сторона преступления, описанного в ч. 1 нормы, включает совершение таких альтернативных деяний как уничтожение или повреждение до степени прекращения роста особо ценных растений и грибов, а также незаконные добыча, сбор, приобретение, хранение, перевозка, пересылка или продажа таких растений и грибов, их продуктов, частей и дериватов (производных). Состав формальный, преступление окончено с момента совершения любого из перечисленных деяний. Субъективная сторона – прямой умысел. Субъект – лицо, достигшее 16 лет. Данное преступление законодатель отнес к категории средней тяжести (максимальное наказание до 4 лет лишения свободы).

В ч. 2 нормы указывается на совершение таких деяний как незаконные приобретение или продажа указанных в ч. 1 предметов с использованием СМИ либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе в сети «Интернет». Преступление средней тяжести (до 5 лет лишения свободы).

Часть 3 регламентирует квалифицированный состав преступления по отношению к деяниям, описанным в ч. 1. Таким образом, совершение указанных в ч. 1 деяний лицом с использованием своего служебного положения (п. а) или с публичной демонстрацией, в том числе в СМИ или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») (п. б) образует тяжкое преступление (до 6 лет лишения свободы).

Остановимся на цифровом способе совершения рассматриваемого преступления.

В ч. 2 законодатель указывает на использование цифровых площадок в процессе совершения таких незаконных деяний как приобретение или продажа, а в ч. 3 – на совершение всех перечисленных в ч. 1 деяний, в том числе приобретения или продажи с публичной демонстрацией на цифровых площадках. В чем разница между использованием данных площадок и демонстрацией деяний на этих площадках законодатель не поясняет.

Комментируя аналогичные квалифицирующие признаки в ст. 2581 УК некоторые авторы полагают, что признак «с использованием» указанных площадок следует применять случаям, когда они используются для обеспечения совершения деяния (например, достижение соглашения на совершение сделки, оплата посредством электронных средств платежей, размещение рекламы в СМИ или информационно-телекоммуникационных сетях). В случае же, когда на этих площадках публично демонстрируется процесс или результат приобретения и продажи предмета преступления, содеянное следует квалифицировать по признаку «с демонстрацией» на данных площадках [5, с. 53-59]. Полагаю, что предложенный вариант решения сложившейся конкуренции не решает создавшуюся проблему, о чем свидетельствует судебно-следственная практика применения аналогичных признаков в рамках расследования и рассмотрения в суде уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 2581 УК, когда идентичные деяния квалифицируются по разным частям ст. 2581 УК [1, с. 164-169].

Парадоксальной выглядит и ситуация, когда законодатель устанавливает выше срок лишения свободы (от 3 до 7 лет лишения свободы, увеличивая не только верхний, но и нижний предел наказания) за совершение незаконных приобретения или продажи «с использованием» цифровых площадок лицом, использующим свое служебное положение (ч. 4), чем за совершение этим же субъектом всех перечисленных в ч. 1 деяний, в том числе приобретение или продажу «с демонстрацией» на указанных площадках (ч. 3 – до 6 лет лишения свободы, нижний предел наказания в санкции не указан).

Аналогичная ситуация складывается и с оценкой степени общественной опасности рассматриваемых деяний, совершенных в соучастии (группой лиц по предварительному сговору или организованной группой). Совершение в соучастии деяний, описанных в частях 1 и 3 (в том числе «с демонстрацией» на цифровых площадках), влечет за собой наказание от 5 до 8 лет лишения свободы (ч. 5), а в ч. 2 и 4 (то есть «с использованием» цифровых площадок) – от 6 до 9 лет лишения свободы (ч. 6).

Основная цель дифференциации уголовной ответственности – это «достижение максимального учета при закреплении уголовно-правовых норм степени и характера общественной опасности преступления» [4, с. 14]. Изложенное, на наш взгляд, демонстрирует не верную оценку законодателем степени общественной опасности деяний, что влечет за собой нарушение принципов справедливости и равенства граждан перед законом. Полагаем, что степень общественной опасности деяний, описанных в ст. 2601 УК, в случае «использования» цифровых площадок, равно как и при «демонстрации» деяний

на них является равнозначной и не требует такой дифференциации уголовной ответственности, которую произвел законодатель.

Конструкция новой нормы, вступающей в силу 12 октября 2023 г., в очередной раз демонстрирует нарушение сбалансированности процессов криминализации и пенализации, которые носят хаотичный, бессистемный характер. Представленные в ней конструкции создадут проблемы в процессе ее правоприменения.

Список использованных источников:

1. Антонова Е.Ю. Уголовная политика в сфере охраны особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов // Байкальский природоохранный форум: сборник статей I (X) Международной научно-практической конференции, Иркутск, 09 июня 2023 года. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2023. С. 164–169.

2. Диканова Т.А. Проблемы борьбы с незаконной торговлей дикими животными и растениями, находящимися под угрозой уничтожения // Экологическое право. 2023. № 1. С. 12–16.

3. Редникова Т.В. Организованная экологическая преступность в России и за рубежом: криминологическая характеристика и меры противодействия // Lex russica. 2018. № 9. С. 98–111.

4. Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Е.В. Рогова. – Москва, 2014. – 55 с.

5. Рогова Е.В., Забавко Р.А. Новое в законодательстве об ответственности за экологические преступления // Уголовное право. 2018. № 5. С. 53–59.

6. Lavorgna A., Middleton S.E., Pickering B., Neumann G. FloraGuard: Tackling the Online Illegal Trade in Endangered Plants Through A Cross-Disciplinary ICT-Enabled Meth-odology // Journal of Contemporary Criminal Justice. 2020. Vol. 36(3). P. 428–450.

УДК 347.232

ПРИОБРЕТЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ ИМУЩЕСТВА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО НЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЕГО ПРИОБРЕТЕНИЯ НА ЗАКОННЫЕ ДОХОДЫ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА

© И.С. Богданова

Сибирский федеральный университет

С конца 2013 года статья 235 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) была дополнена новым основанием прекращения права частной собственности, в силу которого принудительное изъятие у собственника имущества может быть произведено в результате обращения по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством РФ о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные (пп.8 п.2 ст.235 ГК РФ).

«Во многих странах такое правонарушение называют незаконным обогащением и относят к категории уголовных преступлений, в которых предусматривается уголовная ответственность «за необъяснимое увеличение благосостояния государственного служащего, находящегося в должности» [2, с. 24]. В российском законодательстве подобное деяние не образует состава преступления или административного правонарушения, но может повлечь негативные правовые последствия.

Так, Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 03.12.2012 №230-ФЗ закрепляет обязанность «лица, замещающего (занимающего) или замещавшего (занимавшего) указанные в нем должности, в установленные сроки:

- представлять сведения о доходах, об имуществе, об обязательствах имущественного характера, о своих расходах, о расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей,

- а также по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровых финансовых активов, цифровой валюты, совершенной им, его супругой (супругом) и (или) несовершеннолетними детьми

- в течение календарного года, предшествующего году представления сведений,

- если общая сумма таких сделок превышает общий доход данного лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих отчетному периоду, и об источниках получения средств, за счет которых совершены эти сделки».

Если в ходе осуществления контроля за расходами такого лица, а также за расходами его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей будут выявлены обстоятельства, свидетельствующие о несоответствии расходов указанных лиц их общему доходу, Генеральный прокурор РФ или подчиненные ему прокуроры в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обращаются в суд:

- с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровых финансовых активов, цифровой валюты, в отношении которых данным лицом не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы,

- или об обращении в доход Российской Федерации денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества, если его обращение в доход Российской Федерации невозможно (п.2 ст.17 ФЗ РФ от 03.12.2012 №230-ФЗ).

Как следует из приведенных положений, в российском праве получила закрепление специфическая законодательная модель, позволяющая обратить в доход государства имущество, в отношении которого физическое лицо не может предоставить доказательств его приобретения на законные доходы. При этом не требуется установления в действиях лица, в отношении расходов которого осуществляется контроль, признаков совершенного коррупционного правонарушения и (или) привлечение его к какой-либо публичной ответственности в установленном законом порядке. Как следствие, суды исходят из легально установленной презумпции некорректного поведения субъекта, если его расходы превышают его доходы и доказательства иного отсутствуют.

Вопрос о правовой природе рассматриваемого института в российском праве до настоящего времени остается открытым. Законодатель ушел от прямого ответа на него, Конституционным Судом РФ было предложено несколько трактовок. Так, в разное время КС РФ утверждалось, что изъятие в доход государства «незаконного обогащения» публичных лиц представляет собой:

- «форму реагирования на факты коррупционных проявлений исходя из презумпции, в силу которой несоответствие расходов законным доходам подразумевает совершение деяний именно коррупционной направленности. Совершение иных правонарушений, если они не состоят в совокупности (в том числе в идеальной) с деяниями коррупционного характера, предполагает иные меры реагирования, включая иные меры ответственности» (Постановление КС РФ от 09.01.2019 №1-П);

- «особую правовую меру, применяемую в случае нарушения лицами, выполняющими публичные функции, антикоррупционного законодательства и направленную на эффективное противодействие коррупции и защиту конституционно значимых ценностей» (Постановления КС РФ От 29.11.2016 №26-П, от 09.01.2019 №1-П; Определение КС РФ от 06.06.2017 №1163-О; Определение КС РФ от 25.04.2023 №789-О);

- «особую меру государственного принуждения, применяемую в случае нарушения лицами, выполняющими публичные функции, антикоррупционного законодательства, которая заключается в безвозмездном изъятии имущества у собственника по решению суда в связи с предполагаемым и не опровергнутым совершением государственным гражданским служащим неправомерного деяния коррупционной направленности» (Постановление КС РФ от 29.11.2016 №26-П).

В литературе также отсутствует единство мнений, как по вопросу об отраслевой принадлежности института, так и по вопросу о его сущности и природе. Так, все существующие подходы можно с определенной долей условности свести к двум основным – изъятие «незаконного обогащения» признается «разновидностью публичной конфискации» [1, с. 52-55; 2, с. 84-85,133], либо рассматривается в качестве «гражданско-правовой ответственности конфискационного типа за подозрение в коррупции (при сохранении уголовной конфискации за совершение доказанного коррупционного преступления)» [3, с. 156-157].

На наш взгляд, размещение законодателем в п.2 ст.235 ГК РФ положения о возможности прекращения права частной собственности физического лица в случае, если он не в состоянии подтвердить законность приобретения имущества, само по себе не свидетельствует о том, что мы имеем дело с формой, мерой или видом особой гражданско-правовой ответственности, по существу речь идет о специальном технико-юридическом приеме, поскольку основное назначение пп.8 п.2 ст.235 ГК РФ заключается в «легализации» нового способа принудительного изъятия частной собственности. Именно по этой причине основания, порядок и последствия лишения лица спорного имущества

содержатся в специальном федеральном законе, не входящим в систему российского гражданского законодательства (ст.3 ГК РФ).

Строго говоря, специфика состава «незаконного обогащения» исключает возможность применения к субъектам мер гражданско-правовой ответственности, поскольку в подобном случае мы не можем установить ни ее основания, ни условий. По указанным причинам следует согласиться с позицией КС РФ в том, что рассматриваемый институт действительно является специальной мерой воздействия на физических лиц, нарушающих законодательство о борьбе с коррупцией, не сводимой ни к конфискации, ни к мерам гражданско-правовой ответственности, а по существу представляющей собой меру sui generis.

Список использованных источников:

1. Арямов А.А., Руева Е.О. Проблемы применения института конфискации имущества как средства противодействия коррупции // Российский следователь. 2017. № 3. С. 52-55.

2. Зарубежный опыт конфискации денежных средств или иного имущества, приобретенных неправомочно: монография / Прасолов В.И., Фешина С.С., Николаев Д.А. и др.: под общ. ред. В.И. Прасолова. – М.: Прометей, 2021. – 232 с.

2. Скловский К.И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 11. С. 156-186.

УДК 347.19

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕСЕНИЯ ПРАВА ПОЛЬЗОВАНИЯ ИМУЩЕСТВОМ В УСТАВНЫЙ КАПИТАЛ ООО

© **О.И. Босык**

Сургутский государственный университет

Порядок формирования уставного капитала общества с ограниченной ответственностью (далее - ООО, Общество) определяется ст. 15 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон Об ООО) [10, с.4] и нормами Гражданского

кодекса РФ (далее – ГК РФ) [2, с. 5]. В настоящее время применение положений ст.15 Закона Об ООО ограничено, в связи с тем, что ее содержание противоречит положениям п. 1 ст. 66.1 ГК РФ и ст. 66.2 ГК РФ. Такое применение норм в юридической технике соответствует неоднократно озвученному Конституционным Судом РФ принципу «*Lex posterior derogat priori*» («позднейшим законом отменяется более ранний») [7, с.2]. Перечисленные нормы Закона Об ООО и ГК РФ касаются только порядка формирования уставного капитала ООО при учреждении. Противоречие между ст.66.1 ГК РФ и ст.15 Закона Об ООО заключается в том, что первая норма права закрепляет поименованный перечень видов вкладов, в который не входит право пользования имуществом. При этом каких – либо переходных положений или рекомендаций в отношении ООО, уставный капитал которых сформирован до 2014 года не содержится в Федеральном законе от 05.05.2014 № 99 «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [11, с. 3]. Такое исключение из внимания законодателя и Верховного Суда РФ перечисленных Обществ влечет проблемы в правоприменительной практике и не способствует единству нормативных актов. В частности, в вопросах процедуры и оснований досрочного прекращения права пользования имуществом, информационной обязанности участника, сроков исполнения обязательств по единовременному предоставлению компенсации (п. 3 ст. 15 Закона Об ООО).

Законодатель не раскрывает понятие разумного срока, в течение которого, по общему правилу должно быть выполнено обязательство по формированию уставного капитала. Необходимость конкретизации и определенности временных промежутков обусловлена интересами кредиторов и корпорации [6, с. 3]. Ведь последствием непредоставления компенсации является прекращение корпоративной связи, которая выражается в переходе доли в уставном капитале к ООО в пропорциональном размере неоплаченной суммы (абз. 3 п. 3 ст. 15 Закона Об ООО). Дальнейшая судьба доли определяется в соответствии со ст.24 Закона Об ООО, в частности, ее отчуждение по определенным правилам либо погашение с последующим уменьшением уставного капитала (п.п.1 – 5 ст.24 Закона Об ООО). Законодатель в отношении порядка отчуждения доли в уставном капитале, перешедшей к ООО, использует определенные временные промежутки. В частности, годичный период для распределения такой доли в уставном капитале Обществом, что вполне соответствует интересам ООО, участников и потенциальных кредиторов. Возникает вопрос о допустимости использования в обязательном отношении по предоставлению

компенсации в счет досрочно прекращенного права пользования имуществом общих положений гражданского законодательства о разумных сроках в редакции п. 2 ст. 314 ГК РФ. Временной промежуток семь дней со дня предъявления кредитором требования о его исполнении является несоразмерно коротким для корпоративных правоотношений, что вытекает из положений Закона Об ООО и особенности формирования уставного капитала. Данную продолжительность нельзя считать разумной. При определении такого срока необходимо учитывать последствия непредоставления компенсации за досрочное прекращение права пользования имуществом, внесенного в формирование уставного капитала. Интересы кредиторов нуждаются в защите, существует необходимость установить срок, в течение которого должны быть приняты соответствующие корпоративные решения. При определении продолжительности такого срока следует исходить из нескольких аспектов: незавершенность формирования уставного капитала, интересы кредиторов, процедура отчуждения доли, перешедшей к Обществу. В силу чего, этот временной промежуток может носить диспозитивный характер, но не превышать четырех месяцев как максимального периода для оплаты долей в уставном капитале.

Исследуемый вопрос о проблеме права пользования имуществом как вида вклада в уставный капитал был предметом внимания В.Ю. Абрамова, Ю.В. Абрамова [1, с. 10], Н. В. Козловой, С. Ю. Филиппова [3, с. 103], Л. А. Новоселовой [4, с. 204], И. С. Шиткиной [12, с. 6]. Однако, единого предложения по устранению пробелов в законодательстве и правоприменительной практике по исполнению информационной обязанности и сроков предоставления компенсации не выработано. Г. Д. Отнюкова в работе, посвященной внесению в уставный капитал права пользования имуществом еще в 2003 году, обратила внимание на проблему не только сроков, но и остаточной стоимости такого вклада. Передача прав владения и пользования имуществом является разновидностью арендных правоотношений, поэтому условие об оплате трансформируется в право участие [5, с. 16].

В силу чего, полагаем о допустимости заключения трехстороннего соглашения, с условиями о праве пользования таким имуществом, и формирования уставного капитала. Такая договорная конструкция позволяла бы не только осуществлять расчет размера потенциальной компенсации, но и определить срок использования, и основания для досрочного расторжения соглашения. Ведь участник, предоставивший такой вид вклада в уставный капитал до 2014 года, может не сообщить о прекращении права пользования имуществом, а ООО узнает случайно, что скажется на размере компенсации.

Если не определить размер денежного обязательства до прекращения корпоративных правоотношений до истечения срока договора, то такой участник будет рассматриваться как третье лицо с соответствующими последствиями.

Правовая категория разумный срок вызывает споры между участниками и ООО в силу разного понимания, в силу чего требуется единообразный подход к временным промежуткам в Законе Об ООО и ГК РФ в части формирования уставного капитала. Так, при рассмотрении спора о восстановлении корпоративного контроля 17 ААС и 12 ААС в отношении правовой категории разумный срок использовали по аналогии четырехмесячный период внесения вклада в уставный капитал при учреждении. Компенсация за досрочное прекращения права пользования имуществом была предоставлена в нормативный срок, в силу чего оснований для лишения лица правового статуса участника не было [8, с. 2; 9, с. 3].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы, что конструкция разумный срок в отношении предоставления компенсации за досрочное прекращение права пользования имуществом не соответствует природе корпоративных правоотношений. В силу чего, необходимы соответствующие разъяснения Верховного Суда РФ о продолжительности допустимого срока, в течение которого может быть предоставлена компенсация. Предложение о распространение максимального четырехмесячного срока оплаты доли в уставном капитале на предоставление рассматриваемой компенсации обусловлено схожестью последствий и учета интересов кредиторов.

Список использованных источников:

1. Абрамов В.Ю., Абрамов Ю.В. Корпоративное право: права и обязанности участников хозяйственных обществ: практическое пособие с судебным комментарием. М.: Юстицинформ, 2021. 356 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 октяб. 1994 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
3. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Ограничение и обременение доли в уставном капитале ООО: понятие, основания возникновения, правовые последствия // Хозяйство и право. 2022. № 5. С. 103-114.
4. Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 197-230.

5. Отнюкова Г.Д. Внесение в уставный (складочный) капитал права пользования имуществом // Законность. № 2. 2003. С.15-20.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 35 Федерального закона «Об акционерных обществах», статей 61 и 99 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Б. Борисова, ЗАО «Медиа-Мост» и ЗАО «Московская Независимая Вещательная Корпорация» // СЗ РФ. 28.07.2003. № 30. Ст. 3102.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 05.07.2004. № 27. Ст.2804.

8. Постановление 17 ААС от 20.07.2020 № 17 АП -7195/2022 – ГК по делу № 60 -2119/2022. URL: <http://www.consultant.ru/document/>.

9. Постановление 12 ААС от 06.10.2020 по делу № А 12 -13300/2020. URL: <http://www.consultant.ru/document/>.

10. Российская Федерация. Законы. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон № 14 - ФЗ [принят Государственной думой 14 января 1998 года: одобрен Советом Федерации 28 января 1998 года]. - Москва: Проспект; Санкт – Петербург: Кодекс, 1998. 120 с.

11. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон № 99 – ФЗ [принят Государственной думой 25 апреля 2014 года: одобрен Советом Федерации 29 апреля 2014]. - Москва: Проспект; Санкт – Петербург: Кодекс, 2013 60 с.

12. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах / В.А. Вайпан, А.В. Габов, Е.П. Губин и др.; под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2021. Т. 2. 486 с.

УДК 34.096

О ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ИТОГАХ АМНИСТИИ: СПАСЕНИЕ ИЛИ ПОГИБЕЛЬ ДЛЯ ОФШОРНОГО БИЗНЕСА?

© Е.Г. Бугрова

Нижегородская академия МВД России

В послании Федеральному Собранию еще в 2015 году Владимир Владимирович Путин озвучил идею об «офшорной» амнистии для капиталов [3]. В свете событий последнего года этот вопрос стал одним из крайне актуальных для предпринимательства и для нашего государства в целом. Президент поставил бизнес перед выбором: остаться на стороне Запада и быть инструментом против России или вернуться к России и помогать её развитию. Сейчас идет четвертый этап амнистии капиталов.

В сложившейся ситуации наш капитал и наш бизнес являются сильнейшим источником давления со стороны Запада. Офшорные зоны — это напоминание о том, что средства нашего капитала находятся на их территории, поэтому стоит отойти от России. Вот она политическая сторона амнистии. За счет привлечения капитала В.В. Путин надеется на поддержку.

Но есть и экономическая сторона офшорной амнистии для капиталов. Ранее при подготовке законопроекта об амнистии была рассчитана предположительная сумма и масштабы офшоризации и оценена в \$500млрд [4], хотя по подсчетам Счетной Палаты эта цифра выходила за \$900млрд из-за дополнительных неконтролируемых офшоров[5]. В свою очередь Алексей Улюкаев (на тот момент – министр экономического развития) предположил, что в будущем возможен отток капитала еще на \$90млрд. А амнистия, скорее всего, сократила бы подобный отток. Нельзя обращать наши собственные капиталы против нас самих.

Касаемо итоговых цифр амнистии капиталов. Первая часть, проведенная с 1 июля 2015-го 30 июня 2016 года – подано 7 178 специальных деклараций; вторая с 1 марта 2018 года по 28 декабря 2019 года – 11 714 специальных деклараций; третья с 1 июня 2019 года по 29 февраля 2020 года – пока неизвестно [1], однако указывают на то, что она была успешной [6], по четвертой части с 14 марта 2022 года по 28 февраля 2023 года итогов также пока нет. Можно сделать вывод о том, что люди не боятся возвращать свои активы, делают это охотно.

Что касается экономики Запада. Она обременена постоянными долгами. Процент долгов США давно ушел за 100. Способов вернуть подобные долги не

существует. На Кипре в подобной ситуации средства были возвращены из счетов и депозитов банков. Изъятие вкладов и накоплений — это наиболее быстрый и эффективный способ погашения долгов. Первый делом будут списаны средства нерезидентов и капитал офшорных компаний. Поэтому бизнес наших офшоров находится в опасности в подобной ситуации. Отсюда и предложение президента становится куда более благоприятной альтернативой. После чего, Кипр перестал входить в список офшорных зон.

Но стоит вопрос: не погубит ли подобная амнистия бизнес в офшорах? Есть множество компаний, находящихся за рубежом, которые не являются легальными на нашей территории, но в то же время они абсолютно законны на территории тех же стран Запада. Если не будет правовых гарантий их защиты, тогда и возвращаться нет смысла. Ведь при их возвращении на Родину, бизнес моментально закроют в связи с его нелегальностью. В данном случае это гибель для нашего бизнеса. Плюс ко всему необходимы какие – то дополнительные гарантии и льготы, иначе какой смысл возвращаться, если и за границей их бизнес отлично развивается?!

Амнистия может быть проведена в 2 формах. Или это налоговая амнистия, подобная попытка уже была в 2007 году, или это полная абсолютная амнистия с легализацией средств. Налоговая амнистия предполагает выплату так называемых «серых» денег с освобождением от налогов и от уголовной ответственности. А полная амнистия заключается в освобождении от уплаты любых видов налогов, в освобождении от ответственности и плюс к этому допускает другие нарушения закона.

Для предпринимателей важен сам сигнал, посыл к принятию подобного решения. Амнистия должна показать, что бизнес не на последнем месте в числе приоритетов государства. Необходимо правовое закрепление этой амнистии в конкретных источниках с гарантиями, с возможностями для смягчения ситуации, для наибольшего комфорта для бизнеса. Есть предположение, что возврату капиталов может способствовать фиксация налогового режима.

Стоит вопрос о системности амнистии. Ведь наверняка должны офшоризироваться не только денежные средства, но и собственность, и иные активы. Какая часть будет покрыта налогообложением, а какая нет? Это важный вопрос. Ведь какой смысл вывозить лишь часть капитала, а другую часть оставлять под страхом уголовного преследования?

Не секрет, что значительная часть так называемых иностранных инвестиций в российскую экономику являются иностранными лишь формально. Многие наши бизнесмены владеют активами на территории России через зарубежные компании. Смогут ли они легализовать свое прямое владение в российской

юрисдикции без угрозы дальнейшего преследования? По идее, они должны получить такую возможность.

Также важно для участников амнистии, что при возвращении валюты в Россию не будет никакого изменения валютного законодательства, ни в части хождения валюты на территории России, ни в части валютных банковских счетов, ни в части свободного вывоза задекларированного капитала и возможности совершать платежи по зарубежным адресатам.

Необходим критерий для капиталов, которые не попадают под амнистию. Некоторые из таких критериев озвучил Премьер-министр Правительства Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Медведев. Под амнистию не будут подпадать средства, полученные от наркоторговли и торговли оружием. Пожалуй, в этот список стоит включить и вырученные средства от работоторговли и от нелегальной торговли органами. Возможно еще что-то подобного рода. Важно чтобы этот список был законодательно закреплён, четко систематизирован, был однозначным и закрытым, чтобы не было возможности неправильного толкования, а также обхождения закона. Остальные активы не должны не при каких условиях стать предметом преследования, кроме как на основании попадания в тот самый закрытый список.

Формат и реализация амнистии должны стать вопросом для активной работы экспертов. Сама амнистия должна быть максимально проработана, разработан план, программа действий, прописаны последствия, гарантии и возможности, защита и все прочие вопросы, связанные реализацией амнистии. Всё должно быть рассмотрено и разработано до мелочей, чтобы у офшорного бизнеса не возникло ни единого сомнения по поводу возврата капитала на территорию Российской Федерации. Амнистия должна стать успешной, поскольку это единственный вариант на данный момент, чтобы сформировать национальную буржуазию, которая будет готова поддержать государство в эту трудную минуту. Участники первой волны стали настоящими «героями» и «первооткрывателями», хотя точного механизма действия амнистии прописано не было. Однако государство выполнило обещанные условия, в связи с чем во время второй волны произошел значительный прирост.

Амнистия должна действительно стать спасением для офшорного бизнеса. Не должно возникнуть сомнений о потере бизнеса и об уголовном преследовании. Не просто так Владимир Владимирович избрал столь либеральный путь привлечения капиталов, он старается развить программу государственной поддержки через амнистию с положительной экономической составляющей для самого государства. Поэтому я считаю офшорную амнистию

достаточно выгодной и эффективной идеей как для самого государства, так и для бизнеса.

Итак, на сегодняшний день существует ФЗ №140 «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. В нем были установлены основные положения, например, какая иностранная компания признается контролируемой, порядок предоставления уведомлений в инспекцию об участии в таких организациях и другие. Однако много моментов осталось не охваченными, и сейчас вызывает бурные обсуждения.

Список использованных источников:

1. Медведев А. Амнистия капитала: что, кому, когда и как правильно подать специальную декларацию в 2022 и 2023 году // Сайт vc.ru. – URL: <https://vc.ru/money/99675-amnistiya-kapitala-chto-komu-kogda-i-kak-pravilno-podat-specialnuyu-deklaraciyu-v-2022-i-2023-godu> .

2. О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 08.06.2015 № 140-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. Послание президента Федеральному собранию: стенограмма // Российская газета. 04.12.2014. № 278 (6550).

4. Советник президента РФ Глазьев: главный смысл работы в офшорах - уклонение от налогов // Информационное агентство ТАСС. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/828978>.

5. ФНС назвала завершающийся очередной этап амнистии капиталов успешным // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20200220/1565005331.html> (дата обращения: 31.08.2023).

6. Хроника кризисного развития. Из главных новостей 18 апреля 2011 года // Коммунистическая партия РФ. – URL: https://kprf.ru/rus_soc/90555.html.

УДК 343.2/.7

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАЗЪЯСНЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ИСТЕЧЕНИЕМ СРОКОВ
ДАВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ**

© С.И. Бушмин

Сибирский федеральный университет

Уголовный кодекс Российской Федерации – единственный законодательный акт, определяющий преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия (ч. 1 ст. 3 УК РФ). Основания для освобождения от уголовной ответственности также находятся в сфере уголовно-правового регулирования и уголовно-правовых отношений.

В соответствии с ч. 2 ст. 78 РФ сроки давности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу. Существо этого института состоит в том, что хотя само деяние и не утратило признак преступности, однако за истечением срока давности устраняется основание (возможность) его наказуемости, а потому лицо, его совершившее, не подлежит уголовной ответственности (освобождается от нее). Приведенная норма носит императивный характер и определяет последний рубеж – момент вступления приговора в законную силу. Никто не должен находиться под угрозой применения уголовной ответственности за пределами ограниченными этой нормой.

Однако при всей однозначности вышеприведенного положения в уголовно-процессуальном законе Российской Федерации содержатся прямо противоположные правила. В соответствии с ч.8 ст. 302 УПК РФ, если основание прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, указанное в п.3 ч.1 ст. 24 данного Кодекса - «истечение сроков давности уголовного преследования», обнаруживаются в ходе судебного разбирательства, то суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу. В случае, предусмотренном пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 настоящего Кодекса, суд постановляет оправдательный приговор, а в случаях, предусмотренных п.3 ч.1 ст. 24 «истечение сроков давности уголовного преследования» - обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания.

Таким образом, до вступления приговора в законную силу, вопреки нормам материального уголовного права, и несмотря на истечение срока

давности уголовного преследования, лицо может быть признано совершившим преступление на основании обвинительного приговора суда. Пленум Верховного суда РФ не пытается в своими разъяснениями устранить коллизию между материальным и процессуальным правом и продолжает дублировать возникшее противоречие в различных постановлениях.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 (ред. от 29.11.2016) "О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности" приведено, что в случае, если во время судебного разбирательства будет установлено обстоятельство, указанное в пункте 3 части 1 статьи 24 УПК РФ (истечение сроков давности уголовного преследования), а также в случаях, предусмотренных статьями 25, 25.1, 28 и 28.1 УПК РФ, суд прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование только при условии согласия на это подсудимого. При этом не имеет значения, в какой момент производства по делу истекли сроки давности уголовного преследования. Если в результате продолженного судебного разбирательства в связи с возражением подсудимого против прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования по основаниям, предусмотренным пунктом 3 части 1 статьи 24 или статьей 28.1 УПК РФ, будет установлена его виновность, суд постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания.

В другом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 07.06.2022 N 14 "О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости" подтверждается эта позиция, где в пункте 2 при разъяснении кто считается несудимым, выделено лицо в отношении которого вступил в силу обвинительный приговор с назначением наказания, от отбывания которого осужденный полностью освобожден (пункт 2 части 5 статьи 302 УПК РФ), в частности, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования (часть 1 статьи 78 УК РФ).

В теории уголовного процесса предпринимаются попытки дать подобие правового объяснения существующего противоречия. «Несогласие лица с освобождением от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности означает, что подсудимый не считает себя виновным. Поэтому вопрос о его виновности должен быть разрешен приговором суда. Однако, после того как подсудимый признан виновным обвинительным приговором суда, его уже нельзя освободить от судебного осуждения как составного элемента уголовной ответственности. В такой ситуации осужденного можно освободить только от наказания [3].

Сложившаяся ситуация в законодательном регулировании приведенной ситуации нельзя считать соответствующим конституционным основам законности. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, нормы, призванные определять порядок уголовного преследования и возложения уголовной ответственности и наказания, не могут подменять или отменять положения уголовного закона.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности означает "выраженное в акте компетентного государственного органа решение освободить лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, от обязанности подвергнуться судебному осуждению и претерпеть меры государственно-принудительного воздействия", является более благоприятным для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, нежели освобождение этого лица от наказания.

Если сроки уголовного преследования истекли, оно не может "перетечь" на следующий этап уголовно-правового регулирования - наказание: лицо, совершившее такое деяние, - ненаказуемо. Само деяние, по смыслу ст. 78 УК РФ, за давностью также считается ненаказуемым [2]. Уязвимость такого подхода отмечал проф. И.Э Звечаровский еще и потому, что в уголовном законе не предусмотрено освобождение от наказания или от его отбывания в связи с истечением сроков давности уголовного преследования [1].

Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью и возлагая на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать и соблюдать права и свободы, защищать конституционно значимые ценности, в том числе от преступных посягательств, закрепляет в этих целях требование законодательно определять преступность и наказуемость общественно опасных деяний, основания и порядок уголовного преследования лиц, нарушивших уголовный закон (статьи 1 и 2; статья 54, часть 2; статья 55, часть 3; статья 71, пункты "в", "о").

С учетом того, что незаконное или необоснованное уголовное преследование - это одновременно и грубое посягательство на человеческое достоинство, законодатель, предусматривая основания и условия отказа от уголовного преследования, не вправе оставить неисполненными возложенные на него Конституцией Российской Федерации обязанности по защите прав и свобод. В свою очередь, органы публичной власти и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, констатируя наличие предусмотренных законом оснований отказа от уголовного преследования, обязаны действовать так, чтобы обеспечить соблюдение прав подвергнутых ему лиц в формах, predeterminedенных применимым в конкретном деле основанием

прекращения уголовного преследования, в том числе должны соблюдать установленные законом условия такого прекращения. Иное противоречило бы обязанности соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, провозглашенной ее статьей 15, принципам законности, равенства, справедливости, уважения достоинства личности.

Таким образом, назрела необходимость обращения с жалобой в Конституционный суд Российской Федерации о признании ч.8 ст.302 УК РФ в части возможности вынесение обвинительного приговора суда с освобождением от уголовного наказания в случае, если истечение сроков давности уголовного преследования, обнаружено в ходе судебного разбирательства, как противоречащей принципу законности, провозглашенному Конституции РФ, и определившему приоритет норм материального уголовного права в ч.2 ст. 78 УК РФ перед уголовно-процессуальным порядком реализации уголовного преследования.

Список использованных источников:

1. Звечаровский И.Э. О практике освобождения от уголовной ответственности и наказания // Уголовное право. 2023. № 5. С.20-26.
2. Козубенко Ю.В. Основания освобождения от наказания при постановлении обвинительного приговора // Lex russica. 2014. № 12.
3. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : практическое пособие / под ред. В.П. Верина. М.: Юрайт-Издат, 2006.

УДК 343.222

ПРЕДПОСЫЛКИ УКЛОНЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© П.Г.Великородный

Попытки уклонения от уголовной ответственности лиц, преступивших уголовный закон, - явление традиционное в отечественном уголовном судопроизводстве. Определяющую роль в таком уклонении играют два базовых фактора (категории): свобода и необходимость.

Рассмотрим их по существу вкратце. Изначально отметим, что все представители фауны, - членистоногие, пресмыкающиеся, млекопитающиеся,

птицы, - появляются на свет и существуют в естественных условиях свободы, они различают свободу и несвободу. Все живые существа, кроме человека, отзываются на возникающие угрозы их свободе либо наступившую неволю инстинктивно, непроизвольно. Если, к примеру, в зверинце открыть все клетки, то находящиеся в них животные тотчас же покинут места своей неволи. Птицы улетят, пресмыкающиеся уползут, звери убегут на свободу. У них срабатывает врожденный инстинкт самосохранения. Инстинкт свободы.

Вырытый на поверхность земляной червь инстинктивно стремится быстрее зарыться в почву. Именно там, в среде своего обитания, он чувствует свою свободу и безопасность от внешних воздействий.

Человек с рождения обладает свободой. Свобода объясняется как возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества. Свобода воли – категория философская, отражающая понятие свободы или предопределенность действий, поступков субъекта [1, с. 673].

И еще. «Свобода, способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости...Люди не вольны в выборе объективных условий своей деятельности, выступающих как необходимость, однако они обладают конкретной и относительной свободой, когда сохраняют возможность в выборе целей или средств их достижения» [3, с. 1191].

Свобода понимается в широком смысле слова. В Конституции Российской Федерации, сводах законов (кодексах), иных правовых актах зафиксированы свобода личности, свобода совести, свобода мысли и слова, свобода печати, свобода труда, свобода массовой информации, свобода деятельности общественных объединений, свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания, свобода передвижения, выбора места пребывания и жительства, свобода мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование, и др.

В перечне названных свобод правонарушители самой значимой для себя всегда считают свободу личности. Каждый преступник очень дорожит личной свободой. Боязнь лишиться её побуждает его к принятию мер, обеспечивающих возможность избежать уголовного наказания.

Реакция компетентных государственных органов на преступления путём уголовного преследования лиц, их совершивших – это объективная необходимость. И правонарушители не вольны повлиять на неё, на её недопустимость. Но они независимы и вольны определять своё поведение на

следствии, выбирать методы и средства защиты своей свободы и противодействия визави с целью уклонения от уголовной ответственности и наказания.

Субъект, совершая преступление или занимаясь преступной деятельностью, осознаёт, что рискует самым дорогим: быть лишённым судом личной свободы. И он считает необходимым препятствовать установлению истины по уголовному делу, его роли и вины в содеянном. Пользуясь по максимуму своей свободой, индивид стремится активно, на подготовительной и исполнительных стадиях тайно, а на посткриминальной – открыто, противодействовать привлечению его к уголовной ответственности. «Уголовная ответственность – это состояние, основанное на признании судом от имени государства, в форме обвинительного приговора преступником лица, виновно совершившего преступление, предусмотренное уголовным законом, с ограничением его прав и свобод» [2, с. 135]. Отметим, что нарушители уголовных законов никем и ничем не ограничены, т.е. абсолютно свободны в выборе и реализации форм и методов избегания ответственности и судебной кары.

Особо значима в уклонении от уголовной ответственности философская категория «необходимость – тип связи явлений, определяемый их внутренней основой – структурой и закономерностями» [3, с. 887]. Необходимость ещё трактуется как надобность, потребность [1, с. 393].

Имеются три вида необходимости. Первый вид составляют объективно существующие условия, факторы, независимые от воли людей. Это смена времён года или времени суток, солнцепёк и изнуряющая жара, землетрясения, наводнения и др. Или, к примеру, близкая к названным круглосуточная, трёхсменная, работа коллектива завода (доменной печи, шахты) ввиду его горячего производства непрерывного цикла. Малейшее нарушение непрерывности, одного звена такого цикла, повлечет остановку завода и выпуска продукции. Есть и другие объективные условия данного вида.

Второй вид необходимости представляют условия, зависящее от органов власти или руководства учреждений, предприятий, но независимые от воли правонарушителей. К таким условиям относятся, например, работа торгового предприятия только в одну дневную смену; круглосуточное наличие в сбербанке денежных средств, а в ювелирном магазине – дорогостоящих изделий из драгоценных металлов и камней, и т.д.

Третий вид необходимости – это потребности человека, без которых в одних случаях обойтись крайне трудно, в других – вообще невозможно. К потребностям относятся: деньги, валюта; продукты питания, столовые приборы, посуда; одежда, обувь; постельные принадлежности; мебель, бытовая и

специальная техника; средства связи и транспорта; недвижимая собственность и многое другое.

Из всех факторов и социальных условий в жизнедеятельности людей и каждого индивида, в частности, первостепенное значение имеют, конечно, свобода и потребности во всех их проявлениях. Они предопределяют и правомерное, и противоправное поведение гражданина. Иными словами, свобода и потребность обуславливают поведенческие акты человека, в том числе направленные на уклонение от уголовной ответственности. Каждый дорожит своей свободой и удовлетворяется потребностями по- своему: один законно, другой нелегально, преступно.

Сущностная черта человека – осознанное стремление к абсолютной свободе и преимущественному обладанию материальными потребностями (благами). Их недостаточностью жизнь субъекта, - того же подозреваемого, обвиняемого, - ограничивается пространственно (при подписке о невыезде, домашнем аресте, лишении свободы) и обедняется сокращением повседневных потребностей (нехватка мясомолочных продуктов, кондитерских изделий и т.п.)

О понимании государством важности для граждан – правонарушителей личной свободы и потребности как необходимости можно судить по санкциям, заложенным им в нормы Уголовного кодекса Российской Федерации. Законами Особенной части УК РФ (256 статей) за совершение преступлений предусмотрены: в 236 случаях лишение свободы, в 54 – ограничение свободы, в 4 – арест (всего 294), в 171 – крупный штраф. Такой штраф чреват для осуждённого экс - уклониста и его семьи существенным умалением социально-бытовых потребностей на определенный период времени.

Законопослушные граждане страны жизнедействуют в условиях свободы и определяются с потребностями согласно порядку, установленному законами и правилами общественного жизненного уклада. Правонарушители тоже действуют свободно, но свои потребности в финансовых средствах, материальных и иных благах удовлетворяют противоправными способами вопреки возможным и реальным угрозам их свободе со стороны органов предварительного следствия и суда.

Именно необходимость определённой потребности «провоцирует» субъекта как на совершение преступления, так и на защиту им своей свободы путем предпринятия усилий по избеганию обвинительного приговора, а , значит, и ответственности.

Следственно-судебная практика свидетельствует, что подозреваемые – обвиняемые хорошо ориентируются в вопросах свободы и необходимости и профессионально учитывают их не только при совершении преступлений, но и

при попытках уйти от наказания. И в первую очередь, избежать лишения свободы.

Изложенное позволяет заключить, что свобода и необходимость как объективные категории являются генеральными и генерирующими предпосылками уклонения преступников от уголовной ответственности.

Список использованных источников:

1. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений/Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М.: ООО «АТАМП», 2017. 896 с.

2. Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1995. 320 с.

3. Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А.М. Прохоров (пред.). Москва: Советская энциклопедия, 1981. 1600 с.

УДК 343.9

ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ

© М.А. Верхотурова

Сибирский федеральный университет

В Российской Федерации с многонациональным и многоконфессиональным населением последовательно реализуется государственная политика в сфере противодействия экстремизму, в том числе формируется нормативная база и правоприменительная практика.

В 2002 году принят Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», которым определены правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, установлена ответственность за ее осуществление.

Одновременно с этим в Уголовном кодексе Российской Федерации сформирована группа «преступлений экстремистской направленности», т.е. преступлений, совершенных «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по

мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», далее – постановление Пленума).

Президентом Российской Федерации в 2020 году утверждена новая редакция Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года в целях обеспечения дальнейшей реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму, к числу наиболее опасных проявлений экстремизма в современной России отнесено использование для распространения экстремисткой идеологии информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в том числе социальных сетей, которые стали основным средством связи для экстремистских организаций.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 86% россиян, пользующихся хотя бы одной социальной сетью, проводят в них время практически ежедневно; среди молодежи 18-34 лет доля ежедневных пользователей близка к абсолютной (18-24 лет – 92%, 25-34 лет – 94%). Регулярные пользователи социальных сетей и мессенджеров с коммуникационным функционалом (ВКонтакте, WhatsApp, Telegram, Одноклассники и пр.) в среднем тратят на них 4,5 часа в день [1].

В целях создания механизма пресечения распространения в социальных сетях противоправной информации с 1 февраля 2021 года Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» дополнен специальными нормами об особенностях распространения информации в них. Законодателем дано определение понятия «социальная сеть», под которой понимается сайт, страница сайта в сети Интернет, которые возможно использовать для предоставления и распространения информации посредством созданных пользователями персональных страниц, и доступ к которым в течение суток составляет более 500 тысяч пользователей. Установлена обязанность владельца социальной сети не допускать ее использование для распространения экстремистских материалов (статья 10.6).

Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов отнесены к экстремизму, за который установлена ответственность, в том числе уголовная (статьи 1, 13, 15).

Уголовным кодексом РФ к преступлениям экстремисткой направленности, которые могут совершаться непосредственно с использованием сети Интернет, образуя при этом квалифицированный состав данных преступлений, отнесены

публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ).

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на необходимость соблюдения положений Конституции РФ при «ограничении посредством антиэкстремистского законодательства свободы совести и вероисповедания, свободы слова и права на распространение информации» [2], отмечая, что «любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы, каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий» [3].

Вместе с тем на практике возникают сложности правовой оценки действий пользователей в сети Интернет, какие их действия влекут уголовную ответственность, возможно ли оценивать как поддержку экстремистской позиции «лайк» или «репост» информации в социальной сети, где грань между свободой выражения собственного мнения и экстремистской деятельностью.

Состав объективной стороны перечисленных преступлений формальный, преступление считается оконченным с момента «публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет» (абз.4 п. 4 постановления Пленума).

Таким образом, обязательным признаком уголовно наказуемого распространения экстремистских материалов является «публичность», что в целом можно отнести к категории оценочного характера. В толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова «публичный - совершающийся в присутствии общества, публики, открытый, гласный» [4]. Понятие «публичность» в действующем российском законодательстве не раскрывается. Согласно позиции Верховного Суда РФ о публичности экстремистских действий в сети Интернет свидетельствует «размещение соответствующей информации... на сайтах, форумах или в блогах, массовая рассылка электронных сообщений и иные подобные действия» (абз. 1 п. 7 постановления Пленума).

Следовательно, размещение экстремистского материала в социальной сети обладает признаком публичности, поскольку потенциально с таким материалом могут ознакомиться более 500 тысяч человек в течение суток. В то же время возникает вопрос, а идентична ли общественная опасность размещения

экстремистского материала на персональной странице с несколькими подписчиками или на сайте публичного органа?

Также существуют вопросы разграничения уголовной и административной ответственности за указанные деяния. Верховным Судом РФ разъяснено, что «вопрос о том, является ли массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, преступлением, предусмотренным статьями 280, 280.1 или 282 УК РФ, либо административным правонарушением (статья 20.29 КоАП РФ), должен разрешаться в зависимости от направленности умысла лица, распространяющего указанные материалы» (абз. 4 п. 8 постановления Пленума).

Размещение лицом в социальной сети экстремистского материала может быть признано преступлением только в случае совершения с прямым умыслом, когда лицо осознавало направленность деяния на нарушение основ конституционного строя, а также имело намерение побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности (п. 8 постановления Пленума).

Если же такой цели у лица нет, то такие деяния будут квалифицироваться как административное правонарушение [5] по ст. 20.29 КоАП РФ (производство и распространение экстремистских материалов), ст. 20.3.1 КоАП РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), ст. 20.3.2 КоАП РФ (публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации).

И в этой связи возникает вопрос установления умысла на распространение в социальной сети экстремистских материалов с целью побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности или действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, либо с целью возбудить ненависть либо вражду, унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Данный вопрос послужил поводом для внесения изменений в ст. 282 УК РФ Федеральным законом от 27.12.2018 № 519-ФЗ, согласно которым уголовная ответственность наступает при условии административной преюдиции. Эти изменения поддержаны Уполномоченным по правам человека в РФ, поскольку «пересылая информацию, человек не может до конца оценить, в чем заключается ее общественная опасность, а зачастую распространяет соответствующие сведения, преследуя законные и, по его мнению, общественно полезные цели. Во избежание необоснованного усечения права на свободу слова и привлечения большого числа граждан к фактически необоснованной юридической ответственности (уголовной, административной) необходимо

определить, что же является преступлением в интернет-пространстве (интернет-преступлением)» [6].

К этим же проблемам вернулся Верховный суд РФ в постановлении Пленума от 28.10.2021 № 32 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам», уточнив, что «следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать в том числе форму и содержание размещенной информации, ее контекст, наличие и содержание комментариев данного лица или иного выражения отношения к ней, факт личного создания либо заимствования лицом соответствующих аудио-, видеофайлов, текста или изображения, содержание всей страницы данного лица, сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации, в частности, о совершении действий, направленных на увеличение количества просмотров и расширение пользовательской аудитории, данные о его личности (например, приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях, привлечение ранее лица к административной и (или) уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности), объем подобной информации, частоту и продолжительность ее размещения, интенсивность обновлений».

Вместе с тем изменения ст. 282 УК РФ и разъяснения Верховного Суда РФ не устранили проблему разграничения данного преступления со ст. 280 УК РФ, по-прежнему в практике возникают сложности в отличии «публичных призывов» от «публичных высказываний» [7].

Также периодически вызывают вопросы формулировки объективной стороны данных преступлений, в частности, ст. 282 УК РФ «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» [8].

Кроме того, порядок признания материала экстремистским с проведением судебно-лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз, свидетельствует о сложности правовой квалификации подобных фактов.

Подводя итог можно сказать, что с учетом повышенной общественной опасности распространения экстремистских материалов в социальных сетях и наличием обозначенных вопросов в правоприменительной практике сохраняется актуальность повышения уровня правовых знаний граждан, которые совершая экстремистские деяния, могут не осознавать, что они влекут установленную законом ответственность.

В связи с этим важным направлением государственной политики в сфере профилактики экстремистской деятельности в социальных сетях выступает системная работа органов власти, институтов гражданского общества и

организаций, в том числе осуществляющих образовательную деятельность, по освоению навыков идентификации различных форм проявления экстремизма и формированию у граждан антиэкстремистского сознания.

В настоящее время задача по формированию у обучающихся нетерпимого отношения к проявлениям экстремизма и терроризма в целях обеспечения возможности противодействовать указанным явлениям реализуется сотрудниками Сибирского федерального университета в рамках учебной дисциплины «Противодействие экстремизму и терроризму».

Список использованных источников:

1. ВЦИОМ. Новости. Социальные сети и мессенджеры вовлеченность и предпочтения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vo vlechennost-i-predpochtenija>.

2. Определения Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 2450-О, от 28.02.2017 № 463-О, от 20.04.2017 N 906-О // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

3. Определение Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 1836-О, от 20.07.2023 № 1830-О, от 30.05.2023 № 1069-О // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

4. Толковый словарь Д. Н. Ушакова. – URL: <http://ushakovdictionary.ru>.

5. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2022 по делу № 31-АД22-2-К6 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

6. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год» // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

7. Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: проблемы квалификации и отграничения от смежных и конкурирующих составов // Уголовное право. 2023. № 2. С. 25–37.

8. Проект федерального закона № 360083-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части признания утратившей силу статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

УДК 342.72

**ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
ПО РЕАЛИЗАЦИИ ГАРАНТИЙ ПРАВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
СЕВЕРА В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ**

© **Д.Ю. Виноградов**

Сибирский федеральный университет

Защита прав коренных малочисленных народов Российской Федерации как национальных меньшинств закреплена в п.«б» ч.1 ст.72 Конституции РФ и находится в совместном ведении РФ и субъектов РФ. Исходя из положений п. 1 ч.1 ст.8 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (далее – ФЗ «Об образовании в РФ») органы государственной власти субъекта могут разрабатывать и реализовывать программы образования для коренных малочисленных народов Севера [10].

В Красноярском крае в осуществлении полномочий в рассматриваемой сфере участвуют несколько публичных институтов. Министерство образования Красноярского края устанавливает формы и порядок проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам основного общего образования и среднего профессионального образования. Для лиц, изучавших родной язык, литературу народов РФ на родном языке из числа языков народов РФ и выбравших экзамен по данным направлениям; проведение экспертиз и участие в отборе примерных основных общеобразовательных программ, учебных пособий при реализации программ начального общего образования, основного общего образования, среднего общего образования и дополнительного образования, для лиц изучавших родной язык, литературу народов РФ на родном языке из числа языков народов РФ, в части учета региональных, национальных и этнокультурных особенностей (пп. 2, п.3.1. Положение о министерстве образования Красноярского края» (утв. Постановлением Правительства Красноярского края от 27 декабря 2013 года № 706-п). Кроме того, Министерство образования края может разрабатывать и направлять на представление Губернатору края, в Правительство края проекты законов края, правовых актов Губернатора края, правовых актов Правительства края по вопросам: «государственных программ края в сферах образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности в сферах дошкольного образования, начального общего образования, основного общего образования, среднего общего образования, дополнительного образования, с

учетом региональных социально-экономических, экологических, демографических, этнокультурных и иных особенностей края[7].

Агентство по развитию северных территорий и поддержке коренных малочисленных народов Красноярского края (далее – Агентство) осуществляет создание условий для сохранения и защиты исконной среды обитания коренных малочисленных народов, в том числе и образования (п 2.2. Постановления Правительства Красноярского края от 23 декабря 2014 года № 638-п «Об утверждении Положения об агентстве по развитию северных территорий и поддержке коренных малочисленных народов Красноярского края» (с изменениями на 13 сентября 2022 года)[5]. Также Агентство осуществляет контроль над исполнением органами местного самоуправления переданных им государственных полномочий в области обеспечения мер государственной поддержки коренных малочисленных народов. Деятельность по осуществлению образования – Агентство осуществляет в рамках иных полномочий в соответствии с действующим законодательством [5].

Красноярский край является одним из «пионеров» во внедрении такого института, как Уполномоченный по правам коренных малочисленных народов. Согласно ст. 1 Уставного закона Красноярского края «Об Уполномоченном по правам человека в Красноярском крае» – Уполномоченный по правам коренных малочисленных народов является заместителем Уполномоченного по правам человека в Красноярском крае. В пределах своих компетенций Уполномоченный по правам коренных малочисленных народов, является субъектом законодательной инициативы, участвует в рассмотрении жалоб, проводит мониторинг федерального и краевого законодательства, защищает граждан в суде [8]. Для обеспечения его деятельности создан аппарат Уполномоченного. Е. А. Богославский предлагает наделять уполномоченных по правам человека правом принимать решения, обязательные для исполнения всеми государственными и муниципальными органами [2], в целях повышения эффективности деятельности этого института по защите прав коренных малочисленных народов, и в том числе и в сфере образования.

Анализ краевого законодательства и практики его реализации позволяет прийти к выводу о множественности органов, наделенных компетенцией по организации образования лиц из числа КМНС, и, как следствие, об отсутствии конкретизации ответственного за определение целей, задач и достижении результатов в этой сфере. С одной стороны, Министерство образования края осуществляет организацию образовательной деятельности с учетом «региональных социально-экономических, экологических, демографических, этнокультурных и иные особенностей края». При этом эти характеристики не

раскрыты, а образование лиц из числа КМНС не определяется как особое направление государственной политики этого органа. С другой стороны, у Агентства не выделены определенные полномочия по организации образования лиц из числа коренных народов, хотя упоминание об этом присутствует в перечислении задач Агентства.

Постановлением Правительства края утверждена Государственная программа Красноярского края «Сохранение и развитие традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Красноярского края» (далее Программа). Несмотря на увеличение финансирования с 360818,8 тыс. рублей в 2014 году до 689514,8 тыс. рублей в 2021 году – этих средств явно недостаточно для полноценного сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов. Для достижения этой цели требуется развитие образования и бережное отношение к культуре коренных народов. Вместе с тем, ни министерство образования, ни министерство культуры Красноярского края не являются соисполнителями данной Программы, в целевых показателях также отсутствуют упоминания об образовании и культуре [6].

Среди задач данной государственной Программы имеются такие как:

- повышение уровня образования и профессиональной подготовки малочисленных народов;
- сохранение культурного наследия малочисленных народов, в том числе создание условий, способствующих изучению и сохранению родных (национальных) языков малочисленных народов».

К 2030 году в Красноярском крае предполагается достичь, в том числе такого результата как увеличение количества лиц из числа малочисленных народов, знающих родной язык и получивших среднее общее образование, среднее профессиональное образование и высшее образование.

Решение данных задач в Красноярском крае позволило бы перейти от деклараций к реальному обеспечению прав на получение образования представителями коренных малочисленных народов Севера. Несмотря на то, что в разделе 6 Программы указывается на отсутствие потребности в принятии дополнительных нормативно-правовых актов, краевое законодательство в сфере организации образования лиц из числа коренных малочисленных народов, на наш взгляд, нуждается в трансформации.

Нельзя не согласиться с В.А. Кряжковым, который характеризует состояние действующего законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой сфере как «правовую стагнацию» [3]. Необходимо, по крайней мере, определить принципы государственной политики в области образования,

детализировать полномочия государственных органов применительно к организации образовательного процесса лиц из числа коренных малочисленных народов, разработать комплекс мероприятий, с помощью которых можно было бы преодолеть явную тенденцию по снижению использования языков коренных малочисленных народов в образовательном процессе.

В целях, разрешения вышеуказанных проблем, в части обеспечения прав коренных малочисленных народов на образование, можно предложить следующие меры по совершенствованию федерального и регионального законодательства:

1. В ст. 14 ФЗ «Об образовании в РФ» внести пп. 1.1. следующего содержания:

«Преподавание в образовательных учреждениях дошкольного, начального, основного общего, среднего общего образования может дополнительно происходить помимо государственного языка Российской Федерации на государственных языках субъекта Российской Федерации, языках национальных меньшинств, языках коренных малочисленных народов Российской Федерации, языках коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации в местах их компактного проживания».

Данное предложение подкрепляет и развивает положения ч. 1 и 2 ст. 69 Конституции РФ, расширенных в результате поправок 2020 г.

2. Для реализации финансового обеспечения деятельности, направленной на сохранение, изучение и развитие родных языков на уровне субъекта РФ п. 2 в ст. 10 Закона Красноярского края от 05 ноября 2015 г. № 9-3816 «О родных (национальных) языках коренных малочисленных народов, проживающих на территории Красноярского края», изложить в следующей реакции:

«Для организации преподавания языков коренных малочисленных народов Красноярского края обеспечить финансирование целевых квот для обучения лиц из числа коренных малочисленных народов Красноярского края».

Вышеуказанные предложения в рамках изменения законодательной базы позитивно скажутся на развитии и сохранении культуры и образования коренных малочисленных народов Севера.

Список использованных источников:

1. Богославский Е.А. Уполномоченный по правам человека как субъект государственного контроля и надзора // Вестник Адыгейского государственного университета. 2015. Вып. 3 (163). С. 228-230.

2. Кряжков В.А. Российское законодательство о северных народах и правоприменительная практика: состояние и перспективы // Государство и право. 2012. № 5. С. 27–35.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020): офиц. текст. – М.: «Омега-Л», 2020. – 80 с.

4. Постановление Правительства Красноярского края «Об утверждении Положения об агентстве по развитию северных территорий и поддержке коренных малочисленных народов Красноярского края» от 23.12.2014 № 638-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/423905159>.

5. Приложение к Постановлению Правительства Красноярского края «Об утверждении государственной программы Красноярского края "Сохранение и развитие традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов"» от 30.09.2013 № 520-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465805631>.

6. Приложение к Постановлению Правительства Красноярского края «Об утверждении Положения о министерстве образования Красноярского края» от 27.12.2013 № 706-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/422436866>.

7. Уставный закон Красноярского края «Об Уполномоченном по правам человека в Красноярском крае» от 16.06.2016 № 10-4679. URL: <https://docs.cntd.ru/document/438959576>.

8. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/2daf50f586c69eac11512c1faa4309699b52ec9b/.

9. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/5b8493d16a41a9042c0f143b1b58fcec3535e3d3/.

УДК 343.9

КОРРУПЦИОННОЕ ДРОБЛЕНИЕ ЗАКУПОК КАК ФОРМА КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК

© М.А. Волкова

Сибирский федеральный университет

Распространение различных коррупционных проявлений в публичных закупках давно представляет собой насущную проблему для любого государства, и Российская Федерация не является исключением. Характеризуя сферу публичных закупок, исследователи справедливо указывают на наличие в ней повышенных коррупционных рисков [13, с. 116]. Основные такие риски связаны с оборотом в системе публичных закупок большого объема денежных средств, направленностью бизнеса на подавление конкуренции и получение сверхприбыли, а также наличием у представителей публичных заказчиков личной заинтересованности в лоббировании интересов аффилированных компаний и в удовлетворении личных финансовых потребностей. Указанные риски сохраняются, несмотря на масштабное установление со стороны государства антикоррупционных барьеров, а распространенные формы коррупции в сфере публичных закупок умело трансформируются и адаптируются под изменившиеся условия. Негативные последствия таких коррупционных проявлений имеют масштабный характер и приводят как к подрыву основ самой закупочной системы и дезорганизации связанных с ней сфер, так и к повреждению общих основ государственной и общественной жизни [4, с. 25].

В целях предупреждения коррупционных рисков государство ведет активную деятельность по созданию эффективной системы мер противодействия коррупции в сфере публичных закупок. В связи с этим в национальном законодательстве уже сложился массив антикоррупционного правового регулирования данной сферы [2, с. 276]. Так, Е.В. Агапова справедливо указывает, что «благодаря электронным торгам были созданы условия для добросовестной конкуренции, а также электронные торги стали реальным способом борьбы с коррупцией» [1, с. 72]. Между тем законодатель сохранил возможность для осуществления заказчиками закупок у единственного поставщика (неконкурентных закупок). В связи с этим темой широкой дискуссии, ведущейся учеными и практиками, на протяжении многих лет остается «дробление закупок». Законодательное определение дефиниции «дробление закупок» отсутствует. Следует согласиться с С. М. Рукавишниковым, что под

«дроблением закупок» необходимо понимать «умышленное разделение стоимости крупного заказа с одним предметом контракта на несколько с целью избежать проведения предусмотренных законодательством конкурентных процедур» [11, с. 243].

Факты дробления закупок на сегодняшний день часто рассматриваются лишь в негативном ключе, в качестве нарушения установленного порядка закупочной деятельности, влекущего юридическую ответственность. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что прямого запрета на разделение договора (контракта) на части в законодательстве нет. Например, статьей 93 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» установлено лишь ограничение на сумму закупки у единственного поставщика (600 тыс. руб.) и на годовой объем таких закупок, который «не должен превышать два миллиона рублей или не должен превышать десять процентов совокупного годового объема закупок заказчика и не должен составлять более чем пятьдесят миллионов рублей» [8]. В связи с этим обоснованным представляется мнение О. А. Беляевой, которая указывает: «Характерными примерами неправосудных решений являются обвинения заказчиков в дроблении закупок, т. е. вторжение судов в волеизъявление сторон публичных контрактов, а также договоров, заключенных в сфере корпоративных закупок. Вместо защиты прав суды признают сделки недействительными, в то время как дробление даже не легализовано в нашем законодательстве» [3, с. 177]. Следует признать, что не всякое дробление закупок является противоправным. Такие действия, в связи с отсутствием прямого запрета, могут являть законными.

Важной для определения законности дробления закупок может являться причина его осуществления. На выбор заказчиком способа осуществления закупки у единственного поставщика путем разделения договора (контракта) на части влияют следующие факторы:

- отсутствие у заказчика квалифицированного специалиста для организации и проведения конкурентной закупки;
- отсутствие времени на осуществление конкурентной закупки;
- желание заключить договор (контракт) с проверенным поставщиком, ранее уже поставлявшим качественную продукцию, в полной мере соответствующую требованиям заказчика;
- протекционизм в отношении аффилированной компании, с которой связана корыстная или иная личная заинтересованность представителя заказчика, и др.

Указанные причины свидетельствуют о том, что далеко не всегда заказчик преследует противоправную цель при осуществлении дробления закупок, зачастую такое его решение связано с объективно существующими обстоятельствами. Возможно, именно поэтому законодателем не установлен запрет на осуществление таких действий.

Е.Н. Сочнева, М.Э. Червяков и И.И. Зырянова указывают на ряд признаков, которые могут свидетельствовать о противоправности дробления закупок [12]:

- заказчику заранее известна полная потребность организации в данной продукции или услугах на плановый период и при этом отсутствуют какие-либо препятствия для приобретения в рамках одного договора (контракта);

- наличие необходимого времени для проведения конкурентной процедуры;

- наличие необходимого времени для осуществления конкурентной процедуры;

- создание преимущественного положения единственного поставщика и лишение возможности других хозяйствующих субъектов, осуществляющих аналогичную деятельность, реализовать свое право на заключение договора (контракта);

- неэффективное использование денежных средств.

Следует также отметить, что не каждое противоправное дробление закупок является коррупционным. Как правило, противоправное дробление закупок имеет признаки административного правонарушения и влечет ответственность, предусмотренную частью 2 статьи 7.29 КоАП РФ [5]. Так, указанная норма устанавливает ответственность за «принятие решения о способе определения поставщика (подрядчика, исполнителя), в том числе решения о закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), в случае, если определение поставщика (подрядчика, исполнителя) в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок должно осуществляться путем проведения конкурса или аукциона». Назвать указанный состав административного правонарушения коррупционным невозможно, поскольку он учитывает не все существенные признаки коррупции [7, с. 462]. Для отнесения деяния к «коррупционному дроблению закупок» необходимо наличие такого признака как *корыстная или иная личная заинтересованность представителя заказчика, принявшего решение о разделении закупки на части*.

Проведенный анализ судебных решений по уголовным делам, связанным с обвинением лиц в совершении коррупционных преступлений в сфере

публичных закупок, позволяет заключить, что в механизме преступного поведения дробление закупки присутствует достаточно часто, оно используется как способ преодоления установленных конкурентных барьеров. Такие обстоятельства позволяют рассматривать коррупционное дробление закупок как самостоятельную форму коррупции в сфере публичных закупок. При этом указанная форма носит преступный характер, что предопределяет актуальность ее исследования. В научной литературе справедливо отмечается, что «именно преступные формы проявления коррупции угрожают системообразующим ценностям как на индивидуальном, так и на национальном уровне» [6, с. 556].

Примером коррупционного дробления закупок являются обстоятельства дела, изложенные в приговоре Княжпогостского районного суда Республики Коми № 1-54/2019 от 26 августа 2019 г. [10]: главный врач санатория заключил три договора на поставку мягкого инвентаря (одеяла, подушки, покрывала и пр.) для нужд организации с единственным поставщиком, т. е. осуществил дробление закупки, а затем – приемку некачественных товаров, несоответствующих требованиям ГОСТа и техническому заданию договоров поставок, без проверки сертификатов соответствия при приемке товара (такие сертификаты поставщиком не были предоставлены). Указанные действия повлекли имущественный вред в размере 230 263 руб.

В приговоре Кировского районного суда г. Ярославля № 1-62/2014 от 18 июня 2014 г. также описан случай коррупционного дробления закупок [9]: лицо, замещающее государственную должность субъекта РФ, чтобы избежать проведения конкурсных процедур, осуществило дробление закупок на оказание рекламных услуг по информированию избирателей о выборах в целях заключения договоров с конкретной организацией как с единственным поставщиком. За оказание такого содействия должностное лицо получило от организации-поставщика взятку в особо крупном размере.

В заключение следует отметить, что, несмотря на наличие на практике как законного, так противоправного дробления закупок, любое разделение договора (контракта) на части может рассматриваться как индикатор коррупции и, соответственно, являться основанием для проверки закупки и заказчика по признакам противоправности и коррупционности действий. Тем не менее сам по себе факт дробления не должен быть единственным основанием для привлечения заказчика или его представителя к ответственности.

Список использованных источников:

1. Агапова Е.В. Вопросы развития государственных закупок в российской экономике // Журнал правовых и экономических исследований. 2014. № 4. С. 72-73.
2. Антикоррупционные меры безопасности: монография / под ред. Н.В. Щедрина, И.А. Дамм. Москва: Проспект, 2020. 496 с.
3. Беляева О.А. Мнимые пробелы в законодательстве о публичных закупках // Юридическая наука в Китае и России. 2020. № 3. С. 175-178.
4. Волкова М.А. Негативные последствия коррупции в сфере публичных закупок // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 6 (151). С. 18-28.
5. Гурин О.Ю., Полянский А.А. Неверный выбор способа закупки: практика применения ст. 7.29 КоАП РФ // Прогноззаказ.рф. 2020. № 12.
6. Дамм И.А. Объект антикоррупционной криминологической безопасности: основные направления исследования // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 5. С. 555-565.
7. Илий С.К. Административные правонарушения коррупционной направленности // Административное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 460-468.
8. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
9. Приговор Кировского районного суда г. Ярославля (Ярославская область) от 18.06.2014 по делу № 1-62/2014. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/9ayyARwhaoVj/>
10. Приговор Княжпогостского районного суда (Республика Коми) от 26.08.2019 по делу № 1-54/2019. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/8dd2rKLjDvdF/>
11. Рукавишников С.М. К вопросу о дроблении государственной и муниципальной закупки // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 2. С. 240-244.
12. Сочнева Е.Н., Червяков М.Э., Зырянова И.И. Нарушения конкурентных процедур при государственных закупках у единственного поставщика // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2018. № 9 (115). С. 21.
13. Шурпаев Ш.М. Факторы повышения коррупциогенности сферы публичных закупок в условиях усиления санкционной политики // Актуальные вопросы противодействия коррупции в публичном и частном секторах:

материалы III всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский института(филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 115-121.

УДК: 341.231.14

СУДЕБНЫЕ ДОКТРИНЫ США О КОМПЕТЕНЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СУДОВ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© **Д.И. Воложбенская**

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Федеральные суды в Соединенных Штатах наделены правом осуществлять судебную власть для рассмотрения девяти категорий дел и споров (cases and controversies), исчерпывающе перечисленных в разд. 2 ст. III Конституции США. Поскольку мы имеем дело с правопорядком, где доминирует не статутное, а общее (прецедентное) право, основные вопросы подсудности, а также вопросы, связанные с определением круга условий, наличие (или отсутствие) которых открывает путь к судебному разбирательству на федеральном уровне, относятся к компетенции не законодателя, но судебной власти.

В этом контексте на протяжении длительного темпорального периода Верховным Судом США были разработаны целый ряд весьма масштабных судебных доктрин (federal justiciability doctrines), позволяющих отнести тот или иной спор к компетенции федеральных судов [8, р. 62]. Среди них своим влиянием и значимостью выделяются нижеследующие: доктрина надлежащей правоспособности истца (standing doctrine); доктрина запрета консультативных заключений (advisory opinions doctrine); доктрина зрелости (ripeness doctrine); доктрина беспредметности (mootness doctrine); доктрина запрета судебного разрешения политических вопросов (political questions doctrine), и ряд др. Рассмотрим кратко каждую из них, проиллюстрировав концептуальные элементы доктрин примерами из практики Верховного Суда США.

Доктрина надлежащей правоспособности истца (standing doctrine). Определяет, кто может подать иск в федеральный суд, и, по мнению американских судей, является «скорее всего, наиболее важной» [3] из федеральных доктрин о возможности защиты в судебном порядке. В данном

контексте речь идёт не о правоспособности вообще, но именно о процессуальной правоспособности.

Ключевым для разработки и внедрения названной доктрины считается решение Верховного Суда США по делу *Simon v. Eastern Kentucky Welfare Rights Org.*, принятое в 1976 году [14]. Суд изложил трехфакторный тест, проверка которого должна подтвердить наличие у истца наличие процессуальной правоспособности подачи иска в федеральные суды. Это, во-первых, наличие подтвержденного доказательствами личного интереса в деле (*personal stake*), подлежащего судебной защите (*judicially cognizable interest*), во-вторых, причинение истцу фактического, явного конкретизированного и значимого вреда (*injury in fact, distinct, particularized and palpable*) неправомерным действием или бездействием и, в-третьих, предоставление истцом достоверных доказательств причинения вреда конкретным ответчиком. В решении по делу *Bennett v. Spear* Верховный суд добавил ещё один тест, указав, что причиненный вред «скорее всего ... возможно исправить благоприятным для истца судебным решением» [5].

В рамках рассматриваемой доктрины допускается признание за истцом процессуальной правоспособности в случае, когда последний не понес реального вреда, но его причинение носит неминуемый характер (*imminent*), если не пресечь соответствующие действия ответчика [9].

Верховный суд США перманентно ограничивает виды вреда, которые дают право на судебную защиту. Так, по его мнению, наличие некоей «общей заинтересованности», разделяемой истцом с другими гражданами, недостаточно для признания за ним процессуальной правоспособности. Тем самым федеральные суды не предоставляют судебную защиту т. н. «всеобщему интересу» (*generalized interest*) [19]. Согласно этой правовой позиции, федеральные суды обычно отказываются рассматривать иски, предъявляемые в рамках т. н. абстрактного нормоконтроля, т. е. когда истец оспаривает конституционность той или иной правовой нормы без привязки к конкретному нарушению его прав, применением такого оспариваемого законоположения; чтобы получить процессуальную правоспособность, истец должен продемонстрировать, что ему был причинен явный вред (*distinct harm*), выходящий за рамки нарушения его заинтересованности в соблюдении закона. Как заключил Верховный суд в решении по делу *Lujan v. Defenders of Wildlife*, считать причинение такого «общего вреда» (*common injuries*) публичному интересу (*public interest*) достаточным для наделения процессуальной правоспособностью означало бы неоправданно расширить полномочия судебной власти за счет других легитимных ветвей государственной власти [9].

Таким образом, заинтересованность истца в деле должен носить сугубо личный характер.

Кроме того, постоянно отказывают в признании процессуальной правоспособности за налогоплательщиками, пытающимися оспорить обоснованность государственных расходов на том основании, что, поскольку они надлежало платить налоги, то вправе требовать отмены нерационального, по их мнению, расходования бюджетных средств [4]. В таких случаях Суд признает отсутствие причинения налогоплательщику явно выраженного вреда и, соответственно, признает незначительность и неопределённость его личной заинтересованности в рассмотрении дела [6].

Доктрина запрета консультативных заключений (*advisory opinions doctrine*). Судам запрещается предоставлять консультации Президенту, Конгрессу или иным органам законодательной власти по поводу, например, конституционности или интерпретации правовых норм. Заметим, что в некоторых странах (например, Индия, Канада) подобный правовой институт нормативно легализован. Используется он и в судебной практике ряда международных судов (например, Международный суд ООН, Межамериканский суд по правам человека).

Доктрина зрелости (*ripeness doctrine*). В отличие от доктрины процессуальной правоспособности, которая определяет круг тех, кто правомочен подать иск, доктрина зрелости определяет, когда иск может быть предъявлен. Процессуальная правоспособность истца в рамках данной судебной доктрины ограничивается темпоральными пределами, а именно: федеральный суд не должен принимать дело к своему рассмотрению, если вред истцу реально не причинен, но возможно (с той или иной степенью вероятности) будет причинен в будущем. В данном контексте доктрина исходит из того, что нельзя рассматривать исковое требование «преждевременно» (*prematurely*), [2] оно должно «дозреть», т. е. полностью сформироваться в качестве ответной реакции на причинение истцу фактического, явного и значимого вреда.

В решении по делу *Abbott Labs. v. Gardner* Верховный суд США сформулировал двухфакторный тест проверки искового заявления на зрелость: во-первых, суд должен оценить, будут ли стороны испытывать трудности без оперативного судебного рассмотрения иска (*prompt judicial consideration*); во-вторых, подходят ли вопросы для немедленного судебного рассмотрения (*immediate judicial review*) или же для их разрешения более целесообразно дождаться будущих событий [2].

Доктрина спорности (*mootness doctrine*). Для рассмотрения дела федеральным судом требуется наличия (здесь и сейчас) между истцом и

ответчиком реального спора о праве или факте. Как разъясняет Уильям Бернам, дело является «беспредметным», если требуемый к возмещению вред на момент подачи иска уже не существует или же не существовал изначально, и тем самым нельзя идентифицировать реальный спор к моменту рассмотрения дела судом [1, р. 1216]. Тем самым доктрина спорности запрещает федеральному суду рассматривать иск, если истец теряет интерес к делу после подачи иска [15]. Кроме того, недопустимо рассматривать дело, в котором истец и ответчик добиваются одинакового исхода (*non-adversarial suits*) [10].

К примеру, в решении по делу *Steffel v. Thompson* Верховный Суд США отказался рассматривать требование политической партии о признании неконституционным закона, требующего давать присягу на верность государству, так как, по заключению Суда, присутствие в законодательстве данного требования никак не препятствовало истцу полноценно участвовать в избирательном процессе [16]. Помимо ситуации добровольного прекращения ответчиком нарушений прав истца, Верховным судом сформулированы и другие исключения из доктрины спорности, позволяющие федеральным судам разрешать дела даже в отсутствие текущего спора между сторонами. Это, например, ситуации, когда разрешаемый судом вопрос «не подлежит судебному контролю в настоящем, но может опять возникнуть в будущем» (*capable of repetition, yet evading review*) [12]; когда главный истец по групповому иску (*lead plaintiff in an uncertified class action*) удовлетворил свое требование [17]; когда оспариваемое действие влечет побочные последствия для истца [13].

Важный нюанс: если оспариваемое ответчиком деяние к моменту рассмотрения добровольно им прекращается, данное обстоятельство нельзя признать однозначным и достаточным свидетельством в пользу признания дела бесспорным [7]. Как указал Верховный Суд США в решении по делу *United States v. W. T. Grant Co.*, в противном случае «ответчик получил бы полную свободу повторить своё деяние в будущем» [18].

Доктрина запрета судебного разрешения политических вопросов (*political questions doctrine*). Суд не должен рассматривать дело или спор, если предмет разбирательства относится к области политики, а не права. Главная проблема состоит в том, отграничить политические вопросы о сугубо правовых весьма сложно.

Верховный Суд США избегает формулировать концептуальные критерии и позиции в рамках данной доктрины, ограничиваясь оценкой обстоятельства по каждому конкретному делу. Тем не менее возможно назвать, как минимум, два критерия для признания вопроса политическим, а не правовым. Первый критерий касается ситуации, когда из законодательства эксплицитно следует, что

разрешение вопроса отнесено к ведению конкретного органа законодательной или исполнительной власти [11]. Вторым критерий связан с отсутствием у суда приемлемых правовых стандартов (*manageable standard*) для того, чтобы достоверно оценить и разрешить вопрос [11].

В заключение заметим, что специфика американского федерализма и, в частности, значительная децентрализация в судебной системе обуславливает значительную автономию и независимость судов штатов. Это приводит к тому, что в США параллельно действуют федеральные и региональные судебные доктрины. Последние разрабатываются судами штатов, и в определенных случаях могут иметь приоритет перед федеральными доктринами. В частности, и на федеральном, и на региональном уровнях американские суды вырабатывают и применяют собственные доктрины, определяющие возможность принятия дела к производству и его рассмотрения в судебной порядке (*justiciability doctrines*), причём такие доктрины могут как дублировать (полностью или частично) федеральные судебные доктрины, так и существенно отличаться от них.

Список использованных источников:

1. Бернам, Уильям. Правовая система США / У. Бернам. – М.: Новая юстиция, 2006. 1216 с.
2. *Abbott Labs. v. Gardner*, 387 U.S. 136, 148-149 (1967).
3. *Allen v. Wright*, 468 U.S. 737, 750 (1984)
4. *Ariz. Christian Sch. Tuition Org. v. Winn*, 131 S. Ct. 1436 (2011).
5. *Bennett v. Spear*, 520 U.S. 154, 167 (1997).
6. *Commonwealth of Massachusetts v. Mellon*, 262 U.S. 447 (1923).
7. *Friends of the Earth, Inc. v. Laidlaw Env'tl. Servs. (TOC), Inc.*, 528 U.S. 167, 190 (2000).
8. Hessick A.F. *Cases, Controversies, and Diversity // Northwestern University Law Review*. Vol. 109 (1). 2015. pp. 57-108.
9. *Lujan v. Defenders of Wildlife*, 504 U.S. 555 (1992).
10. *Muskrat v. United States*, 219 U.S. 346, 360–61 (1911).
11. *Nixon v. United States*, 506 U.S. 224, 228 (1993).
12. *Norman v. Reed*, 502 U.S. 279, 287–88 (1992).
13. *Sibron v. New York*, 392 U.S. 40, 53 (1968).
14. *Simon v. Eastern Kentucky Welfare Rights Org.*, 426 U.S. 26 (1976).
15. *Spencer v. Kemna*, 523 U.S. 1, 7 (1998).
16. *Steffel v. Thompson*, 415 U.S. 452 (1974).

17. U.S. Parole Comm'n v. Geraghty, 445 U.S. 388, 404 (1980).
18. United States v. W. T. Grant Co., 345 U.S. 629 (1953).
19. Whitmore v. Arkansas, 495 U.S. 149, 160 (1990).

УДК 343.1

НРАВСТВЕННОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ К ИСТОКАМ

© **Н.Ю. Волосова**

Оренбургский государственный университет

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации действует более 20 лет. За это время в него было внесена масса изменений, затрагивающих практически все институты уголовно-процессуального права, отдельные нормы и предписания. Это говорит не только об изменившихся правовых реалиях, которые настоятельно требовали своего законодательного регулирования, но и о ряде системных ошибок, связанных с разработкой и принятием данного нормативного акта.

Многие исследователи подвергали и подвергают критике уголовно-процессуальный механизм правового регулирования, который был предложен законодателем. В частности, отмечалась достаточно сырая база, которая послужила основой для его принятия, что в дальнейшем выразилось в многочисленных изменениях, которые стали вноситься в закон еще до начала его действия [5]; отсутствие стройной системы концептуальных основ построения новых правовых предписаний [3] и другие критические замечания [2]. Среди данных замечаний практически никто не высказал критику существенного снижения нравственных составляющих уголовного судопроизводства, потерю объективной истины и многие другие основополагающие постулаты, о которых говорили Кони А.Ф., Фойницкий И.Я. и другие корифеи русской правовой мысли, и от воззрений которых мы отказались в угоду отдельным политико-конъюнктурным интересам.

Как справедливо отметил Бастрыкин А.И., «нам остается только сожалеть, что важнейшие идеи и ценности уголовного судопроизводства, определившие последующие правовые традиции не только российского, но и европейского уголовного процесса, а также тот величайший опыт проведения реформы (автором имеется ввиду реформа 1864 г. – *уточнение Волосовой Н.Ю.*), который

был передан нам ее отцами в дошедших до нас изданиях, не был востребован составителями Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г» [1, с. 21].

К чему это привело и с какими проблемами в процессуальной деятельности мы столкнулись: пострадало качество расследования, нарушаются права участников уголовного судопроизводства (обвиняемых, потерпевших и др.), и как следствие существенное снижение уважения к отправлению правосудия среди населения. Полагаем, что этому способствовали многие факторы, в том числе и игнорирование важности нравственных основ уголовного судопроизводства, исключение из уголовно-процессуальной сферы правосознания как основы справедливости, а также объективной истины.

Ф. Энгельс в свое время высказал очень важную мысль, касающуюся отправления правосудия – есть два способа разложить нацию: наказывать невиновных и не наказывать виновных, что входит в прямое противоречие с нравственными устоями любого общества. Когда приходится сталкиваться с такой правовой действительностью, то происходит деформация правового сознания всего общества, где уже нет веры в законы и справедливость.

Не вдаваясь в подробности спора о том, что из себя представляет правосознание, поскольку это тема отдельного научного опуса, отметим, что оно является «сложной социально-правовой категорией, играющей важную роль в механизме регуляции поведения личности в юридически значимых ситуациях. Благодаря ему происходит теоретическое и практическое освоение правовой действительности, формируются навыки, установки и в конечном счете готовность к их использованию в реальных правовых отношениях» [8]. Это служит своеобразной основой как для оптимизации социального регулирования в целом, так и для определения позитивных тенденций правового воздействия, для обеспечения действенности использования правовых средств [9].

О правосознании не говорится ни в одной норме уголовно-процессуального законодательства, а вот ст. 17 УПК РФ говорит об оценке доказательств, лицами осуществляющими производство по уголовному делу, с учетом их внутреннего убеждения, которое основано на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Нельзя отрицать того факта, что совесть это тоже категория морально-нравственная, но она носит несколько абстрактный характер.

По мнению философов «совесть – способность человека, критически оценивая себя, осознавать и переживать свое несоответствие должному» [7].

Этическая составляющая совести – «это осознание (понимание и чувство) моральной ответственности человека за свое поведение перед другими

людьми, классом, обществом, осознание, включающее нравственную самооценку, волевой самоконтроль личностью своих поступков, мыслей и чувств с точки зрения нравственных норм и принципов определенного класса или общества» [4].

Как полагают некоторые исследователи законодатель отказываясь от правосознания следовал следующим рассуждениям: «руководствование законами обеспечивает качество законности решения, а совесть ответственна за его справедливость» [4]. Это первый постулат исследователей. Вторым аргументом является то, что «стремление законодателя к демократизации уголовного судопроизводства и особенно появление института присяжных заседателей позволило использовать вместо термина «правосознание» понятие совести» [4]. Если с первым аргументом еще можно согласиться, то второй создает впечатление, что в демократическом обществе нет правосознания. Однако это не так. Правосознание обеспечивает уважение к праву, его устоям, действенности и эффективности использования правовых средств и предписаний.

Ряд исследователей понятие совести рассматривают в более широком виде «как нравственно-психологическое средство оценки мыслей и поступков других людей, и именно на ее основе складывается мнение о бессовестности, безнравственности какого-либо человека или какой-либо социальной группы» [4].

Из данных определений становится очевидным, что категория совести является категорией субъективной, а в контексте поднятой проблемы исключительно субъективного взгляда на оценку доказательств допустить нельзя. Думается не случайно законодатель и исключил полное, объективное и всестороннее исследование всех представленных доказательств с целью установления истины по уголовному делу, лицами осуществляющими производство по нему, из критериев оценки, т.к. сохранение этого положения входило бы в противоречие с предложенной законодателем конструкцией, где совесть выступает мерилom такой оценки.

Полагаем, это уводит нас в сторону субъективного, что не свойственно для правосознания, которое является субъективно-объективной категорией.

Правосознание как представляется более широкая категория, которая включает в себя не только критическое оценивание себя, а критическую оценку права с различных точек зрения, что дает правоприменителю возможность правильно воспринять правовую ситуацию исходя из буквы и духа закона, применяемых для ее разрешения правовых субстанций (предписаний и норм), а

также соотносит это с правоприменительной практикой, что обеспечит ее единство и стабильность.

Ряд исследователей настаивает на том, что термин правосознание не получил широкого признания и распространения в подзаконных источниках и служебных документах. Однако ими отмечается, что для отечественного правоприменителя оно является более привычным и понятным в качестве средства формирующего внутреннее убеждение [4]. Отказавшись от правосознания законодатель именно поэтому исключил это понятие и из подзаконных источников, и из служебных документов.

Правосознание любого юриста основано не только на знании действующего законодательства, но это прежде всего полученных профессиональный опыт, что и позволяет ему принимать решения, влияющие на судьбы людей, которые не являются абстрактными единицами, и для которых важно, что их дело будет рассмотрено в правовом поле и с учетом норм действующего законодательства, будут соблюдены их права, восстановлена справедливость, что важно для всего общества, т.к. позволяет доверять системе правосудия и деятельности правоохранительных органов. Это как раз и играло ту воспитательную роль, которую должны играть уголовно-процессуальные предписания, а установление истины с гуманным отношением к виновному лицу и назначаемому ему наказанию суть деятельности лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Однако от установления истины мы отказались.

Отказ от объективной истины был воспринят нео-либералами как возможность достижения подлинной состязательности уголовного процесса. Двадцатилетие действия уголовно-процессуального законодательства показало, что подлинной состязательности, к которой так стремились, мы так и не достигли, при этом суд у нас стал занимать достаточно пассивную позицию при рассмотрении дела в суде, в основу судебного решения теперь ложатся исключительно те доказательства, которые были представлены ему стороной защиты и обвинения, которые кстати сказать равноправными не являются. Декларативно провозглашенный лозунг о равноправии стороны защиты и обвинения в уголовном судопроизводстве не подкреплен уголовно-процессуальными предписаниями, обеспечивающими такое равноправие. Противопоставление состязательности и объективной истины, без четкого определения баланса и консенсуса между ними (которые кстати говоря могут быть достигнуты) позволило вывести объективную истину из поля правового регулирования.

«Отдельные ученые в пылу полемики даже утверждают, что истина в уголовном процессе – это порождение исключительно социалистического правосознания, которое желало прикрыть ею обвинительные репрессии» [1, с. 22].

Полагаем, что именно поэтому из уголовного судопроизводства было удалено правосознание, поскольку оно не вписывалось в «подлинную состоятельность», предлагаемую в ее англо-саксонском варианте. Это позволило очень легко отказаться от нравственных основ уголовного судопроизводства, столпами которого и были правосознание и объективная истина.

О неразрывной связи правосознания и истины говорили, например, в одном из комментариев к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, где связали это понятие с социалистическим правосознанием судей. В нем авторы видели «отражение в их сознании основополагающих партийных и государственных идей и принципов советского уголовно-процессуального права, направленных на достижение по делу истины [6, с. 24]. А если убрать из данного определения политические лозунги, то оно вполне будет приемлемым правовым термином: правосознание – это, прежде всего, отражение в сознании правоприменителя основополагающих идей и принципов уголовно-процессуального права, направленных на достижение по делу истины, т.е. в более широком понимании соответствие деятельности таких лиц букве и духу закона.

«В уголовном процессе континентальной правовой системы, где традиционно представлено полноценное досудебное производство (предварительное расследование), предусмотрена система противовесов, при которой следователь является не обвинителем, а независимым исследователем, а суд, разрешающий дело, обязан быть судом активным – в целях полного, объективного и всестороннего исследования всех имеющихся доказательств с главной целью – установления истины. Эти позиции в том или ином виде заложены во все уголовные процессы стран континентального права» [1, с. 21].

Уголовно-процессуальное законодательство России не вышло из патроната континентальной модели. Ее признаки налицо проявляются в большинстве предписаний данной отрасли права. Поэтому полагаем в уголовно-процессуальное законодательство необходимо вернуть правосознание как основу для формирования внутреннего убеждения, а также истину как критический и этический итог оценки собранных по делу доказательств.

Список использованных источников:

1. Бастрыкин А.И. Об объективной истине уголовного процесса: история и современность // Вестник российской правовой академии. 2023. № 1. С. 18-29.
2. Белкин А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть XIII. Судебное разбирательство в суде первой инстанции. Постановление приговора. М.: РТУ (МИРЭА), 2020. 106 с.
3. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Критика современного УПК РФ: обоснованность, научность, прикладной характер // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 16-22.
4. Вопленко Н.Н. Совесть как нравственно-правовой аспект правоприменения // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 1. С. 21-31.
5. Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37). С. 18-25.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А.М. Рекункова и А.К. Орлова. – М.: Юридическая литература, 1981. 536 с.
7. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет.: В. С. Степин – пред. совета и др. – Москва: Мысль, 2010. Т. 3. 692 с.
8. Погребная Ю.К. Правосознание современного российского общества: вопросы теории и методологии исследования: автореф. дис. канд. юрид. наук. – М. 2011. 27 с.
9. Рыбаков В.А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2015. № 3 (44). С. 23-28.

УДК 343.34

**ВЕРСИИ СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ И ИХ ПРОВЕРКА КАК
НАПРАВЛЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

© Ю.П. Гармаев

Сибирский федеральный университет

Для многих исследователей в области наук антикриминального цикла осталось незамеченным важное обстоятельство, связанное с принятием новой номенклатуры научных специальностей [7]. Несмотря на активную дискуссию

вокруг структуры, содержания специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки [1] мало кто высказался по поводу включения в него пункта 10, в который заложено следующее: «Правозащитная деятельность, осуществляемая в процессе реализации уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических, оперативно-розыскных, уголовно-исполнительных, криминологических мер».

Предложенная формулировка совершенно нова с точки зрения реально имеющихся научных исследований. Мы практически не находим разработок, особенно прикладного характера, в предмет которых входила бы, например: «Правозащитная деятельность, осуществляемая в процессе реализации криминалистических и оперативно-розыскных мер».

Не вдаваясь в дискуссию относительно содержания паспорта нашей общей и впервые такой широкой научной специальности, хотелось бы высказаться об одном из актуальных направлений развития криминалистических и междисциплинарных исследований. С некоторой долей условности обозначим его как «Защитные версии по уголовным делам и их проверка».

Как известно, статья 6 УПК РФ определяет два основных назначения уголовного судопроизводства:

- защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (пункт 1 части 1);
- защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (пункт 2 части 1).

Очевидным образом уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (часть 2).

Вопреки этой норме-принципу в реальном правоприменении представители стороны обвинения, прежде всего, оперативные сотрудники и следователи, зачастую если и выполняют требования статьи 6 УПК РФ, то с ярко выраженным акцентом в сторону обвинительного назначения. Казалось бы, криминалистика как прикладная наука должна быть первой из антикриминальных наук, пропагандирующей двойственность этого принципа. К сожалению, это не так. Представляется странным, что ученые криминалисты редко обращают внимание на эту проблему [3]. А.Н. Халиков верно отметил, что в некоторых учебниках и учебных курсах по криминалистике в полном объеме проводится линия на разработку только первой части назначения уголовного

судопроизводства. «А ведь второе назначение действует наравне с первым!», отмечает автор [9].

И в науке, и в практике все активнее используется термин «обвинительный уклон». Определений ему представлено множество. Так, А.Д. Назаров констатирует, что обвинительный уклон заключается в игнорировании представителями стороны обвинения и судьями доказательств, свидетельствующих в пользу обвиняемого, в нежелании проверять и учитывать доводы защиты. Обвинительный уклон приводит к тому, что в уголовных делах допускаются следственные и судебные ошибки, что искажает истинную суть отправления правосудия и вступает в противоречие с назначениями и принципами уголовного судопроизводства [4, с. 1, 6; 5].

В литературе отмечается, что следователи редко выдвигают и проверяют версии, иные доводы стороны защиты [6].

Несмотря на то, что в реальности эти версии существуют, ученые в основном не дают этому феномену и термину права на жизнь. Так, А.В. Руденко неоднократно отмечал, что на досудебной стадии не существует как таковых версий защиты, обвиняемого, потерпевшего. Существует лишь информация, предлагаемая защитником, обвиняемым, потерпевшим следователю в качестве основания для построения версий с их последующей проверкой [8, с. 51]. Проблема конечно же не только терминологическая.

Представляется, что версии защиты – это не только правоприменительная реальность, но и перспективное направление научных, прежде всего прикладных исследований. Версии защиты может и должен, обязан выдвигать, проверять следователь. Однако терминологически лучше их обозначать как «защитные версии». Авторы ряда научных трудов теоретико-методологического характера ограничиваются упоминанием о необходимости работы следователя с защитными версиями [2, с. 400]. Но прикладных и комплексных разработок практически нет.

Защитные версии, выдвигаемые адвокатом – это версии стороны защиты. Очевидно, что, несмотря на ключевую роль следователя в расследовании, зачастую субъектом, инициатором выдвижения и проверки защитных версий может, а точнее обязан быть адвокат.

Вот каким может быть один из вариантов названия и плана диссертации, пособия, монографии в рамках анализируемой концепции (предложены главы, без обозначения параграфов):

«Проверка защитных версий по уголовным делам о коррупционных преступлениях (любых иных)»

Глава 1. Теоретические основы выдвижения и проверки защитных версий по уголовным делам о коррупционных преступлениях;

Глава 2. Виды защитных версий по уголовным делам о коррупционных преступлениях;

Глава 3. Тактические операции и тактические приемы, направленные на проверку защитных версий по уголовным делам о коррупционных преступлениях.

Есть все основания полагать, что это или подобное по названию направление научных междисциплинарных исследований в рамках специальности 5.1.4 имеет большие перспективы. При реализации подобного подхода можно добиться впечатляющих результатов в плане привлечения к таким исследованиям аспирантов и магистрантов, работающих адвокатами или планирующих связать свою жизнь с той или иной правозащитной деятельностью в контексте п. 10 паспорта специальности. Можно добиваться дальнейшей популяризации, расширения круга адресатов науки криминалистики, методология которой является основой этого направления.

Список использованных источников:

1. Афанасьев А.Ю. 5.1.4 – Уголовно-правовые науки // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2 (129). С. 111-117.

2. Баев О.Я. Избранные работы по проблемам криминалистики и уголовного процесса. Эксмо. 2011. 609 с.

3. Гулина Е.В., Гармаев Ю.П. Расследование коррупционных преступлений в сфере высшего образования: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 192 с.

4. Колоколов Н.А. Обвинительный уклон // ЭЖ-Юрист. 2015. № 36. С. 1-6.

5. Назаров А.Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 149-154.

6. Поляков И.М. Адвокат как субъект выдвижения и проверки версий // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке : материалы XII-й Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2021. С. 60-63.

7. Приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на

соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

8. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания. Изд. 2-е, перераб. и доп.. М.: Проспект, 2023. 207 с.

9. Халиков А.Н. Криминалистика в свете назначения уголовного судопроизводства // Криминалистика: теория и практика : материалы VII Международной научно-практической конференции. 2019. С. 348-353.

УДК 343.2/.7

КОРЫСТНАЯ ИЛИ ИНАЯ ЛИЧНАЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ В П. «Е» Ч. 3 СТ. 286 УК РФ

© Р.Н. Гордеев

Сибирский федеральный университет

14 июля 2022 года Федеральным законом № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в ст. 286 УК РФ были внесены изменения, за счет введения ряда квалифицирующих признаков, среди которых интересен п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ «из корыстной или иной личной заинтересованности».

Анализ Паспорта проекта данного федерального закона и пояснительной записки к нему [1] не позволил выявить обоснование введения данного квалифицирующего признака и необходимости усиления уголовной ответственности за превышение должностных полномочий из корыстной или иной личной заинтересованности.

Ряд авторов высказались положительно относительно данного нововведения. Например, В.Н. Борков отмечает, что дифференциация ответственности за превышение должностных полномочий в зависимости от мотива совершения преступления отражает реальное изменение опасности таких посягательств [2, с. 20-27]. Другие же, наоборот, отметили недостаточную проработанность проекта, отсутствие научной основы в виде результатов уголовно-правовых и криминологических исследований, подтверждающих социальную и юридическую обусловленность внесения соответствующих изменений в уголовный закон, а также наличие формулировок, не отвечающих требованию правовой определенности [3, с. 56-64].

На наш взгляд, введение данного квалифицирующего признака, усложнит правоприменительную практику в отношении подкупа должностных лиц за совершение ими незаконных действий и разграничении взяточничества за незаконные действия (ч. 3 ст.290 УК РФ) и превышения должностных полномочий из корыстной или иной личной заинтересованности (п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ).

Например, как оценить действия главного врача филиала Федерального государственного учреждения здравоохранения «Центр гигиены и эпидемиологии», который в нарушение п. 27 Устава, запрещающего учреждению без согласия собственника, распоряжаться недвижимым имуществом, закрепленным за учреждением, передал без согласия собственника в пользование нежилое помещение гараж предпринимателю, для осуществления коммерческой деятельности, за ежемесячную арендную плату в сумме 3 000 рублей. Суд первой инстанции квалифицировал данные действия как превышение должностных полномочий [4].

Однако совершение незаконных действий, выразившихся в осуществлении административно-хозяйственной функции вышестоящего должностного лица за денежное вознаграждение, должно подпадать под признаки взятки за незаконные действия.

В теории уголовного права взятка за законные действия рассматривается как разновидность (специальная норма) злоупотребления должностными полномочиями [5], а получение взятки за незаконные действия – как разновидность превышения должностных полномочий [6]. При этом, используя классификацию специальных норм по предмету уголовно-правового регулирования [7], можно отнести взяточничество к относительно-специальным нормам, которая выделилась из одной общей, но при этом изменила (расширила) пределы правового регулирования. Так, ч. 3 ст.290 УК РФ по отношению к ч. 1 ст. 286 УК РФ соотносятся как специальная и общая нормы, при этом в специальной норме (ст. 290 УК РФ) увеличен круг субъектов преступления и по этому элементу она шире общих норм. Сравнив санкции данных норм, можно утверждать, что ч. 3 ст. 290 УК РФ по отношению к ч. 1 ст. 286 УК РФ является специальной квалифицированной нормой, которая устанавливает повышенные меры ответственности, по отношению к общей норме.

Однако введение квалифицирующего признака «из корыстной или иной личной заинтересованности» в превышении должностных полномочий изменило правила квалификации. Так, сравнивая санкции ч. 3 ст. 286 УК РФ и ч. 3 ст. 290 УК РФ мы видим, что взятка за незаконные действия теперь является привилегированной нормой, так как наказание за превышение должностных

полномочий предусматривает лишение свободы на срок от трех до десяти лет, а за взятку, связанную с незаконными действиями, предусмотрен срок от трех до восьми лет.

Аналогичные ситуации уже случались в законотворчестве, в том числе и в отношении взяточничества. Например, введение ст. 291.1 УК РФ (посредничество во взяточничестве) изменило правила квалификации соучастия в мелкой и простой взятке, признав данные деяния непроступными, что нашло отражение в п. 13.3 постановления Пленума Верховного Суда РФ: «исходя из диспозиций статей 291.1 и 204.1 УК РФ, согласно которым уголовно наказуемым признается посредничество во взяточничестве или коммерческом подкупе, совершенное в значительном, крупном и особо крупном размере, лицо, оказавшее посреднические услуги при передаче взятки либо предмета коммерческого подкупа на сумму, не превышающую двадцати пяти тысяч рублей, не может нести ответственности как соучастник в получении и даче взятки, мелком взяточничестве или коммерческом подкупе, мелком коммерческом подкупе со ссылкой на статью 33 УК РФ» [8].

Касательно данной ситуации в уголовно-правовой науке было высказано множество суждений и, в частности, отмечалось, что если в содеянном присутствует привилегирующий признак, то содеянное не может оцениваться по общей норме. Например, отсутствует злоупотребление по ст.ст. 201 или 285 УК РФ при невыплате заработной платы и при отсутствии всех признаков, предусмотренных в ст. 145.1 УК РФ, а также отсутствует превышение (ст. 286 УК РФ) при нецелевом расходовании бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ) в не крупном размере [9, с. 48-51].

То есть, если квалифицировать действия должностного лица, получившего денежное вознаграждение за незаконные действия, выразившееся в превышении должностных полномочий, при отсутствии признаков получения взятки (например, при спонсорской помощи), по п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ, то положение такого должностного лица будет хуже, чем взяткополучателя, использующего денежное вознаграждение в личных целях.

Таким образом, введение законодателем квалифицирующего признака «из корыстной или иной личной заинтересованности» в ст. 286 УК РФ фактически декриминализировало получение должностным лицом имущества, имущественных прав или услуг имущественного характера, за совершение незаконных действий по службе, если они передаются, предоставляются или оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду.

Список использованных источников:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за пытки) : паспорт проекта Федерального закона № 42307-8 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

2. Борков В.Н. Оценка мотива при квалификации превышения должностных полномочий // Уголовное право. 2023. № 3.

3. Решняк М.Г. Коррупционные преступления: взгляд через призму социальных последствий в сфере осуществления прав и свобод человека и гражданина // Безопасность бизнеса. 2022. № 1.

4. Приговор № 1-167/2017 от 10.07.2017 по делу № 1-167/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FEgwNWj0TqYK/>.

5. Авдеев С.В. Злоупотребление должностными полномочиями: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид наук. Москва, 2006.

6. Борков В.Н. Отграничение получения взятки от иных должностных преступлений // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

7. Горелик А. С. Конкуренция уголовно-правовых норм : учебное пособие. Красноярск, 1998.

8. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

9. Щепельков В.Ф., Прияхина Н.И. Допустимо ли квалифицировать посредничество во взяточничестве как соучастие в даче или получении взятки? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 6.

УДК 340.12

ПРАВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ. ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА

© А.А. Грибалев

Сибирский федеральный университет

Развивая идею о сущности права как абстрактной модели идеального или реального общественного отношения, логической по форме и вербальной по

содержанию (модельно-волевая теория права) [4, с. 46-55] автор столкнулся с обоснованными замечаниями по поводу того, что подобная конструкция применима к любой социальной норме. Это, безусловно, так и есть, что, однако, не умаляет научной ценности полученных выводов, скорее, наоборот, позволяет достоверно установить логический род не только права, но и более общего, родового понятия социальных норм, позволяя перевести его изучение на более высокий, междисциплинарный уровень науки и философии. В диссертационном исследовании эта тема затронута применительно к соотношению нормы и правила, например.

Тем не менее, специально-юридический анализ сущности права необходимо попытаться довести до логического завершения, установив видовые признаки этого понятия, выделив его относительно иных социальных норм. В работе «Научное правопонимание» ранее был выдвинут тезис о том, что таковым является юридическая сила [4, с. 52, 54]. Доказать это возможно путём выявления места права в системе социальных норм. Итак, согласно существующей на сегодняшний момент правовой доктрине, социальная норма – это обусловленное общественным бытием, общеобязательное, общественное установление (правило поведения) общего характера, направленное на регулирование общественно значимого поведения личности в ее взаимоотношениях с другими людьми [6, с. 215]. Данное определение авторы выводят на основе анализа различных точек зрения, высказанных в разное время в юридической литературе. Оно представляется несколько громоздким, избыточным, хотя по смыслу и близким к истине, которая, как уже было отмечено, заключается в том, что любая социальная норма – суть абстрактная (общего характера) модель (направленное на определённый результат установление, правило поведения) идеального или реального общественного отношения (общественно значимого поведения личности в ее взаимоотношениях с другими людьми), логическая по форме и вербальная по содержанию.

Система социальных норм достаточно объёмна и сложна для полного её анализа в рамках данного исследования, поэтому автор ограничится лишь простым их перечислением: традиционно выделяют нормы морали, обычаев, религиозные, корпоративные и правовые нормы. В свою очередь, они также могут быть классифицированы по различным сферам деятельности: политические, экономические, культурные, семейные и т.п. Даже поверхностный взгляд даёт основание утверждать, что все они обладают общими признаками абстрактных моделей. Социальные нормы представляют собой конструкцию, компонентами которой являются субъект нормотворчества

(моделирования); задача, решаемая субъектом (регулирование общественных отношений); объект-оригинал (разумно предполагаемое идеальное или реальное общественное отношение) и язык описания или способ воспроизведения модели (вербальное содержание). Абстрактная модель всегда является лишь относительным, приближенным подобием объекта-оригинала и в информационном отношении принципиально беднее последнего. Независимо от природы объекта, характера решаемой задачи и способа реализации абстрактная модель представляет собой информационное образование. Кроме того, абстрактным моделям – социальным нормам присущи высокая степень адекватности и признак конечности числа общественных отношений, на которые они рассчитаны.

Безусловно, право обладает всеми указанными признаками, однако они присущи и иным видам социальных норм, поэтому для выделения его сущностного (видового) признака автор не видит иного пути, кроме применения диалектического метода, охватывающего высшие уровни абстрагирования. Так, согласно второму закону диалектики, в процессе развития неизбежен переход количественных изменений в качественные (и обратно). Качественной же характеристикой права в сравнении с иными социальными нормами выступает такой его признак как юридическая сила.

Нет никаких сомнений в том, что таковой не обладают более никакие социальные нормы, и в то же время любой из них она может быть придана или, напротив, ею утрачена. Так, история права убедительно показывает возможность преобразования любой социальной нормы (обычной, религиозной, корпоративной) в юридическое качество (обычное, каноническое, цеховое, корпоративное право), равно как и наоборот. Кроме того, юридическая сила присуща не только правовым нормам, но и всем иным правовым актам, что свидетельствует о её сущностной значимости для всей юриспруденции. Её отсутствие – явное свидетельство того, что норма не является юридической, а относится к категории каких-либо иных социальных норм. Поэтому тезис о юридической силе как сущностном признаке права представляется неоспоримым.

Другое дело, что в самой правовой теории данное понятие, его природа и сущностные характеристики исследованы слабо. Как правило, авторы ограничиваются выявлением двух её аспектов: пространственно-временного и иерархического [8. с. 145-146]. Общеизвестно, что в физике под силой понимается мера воздействия на тело со стороны. Применительно к признакам абстрактной модели можно утверждать, что юридическая сила – это средство решения субъектом моделирования, правотворчества основной задачи –

оегулирования общественных отношений, или, иными словами, средство воздействия на объект моделирования. Но что является источником этой силы? Нет никаких сомнений в том, что таковым выступает власть субъекта моделирования-правотворчества.

В юридической литературе подходы к понятию власти и его соотношению с правом выражены в рамках основных концепций – позитивизма и естественного права. Так, с позиции аналитического позитивизма правовая норма создается или санкционируется властью в лице государства. Такой подход определили основоположники данного направления И. Бентам и Дж. Остин, которые определяли норму как приказ лица, занимающего в политической иерархии более высокое положение (суверена), при том условии, что в приказе ясно выражены те негативные последствия, которые наступят при его несоблюдении. Такое понимание неограниченного верховенства власти суверена, равно как ограниченное и упрощенное понимание права вызывали критику. В XX в. концепция неограниченного суверена была пересмотрена, и неопозитивизм предложил иной взгляд на природу права.

С позиций юснатурализма право есть элемент «общественного договора» власти с обществом. В самом «общественном договоре» сосредоточена и обоснована вся легитимная власть – всякое правление, независимо от его формы, всегда есть делегированная власть. А власть всегда легитимна, если она производна от народной воли. Идея же «неотъемлемых прав», бывшая некогда границей между публичной и индивидуальной сферами, теперь помещается вглубь государственной сферы: «Не индивид, но именно общность, общая воля имеет определенные основные права» – и в этом революционная сила договора. Это слова Руссо [7, с. 289-290].

Автор полагает, что и та, и другая концепции слишком узко трактуют само понятие власти применительно к юриспруденции, отдавая явное предпочтение её политической составляющей, более того, неразрывно увязывая власть с государством (сувереном). Но это не так, ведь эволюция социальной власти прошла не один этап, и государство – лишь краткий промежуток её истории. Власть в догосударственном обществе строилась на сочетании частного и публичного начала (что сохраняется и по сей день в континентальной правовой системе, различающей частное и публичное право), поэтому применение терминов исключительно государственной, политической или публичной власти к праву не отвечает методологическим и научным задачам теории юриспруденции, они логически неполны для всего объёма общественных отношений, именуемых правом. Имеется в виду тот факт, что частноправовые отношения

невозможны без надлежащего частного волеизъявления субъекта, о чём несколько ниже.

Более корректно использование термина «суверенной власти», который активно введён в научный оборот научным руководителем автора – С.А. Дробышевским [5, с. 5 и далее. См. также другие работы автора]. Данное понятие более логично применительно к теории права, ведь есуверенная власть не может быть реальной, в этом указанные понятия совпадают, в том числе и применительно к социальной власти.

Итак, для того, чтобы уяснить соотношение власти и права необходимо использовать определение власти в самом широком её понимании – как способности индивида реализовать свою волю (или установить границы воли иных индивидов). В свою очередь воля – есть способность самостоятельно делать выбор и совершать действие, которые присущи как отдельному субъекту, так и социальным общностям. Это общеизвестные истины. Таким образом, сложение указанных понятий позволяет утверждать, что **власть – это способность индивида (включая коллективы и всё общество) выбрать и реализовать действие, отвечающее его реальным или идеальным интересам (благу), посредством методов (способов, ресурсов) материального (сила, деньги и т.п.) и нематериального (разум, духовные ценности и т.п.) характера.** Применительно к реальной, суверенной власти следует добавить – самостоятельно, независимо, а применительно к социальной власти – в сфере общественных отношений (теоретически нельзя исключить возможность полной изолированности конкретного человека от социума, поэтому для социальной власти необходимо, как минимум, два или более субъектов). Данное определение является абстрактным, что соответствует и самой сути власти как явления дуалистической идеально-материальной природы, ведь она может существовать не только в натуре, но и в виде образов (в воображении).

В связи с этим важным представляется введение в полноценный научный оборот понятия властеотношений. В юридической литературе существуют различные определения этого термина, однако следует выделить два основных подхода в их рассмотрении. При узком подходе властеотношения определяются как общественные отношения, связанные с господством и управлением, где одна сторона – управляющие, а другая – управляемые, подчиненные, а основной ресурс – власть [3, с. 130]. Это отношения властвования. Так, «в ходе функционирования власти неизбежно возникают особые отношения между властвующим и подвластным субъектами. При более широком подходе властеотношения рассматриваются не только как «отношения «властвования», предполагающие соподчинение вступающих в них субъектов. К ним также

следует причислить и иные отношения, в частности: отношения по поводу власти (например, принадлежность, организация, территориальные границы власти); отношения, связанные с взаимоотношениями с властью (например, участие граждан в осуществлении власти, посредством их политических прав, различные формы контроля народа за властью); отношения, касающиеся ограничения власти» [2, с. 20-21].

По мнению автора, **властеотношение – это, прежде всего, результат реализации власти, особые общественные отношения, связанные с господством и управлением, а также иные общественные отношения, возникающие в связи с реализацией власти**, её материальное выражение. Эти отношения в своей эволюции, весьма вероятно с точки зрения второго закона диалектики, перешли на качественно новый уровень – правовой. Более примитивные, неправовые властеотношения, надо полагать, были характерны для архаичных социальных сообществ, и по своим методам и ресурсам ближе к животному миру, нежели миру разума. Непосредственное принуждение посредством силы (в современном понимании – произвол) – вот основа таких неправовых властеотношений. В отличие от них, правовые властеотношения уже в значительной степени опираются более на разум, результатом чего и выступают абстрактные модели общественных отношений, которые имеют сложную интеллектуальную структуру – логическую форму и вербальное содержание, устанавливающее границы индивидуальной воли, признаваемые в целом всем сообществом (то есть – «общественный договор»). Они имеют своей целью гармоничное сосуществование популяции на основе поиска и соблюдения баланса интересов её членов. Такова, собственно, сама природа права как социального явления, по мнению автора.

Опираясь на определение властеотношений можно утверждать, что существует особый их вид – правовые (юридические), то есть общественные отношения по последовательному созданию, толкованию и (или) реализации объективного (материального, позитивного) права (которые также можно обозначить как юридические общественные отношения). А **юридическая сила**, в свою очередь – это и есть **признак (результат) правовых властеотношений, обеспеченный принудительной всеобщей обязательностью посредством ресурсов социальной власти**. Именно поэтому указанные признаки (принудительность, всеобщность и обязательность) не могут быть приписаны непосредственно праву, что традиционно характерно для юридического позитивизма, поскольку признаки эти характеризуют не правовую норму, а её юридическую силу. Например, нормативный правовой акт, принятый субъектом социальной власти в отношении той территории, допустим, на которой этот

субъект не обладает возможностью диктовать свою волю, а значит, и обеспечить его юридическую силу, вообще не будет обладать указанными признаками, и не сможет быть объективно реализован, вследствие чего эти общественные отношения не являются юридическими с точки зрения населения соответствующей территории.

Юридическая сила является сущностным признаком не только правовых норм, но и всех юридических актов (включая ненормативные), это неоспоримый факт, что означает наличие у них всех признаков принудительности, всеобщности и обязательности. Поэтому определение права, выработанное позитивистской доктриной, не соответствует полностью логике права, и для науки и преподавания оно не вполне пригодно, хотя, вне всяких сомнений, перечисление указанных признаков надлежит сохранить применительно к определению юридической силы.

Не следует и забывать, как уже отмечалось, о частноправовом аспекте права, индивидуальных социальных (не менее двух субъектов, как мы помним) властеотношениях. Спецификой подобных отношений является то, что на предварительной стадии они носят исключительно частный характер и опираются на частную инициативу, частную суверенную власть субъекта над самим собой. Неудивительно поэтому, что особую группу оснований недействительности сделок в гражданском праве занимают именно такие, когда участник гражданского оборота действовал вопреки собственным интересам, собственной воли (под влиянием обмана, заблуждения, насилия, недееспособности и т.п.). Можно утверждать, что необходимым элементом частного права всегда являются индивидуальные социальные (частные) властеотношения, и они имеют такую же юридическую силу, как и публичные.

Означают ли полученные выводы то, что право является производным понятием по отношению к социальной власти, что юриспруденция – лишь часть науки о власти, кратологии? По мнению автора, и да, и нет, скорее да, но во всяком случае теория права никак не может являться частью политологии, и уж тем более не может быть объединена с теорией государства (которая как раз и является частью этой, безусловно, уважаемой, науки) по указанным основаниям. Теория права имеет своим объектом особые, специфические явления бытия – абстрактные модели общественных отношений, а предметом – правовые властеотношения (юридические общественные отношения). Несомненно, что способность создать, толковать и реализовать правовые нормы-модели в рамках решаемых задач моделирования (регулирования общественных отношений) – прерогатива социальной власти, и в этом производное по отношению к ней положение права. Иными словами материальное право

неиислимо вне социальных властеотношений, между ними существует прямая причинно-следственная связь.

Вместе с тем, в результате культурной эволюции человечества положение правовых норм по отношению к власти существенно изменилось, результатом чего стал качественный переход права к такому состоянию, когда оно само стало общепризнанным и, фактически, единственным ограничителем абсолютной власти. Используя диалектический метод в связи с этим можно утверждать, что отношения власти и права подчинены в полной мере и первому закону диалектики – они находятся между собой в неразрывном единстве и борьбе. Право немислимо без власти, ибо является результатом её реализации, в то же время власть без права в цивилизованном обществе невозможна, и только право способно установить границы воли властвующих субъектов, обеспечить баланс интересов в обществе.

В юридической литературе можно встретить трактовку отношений права и власти в контексте их единства и противоположности. Так, С.С. Алексеев пишет, что «право требует власти» и одновременно с этим отмечает: «Власть – антипод права... Власть, особенно – власть политическая, государственная, которая и делает «право правом», в то же время – явление, в какой-то мере с ним несовместимое, выступающее по отношению к праву в виде противоборствующего, а порой чуждого, остро враждебного фактора» [1, с. 64, 67]. Единство и противоположность права и власти формируют целостность их функционирования [9, с. 21]. В этом, собственно, ничего удивительного нет, и можно обосновать неизбежность именно такого подхода к соотношению власти и права даже теологически: если всемогущий Бог, обладающий всей полнотой власти над всем, создал законы мироздания, то почему он их никогда не меняет и сам им подчиняется? Видимо, в этом и есть сакральный смысл закона – он обязателен даже для своего создателя. Почему это возможно? Да потому, что право как абстрактная модель вполне может быть применима и к своей собственной первопричине – социальным властеотношениям, поскольку они являются одним из видов общественных отношений.

Кроме того, наука о власти имеет пока всё ещё сугубо гуманитарно-теоретический характер, так как этот феномен не исследован на должном уровне, применение к нему методов точных наук и логики представляется весьма затруднительным. Совсем иное наблюдается применительно к праву. Его логика очевидна, и выражается соответствующей формулой: $G \equiv (D \cup C)$, где G, D и C – соответственно гипотеза, диспозиция и санкция правовой нормы (формула права Грибалева) [4, с. 50]. Правовые властеотношения всегда предоставляют подвластному субъекту свободу выбора вариантов правового поведения, в

отличие от неправовых, в которых он такой возможности лишён по определению (ввиду того, что они реализуются не с помощью моделирования, а при непосредственном контроле, методом «кнута и пряника»), и вынужден полностью подчиняться воле властвующего (по аналогии их логическая формула может быть выражена следующим образом: $\Gamma \equiv \Delta$).

Таким образом, авторская теория права, получившая окончательное наименование **модельно-волевой**, исходит из достаточно устойчивых постулатов: субъект правотворчества, моделируя общественное отношение в правовой норме, реализует свою волю и устанавливает границы воли субъектов-адресатов, путём вербального описания желаемого результата решения задачи моделирования (правомерного поведения), равно как и разумно предполагаемых последствий результата нежелательного (неправомерного поведения), что и находит своё выражение в логической формуле права. Это уже качественно абсолютно новая форма властвования (управления), опирающаяся на продукт разума – абстрактную модель общественного отношения, учитывающую, как правило, общие интересы в той или иной степени.

Наличие обоснованной логической формулы позволяет говорить о том, что форма права неизменна для всех времён и народов, а это уже приближает юриспруденцию если не к точным, то, во всяком случае, к технологическим наукам. По сути, следует вести речь не только о теории, но и технологии права, прикладном её характере.

В заключение исследования обобщим полученные основные выводы:

1. Социальная суверенная власть – это способность субъекта общественных отношений самостоятельно выбрать и реализовать действие, отвечающее его реальным или идеальным интересам (благу), посредством методов и ресурсов материального и нематериального характера. Она реализуется, материализуется посредством особых общественных отношений, связанных, прежде всего, с господством и управлением, а также смежных с ними, – властеотношений. Право, в свою очередь, является их следствием.

2. Социальные властеотношения качественно (диалектически) и по форме (логически) делятся на два вида: правовые (юридические) и неправовые. Суть первых в том, что они – есть общественные отношения по последовательному созданию, толкованию и (или) реализации абстрактных моделей общественных отношений, которые имеют сложную интеллектуальную структуру – логическую форму и вербальное содержание, устанавливающее границы индивидуальной воли, признаваемые в целом всем сообществом («общественный договор»). Они имеют своей целью гармоничное сосуществование популяции на основе поиска и соблюдения баланса интересов («общего блага») её членов, и в этом

социальная природа права. А сущностный признак правовых властеотношений, обеспеченный принудительной всеобщей обязательностью посредством ресурсов социальной власти – это юридическая сила, которая не свойственна иным социальным нормам, является видовым отличием права от них.

3. Диалектика власти и права выражена ещё и в том, что право как абстрактная модель вполне может быть применима и к своей собственной первопричине – социальным властеотношениям, поскольку они являются одним из видов общественных отношений. Именно это и служит предпосылкой возможности практического ограничения власти правом в контексте их единства и противоположности.

4. Таким образом, в рамках авторской модельно-волевой теории предлагается следующее определение: право – это абстрактная модель идеального или реального общественного отношения, логическая по форме и вербальная по содержанию, устанавливающая границы индивидуальной воли, и обладающая (в отличие от иных социальных норм) юридической силой, обеспеченной социальной (частной или публичной) властью.

Список использованных источников:

1. Алексеев С.С. Философия права. Москва : НОРМА, 1998. 336 с.
2. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. Москва : Юристь, 2001. 254 с.
3. Волков П.В. Теоретико-правовые проблемы федерализма: федеративные властеотношения: дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. 230 с.
4. Грибалев А.А. Научное правопонимание // Енисейские политико-правовые чтения : сборник научных статей по материалам XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. Г.Л. Москалев. Красноярск : Красноярская региональная общественная организация «Общественный комитет по защите прав человека», 2022. С. 46-55.
5. Дробышевский С.А. Введение в теорию и историю политически организованного общества и права: критика юридической антропологии Э. А. Хобеля : монография. Москва : Норма, 2023. 304 с.
6. Завьялова Н.Ю., Руденко А.Н. К вопросу о понятии социальной нормы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10-1. С. 213-216.
7. Кассирер Э. Философия Просвещения / пер. с нем. В. Л. Махлин. Москва : РОССПЭН, 2004. 399 с.

8. Ларина Е.А. Правовой феномен «юридическая сила»: общетеоретический анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 5. С. 145-149.

9. Хорошильцев А.И. Право и власть: единство и борьба противоположностей // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 3(13). С. 21-27.

УДК 347.211

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© **Д.А. Гусев**

Сибирский федеральный университет

С момента представления Центральным Банком РФ Доклада для общественных консультаций, а в последующем Концепции цифрового рубля, актуальной темой с точки зрения цивилистики является интеграция цифрового рубля в систему объектов гражданских прав, определения вида правоотношений, в которые будут вступать участники имущественного оборота относительно нового объекта, и сам круг субъектов, которые могут осуществлять операции с цифровым рублем.

Изначально цифровой рубль планировался как дополнительная к уже имеющимся (наличной и безналичной) и равноценная им – цифровая форма национальной валюты, эмитируемая Банком России и представляющая собой уникальный цифровой код, хранящийся на электронном кошельке, передача которого осуществляется путем перемещения данного кода с одного кошелька на другой.

В научной литературе взгляды на сущность цифрового рубля как объекта прав разделились. Так, например, Л.Г. Ефимова считает, что цифровой рубль (а также безналичные деньги и криптовалюта) представляет собой качественно новую разновидность нематериального имущества, которое не может существовать в реальном мире, но является объектом как абсолютных, так и относительных прав [5, с. 14]. В свою очередь, Л.Ю. Василевская, указывает, что как объект гражданских прав, цифровой рубль по своей юридической природе относится к безналичным денежным средствам. Данный вывод автора строится на особенностях выпуска цифрового рубля и его введения в гражданский

оборот, как результата эмиссии Банком России, осуществляемой с помощью цифровых технологий (цифровой аналог определенной денежной суммы, внесенной в цифровой кошелек) [4, с.14].

С 1 августа 2023 г. вступили в законную силу изменения в Гражданский кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ, вводящие в правовое поле «третью форму» российской национальной валюты и регламентирующие особенности ее оборота.

Фактически, указанными законами была подтверждена позиция Л.Ю. Василевской, так как исходя из буквального толкования новелл Гражданского кодекса цифровой рубль представляет собой разновидность безналичных денежных средств (ст. 128 ГК РФ), а расчеты цифровым рублем разновидностью безналичных расчетов (ст. 140 ГК РФ), но осуществляемых в формах, отличных от общих для расчета в безналичных платежах (ст. 862 ГК РФ) [1].

Отличительные признаки цифрового рубля как объекта, во многом, предопределены его цифровой формой, то есть его виртуальностью, под которой можно понимать существование объекта исключительно в форме записи-кода (в электронной форме) «в отрыве от материального мира». Указанная особенность также означает, что для функционирования цифровому рублю нет необходимости в материализации в реальном мире. Данные признаки обуславливают особенности как восприятия человеком цифрового рубля: исключительно с помощью специальных технических устройств, так и осуществления операций с ним: в рамках информационной системы (платформа цифрового рубля) в соответствии с ее правилами (правила платформы цифрового рубля).

Цифровая форма и использование криптографии создает сходство цифрового рубля с цифровыми правами в особенности с цифровыми валютами. Однако, такое сходство, на наш взгляд, носит не правовой, а технический характер. Рассматривая же указанные объекты через призму гражданского права, можно установить, что цифровой рубль и цифровые права представляют собой разные виды имущества, а именно имущественных прав. В наибольшей степени различия в правовом режиме вытекают из закрепленной законодателем функции цифрового рубля, как средства платежа. Так, в отличие от иных цифровых объектов, цифровой рубль является законным средством платежа, эмиссия которого является абсолютной прерогативой государства, при этом инфраструктура цифрового рубля входят в национальную платежную систему. С позиций гражданского права это означает, что цифровой рубль является обязательным к приему в качестве исполнения денежного обязательства [2]. При этом, являясь законным средством платежа цифровой

рубль, номинирован в национальной денежной единице, приравнен к ней из соотношения 1 цифровой рубль к 1 наличному/безналичному рублю, то есть имеет постоянную стоимость. В свою очередь, цифровая валюта в силу прямого указания закона не может приниматься в качестве встречного предоставления, а ее курс как правило не привязан к каким-либо фиатным деньгам и является динамичной величиной, определение которой осуществляется на момент заключения сделки исходя из договоренности сторон или курса торговой площадки, используемой для приобретения валюты [3]. Помимо прочего, цифровой рубль пользуется судебной защитой, в отличие от цифровой валюты, возможность защиты которой поставлена в зависимость от информирования уполномоченного органа обладателем валюты о фактах обладания и совершения гражданско-правовых сделок и операций с цифровой валютой.

Признание в качестве средства платежа, с экономической точки зрения, делает цифровой рубль новой разновидностью фиатных денег - новой формой существования национальной валюты. Однако, цифровую валюту также признают деньгами, только с тем отличием, что последняя представляет собой разновидность частных денег. Так, если понятие денег выводить из выполняемых ими функций (средство сбережения, мера стоимости, средство обращения), то это позволяет отказаться от доктрины *valor impositus* и признать деньгами все, что признается людьми за деньги и выполняет их функции [6, с. 233].

Кроме того, отличительные черты цифрового рубля выражаются в особенностях правоотношений, складывающиеся при осуществлении учета и совершения операций с ним.

Так, законодателем реализована предлагаемая в Концепции двухуровневая розничная модель цифрового рубля, уже из названия которой явствует специфика системы складывающихся правоотношений, а именно ее двухуровневость:

Первая группа отношений - отношения между Банком России и пользователем (физическим лицом, юридическим лицом, ИП), основанные на договоре счета цифрового рубля, в соответствии с которым Банк России, являясь оператором платформы цифрового рубля, открывает счет цифрового рубля и обязуется совершать операции по нему на основании распоряжений пользователя, а пользователь обязуется оплачивать услуги Банка России в соответствии с тарифами.

Вторая группа отношений – отношения между оператором и участником платформы (оператор по переводу денежных средств), основанные на договоре счета цифрового рубля, в соответствии с которым Банк России открывает счет

цифрового рубля и совершает по нему операции, а участник за вознаграждение обеспечивает доступ пользователю к платформе цифрового рубля, осуществляет идентификацию и аутентификацию пользователя, выполняет процедуру приема, проверки и направления оператору распоряжений пользователя, а также обеспечивает информационное взаимодействие между оператором и пользователем. То есть участник платформы в отношениях Банка РФ и пользователей представляет собой некоего «посредника», функции которого сводятся к техническому и информационному обеспечению взаимодействия между оператором и пользователем, из чего следует обсуживающий характер второй группы отношений.

На наш взгляд, выбор двухуровневой модели имеет чисто прагматический характер:

Во-первых, посредством привлечения операторов по переводу денежных средств, частично решается проблема инфраструктуры оборота цифрового рубля, так как позволяет Центральному банку РФ использовать уже сложившуюся и распространенную банковскую систему, для обеспечения взаимодействия между Банком РФ и конечным пользователем платформы цифрового рубля, путем передачи программного обеспечения участнику.

Во-вторых, за счет установленного вознаграждения участнику платформы обеспечивается заинтересованность участников платформы в посредничестве между ЦБ РФ и пользователем и частично будут нивелироваться последствия перераспределения средств из наличных денег и со счетов банков (дешёвых пассивов) в цифровую валюту центрального банка.

Но не смотря на особенности субъектного состава, организации взаимодействия между ними и осуществления расчетов цифровыми рублями, на наш взгляд, цифровой рубль представляет собой качественно новый объект только с технической точки зрения. Внедрение двухуровневой модели привело к изменению договорных связей и возникновению новых связей, но не являлось причиной существенного изменения правовой природы складывающихся правоотношений – счет цифрового рубля пользователя является разновидностью банковского счета, открытие и проведение операций, по которому вытекает из договора счета цифрового рубля между оператором платформы цифрового рубля и пользователем платформы цифрового рубля.

Поэтому, считаем, следует согласиться с позицией профессора Ефимовой Л.Г, в том что цифровой рубль является ничем иным как «обязательственным правом (требования)» по договору цифрового счета (кошелька), открытого на платформе цифрового рубля, отличающиеся от безналичных денежных средств

обязанным субъектом – Центральным Банком РФ и техническими особенностями фиксации и проведения операций [7, с. 6].

В связи с этим, видится разумным, обоснованным и принятым в соответствии с «законом конструкционной экономии» решение законодателя в отношении правовой квалификации цифрового рубля как объекта гражданских прав и особенностей его оборота.

Список использованных источников:

1. О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 27.07.2022 № 339-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 27.07.2022 № 340-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

4. Василевская Л.Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // *Lex russica*. 2023. № 1. С. 9-19.

5. Ефимова Л.Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // *Цивилист*. 2022. № 4. С. 6-15.

6. Мэнкью Н.Г. Макроэкономика / Н. Г. Мэнкью. М.: Издательство МГУ, 1994. 736 с.

7. Интервью с Ефимовой Людмилой Георгиевной, заведующей кафедрой банковского права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессором кафедры финансовых сделок и новых технологий в праве Российской школы частного права Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором // *Цивилист*. 2023. № 2. С. 5-14.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРНЕТ-ПРИВАТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© С.И. Гутник

Сибирский федеральный университет

Цифровизация является современным глобальным процессом, накладывающим свой отпечаток на все сферы жизнедеятельности общества. Инструменты цифровизации призваны упорядочивать и упрощать управленческие процессы, делать повседневную жизнь человека более удобной. Положительные аспекты цифровизации весьма очевидны, поскольку современный человек уже трудно представляет свою жизнь без цифровых технологий.

В то же время, цифровизация порождает массу скрытых проблем, которые связаны с созданием благоприятной почвы для огромного количества злоупотреблений, последствия которых, к сожалению, мы можем наблюдать ежедневно. Киберугрозы, кибермошенничество, киберсталкинг, кибербуллинг, киберэкстремизм – вот далеко не полный перечень тех явлений, которые были порождены активным внедрением цифровых технологий.

Законодательство и правоприменительная практика должны весьма оперативно реагировать на эти вызовы современности, именно это и обуславливает актуальность сформулированной проблемы.

Пожалуй, одной из первых проблем, которая была выявлена вследствие запуска глобального процесса цифровизации, - это проблема обеспечения интернет-приватности в отношении сведений, которые подпадают под соответствующий правовой режим конфиденциальности – конфиденциальных персональных данных, личной и (или) семейной тайны.

Правовое регулирование вопросов, связанных с обеспечением безопасности персональной информации, носит в Российской Федерации достаточно стабильный характер. Конституция РФ закрепляет в ст. 23 право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, а ст. 24, в свою очередь, устанавливает, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается.

В обеспечение данных положений принятый Федеральный закон «О персональных данных» устанавливает аналогичное общее правило, в соответствии с которым не допускается обработка персональных данных любого

субъекта без его согласия, за исключением случаев, которые напрямую предусмотрены указанным законом [1].

В то же время, активное использование человеком социальных сетей, мессенджеров, различных интернет-площадок, требующих авторизации и индивидуализации лица не всегда гарантирует сохранность его персональных данных, чем порождает риск утечки в руки злоумышленников, которые будут использовать их с целью причинить ущерб нематериального и материального характера.

Угрозы неправомерного использования персональных данных весьма очевидны: это навязчивые рекламные звонки, рассылка спама, телефонное мошенничество (последнее приобрело в наши дни всеобъемлющие масштабы).

К сожалению, массовые утечки персональных данных стали для нас практически обыденным явлением, о чём свидетельствуют многочисленные публикации в средствах массовой информации [2].

Использование мессенджеров и социальных сетей с незащищёнными (открытыми) профилями порождает stalking (преследование) человека, присвоение личности другого лица (подобного рода случаи в последнее время не являются редкостью [3]), побуждение к ненужным покупкам, выявление лиц, которые, например, отсутствуют дома, в связи с чем возможно совершение хищений. В литературе также указывается на угрозу выявления злоумышленниками в открытом доступе людей, являющихся физически слабыми, психически не способными защитить себя самостоятельно с целью совершения различных посягательств на жизнь, здоровье, собственность, финансовое положение. Утечка данных авторизации на одном не очень надёжном сайте приведёт к компрометации данных доступа ко всем интернет-ресурсам [4, с. 137].

Анализ причин, связанных с различного рода утечками позволяет сделать вывод, что подавляющее большинство угроз вызвано несоблюдением правил личной информационной безопасности и большим объёмом цифрового следа лица в открытом доступе. Также это вызвано отсутствием бдительности граждан относительно распространения информации о них сторонними ресурсами, в отношении которых они не давали своё согласие на такое распространение.

Относительно недавно Конституционный Суд Российской Федерации давал оценку подобного рода ситуациям, когда общедоступные персональные данные лица без его согласия размещались на сторонних ресурсах, в связи с чем якобы нарушалось право на неприкосновенность частной жизни. Постановлением Конституционного Суда РФ от 25.05.2021 г. Конституционным Судом разъяснено, что в отношении медицинских работников размещение персональных данных

допускается для опубликования различного рода рейтингов, однако если ресурс, который осуществляет это размещение, допускает со своей стороны злоупотребления, то лицо вправе требовать судебной защиты своего права на неприкосновенность частной жизни вплоть до требования удаления информации о нём из открытого доступа [5].

С позиции разработанной Н.В. Щедриным теории мер безопасности [6] потенциальные действия злоумышленников по утечкам персональных данных можно обозначить в качестве источников повышенной опасности, в отношении которых необходимо принять специальные ограничительные меры.

Представляется, что характер применения данных ограничительных мер должен исходить из необходимости обеспечения интернет-приватности.

Интернет-приватность формулируется в некоторых публикациях как выступающие атрибутом права на неприкосновенность частной жизни общественные отношения, возникающие при реализации лицом права на конфиденциальность его общения через средства интернет-коммуникации, и (или) его желании и стремлении сохранить своё пребывание в сети интернет в тайне от посторонних глаз [7]. Данное определение представляется нам справедливым, поскольку оно учитывает субъективный характер желания лица сохранить сведения о себе в секрете.

Возможность применения и обеспечения состояния интернет-приватности существует на сегодняшний день в любом техническом устройстве, при помощи которого происходит обработка и использование персональных данных. Но проблемным аспектом в этой связи является слабая информированность активных пользователей этих технических средств о возможностях интернет-приватности, как и игнорирование ими элементарных правил личной информационной безопасности.

Очевидно, что одним из единственных эффективных средств по преодолению утечек, причинами которых служит «цифровая небрежность» самих интернет-пользователей, является активное правовое и техническое просвещение пользователей в рамках обеспечения их интернет-приватности.

Полагаем, что в качестве ещё одной эффективной мерой по обеспечению интернет-приватности в контексте личной информационной безопасности является «право на забвение», содержащееся в п. 1 ст. 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Данное право предполагает, что на оператора поисковой системы возлагается обязанность по требованию гражданина прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением

законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что тотальная цифровизация порождает серьёзную проблему защиты права на неприкосновенность частной жизни в сети интернет. Одним из средств обеспечения личной информационной безопасности могла бы стать гарантированная интернет-приватность, применение которой в настоящий момент обусловлено субъективным фактором. В качестве одного из эффективных средств обеспечения интернет-приватности может рассматриваться реализация лицом права на забвение, подразумевающего возможность требовать удаления из открытого доступа сведений о лице, которые были размещены неправомерно или перестали быть актуальными.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.
2. Число утечек персональных данных в 2022 году выросло 2,7 раза. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/487747-cislo-utecek-personal-nyh-dannyh-v-2022-godu-vyroslo-v-2-7-raza>
3. Зварыгин В.Е., Ахатова А.М. Похищение «цифровой личности»: проблемы квалификации // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 3. С. 148-157.
4. Риски цифровизации : виды, характеристика, уголовно-правовая оценка / Ю.В. Грачева, С.А. Иванов, С.В. Маликов, А.И. Чучаев ; отв. ред. Ю.В. Грачева. – Москва : Проспект, 2022. 270 с.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2021 N 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона "О персональных данных" в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "МедРейтинг"» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
6. Щедрин Н.В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности / Краснояр. гос. ун-т; Н.В. Щедрин. – Красноярск: Юридический институт КрасГУ, 2006.
7. Назаров С. А. Концепция Интернет - приватности // Актуальные вопросы современного права. пути теоретического и практического решения проблем: сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 01

марта 2018 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2018. С. 130-133.

УДК 34.096

СТАНДАРТИЗАЦИЯ ОКАЗАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© **С.И. Гутник**

Сибирский федеральный университет

Оказание бесплатной юридической помощи – одно из важнейших направлений деятельности государства, актуальность которого повышается с каждым годом, поскольку с каждым годом всё чаще граждане стремятся разрешать свои жизненные проблемы именно в правовом поле, посредством применения правовых механизмов.

В соответствии с со ст. 2 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» граждане имеют право на получение бесплатной юридической помощи в случаях и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации [1].

Субъекты оказания бесплатной юридической помощи многочисленны. Среди них закон перечисляет и органы государственной власти, нотариат, адвокатуру, образовательные организации высшего образования и т.д. Закрепляются и общие принципы оказания бесплатной юридической помощи, в частности: социальная справедливость и социальная ориентированность при оказании бесплатной юридической помощи; доступность бесплатной юридической помощи для граждан в установленных законодательством Российской Федерации случаях; контроль за соблюдением лицами, оказывающими бесплатную юридическую помощь, норм профессиональной этики и требований к качеству оказания бесплатной юридической помощи; установление требований к профессиональной квалификации лиц, оказывающих бесплатную юридическую помощь и т.д.

Представляется, что «контроль за качеством» и «установление требований к квалификации» - те принципы, которые имеют важнейшее содержательное значение для деятельности всех участников системы оказания бесплатной юридической помощи, потому что от того, как они соблюдаются, зависит и

качество помощи, оказываемой гражданами. Особенности реализации данных принципов могли бы быть закреплены в соответствующих стандартах оказания бесплатной юридической помощи, которые бы более детально установили, каким образом различные субъекты могли бы осуществлять свою деятельность.

В то же время, единых стандартов оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации на сегодняшний день не существует, что порождено, на наш взгляд, специфическими особенностями каждого из субъектов оказания бесплатной юридической помощи.

Так, нотариусы при оказании бесплатной юридической помощи должны руководствоваться положениями ст. 19 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», однако на уровне нотариата стандарт оказания такой помощи не принят.

Федеральной палатой адвокатов принят Стандарт оказания адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи (утверждён XI Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2023). Многие правила, которые в нём содержатся, довольно похожи на нормы, содержащиеся в Кодексе профессиональной этики адвоката. Например, адвокат не вправе отказаться от исполнения принятого поручения на оказание бесплатной юридической помощи, за исключением случаев, предусмотренных законом. Подробно указано, какие виды деятельности осуществляет адвокат в процессе оказания бесплатной юридической помощи, в частности, разъясняет доверителю права и обязанности, связанные с защитой его прав и законных интересов, консультирует доверителя по вопросам возможности и способов защиты его правового интереса, передаёт по просьбе доверителя текст консультации в письменном виде [2].

Безусловно, адвокат является тем независимым советником по правовым вопросам (в силу положений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), который располагает наиболее полным набором правовых средств для оказания качественной юридической помощи. И именно это отличает его от всех остальных субъектов, участвующих в реализации бесплатной юридической помощи.

Если говорить о деятельности юридических клиник, которые создаются в образовательных организациях высшего образования и научных организациях в соответствии с федеральным законом, то в отношении них единый стандарт оказания бесплатной юридической помощи также отсутствует. Между тем, роль данных субъектов в системе оказания бесплатной юридической помощи с каждым годом возрастает, поскольку их количество увеличивается, как и

увеличивается потребность населения в получении качественной юридической помощи.

Деятельность юридических клиник в законодательстве детально не урегулирована, однако они упоминаются не только в законе о бесплатной юридической помощи, но и в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования различного уровня по направлению подготовки «Юриспруденция» как обязательный элемент образовательной программы. При этом, поскольку клиника является структурным подразделением образовательной организации высшего образования, её деятельность должна регламентироваться на основе локального нормативного акта.

Многолетний опыт работы куратором юридической клиники автора позволяет сделать вывод, что юридическая клиника способна оказывать множество видов правовой помощи, например: приём и консультирование граждан в устной и письменной форме; составление письменных документов правового характера в интересах обратившихся, представление интересов граждан в судах и иных правоохранительных органах.

Возможность реализации клиниками последнего вида деятельности вызывает споры в литературе [3, с. 56]. Между тем, полагаем, что представление интересов граждан в судах является одним из важнейших направлений работы будущего юриста, которому студенты должны обучаться не только в стенах образовательной организации, тем более с учётом тенденции возрастания роли практической подготовки при реализации образовательных программ высшего образования.

Безусловно, инструментарий студентов, оказывающих бесплатную юридическую помощь в виде представления интересов граждан в суде несколько ограничен. Так, оказывать квалифицированную юридическую помощь в уголовном процессе вправе только адвокат. Быть представителем по делам, рассматриваемым в порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства, Арбитражного процессуального кодекса, вправе только лицо, имеющее высшее юридическое образование либо учёную степень по юридической специальности. Ограничения содержатся и в Гражданском процессуальном кодексе РФ – наличие высшего юридического образования обязательно при рассмотрении гражданских дел в суде апелляционной, кассационной или надзорной инстанций, за исключением производства у мировых судей или в районных судах.

Сказанное выше обуславливает различный подход к стандартизации деятельности по оказанию бесплатной юридической помощи юридическими

клиниками, поскольку от обучающихся нельзя требовать то, чего они не вправе делать по закону – например, представлять интересы в арбитражных судах.

Отсутствие единых минимальных стандартов оказания юридическими клиниками бесплатной юридической помощи вынуждает осуществлять эту деятельность с ориентирами на те общие принципы, которые заложены в федеральном законе. Однако это вовсе не означает, что появление стандарта не нужно обсуждать.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 324-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 148. Ст. 6725.

2. Стандарт оказания адвокатом бесплатной юридической помощи. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standart-okazaniya-advokatom-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoshchi-v-ramkakh-gosudarstvennoy-sistemy-be>

3. Николайченко О.В., Зырянов И.А. Стандарты оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: концепции, реалии, обсуждения // Вестник Сратовской государственной юридической академии. 2021. № 5 (142). С. 53-62.

УДК 343.131.5

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПОТЕРПЕВШИХ, СВИДЕТЕЛЕЙ И ИНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

© С.И. Давыдов

Алтайский государственный университет

Государственная защита участников уголовного судопроизводства является важнейшей гарантией осуществления правосудия. Правовое регулирование реализации мер защиты во многом обеспечивается УПК РФ. К таким мерам относятся, к примеру, участие в следственных действиях под псевдонимом (ст. 166), контроль и запись телефонных и иных переговоров (ст. 186), проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ст. 193), проведение закрытого судебного заседания (ст. 241), допрос судом свидетеля без оглашения его подлинных анкетных данных в

условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства (ст. 278).

К числу субъектов, непосредственно обеспечивающих государственную защиту участников уголовного судопроизводства, следует выделить оперативно-розыскные органы.

С 2008 года в системе Министерства внутренних дел России функционирует Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите. Аналогичные подразделения сформированы так же в органах внутренних дел субъектов Российской Федерации. Основные задачи указанных подразделений связаны с реализацией мер, предусмотренных федеральным законом от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

В ряде субъектов РФ вопросы государственной защиты регулируются и на региональном уровне, как правило, межведомственными нормативными актами. Например, на территории Алтайского края действует межведомственное соглашение № 3 от 2016 года «О взаимодействии ГУ МВД России по Алтайскому краю, Алтайского краевого суда, Управления Федеральной службы судебных приставов Алтайского края при осуществлении государственной защиты лиц в соответствии с нормами ФЗ от 20.08.2004 № 119 ФЗ».

В целях выявления проблем, которые возникают при реализации мер государственной защиты, было проведено анкетирование сотрудников полиции, следователей и представителей судебной системы. Результаты анкетирования были проанализированы и установлено, что с применением мер государственной защиты потерпевших и свидетелей сталкивались только половина опрошенных (53%) Те, кто никогда не обращался к мерам защиты, объяснили это коротким сроком службы. При выяснении, какие меры безопасности имели место в практике проанкетированных сотрудников результаты такие:

- личную охрану, охрану жилища и имущества участников уголовного судопроизводства использовали 16% опрошенных сотрудников;
- выдачу специальных средств индивидуальной защиты, связи, оповещения об опасности - 10 %;
- опознание, исключающее визуальное наблюдение лица, опознающего опознаваемым - 17%.

Фактов изменения внешности посредством применения косметических или иных подобных средств, как меры обеспечения безопасности, предусмотренной федеральным законодательством, по изученным материалам не выявлено.

Установлено, что примерно третья часть постановлений на применение мер безопасности выносится в отношении свидетелей. Инициаторами применения таких мер выступают следователи МВД, Следственного комитета, суды. Как показывает практика, свидетели либо потерпевшие сами часто обращаются за помощью, аргументируя свое обращение наличием угроз в отношении них либо их близких.

Отметим, что информация о тех лицах, которые подпадают под государственную защиту, законодателем отнесены к сведениям, составляющим государственную тайну, что подразумевает доступность к ней только определенного законом круга лиц, которые наделены специальными полномочиями.

В ходе проведенного исследования были выявлены некоторые проблемы, возникающие при реализации мер государственной защиты свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства.

Например, возникают вопросы при установлении достоверности факта угрозы в отношении защищаемого лица в связи с его участием в уголовном деле. Для этой цели необходимо широко использовать гласные и негласные методы оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), предусмотренные Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее - Закон об ОРД). Закон позволяет проводить комплекс оперативно-розыскных мероприятий, в частности, опрос, наведение справок, наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, контроль почтовых отправлений, оперативный эксперимент и др.

Здесь важно выделить проблему несовершенства оперативно-розыскного законодательства, регламентирующего задачи ОРД. Они определены ст. 2 Закона об ОРД. В основном задачи связаны непосредственно с борьбой с преступностью. Это – выявление, раскрытие преступлений, установление лиц, их совершивших; розыск преступников. Но к задачам ОРД законодатель почему-то не относит обеспечение безопасности лиц, подлежащих государственной защите, в том числе свидетелей, потерпевших, иных участников уголовного судопроизводства. Между тем, созданные в системе МВД России подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, правомочны осуществлять ОРД в полном объеме. И их основная функция – обеспечить безопасность указанных лиц оперативно-розыскными средствами и методами.

Еще одной проблемой является обеспечение безопасности лиц, конфиденциально содействующих оперативно-розыскным подразделениям. Известно, что их роль в раскрытии преступлений, добывании информации

доказательственного характера достаточно велика. Законом об ОРД предусмотрена возможность проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативное внедрение», которое позволяет проводить в криминальной среде активную разведывательную работу, выявлять и документировать преступные действия.

Надо отметить, что в российском законодательстве в определенной мере урегулирован вопрос о гарантиях безопасности лиц, содействующих борьбе с преступностью. Так, Закон об ОРД обязывает оперативно-розыскные органы при возникновении реальной угрозы противоправного посягательства на жизнь, здоровье или имущество отдельных лиц в связи с их содействием в борьбе с преступностью принять необходимые меры по предотвращению противоправных действий (ст. 18). Оперативно-розыскные органы обязаны содействовать обеспечению безопасности и сохранности имущества лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД, а также членов их семей и близких указанных лиц от преступных посягательств (ст.14).

Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ относит к лицам, подлежащим государственной защите среди прочих и заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления (ст.1). Отметим, что в основу разработки данного закона были положены нормы Модельного закона Содружества Независимых Государств «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству» от 6 декабря 1997 года. По сравнению с российским законом в нем четко определен круг лиц, содействующих борьбе с преступностью – это лица, заявившие в правоохранительный орган о преступлении либо иным образом участвовавшие в обнаружении, предупреждении, пресечении, расследовании или раскрытии преступлений. Как мы ранее отмечали было бы целесообразным рассмотреть вопрос об уточнении в российском законодательстве перечня лиц, подлежащих государственной защите, а также о дополнении перечня мер государственной защиты, мерами, предусмотренными Модельным законом. Это – рассмотрение дела в закрытом судебном заседании; прослушивание телефонных переговоров защищаемого лица; выдача ему оружия [1, с. 96-104].

Остается неурегулированным целый ряд вопросов защиты конфиденентов, выступающих в качестве свидетелей под псевдонимом. Известно, что такая процедура предусмотрена УПК РФ. Однако, как показало исследование, более 90% опрошенных оперативных сотрудников отметили, что у них вызывает сомнение возможность сохранения в тайне сведений о конфидентах при

получении от них свидетельских показаний. Причина заключается в широком перечне лиц, которые будут осведомлены о негласных сотрудниках. Помимо следователя, это прокурор, судья. Не исключена коррупционная составляющая и передача сведений о негласном сотруднике заинтересованным лицам. Каждый третий оперативный сотрудник высказал опасения, что конфидент будет расшифрован, если о нем узнает хотя бы один человек, даже из числа должностных лиц правоохранительных органов. Возможным выходом из такой ситуации предлагается допрашивать конфиденнта оперативным сотрудником, у которого тот состоит на связи. Для этого необходимо поручение следователя в соответствии с УПК. Подобная точка зрения широко поддерживается специалистами и неоднократно высказывалась в литературе [2, с. 39-42].

К числу проблемных относится и вопрос о надежности сохранения подлинных данных о конфиденнте, которые указаны в постановлении, содержащемся в конверте. Не исключены случаи, когда защитник при ознакомлении с уголовным делом может вскрыть конверт и получить доступ к сведениям о защищаемом лице. Поддерживаем мнение, что было бы правильно указывать в постановлении следователя только псевдоним защищаемого конфиденнта. Тем более, что ст. 166 УПК РФ это позволяет. Либо закрепить порядок, согласно которому конверт с данными о негласном сотруднике передавать на хранение оперативному работнику.

Список использованных источников:

1. Давыдов С.И., Дудко Н.А., Петухов Е.Н. Защита лиц, содействующих борьбе с преступностью: сравнительно-правовой анализ норм российского и международного права // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 2.

2. Давыдов С.И., Петухов Е.Н. Проблемы защиты свидетелей из числа конфиденнтов: уголовно-процессуальный аспект // Известия АлтГУ. 2018. № 3 (101).

УДК 343.9

ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

© И.А. Дамм

Сибирский федеральный университет

Преступность представляет собой сложный социально-правовой феномен, поиск эффективных моделей воздействия на который осуществляется на протяжении ряда столетий. Воздействие государства на преступность в общем виде получило наименование «уголовная политика». В одной из первых фундаментальных работ «Задачи уголовной политики» (1894 г.) Франц фон Лист предлагал под уголовной политикой понимать «совокупность оснований, опирающихся на научное исследование причин преступления и действия, производимого наказанием, – оснований, соотносясь с которыми государство при помощи наказания и родственных ему институтов должно бороться с преступлением» [15, с. 7–8].

По мере развития зарубежного и отечественного научного знания о детерминации преступного поведения содержание уголовной политики расширилось до задач борьбы с преступностью. Так, профессор М. П. Чубинский в работе «Очерки уголовной политики» (1905 г.) пришел к выводу, что «уголовная политика есть ветвь науки уголовного права; она призвана вырабатывать указания для наилучшей постановки в данной стране дела уголовного правосудия как путем социальных реформ, так и путем создания лучшего уголовного законодательства. Поэтому она распадается на политику превентивную и политику репрессивную и имеет главной, но не единственной, задачей борьбу с преступностью» [26, с. 92].

В палитре современных определений уголовной политики можно выделить два основных подхода. Представители первого весьма широко понимают уголовную политику, включая в ее содержание весь спектр мер воздействия на преступность: от специально-криминологических до общесоциальных. Например, Г. Ю. Лесников определяет уголовную политику как систему «принципов, политических и политико-правовых предписаний, правовых и иных социальных норм антикриминального цикла, криминологических программ и программ ресоциализации преступника, выработанных на научной основе и осуществляемых государством совместно с субъектами российского гражданского общества по обеспечению правопорядка,

предупреждения и борьбы с преступностью, безопасности личности, в необходимых случаях – национальной безопасности» [28, с. 20–21]. По мнению В. А. Маслова, уголовная политика – это «стратегическая деятельность государства по противодействию преступности в целях охраны прав и свобод личности» [20, с. 106].

Представители второго подхода считают, что столь широкое определение содержания уголовной политики не соответствует ее фактическому функционалу. Так, А. И. Коробеев полагает, что необходимо «вывести меры общесоциального характера за рамки уголовной политики, оставив ей только то, что непосредственно направлено на борьбу с преступностью. В противном случае истинные цели и задачи, стоящие перед социальной политикой и ее составной частью – уголовной, будут искажены» [14, с. 8]. Уголовная политика, по мнению А. И. Коробеева, «есть выработанная государством генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, регулирования практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений» [14, с. 16]. В свою очередь, В. К. Дуюнов приходит к выводу, что отождествление всей политики государства в сфере противодействия преступности с уголовной политикой необоснованно, как и неоправданны попытки «уместить» в содержание последней все усилия государства по противодействию преступности [9, с. 25].

В структуре современной уголовной политики традиционно выделяют: уголовно-правовую, криминологическую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную политики. Уголовно-правовая доминанта придает современной уголовной политике векторную направленность преимущественно на процессы криминализации и пенализации. В свою очередь, деятельность правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с преступностью, ориентирована на выявление, пресечение и расследование готовящихся или уже совершенных преступлений. Конечно, уголовная ответственность обеспечивает восстановление социальной справедливости, а репрессия выполняет функцию общей и частной превенции. Однако в условиях репрессивного крена современной уголовной политики профилактика преступности выступает лишь сопутствующим элементом борьбы с преступностью. В этой связи следует согласиться с С. В. Максимовым, полагающим, что «законодательное и фактическое обеспечение приоритета профилактики преступлений перед уголовной репрессией должно стать

реальной задачей реформирования системы уголовной политики на обозримую перспективу» [17, с. 19].

Реформирование системы уголовной политики представляет собой сложную межотраслевую поисковую задачу. Современная уголовная политика находится в состоянии кризиса, что признается ведущими отечественными учеными [2; 7; 8; 12; 13]. Координировать работу над научным обоснованием генеральной линии противодействия преступности надлежит криминологической политике в силу принадлежности предмета ее научных исследований. Однако криминологическая политика все еще находится на начальной стадии своего развития, ей еще предстоит определение места и роли в системе уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и иных политик, предмет которых соприкасается с вопросами воздействия на преступность [2; 3]. Кроме того, в научной литературе актуализируются вопросы соотношения криминологической и антикриминальной политики [6; 21].

Таким образом, ведущие криминалисты и криминологи прошлого и современности осознают необходимость познания детерминации преступности, эффективности криминализации и пенализации, а также значимость комплексного межотраслевого подхода в вопросах воздействия на преступность. Однако вопрос о том, образуют ли названные аспекты научного знания предмет исследований уголовной политики, криминологической политики или же политики противодействия преступности, остается дискуссионным.

Многогранность феномена преступности во многом предопределила развитие не только общей теории предупреждения преступности [10; 24], но также появление новых научных направлений, таких как теория национальной безопасности [4; 11], концепция криминологической безопасности [1; 23], теория антикриминальной безопасности [5; 18], правовая теория мер безопасности [25; 27], криминальная виктимология [16; 22], уголовно-правовая социология [19] и др. Приращение научных знаний в названных областях современных исследований представляется закономерным следствием поиска новой парадигмы воздействия на преступность, гармонично сочетающей в себе в качестве основных самостоятельных направлений предупреждение преступности и борьбу с ней. При этом *предупреждение преступности* выступает первоочередным направлением, основным предназначением которого является обеспечение комплексных мер защиты системообразующих объектов от причинения им вреда. В свою очередь, *борьба с преступностью* предполагает защиту таких объектов от готовящихся или уже реализующихся

преступных посягательств, а также обеспечение неотвратимости наказания в случае совершения преступлений.

Возводить «китайскую стену» между названными направлениями не стоит. Напротив, их выделение в качестве самостоятельных направлений противодействия преступности открывает новые познавательные возможности в определении не только специфики и взаимосвязей каждого из них, но и их предупредительного потенциала.

Управление процессами предупреждения преступности и борьбы с ней образует политику противодействия преступности. Единственным субъектом, располагающим всем спектром ресурсов и возможностей по выработке и реализации политики противодействия преступности, выступает государство. В качестве «управляющего субъекта» государство обладает необходимыми властными полномочиями для реализации как мер предупреждения преступности, так и борьбы с ней. В свою очередь, преступность и процессы ее детерминации выступают «объектами управления». При этом следует учитывать, что преступность имеет социально-правовую природу, а значит воздействие на социальные аспекты преступности должно учитывать их особенности и закономерности.

В этой связи особую актуальность в аспекте осмысления политики противодействия преступности приобретает познание общества как самостоятельного субъекта политики противодействия преступности. Именно общество во всем многообразии его структур имеет значимый, но еще не раскрытый потенциал в вопросах предупреждения преступности. При этом особого внимания требует определение гарантированных механизмов взаимодействия государства с научной общественностью в вопросах формирования уголовно-правовой политики. Пренебрежение научной обоснованностью в вопросах реформирования уголовного законодательства имеет далеко не благоприятные последствия, выражающиеся, в первую очередь, в выхолащивании его предназначения и системности содержания.

Несмотря на то, что общество и государство выступают взаимосвязанными и взаимозависимыми субъектами общественно-политической жизни, далеко не всегда их интересы находятся в необходимом для устойчивого развития балансе. История свидетельствует, что политика государства может противоречить интересам общества и вести к различным социальным потрясениям (геноцид, войны, революции, протесты и другие), которые неизбежно сопровождаются качественными и количественными изменениями состояния преступности.

Общество – сложная саморазвивающаяся система, свойством которой выступает воспроизводство преступности. Но при этом, несмотря на смену государственных режимов, оно обладает способностью сохранять ключевые ценности благодаря образовательным, культурным, духовным, религиозным и иным ресурсам. Соответственно, общество представляет собой систему, самовосстанавливающуюся даже в случаях гибели политического режима или смены государственного устройства.

Советское наследие нашего государства периода репрессий на уровне «генетической памяти» противопоставило общество и государство в вопросах взаимодействия по выявлению и предупреждению общественно опасных деяний. Сообщение в правоохранительные органы о готовящемся преступлении до сих пор может оцениваться в общественном сознании как «стукачество» или «доносительство». В свою очередь, далеко не всегда правоохранительные органы воспринимаются в обществе как защитники и поборники справедливости. Такое противостояние имеет крайне негативные последствия, поскольку разобщенность государства и общества в вопросах предупреждения преступности приводит к размыванию ресурсных возможностей, деформирует ценность и общность задач.

Сдерживание преступности на социально терпимом уровне, позволяющем обществу и государству мирно сосуществовать и развиваться, представляет для них общую проблему. Обществу и государству необходимо согласованно определять приемлемый и адекватный объем мер воздействия на преступность. Именно совместная управляющая деятельность общества и государства должна образовывать политику противодействия преступности. В связи с этим требуют отдельного научного внимания вопросы познания резервов общества и его структур в воздействии на преступность, а также поиск способов взаимодействия общества и государства в определении политики противодействия преступности, и в том числе уголовно-правовой политики.

Список использованных источников:

1. Бабаев М.М., Рахманова Е.Н. Права человека и криминологическая безопасность : учебное пособие. М.: Логос, 2003. 153 с.
2. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики : монография. М.: Проспект, 2014. 296 с.
3. Бойко А.И. Системная среда уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А. И. Бойко. М., 2008. 460 с.

4. Босхолов С.С. Национальная безопасность России: теоретико-правовой и прикладной аспекты : монография / С. С. Босхолов. М.: Проспект, 2021. 456 с.
5. Горшенков Г.Г. Антикриминальная безопасность личности : монография / Г.Г. Горшенков. Н. Новгород: Волго-Вятская академия государственной службы, 2006. 293 с.
6. Горшенков Г.Н. Антикриминальная политика в контексте общетеоретической науки о криминале // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3. С. 300–302.
7. Джатиев В.С. О российской антикриминальной политике // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2. С. 31–37.
8. Дуюнов В.К. Реформирование уголовного законодательства должно быть обоснованным // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1. С. 12–18.
9. Дуюнов В.К. Цели государственной политики в сфере противодействия преступности // Евразийский Союз Ученых. Серия: экономические и юридические науки. 2021. № 7. С. 22–30.
10. Жалинский А.Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР (вопросы теории). – Львов: Вища школа, 1976. 195 с.
11. Иншаков С.М. Основы теории национальной безопасности : учебник. М.: КНОРУС, 2021. 364 с.
12. Клейменов М.П. Профанация уголовной политики // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 3. С. 131–134.
13. Коробеев А.И. Обсуждение нового уголовного законодательства: «Круглый стол» кафедры уголовного права Юридического института ДВГУ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 2. С. 211–218.
14. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
15. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2023. 104 с.
16. Майоров А.В. Виктимологическая модель противодействия преступности : монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 223 с.
17. Максимов С.В. Новейшая уголовная политика России: опыт и уроки непрерывного реформирования // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 16–22.
18. Мамонова Ю.А. Частная жизнь как объект антикриминальной безопасности : монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 199 с.

19. Маркунцов С.А. О понятии и предмете уголовно-правовой социологии // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 2. С. 259–262.

20. Маслов В.А. Уголовно-правовая политика: дефиниция и место в структуре уголовной политики // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16, № 5. С. 104–123.

21. Номоконов В.А. Антикриминальная политика: методологические и нравственные основы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 106–116.

22. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 304 с.

23. Савельев А.И. Криминологическая безопасность несовершеннолетних : монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 242 с.

24. Теоретические основы предупреждения преступности / отв. ред. В.К. Звирбуль, В.В. Клочков, Г.М. Миньковский. М.: Юридическая литература, 1977. 256 с.

25. Тер-Акопов А.А. Безопасность человека: социальные и правовые основы. М.: Норма, 2005. 272 с.

26. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики, как составного элемента науки уголовного права. Харьков: Печатное Дело, 1905. 534 с.

27. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности : монография. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1999. 180 с.

28. Энциклопедия уголовного права. Т. 1 Понятие уголовного права / Г.Ю. Лесников, Н.А. Лопашенко, Ю.Е. Пудовочкин и др.; отв. ред. В. Б. Малинин. СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. 695 с.

УДК 347.961.411

О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ НОТАРИАЛЬНЫЙ АКТ И НОТАРИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ

© М.А. Двигун

Сибирский федеральный университет

Практическая ценность соотношения категорий «нотариальный акт» и «нотариальный документ» заключается в необходимости точного понимания для юристов-практиков того правового значения, применительно к которому законодатель использует понятие «нотариальный документ».

Статьей 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [12] закреплено положение, согласно которому нотариат в Российской Федерации призван обеспечивать в соответствии с Конституцией Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации, настоящими Основами защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации.

Деятельность нотариусов заключается в решении правовых вопросов индивидуального значения путем совершения нотариальных действий, предусмотренных законодательством Российской Федерации и в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

При этом, законодательство Российской Федерации не содержит самих понятий «нотариальное действие» и «нотариальный акт», в связи с чем не утрачивает своей актуальности вопрос российской науки о понятии, сущности и признаках данных правовых институтов.

Не углубляясь в дискуссию обозначенных споров и мнений среди ученых-правоведов и практиков относительно указанных категорий, считаем возможным определить их с точки зрения системного толкования норм законодательства о нотариате.

Основы законодательства Российской Федерации о нотариате [12] (далее – Основы) закрепляют и раскрывают предметные полномочия нотариуса, иных лиц, уполномоченных на совершение нотариальных действий, определяя их в статьях 35, 37 и 38 как «Нотариальные действия, совершаемые нотариусом», «Нотариальные действия, совершаемые должностными лицами местного самоуправления», «Нотариальные действия, совершаемые консульскими должностными лицами» и, закрепив перечень нотариальных действий, которые нотариус и иные лица, уполномоченные на совершение нотариальных действий, вправе совершать.

Таким образом, сам законодатель, в первую очередь, подразумевает под нотариальными действиями именно конкретные правовые вопросы, подлежащие разрешению нотариусом, иными лицами, уполномоченными на совершение нотариальных действий, в установленном законодательством порядке.

При этом, следует согласиться с высказанным в литературе мнением [2;7], что любое нотариальное действие включает в себя как процедурный элемент, так и его результат. Результатом нотариального действия является составление нотариусом правоприменительного акта, иного документа, которым завершается нотариальное производство. Нотариальный акт – это властное

решение компетентного лица – нотариуса по конкретному нотариальному делу, выраженное в письменной форме.

Совершая нотариальное действие, нотариус лишь официально подтверждает, что указанное в нотариально удостоверенном документе лицо вправе совершать те действия, которые связаны с подтвержденным нотариально правом или фактом [14].

Так, Т.Г. Калиниченко [7] считает, что нотариальный акт представляет собой публичное, властное решение нотариуса по конкретному нотариальному делу, выраженное в письменной форме, основанное на законе и направленное на возникновение, изменение или прекращение субъективных прав и обязанностей.

По мнению Ю.Ф. Беспалова [2], нотариальный акт обладает следующими признаками: во-первых, специальной формой, содержанием; во-вторых, является документом, соответствующим требованиям российского законодательства, международных норм, признанных в Российской Федерации, и международных договоров РФ, а также традициям российского нотариата; в-третьих, совершается от имени Российской Федерации специальным лицом - нотариусом, обладающим особым правовым статусом представителя государства; в-четвертых, выражается в виде юридического факта, исполнительного документа, документа, удостоверяющего права, уведомляющего о правах и т.д.; в-пятых, обладает достоверностью, доказывает обстоятельства, которые признаются установленными и дальнейшему доказыванию не подлежащими; в-шестых, нотариальный акт подлежит регистрации в соответствующем реестре нотариуса; в-седьмых, действует на всей территории Российской Федерации и за ее пределами.

В результате Ю.Ф. Беспаловым [2] сделан вывод, согласно которого, нотариальный акт есть результат нотариальной деятельности, имеющий объективную форму выражения, соответствующую требованиям законодательства Российской Федерации, международных норм, признанных в Российской Федерации, и международных договоров Российской Федерации, нотариальным традициям, совершаемый специальным субъектом-нотариусом, обладающим особым правовым статусом; являющийся юридическим фактом, удостоверяющим права, исполнительным листом, документом, доказательством, в том числе наличия установленного обстоятельства, не подлежащего доказыванию, характеризующийся достоверностью.

Е.Б. Таргабаева [14] определяет нотариальный акт как процедурно оформленное, выражающее волю государства, принятое по заявлению заинтересованных лиц решение специально уполномоченного на то субъекта,

принятое в пределах его компетенции, основанное на диспозиции нормы материального права и официально подтверждающее субъективное право или юридический (доказательственный) факт.

Ряд ученых [6], относя в целом нотариат к негосударственному (общественному) институту, обосновывают позицию, согласно которой нотариату законом предоставлены полномочия по конструированию юридических фактов – действий и юридических актов – документов, направленных на дополнительное подтверждение законности и подлинности волеизъявлений и состояний субъектов правовых отношений.

Как видно, выделяемые в науке признаки нотариального акта примерно одинаковы, и подразумевает под собой процедурно оформленный результат разрешения нотариусом и иным лицом, уполномоченным на совершение нотариальных действий в соответствии с Основами, правового вопроса.

В законодательстве также отсутствует единообразие употребления термина нотариального акта. О отдельных законодательных актах используется различная терминология. Так, например, в международных конвенциях и многих международных договорах, ратифицированных Российской Федерацией используется категория «нотариальный акт», в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации, Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации - «нотариально оформляемый документ» [5; 1], в Федеральном законе от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» - «нотариально удостоверенный документ» [9].

При этом, некоторыми нормативно-правовыми актами Российской Федерации закреплены понятия «документ», «официальный документ».

Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» [11] под документом понимает материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения.

В соответствии с пунктами 7, 8, 14 и 15 «ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», утв. Приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185-ст [3]: документ - зафиксированная на носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать; официальный документ - документ, созданный организацией, должностным лицом или гражданином, оформленный в установленном порядке; юридическая значимость документа -

свойство документа выступать в качестве подтверждения деловой деятельности либо событий личного характера; юридическая сила документа - свойство официального документа вызывать правовые последствия.

«ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информация и документация. Управление документами. Часть 1. Понятия и принципы», утв. Приказом Росстандарта от 26.03.2019 № 101-ст [4], в пункте 3.14 под документами (records) понимает документированную информацию, созданную, полученную и сохраняемую организацией или частным лицом в качестве доказательства и актива для подтверждения правовых обязательств или деловой транзакции.

В 2013 году в проекте Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» [10], подготовленным Минюстом России было предложено закрепить понятие нотариального акта как документа, удостоверенного, выданного или засвидетельствованного нотариусом, иным специально уполномоченным лицом и внесенного в реестр нотариальных действий.

Безусловно, значимым явилось публичное признание нотариально удостоверенных документов Конституционным Судом РФ в постановлении от 19.05.1998 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» [13], в пункте 2 которого было указано, что нотариат в Российской Федерации служит целям защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, обеспечивая совершение нотариусами, работающими в государственных конторах или занимающимися частной практикой, предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации (статья 1 Основ), что гарантирует доказательственную силу и публичное признание нотариально оформленных документов.

Однако, только Федеральным законом от 14.07.2022 № 339-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [8], Основы законодательства Российской Федерации о нотариате были дополнены статьей 39.1 «Нотариальные документы, нотариальный архив», вступившей в силу 11 января 2023 года.

В соответствии с ч. 1 ст. 39.1 Основ [12], нотариальные документы - созданные на бумажном носителе или в электронной форме документы, удостоверенные, засвидетельствованные, совершенные, выданные нотариусом или иным лицом, уполномоченным на совершение нотариальных действий в

соответствии с настоящими Основами, и подлежащие хранению в силу их юридической значимости для граждан, общества и государства.

В пояснительной записке к проекту уже принятого Федерального закона [10] указано, что проект был разработан в целях урегулирования вопросов хранения и использования документов, образовавшихся при совершении нотариальных действий нотариусами, главами местных администраций и (или) уполномоченными должностными лицами местного самоуправления, а также должностными лицами консульских учреждений Российской Федерации, совершающими нотариальные действия.

При этом, закрепление на законодательном уровне понятия «нотариальный документ» позволяет нам сегодня определить как совокупность определяющих его признаков, которые четко корреспондируются с требованиями законности и обоснованности, формальной определенности и юридической силы, подтверждающих правовое значение нотариального документа, как результата совершенного нотариального действия, так и значение нотариального документа как единственного законодательно определенного способа фиксации результата совершения нотариального действия.

Во-первых, законодатель четко определил критерии (требования), которым должен соответствовать нотариальный документ, заключающиеся в их совокупной формальной определенности к форме и содержанию – это необходимость соблюдения обязательных требований к нотариально оформляемому документу, его совершению, подписанию и регистрации (ст. 44, 44.1, 45.1, 46 и 50 Основ [12]).

Во-вторых, законодателем указаны лица, уполномоченные на создание нотариального документа (статьи 1, 35, 37 и 38 Основ [12]), исключающие практические споры о субъектах, наделенных правом совершения нотариальных действий.

В-третьих, законодательно закреплены формы подтверждения нотариального документа как результата совершения нотариального действия: удостоверение, свидетельствование, совершение, выдача созданного на бумажном носителе или в электронной форме документа, что полностью соответствует и отражает функциональное содержание нотариальных действий, совершаемых нотариусом или иным лицом, уполномоченным на их совершение.

В-четвертых, закреплена юридическая значимость нотариального акта - документа для граждан, общества и государства, подтверждающая его юридическую силу, публичную, практическую, правоприменительную ценность,

как результата совершения нотариального действия нотариусом или иным лицом, уполномоченным на совершение нотариальных действий в соответствии с Основами.

Безусловно, любой нотариальный документ должен обладать указанными признаками в единстве, поэтому отсутствие хотя бы одного из них исключает отнесение нотариального акта к нотариальному документу.

Список использованных источников:

1. Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

2. Беспалов Ю.Ф. Нотариальный акт: понятие, признаки и классификация // Нотариус. 2018. № 5.

3. ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения : национальный стандарт Российской Федерации : утвержден Приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185-ст // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информация и документация. Управление документами. Часть 1. Понятия и принципы : утвержден Приказом Росстандарта от 26.03.2019 № 101-ст // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Российская Федерация. Законы. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

6. Иншакова А.О., Рыженкова А.Я. Нотариат : учебник и практикум для вузов; 2-е изд. М.: издательство Юрайт, 2023. 470 с.

7. Калиниченко Т.Г. Нотариальный акт: понятие, содержание, классификации // Нотариальный вестник. 2009. № 5.

8. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от

14.07.2022 № 339-ФЗ (ред. от 14.07.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Российская Федерация. Законы. О государственной регистрации недвижимости : федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации : проект федерального закона : текст по состоянию на 17.09.2013 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

11. Российская Федерация. Законы. Об обязательном экземпляре документов : федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ (ред. от 01.05.2022) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

12. Российская Федерация. Законы. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : федеральный закон от 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 10.07.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.1998 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

14. Тарбагаева Е.Б. Организация и деятельность нотариата в Российской Федерации : учебное пособие. Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. 271 с.

УДК 340.1

СТАДИИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

© **С.А. Денисов**

Гуманитарный университет г. Екатеринбурга.

Уже 400 лет человечество идет по пути конституционализации общественного и государственного строя, по пути конституционного транзита. Оно переходит от доконституционной к конституционной правовой системе.

Обобщив проделанный путь можно выделить закономерности указанного транзита и стадии, которые страны проходят на этом пути. Построив линейку (лестницу) развития, можно определять на какой ступени прогресса находится та или иная страна. На этом основании создается возможность осуществлять прогнозы развития общества, государства и права.

Выделение стадий движения страны к конституционализму осложняется двумя факторами. Во-первых, размытостью понятия «конституционализм». Во-вторых, действиями административного класса по имитации перехода к конституционному строю. Первая проблема решается формулированием понятия развитого конституционализма. Под ним понимается достижения уровня отношений, при которых общество граждан подчиняет себе государство (социократия) и возводит права человека и гражданина в ранг высшей ценности. Это подкрепляется демократическим политическим режимом, республиканской формой правления, децентрализацией власти и правовым характером государства. Все иные отношения, при которых государство ограничено только частично рассматриваются как стадии движения к конституционализму. Необходимо также брать во внимание теории псевдоконституционализма, которые выдают себя за виды конституционализма. Их можно игнорировать, поскольку они не содержат идеи ограничения государства.

Проблема имитации конституционного строя более сложна, поскольку требует изучения реальных отношений. Необходимо выделять формы имитации конституционного строя. Он может полностью заменяться имитацией, как в СССР, а может частично вводиться наряду с имитационными действиями. Подделки под конституционный строй бывают достаточно искусными.

Используя теории транзита и переходных стадий, автор предлагает выделять следующие стадии движения общества к конституционному строю. Первая стадия – подготовительная или нулевая. В этот период появляются предпосылки для движения страны к конституционному строю. Возникают идеи конституционализма, и они распространяются в обществе. Появляются социальные общности, заинтересованные в подчинении себе государства. В правящей группе возникают идеи реформирования системы управления (раскол элит). В обществе нарастает кризис. Старые доконституционные нормы не позволяют ему развиваться эффективно. Процессы, происходящие на этой стадии развития общества часто являются скрытыми. В СССР признаки появления этой стадии развития можно усмотреть начиная с 1970-х гг. До этого общественный и государственный строй являлся доконституционным с имитацией элементов конституционализма (принятие ложного конституционного акта, имитация демократии, республики, федерализма,

защиты прав граждан). Иногда, на нулевом этапе государство допускает условную частную собственность и условное право на предпринимательство. Эти признаки можно наблюдать в современном Китае.

Исследователи делают попытки выявления корреляционных связей между различными факторами общественной жизни и способностью страны начать движение к конституционному строю. С.М. Липсет показывает, что чем выше уровень жизни, тем больше шансов у страны перейти к новым конституционным отношениям [5, с. 5]. Р. Инглхарт связывает стремление людей к демократии с потерей ценности самовывживания в силу роста благосостояния членов общества. Он обращает внимание на то, что постиндустриальная экономика вызывает появлением образованного среднего класса, состоящего из людей, привыкших мыслить самостоятельно и не склонных верить вождям [2, с. 179].

Для второй стадии характерно наличие элементов реального ограничения государства. В теории демократического транзита эта стадия называется периодом либерализации политического режима [6, с. 678.]. Государство допускает некоторую свободу слова и терпимо относится к распространению конституционных идей. Оно позволяет создавать слабые объединения общества граждан (в том числе партии), которые не могут претендовать на перехват власти у правящей группы. Здесь может возникнуть псевдопарламент (ассамблея при правителе) или слабый парламент, не способный ограничить власть правителя. Автор исследования называет эту стадию предконституционной, поскольку здесь не общество ограничивает государство, а государство слабнет и самоограничивается. На этой стадии развития находилась Россия в начале XX в. (после 1906 г. и до февраля 1917 г.) и в конце его (с 1989 г.). Предконституционный период действовал до 2022 г. после чего страна вернулась к авторитарному режиму и полностью доконституционным отношениям. Конституционные процедуры осуществляются в форме ритуальных действий (управляемые выборы) или в форме дозированной реализации прав и свобод под контролем государственного аппарата. Таким образом, в России закончилась вторая неудавшаяся попытка перейти к конституционализму. Причины неудачи очевидны. В стране не возникло сильного общества граждан, способного вести за собой массы населения и оказывать давление на государственный аппарат. Одновременно, административный класс страны оказался способным быстро восстановить свою мощь, опираясь на попавшую в его руки природную ренту. Не произошла эмансипация общества от государства. Масса по-прежнему верит в доброго царя, который должен привести ее к счастью. При этом в обществе не исчезли предпосылки для начала нового этапа движения к прогрессу. Буржуазия обладает материальными благами, но не

имеет политической власти. Гражданская интеллигенция лишена возможности самореализации. Управление страной организовано неэффективно и в правящей группе нет единства представления о будущем страны. Давление извне только нарастает. Общество опять находится на нулевом этапе своего движения к конституционализму. В нем латентно вызревает кризис, после которого страна начнет третью попытку построения конституционализма. В этом нет ничего необычного. Франция перешла к конституционализму только с четвертой попытки.

Для третьей стадии конституционного транзита характерно реальное ограничение власти государства обществом граждан. Но полного подчинения его обществу еще не происходит. У государства достаточно широкая «свобода рук». На этой стадии развития находятся страны Восточной Европы.

Полный переход к конституционализму характерен для четвертой стадии конституционализации страны, когда общество ставит под свой контроль государственный аппарат. Административный класс превращается в идеальную веберовскую бюрократию и не мечтает о своей политической роли. Достижение этого уровня не означает остановки в развитии. Конституционные отношения можно постоянно совершенствовать, например, в направлении расширения демократии. На этом этапе конституционные общества объединяются в союз и образуется конституционная цивилизация. Ставится вопрос о конституционализации международного порядка и международного права.

Сущностной чертой каждой стадии конституционализации общества является роль народа и государственного аппарат. Народ здесь не отождествляется с массой. Это всегда только часть населения страны, осознающая свои групповые интересы и способная организованно их отстаивать. [1, с. 110-144]. Народ возникает на нулевой стадии движения к конституционализму. На второй стадии зарождающийся народ объединяется в союзы (партии) и начинает требовать своих прав. Государство вынуждено делать ему некоторые уступки. На третьей стадии народ на равных говорит с государством. Наконец на четвертой стадии народ встает над государством и превращает его в послушный инструмент реализации своих интересов. Это и называется социократия.

Определение того, на какой стадии движения к конституционному строю находится страна осуществляется с учетом многофакторности развития. Необходимо учитывать степень продвижения к конституционной экономике, т.е. развитию частной собственности, предпринимательства и рыночных отношений. На первой и второй стадии частная собственность и предпринимательство только допускаются государством и носят условный характер. На третьей и

четвертой стадии охрана частной собственности является главной функцией государства. При определении стадии развития, на которой находится общество оценке подлежит наличие конституционных субъектов: народа, общества граждан, гражданского общества, конституционных партий и демократического государства с его институтами парламентаризма и независимого суда. Важно определить силу общества граждан, его способность вести за собой массу, контролировать и воздействовать на государственный аппарат. Для этого необходимы социологические исследования, проводить которые в условиях авторитарного режима невозможно. Проще определить характер политического режима, формы правления, государственного устройства. Делать это следует, конечно, не на основе того, что говорят об этом нормы писаного официального позитивного права, а на основе исследования реального государственного права. Б.А. Страшун так описывает состояние правовой системы развивающихся стран: «...многие конституционные нормы в этих странах суть мертвая буква, они не действуют в жизни. То же, что действует, зачастую нигде не записано, и получить об этом адекватное и систематизированное представление далеко не всегда было для нас возможным» [3, с. VI]. Трудности ожидают исследователя при анализе наличия в стране разделения властей. Важно не путать его с разделением труда между органами власти.

В политологии и государственном праве есть ряд заблуждений, с которыми часто сталкиваются исследователи. Антиконституционные явления путают с конституционными. Подданных государства называют гражданами. Охлократию не отличают от демократии. Подданическое участие населения в управлении делами государства путают с активистским. Патерналистское государство выдают за социальное. Государственная идеология не имеет совести. Она легко тоталитаризм называет демократией, монархию – республикой, а империю – федерацией.

Очень важно изучить политико-правовую культуру общества. Демократию, в отличие от авторитаризма, невозможно навязать. У людей должно появиться стремление участвовать в управлении общественными и государственными делами. Конституционализм побеждает по мере появления у общества способности к самоорганизации, распространению такого явления, как человек конституционный.

О стадии продвижения к конституционализму можно судить о количестве и характере нарушений прав человека и гражданина. Страна, из которой люди бегут, боясь уголовного преследования за критику органов власти не может считаться конституционной.

Колоссальное значение для движение стран к конституционализму имеет влияние на них со стороны конституционной цивилизации. Страны Восточной Европы буквально «за ручку были приведены» к конституционному строю. Но отставание в развитии общества граждан и политико-правовой культуры в целом приводит к рецидивам возврата к авторитаризму (Венгрия, Польша).

Сегодня появилось много агентств, которые измеряют уровень экономических свобод в разных странах мира, уровень развития демократии, свободы слова и т.д.

Изучение стадий развития конституционализма натывается на методологию юридического позитивизма, которая требует ограничить предмет исследования конституционного права изучением только норм писаного права. Юристы-позитивисты отказываются даже от анализа того, как эти нормы реализуются в жизни общества. Часто это связано с политическим заказом со стороны правящей группы, которая с помощью норм писаной конституции пытается придать государству конституционный вид. Конституционный акт, носящий формальный характер, выступает «витриной» доконституционного государства, скрывающей его сущность.

Создание теории стадий конституционного транзита позволяет делать прогнозы развития отдельных стран. Очевидно, если в стране появились предпосылки перехода к конституционному строю, то следует ожидать буржуазно-демократической революции. Ее можно избежать только проводя конституционные реформы. Обычно правящая группа тормозит движение страны по пути прогресса. Она не заинтересована в том, чтобы стать инструментом власти общества. Если ее сопротивление прогрессу является упорным, то в стране происходит революционный взрыв с применением насилия против старой элиты. Россия всегда была похожа на Германию, и она может повторить ее путь движения к конституционному строю: принудительная конституционализация после первой мировой войны, краткий этап Веймарской республики, который не устроил немцев, краткий период репрессий, поражение в войне и вновь принудительное возвращение в конституционный мир.

История показывает, что движение к конституционному строю идет нелинейно. Оно то развивается бурными темпами, то отступает под напором реакции. В 1990-е гг. Россия сделала резкий скачек по пути конституционализации правовой системы. Обществу был навязан конституционный акт, соответствующий лучшим мировым образцам, но оно не оценило подарок. В стране так и не возникли субъекты, способные воспользоваться конституционными нормами.

Людям, ощущающим себя подданными не нужны политические права и свободы. Им нужен добрый хозяин, который бы заботился о них. Другими словами, им нужны только социально-экономические права, которые дает патерналистское государство. Подданные не могут быть опорой для сильных политических партий. Они не хотят отвечать за судьбу страны и им не нужна республика. Без особого принуждения они голосуют за пожизненную власть своего правителя и поддерживают его наместников в регионах [7, с. 127-131]. Они не могут выдвинуть из своего состава публичных политиков, которые бы составили конкуренцию правящей группе.

Теория стадий транзита доказывает, что движение к конституционализму должно быть последовательным. Попытки перескочить отдельные этапы приводят к поражению. Не может ребенок 8 лет сразу поступить в институт. Не может не созревшее для этого общество перескочить через какую-то из названных стадий конституционализации страны. Российская интеллигенция в 1990-е гг. надеялась на чудо, но его не случилось и это стало поводом для фрустрации.

Если страна находится на этапе вызревания предпосылок для начала движения к конституционному строю, то акцент здесь следует делать на формировании субъектов, заинтересованных в конституционализации отношений, на распространении в обществе конституционных ценностей, а не на попытке создания конституционных институтов и принятия идеального конституционного акта. Правителю не трудно октроировать формальную конституцию, которая не будет работать, собрать ассамблею, которая будет изображать из себя парламент, но будет фактически оформлять его волю в виде законов [4, с. 94-103]. Конечно, не стоит отказываться от формального конституционного акта. Его можно использовать, как опору для распространения конституционных идеалов. Правотворчество на этой стадии развития следует рассматривать не как средство принятия конституционных норм, а как повод для пропаганды конституционных идеалов и критики существующего доконституционного строя.

Исследователи, не понимающие на какой стадии движения к конституционализму находится их страна, предлагают ложную стратегию и тактику ее развития. Часто они пытаются перенести нормы, принятые в конституционных странах в общество, делающее только первые шаги к конституционализму. В конституционной стране государство находится под жестким контролем общества. Последнее предоставляет ему широкие полномочия для решения общественных проблем. Служилая интеллигенция предлагает заимствовать эту политику для страны со слабым обществом

граждан. В результате государство подавляет общество, не позволяет ему выйти из-под его контроля. В частности, заимствование института социального государства доконституционными обществами приводит к формированию здесь патерналистского государства с экономическим господством административного класса. Монократия приобретает патримониальный характер, где правитель играет роль «отца народа». Очевидно, что на первых трех стадиях перехода к конституционализму следует требовать максимального сокращения полномочий государства, позволяющие обществу выйти из-под его ига (либеральная повестка дня). Только подчинив государство обществу граждан (демократизация государства), можно переходить к задаче усиления государства (социализации конституционного права).

Итак, движение к конституционному строю проходит несколько обязательных этапов. Выделение их позволяет оценить, на какой стадии развития находится та или иная страна, спрогнозировать ее будущее, указать заинтересованным группам цели, которые следует преследовать на данном этапе общественного развития.

Список использованных источников:

1. Денисов С.А. Имитация конституционного строя: монография в 4 кн. Кн. 2. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. 347 с.
2. Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества; Вступ. статья В.Л. Иноземцева. — М.: Издательство «Европа», 2010. — 318 с.
3. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. В 4 т. Т. 1-2. Общая часть. Учебник. М.: Издательство БЕК, 2000. 784 с.
4. Краснов М.А. Законодательно закрепленные полномочия Президента России: необходимость или сервиллизм? // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 4. С. 91-103.
5. Липсет С.М., Сен К-Р., Торрес Д.Ч. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. Сравнительная политология. 1993. № 3. С. 5-33.
6. Пшеворский А. Переходы к демократии // Политология: хрестоматия. М.: Гардарики, 1999. С. 672-691.
7. Руденко В.Н. Симулятивная демократия // Дискурс-Пи. Научно-практический альманах. Выпуск 4. 2004. С. 127-130.

УДК 347.217

РАЗВИТИЕ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: НА ПРИМЕРЕ ОБЪЕКТОВ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

© **В.В. Долинская**

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Недвижимое имущество в связи с его основополагающей ролью сразу для нескольких отраслей права (как минимум, гражданское, земельное право и даже - опосредованно через территориальную целостность государства – для конституционного и международного права) издавна имеет специальный правовой режим.

В современном праве России понятие, виды и правовой режим недвижимого имущества получают закрепление в Конституции РФ, кодифицированном законодательстве (в первую очередь, ГК, ГрК, ЗК), специальном законодательстве (например, Федеральный закон от 13 июля 2015 г. №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости») и иных правовых актах, причем нормативная база постоянно изменяется.

На основе анализа гражданского, градостроительного, земельного и иного специального законодательства автор выявила и рассмотрела на конкретных примерах основные тенденции таких изменений [1; 3].

В гражданский оборот вводятся новые искусственно созданные объекты, т.е. расширяется круг физически недвижимых вещей [3], и уточняются дефиниции уже легализованных объектов. Меняется правовой режим ряда объектов недвижимости, в основном, по основаниям возникновения объекта и прав на него, а также в правомочии пользования.

Взаимодействие классификаций объектов гражданских прав и специальных характеристик объектов недвижимости обуславливает уточнение критериев.

Мы наблюдаем трансформацию такой условно юридической классификации вещей как их деление по взаимосвязанности с другими вещами на главную вещь и принадлежность.

В п.3 ч.17 ст.51 ГрК упоминаются «строения и сооружения вспомогательного использования», на строительство которых не требуется выдача разрешения.

Ранее еще в Письме Росреестра от 13 апреля 2020 г. №3215-АБ/20 «Об объектах вспомогательного использования» были отмечены пробелы и иные дефекты законодательства по этому вопросу. В ГрК не раскрыто понятие «объект

вспомогательного использования». В Федеральном законе от 30 декабря 2009 г. №384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (далее - Технический регламент) не раскрыто понятие «строение».

Путем сравнительного анализа определений, приведенных в ст.2 Технического регламента, с данной там же дефиницией сооружения (*«результат строительства, представляющий собой объемную, плоскостную или линейную строительную систему, имеющую наземную, надземную и (или) подземную части, состоящую из несущих, а в отдельных случаях и ограждающих строительных конструкций и предназначенную для выполнения производственных процессов различного вида, хранения продукции, временного пребывания людей, перемещения людей и грузов»*) приходим к выводу, что однопорядковыми с последним по критерию *«результат строительства»* являются здание и такие части его объема как помещение, помещение с постоянным пребыванием людей. Примечательно, что строительная конструкция определяется как часть здания или сооружения, но без указания на объем.

В то же время технико-юридические акты их различают. Так, ГОСТ Р ИСО 6707-1-2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Здания и сооружения. Общие термины, утв. и введенный в действие Приказом Росстандарта от 24 декабря 2020 г. №1388-ст выделяет самостоятельные группы терминов для сооружений (*civil engineering works; civil engineering project, US*) - 3.1.2 и некоторые другие (например, выемка, дамба, дорога, земляное сооружение, мост,) – и зданий (*building*) - 3.1.1.3, - причем от последних отличает пространства (*space*, 3.2), включая веранду, комнату, пристройку, туалет, чердак, этаж). На наш взгляд, такой подход еще больше запутывает. Их объединяет только включение в родовое понятие «объект капитального строительства, объект строительства» (*construction works; construction, US*, 3.1.1.1): *«Все, что строится или является результатом строительной деятельности»*.

Открытым остается вопрос: можно ли считать объект капитального строительства, объект строительства синонимом строения?

Это достаточно важно, например, для уяснения возможности или невозможности включения зданий в число строений и, таким образом, в число объектов вспомогательного использования. В отличие от ГрК Технический регламент использует термин «здания и сооружения вспомогательного использования, связанные с осуществлением строительства или реконструкции здания или сооружения» (ч.10 ст.4), но не упоминает строения.

В отсутствие общего понятийного аппарата Постановлением Правительства РФ от 4 мая 2023 г. №703 утверждены альтернативные критерии отнесения

строений и сооружений к строениям и сооружениям вспомогательного использования:

1) - строительство строения или сооружения на одном земельном участке с основным зданием, строением или сооружением,

- по проектной документации, подготовленной применительно к основному объекту, и

- соответствие функциональному назначению - для обслуживания основного объекта;

2) - строительство строения или сооружения в целях обеспечения эксплуатации основного объекта,

- его обслуживающее назначение по отношению к основному объекту,

- отсутствие характеристик особой опасности, технической сложности, уникальности,

- общая площадь не более 1500 кв. метров,

- не требует установления санитарно-защитных зон,

- размещение на одном с основным объектом земельном участке или на смежных с ним или на земельном участке, не имеющем общих границ с земельным участком, на котором расположен основной объект, при условии, что строение и сооружение вспомогательного использования технологически связано с основным объектом;

3) - расположение на земельном участке, предоставленном для индивидуального жилищного строительства, либо для ведения личного подсобного хозяйства (приусадебный земельный участок), либо для блокированной жилой застройки, либо для ведения гражданами садоводства для собственных нужд,

- в том числе является сараем, баней, теплицей, навесом, погребом, колодцем или другой хозяйственной постройкой (возможно - временной), сооружением, предназначенными для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, соответствующих виду разрешенного использования земельного участка, на котором постройка, сооружение созданы (создаются),

- надземная этажность не превышает 3 этажей, высота не более 20 метров.

В каждом из трех альтернативных критериев составной частью является целевое назначение - предназначение для обслуживания другого (главного) объекта.

Значит ли это, что строения и сооружения вспомогательного использования являются принадлежностью главного объекта?

В принципе они удовлетворяют требованиям ст.135 ГК:

- вещи (теоретики и иные правовые акты добавляют: отдельные по конструкции),

- целевое, функциональное назначение – одна предназначена для обслуживания другой,

- общее назначение, тесная единая хозяйственно-целевая связь.

В силу прямого указания закона и в связи с тем, что главная вещь имеет самостоятельное значение, а принадлежность – зависимое, тогда надо признать особенности правового режима строениям и сооружениям вспомогательного использования.

В ст.287.1 ГК подтверждена презумпция единства права собственности на недвижимые объекты применительно к основаниям возникновения права собственности: по общему правилу, право собственности на искусственно созданные объекты недвижимости возникает у собственника земельного участка, на котором расположены эти объекты. Эта презумпция может быть опровергнута ГК, иным законом, договором.

В законах и в Постановлении Правительства РФ от 4 мая 2023 г. №703 указано на возможность предоставления земельного участка для разрешенного использования. Таким образом, собственник основного и вспомогательного объектов может не быть собственником земельного участка – прерывается режим единства земельного участка и объектов недвижимости на нем, но сохраняется режим единства основного и вспомогательного объектов на этом участке.

В случае несовпадения фигур собственников правовой режим объектов в основном подчиняется правилам ст.287.3 ГК.

В гл.17.1 ГК уделено большое внимание целевому использованию объектов недвижимости и ограничению правомочий собственника правами и охраняемыми законом интересами других собственников. Однако, представляется целесообразным особо оговорить учет мнения собственника земельного участка при отчуждении вспомогательного объекта собственником объекта основного. Такая возможность вытекает из ст.135 ГК, но ограничивается договорным основанием. В то же время возможно, на наш взгляд, обращение взыскания именно на вспомогательный объект (например, он удовлетворяет без излишков сумме задолженности), т.е. изменение права собственности в силу судебного акта. Вряд ли здесь возобладает позиция учета мнения собственника земельного участка, в лучшем случае возможно его заблаговременное уведомление. Стоит ли предоставлять ему право выкупа такого вспомогательного объекта, т.е. по сути осуществлять замену должника?

В третьем критерии отнесения строений и сооружений к строениям и сооружениям вспомогательного использования упоминается о включении в их число временных объектов, что по характеристике близко к понятию некапитальных строений, сооружений в ГрК (п.10.2 ст.1). То есть объекты вспомогательного использования могут быть объектами строительства, но не являться объектами недвижимости (ст.130 ГК). Это не противоречит ни законодательству, ни доктрине.

Но, исходя из нормы ст.135 ГК о презумпции следования принадлежности судьбе главной вещи, возникают вопросы по ключевым моментам разграничения движимых и недвижимых вещей.

Отчуждение и приобретение недвижимых вещей осуществляется в режиме гласности, ассоциируемой с необходимостью государственной регистрации прав на недвижимые вещи, сделок с недвижимыми вещами (ст.164, 223 ГК), доступной для ознакомления третьим лицам. Государственная регистрация сделок с движимыми вещами производится лишь в случаях, специально указанных в законе.

Если движимый объект вспомогательного использования предназначен для обслуживания недвижимого основного объекта, следует ли упоминать его при государственной регистрации?

Предусматривается различный порядок приобретения права собственности на недвижимые и движимые бесхозные вещи (ст.225 ГК) и вещи, от которых собственник отказался (ст.226 ГК). Как сохранить при этом связь главной вещи и принадлежности, относящихся к разным классификационным группам?

Ипотека может быть установлена только в отношении недвижимых вещей (ст.334 ГК, Федеральный закон от 16 июля 1998 г. №102-ФЗ "Об ипотеке (залоге недвижимости)"), но ряд объектов вспомогательного использования могут существенно влиять на стоимость основного объекта (например, отдельно стоящие на участке топливные генераторы, солнечные батареи, ветрогенератор и т.д.). Лучше оформлять два договора залога или смешанный, оговорив в законе возможность государственной регистрации ипотеки, возникающей в силу такого договора?

Наследование недвижимых вещей и их правовой режим определяются по нормам права, действующим в месте их нахождения, движимых вещей (при наследовании) - по нормам права, действующим в последнем постоянном месте жительства наследодателя. Надо ли в законе предусмотреть презумпцию наследования в едином порядке главной вещи и принадлежности, относящихся к разным классификационным группам, или оставить это, как и возможный раздел имущества, на усмотрение наследников?

Споры о праве собственности и иных вещных правах на недвижимые вещи рассматриваются по месту нахождения недвижимых вещей (ст. 30 ГПК), споры об аналогичных правах на движимые вещи - в месте нахождения ответчика (ст.28 ГПК), а в случаях, указанных в законе, - в месте, определяемом по выбору истца (ст.29 ГПК). Целесообразно, на взгляд автора, дополнить закон нормой об объединении производств при рассмотрении споров о движимом объекте вспомогательного использования и отдать приоритет ст.30 ГПК.

Итак, мы приходим к следующим выводам:

- необходимо дополнить и унифицировать понятийный аппарат в отношении недвижимого имущества, а также привести его в соответствие хотя бы с легальными классификациями объектов гражданских прав;
- в случае признания на уровне закона объектов вспомогательного использования принадлежностью основных объектов недвижимости следует решить вопросы правового режима таких движимых принадлежностей.

Список использованных источников:

1. Долинская В.В. Новеллы законодательства о недвижимом имуществе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 10. С.3-10.
2. Долинская В.В., Моргунова Е.А., Шевченко О.М. Гражданское право: Объекты прав: учеб. пособ. / Отв.ред.: Долинская В.В., Слесарев В.Л. М.: Проспект, 2017.
3. Крюкова Е.С., Рузанова В.Д. Правовой режим недвижимости: новеллы гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 10. С.10-16.

УДК 34.01

К КРИТИКЕ ИДЕИ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ В ФОРМЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© С.А. Дробышевский

Сибирский федеральный университет

Иногда применение права рассматривают как вид так называемого индивидуального правового регулирования. Так, И. Я. Миннекес изложил следующие идеи. «Индивидуальное правовое регулирование является

самостоятельным видом правового регулирования и представляет собой правовое воздействие на общественные отношения, связанное с установлением, изменением или прекращением юридических прав и обязанностей их участников в индивидуальном порядке, направленное на урегулирование конкретных ситуаций, требующих юридического разрешения, и осуществляемое путем совершения односторонних правомерных юридически значимых действий, заключения договоров и соглашений, либо властной правоприменительной деятельности уполномоченных субъектов, результатом которого являются индивидуальные правовые акты. Индивидуальное правовое регулирование» [1, с. 9] включает в качестве вида «централизованное индивидуальное правовое регулирование, которое основано на отношениях власти и подчинения. К данному виду относится субординационное (правоприменительное) индивидуальное правовое регулирование».

Предмет индивидуального правового регулирования – это общественные отношения, которые, являясь составной частью предмета общего правового регулирования, помимо нормативного регулирования, нуждаются и в индивидуальной правовой регламентации и могут быть урегулированы индивидуальными правовыми средствами.

Пределы индивидуального правового регулирования – это границы правового вмешательства в общественные отношения при помощи индивидуальных правовых средств. Они обусловлены пределами нормативного регулирования, но имеют ряд особенностей, которые зависят от многих факторов, но, прежде всего, от вида индивидуального правового регулирования.

Объективные пределы являются общими для нормативного и индивидуального правового регулирования.

Субъективные пределы индивидуального правового регулирования зависят:

– во-первых, от воли законодателя и в этом случае поглощаются субъективными пределами нормативного регулирования,

– во-вторых, от воли субъекта индивидуального правового регулирования и в этом случае при субординационном (правоприменительном) индивидуальном правовом регулировании... пределы определяются компетенцией субъекта, принимающего решения, и нормативной основой этой компетенции.

Способы, методы и типы индивидуального правового регулирования, с одной стороны, обладают всеми свойствами, характерными для способов, методов и типов нормативного правового регулирования, с другой стороны, им присуща специфика, которая обусловлена особенностями ситуации, требующей юридического разрешения в индивидуальном порядке, и особенностями самого

субъекта. Это позволяет говорить о способах, методах и типах именно индивидуального правового регулирования.

Способы индивидуального правового регулирования – это основные пути правового воздействия на общественные отношения в индивидуальном порядке, существующие в виде индивидуальных запретов, индивидуальных обязываний и индивидуальных дозволений.

Метод индивидуального правового регулирования – это совокупность правовых средств, приемов и способов воздействия на общественные отношения в индивидуальном порядке, соотносясь с особенностями ситуации и самого субъекта.

Переход от нормативного правового регулирования к индивидуальному правовому регулированию происходит в рамках более масштабного процесса, который называется «индивидуализация в праве».

Индивидуализация в праве может осуществляться в различных формах. В аспекте индивидуального правового регулирования наибольший интерес представляет такая форма как конкретизация в праве.

В процессе индивидуального правового регулирования имеют место различные виды конкретизации» [1, с. 9-12], в том числе «правоприменительная конкретизация.

Формой взаимодействия, которая обеспечивает переход от нормативного правового регулирования к индивидуальному, является правовая персонификация.

Правовая персонификация – это закрепление на нормативном уровне особенностей субъекта, которые являются юридически значимыми для урегулирования конкретных ситуаций в индивидуальном порядке.

В процессе индивидуального правового регулирования участниками правоотношения вырабатывается индивидуальная модель поведения. Эта модель предназначена только для участников конкретного правоотношения, выработана на основе нормы права, гарантирована принудительной силой государства и в случаях, прямо предусмотренных законом, имеет форму акта-документа.

В правоприменительной деятельности, с позиции индивидуального правового регулирования, особое значение имеет правоприменительное усмотрение, которое можно разделить на три вида.

Первый вид – ситуационное усмотрение, когда законодатель предоставляет правоприменителю возможность действовать по усмотрению, исходя из конкретных обстоятельств дела.

При этом возможны несколько вариантов усмотрения:

а) законодатель предоставляет возможность усмотрения, при этом ориентируя правоприменителя, на какие существенные моменты следует обратить внимание при вынесении решения;

б) законодатель, допуская возможность усмотрения, ориентирует правоприменителя, на какие существенные моменты следует обратить внимание при вынесении решения и, вместе с тем, предоставляет ему дополнительное правомочие, в котором заложено несколько вариантов поведения;

в) законодатель предоставляет правоприменителю определенное правомочие, которым он может воспользоваться по своему усмотрению.

Второй вид – правоприменительное усмотрение, основанное на оценочных понятиях.

Третий вид – усмотрение при применении аналогии закона или аналогии права.

Под индивидуальным правовым актом-документом понимается имеющий ненормативный характер акт, в котором получают объективированное выражение индивидуальные веления, направленные на урегулирование конкретных ситуаций, требующих юридического разрешения, и адресованные персонально определенным субъектам.

Индивидуальные правовые акты-документы по их месту и роли в правовом регулировании» [1, с. 14] включают «правоприменительные акты» [1, с. 15].

Что касается «анализа дискуссионного вопроса о возможности существования индивидуальной нормы» [1, с. 40], то И.А. Миннекес отметил следующее. «Проблема индивидуальных норм гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. С одной стороны, представляется, что сторонники существования индивидуальных норм непозволительно широко используют само понятие «норма». С другой стороны, безапелляционное отрицание не разрешает проблему по существу, и аргумент «нет, потому что этого не может быть», в данном случае неуместен.

Думается, что зачастую возражения вызывает сам термин «индивидуальная норма», так как нормативность и индивидуальность – это противоположные свойства правового регулирования и смешивать их не следует. Как представляется, более точным будет термин «индивидуальная модель поведения», который и предлагается ввести в научный оборот. Эта модель предназначена только для участников конкретного правоотношения, выработана на основе нормы права, гарантирована принудительной силой государства и в случаях, прямо предусмотренных законом, имеет форму акта-

документа. Важно отметить, что эту модель вырабатывают сами участники правоотношения.

Нормотворческие процессы становятся юридическими реалиями только тогда, когда их результаты получают выражение в тексте нормативного акта, т. е. процесс нормообразования находит свое отражение в правотворчестве.

Издание нового нормативного акта, конкретизирующего по содержанию предыдущий акт новыми нормативными предписаниями, – это нормативное правовое регулирование. Индивидуальное правовое регулирование имеет место только тогда, когда конкретизирующий нормативный акт содержит, наряду с нормативными предписаниями, и предписания индивидуального характера.

Налицо следующая тенденция – от индивидуального правового регулирования к нормативному и далее, от нормативного правового регулирования к индивидуальному. Следует отметить, что такая тенденция присуща правовому регулированию в целом. Именно это позволяет говорить о возможности выделения в теории права еще одного вида правового регулирования – нормативно-индивидуального регулирования» [1, с. 40-42] .

Относительно изложенных идей И.А. Миннекеса уместно сделать критические замечания. Последние таковы.

Правовое регулирование есть вид нормативного регулирования в социальных организациях. При этом нормативное регулирование как род, включающий указанный вид, характеризуется, во-первых, формулированием правил поведения, предназначенных для реализации в многочисленных ситуациях будущего, общие признаки которых определены в указанных нормах, и, во-вторых, претворением в жизнь таких норм в каждой из упомянутых ситуаций при ее возникновении.

Отмеченная реализация включает случаи, когда она не может происходить без вмешательства органов управления социальной организацией. В этих случаях органы управления социальной организацией применяют ее нормы к каждому из таких случаев, исходя из специфики случая, выступающего предметом вмешательства.

Отсюда ясно следующее. Правовое регулирование, свойственное политически организованному обществу как социальной организации, характеризуется всеми отмеченными чертами нормативного регулирования во всякой социальной организации. Применение права не может быть названо правовым регулированием как целостностью точно так же, как применение норм любой социальной организации не может быть названо происходящим в последней нормативным регулированием, рассматриваемым как целостность.

Применение права есть не «индивидуальное правовое регулирование» как вид правового регулирования, а часть процессов правового регулирования, имеющих место после создания правовых норм. Она обеспечивает проведение этих правил в жизнь при участии органов управления всем политически организованным обществом.

Приведенные замечания касаются не только ранее изложенных идей И.А. Миннекеса. Концепция индивидуального правового регулирования принята в качестве верной и рядом иных авторов [2, с. 8-22] .

Список использованных источников:

1. Миннекес И.А. Индивидуальное правовое регулирование : теоретико-правовой анализ : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01. Екатеринбург, 2009. 54 с.

2. Скударнов А.С. Усмотрение в процессе реализации прав, свобод и обязанностей граждан : и их объединений : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01. Челябинск, 2014. 26 с.

УДК 343.985

ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛЕДСТВЕННЫХ И СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© Е.А. Дубынин

Сибирский Федеральный университет

© Е.Е. Космодемьянская

Сибирский юридический институт МВД РФ

Понятие криминалистической тактики в настоящее время достаточно устоялось и особых споров не вызывает, и определяется как система научных положений на основе которых разработаны тактические приемы планирования, организации и проведения следственных действий. Однако есть нюанс. Чаще всего, авторы говорят именно о проведении следственных действий, где, соответственно, субъектом применяемых тактических приемов является лицо, производящее расследование – следователь, дознаватель. В частности, такой позиции придерживаются А.Ф. Волынский [3, с. 342-343], Н.И. Порубов [6, с. 183], Д.Н. Балашов [2, с. 102], Н.П. Яблоков [9, с. 154].

Вместе с тем, встречается и иная точка зрения. Так Т.В. Аверьянова считает, что «криминалистическая тактика разрабатывает рекомендации по организации и планированию не только предварительного, но и судебного следствия, а также приемы конкретных следственных и судебных действий» [1, с. 458].

Объективности ради, следует сказать, что некоторые авторы, такие как, например, О.А. Сычева, С.Ю. Якушин, выделяют «тактику судебного следствия» и определяют ее как «...разработанную и рекомендованную криминалистической наукой и апробированную судебной практикой систему рекомендаций по применению тактических средств исследования доказательств в суде познающими субъектами, а также по выбору наиболее эффективных и целесообразных способов (линии) поведения участников уголовного судопроизводства» [7, с. 290-302].

В данном случае речь идет о применении тактических криминалистических приемов субъектами, вовлеченными в процесс доказывания – судьей, государственным обвинителем (частным обвинителем), потерпевшим и его представителями, защитником, подсудимым и его представителями, а также гражданским истцом и ответчиком и их представителями и адвокатами. В связи с этим возникает закономерный вопрос, а на сколько это справедливо применять ко всем этим субъектам, кроме судьи и обвинителя, раз криминалистика есть «наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах методах судебного исследования и предотвращения преступлений» [1]?

Что же касается самого термина «тактика судебного следствия», мы полагаем, что оно недостаточно корректно, поскольку процесс рассмотрения дела в суде достаточно жестко регламентирован.

На протяжении нескольких лет является популярной теория тактико-криминалистической деятельности адвоката-защитника [4]. Однако, основная задача адвоката-защитника – оказание квалифицированной юридической помощи и содействие осуществлению правосудия, но никак не способствование правоохранительным органам в борьбе с преступностью, что является основной задачей именно криминалистики. Поэтому в данной связи можно говорить только о тактике профессиональной защиты, что никоим образом не относится к криминалистике.

Мы, в свою очередь, полагаем, что криминалистическая тактика должна вбирать в себя с одной стороны рекомендации по практическому проведению следственных действий, а с другой – рекомендации по проведению судебных

действий, поскольку, согласно ст. 243 УПК РФ, на председательствующего возложена обязанность руководить судебным заседанием.

Однако, в настоящее время существует коллизия относительно понятия «судебные действия», поскольку оно вбирает в себя не только действия, связанные с познавательным-исследовательским характером, но включает и распорядительные действия, направленные на точное соблюдение процесса судебного следствия, о чем в свое время отмечал С.А. Шейфер, говоря о невозможности отделения судебных действий от иных процессуальных действий [8, с. 11].

Необходимо отметить, что для суда уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено значительно меньшее количество судебных действий познавательного-исследовательского характера, чем имеется в распоряжении следователя.

Так, к этой категории судебных действий относятся допросы (подсудимого ст. 275 УПК РФ, потерпевшего ст. 277 УПК РФ, свидетелей ст. 278, ст. 280 УПК РФ, эксперта ст. 282 УПК РФ), производство судебной экспертизы ст. 283 УПК РФ, осмотр вещественных доказательств ст. 284 УПК РФ, осмотр местности и помещений ст. 287 УПК РФ, следственный эксперимент ст. 288 УПК РФ, предъявление для опознания ст. 289 УПК РФ, освидетельствование ст. 290 УПК РФ.

Примечательно то, что законодатель регламентирует порядок отдельных судебных действий со ссылкой на нормы, регламентирующие досудебное следствие. Например, производство предъявления для опознания производится в соответствии с требованиями ст. 193 УПК РФ. И кроме этого, такие ссылки имеют место в отношении производства судебных экспертиз, освидетельствования, следственного эксперимента.

Подобная процессуальная регламентация отдельных судебных действий указывает на единство тактики их проведения с тактикой аналогичных следственных действий, но с некоторой спецификой, в том числе и процессуальной.

В чем же единство и противоположность тактики следственных и судебных действий.

Следует отметить, что к тактическим приемам следственных и судебных действий предъявляются общие требования, такие как: 1) не противоречие нормам права, морали и этики; 2) научная обоснованность и эффективность (рациональность) их использования; 3) безопасность для участников действий.

Думается, что применение всего арсенала тактических приемов со стороны судьи невозможно, поскольку он ограничен уголовно-процессуальным

законодательством в выборе и последовательности исследования доказательств. Да и задачи у судьи иные, чем у следователя на стадии предварительного следствия, а именно – организация состязательного процесса между сторонами обвинения и защиты. Фактически суд по собственной инициативе может назначить производство экспертиз и вызвать эксперта для дачи показаний в рамках проведенного исследования.

В судебном процессе о полноценной тактике приемлемо говорить только в отношении государственного обвинителя, и то в рамках исследования доказательств и ведения допроса. Что же касается судьи, то фактически он имеет право только задавать вопросы подсудимому после его допроса сторонами (ч.3 ст. 275 УПК РФ). Именно в это время возможно применение тактических приемов психологического и логического характера.

В стадиях предварительного следствия и судебного разбирательства можно выделять определенные типичные ситуации. Для следователя – в отношении сбора доказательств, для государственного обвинителя – в отношении представления доказательств. При этом на выбор тактики существенно влияют такие факторы как гласность и осведомленность должностных лиц об обстоятельствах преступления.

Можно выделить общие типичные ситуации, в которых происходит выбор тактических приемов: бесконфликтная, конфликтная и, как разновидность конфликтной, ситуация в условиях организованного противодействия. Вместе с тем в рамках предварительного следствия можно выделить типичную ситуацию, связанную с расследованием преступлений прошлых лет, совершенных в условиях неочевидности в условиях неочевидности.

Эти ситуационные факторы обуславливают, в большей степени, выбор тактических операций и комбинаций субъектом расследования на стадии предварительного следствия, в то время как на стадии судебного следствия могут быть реализованы только одиночные тактические приемы по ряду процессуальных действий, выступающих средствами доказывания.

Поскольку любое следственное и судебное действие имеет две стороны – процессуальную (обязательное соблюдение правил производства, регламентированных нормами уголовно-процессуального закона) и тактическую (выбор конкретных тактических приемов в зависимости от ситуации), полагаем возможным согласиться с мнением А.С. Князькова о том, что на современном этапе развития науки криминалистики «предметом криминалистической тактики являются закономерности поведения обвиняемого и взаимосвязанного с его действиями поведение иных лиц...и закономерности криминалистической поисково-познавательной деятельности дознавателя, следователя,

государственного обвинителя и судьи в связи с производством следственного и иного процессуального действия, основывающегося на реализации тактико-криминалистических средств» [5, с. 18-20].

Список использованных источников:

1. Аверьянова Т.В. Криминалистика: Учебник / Т.В. Аверьянова, Е.Р. Россинская, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2013.
2. Балашов Д. Н. Криминалистика: Учебное пособие / Д. Н. Балашов, Н. М. Балашов, С. В. Маликов. — 5-е изд. — М.: ИЦ РИОР: НИЦ ИНФРА-М, 2013.
3. Волынский А.Ф. Криминалистика [Электронный ресурс]: учебник для студентов вузов / А.Ф. Волынский; под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012.
4. Игнатов Д.С. Криминалистические основы деятельности адвоката-защитника по сбору доказательств и представлению их суду: автореферат диссертации на соискание...к.ю.н. по специальности 12.00.09. Ижевск, 2004. 28с.
5. Князьков А.С. Проблемы предмета криминалистической тактики // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. №4-1. С.18-20.
6. Порубов Н.И. Криминалистика: учебник / Н.И. Порубов, Г.И. Грамович, А.Н. Порубов, Г.В. Фёдоров; под. общ. ред. Н.И. Порубова, Г.В. Фёдорова. Минск: Высш. шк., 2011.
7. Сычева О.А., Якушин С.Ю. Тактические средства исследования доказательств в суде: понятие и виды // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 149: Кн. 6. Казань: Изд-во Каз. гос. ун-та, 2007. С.290-302
8. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. — М., 2004.
9. Яблоков Н. П. Криминалистика в вопросах и ответах: учебное пособие. — 3-е изд., перераб. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014.

УДК 347.132.6

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ И РАЗУМНОСТЬ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ОДНОСТОРОННИХ СДЕЛОК

© Н.М. Евсеенко

Сибирский федеральный университет

Автономия воли как принцип гражданского права подразумевает суверенитет, свободу субъекта правоотношения, которая проявляется в свободе принятия лицом решения о вступлении в обязательство и, как следствие, в запрете навязывания лицу обязательства помимо его воли.

Как указывает Н.В. Резанов, «Цели реализации частной автономии служит в первую очередь договор, а точнее, обязательственный договор. В нем частная автономия лиц проявляет себя в согласованной воле, направленной на возникновение обязательственно-правовых последствий» [6, с. 123].

Однако в гражданском праве широкое распространение получили и односторонние сделки. Главная особенность односторонних сделок заключается в том, что правовые последствия возникают не в результате согласованной воли сторон, а ввиду одностороннего действия лица [5, с. 155].

Приведенная специфика односторонних сделок требует особого подхода при их регулировании. Эта идея нашла свое отражение в ст. 155 ГК РФ, согласно которой односторонняя сделка может создавать обязанности для других лиц лишь в случаях, установленных законом либо соглашением с этими лицами [1].

При этом важно, что положениями ст. 155 ГК РФ не исчерпывается весь трепет законодателя перед односторонними сделками. Например, для такой односторонней сделки как отказ от договора (одностороннее изменение обязательства) законодатель конкретизировал требования, предусмотренные ст. 10 ГК РФ. Согласно п. 4 ст. 450.1 ГК РФ при осуществлении стороной права на одностороннее изменение условий обязательства или односторонний отказ от его исполнения она должна действовать разумно и добросовестно, учитывая права и законные интересы другой стороны.

Давая толкование этой нормы, Пленум Верховного Суда РФ в п. 14 постановления от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении» делает важный вывод: нарушение этой обязанности может повлечь отказ в судебной защите названного права полностью или частично, в том числе признание ничтожным

одностороннего изменения условий обязательства или одностороннего отказа от его исполнения [2].

Значимость этого разъяснения заключается в том, что Пленум Верховного Суда РФ, как и законодатель в п. 4 ст. 450.1 ГК РФ, намеренно избегает ссылки на заведомость недобросовестного или неразумного поведения как неотъемлемый элемент злоупотребления. Здесь можно усмотреть, что для случаев одностороннего отказа от обязательства (изменения условий обязательства) установлен более высокий стандарт добросовестности и разумности – для отказа в защите права не требуется, чтобы отказывающаяся от обязательства сторона действовала *заведомо* недобросовестно и неразумно.

В связи с этим интересным является вопрос о том, насколько повышенный стандарт доброй совести и разумности является необходимым при совершении односторонних сделок вообще.

Рассмотрение вопроса о необходимости использования повышенного стандарта хотелось бы начать с рассуждений о том, на какой вид односторонних сделок, по нашему мнению, этот стандарт распространять точно не следует.

Наиболее известны две классификации односторонних сделок. В соответствии с ними односторонние сделки делятся на требующие восприятия и не требующие восприятия и на односторонне-управомочивающие и односторонне-обязывающие. В контексте настоящей работы представляет интерес именно вторая классификация.

Деление односторонних сделок на односторонне-управомочивающие и односторонне-обязывающие было предложено Б.Б. Черепахиным и развито в работе С.С. Алексеева. По их мнению, «первая из указанных групп сделок – это действия по предоставлению субъективного права, вторая – действия, которые производят для него юридически обязательные изменения, связывающие другое лицо» [4, с. 60].

Н.В. Резанов обращает внимание на то, что избранный критерий деления односторонних сделок не является точным и не позволяет в полной мере делать какие-либо практические суждения на основе этой классификации [5, с. 161].

Поэтому современные исследователи модернизируют данную классификацию, делая основным критерием не сам факт вмешательства в сферу правовой автономии (или наделение правом, или возложение обязанности), а определение степени вмешательства и оценки последствий вмешательства. Так, А.Г. Карапетов предлагает разделять односторонние сделки на следующие категории:

«Первая категория односторонних сделок позволяет воле одного лица вторгнуться в сферу правовой автономии другого лица и навязать последнему

правовые последствия в форме лишения этого лица тех или иных прав (полномочий), создания для него неких новых обязанностей, изменения или прекращения правоотношения с участием этого адресата односторонней сделки. Вторая категория односторонних сделок позволяет стороне сделки ограничивать свои собственные права и правовые возможности или предоставлять адресату такой сделки некие права (полномочия)... Односторонний отказ от договора, одностороннее изменение договора, выбор в альтернативном обязательстве или зачет относятся к первой категории, а выдача доверенности, оферта, завещание, отказ от некоего секундарного права, отказ от наследства, отказ от права собственности на движимую вещь, независимая гарантия – ко второй» [7, с. 58].

Первую категорию Н.В. Резанов называет интервентными сделками, а вторую – неинтервентными, причем под интервенцией понимается исключительно негативное вмешательство в сферу правовой автономии адресата односторонней сделки. [5, с. 164]. Эта терминология так же будет использоваться нами в дальнейшем.

Разделение односторонних сделок на интервентные и неинтервентные имеет практические последствия, заключающиеся в следующем.

В отличие от принципа свободы договора, применительно к односторонним сделкам действует обратное правило. Пленум Верховного Суда в п. 51 постановления от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» указывает, что если односторонняя сделка совершена, когда законом, иным правовым актом или соглашением сторон ее совершение не предусмотрено, то по общему правилу такая сделка не влечет юридических последствий, на которые она была направлена [3].

В литературе отмечается, что этот подход справедлив для случаев, когда односторонняя сделка является интервентной. Негативное вмешательство в чужую правовую автономию путем совершения односторонней сделки может быть допустимо лишь тогда, когда это прямо установлено в законе либо заранее согласовано сторонами [7, с. 59].

Но, как указывает Н.В. Резанов, если вмешательство в правовую автономию лица ограничивается лишь тем, что совершение односторонней сделки предоставляет ему дополнительные права, возможности или дает иные преимущества, то нет препятствий ограничивать возможность совершения такой сделки независимо от того, известна она позитивному праву или нет [5, с. 167].

Однако, на наш взгляд, это не единственный практический вывод, который можно сделать на основании разделения односторонних сделок на интервентные и неинтервентные.

Повышение стандарта добросовестности и разумности, по существу, преследует те же цели, что и ограничение свободы совершения односторонних сделок. Совершение интервентных односторонних сделок потому предлагается ограничивать случаями, когда такая возможность установлена нормативными правовыми актами или соглашением сторон, что негативное одностороннее воздействие на частную сферу другого лица неоправданно подрывает идею автономии воли.

При этом установление подобного ограничения не дает никаких гарантий, что лицо, совершая интервентную одностороннюю сделку, предусмотренную законом, не ущемит права другого лица и не причинит вред его интересам, потому как правовая возможность осуществления интервентной односторонней сделки сама по себе еще не означает уместность ее осуществления.

В связи с этим, как минимум, будет уместно предположить, что лицо, в чью частную автономию происходит негативное вмешательство посредством односторонней сделки, нуждается в дополнительной защите, которую как раз и может представлять собой повышенный стандарт добросовестности и разумности при осуществлении подобных актов.

Но должен ли соблюдаться повышенный стандарт добросовестности и разумности при совершении неинтервентных односторонних сделок?

Когда речь идет об односторонних сделках, совершение которых не может повлечь для лиц негативные правовые последствия или влечет только предоставление прав и иных выгод, на наш взгляд, нет причин оценивать совершение таких сделок при помощи строгих требований добросовестности и разумности. Труднопредставимы ситуации, при которых совершение неинтервентных односторонних сделок способно повлечь нарушение прав иных лиц, в том числе лица, на частную автономию которого такая сделка воздействует.

Таким образом, по нашему мнению, сфера применения повышенного стандарта добросовестности и разумности должна быть ограничена только интервентными односторонними сделками.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 ч. Ч. 2 : федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925-1989: сборник статей. М.: Статут. 2001. С. 54-68.

5. Резанов Н.В. Односторонние сделки: классификации, свобода совершения, возможность включения условий // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 10. С. 155-190.

6. Резанов Н.В. Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования / Н. В. Резанов / Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 9. С. 122-139.

7. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.

УДК 347.15/18

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГРАЖДАНИНА ОТ ДОЛГОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

© С.С. Заблоцкий

Адвокатское бюро «АРБИКОН»

*Общественный совет при Уполномоченном по защите прав
предпринимателей в Красноярском крае*

1. Введение

Институт несостоятельности уже давно превратился в самостоятельную комплексную отрасль права. Об этом свидетельствует объём нормативного регулирования самого закона о банкротстве, в котором наряду с нормами материального права присутствуют и процессуальные; частноправовые положения переплетаются с публичными нормами налогового, трудового и

административного законодательства. Наконец, приняты многочисленные подзаконные акты.

На одном из крайне острых и болезненных для каждого гражданина вопросе – его *освобождении от долгов*, а точнее не освобождении от них, хотелось бы остановиться подробно.

Сразу скажем, что число дел о банкротстве граждан (в отличие от банкротства юридических лиц) стремительно растет. По данным фед. ресурса банкротств, число граждан – должников по стране приближается к 1 млн. человек. При этом, в Красноярском крае рост решений о банкротстве физических лиц в 2022г. по сравнению с 2021г. составил 90%. Это, кстати, рекорд по России. И увеличение дел продолжается. Согласно статистике АС КК, если за весь 2022г. было подано чуть более 3.800 заявлений о банкротстве физических лиц, включая ИП, то за 6 месяцев этого года эта цифра уже составила более 2.300 заявлений. Рост 20%.

2. Цели потребительского банкротства

Судебная практика по вопросу освобождения гражданина отражает ряд существенных проблем всего банкротного права. Прежде всего, так и нет четкости в определении целей банкротства. Так, в свежих определениях Верховного Суда РФ можно найти почти диаметрально противоположные подходы. **Цитата** от главного суда страны **номер один**: *институт банкротства - это крайний (экстраординарный) способ освобождения от долгов, поскольку в результате его применения могут в значительной степени ущемляться права кредиторов, рассчитывавших на получение причитающегося им. Процедура банкротства не предназначена для необоснованного ухода от ответственности и прекращения долговых обязательств. (Определение от 19 апреля 2021 г. № 306-ЭС20-20820).*

Очевиден жестко «прокредиторский» подход.

Но есть и **другая позиция** от той же высшей инстанции: *Основная цель института банкротства физических лиц - социальная реабилитация добросовестного гражданина, предоставление ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по старым, непосильным для него обязательствам. Отказ в применении к гражданину правил об освобождении от долгов является исключительной мерой, направленной либо на защиту других социально значимых ценностей (в частности, таких как право конкретного лица на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, алиментов, либо на недопущение поощрения злоупотреблений...* (Определение от 6 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-25685).

Акценты совершенно иные. Причём региональные суды под разные конкретные ситуации цитируют то одну, то вторую точку зрения. Мы тоже можем проголосовать, кому что ближе.

Особо продвинутая восточно-сибирская кассация иногда пытается совместить эти подходы. Цитирую одно из дел: *в процедуре банкротства граждан, с одной стороны, добросовестным должникам предоставляется возможность освободиться от чрезмерной задолженности, не возлагая на должника большего бремени, чем он реально может погасить, а с другой стороны, у кредиторов должна быть возможность удовлетворения их интересов, препятствуя стимулированию недобросовестного поведения граждан, направленного на получение излишних кредитов без цели их погашения.* (Постановление от 29 августа 2023 г. по делу № А58-4785/2020).

Очень взвешенно и разумно выглядит на бумаге. Но совместить эти подходы на практике бывает значительно сложнее.

3. Оценка поведения должника для целей «всепрощения»

Очевидно, что 99% граждан-должников «уходят» в банкротство с целью списания, или как сейчас, по-модному, говорит ВС РФ «сложения» долгов.

Анализ верховной и нашей региональной свежей практики позволяет сделать следующие выводы-ориентиры о том, чего нельзя делать, чтоб не остаться с долгами.

Опять же близко к текстам судебных актов:

- нужно быть **честным** гражданином. Причём для трудоспособного человека быть честным недостаточно. Нужно еще принимать **все возможные меры к получению доходов** с целью максимального погашения своих долгов: трудоустройство, повышение квалификации, изменение специализации.

- можно быть **неразумным**. Это не препятствует прощению обязательств, которые по своему неразумению принял на себя гражданин. Главное – добросовестность! Если речь идёт о банковских кредитах (а это львиная часть должников), то подходы судов еще мягче. Если должник не врал и не обманывал банк при получении займа, то именно на кредитные учреждения, как на профессионалов, возлагается бремя проверки потенциального заёмщика. И если банк сделал это халатно, пенять придётся на себя.

- более того, можно **не платить по долгам**. Нет, конечно обязательства должны выполняться. Это базовый принцип гражданского права. Но сама по себе просроченная задолженность еще не повод сохранить долги при несостоятельности.

- а вот **злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности** запрещено. Под ним суды понимают, как раз, нечестное, недобросовестное

поведение должника, когда он умышленно скрывает свои действительные доходы или имущество, на которые может быть обращено взыскание; совершает в отношении этого имущества незаконные действия по его отчуждению на близких лиц и даже, ведет явно **роскошный образ жизни** – цитата из Верховного Суда РФ. По мнению судов, **переход на более скромный уровень потребления** (например, в части автотранспорта, жилья и отдыха) является крайне благоприятным фактором при оценке возможности освободить от долгов.

запрещено, вообще, **все недобросовестное** в действиях должника. Тем более, недопустимо **злоупотребление**. Понятно, голимое усмотрение, или как пишут судьи – дискреционные (то есть, безграничные) полномочия суда по оценке стандарта добросовестного поведения.

4. Примеры неправомερных действий, исключающих долговую свободу.

Среди **самых распространенных фактов, исключающих финансовое освобождение**, в судебных актах приводят:

а) неравноценный раздел супружеского имущества, отчуждение собственности по заниженным ценам. «Трещат по швам» и брачные договоры;

б) сокрытие имущества и «серых» доходов, иногда даже зарубежных квартир. Среди них, чаще других встречаются жилые метры в солнечной Испании. Видимо там больше всего сибирских банкротов.

в) предоставление финансовому управляющему или суду заведомо недостоверной информации или документов. Здесь важна оговорка. Непредоставление информации, которое не создает угрозы причинения вреда интересам кредиторов, объявляется судами **малозначительным**, не препятствующим освобождению. То есть, маленько «поколдовать» с бумагами не возбраняется. Ну например, скрыл должник, что имеет полис страхования жизни или получил разрешение на охоту. Кому какое дело?

г) наконец в целом ряде дел суды устанавливали злоупотребление правом должником и его супругой при **искусственном придании** жилому помещению должника **статуса единственного жилья**. Как известно, все началось с Постановления Конституционного Суда России №15-п, который сказал в апреле 2021г., что иммунитет не может быть абсолютным. Кстати, вопрос о лишних 7-ми комнатах не даёт покоя правоприменителю с начала прошлого века, с булгаковских времен. Помните, про предложение жилтоварищества Филиппу Филипповичу обедать в спальне, а не столовой? Так вот, оценка количества и предназначения комнат у наших «Филип Филипповичей-банкротов» и поведения должника при создании так называемого, «искусственного иммунитета» опять показывает безграничность судейского усмотрения. Вот

даже в этом литературном примере. Можно ли положения Постановления №15-п применить к нашему герою и заставить его обедать в спальне, а больных оперировать в комнате прислуги? Вопрос далеко не праздный. Ведь смена адреса должника на вот такие семикомнатные «хоромы» накануне банкротства может быть признаком сокрытия имущества и не освобождения от долгов. Такие оценки в судебных актах мы читали. Но правильно ли это? Большой вопрос.

Вопрос о широком судебском усмотрении, вообще, поднимает тему роли и активности суда в таких процессах. **Еще одна любопытная цитата** одного из постановлений суда апелляционной инстанции, которая характеризует понимание судьями собственной роли в деле возмездия в отношении нерадивых должников: *суд первой инстанции пришел к выводу о том, что при исполнении обязательства... должник действовал незаконно, а именно, своими недобросовестными действиями покушался на сокрытие имущества, которые не достигли преследуемой цели по не зависящим от Сенина А.А. обстоятельствам. Указанные действия должника были пресечены в результате действий суда по признанию сделок недействительными, путем вынесения вышеперечисленных судебных актов.* Вот так жестко обосновал вышестоящий суд невозможность освободить некоего проказника Сенина А., лишь покусившегося на вывод активов, но не реализовавшего свой коварный план. Пускай теперь отвечает вместе со своими наследниками.

- любопытно, но совершение незаконных сделок не всегда влечёт запрет списывать долги. Так, если судебным актом о недействительности сделки факт злоупотребления не установлен, если занижение цены было обусловлено срочной вынужденной продажей, если, самое главное, как пишут суды, должником предложен докомпенсационный механизм потерь от незаконной сделки, и имущество или его стоимость вернулись в конкурсную массу. Должник, конечно, набедакурил, был неразумен, но его можно простить.

5. О некоторых исключениях из правил

Даже если должник соблюдал перечисленное выше и был честным, пускай неразумным, но главное добросовестным, не вел роскошный образ жизни, ни о каком «всепрощении» говорить не приходится.

Прежде всего, законодатель выделяет требования, которые не погашаются при банкротстве ни при каких условиях. Их немало. И если некоторые вопросов не вызывают, например традиционно льготированные алименты или вред здоровью, то возмещения убытков юридическому лицу или имуществу умышленно или по **грубой неосторожности** требует комментария. Часто ли суды

проводят грань между грубой и простой неосторожностью. Я не встречал, а последствия радикально разные.

Не будет освобожден гражданин и при привлечении к субсидиарной ответственности, а также при применении к нему последствий недействительности сделки по «банкротным» основаниям.

Прежде всего, эти нормы фактически исключают возможность прощения долга для всех руководителей юридических лиц-банкротов и их основных учредителей. Субсидиарными должниками они становятся почти всегда. Да и найти хоть одно дело о банкротстве без признанной недействительной хотя бы одной сделки должника, непросто. Стоит признать, что «субсидиарка» хотя бы как-то связана с виновностью должника. Однако, все равно, выход какой-то должен быть. Никому не легче, когда на «несчастливого» директора «вешают» весь миллиардный реестр, не предлагая никакого решения этой личной правовой проблемы. Хотя бы давайте исключим наследственное правопреемство по таким долгам, объявив их связанными с личностью.

Но то, что последствия любых, причём оспоримых сделок по специальным основаниям закона о банкротстве также становятся «вечным долгом» гражданина и его наследников во всех поколениях необъяснимо. Явный «прокредиторский» элемент, который грань разумного нарушает.

6. О некоторых итогах

Здесь стоит отметить:

- большой простор судейского усмотрения;
- несправедливость правил о сохранении долга при применении последствий недействительности сделок;
- отсутствие единообразной судебной практики по стране;
- изменение «прокредиторского» и «продолжникового» вектора прощения долга во времени;
- нестабильность, неокончателность определения об освобождении от долгов, которое может быть пересмотрено по вновь открывшимся обстоятельствам, если после завершения дела выяснятся факты злоупотреблений должника. (п. 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №45). Хотя чаще это – классические новые доказательства, которые не являются основаниями пересмотра.
- отсутствие ясности, как работает механизм освобождения от долгов при внесудебном банкротстве (п. 2 ст. 223.6 Закона о несостоятельности). Может ли МФЦ проверить наличие оценочных оснований для не освобождения от долгов. Каков способ защиты интересов кредитора в данном случае (обжалование

решения МФЦ, предъявление исполнительного листа с последующим обжалованием действий СПИ и пр.).

- но, и это главный итог выступления, наметилась безусловно положительная тенденция к смягчению института освобождения от долгов. В цифрах по нашему Арбитражному суду Красноярского края отмечается практически четырехкратное сокращение случаев не снятия долга в 2023г. по сравнению с 2022г.

УДК: 343.98

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАКОТИКОВ: УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ РОДОВОЙ (УКРУПНЕННОЙ) КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ

© С.И. Земцова

Сибирский юридический институт МВД РФ

Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года предусмотрены в среднесрочной и долгосрочной перспективе пятнадцать угроз национальной безопасности [6]. Среди которых в том числе, обусловленные «лавинообразным» увеличением количества преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, электронных платежных систем и криптовалюты. В частности, обращается внимание на «масштабное использование сети «Интернет» для пропаганды незаконного потребления наркотиков; «использование новейших финансовых инструментов в целях легализации (отмывания) доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотиков, а также применение новых способов оплаты приобретаемых наркотиков; появление новых форм противоправной деятельности организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), усиление или конспирации каналов поставки и сбыта наркотиков с использованием инновационных коммуникационных и других новых технологий» [6].

Акцент на противодействии наркопреступности, совершаемой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей неоднократно делался на самом высоком уровне.

В частности, Президент Российской Федерации Владимир Путин выступая на Расширенной коллегии МВД России 20 марта 2023 года, отметил: «...Один из безусловных приоритетов вашей работы – это борьба с преступлениями с использованием информационных технологий. По итогам 2022 года число таких преступлений уже превысило полмиллиона и составило четверть от всех уголовно наказуемых правонарушений. Это, конечно, впечатляет, но и понятно – всё это связано с развитием этих технологий...» [5].

Если в 2019 году, количество преступлений совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий составляло в сфере незаконного оборота составляло 24,7 тыс.; в 2020 – 47,6 (+90,7%); 2021 – 51,4 (+9,3 %), то в 2022 году – 62, 2 (+ 20,9 %).

В 2023 году указанная тенденция сохранилась. Правоохранительными органами за период с января по май выявлено 35,2 тыс. (+44,7 %) [3].

Ю.В. Гаврилин, справедливо отмечает, что фактически в настоящее время «...происходит процесс цифровой трансформации преступности, состоящий в принципиальных изменениях как в механизме совершения «традиционных» преступлений, возникших в «доцифровую» эпоху, так и в возникновении новых видов преступлений, непосредственно связанных с развитием информационно-телекоммуникационных технологий и использованием технических средств сбора, обработки, хранения компьютерной информации и ее передачи по линиям связи» [1, с. 6].

Средствами совершения данных преступлений выступают мессенджеры («Telegram», «Brosix», «Pidgin», «Xabber», «Vipole», «IM+», «Psi»), программное обеспечение, шифрующее VPN-соединения, позволяющее обходить блокировку со стороны государственных органов, возможности современных технологий; дистанционных платежных систем (Visa QIWI Wallet, WebMoney, Yandex-Money, QIWI-банк, E-port); приложения для работы с сетью, интернет-программы, поддерживающие OTR-шифрование, а также имеющие специализированные хранилища информации с защитой от несанкционированного доступа; приложения, представляющих собой инструмент, обеспечивающий конфиденциальность пребывания в информационно-коммуникационной сети Интернет, с невозможностью определения IP-адресов выхода на виртуальные сайты.

Первые факты совершения наркопреступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей были зарегистрированы в 2009 году, как в России, так и многих странах Европы. Во многом этому способствовали возможности крупнейшей площадки «Silk Road», серверы которой располагались в Исландии, Латвии, Румынии и США. Своим

существованием она обязана: цифровой валюте Bitcoin, и анонимайзеру TOR. По примерным подсчетам, на начало 2013 года на ней предлагалось около десяти тысяч продуктов, из которых 70% были наркотические средства. После прекращения ее деятельности в октябре 2013 года, спустя незначительный период времени была создана новая площадка «Siik Road 2.0» с более широким функционалом, как для продавцов так и для покупателей. Она просуществовала менее года и в ноябре 2014 года ее деятельность была пресечена ФБР США.

В 2015 году в результате объединения площадок Way Away Legal RC была запущена «Hydra», предоставлявшая наркотические средства, оружие, фальшивые денежные купюры и документы, а также другие объекты для покупки, преимущественно с использованием криптовалюты, с использованием тайниково-закладочного способа. Оборот данной площадки являлся самым высоким в мире. Только за 2020 год через нее были осуществлены продажи на общую сумму не менее 1,23 миллиарда евро. На площадке размещалось более 400 крупных интернет-магазинов. Средняя стоимость открытия интернет-магазина – 450 долларов, ежемесячная аренда – 100 долларов (+5% с каждой покупки). В апреле 2022 года ее деятельность была прекращена сотрудниками Генпрокуратуры Франкфурта-на-Майне и Центрального управления Германии по борьбе с интернет-преступностью.

Больше всего от этого выиграли от этого площадки RuTor, WayAway, OMG!, Solaris, Nemesis, Legalizer которые привлекли значительное количество новых пользователей.

Помимо перечисленных изменений, необходимо также отметить следующие тенденции, наблюдающиеся в последние несколько лет:

- переориентация с контрабанды синтетических наркотических средств на их производство внутри страны; использование «наркоструктуров». Об этом свидетельствуют и статистические данные. Количество выявленных фактов наркопроизводств за последние восемь лет увеличилось в двенадцать раз. В частности, если в 2016 году зарегистрировано 66 преступлений, то в 2022 – 829. Указанная деятельность, как правило, осуществляется организованными преступными группами, о чем неоднократно отмечалось в юридической литературе и предшествует незаконному сбыту и легализации наркосредств.

Например, неустановленное следствие лицо, осознавая, что незаконный сбыт наркотических средств, является высокодоходным видом преступной деятельности, посягая на здоровье населения и общественную нравственность, преследуя корыстные цели, направленные на незаконное обогащение, умышленно, разработало преступный план, основными пунктами которого должно было стать серийное масштабное незаконное производство

наркотического средства – мефедрон (4-метилметкатинон) в особо крупном размере, и последующая организация его систематического незаконного сбыта в крупном размере на территориях различных регионов Российской Федерации посредством интернет магазина «Доктор Живаго». С этой целью создало организованную иерархично-структурированную группу состоящую из: руководителя организованной группы, «модератора-куратора», «химика», «варщиков», «поставщика» и «курьеров» [4].

- использование цифровой валюты с целью конспирации преступных действий: в качестве средства оплаты за приобретаемые наркотические средства, начисления «заработной платы» участникам организованных преступных сообществ (закладчику, оператору, курьеру, кассиру, «спортикам», «трафаретчикам» и т.д.), а также легализации (отмывания) наркодоходов. В последнем случае используются возможности криптовалютных бирж (Binance, Coinbase, Huobi, Kraken), а также криптообменники; Chain-hopping («прыжки между сетями»); криптовалютные миксеры; онлайн – игры с поддержкой криптовалютных транзакций.

Указанный перечень не является исчерпывающим. Вместе даже он позволяет выдвинуть гипотезу о необходимости разработки новой (базовой, укрупненной, интегративной) методики расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Разработанная почти двадцать восемь лет назад (в 2005 году) С.А. Рогановым родовая методика расследования наркопреступлений и изложенная в диссертации на соискание степени доктора юридических наук: «Теория и практика расследования преступлений в сфере криминального бизнеса синтетических наркотических средств», не в полной мере отвечает современным реалиям.

В последующие годы, в том числе и последние пять лет, подготовлено более десятка исследований, освещающих отдельные аспекты указанной проблемы, вместе с тем глобально они не позволили устранить образовавшийся «вакуум». Среди таких работ, следует отметить : Решняк О.А. «Использование компьютерных технологий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота опасных психоактивных веществ», 2019; Щуровой А.С. Незаконный оборот наркотических средств и их аналогов с использованием компьютерных технологий (сети Интернет): уголовно-правовое и криминологическое исследование , 2017; Летелкина Н.В. Уголовно-правовое противодействие преступления, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая «Интернет»), 2018; Гаджиева М.А. Борьба с незаконным оборотом наркотиков в глобальном

управлении, 2019; Зассеева Д.А. Организация и правовые основы деятельности подразделений, выполняющих правоохранительные функции в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, 2018; Зиновьевой Н.С. «Компьютерная информация, преобразованная методами криптографии, в раскрытии и расследовании преступлений», 2020; Колычевой А.Н. «Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет», 2018; Кравец Е.Г. «Информационно-телекоммуникационные технологии как элемент технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений», 2016.

Указанные работы могут быть использованы в качестве базы для разработки укрупненной криминалистической методики. Полагаем в данной фундаментальной работе, должны быть исследованы закономерности цифровой трансформации механизма преступления, с одной стороны и специфика формирования доказательственной базы, с другой. Кроме того, предложены практические рекомендации, направленные на повышение эффективности производства отдельных следственных действий при расследовании наркопреступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет): осмотра и изъятия мобильных абонентских устройств сотовой связи и компьютерной техники, следственного эксперимента, допроса участников организованной преступной группы (сообщества); использования различных видов специальных знаний. Нуждаются в освещении и специфика возбуждения уголовных дел, выделение исходных следственных ситуаций, возникающих на первоначальном и последующих этапах расследования, и т.д.

Однако в настоящее время, приходится констатировать, что «...криминалистика с трудом успевает за практикой, которая в ряде случаев ее значительно опережает (особенно это видно на примере методик расследования высокотехнологичных преступлений). На этом фоне практические сотрудники в большей степени руководствуются обзорами и обобщениями следственной практики, методическими рекомендациями, подготовленными органами расследования преступлений, нежели разработками ученых-криминалистов. Это придает целям и задачам криминалистики декларативный характер» [2, с. 63].

Учитывая эти и другие «злободневные» проблемы, необходимо комплексное исследование как теоретических, так и практических вопросов расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), электронных

платежных систем и цифровой валюты. Эта цель не может быть достигнута без соответствующего научно-теоретического осмысления в юридической науке.

Список использованных источников:

1. Гаврилин В.Ю. О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях : научно-практическое пособие. Москва: Академия управления МВД России, 2021. 72 с.

2. Гаврилин Ю.В. Криминалистика: угрозы и вызовы современности // Криминалистика и новые вызовы современности (58-криминалистические чтения) : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. М.: Академия Управления МВД России. 2018. С. 58-64.

3. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Деятельность. Статистика и аналитика. URL: <https://мвд.рф/reports/item/39336121/>.

4. Приговор № 1-216/2021 Пролетарского районного суда г. Твери в отношении Пахомова С.Г., по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч.5 ст.228.1, ч.3 ст.30, п.п. «а, г» ч.4 ст.228.1, ч.3 ст.30, ч.5 ст.228.1, ч.2 ст.228.3, ч.3 ст.30, ч.5 ст.228.1, ч.1 ст.313 УК РФ // СПС КонсультантПлюс.

5. Расширенное заседание коллегии МВД. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70744>.

6. Указ Президента РФ «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» от 23.11.2020 № 733 (в ред. от 29.03.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368501/88c278a9358f0df60725188db9beded9a90290e1/.

УДК 343.1

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ С ЦЕЛЬЮ НАЗНАЧЕНИЯ ПОВТОРНОЙ ИЛИ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ТЕОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ**

© **И.Г. Иванова**

Сибирский федеральный университет

Заключение эксперта является одним из видов доказательств, предусмотренных законом (ч. 2 ст. 74, ст. 80 УПК РФ). Оно подлежит оценке и проверке органами предварительного следствия и судом на общих основаниях, по тем же правилам, что и любое другое доказательство (ст. 88 УПК РФ).

В соответствии с п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [1], при оценке судом заключения эксперта следует иметь в виду, что оно не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами.

При осуществлении защиты по уголовным делам адвокат нередко сталкивается ситуацией, когда заключения экспертиз, полученные в ходе предварительного расследования, не отвечают требованиям обоснованности, всесторонности и полноты.

Так, нередко в ходе исследования экспертом не применяются необходимые методики, или примененные методики не могут быть применены к подэкспертным объектам. В соответствии с п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», необоснованным следует считать такое заключение эксперта, в котором не применены или неверно применены необходимые методы и методики экспертного исследования.

В качестве примера такого экспертного нарушения можно привести подмену объекта исследования при производстве комплексной психолого-лингвистической экспертизы, когда вместо устной речи эксперты исследуют письменную речь, не отражающую эмоциональное состояние и побуждения говорящих.

Распространенным нарушением является также использование при производстве экспертизы материалов, полученных экспертами самостоятельно. Такая «экспертная инициатива» является нарушением требований ст. 57

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ч. 4 п. 2), а также требований ст. 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» от 31.05.2001 года № 73-ФЗ [5], согласно которым эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования.

Примером такого выхода за пределы компетенции эксперта является ситуация, когда при производстве судебно-медицинских экспертиз эксперты в ходе исследования ссылаются на медицинские документы, которые не были им переданы следователем: исследуют амбулаторные карты, рентгеновские снимки, результаты ультразвуковой диагностики, которые им самостоятельно приносят подэкспертные.

В правоприменительной практике встретилась ситуация, когда эксперт судебный медик, одновременно являясь заведующим неврологическим отделением районной больницы, осуществлял наблюдение за подэкспертным не в рамках экспертных исследований в бюро судебно-медицинской экспертизы, а в ходе лечения подэкспертного в указанном неврологическом отделении по другому заболеванию, не связанному с производством экспертизы. И выводы, отраженные в экспертном заключении, были сделаны после проведенного лечения в отделении больницы, а не на основании тех медицинских документов, которые были предоставлены эксперту следователем. Тем самым эксперт при проведении исследования нарушил работу с материалами уголовного дела и вышел за пределы своей компетенции.

В соответствии с ч. 2 ст. 8 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» от 31.05.2001 года № 73-ФЗ, заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Согласно проведенному нами анализу экспертных заключений, в 18 % случаев список научной и методической литературы в экспертных заключениях не содержал необходимой для полученных выводов научной базы.

Описанные выше примеры свидетельствуют о существенных пробелах в специальных знаниях экспертов, проводивших исследования, недостаточном знании ими организационно-правовых, научных и методических основ судебно-экспертного исследования. Все это ставит под сомнение допустимость экспертного заключения как доказательства.

Согласно ч. 2 ст. 207 УПК РФ в случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту.

Согласно ст. 20 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности» от 31.05.2001 года № 73-ФЗ производство повторной судебной экспертизы назначается в связи с возникшими у суда, судьи, лица, производящего дознание, следователя или прокурора сомнениями в правильности или обоснованности заключения эксперта.

Вместе с тем, в ходе расследования уголовного дела адвокату-защитнику очень сложно обосновать правоприменителю (следователю, суду), что вышеописанные недостатки и грубые нарушения, допущенные при производстве первоначальной экспертизы, являются существенными, а для их устранения требуется назначение и производство повторной экспертизы.

По мнению Л.Т. Ульяновой, адвокату, чтобы оценить правильность выбора и использования методики исследования, его научную обоснованность, необходимы познания, идентичные экспертным [3, с. 170], что априори невыполнимо, так как адвокат-защитник является специалистом только в юриспруденции.

Механизм, который призван помочь «убедить» правоприменителя в обоснованности назначения повторной или дополнительной экспертизы, является заключение специалиста, к которому обращается защитник для проверки правильности и обоснованности примененных специальных знаний экспертами при составлении первоначального экспертного заключения. Данное право защитника закреплено в п. 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» от 31.05.2002 года № 63-ФЗ [4], в соответствии с которым адвокат вправе привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи, а также в п. 3 ч. 1 ст. 53 Уголовно-процессуального кодекса РФ, где закреплено право защитника привлекать специалиста.

Специалист по заданию защитника осуществляет анализ экспертных выводов с позиции их методической и научной обоснованности, соответствия рекомендациям, которые разработаны теорией судебной экспертизы.

Вместе с тем, использование этой законодательно предусмотренной возможности обращения защитника к специальным познаниям сталкивается с рядом, как теоретических, так и практических проблем.

Следователи и суды по тем или иным причинам отказывают в приобщении к материалам дела полученных защитником заключений специалистов, причем часть отказов носит немотивированный, а часть формальный характер, без раскрытия и обоснования такой негативной оценки заключения специалиста.

Для решения этой проблемы и в качестве дополнительной гарантии независимости адвокатов при осуществлении ими квалифицированной

юридической помощи в уголовном судопроизводстве статья 159 Уголовно-процессуального кодекса РФ была дополнена частью 2.1, в соответствии с которой законодатель запрещает следователю отказывать защитнику в приобщении к материалам дела заключений специалиста, если обстоятельства, об установлении которых он ходатайствует, имеют значение для данного дела и подтверждаются этими доказательствами [6]

Однако данная норма в правоприменительной практике остается сугубо декларативной. В качестве традиционных причин отказа в приобщении к материалам дела заключения специалиста выступают следующие:

- специалисты не предупреждались об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- в деле имеется заключение эксперта, не доверять которому нет оснований;
- специалист не вправе оспаривать заключение эксперта, поскольку специалист не исследовал вещественные доказательства;
- заключение специалиста является рецензией на заключение эксперта, что не основано на требованиях уголовно-процессуального законодательства, и т.д.

Применение такого формально-отрицательного подхода к полученному защитником заключению специалиста со стороны обвинения, следователя и суда возможно потому, что имеющаяся на данный момент в России правовая регламентация института заключения специалиста по уголовному делу не достаточна для реального использования специальных знаний по уголовному делу стороной, которая не наделена властно-распорядительными полномочиями.

Во-первых, не предусмотрены механизм и форма получения адвокатом-защитником заключения специалиста.

Во-вторых, в уголовно-процессуальном законе не регламентирован процессуальный документ, на основании которого дается заключение специалиста, его форма, структура и содержание.

В-третьих, как верно указывают Л.Г. Шапиро и В.В. Степанов, не решены вопросы, связанные с обеспечением гарантий прав и интересов лиц, которых касается познавательная деятельность специалиста [7, с. 35].

Для решения вышеописанных проблем можно обратиться к опыту казахстанского уголовного судопроизводства. Так, в статье 117 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее также – УПК РК) [2] предусмотрена форма заключения специалиста: в соответствии с ч. 1 ст. 117 УПК РК заключение специалиста – это оформленный в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 117 УПК РК и представленный в письменном виде официальный

документ, отражающий содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед специалистом лицом, ведущим уголовный процесс, или сторонами.

В части 3 ст. 117 УПК РК подробно раскрыто содержание заключения специалиста, в котором должно быть указано: дата его оформления, сроки и место производства исследования; реквизиты протокола следственного действия, к которому прилагается заключение специалиста, сведения о специалисте, который проводил исследование (фамилия, имя, отчество (при его наличии), образование, специальность, стаж работы по специальности, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность); отметка, удостоверенная подписью специалиста о том, что он предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения; вопросы, поставленные перед специалистом; объекты исследования, их состояние, упаковка, скрепление печатью; содержание и результаты исследований с указанием примененных методов; оценка результатов проведенных исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным перед специалистом вопросам.

Также в УПК Республики Казахстан получили закрепление гарантии прав и законных интересов лиц, в отношении которых проводится исследование (главы 34 и 35).

Для устранения немотивированного отказа в приобщении стороной защиты заключения специалиста предусмотрена законодательная норма, в соответствии с которой заключение специалиста не является обязательным для органа, ведущего уголовный процесс, однако его несогласие с заключением должно быть мотивировано (ч. 7 ст. 117 УПК РК).

Столь положительный казахстанский опыт правовой регламентации института заключения специалиста и его использования стороной защиты, несомненно, должен быть внедрен и в российскую правоприменительную систему.

В качестве иных способов решения вышеуказанной проблемы неравенства сторон в сфере использования специальных познаний в уголовном процессе является предоставление адвокату-защитнику права назначения судебной экспертизы.

Может быть также предусмотрена возможность обращения защитника к следственному судье с ходатайством о назначении соответствующей экспертизы.

Однако оба указанных способа требуют существенного пересмотра фундаментальных основ российского уголовного процесса, в соответствии с

которыми правом производства расследования наделены только соответствующие государственные органы, а институт следственного судьи вызывает активное неприятие со стороны правоприменителей.

Вместе с тем, ситуация, сложившаяся в этой области, требует скорейшего разрешения, поскольку обвиняемый (подсудимый) и его защитник в настоящее время фактически лишены процессуальных возможностей что-либо противопоставить имеющемуся в деле заключению эксперта, даже в случае, когда заключение первичной экспертизы не отвечает требованиям обоснованности, всесторонности и полноты. Это, в свою очередь, является существенным нарушением принципа состязательности процесса и приводит к правовому нигилизму со стороны граждан, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

Список использованных источников:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21.12.2010 № 28 (в ред. от 29.06.2021) // Российская газета. 30.12.2010. № 296.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>.

3. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: Учебное пособие. М.: Городец, 2008. 176 с.

4. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (в ред. от 24.07.2023) // Российская газета. 05.06.2002. № 100.

5. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (в ред. от 01.07.2023) // Российская газета. 05.06.2001. № 106.

6. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 17.04.2017 № 73-ФЗ // Российская газета. 19.04.2017. № 83.

7. Шапиро Л.Г., Степанов В.В. Специальные знания в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2008. 224 с.

УДК 303.687.4

МЕЖВУЗОВСКИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИГРЫ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МИССИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© **Ж.Б. Иванова**

Коми республиканской академии государственной службы и управления

2023 год в России объявлен Годом педагога и наставника. Соответствующий указ подписал Президент России Владимир Путин. Год педагога и наставника проводится с целью признания особого статуса представителей профессии.

Действительно, роль учителя и наставника трудно переоценить. Люди этой профессии, как правило, обладают коммуникативными и организаторскими навыками, способностью обеспечить культуру интеллектуального труда.

Поощряя интерес студентов к литературе и к творчеству А.С. Пушкина, обучая их юридической специальности, можно применять разнообразные творческие методы обучения. Обращение к литературным источникам в процессе обучения помогает разнообразить формы работы преподавателя с обучающимися. Это вносит яркие моменты в процесс обучения, кроме того, расширяет кругозор студентов, а также учит анализировать, как литературные произведения, так и законодательство Российской Федерации, делать самостоятельные выводы по заданным вопросам.

На примерах произведений литературы закрепляются теоретические знания студентов, полученные на лекциях, повышается научность, доступность процесса обучения, осуществляется связь литературы и юриспруденции. Приобщение студентов к литературе на юридическом факультете позволит развивать у студентов взаимосвязанные умения и навыки, которые имеют и воспитательное значение.

Использование художественной литературы как средство обучения правовым дисциплинам делает студентов юридических вузов духовно богаче, учит видеть мир во всей его совокупности.

Анализ литературных источников и правильная юридическая оценка ситуации помогают обучающимся развивать духовный и нравственный потенциал личности, а также свои будущие профессиональные навыки юриста.

В данной статье авторы делятся своим опытом организации творческой работы студентов-юристов, которая направлена на развитие интеллектуального потенциала обучающихся.

Итак, чтобы сделать занятие творческим и интересным автор в процессе обучения студентов использует проблемные ситуации, взятые из литературных произведений. Данные ситуации учат обучающихся нестандартно мыслить и творчески усваивать знания. Проблемные ситуации, основанные на произведениях литературы, активизируют познавательную, творческую деятельность студентов.

В этой связи интересным представляется привести пример проведения межвузовской интеллектуальной игры «Право сквозь творчество А.С. Пушкина».

Цели игры:

- актуализация и систематизация знаний в области изучения права с акцентом на факты биографии и творчество А.С. Пушкина;
- повышение познавательной активности обучающихся.

Задачи:

- Образовательные: получение знаний обучающимися о праве на примерах фактов биографии А.С. Пушкина, совершенствование коммуникативных навыков.

- Развивающие: развитие творческих способностей обучающихся, их внимания, памяти, кругозора; воспитание патриотизма и нравственного отношения к историческому наследию страны; развивать навыки групповой самоорганизации и умения найти правильное решение.

- Воспитывающие: формирование культуры общения при работе в группах и между участниками игры; воспитание у обучающихся уверенность в своих силах при поиске решения нестандартных задач.

Правила игры:

- Игра состоит из вопросов и ответов;
- Количество вузов – участников неограниченно;
- Количество команд от вуза – неограниченно, команды состоят из 4-5 игроков;
- Все команды дают ответы письменно, при этом каждая команда посылает ответ организаторам игры. В порядке очередности команды озвучивают ответы устно;
- За каждый правильный ответ – 2 балла, неполный – 1 балл;
- В заключение игры подводятся итоги, выявляются победители.

Вопрос 1. А.С. Пушкин родился в 1799г. в Москве в Немецкой слободе. В метрической книге церкви Богоявления в Елоховена, в числе прочих, сделана запись: «Мая 27. Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильева Скварцова у жильца его Моёра Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр. Крещён июня 8 дня. Восприемник граф Артемий Иванович

Воронцов, кума мать означенного Сергея Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина». *Что такое метрическая книга? Кто имеет право доступа к метрическим книгам, содержащим персональные данные, находящимся в государственных архивах?*

Вопрос 2. В июле 1814 года Пушкин впервые опубликовал в издававшемся в Москве журнале «Вестник Европы» стихотворение «К другу-стихотворцу», обращённое к Кюхельбекеру. Подписался псевдонимом Александр Н.к.ш.п. *Какова правовая природа использования псевдонима?*

Вопрос 3. В сентябре 1820 года по пути в Симферополь побывал в Бахчисарае. Из письма Дельвигу: вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан, из заржавленной железной трубки по каплям падала вода. Я обошёл дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевет, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. Прогуливаясь по внутренним дворикам дворца, поэт сорвал две розы и положил их к подножию «Фонтана слёз», которому позже посвятил стихи и поэму «Бахчисарайский фонтан». *Фонтан является движимым или недвижимым имуществом?*

Особенная часть.

Вопрос от судьи Верховного суда РК Колосовой Надежды Егоровны.

Александр Пушкин любил азартные игры. Еще в лицейские годы писатель пристрастился к картам: он видел в них поэзию риска, испытание судьбы. *Как в гражданском законодательстве называется принцип утраты права на возражение при недобросовестном или противоречивом поведении? В каких статьях ГК РФ он закреплен в настоящее время?*

Вопрос от Лимонова Сергея Сергеевича, государственного инспектора Управления Роскомнадзора по РК. *Когда физиологические персональные данные становятся биометрическими персональными данными?*

Вопрос от Молчановой В.И. (пенсионерки): Пушкин очень любил блины, и особенно розовые, которые пеклись со свеклой. *У какого народа РФ традиция выпекания блинов является объектом нематериального культурного наследия?*

Вопрос от Натальи Светловой, юриста, стилиста – имиджмейкера. Любимое время года Пушкина - осень. Это время года сопровождают красные, оранжевые, желтые, коричневые оттенки теплой цветовой гаммы. *А какие цвета в одежде при посещении занятий или сдаче экзаменов в вузе желательно использовать студентам?*

На засыпку: вопрос от судьи Колосовой Н.Е. С раннего детства Пушкина воспитывали французские гувернантки и гувернёры, он знал французский как родной, писал и говорил на этом языке. Первые свои стихи он писал по-

французски, подражая Лафонтену и Вольтеру. *Какой инструмент появился в марте 2015 года в Гражданском кодексе РФ, заимствованный из французского права?*

Обратим внимание, что давая ответы на поставленные вопросы и задания студенты повышают свою правовую грамотность и одновременно получают знания о конкретном выдающемся лице. Они понимают, что многие из их предшественников были умными, хорошими профессионалами, были теми людьми, у которых можно и следует учиться не только правовым принципам, но и жизненным примерам успеха и созидания. Знание их биографии и автобиографии, научных трудов, достижений и творчества является важным показателем правовой культуры каждого обучающегося, а также способствует популяризации родного слова.

Познание опыта отечественных известных личностей также крайне важен, поскольку они, наряду с воплощением особенностей профессиональной культуры, своими судьбами показывают нынешнему поколению молодежи исторические особенности российского государства и права.

Кроме того, демонстрация позиции роли человека в правовой жизни общества, сочетание фактов биографий известных личностей с правоприменением на современном этапе, на наш взгляд, способствует повышению интенсивности убеждений у обучающихся о ценности права.

Участвуя в такой игре, студенты получают юридические знания с опорой на правильное применение их на практике одновременно с опытом успешности уникальной личности. Таким образом, осуществляется воздействие на сознание и поведение обучающихся, формируются у них собственные позитивные взгляды, ориентиры, ценностные представления, чувства, эмоции. Вместе все это благоприятно воздействует на воспитание у студентов законопослушности, а также положительно влияет на соблюдение ими и использование правовых норм.

Обобщая высказанное, отметим следующее:

- составление для студентов вузов интеллектуальных правовых игр позволяет производить оптимальный отбор нормативной информации и передавать её обучающимся для формирования у них правовой культуры;
- применение таких игр в учебном процессе способствует совершенствованию методик правового обучения, акцентирует внимание на осознанном познании студентами смысла правовых норм, практическом результате использования правовых знаний в жизненных ситуациях;

- межвузовское педагогическое взаимодействие повышает уровень психолого-педагогической подготовки профессорско-преподавательского состава;

- посредством проведения данных игр укрепляется взаимосвязь учебных занятий и воспитательных мероприятий, в которой реализуются межпредметные связи в интеллектуально-правовом обучении и воспитании;

- интеллектуальные игры способствуют выявлению и использованию результативных технологий передачи правовой информации в симбиозе с фактами биографии великих личностей, учитывают индивидуальные и психологические особенности личности обучающихся.

Соответственно, можно констатировать, что внедрение в учебный процесс интеллектуальных интерактивных игр повышает правовую культуру обучающихся, вырабатывает у них навык культурного общения. С помощью их студенты получают комплексное интегративное образование, в основе которого лежит совокупность правовых знаний и навыков, интеллектуально-нравственные ценностные ориентации личности обучающегося. Вместе все это определяет правовое сознание обучающегося и необходимое его поведение в социально значимых ситуациях, показывая общую культуру личности выпускника вуза.

Создание в ходе проведения интеллектуальных игр воспитывающей среды формирует у обучающихся ценностно-правовые ориентиры, целенаправленно включает их в учебную и внеучебную деятельность, а также координирует взаимодействие внутри педагогического сообщества, что становится эффективным способом формирования и развития правовой культуры обучающихся и средством реализации культурологической миссии высшего образования.

УДК 342.4

СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ

© **А.А. Исаева**

Томский государственный университет

Дискуссия о роли религиозных организаций в жизни государства и общества, о возможных конфигурациях государственно-церковных отношений продолжает разворачиваться в современной конституционной науке [1]. В современном меняющемся обществе происходит переосмысление места и роли

религии, что находит свое отражение в конституционных текстах. Однако на этот процесс непосредственное влияние оказывают тенденции общественного развития. Сам уклад жизни меняется и на смену эпохи постмодерна приходит метамодерн [2].

Для конституционно-правового анализа государственно-церковных отношений постмодерна было характерно использование уже устоявшейся терминологии, разработанных ранее концепций, но в новом осмыслении. Эти тенденции затронули и анализ государственно-церковных отношений. Учеными была изучена разнообразная практика построения светских государств, ее описали и представили в виде альтернативных теорий. С одной стороны, выделяли «инклюзивный», «пассивный», «позитивный» и т.д. секуляризм, а с другой – «исключительный», «напористый», «агрессивный». Но в таком видении относительно ограниченная парадигма, так как исследователи занимались оценкой уровня влияния религии и ее организованных институциональных структур на политику и социальную повестку. В целом, на основе имеющихся эмпирических данных авторы проводили классификацию государств в их взаимоотношениях с религиозными структурами, но не выделяли тенденций и закономерностей.

Например, профессор политологии А. Куру выделяет «пассивный» (англ. «passive») и «напористый» (англ. «assertive») секуляризм [3, с. 568–594]. При реализации «активного» секуляризма государство стремится не допускать общественного обсуждения религиозных вопросов, вытеснять религию из публичной сферы в основном в область частной жизни людей (как, например, в Турции и Франции). Здесь государство определяет роль и место религии в общественной жизни. «Пассивный» секуляризм, напротив, не запрещает и законодательно не устанавливает ограничений исповеданию никакого вероучения и допускает религию в публично-правовую сферу (например, Венгрия, США, Чехия).

В качестве признаков, позволяющих отделить «пассивный» и «напористый» секуляризм, А. Куру предлагает выделять: характер законодательства и правосудия (основаны ли они на религии и ее источниках), провозглашение одной или нескольких религий в качестве официальных, характер государственного образования. При этом в рамках светской характеристики образования он рассматривал такие параметры, как запрет на религиозные символы в школе, обязанность приносить присягу со ссылками на Бога), запрет на частное религиозное образование, религиозное обучение в государственных школах, государственное финансирование частных религиозных школ и запрет на молитвы в государственных школах.

Чуть шире ситуация представлена в «дуге» светских государств, предложенной американским ученым К. Даремом [4]. Она позволяет государству выбрать удобную и эффективную для себя позицию в выстраивании конфессиональной политики. Представлялось, что разные конституционные принципы и идеи правовых систем можно собирать, как выразился В. Зорькин, в «правовой коллаж» [2].

В 119 учредительных актах, принятых, в период постмодерна, то есть с 1955 по 1999 г., основы государственно-церковной политики находили свое закрепление и сформировалось три модели такого регулирования. В ряде стран, всего их 18, прямо фиксировался светский принцип (например, Франция, Камерун). В других случаях, закреплялась государственная религия: ислам, буддизм, - всего 21 государство. Но в подавляющем большинстве, в 80 странах, светский принцип прямо не фиксировался, но в конституциях закреплялись его отдельные признаки, например, свобода совести, религиозный плюрализм, отказ от официальной религии, нейтральность государства в вопросах веры, независимость государства и религиозных объединений.

Возникшее с конца 1990-ых гг. измененное состояние культуры, пришедшее на смену постмодернизму, называют метамодернизмом. Категорию «метамодернизм» ввели голландский философ Робин ван ден Аккер и норвежский теоретик медиа Тимотеус Вермюлен в эссе «Заметки о метамодернизме», увидевшем свет в 2010 г. [5].

В статье «Метамодернизм: краткое введение» 2015 года Люк Тёрнер называет основные черты постмодернизма, к которым относятся следующие понятия: деконструкция, ирония, стилизация, релятивизм, нигилизм. Метамодернизм же возрождает общие классические концепции и универсальные истины, при этом не возвращаясь к «наивным идеологическим позициям модернизма», и находится в состоянии колебания между аспектами культур модернизма и постмодернизма. Таким образом, по словам Люка Тёрнера, метамодернизм сочетает в себе просвещенную наивность, прагматический идеализм и умеренный фанатизм, колеблясь при этом «между иронией и искренностью, конструкцией и деконструкцией, апатией и влечением». Другими словами, поколение метамодерна — это своего рода оксюморон, в котором могут сочетаться, казалось бы, противоположные вещи [6].

Тенденции метамодерна проявляются в разных сферах, в том числе во взаимоотношениях государства и религии. Однако в практике государственного строительства не возникло общего идеала, конституционной ценности, к которой все государства стремились бы в своем конституционном развитии.

Часть авторов выделяет ряд принципов, которые могут использоваться в тексте учредительных документов. Другие идут дальше и ставят под сомнение необходимость существования и культивирования в конституционно-правовой материи категории «светского» или «секулярного» государства, обосновывая рядом аргументов. Во-первых, с их точки зрения термин «секуляризм» зачастую прямо не закрепляется ни в конституционных текстах, ни в судебной практике. Во-вторых, категория «светское государство» имеет множество толкований и смысловых трактовок с нечетким содержанием. В этом контексте, утверждается, что отказ от категорий светское и секулярное будет способствовать повышению эффективности разрешения конституционных споров. В-третьих, развиваются идеи о минимальных требованиях либеральных демократических конституционных и институциональных механизмов и соответствующей политики. На фоне их утверждения, ставится под сомнение вывод о том, что светскость для государственного строительства важна сама по себе, так как она не является минимальным требованием. С точки зрения теории систем, ведущим различием выступает не пара светское – религиозное, а пары либеральное – нелиберальное, демократическое – не демократическое [7].

Для авторов, разрабатывающих идеи либерально-демократического секуляризма, вопрос о месте и роли религии, кажется, уходит на второй план. Вместо этого акцент сделан на требованиях минимального либерально-демократического конституционализма и принципах, позволяющих его обеспечить. Государства должны обеспечивать более конкретные гарантии требований «минимальной морали» и ядра либерально-демократического конституционализма. Для этого провозглашаются базовые принципы, права и минимальные институциональные требования, которые в свою очередь нуждаются в контекстуальной спецификации и уравнивании.

Суммируя основные элементы либерального конституционализма в отношении религии, можно выделить следующие. Во-первых, требование неотекратического или нерелигиозного государства, т.е. минимальный порог институциональной и организационной дифференциации государства и религиозных объединений, их автономии по отношению друг к другу. Во-вторых, реализация свободы по созданию религиозных объединений и их внутренней автономии, коллективной терпимости. В-третьих, свобода совести, индивидуальных и коллективных религиозных свобод, возможности отправлять культ как в частном порядке, так и публично, а также свободы от религии (право быть атеистом). В-четвертых, защита религиозных (и других) меньшинств от демократического мажоритаризма.

С учетом различных исторических и национальных особенностей, культурных традиций указанные принципы могут иметь разную форму реализации, но не нарушать основы либерально-демократического конституционализма. В этих условиях повышается роль конституционного правосудия. Оно должно поддерживать судебную активность во всех вопросах, касающихся минимального ядра либерально-демократического конституционализма, но быть открытыми для широких и свободных публичных дебатов и демократического принятия решений.

Если же обратиться к текстам 45 учредительных документов, принятых, в период метамодерна, то есть с 2000 по 2023 г., то можно отметить кардинальное изменение подходов к регулированию государственно-церковных отношений. Сами сформированные модели закрепления места и роли религии не изменились, чего нельзя сказать о частоте их использования. Всего в 11 конституциях закрепляются отдельные признаки светского государства (например, Восточный Тимор, Судан, Нигер, Боливия). В 15 странах установлены государственные религии: например, ислам: Катар, Сомали; буддизм: Таиланд, Мьянма, Бутан. Но в большинстве, в 19 странах прямо зафиксировано, что государство является светским (например, Куба, Эквадор, Киргизстан, Конго, Сенегал). Таким образом, можно заключить, что сегодня конституционная практика идет по пути закрепления четкого роли и места религии.

Таким образом, современная доктрина обосновывает два подхода в правовом регулировании места религии в стране. Конституционно может устанавливаться вектор развития государственно-церковных отношений, регулироваться ключевые аспекты реализации всех форм религиозных свобод. Альтернативой выступает либерально-демократический конституционализм. В последнем случае происходит расширение религиозной нейтральности государства до мировоззренческой и идеологической нейтральности и плюрализма, до свободы любых убеждений. Вопрос о том, какой подход реализовывать в конкретном государстве должен решаться с учетом конкретного исторического и правового опыта страны, не приводить к экзольтации конституционного регулирования, оторванного от правовой и общественной действительности и соответствовать целям правового регулирования, закладываемым основами конфессиональной и религиозной политики государства.

Список использованных источников:

1. Понкин И.В. Спор с вульгарно-атеистическим радикалом о светскости государства (ответ на статью О.В. Мартышина): Концепт и онтология светского государства и светскости государства, многообразие моделей, дефектность идеологизированных подходов / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М.: Буки Веди, 2019. 42 с.
2. Зорькин В. Право метамодерна: постановка проблемы. URL: <https://pravo.ru/lf/opinion/211536/?ysclid=ld9wg87oyl954819526>.
3. Kuru A.T. Passive and Assertive Secularism: Historical Conditions, Ideological Struggles, and State Policies toward Religion // World Politics. 2007. Vol. 59. P. 568–594.
4. Durham W.C. (Jr.) Religious Freedom in a Worldwide Setting: Comparative Reflections // Pontificia Accademia delle scienze sociali. Plenary Session (17th: 2011: Vatican City). P. 359–389.
5. Vermeulen T., Akker R. Notes on metamodernism // Journal of aesthetics & culture. 2010. Vol. 2, Is. 1. P. 1-14.
6. Turner L. «The Metamodernist Manifesto» URL: <http://www.metamodernism.org/>.
7. Bader V. Post-secularism or liberal-democratic constitutionalism? // Erasmus Law Review. 2012. P. 5-26.

УДК 343.357

**НЕЗАКОННОЕ ЗАВЫШЕНИЕ СТОИМОСТИ КОНТРАКТА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ
ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАКУПОК**

© **Е.Б. Казанцев**

Сибирский Федеральный университет

Поиск эффективных методов противодействия коррупции ставит перед законодателем ряд стратегических задач в области закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд. Выработка более результативной уголовно-правовой политики в области борьбы государства и общества со злоупотреблениями в сфере государственных и корпоративных закупок требует постоянного совершенствования уголовного законодательства для достижения цели нейтрализации целого ряда факторов, дестабилизирующих систему закупок.

Одним из таких факторов является завышение ценообразования в закупках.

Среди новелл Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК) [1] статья 200.4 УК «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд». Она призвана защитить отношения, складывающиеся при определении цен государственных и муниципальных контрактов, а также при их заключении и исполнении.

Признаками объективной стороны злоупотребления в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд являются деяние, последствие и причинная связь. Деяние выражено в нарушении субъектом преступления законодательства о закупках. Законодатель не конкретизировал, какие конкретно нарушения законодательства могут повлечь привлечение к уголовной ответственности. Деяние может заключаться в любом нарушении названного законодательства. Для установления, имело ли место нарушение, правоприменителю необходимо обратиться к законодательству о закупках, поэтому ч.1 ст. 200.4 УК является бланкетной.

Каким же образом субъект преступления, предусмотренного этой нормой, реализует преступный умысел через ценообразование в сфере закупок?

Во всем мире подходы к закупочным стратегиям примерно одинаковы. Если что-либо закупается на бюджетные средства, то требования покупающей стороны должны быть максимально объективны и демократичны, и ни в коем случае не должны содержать признаки ограничения конкуренции. И ценообразование здесь играет важнейшую роль, являясь одной из основных стратегий закупки.

Статья 2 Федерального закона от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) [3] предусматривает, что законодательство РФ о контрактной системе основывается на положениях Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК) [5].

Статья 34 БК говорит о том, что принцип эффективности использования бюджетных средств означает, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках, установленных им бюджетных полномочий, должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности). Это - основа всего ценообразования в контрактной системе.

Одна из основных обязанностей заказчика заключается в том, чтобы израсходовать минимальное количество средств на решение поставленных перед ним задач. Заказчик обязан исследовать ценообразование по конкретному направлению деятельности, сформировать и обосновать начальную (максимальную) цену контракта (далее – НМЦК) или цену контракта, заключаемого с единственным поставщиком. И здесь очень важно, чтобы оценка по ценовому показателю была объективной. При этом, если заказчик объективно занизит цену, то в закупке никто не примет участия, и заказчик «сорвет» реализацию соответствующих государственных или муниципальных программ. С другой стороны, если в результате исследования рынка цена заказчиком завышается, это свидетельствует либо о некомпетентности персонала контрактной службы заказчика, либо о коррупционной составляющей злоупотреблений в сфере закупок. Намеренное завышение цен накупаемые товары, работы, услуги является фактором, определяющим последующие коррупционные проявления в действиях представителей заказчиков.

Существующий механизм формирования и обоснования НМЦК или цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком, предусмотрен ст. 22 Закона о контрактной системе и приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 02.10.2013 года № 567 «Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем)» (далее – Методические рекомендации) [4]. На протяжении многих лет существования Закона о контрактной системе механизм формирования и обоснования НМЦК и цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком, существенно не менялся.

Самый применимый из указанных в Законе о контрактной системе методов определения НМЦК и цены контракта с единственным поставщиком - это метод сопоставимых рыночных цен (анализа рынка). Он заключается в установлении НМЦК или цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком, на основании информации о рыночных ценах идентичных товаров, работ, услуг, планируемых к закупкам, или, при их отсутствии, однородных товаров, работ, услуг. При применении метода сопоставимых рыночных цен (анализа рынка) информация о ценах товаров, работ, услуг должна быть получена с учетом сопоставимых с условиями планируемой закупки коммерческих и (или) финансовых условий поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг.

Таким образом, для получения ценовой информации в отношении товара, работы, услуги для определения НМЦК заказчики осуществляют следующие действия (подспособы):

- направляют запросы о предоставлении ценовой информации поставщикам (подрядчикам, исполнителям), обладающим опытом поставок соответствующих товаров, работ, услуг, информация о которых имеется в свободном доступе (в частности, опубликована в печати, размещена на сайтах в сети "Интернет");

- размещают запросы о предоставлении ценовой информации в Единой информационной системе (далее – ЕИС);

- осуществляют поиск ценовой информации в реестре контрактов, заключенных заказчиками. При этом целесообразно принимать в расчет информацию о ценах товаров, работ, услуг, содержащуюся в контрактах, которые исполнены и по которым не взыскивались неустойки (штрафы, пени) в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных этими контрактами, в течение последних трех лет;

- осуществляют сбор и анализ общедоступной ценовой информации.

Эти действия осуществляет не руководитель заказчика, или иное лицо, ответственное за подписание и исполнение контракта. Перечисленные функции входят «в зону» ответственности сотрудников контрактной службы заказчика или контрактного управляющего.

Рассмотрим один из подспособов анализа рынка, а именно направление запросов о предоставлении ценовой информации поставщикам (подрядчикам, исполнителям), обладающих опытом соответствующих поставок. В соответствии с Методическими рекомендациями необходимо направить запросы о предоставлении ценовой информации не менее пяти поставщикам (подрядчикам, исполнителям), обладающим таким опытом поставок. С целью определения НМЦК методом сопоставимых рыночных цен (анализа рынка) рекомендуется использовать не менее трех цен товара, работы, услуги, предлагаемых различными поставщиками (подрядчиками, исполнителями). Если заказчик получил три ценовых предложения и рассчитал среднюю цену для конкурентной закупки либо взял самую низкую цену для контракта с единственным поставщиком, то считается, что цена контракта сформирована и обоснована.

Умышленное завышение среднего порогового значения цены при осуществлении конкурентной закупки либо завышение нижнего порогового значения цены при закупке у единственного поставщика – одно из наиболее распространенных злоупотреблений в сфере закупок.

Каким образом достигается завышение цены контракта? Можно выделить три способа завышения.

Первый - мнимая конкуренция. Здесь имеет место сговор представителя заказчика с участником закупки, когда первый получает три ценовых предложения по завышенной цене номинально от разных фирм, а фактически - от одного участника. В результате сложившейся практики во многих случаях запроса коммерческих предложений поставщики дают их, указывая цены гораздо выше рыночных.

Завышение цены имеет место и при отсутствии предварительного сговора между заказчиком и поставщиком.

Поставщик понимает, что коммерческое предложение запрашивается заказчиком для конкурентной процедуры, в процессе которой цена будет всегда понижаться. Именно поэтому процесс доказывания сговора при установлении завышения НМЦК является проблематичным. При наличии сговора задача представителя заказчика сводится к устранению конкуренции в процедуре закупки посредством, к примеру, допуска к участию в закупке одного участника, и тогда снижения НМЦК не происходит, а контракт соответственно заключается по завышенной первоначальной цене. Если же контракт заключается с единственным поставщиком, завышение цены происходит посредством изъятия представителем заказчика коммерческих предложений, содержащих наиболее низкую цену.

Сбор коммерческих предложений - это не публичная процедура. Сами коммерческие предложения не публикуются на сайте, как и запросы коммерческих предложений. Именно закрытость процедуры сбора коммерческих предложений позволяет манипулировать ценой контракта.

Второй способ завышения цены контракта используется при описании заказчиком объекта закупки. Здесь закладываются основы будущей эффективности закупок. Именно этот этап оказывает самое непосредственное влияние на цену контракта.

Статья 33 Закона о контрактной системе устанавливает обязанность Заказчика при описании в документации объекта закупки руководствоваться следующими правилами:

- в описании объекта закупки указываются функциональные, технические и качественные характеристики, эксплуатационные характеристики объекта закупки (при необходимости). В это описание не должны включаться требования или указания в отношении товарных знаков, знаков обслуживания, фирменных наименований, патентов, полезных моделей, промышленных образцов, наименование страны происхождения товара, требования к товарам,

информации, работам, услугам при условии, что такие требования или указания влекут за собой ограничение количества участников закупки. В описании объекта закупки допускается использование указания на товарный знак только при условии сопровождения такого указания словами «или эквивалент» либо при условии несовместимости товаров, на которых размещаются другие товарные знаки, и необходимости обеспечения взаимодействия таких товаров с товарами, используемыми заказчиком, либо при условии закупок запасных частей и расходных материалов к машинам и оборудованию, используемым заказчиком, в соответствии с технической документацией на указанные машины и оборудование. Описание объекта закупки – длительный процесс, большую часть которого осуществляет сотрудник контрактной службы заказчика.

Описывая объект закупки, этот сотрудник использует функциональные, технические, качественные, эксплуатационные характеристики объекта закупки, в результате чего контракт заключается по цене, гораздо более высокой, чем рыночная. Сотрудник контрактной службы заказчика может включить в техническое задание уникальные характеристики, которые другие участники закупки не в состоянии предложить. Продукция с такими характеристиками обычно присутствует на рынке ограниченно либо ее получение и доставка требуют дополнительного времени или специальных разрешений (лицензий). Наличие в техническом задании описания уникальной продукции в разы повышает стоимость контракта. Данный способ завышения цены, в отличие от первого, используется только при наличии предварительного сговора между сотрудником контрактной службы и поставщиком. Сотрудник контрактной службы заранее предупреждает «своего» поставщика о том, что будет закупать продукцию с уникальными характеристиками. Поставщик, получив эту «ценную» информацию, заранее начинает действия по приобретению и доставке продукции. Затем заказчик объявляет закупку, в которой сотрудник контрактной службы установил укороченные сроки поставки товара. Другие потенциальные участники закупки товара с указанными характеристиками не принимают участие в процедуре закупки, так как понимают невозможность исполнения контракта в установленный срок.

Третий способ завышения цены контракта состоит во включении в техническое задание, помимо всего прочего, редкой продукции или снятой с производства, которой нет на рынке. Обычно недобросовестные сотрудники контрактной службы заказчика используют этот вариант при закупке расходных материалов и запасных частей, увеличивая, тем самым, стоимость контракта. При этом «свой поставщик» знает, что отсутствующую на рынке продукцию у него фактически заказывать не будут. Наличие редкой, эксклюзивной продукции

в описании объекта закупки необходимо именно для отпугивания других участников закупки. Очевидно, что конкуренция в такой закупке устраняется.

Главная проблема ценообразования состоит в том, что сотруднику контрактной службы не хватает правовых инструментов для формирования и обоснования стоимости товаров, работ или услуг в закупках. В качестве инструкции по формированию и обоснованию НМЦК есть одни лишь Методические рекомендации, которые, в свою очередь, не зарегистрированы в Минюсте, носят исключительно рекомендательный характер и, следовательно, необязательны к применению. Более того, в соответствии с требованиями пункта 20 ст. 22 Закона о контрактной системе Методические рекомендации устанавливаются федеральным органом исполнительной власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок. В настоящее время таким органом является Министерство финансов РФ, которое, однако не утвердило эти Методические рекомендации. Правоприменителю же для полноценной работы недостаточно ст. 22 Закона о контрактной системе, в которой указаны только общие принципы ценообразования в закупках.

Таким образом, для обоснованного вменения самых распространенных злоупотреблений в области ценообразования в сфере закупок необходимо совершенствование самого законодательства о закупках, а именно включение в него методики формирования и обоснования НМЦК и цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком.

Правовая неопределенность в области ценообразования в сфере закупок порождает многочисленные злоупотребления в работе субъектов закупочной деятельности, но препятствует вменению ст. 200.4 УК.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 18.07.2022) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 23.04.2018 № 99–ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05.04.2013 № 44–ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем): приказ Минэкономразвития России от 02.10.2013 года № 567 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.1998 № 145–ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 343.773

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ РУБКУ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

© Н.В. Качина

© А.С. Мирончик

Сибирский федеральный университет

Ответственность за незаконную рубку деревьев, кустарников и лиан установлена нормами и уголовного, и административного законодательства. В качестве основного критерия их разграничения Верховный Суд РФ называет значительный размер, который выступает криминообразующим признаком преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 260 УК РФ.

Так, в соответствии с п. 22 постановления Пленума ВС РФ от 18 октября 2012 г. № 21, основным критерием разграничения уголовно наказуемой незаконной рубки лесных насаждений (ч. 1 ст. 260 УК РФ) и предусмотренной административным законодательством (ст. 8.28 КоАП РФ) является значительный размер ущерба, причиненного посягательством, который должен превышать пять тысяч рублей (примечание к ст. 260 УК РФ) [7].

Вместе с тем, значительный размер является не единственным критерием, разграничивающим уголовную и административную ответственность за незаконную рубку деревьев, кустарников и лиан. Следует обратить внимание и на различие в предмете данных правонарушений. В ст. 260 УК РФ указаны две разновидности предмета преступления – это лесные насаждения и деревья, кустарники, лианы, не отнесенные к лесным насаждениями (нелесные насаждения), а в ст. 8.28 КоАП РФ в качестве предмета названы только лесные насаждения.

Так, согласно ст. 23.1 Лесного кодекса, лесные насаждения - это деревья, кустарники, лианы в лесах. Леса, в свою очередь, располагаются на землях лесного фонда и на землях иных категорий, не относящихся к землям лесного фонда (ст. 6, 6.1 ЛК).

К нелесным насаждениям, в свою очередь, относятся деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесов, но являющиеся при этом природными компонентами, выполняющими экологические функции (например, средозащитные). Данный критерий позволяет отличать их от предмета преступлений против собственности.

В п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 отражено, что лесные насаждения отличаются от нелесных местом их произрастания. В данном документе отмечено, что предметом преступлений, предусмотренных ст. 260 и 261 УК РФ, являются как лесные насаждения, то есть деревья, кустарники и лианы, произрастающие в лесах, так и деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесов (например, насаждения в парках, аллеях, отдельно высаженные в черте города деревья) [7].

Из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ следует, что не относятся к предмету указанных преступлений те деревья, кустарники и лианы, которые не выполняют экологической функции. Так рубка насаждений, произрастающих на сельскохозяйственных землях, в соответствии с рекомендациями высшей судебной инстанции, должна оцениваться как преступление против собственности, кроме рубки тех насаждений, которые выполняют защитные (экологические) функции.

Таким образом, предмет преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, имеет две разновидности: лесные насаждения (которые произрастают в лесах) и нелесные насаждения (которые произрастают вне лесов), выполняющие экологическую (чаще средозащитную) функцию, что позволяет рассматривать их в качестве природного компонента. А в ст. 8.28 КоАП РФ, как было отмечено выше, в качестве предмета названы лишь лесные насаждения.

Специалисты в области административного права утверждают, что предметом данного правонарушения могут быть различные виды лесной растительности как естественного, так и искусственного происхождения, произрастающие на землях лесного фонда, находящиеся в естественном состоянии - на корню [4, с. 241]. Некоторые авторы уточняют, что не являются предметом рассматриваемого правонарушения: защитные лесные насаждения на полосах отвода железных, автомобильных дорог и каналов и озеленительные насаждения и группы деревьев в городах и других населенных пунктах,

произрастающие на землях, не отнесенных к городским лесам и другие [3, с. 222].

Как видно, специалисты в области административного права совершенно справедливо не относят к предмету правонарушения, предусмотренного ст. 8.28 КоАП РФ, нелесные насаждения, выполняющие экологическую функцию, поскольку они в законе не названы. Под предметом данного правонарушения они понимают лишь те насаждения, которые произрастают в лесах, то есть лесные насаждения. А некоторые авторы даже ограничивают предмет этого правонарушения теми насаждениями, которые произрастают только на землях лесного фонда, что в настоящее время не соответствует нормам ЛК РФ.

Анализ законодательных положений, разъяснений высшей судебной инстанции, а также выводы специалистов в области административного права позволяют утверждать, что нелесные насаждения (которые хотя и произрастают вне лесов, но выполняют экологические функции) к предмету правонарушения, предусмотренного ст. 8.28 КоАП РФ, не относятся.

Это обстоятельство влечет трудности при оценке действий лица по рубке и повреждению нелесных насаждений (например, в населенном пункте), совершенных в незначительном размере.

В КоАП РФ в качестве административного правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования такие деяния не предусмотрены. Поэтому незаконная рубка и повреждение нелесных насаждений в административном законодательстве могут рассматриваться как посягательства на имущество.

Представляется, что в таком случае деяние может подпадать под признаки правонарушения, предусмотренного ст. 7.17 КоАП РФ (уничтожение или повреждение чужого имущества). Конкурирующей для нее нормой, содержащейся в УК РФ, является ч. 1 ст. 167, которая предусматривает ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти деяния повлекли причинение значительного ущерба.

Как видно, преступное уничтожение и повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ) от административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.17 КоАП РФ, отличает обязательность значительного ущерба, который в законе не формализован. Однако в практической деятельности сформировался подход к определению минимального размера значительного ущерба для применения ст. 167 УК РФ в размере не менее 5000 рублей. В данном случае правоприменители за ориентир берут определение размера ущерба, предусмотренного для хищений (примечание к ст. 158 УК РФ). Такой подход критикуется учеными, которые справедливо отмечают, что категории

«значительный ущерб» и «значительный ущерб гражданину» - это разные правовые категории, поэтому, несмотря на стремление практики найти надежное основание при определении конкретного содержания конструктивного признака преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, - «значительный ущерб», указанные категории являются все-таки несовместимыми [1, с. 102-103; 6, с. 329; 13, с. 944-945].

Но несмотря на то, что в доктрине уголовного права предложены различные варианты определения содержания признака «значительного ущерба» [12, с. 8-9], другого легально определенного критерия практика пока не выработала, поэтому в целом такое толкование признака ч. 1 ст. 167 УК РФ «значительный ущерб» следует признать приемлемым.

Исходя из этого, административная ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества наступает при размере ущерба, не достигающем 5000 рублей. Если происходит уничтожение или повреждение имущества в размере, превышающем 5000 рублей, то содеянное подпадает под ст. 167 УК РФ.

Возвращаясь к рубке нелесных насаждений, отметим, что если происходит такая рубка в размере, не превышающем 5000 рублей, то возможна квалификация по ст. 7.17 КоАП РФ. Статья 8.28 КоАП РФ не может быть применена, поскольку в ней насаждения, произрастающие вне лесов, не названы. Она подлежит применению только в том случае, если происходит рубка лесных насаждений в незначительном размере.

В этой связи следует обратить внимание и на то, что в ст. 8.28 КоАП речь идет о повреждении деревьев, кустарников и лиан без конкретизации его степени, а в конкурирующей с ней ст. 260 УК РФ речь идет о повреждении таких насаждений до степени прекращения их роста. Поэтому любое повреждение лесных насаждений, не повлекшее гибель дерева, кустарника или лианы, влечет административную ответственность по ст. 8.28 КоАП РФ. На этом обстоятельстве акцентировал внимание и высший судебный орган в п. 22 указанного выше постановления [7].

В свою очередь повреждение нелесного насаждения, которое не привело к его уничтожению, может быть квалифицировано по ст. 7.17 КоАП РФ (повреждение чужого имущества). При этом повреждение такого дерева, кустарника или лианы может влечь различный ущерб. Это зависит от характера повреждения и стоимости соответствующих восстановительных затрат, ценности нелесного насаждения и т.д. Поэтому, если ущерб в результате какого-либо повреждения нелесного насаждения не будет превышать 5 тыс. руб., то наступает административная ответственность. А если ущерб составляет выше

этой суммы, то возникает вопрос, какая же норма подлежит применению в таком случае. Статья 8.28 не может быть применена, поскольку такой разновидности предмета, как нелесные насаждения, в ней не названо; статью 7.27 КоАП применить невозможно, так как ущерб в этом случае превышает установленной для ее применения размер; статья 260 УК РФ не подлежит применению в связи с тем, что в ней предусмотрена только гибель насаждения до степени прекращения роста. Налицо законодательный пробел, обусловленный межотраслевой рассогласованностью.

Стоит отметить, что есть и другие варианты оценки действий лиц, совершивших незаконную рубку нелесных насаждений, не подпадающую под признаки преступления. Так, зачастую незаконная рубка деревьев и кустарников совершается с корыстной целью, потому что виновные заготавливают древесину для собственных нужд (на дрова), то есть с целью получения материальной выгоды. Поэтому возможным вариантом квалификации будет рассмотрение незаконной рубки нелесных насаждений как мелкого хищения (ст. 7.27 КоАП РФ).

Тогда возникает парадоксальная ситуация. Если лицо, преследуя корыстную цель, тайно совершает рубку нелесных насаждений с причинением ущерба до 2500 рублей, то наступает административная ответственность за мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ). В случае, когда лицо совершает незаконную рубку нелесных насаждений с корыстной целью в размере, превышающем 5000 рублей, для виновного наступает уголовная ответственность по ст. 260 УК РФ. Если же с корыстной целью виновный незаконно вырубил нелесные насаждения, причинив ущерб свыше 2500 рублей, но не более 5000 рублей, то ни одна из этих норм не охватывает содеянное. Со всей очевидностью, ответственность в этом случае может наступить по ст. 7.17 КоАП РФ, поскольку для применения этой нормы мотив или цель значения не имеют. Но такой вариант оценки содеянного является далеко небезупречным.

Если лицо при уничтожении или повреждении нелесных насаждений руководствовалось хулиганским мотивом, то в административном законодательстве есть еще одна норма, которая может быть применена в таком случае - это мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ). Для данного правонарушения обязательным признаком является хулиганский мотив. Вместе с тем, виновные лица редко действуют по хулиганскому мотиву в подобных ситуациях.

Указанные противоречия и пробелы между уголовным и административным законодательством обусловлены различным пониманием законодателем тех общественных отношений, на которые посягает субъект при незаконной рубке и повреждении нелесных насаждений, выполняющих

экологические функции. В административном законодательстве это отношения собственности (в редком случае общественный порядок), а в уголовном законодательстве – отношения в сфере экологии.

Обратим еще раз внимание на то, что нелесные насаждения рассматриваются в качестве предмета экологического преступления в связи с выполнением ими экологической функции. Именно это обстоятельство позволяет относить их к природному компоненту. Незаконная рубка нелесных насаждений причиняет ущерб в первую очередь не собственнику имущества, а экологическим отношениям. А в административном законодательстве рубка нелесных насаждений, по всей видимости, рассматривается как посягательство на отношения собственности, а сами нелесные насаждения - как имущество.

Такое различное понимание объекта посягательства в разных отраслях права в отношении одного и того же деяния влечет обозначенные выше проблемы.

Кроме того, разная оценка рубки и повреждения нелесных насаждений в соответствии с нормами административного законодательства влечет разное исчисление ущерба, причиненного этими, по сути одинаковыми, деяниями. Для мелкого хищения и уничтожения или повреждения имущества, наказуемыми в соответствии с нормами КоАП РФ, обязательным признаком является прямой реальный ущерб, как и для уголовно-наказуемых хищений и преступного уничтожения или повреждения имущества.

Как справедливо указывает Н.А. Лопашенко, ущерб в хищении понимается как реальное уменьшение имущества у собственника или законного владельца (так называемый прямой положительный ущерб). Упущенная выгода и другие возможные виды материального вреда под понятие ущерба в хищении не подпадают [6, с. 79].

В то же время основным критерием разграничения административной ответственности, установленной ст. 8.28 КоАП РФ, и уголовной ответственности, предусмотренной ст. 260 УК РФ, как отмечено выше, является значительный размер срубленных деревьев, кустарников и лиан. Но несмотря на то, что в диспозиции ч. 1 ст. 260 УК РФ содержится указание на размер, многие ученые считают, что обязательным признаком данного состава преступления является именно ущерб, который причинен незаконной рубкой и повреждением насаждений [2, с. 333; 5, с. 36; 10, с. 131], поскольку в примечании к ст. 260 УК РФ размер раскрывается именно через ущерб.

Кроме того, в п. 2 постановления Правительства РФ от 29.12.2018 № 1730 речь идет именно об ущербе, причиненном лесным насаждениям или не

отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам в результате преступлений, предусмотренных статьями 260 и 261 УК РФ [8].

И в постановлении от 18 октября 2012 г. № 21 указывается, что основным критерием разграничения уголовно наказуемой незаконной рубки лесных насаждений и предусмотренной административным законодательством, является значительный размер ущерба, причиненного посягательством [7].

Ущерб, причиненный незаконной рубкой и повреждением лесных и нелесных насаждений, при применении ст. 260 УК РФ устанавливается комплексно, с учетом экологической ценности данных природных объектов и восстановления экологического баланса. Отметим, что ущерб исчисляется не только через «чистую» стоимость срубленного дерева (то есть прямой реальный ущерб), но и через стоимость воспроизводства лесов, заключающегося в лесовосстановлении, уходе и др. (то есть косвенный реальный ущерб).

Более того, Конституционный Суд РФ в п. 3.3. постановления от 02.06.2015 № 12-П отметил, что особые характеристики вреда, причиненного окружающей среде, который не поддается в полной мере объективной оценке (в частности, по причине отдаленности во времени последствий правонарушения), влекут за собой и применение особого, условного метода определения его размера [9].

В Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» отмечается, что определение размера вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, осуществляется исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды [11].

Особый порядок исчисления ущерба, причиненного незаконной рубкой лесных и нелесных насаждений, отражен в таксах и методике исчисления ущерба.

Поэтому ущерб в результате незаконной рубки и повреждения лесных насаждений, не достигающий 5000 рублей для целей применения ст. 8.28 КоАП РФ также исчисляется, исходя не только из реального ущерба (собственности стоимости дерева), но и косвенного ущерба, а также упущенной выгоды.

Таким образом, ущерб, причиненный незаконной рубкой лесных и нелесных насаждений, при применении норм об административной ответственности исчисляется по-разному. Так, при незаконной рубке нелесных насаждений, подпадающей под признаки мелкого хулиганства, мелкого хищения и уничтожения или повреждения имущества, рассчитывается прямой реальный ущерб, а при незаконной рубке лесных насаждений ущерб включает в

себя как прямой реальный (в том числе косвенный) ущерб, так и упущенную выгоду.

Поэтому в целях ликвидации межотраслевых пробелов и противоречий правильным видится расширение предмета правонарушения, предусмотренного ст. 8.28 КоАП РФ, за счет включения в него деревьев, кустарников и лиан, не отнесенных к лесным насаждениям, но являющихся природными компонентами, выполняющими экологические функции. Такое решение является обоснованным, поскольку при их незаконной рубке вред причиняется в первую очередь непосредственно отношениям в сфере экологии.

Список использованных источников:

1. Безверхов А.Г., Шевченко И.Г. Уничтожение и повреждение имущества: вопросы истории, теории, практики: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 190 с.

2. Дубовик О.Л. Экологические преступления: комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: Спарк, 1998. 351 с.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Главы 1–10: постатейный научно-практический комментарий / Р.Ч. Бондарчук, А.Б. Вержбицкий, В.А. Виноградов и др.; под общ. ред. Б.В. Россинского. Библиотечка «Российской газеты», 2014. 798 с.

4. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (постатейный) / Р.В. Амелин, Е.А. Бевзюк, Ю.В. Волков и др. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

5. Конфоркин И.А. Уголовная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений: монография // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

6. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М.: Норма-Инфра-М, 2012. 527 с.

7. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

8. Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства: постановление Правительства РФ от 29.12.2018 № 1730 (ред.

от 18.12.2020) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

9. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Заполярье": постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

10. Попов И.В. Преступления против природной среды: теоретические основы и практика применения норм главы 26 УК РФ: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 336 с.

11. Российская Федерация. Законы. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

12. Шевченко И.Г. Уничтожение и повреждение имущества в уголовном праве России: эволюция норм : специальность 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Самара, 2007. 26 с.

13. Энциклопедия уголовного права. Т. 18. Преступления против собственности. СПб. : Издание профессора Малинина, 2011. 1018 с.

УДК 343.34

СПОСОБЫ ДОСТОВЕРНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЦА, ВЫРАЗИВШЕГО ВОЛЮ НА СОВЕРШЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ СДЕЛКИ

© Н.Ф. Качур

Сибирский федеральный университет

Цифровизация или цифровая трансформация охватила все сферы жизни нашего общества, в том числе сферу права, и потребовала от законодателя адекватного отражения в нормативных правовых актах происходящих изменений в области информационно-коммуникационных технологий.

Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [1], (который назвали Законом о цифровых правах),

ввел понятие «цифровые права» и установил форму электронной сделки. При этом законодатель не дал определения понятия электронной сделки, четко не установил является ли электронная форма сделки разновидностью письменной формы сделки или новой формой сделки [5; 6; 7].

Обратимся к закону. В абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ указано, что письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью **электронных либо иных технических средств**, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен **специальный способ** достоверного определения лица, выразившего волю.

Исходя из формально-юридического подхода, под электронной формой сделки следует понимать такую форму волеизъявления ее сторон, при которой:

1. содержание сделки в неизменном виде можно воспроизвести на материальном носителе;
2. необходимо наличие подписи лица, совершившего сделку;
3. использован любой способ, позволяющий **достоверно определить лицо, выразившее волю.**

Таким образом, закон приравнял к простой письменной форме сделки выражение лицом своей воли с помощью электронных или других аналогичных технических средств. Более того, законодатель внес изменения в п. 2 ст. 434 ГК РФ (Форма договора), указав, что заключение договора возможно путем обмена документами в электронной форме, то есть путем направления оферты и акцепта.

Данная новелла повлекла за собой достаточно много вопросов и, к сожалению, немало злоупотреблений на практике, когда лица – собственники объектов недвижимого имущества «продавали» свою недвижимость или граждане брали в кредит большие суммы в банках путем заключения сделки в электронной форме, даже не подозревая о том. Отсюда и в теории, и на практике остро встал вопрос о способах достоверного определения лица, выразившего волю на совершение электронной сделки. К их числу представляется возможным отнести следующие способы:

- электронную подпись и ее виды;
- способ биометрической идентификации;
- нотариальное удостоверение сделки;
- использование личного кабинета, персонального аккаунта;

- другие специальные способы, предусмотренные законом, иными правовыми актами или соглашением сторон.

Письменная форма сделки означает, что воля лиц, ее совершающих, закрепляется (объективируется) в документе, к которому предъявляются определенные требования:

- он должен выражать содержание сделки;

- должен быть подписан лицом, двумя и более лицами или уполномоченными ими лицами.

Документ может быть подписан **собственноручно**. Возможен аналог собственноручной подписи (при передаче документов по факсу или электронной почте). Такая подпись называется **аналоговой**.

Наиболее надежным аналогом собственноручной подписи, обеспечивающим аутентичность документа, является **электронная подпись** - ЭП, ранее ЭЦП.

В настоящее время «электронные договоры» заключаются, как правило, с использованием электронных подписей. По всеобщему признанию, именно электронные подписи являются надежной гарантией того, что волеизъявление исходит от лица, выразившего волю на совершение сделки.

Электронная подпись - информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию (ст.2 ФЗ «Об электронной подписи» [4]). Понятие электронной подписи, данное в законе, не безупречно, по существу оно исчерпывается указанием на то, что это не что иное как информация в электронной форме.

Виды электронных подписей названы в ст. 5 ФЗ «Об электронных подписях»:

- простая электронная подпись;

- усиленная электронная подпись.

Различаются два вида усиленной электронной подписи:

- неквалифицированная электронная подпись (далее - неквалифицированная электронная подпись);

- усиленная квалифицированная электронная подпись (далее - квалифицированная электронная подпись).

К большому сожалению, электронные подписи не являются надежной гарантией от мошеннических действий. Так, Удостоверяющие центры, оформляющие цифровые подписи, – как правило, частные структуры, которые сами устанавливают режим своей деятельности: ЭП можно получить с помощью

Интернета при предоставлении минимального количества документов в кратчайшие сроки, что не исключает утечку информации и ее использовании мошенниками.

Следующий способ достоверного определения лица, заключившего электронную сделку, - **метод удаленной биометрической идентификации**, предусмотренный Федеральным законом от 29.12.2017 № 482-ФЗ [2]. Удаленная биометрическая идентификация широко используется при оказании государственных услуг, в банковской сфере и в других сферах.

Биометрическая идентификация – это идентификация человека на основе его уникальных биологических характеристик: отпечатков пальцев, радужки глаза, геометрии лица, характеристик голоса и т.д.

Биометрическая идентификация – это предъявление пользователем своего уникального биометрического параметра и процесс сравнения его со всей базой имеющихся данных.

Различают следующие виды биометрической идентификации:

- статические, основанные на физиологических признаках человека, не изменяющиеся на протяжении всей его жизни: отпечаток пальца, радужная оболочка глаз, особенности лица, геометрия руки и т.д.

- динамические, основанные на поведенческих характеристиках людей, а именно подсознательные движения в процессе повторения какого-либо обыденного действия: почерк, голос, походка, печатание на клавиатуре и т.д.

Существуют комбинированные системы идентификации, использующие несколько биометрических характеристик, что позволяет удовлетворить самые строгие требования к надежности и безопасности электронных сделок.

Таким образом, биометрический механизм идентификации лиц, заключивших сделку в электронной форме, считается достаточно надежным, т.к. идентификаторы не могут быть переданы третьим лицам, скопированы. Биометрические системы контроля доступа удобны для пользователей тем, что носители информации находятся всегда при них, не могут быть утеряны либо украдены.

Весьма эффективным, проверенным многолетней практикой, способом проверки лица, заключающего сделку, является **совершение нотариальных действий в электронной форме**. Нотариусы в настоящее время совершают различные виды нотариальных действий в электронной форме, а именно:

- нотариус сам составляет и заверяет электронный документ (ст. 44.2 Основ Российской Федерации о нотариате [3] (далее - Основы о нотариате));

- нотариус удостоверяют равнозначность документа на бумажном носителе электронному документу (ст. 103.8 Основ о нотариате);

- нотариус удостоверяют равнозначность электронного документа документу на бумажном носителе (ст. 103.9 Основ о нотариате);
- нотариус совершает отдельные виды нотариальных действий удаленно (ст. 44.3 Основ о нотариате);
- два и более нотариуса дистанционно удостоверяют сделки (ст. 53.1 Основ о нотариате).

Все действия, совершаемые нотариусом в виде электронного документа, он заверяет своей усиленной квалифицированной электронной подписью, что свидетельствует о достаточно высокой степени надежности установления лица, выразившего волю на совершение сделки. Действия нотариуса, детально урегулированы законом, совершаются в рамках предусмотренных законом процедур. Все нотариальные действия вносятся в соответствующие реестры Единой информационной системы нотариата (ЕИСН).

В соответствии со ст. 17 Основ о нотариате нотариус, занимающийся частной практикой, несет полную имущественную ответственность за вред, причиненный по его вине имуществу гражданина или юридического лица в результате совершения нотариального действия с нарушением закона, если иное не установлено настоящей статьей. Названное положение закона является действенной гарантией соблюдения закона самими нотариусами, и средством защиты прав граждан и юридических лиц, получающих квалифицированную нотариальную помощь. Кроме того, в соответствии с Основами о нотариате деятельность нотариуса страхуется, что гарантирует сторонам либо стороне сделки возмещение имущественного вреда, причиненного незаконными действиями нотариуса.

Относительно других способов достоверного определения лица, выразившего волю на совершение сделки в электронной форме, необходимо отметить, что законодатель их называет **специальными способами**. И эти способы согласно абз.2 п.1 ст.160 ГК РФ могут быть предусмотрены законом, иными правовыми актами и соглашением сторон. К другим способам можно отнести следующие способы:

- использование личного кабинета;
- использование персонального аккаунта;
- персональный идентификационный номер владельца кредитной или дебетовой платежной карты (PIN-код);
- факсимиле;
- различные шифры, коды и другие способы.

Законодатель данному вопросу не уделил должного внимания и такие способы не обозначил в законе. Поэтому участники гражданского оборота

должны быть предельно внимательными при выборе соответствующего способа волеизъявления. Видимо, ответ на вопрос, какие способы надлежащие, какие способы ненадлежащие даст судебная практика.

В заключении хотелось бы обозначить некоторые проблемы, препятствующие успешному внедрению сделок в электронной форме в повседневную жизнь, своего рода риски при совершении таких сделок.

Законодательство об электронных сделках на сегодняшний день фрагментарно, отсутствует даже определение понятия «электронная сделка», что свидетельствует о необходимости его дальнейшего развития и совершенствования.

Следует отметить «цифровое неравенство» граждан в плане доступа к услугам в цифровом формате (портал «Госуслуги», нотариальные услуги, банковские услуги, недоступность в некоторых регионах единой сети Интернет).

Не исключены риски искажения, повреждения или утраты электронных документов.

И, наконец, не смотря на наличие отдельных положений, предусмотренных разно отраслевыми нормативными актами, в настоящее время отсутствует целостная выстроенная система мер безопасности с целью охраны прав участников имущественного (гражданского) оборота, совершающих сделки в электронной форме.

Вывод: проблема электронных сделок требует пристального внимания и дальнейшего исследования, как со стороны доктрины, так и ответов на острые злободневные вопросы со стороны правоприменительной практики.

Список использованных источников:

1. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31.12.2017 № 482-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 1 (Часть I). Ст. 66.

3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 24.07.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

4. Об электронной подписи: федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

5. Ефимова Л.Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки // *Lex russica*. 2019. № 8.

6. Костикова Г.В. Электронные сделки: новеллы законодательства // *Хозяйство и право*. 2022. № 2.

7. Кириллова Е.А. Нотариальные сделки в электронной форме: некоторые проблемы практики // *Нотариус*. 2021. № 5.

УДК 343.148.5

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

© Л.П. Климович

Сибирский федеральный университет

Следственная практика по уголовным делам экономической направленности, арбитражная практика рассмотрения дел о хозяйственно-экономических и налоговых спорах свидетельствуют о том, что заключения судебных экономических экспертиз были и остаются в числе доказательств по таким делам, они в совокупности с другими доказательствами позволяют в конечном итоге установить истину по делу.

Судебные экономические экспертизы, как и другие судебные экспертизы, выполняются как в государственных, так и в негосударственных судебно-экспертных организациях, а также иными экспертами. Они выполняются по тем родам (видам) судебных экспертиз, которые утверждены уполномоченными федеральными государственными органами.

Судебная экономическая экспертиза производится государственными судебными экспертами или иными экспертами, к профессиональному уровню и квалификации которых статьей 13 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» предъявляются определенные требования, в числе которых наличие дополнительного профессионального образования по конкретной экспертной специальности, полученное в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующего уполномоченного федерального государственного органа.

Уполномоченными федеральными государственными органами, в которых выполняются судебные экономические экспертизы, являются Министерство внутренних дел РФ, Следственный комитет Российской Федерации, Министерство юстиции РФ. В них же осуществляется дополнительная

профессиональная подготовка судебных экспертов по конкретным экспертным специальностям в области экономики.

В соответствии с Приказом МВД РФ от 29.06.2005 №511 [1] в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел выполняются следующие судебные экономические экспертизы, каждой из которых соответствует экспертная специальность того эксперта, который будет выполнять экспертизу:

- 1) бухгалтерская (специальность 6.1 - исследование содержания записей бухгалтерского учета);
- 2) налоговая (специальность 14.1 - исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов);
- 3) финансово-аналитическая (специальность 25.1 - исследование финансового состояния);
- 4) финансово-кредитная (специальность 26.1 - исследование соблюдения принципов кредитования).

Приказом Следственного комитета Российской Федерации от 24.07.2020 № 77 [5] закреплены следующие судебные экспертизы, относящиеся к классу экономических:

- 1) бухгалтерская (специальность - исследование содержания записей бухгалтерского учета);
- 2) налоговая (специальность - исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов);
- 3) оценочная (стоимостная) (специальность исследование фактических данных с целью определения стоимости имущества)
- 4) финансово-аналитическая (специальность - исследование определения финансового состояния).

В деятельности арбитражных судов, при рассмотрении гражданско-правовых споров все большее распространение получает назначение судебных экономических экспертиз и использование их результатов в качестве доказательств. Несмотря на стремительный рост в последние годы количества негосударственных экспертных организаций, производство экспертиз по таким делам поручается чаще всего экспертам государственных судебно-экспертных организаций, прежде всего, судебным экспертам-экономистам региональных лабораторий судебных экспертиз Министерства юстиции Российской Федерации. В соответствии с Приказом Минюста РФ от 20.04.2023 № 72 [4] в государственных судебно-экспертных организациях выполняется судебная экономическая экспертиза по двум экспертным специальностям: 17.1 - исследование записей бухгалтерского учета; 17.2 - исследование показателей

финансового состояния и финансово-экономической деятельности хозяйствующего субъекта.

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2010 №28 [3] к иным экспертам из числа лиц, обладающих специальными знаниями, относятся эксперты негосударственных судебно-экспертных учреждений, а также лица, не работающие в судебно-экспертных учреждениях. Под негосударственными судебно-экспертными учреждениями следует понимать некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами. П.3 вышеуказанного документа предписывает следующий алгоритм действий при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом: суду следует предварительно запросить сведения, касающиеся возможности производства данной экспертизы, а также сведения об эксперте, в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежущей квалификации, о чем указать в определении (постановлении) о назначении экспертизы, и при необходимости приобщить к материалам уголовного дела заверенные копии документов, подтверждающих указанные сведения. В случае поручения производства экспертизы лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении, разъяснение прав и обязанностей, предусмотренных статьей 57 УПК РФ, возлагается на суд, принявший решение о назначении экспертизы.

Распоряжением Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р [2] утвержден перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, в том числе по ряду уголовных дел экономической направленности. Можно предположить, что потребность в производстве экспертиз именно в государственных судебно-экспертных организациях в большей степени гарантирует получение достоверных и объективных экспертных выводов, учитывая, что исследования проводятся исключительно по верифицированным экспертным методикам, силами экспертов, имеющих соответствующую квалификацию по конкретным экспертным специальностям. В этот перечень включены и судебные экономические экспертизы, назначаемые по уголовным делам о преступлениях, связанных с неуплатой налогов и сборов, причинением ущерба природным ресурсам, при проверке сообщений о таких преступлениях, а также, начиная с

июля 2024 года, по уголовным делам о преступлениях, связанных с нецелевым расходованием и хищением бюджетных денежных средств, а также при проверке сообщений о таких преступлениях.

Судебные экономические экспертизы в силу специфики проводимого исследования – достаточно сложный вид экспертиз, который характеризуется тем, что исследуются содержание хозяйственных и финансовых операций, содержание экономических показателей, отраженных в различных носителях учетно-экономической информации – документах и записях бухгалтерского учета, налогового учета, документах бухгалтерской (финансовой) отчетности, а также иных значимых сведений, содержащихся в материалах дела. Так, в соответствии с Приказом Минюста РФ от 15.09.2021 № 169 [6], проводимые экономические экспертизы относятся ко второй или третьей категории сложности. Высокий уровень сложности объясняется, прежде всего, необходимостью разработки в каждом конкретном экспертном исследовании новой расчетной модели и (или) частной методики исследования для решения поставленных вопросов, а также многообъектностью, и, как правило, множественностью поставленных на экспертизу вопросов.

Качественное проведение экспертного исследования, а также всесторонняя, полная и объективная оценка заключения судебного эксперта-экономиста во многом зависят от того, насколько компетентно будет организована работа на этапе подготовки к назначению экспертизы, насколько полно владеют участники судопроизводства знаниями о возможностях судебных экономических экспертиз, исследуемых объектах, экспертных задачах, применяемых методиках и методах экспертного исследования.

Задачи судебных экономических экспертиз, примерные вопросы, решаемые экономическими экспертизами, выполняемые в судебно-экспертных организациях Министерства юстиции РФ, размещены на официальном сайте Российского Федерального центра судебной экспертизы при Минюсте РФ. Так, бухгалтерская экспертиза решает следующие задачи: установление наличия (или отсутствия) в бухгалтерском учете экономического субъекта записей об интересующей финансово-хозяйственной операции; установление соответствия (или несоответствия) фактического отражения конкретных финансово-хозяйственных операций требованиям ведения бухгалтерского учета; установление соответствия (или несоответствия) экономического содержания операций их отражению в учетных и отчетных документах экономического субъекта; установление соответствия (или несоответствия) данных аналитического и синтетического учета данным первичных учетных документов, данным сводного учета и бухгалтерской отчетности; установление наличия (или

отсутствия) расхождений между сведениями первичных учетных документов об остатках и движении товарно-материальных ценностей и денежных средств и документами инвентаризации.

Финансово-экономические экспертизы решают разнообразные задачи, связанные с исследованием экономических показателей. Необходимость назначения финансово-экономической экспертизы возникает при рассмотрении арбитражных и гражданских дел, связанных с банкротством, неплатежеспособностью, просроченной кредиторской задолженностью, в том числе задолженностью по налогам и сборам и другим обязательным платежам в бюджеты всех уровней и внебюджетные фонды. Основными задачами при этом становятся: исследование показателей финансового состояния экономического субъекта, платежеспособности, ликвидности, финансовой устойчивости, рентабельности; установление соответствия (или несоответствия) направления расходования бюджетных средств их целевому назначению; установление полноты и своевременности исполнения кредитных и иных обязательств экономического субъекта; определение кредитоспособности экономического субъекта; установление полноты и своевременности исполнения обязательств по перечислению сумм налоговых и иных обязательных платежей; исследование состояния расчетов между контрагентами; исследование соблюдения правил, своевременности и полноты исполнения работодателем своих обязательств по расчетам с персоналом и лицами, привлеченными для выполнения работ по договорам ГПХ; установления наличия финансовой возможности выполнения обязательств экономическим субъектом; определение правильности и полноты расчетов экономического субъекта с учредителями, участниками, акционерами и иными лицами; исследование полноты и правильности формирования взносов учредителя (участника), расчета сумм дивидендов, величины чистых активов общества, определение стоимости доли имущества, причитающейся участнику общества при выходе из него; определение рыночной стоимости долевых инструментов юридических лиц.

Учитывая, что положения процессуального законодательства обязывают субъекта, назначающего экспертизу, при вынесении определения (постановления) указать основания для назначения экспертизы (п.4 ст.82 АПК РФ, п.1 ч.1 ст.195 УПК РФ), факты, для подтверждения или опровержения которых назначается экспертиза (ст. 80 ГПК РФ), целесообразно рекомендовать таким субъектам указывать те, из вышеперечисленных, экспертные задачи, для разрешения которых назначается судебная экспертиза. Это позволит судебному эксперту-экономисту в более короткие сроки предварительного ознакомления с материалами дела определить алгоритм экспертного исследования, и, с учетом

анализа представленных на исследование документов, определить судебно-экспертные методы, которые возможно применить для решения экспертных задач и ответов на поставленные вопросы.

Список использованных источников:

1. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел: приказ МВД РФ от 29.06.2005 № 511 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

2. О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями: распоряжение Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

3. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

4. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: приказ Минюста России от 20.04.2023 № 72 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

5. Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» на право самостоятельного производства судебных экспертиз: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 24.07.2020 № 77 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

6. Об утверждении размера затрат времени на производство судебных экспертиз и экспертных исследований в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации и Порядка применения размера затрат времени на производство судебных экспертиз и экспертных исследований в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации: приказ

Минюста России от 15.09.2021 № 169 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

УДК 343.1

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

© Л.П. Климович

© Н.Г. Логинова

Сибирский федеральный университет

Введением в УПК РФ такого вида доказательства как заключение специалиста, были расширены рамки использования специальных знаний. Очевидно, законодатель исходил из того, что это положительно отразится на достижении целей уголовного судопроизводства. С.Б. Россинский, Н.С. Расулова, рассматривая вопросы заключения специалиста в уголовном процессе, такую «процессуализацию» обосновывают так: «По всей вероятности, авторы положений, регламентирующих заключение специалиста, понимали необходимость легализации каких-то “параллельных” технологий использования специальных знаний, намеревались ограничить судебную следственную «монополию» на обращение за помощью к сведущим лицам, расширить диспозитивные возможности невластных участников в данном сегменте уголовно-процессуального регулирования, однако при этом осознавали и существенные риски подобных послаблений – опасались “выпустить джина из бутылки” и создать почву для обесценивания “традиционных” экспертиз, злоупотреблений со стороны обвиняемых и защитников, привлечения ими не вполне профессиональных и ангажированных “своих экспертов»» [5, с. 218]. С данным утверждением можно согласиться лишь отчасти, такое обращение к помощи сведущих лиц, помимо назначения и производства судебной экспертизы, было характерно и для ранее действовавшего уголовно-процессуального закона, несмотря на то, что он не указывал в качестве самостоятельного вида доказательства заключение специалиста. Так, УПК РСФСР от 27.10.1960 допускал возможность использования в доказывании актов ревизий; в частности требование производства ревизий (ст. 70 УПК РСФСР) было одним из способов собирания доказательств, при этом, доказательства могли быть представлены подозреваемым, обвиняемым, защитником, обвинителем, а также

потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями, а также любыми гражданами, предприятиями, учреждениями и организациями. Сама процедура собирания доказательств защитником, другими перечисленными в норме субъектами, в том числе предприятиями, учреждениями и организациями, в прежнем уголовно-процессуальном законе не была урегулирована.

Различные аспекты теории и практики использования заключения специалиста в уголовном судопроизводстве, законодательной регламентации, доктринального толкования и проблемы правоприменительного характера освещены во многих научных работах, в том числе в диссертационных исследованиях последних лет [6-8]. По мнению Е.П. Гришиной, заключение специалиста – новая, оживленно обсуждаемая представителями научного сообщества, но трудно оцениваемая с позиции допустимости форма использования специальных познаний [2, с. 20]. Полагаем, что для разрешения данного обстоятельства, требуется обозначение, детализация перечня критериев, по которым следовало бы оценивать допустимость заключения специалиста.

Авторами настоящей работы не рассматриваются вопросы общие вопросы научно-теоретического характера, связанные с заключением специалиста, предметом исследования нами избраны исключительно обстоятельства, связанные с использованием заключения специалиста в доказывании по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности и лишь те из них, которые отражают качественно новый этап в разрешении проблем использования заключения специалиста в отечественном уголовном процессе.

Несмотря на неоднозначное мнение относительно этого вида доказательства в доктрине и недооценке его в правоприменительной деятельности, действующий уголовно-процессуальный закон представляет достаточно широкие возможности для использования в судопроизводстве заключения специалиста.

Распоряжением Правительства РФ [4] утвержден перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, в том числе по ряду дел экономической направленности, что, как мы полагаем, направлено на объективизацию результатов проводимых в государственных судебно-экспертных организациях судебных экспертиз, учитывая, что последние проводятся исключительно по верифицированным экспертным методикам, экспертами, имеющими соответствующую квалификацию по конкретным экспертным специальностям. И в данной ситуации обращение к специалисту с целью получения заключения или

консультации по возникшим вопросам, особенно по делам экономической направленности, приобретает особое значение. Полагаем, что в условиях, когда судебные экономические экспертизы, назначаемые по уголовным делам о преступлениях, связанных с неуплатой налогов и сборов, причинением ущерба природным ресурсам, при проверке сообщений о таких преступлениях, начиная с июля 2024 года, по уголовным делам о преступлениях, связанных с нецелевым расходованием и хищением бюджетных денежных средств, при проверке сообщений о таких преступлениях, вопрос обращения к специалисту с целью получения заключения по уголовным делам экономической направленности получит новый вектор в развитии. Как отмечал В.И. Шиканов: «...обращение к помощи сведущих лиц – носителей знаний, ... предопределяется криминалистической характеристикой расследуемого вида преступлений, следственной ситуацией, а также соображениями тактического характера» [1, с. 24].

Опрос следователей ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю, ГСУ СК РФ по Красноярскому краю и Республике Хакасия, специализирующихся на расследовании преступлений экономической направленности, показал следующее: практически всегда, при расследовании каждого уголовного дела, возникает необходимость разрешения узких специализированных вопросов в области бухгалтерского учета, экономики, в сфере налогообложения, в области технологии и товароведения отдельных видов производственной и торговой деятельности, в том числе необходимость взаимодействия со специалистом, анализа содержания имеющихся в деле бухгалтерских и иных документов, оценки экспертных выводов. Для этих целей следователи могут использовать собственные специальные экономические знания и накопленный опыт расследования уголовных дел данной категории. Но таких следователей, имеющих второе, наряду с юридическим, экономическое образование, всего 5 процентов из общего числа опрошенных. 87 процентов опрошенных следователей ответили, что они вообще не обладают базовыми экономическими знаниями, либо обладают, но их уровень недостаточен. И в таких ситуациях неизбежно обращение к специалистам. В числе наиболее распространенных форм применения специальных экономических знаний, согласно результатам опроса (рисунок 1), - назначение судебных экономических экспертиз, которым предшествует получение консультации у эксперта относительно возможностей той или иной экспертизы, формулируемых вопросов и перечня необходимых для ответа на вопросы объектов исследования – бухгалтерских, финансовых документов и иных материалов дела.

Рис. 1. Частота использования специальных экономических знаний в расследовании уголовных дел (результаты опроса следователей)

Обращение к специалисту с целью получения заключения занимает четвертое место в перечне наиболее распространенных форм использования специальных экономических знаний в расследовании по уголовным делам. Обращают внимание те ситуации расследования дел об экономических преступлениях, когда, наряду с получением заключения специалиста, требуется назначение документальных ревизий, налоговых и аудиторских проверок. Если уголовно-процессуальный закон (ст. 80) предписывает, что заключение специалиста – это представленное в письменном виде суждение (выделено авторами) по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами, то возникает вопрос, можно ли признавать документы – акт ревизии, акт налоговой проверки, аудиторское заключение, в качестве заключения специалиста, если они содержат в себе значимую информацию, которая имеет доказательственное значение по делу? Следует отметить, что каждый из выше перечисленных документов – есть результат не просто рассуждений соответствующих специалистов, а изучения больших массивов документальных источников учетно-экономической информации на предмет установления соответствия (несоответствия) совершенных экономических фактов (событий, операций) установленным нормам и правилам, требованиям бухгалтерского, налогового, финансового законодательства. По своему содержанию любое мероприятие финансового контроля (ревизии, документальные проверки, налоговые проверки, аудиторские проверки) проводится исключительно по предписанным методикам и алгоритмам. И, если такие документы (акты, ревизий, проверок), в силу норм процессуального закона, строго регламентирующих порядок

назначения, производства судебной экспертизы и оформления ее результатов, не могут быть признаны заключением эксперта, то, в силу отсутствия в законе строгой регламентации требований к заключению специалиста и процедуры его получения, полагаем, что подобные документы по своему содержанию, могут быть приравнены к заключениям специалистов, если установленные в них факты имеют доказательственное значение.

Оценивая неоднозначность складывающейся правовой ситуации относительно процессуальной формы заключения специалиста, следует констатировать необходимость его использования в качестве формы применения специальных знаний, как в досудебном производстве, так и судебном; причем как стороной обвинения, так и стороной защиты.

Анализ материалов судебной практики показал, что требует разрешения вопрос о процессуальных требованиях к форме и содержанию заключения специалиста, которые бы позволяли определять пригодность данного документа для доказывания. В числе критериев оценки допустимости заключения специалиста (или иного документа, например, акта ревизии, аудиторского заключения и др.) полагаем, необходимо учитывать следующее:

- 1) наличие оснований для получения заключения специалиста;
- 2) соблюдение определенных условий (в конкретной ситуации не требуется обращение для производства судебной экспертизы исключительно в государственную судебно-экспертную организацию в соответствии с распоряжением Правительства РФ № 3214-р);
- 3) заключение выполнено надлежащим специалистом (компетентность подтверждается соответствующими документами, нет оснований для отвода – личные отношения со стороной защиты или обвинения и не имеет другого личного интереса);
- 4) специалисту разъяснены права, обязанности и ответственность в связи выполнением заключения специалиста (в ситуации, когда следователь направляет требование о производстве ревизии, документальной проверки в уполномоченный государственный орган, права, обязанности и ответственность лица, проводящего проверку, ревизию, предписаны должностной инструкцией и ведомственными нормативными правовыми актами);
- 5) по форме представленный документ содержит все необходимые реквизиты, содержание документа позволяет идентифицировать обстоятельства, имеющие значение для дела: когда и где составлено заключение, каким специалистом, какие задачи (вопросы) разрешались, каким образом обоснованы суждения и выводы специалиста; имеется подпись

специалиста (в ситуации проведения ревизий, проверок уполномоченным органом документ должен быть заверен печатью организации).

С учетом складывающейся судебно-следственной практики [3] полагаем, что акты ревизий и документальных проверок, аудиторские заключения, акты налоговых проверок, иные результаты проведённых проверок уполномоченными органами государственного финансового контроля, справки Росфинмониторинга следует относить к разновидностям заключения специалиста и использовать в доказывании как полноценное доказательство в совокупности с другими.

Список использованных источников:

1. Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. На материале процессуальных и криминалистических исследований уголовных дел об убийстве. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1978.

2. Гришина Е.П. К вопросу о доктринальных и правовых положениях относительно заключения и показаний специалиста в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2019. № 4.

3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.02.2020 № 77-118/2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

4. Распоряжение Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р «Об утверждении перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

5. Россинский С.Б., Расулова Н.С. О критериях разграничения заключения эксперта и заключения специалиста в уголовном судопроизводстве // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее : материалы международной научно-практической конференции / сост. Г.В. Парамонова, В.П. Яремчук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022.

6. Буфетова М.Ш., Демешко И.В. Заключение специалиста как доказательство стороны защиты: актуальные проблемы теории и практики // Адвокатская практика. 2019. № 3.

7. Вдовцев П.В., Чарыков А.В. Заключение специалиста как иной документ // Российский следователь. 2020. № 7.

8. Расулова Н.С., Россинский С.Б. Заключение специалиста как справочно-вспомогательное средство доказывания в уголовном судопроизводстве : монография. М.: Юрлитинформ, 2023.

УДК 347.9

МУЛЬТИФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И КВАЗИСУДЕБНАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ И ВНЕПРОЦЕДУРАЛЬНАЯ ФИГУРА СПЕЦИАЛЬНОГО МАСТЕРА: АМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ УЧАСТИЯ В ДОСУДЕБНЫХ ПРОЦЕДУРАХ И В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

© А.В. Ковалева

Сибирский федеральный университет

В последние годы одним из остро обсуждаемых в США вопросов в сфере судопроизводства по делам гражданским является участие специального мастера в досудебных процедурах и в гражданском процессе. Рост числа дел с участием специального мастера был, в частности, обусловлен недавней пандемией Covid-19. Данная многофункциональная и к тому же квазисудебная фигура (этакий джокер американского правосудия, возвеличиваемый как Святой Грааль [5]) не известна отечественному гражданскому процессу, что, несомненно, придает вопросам его участия особый интерес.

Закрепленная еще в 1937 г. в правиле 53 федеральных правил гражданского производства возможность назначения судом специального мастера на протяжении десятилетий оставалась редко используемым инструментом, предназначенным для содействия целям правосудия, быстрому и эффективному разрешению сложных гражданских споров.

Изначально американский законодатель предусмотрел две процессуальные формы участия специального мастера: а) руководство сложным процессом в суде округа, требующим участия присяжных; б) установление фактических обстоятельств и юридических выводов по делу, в котором не требовалось участие присяжных. Последующая новеллизация [10] законодательства существенно расширила число форм участия специального мастера в гражданском судопроизводстве.

Специальный мастер может быть назначен как по инициативе сторон [11], так и по инициативе суда. Постановление специального мастера может быть обжаловано, как и его отчет или рекомендации.

В американской доктрине нет единого мнения по вопросу об юридической природе специального мастера. По одной версии происхождение специального мастера связано с появлением фигуры мастера в британском канцлерском суде в эпоху правления Карла VIII [7].

Между тем, поскольку процессуальная фигура специального мастера в США отличается от мастера Высокого Суда в Англии, в компетенцию которого входит разрешение отдельных категорий дел, не требующих рассмотрения в ординарном порядке, представляется справедливым иное представление о специальном мастере [3]: изначально как о судебном клерке (в XIX в.), далее (ближе к концу XIX в.), – уже как об инструменте, используемом судом *ex officio* при рассмотрении дел чрезвычайной сложности и необходимости оказания помощи суду путем участия в получении доказательств и составлении рекомендаций, необязательных для суда, назначение которого по общему правилу с согласия сторон стало возможно только в XX в.

Последнее было обусловлено ростом числа сложных для подготовки и рассмотрения дел, а также последующего исполнения судебных постановлений: патентных, антимонопольные, межрайонные споров и иных споров со множественностью участвующих в качестве сторон лиц, со сложной доказательственной базой, когда назначение специального мастера стало эффективным способом избежать застоя в рассмотрении гражданских дел и загруженности федеральных судов, препятствующим «чрезмерному использованию ограниченных судебных ресурсов» [4]

В досудебной стадии специальный мастер назначается не только как лицо, контролирующее ход представления доказательств (*discovery*), в рамках которого ему могут быть делегированы полномочия по оценке достоверности доказательств посредством Дауберт-тестирования [1], но и как лицо, способствующее досудебному урегулированию спора (в частности, посредством процедуры медиации, как например, в недавнем постановлении Окружного суда Западной округа штата Луизианы по делам об ураганах) [12].

Кроме того, как показывает судебная практика, специальных мастеров назначают для распределения судебных расходов, в частности определения адвокатских гонораров из средств общего фонда, или определения размера причиненного ущерба и причитающихся сумм компенсационных выплат в случаях множественности лиц (например, в случае классовых исков как до, так и после заключения мирового соглашения), непосредственного применения обеспечительных мер либо контроля за их исполнением и др.

Специальных мастеров назначают и в ходе исполнительного производства, например, для наблюдения за ходом исполнения судебных постановлений (в

частности, в резонансном определении окружного суда Южного округа штата Техас были назначены два специальных мастера для наблюдения за исполнением властями штата Техас мирового соглашения и последующих постановлений суда по классовому иску против системы патронатного воспитания [13]). Следует отметить, что эффективность назначения специальных мастеров в данном случае оценить достаточно сложно, поскольку спустя более 7 лет, продолжающееся реформирование системы патронатного воспитания по-прежнему не дает однозначно положительных результатов, в то время как сумма затрат на вознаграждение специальным мастерам составила уже 41,5 млн. долл.

Между тем, ряд авторов, в частности, Д.Б. Гэрри и Г.А. Андлер, предупреждают, что воздержание от назначения специального мастера ввиду риска увеличения судебных расходов зачастую дает обратный эффект [8]. А в ряде случаев назначение специального мастера даже способствует экономии судебных расходов: например, участие свидетелей-экспертов даже без учета компенсации транспортных расходов в делах со множественностью лиц, участвующих в деле в качестве сторон, несопоставимы с расходами, связанными с участием специального мастера. В свою очередь суд при назначении специального мастера учитывает не только критерий необходимости, но и критерий разумности, также предусмотренный федеральным правилом 53, в том числе и применительно к изменению суммы судебных расходов по делу.

Диверсификация форм участия специального мастера, в том числе и как квазисудебной фигуры в американском судопроизводстве исторически закономерна, в том числе и с точки зрения процедурного развития судопроизводства.

Специальный мастер, в отличие от судей, не будучи связан установленными процессуальными сроками, в случае необходимости способен изменять свой рабочий график. Также специальный мастер обладает специальными знаниями, потребность в восполнении недостатка которых объективно возрастает по причине роста числа наукоемких споров либо дел, требующих получения, обеспечения и исследования наукоемких доказательств (электронных доказательств, технологии блокчейн и др.) как на досудебной стадии, так и в самом процессе.

А. Буонопан усматривает решение проблем обеспечения независимости и эффективности участия специального мастера а также недопущения необоснованного увеличения сроков исполнения специальными мастерами делегированных полномочий и связанных с ними финансовых затрат в нормативном закреплении порядка участия специального мастера в досудебных

и судебных процедурах, а также его фидуциарной ответственности, исходя из возникающих, по мнению автора, между судом и специальным мастером (в случае назначения последнего судом) фидуциарных правоотношений, где в качестве фидуциария выступает специальный мастер [2]. Подобное видение представляется чрезмерно широким даже для англо-саксонской модели фидуциарных правоотношений, поскольку, по сути, представляет собой делегирование судом специальному мастеру не только полномочий, но и ответственности.

Наиболее удачным ответом на вопрос о дезавуировании роли суда в случае назначения специального мастера, пожалуй, является высказывание Д.Р. Коэна о том, что, во-первых, «делегирование полномочий не есть уступка полномочий, т.е. буквально судебной власти, которой наделены и гордятся судьи», а во-вторых «делегирование полномочий – это не уступка судебной власти, а наоборот – ее усиление», ибо в таком случае судья располагает большей информацией при одновременной экономии времени [9].

7 августа 2003 года Собранием делегатов Ассоциации адвокатов США по инициативе Академии назначенных судом нейтральных лиц (нейтралов) были приняты две резолюции (№№56,57):

- рекомендовать законодателю на федеральном уровне и на уровне штатов заменить термин «специальный мастер» на «назначенное судом нейтральное лицо», что, в том числе, будет способствовать закреплению возможности участия таких лиц в процедурах несостоятельности;

- рекомендовать всем судам (федеральным судам, судам округов, судам штатов, местным судам) принять новый модельный порядок назначения и участия нейтральных лиц, назначенных судом.

Дискуссия о терминологической корректности изменения названия объединения специальных мастеров (Академия назначенных судом нейтралов, ранее – Академия назначенных судом мастеров) возникла, в том числе, и между самими специальными мастерами. В частности, Д.Э. Коэн усматривает в этом «нейтрализацию престижного почетного статуса специального мастера» [9], в то время как М. Хирш удовлетворен сменой названия академии, поскольку «хозяин (бытовое понимание слова master) уместен лишь для сенбернара» [6]. Последствием рассматриваемой дискуссии и явились упомянутые выше резолюции в поддержку внесения соответствующих нормативных изменений, в том числе в правило 53 Федеральных правил гражданского судопроизводства и др.

Специальный мастер отличен от других независимых субъектов гражданского судопроизводства – от назначенного судом эксперта – свидетеля и

технического консультанта суда не только по функциям, но и по процессуальному положению. Кроме того, наличие специальных знаний, обязательное для эксперта-свидетеля и для технического консультанта, не является таковым для специального мастера: как показывает судебная практика, большинство специальных мастеров – это адвокаты или судьи в отставке, несмотря на то, что помимо юридических знаний и практики, у последних нередко есть специальные знания и соответствующий профессиональный опыт. Таким образом, специальный мастер в США не является субъектом применения специальных знаний.

Отечественному гражданскому процессу известны две процессуальные фигуры - носители специальных знаний - это эксперт и специалист, что необходимо и достаточно для целей восполнения необходимых суду специальных знаний как в экспертной, так и в неэкспертных формах (консультация и пояснения, непосредственная помощь суду), число которых *de lege fetenda* может быть не только унифицировано в цивилистическом процессуальном законодательстве, но и увеличено, в частности, при нормативном закреплении возможности участия специалиста в примирительных процедурах.

Повлечет ли принятие указанных резолюций соответствующие изменения в американском процессуальном законодательстве на сегодняшний день прогнозировать сложно, но, несомненно, грядущее его развитие будет связано с участием специальных мастеров как в гражданском процессе, так и в досудебных, несудебных и постсудебных процедурах.

Список использованных источников:

1. Balart L. Having Your Cake and Eating It, Too: Using Special Masters in Daubert Hearings to Promote Scientific Analyses of Expert Testimony//Louisiana Law Review.Vol.80.2020.

2. Buonopane A. Special masters need to be reigned in: why rule fifty-three of the federal rules of civil procedure should be amended so that special masters are held to a fiduciary standard type of relationship and recommendations on how to do so. URL: <https://www.uscourts.gov/file/71668/download>.

3. Ferleger D., Esq. Special masters under rule 53: the «exceptional» becomes «commonplace». 2007. URL: <https://www.uww-adr.com/zupload/zgraph-content/uploads/pdfs/Special-Masters-Under-Rule-53-by-David-Ferleger.pdf>.

4. Gentle Edgar C.III The role of special masters in mass litigation and settlement Hoover, Alabama. 2016.

5. Pisegna V.J., Cichello A.J. The Holy Grail for Litigation – Appointment of a Special Master. URL: <https://kb-law.com/blog/?p=86>.

6. Shwartzmann P. Who are these «special masters», and what makes them so special?//Washington Post 6 sept. 2022.

7. Siegel D.D. New York Practice, 6th ed.- NY, Thomson Reuters, 2018.

8. When does it make sense and how to get a special master?//Daily Journal, March 12, 2021.

9. Cohen D. R. The Judge, the Special Master, and You. URL: <https://specialmaster.law/wp-content/uploads/2017/09/SpecialMasterLitigationArticleSummer2014.pdf>.

10. Fed. R. Civ. P. 53 advisory committee notes (1983 amendment); Fed. R. Civ. P. 53 advisory committee notes (2003 amendment).

11. Ex., Jacob Hindlin, v. Prescription Songs LLC, and Kasz Money, INC., No. 651974/2018 (N.Y. Sup. Ct. Oct. 6, 2020) (Order Appointing Special Master).

12. US District Court for the Western District of Louisiana Case management order No. 1. May 30, 2023.

13. Appointment Order, 152 F. Supp. 3d 684 (2015)// M.D. v. Abbott, 152 F. Supp. 3d 684, 822 (S.D. Tex. 2015).

УДК 342.5

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© А.А. Кондрашев

Сибирский федеральный университет

После проведения конституционной реформы 2020 года и начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года, серьезные изменения произошли как на уровне теоретических основ конституционного права, так и в правоприменительной практике множества государственных органов. Причем изменения коснулись почти всех институтов конституционного права, и привели к существенному расхождению между теоретическим постулатами демократического и правового государства, закрепленными в главе 1 Конституции, и поправками 2020 года, и, в особенности, появившимися за этот период десятками новых законов и подзаконных актов, отменившими действие в стране многих политических прав и свобод, и ряда социально-экономических

прав. Все произошедшие изменения можно представить в виде 9 направлений или тенденций государственно-правового строительства в России.

1. Девальвация основных конституционных принципов и внутренний конфликт между различными главами конституции. Речь идет о несоответствии принципов главы 1 поправочным нормам, введенным в 2020 году и ранее: несоответствие ст. 1 и 3 Конституции института пожизненного занятия должностей в Совете Федерации, как и ст. 5, закрепляющем федеративный характер Российской Федерации; идеологизация образования (как высшего, так и среднего) в нарушение ст. 13 Конституции (введение «Разговоров о важном» в средней школе, курсов «Основы государственности» своего рода «научного коммунизма» в новой обертке во всех вузах и т.д.); отказ от приоритета международного права (ст. 15 Конституции), о чем свидетельствует новая редакция ст. 79 Конституции; введение своего рода ранжированного гражданства, а не равного гражданства в нарушение ст. 6 Конституции (возможность его лишения в отношении натурализованных граждан).

2. Фактическая отмена (умаление) целого ряда личных, политических социально-экономических прав и свобод с изъятием «ядра» права. В качестве примеров можно привести нарушение ст. 35 Конституции, провозгласившей неприкосновенность частной собственности в России: изъятие собственности иностранных инвесторов без равноценного возмещения, скидка в 50% от стоимости +10% взнос в бюджет; прямое управление собственностью иностранных инвесторов, что фактически является национализацией; национализация имущества иностранных инвесторов и физических лиц в Крыму без компенсации. Другим примером выступает полная отмена действия ст. 31 Конституции России, повлекшая невозможность проведения в России публичных мероприятий (даже одиночных пикетов) с оппозиционными требованиями. Нельзя не сказать о массовой ликвидации правозащитных организаций и полный запрет деятельности (объявление нежелательными) ведущих иностранных общественных объединений, ликвидация реальной многопартийности (оппозиционных партий) в нарушение ст. 30 Конституции; если говорить о духовных правах, то в этой сфере были введены ограничения доступа к культурным ценностям (ст. 44), ограничения свободы литературного и художественного творчества (запреты кинофильмов, спектаклей и т.д.); ограничение свободы преподавания (увольнение преподавателей с иными взглядами, признанных иноагентами, и просто имеющих оппозиционные взгляды).

3. Дефедерализация государственного устройства России и превращение в унитарное государство с декоративными федеральными практиками. В числе элементов этой тенденции можно выделить: создание федеральной территории «Сириус» без согласия со стороны Краснодарского края в нарушение требований ч. 5 ст. 66 Конституции; практически полное поглощение совместного ведения исключительным ведением Федерации; отсутствие налогового федерализма и абсолютно несправедливое, с нашей точки зрения, распределение бюджетных трансфертов в адрес регионов [2, с. 44; 6]; выделение так называемых «инициативных полномочий», в рамках которых субъекты федерации принуждаются финансировать вопросы исключительного федерального ведения; передача исключительных полномочий федерации (передача «новым субъектам федерации» прав на введение ограничений прав и свобод в режиме военного положения).

4. Встраивание местного самоуправления в систему государственной власти. В рамках данной тенденции приходится констатировать искажение содержания ст. 12 Конституции, устанавливающей отделение и самостоятельность муниципальной власти от власти государственной. Постепенное встраивание местного самоуправления в качестве звена в государственную власть происходило последние десятилетия, но с принятием поправок 2020 года было легитимизовано в конституционном тексте: внесение изменений в ст.ст. 131 и 132 Конституции в части формирования органов местного самоуправления с обязательным участием органов государственной власти субъектов РФ; отказ от поселенческого принципа организации местного самоуправления в пользу по факту территориального принципа [9, с. 61]; местное население лишилось права самостоятельно определять структуру органов местного самоуправления; легитимировано вмешательство Федерации при организации местного самоуправления в административных центрах субъектов РФ.

5. Трансформация конституционной формы правления и политического режима. В ходе четвертой каденции действующего Президента РФ были проведены реформы, которые окончательно сформировали в нашей стране режим с уникальной формой правления, которая не вписывается в существующие аналоги и характеризуется: отсутствием сменяемости власти и персонализацией нормативного регулирования под конкретными лицами (законы о снятии ограничений нахождение в должности для глав Верховного и Конституционного Судов); ликвидацией в тексте Конституции элементов принципа сдержек и противовесов в рамках взаимодействия Президента с парламентом, судами и прокуратурой; постепенным преобразованием режима

из авторитарного в гибридный (идеологизация конституционных норм, изменение состава конституционных принципов).

6. Замена современных конституционных ценностей квази-патриархальными ценностями. Здесь в качестве примеров можно привести введение в главу 3 Конституции таких ценностей, как «защита исторической правды» (ст. 67.1.); брак - союз мужчины и женщины (ст. 72), «вера в Бога» (ст. 67.1), «русские – государствообразующий народ» (ст. 67.1). На основе этих «ценностей» конструируются и учебные дисциплины, которые внедрены во всех вузах страны. Так, в работе коллектива авторов делается попытка для изучения социальной идентичности - *сконструировать и раскрыть применительно к России «национальный код»*. В итоге создан некий *пентабазис*, состоящий из пяти (пента) взаимосвязанных уровней: человек, семья, общество, государство, страна [11, с. 10-11]. При этом в доктрине уже высказываются идеи полного отказа от ценностей либерализма, закрепленных в тексте Конституции, и переходу к «постлиберальному праву на основе собственного опыта государственного строительства, развития общества и статуса человека» [5, с. 9]. Также появляются публикации, обосновывающие новые конституционные ценности так называемой «исторической правды» и «памяти защитников Отечества» [8, с. 30], опять же ссылками на особую российскую идентичность.

7. Конституционный нигилизм, отрицание конституционных начал в деятельности высших органов государственной власти. Иллюстрацией служит отказ Президента оглашать Послание в 2022 году. Другим примером может выступить само проведение конституционной реформы в 2020 году в условиях пандемии (когда во всех странах мира любые голосования были отменены) и в нарушение норм Конституции, не требовавших собственно факта проведения всенародного голосования за эти поправки.

8. Избирательное право окончательно советизировалось: выборы не являются конкурентными, справедливыми и честными. В рамках данной тенденции можно выделить наиболее яркие моменты: проведение голосования по Конституции в нарушение норм законодательства о референдуме, на основе подзаконных актов ЦИК РФ, введение многодневного голосования и использование ДЭГ, позволяющих манипулировать итогами голосования и полностью исключаящими механизм независимого контроля за их объективностью; формирование жесткой вертикали системы избирательных комиссий (ликвидация муниципальных комиссий, формирование комиссий на срок 5 лет); ограничение возможностей по наблюдению за выборами со стороны СМИ и иных организаций; расширение количества избирательных цензов для граждан страны (9 млн. лишены пассивного избирательного права).

В науке отмечаются явные недостатки электронного голосования, связанные как с техническими проблемами его реализации, так и с невозможностью наблюдения и контроля за его объективностью [12, с. 500], введение огромного числа избирательных цензов, влекущее невозможность участия в выборах миллионов граждан страны при наличии нарушения конституционных принципов (невиновности, невозможности придания обратной силы закону) [4, с. 42].

9. Политизация и внедрение явно неправовых институтов в публичное право, активное использование оценочных терминов, требующих неправовой экспертизы (психологи, политологи, литературоведы и т.д.) и адекватного судебного толкования (а этого нет). В первую очередь, это внедрение в наше публичное право институтов иноагентов, аффилированных лиц, нежелательных организаций, которые прямо отменяют действие важнейших политических прав (свободы объединений, свободы слова, свободы манифестаций и др.). Понятие экстремизма, появившееся в России, в 2001 году явно расходится с мировой практикой применения этого института. Появившиеся в 2022 году составы преступлений и административных правонарушений – дискредитация армии, распространение т.н. «фейков» об армии – полностью расходятся с базовыми конституционными принципами, установленными в решениях Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ (правовая определенность, соразмерность, пропорциональность и др.).

Как отмечается в доктрине «оценочные понятия не обладают достаточно ясным содержанием и не приводят исчерпывающих признаков того или иного явления или предмета, а служат лишь формой типизации каких-либо правозначимых признаков или обстоятельств с тем расчетом, что правоприменитель детализирует их самостоятельно в рамках конкретного правоотношения. [1, с. 41]. Между тем неоправданное и чрезмерное включение оценочных понятий в нормативные акты усложняет толкование и процесс правоприменения и тем самым таит опасность проявления субъективизма.

Выводы. Три года назад профессор Н.М. Добрынин пророчески отметил, что широко представленные в разных исследованиях и срезам итоги анализа реальной картины конституционализма в России неутешительны: актуальное состояние российского правопорядка свидетельствует лишь о фрагментарной имплементации конституционных ценностей и идей. Это означает, что до подлинного конституционализма нам еще далеко [3, с. 49]. Можно говорить и в целом о процессе деградации верховенства права и справедливости, которая подменяется использованием принципа силы и политической целесообразности. Правовая система перестала поспевать за изменениями в

жизни в общества - это крайне опасная тенденция, которая ведет нас к хаосу, анархии и упадку, а в дальнейшем и к крушению государственности.

Список использованных источников:

1. Беляева О.М. Об использовании оценочных понятий в законодательстве и трудностях их толкования в процессе правореализации // История государства и права. 2013. № 13. С. 41-45.

2. Бескоровая Н.С., Ермаков И.В. Налоговый федерализм в аспекте выравнивания социально-экономического развития регионов // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2018. № 3 (66). С. 41-47.

3. Добрынин Н.М. О сущности российского конституционализма // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 40-51.

4. Евстафьев А.И., Дегтярев М.А. Новый ценз пассивного избирательного права: причастность к деятельности террористической или экстремистской организации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 40-45.

5. Колюшин Е.И. Ценности правды в государственном (конституционном) праве России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 8-14.

6. Лютова О.И. Игра в налоговый федерализм завершена? // URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/306993443.pdf?ysclid=ln7qhycj7k804813196>

7. Ряховская Т.И. Рецепция зарубежного опыта в отечественном конституционном праве: история и современность // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 21-25.

8. Сазонникова Е.В. Память о защитниках Отечества и защита исторической правды как конституционные ценности // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 29-32.

9. Третьяк И.А. Тенденции развития местного самоуправления в свете конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 60-63.

10. Умнова-Конюхова И.А. Духовно-нравственная мобилизация конституций как запрос и тенденция конституционного развития современных государств // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 6. С. 24-28.

11. Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробаций) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 9-19.

12. Худолей Д.М., Худолей К.М. Электронное голосование в России и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 476-503.

УДК 343.9

ОГРАНИЧЕНИЕ НА СОВМЕСТНУЮ РАБОТУ РОДСТВЕННИКОВ КАК АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ СТАНДАРТ ПОВЕДЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ

© **В.В. Кострыкина**

Сибирский федеральный университет

Предотвращение и урегулирование конфликта интересов в публичной сфере общественных отношений выступает одним из важных направлений государственной антикоррупционной политики Российской Федерации.

По словам исследователей, видовым проявлением конфликта интересов в публичной сфере общественных отношений выступает существующая возможность родственных связей при осуществлении трудовой деятельности служащих и работников [10, с. 22].

Действующим законодательством установлены ограничения на нахождение на службе в случае близкого родства или свойства со служащим, если замещение должности связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому (например, п. 5 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», п. 5 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»).

Между тем, коррупционные риски, связанные с проявлениями nepотизма [7, с. 55], могут иметь место не только в сфере государственной и муниципальной службы, но и в сфере деятельности различных по своей правовой природе организаций.

Как верно указано в научной литературе, феномен nepотизма «способен не только причинить материальный ущерб организации, но и породить имиджевые потери (репутационный вред), в том числе связанные с оглаской коррупционных фактов или с судебным разбирательством по делам о возмещении ущерба, трудовым спорам, защите деловой репутации, и т.п.» [19, с. 27].

Проведенный анализ действующего законодательства позволил установить, что единый антикоррупционный стандарт поведения, устанавливающий особенности ограничения на совместную работу родственников для работников организаций, в настоящее время на федеральном законодательном уровне не установлен.

Исключением является п. 4 Постановления Правительства РФ от 5 июля 2013 г. № 568 [21], согласно которому «работники, замещающие должности руководителей, главных бухгалтеров и должности, связанные с осуществлением финансово-хозяйственных полномочий, в федеральных государственных учреждениях или в федеральных государственных унитарных предприятиях (федеральных казенных предприятиях), созданных для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами, и граждане, претендующие на замещение таких должностей, не могут осуществлять трудовую деятельность в случае близкого родства или свойства (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с работником соответствующего учреждения или предприятия, замещающим одну из указанных должностей, если осуществление трудовой деятельности связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому».

Таким образом, системное толкование п. 4 Постановления Правительства РФ от 5 июля 2013 г. № 568 позволяет сделать вывод о том, что для ограничения работы родственников в указанных выше организациях необходимо наличие двух условий: 1) замещение работниками-родственниками должностей руководителя, главного бухгалтера или должности, связанной с осуществлением финансово хозяйственных полномочий; 2) непосредственная подчиненность или подконтрольность одного из указанных работников другому [10, с.26].

Примером реализации соблюдения ограничения на совместную работу родственников может послужить антикоррупционная деятельность Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». Согласно п.1 Приказа от 18.04.2017 № 1/333-П «Об установлении запрета на совместную трудовую деятельность с родственниками» работники, замещающие должности генерального директора, первого заместителя генерального директора, заместителя генерального директора, главного бухгалтера Госкорпорации «Росатом», и граждане, претендующие на замещение таких должностей, не могут осуществлять трудовую деятельность в случае близкого родства или свойства (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с работником Госкорпорации «Росатом», если осуществление трудовой деятельности связано с

непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому [22].

Федеральным законом «О противодействии коррупции» [20] установлена общая обязанность организаций разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции (ч. 1 ст. 13.3), вне зависимости от их организационно-правовой формы, отраслевой принадлежности и формы собственности. К числу таковых мер относится: разработка и внедрение в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы организации; принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации; предотвращение и урегулирование конфликта интересов (ч. 2 ст. 13.3). Исходя из смысла действующего законодательства содержание и объем, а также выбор локального акта, закрепляющего антикоррупционные стандарты поведения, осуществляются по усмотрению самой организации, исходя из собственных потребностей, задач и специфики деятельности [9, с.118].

В методических рекомендациях по предупреждению коррупции в организациях, разработанных Министерством труда и социальной защиты РФ [18], организациям предлагается предусмотреть в своих локальных нормативных актах ряд антикоррупционных стандартов поведения, включая стандарт, устанавливающий особенности ограничения на совместную работу родственников в организации на условии их прямой подчиненности друг другу.

Однако вопрос правомерности закрепления антикоррупционных стандартов поведения в локальных нормативных актах организаций в настоящее время является предметом научных дискуссий. По мнению М.В. Преснякова внедрение любой организацией в свою антикоррупционную деятельность ограничения на совместную работу родственников при условии их прямой подчиненности друг другу «несомненно, ограничивает право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, вытекающее из конституционного принципа свободы труда» [36, с. 35-42]. Действительно, трудовой кодекс РФ не допускает установления на локальном уровне условий, ухудшающих положение работника по сравнению с действующим законодательством (ч. 4 ст. 8 Трудового Кодекса РФ). К числу таковых относится снижение уровня трудовых и социальных гарантий для работника, установленных законодательством; возложение на лицо обязанностей, не связанных с выполнением трудовой функции и правилами поведения в организации. Кроме того, ч. 3 ст.55 Конституции РФ, устанавливает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены лишь федеральным законом в случаях строго определенных. Однако следует

согласиться с С.П. Басалаевой в том, что «сам по себе факт возложения на работника дополнительной обязанности не означает ухудшения его положения...ч. 3 ст. 55 Конституции РФ не является препятствием для установления антикоррупционных стандартов поведения на уровне организации для всех работников, которые связаны с выполнением трудовой функции и правилами поведения в организации, ибо само по себе такое регулирование не ограничивает конституционные права человека и гражданина» [1, с. 40].

Несмотря на отсутствие обязанности большинства организаций закреплять в своих локальных нормативных актах такой антикоррупционный стандарт поведения как ограничение на совместную работу родственников, ряд организаций стараются придерживаться принципа непринятия коррупции в любых формах и проявлениях.

С целью выявления состояния исследуемого антикоррупционного стандарта поведения был проведен контент-анализ локальных нормативных актов 25 организаций, осуществленный посредством рандомной выборки юридических лиц. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

Во-первых, *каждая из исследованных организаций закрепляет в своих локальных нормативных актах обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов* (АО «Сибирская угольная энергетическая компания» [28], АНО «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации» [23], АО «Государственный космический научно-производственный центр имени М.В. Хруничева» [33], АО «ДОМ.РФ» [31], АО «Зарубежнефть» [11], АО «КАВКАЗ.РФ» [30], ПАО «РКК Энергия» [16], АО «Почта России» [2], АО Объединенная судостроительная корпорация» [14], АО «РОСНАНО» [24], АО «РОСНЕФТЕГАЗ» [25], АО «Корпорация «Тактическое ракетное вооружение» [34], ОАО «Российские железные дороги» [29], ПАО «Аэрофлот» [35], ПАО «Газпром» [12], ПАО «Интер РАО ЕЭС» [17], ПАО «Роснефть» [26], ПАО «Ростелеком» [5], ООО «Сбербанк факторинг» [27], ПАО «Русгидро» [13], ПАО МАК «Вымпел» [6], АО «РКЦ Прогресс» [3], ПАО «Полюс» [4], АО «Концерн воздушно-космической обороны «Алмаз-Антей» [32], АО «Научно-исследовательский институт полупроводниковых приборов») [15].

Во-вторых, *некоторые организации включают в свои локальные нормативные акты прямое ограничение на совместную работу родственников* (АО «Научно-исследовательский институт полупроводниковых приборов» [15], АО «Государственный космический научно-производственный центр имени М.В. Хруничева» [33], АО «РОСНАНО» [24], ПАО «Газпром» [12]).

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1) все исследуемые организации придерживаются принципа неприятия коррупции во всех ее возможных формах и проявлениях, и руководствуются основными положениями действующего антикоррупционного законодательства при установлении в своих локальных нормативных актах антикоррупционных стандартов поведения, включая в свои локальные нормативные акты обязанность принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов и урегулированию возникшего конфликта интересов;

2) в исследуемых организациях пока не сложился единый подход к закреплению в своих локальных нормативных актах такого антикоррупционного стандарта поведения как ограничение на совместную работу родственников. При этом ряд организаций закрепляют в своих локальных нормативных актах прямое ограничение совместной работы родственников, которое распространяется на определенные локальным нормативным актом категории лиц. В некоторых организациях также имеются исключения при соблюдении данного запрета и приветствуются так называемые «трудовые династии» (ПАО «Газпром»), правовая природа которых действующим федеральным законодательством не регламентируется, а раскрывается лишь на уровне локального правового регулирования самих организаций.

В аспекте предупреждения коррупции организации выступают весьма сложными образованиями, прежде всего ввиду многообразия их организационно-правовых форм и отраслевой принадлежности. Организации выполняют свою деятельность в публичных и (или) частных секторах экономики, выступая одним из основных источников жизнеобеспечения общества. Вместе с тем коррупционные риски и существенность причиняемого вреда от коррупционных проявлений в деятельности организаций, обеспечивающих обороноспособность государства, и организаций, оказывающих услуги торговли, различны. Соответственно, объем и содержание антикоррупционных требований к деятельности организаций должны быть соразмерны потенциальным коррупционным угрозам и возможному ущербу, причиняемому как самой организации, так и интересам общества и государства [8, с. 118].

Представляется, что включение в локальные нормативные акты организаций в качестве дополнительной меры по предотвращению и урегулированию конфликта ограничения на совместную работу родственников в организации на условии их прямой подчиненности друг другу, а также создание организационно-правовых основ для осуществления уполномоченными субъектами по предупреждению коррупции и урегулированию конфликта интересов организаций функций контроля за совместной работой

родственников позволит обеспечить предупреждение коррупционных проявлений в организации.

Список использованных источников:

1. Антикоррупционная безопасность: выявление угроз и стратегия обеспечения : сб. науч. ст. по итогам V Сибирского антикоррупционного форума / отв. ред. И. А. Дамм, Е. А. Акунченко. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. 232 с.

2. Антикоррупционная политика АО «Почта России» // Официальный сайт АО «Почта России». URL: <https://www.pochta.ru/documents/10231/3479957951/Антикоррупционная+политика.pdf/a126fd8a-36f4-4e83-97ca-135d579381c5>

3. Антикоррупционная политика АО РКЦ Прогресс // Официальный сайт АО РКЦ Прогресс. URL: https://www.samspace.ru/upload/iblock/842/Антикоррупционная%20политика%20АО%20РКЦ%20Прогресс_2017.pdf

4. Антикоррупционная политика ПАО «Полюс» // Официальный сайт ПАО «Полюс». URL: https://sustainability.polyus.com/upload/files/sustainability-approach/rus_politika-antikorrupsionnyy-komplaens-2019-_rus_.pdf

5. Антикоррупционная политика ПАО «Ростелеком» // Официальный сайт ПАО «Ростелеком» URL: https://www.company.rt.ru/ir/corporate_governance/docs/anticorruption_policy_Rostelecom_v3.pdf

6. Антикоррупционная политика публичного акционерного общества межгосударственная акционерная корпорация «Вымпел» // Официальный сайт ПАО МАК «Вымпел». URL: <https://macvimpel.ru/upload/iblock/2db/2dbe5e9096f81a41ebc5424e3e6a1604.pdf>

7. Бикмухаметов А.Э., Газимзянов Р.Р. Кабанов П.А., Максимов С.В., Мартынович Т.С., Райков Г.И., Садеев М.М., Чирков Д.К. Коррупция и антикоррупционная политика : словарь / под общ. ред. Р.Р. Газимзянова. Казань, 2008.

8. Дамм И.А., Кострыкина В.В. Типология организаций в аспекте противодействия коррупции в Российской Федерации // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17. № 2. С. 367-384.

9. Дамм И.А. Антикоррупционные стандарты поведения работников образовательных организаций высшего образования // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 8(141). С. 113-129.

10. Дамм И.А. Некоторые вопросы осуществления трудовой деятельности в случае близкого родства или свойства в условиях непосредственной подчиненности или подконтрольности работников публичных организаций // Диалектика противодействия коррупции : Материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. С. 22-27.

11. Кодекс корпоративной этики АО «Зарубежнефть» // Официальный сайт АО «Зарубежнефть». URL: <https://www.zarubezhneft.ru/upload/iblock/a9a/et71w6c43sr27v2arrnzg3uwn4fipx4i.pdf>

12. Кодекс корпоративной этики ПАО «Газпром» // Официальный сайт ПАО «Газпром». URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/60/091228/2014-02-25-codex-of-corporate-ethics-2022-09-20-edit-2023.pdf>

13. Кодекс корпоративной этики ПАО «РусГидро» // Официальный сайт ПАО «РусГидро». URL: <https://storage.yandexcloud.net/storage.rushydro.ru/iblock/c3c/c3ce347287f70bdf826e75850b4af31/Kodeks-korporativnoj-etiki-s-izmeneniyami-ot-27.12.2018.pdf>

14. Кодекс корпоративной этики работников АО «ОСК» // Официальный сайт АО «ОСК». URL: http://www.aosk.ru/about/anti-corruption/prikaz_6.pdf

15. Кодекс этики и служебного поведения работников АО «НИИПП» // Официальный сайт АО «НИИПП» URL: <https://www.niipp.ru/upload/medialibrary/c18/c1882f884654621f9681e08cf4686d07.pdf>

16. Кодекс этики и служебного поведения работников ПАО «РКК «Энергия» // Официальный сайт ПАО «РКК «Энергия». URL: <https://www.energia.ru/ru/corporation/anticorrupt/kodex.pdf>

17. Комплаенс политика ПАО «ИНТЕР ПАО» // Официальный сайт ПАО «ИНТЕР ПАО». URL: <https://www.interra.ru/agm2023/>

18. Методические рекомендации по предупреждению коррупции в организации: утв. Минтрудом России // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

19. Некрасова Т.А. Коррупционная преступность в коммерческих организациях : криминологическая характеристика и предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014.

20. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2012 № 273-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

21. О распространении на отдельные категории граждан ограничений, запретов и обязанностей, установленных Федеральным законом «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами в целях противодействия коррупции»: Постановление Правительства Российской Федерации от 5 июля 2013 г. № 568 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

22. Об установлении запрета на совместную трудовую деятельность с родственниками: приказ от 18.04.2017 № 1/333-П. // Официальный сайт Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». URL:«<https://www.rosatom.ru/about/protivodeystvie-korrupsiis/normativnye-pravovye-i-inye-akty/>».

23. Об утверждении порядка уведомления работодателя о возникшем конфликте интересов или возможности его возникновения // Официальный сайт АНО «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации». URL: [https://ac.gov.ru/uploads/pdf/About_Prot._01/об_утверждении_Порядка_уведомления_работодателя_о_возникшем_конflikте_интересов_или_возможности_его_возникновения_25_11_2021_\(002\).pdf](https://ac.gov.ru/uploads/pdf/About_Prot._01/об_утверждении_Порядка_уведомления_работодателя_о_возникшем_конflikте_интересов_или_возможности_его_возникновения_25_11_2021_(002).pdf)

24. Перечень ограничений, запретов и обязанностей // Официальный сайт АО «РОСНАНО». URL: https://www.rusnano.com/upload/normativedocs/РОСНАНО_Приложение-10_Приказ_N7-11_Редакция_07-04-2021_N23-26.pdf

25. Политика АО «РОСНЕФТЕГАЗ» о противодействии коррупционной деятельности // Официальный сайт АО «РОСНЕФТЕГАЗ» URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/rosneftegaz_22062022_1.pdf

26. Политика компании в области противодействия корпоративному мошенничеству и вовлечению в коррупционную деятельность // Официальный сайт ПАО «Роснефть» URL:https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/Company_Policy_on_Combating_Involvement_in_Corruption_Activities.pdf

27. Политика ООО «Сбербанк факторинг» по противодействию коррупции // Официальный сайт ООО «Сбербанк факторинг». URL: <https://sberfactoring.ru/upload/files/anti-corruption2022.pdf?ysclid=lnujzpcdf790703310>

28. Политика противодействия коррупции АО «СУЭК» // Официальный сайт АО «СУЭК» URL:http://www.suek.ru/upload/files/pdf/policy/AntiCorruption-policy_rus.pdf

29. Положение о выявлении и урегулировании конфликта интересов // Официальный сайт ОАО «РЖД». URL: https://ktrv.ru/upload/iblock/58b/ktrv_antikorrupzia.pdf

30. Положение о конфликте интересов в акционерном обществе «КАВКАЗ.РФ» // Официальный сайт АО «КАВКАЗ.РФ». URL: https://кавказ.рф/upload/protivodeystvie-korrupsii/6.Пр-22-176_Положение%20о%20конфликте%20интересов.pdf

31. Положение о конфликте интересов в АО «ДОМ.РФ» и организация единого института развития в жилищной сфере // Официальный сайт АО «ДОМ.РФ». URL: <https://дом.рф/upload/iblock/715/715377e4f3138b88ecedf4478ce49daf.pdf>

32. Положение о порядке информирования работниками работодателя о возникновении конфликта интересов или о возможности его возникновения в Акционерном обществе «Концерн воздушно-космической обороны «Алмаз-Антей» // Официальный сайт АО «Концерн воздушно-космической обороны «Алмаз-Антей» URL: <http://www.almaz-antey.ru/anti-corruption/>

33. Положение о предотвращении и урегулировании конфликта интересов Акционерное общество «Государственный космический научно-производственный центр имени М.В. Хруничева» // Официальный сайт АО «ГКНПЦ им. М.В. Хруничева». URL: <http://www.khrunichev.ru/download/prikaz259.pdf>

34. Положение об урегулировании конфликта интересов в АО «Корпорация «Тактическое ракетное вооружение»// Официальный сайт АО «Корпорация «Тактическое ракетное вооружение». URL: file:///C:/Users/Пользователь/Downloads/Распоряжение%20ОАО%20_РЖД_%20от%2024%20февраля%202016%20г.%20№%20321р%20_Об%20утверждении%20Положения%20об%20урегулировании%20конфликта%20интересов%20в%20ОАО%20_РЖД_.pdf

35. Положение об урегулировании конфликта интересов в ПАО «Аэрофлот» // Официальный сайт ПАО «Аэрофлот». URL: <https://www.aeroflot.ru/media/afffiles/corruptact/ri-gd-419a.pdf>

36. Пресняков М.В. Близкое родство и свойство как ограничение совместной службы (работы): проблемы нормативного закрепления и практики применения // Административное право и процесс. 2019. № 12. С. 35-42.

УДК 34.07

КОНСТИТУЕНТЫ ИМПЕРИИ В НОРМАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

© Н.И. Красняков

Новосибирский государственный университет

Изучением в историко-правовом контексте практики учета и вариантов консолидации в России имперского периода классических принципов государственного управления: административной, национальной и государственной структуризации и конвергенционной институционализации властно-управленческих отношений во времени и пространстве автор концентрирует основные аспекты имеющихся мнений на проблематику этнополитики и государственного строительства абсолютистских государств, тем самым систематизируя и расширяя предмет-объектные свойства имперской тематики гуманитарных исследований. Вместе с тем применительно к практике легитимации государственной власти в Российской империи, выделяя ее социальные и юридико-формальные источники, отметим сложность изучения закрепления обозначенных принципов ввиду плюрализма их форм в реализации касательно территориально-законодательного устройства России второй половины XVII – начала XX в. Потому представляется, что востребованность системы взаимосвязанных утверждений как смысла науки именно в дискурсе взаимодействия и взаимообусловленности многочисленных разнопорядковых иерархий империи в праве, государстве и социуме, особенно в рамках реализации парадигмального подхода в исследовательской деятельности [5, с. 12-21], становится еще одним элементом социальной и научно-познавательной значимости авторской исследовательской идеи в рамках нынешнего этапа интереса к «империи» в целом [2, с. 8].

Соответственно, полезность определения четких ориентиров относительно значимости имперского национально-регионального управления для современного государства и отражения теоретико-методологических подходов в становлении его перспектив представляется бесспорной, тем более что в условиях преобладающей международной публицистической политической парадигмы в исследовании имперской сущности России часто преобладает эмоциональная форма познания и некритичность в анализе таких сложных явлений, как «наднациональный компонент государства-империи», «имперские центробежно-центростремительные политические отношения», «асимметрия

территориально-законодательного устройства», «взаимная инкорпорация права империи и права народов», т. е. системы дифференцированного управления регионами и поддержания существования разноуровневых жизненных укладов средствами бюрократического механизма государства [8, с. 190-199].

При отсутствии ясных доктринальных основ исследование вопросов, непосредственно связанных с определением и реализацией политики государственного управления населением в регионах, в том числе закономерностей формирования институтов управления отдельными территориями, соотношения имперских законов и партикулярных систем местного права, учета специфики местного самоуправления и особенностей социокультурного и этноконфессионального состава населения окраин, а также вытекающих отсюда особенностей публичной власти, создает серьезные основания отразить империю как отдельную форму государства и отдельный тип цивилизации-государства. В ситуации применения относительно России системно-структурного метода возможно выдвижение гипотезы о том, что империя выступает формой государства, поскольку имперский фактор отражался по существу в форме государственного устройства, форме правления и форме политического режима. В частности, относительно разных территорий верховная власть монарха выражалась в неоднородном характере взаимодействия региональных администраций с высшими органами и допущении разнообразных форм автономизации, при этом пределы власти монарха различались по регионам. С точки зрения политического режима империя представляется системой, сочетающей общий социальный строй со сложившейся особенной сословной стратификацией в различных присоединенных в разное время периферийных территориальных образованиях, а также фиксирующей октроированные конституции-установления для некоторых регионов единой России. Можно и далее продолжать речь в этом контексте, однако теоретико-правовая характеристика «империи» не выступает основным предметом работы. В силу обозначенной институционально-государственной специфики и традиций автономизма именно состояние органов администрации в центре и на местах служило организационной предпосылкой, условием и гарантом проведения правительственной политики в жизнь.

Как известно, развитие России со второй половины XVII в. проходило в рамках утверждения имперского формата государственной власти и политико-правового пространства, которые детерминировали характер его политики в отношении присоединяемых населения-территорий. Пределы государства расширялись за счет территорий, население которых пребывало на различных

уровнях общественного, политико-правового, экономического и культурного развития. Так, Сибирь была заселена находившимися на стадии разложения родоплеменных отношений народами; Украина и Прибалтика мало чем отличались от России; Польша и Финляндия представляли собой достаточно развитые государства; на Кавказе и в Средней Азии господствовали феодальные отношения с пережитками родового строя. Заметим, что касательно новых территорий, в отличие от колониальной политики западноевропейских государств, присоединение не было делом экономического расчета. Как подчеркивает Н. М. Коркунов, Россия «постепенно овладела своими окраинами и на западе, и на востоке в силу чисто политических побуждений, как необходимым условием обеспечения своего могущества и независимости» [7, с. 180-181]. Включение в состав империи территорий с иноязычным населением, по убеждению В. С. Дякина, «каждый раз ставило перед властью проблему его интеграции в общую правовую и административную систему» [4, с. 15], т. е. приводило к трудностям преемственности в управлении относительно степени учета их местных особенностей.

Для определения потенциала институционализации общегосударственных институтов в регионах и деинституционализации местных публично-правовых структур идентифицируем применяемую в имперскую эпоху классификацию сложносоставных государств и, соответственно, место новых территорий в них. Сошлемся на результаты сравнительно-правового анализа классика государствоведения А.С. Алексеева относительно трех групп государств как на аксиому: «Во-1-х. Государства, в которых присоединенные области или слившиеся в одно целое государства сохраняют относительную самостоятельность, причем эта самостоятельность равномерна для всех составных частей (федеративные государства. Напр., Германская империя, Северо-Американские штаты, Швейцарский союз). Во-2-х. Государства, в которых составные части пользуются самостоятельностью, но не на равных правах, а так, что метрополия занимает господствующее положение (напр., Британская империя). В-3-х. Государства, в которых присоединенные части сливаются с подчинившим их государством и утратили свою самостоятельность (Россия)» [1, с. 194] сохранена орфография А. С. Алексеева. — *Н. К.*). Автор учебника «Русское государственное право» также отмечал, что форма объединения мелких политических тел в более обширные государства зависит, «во-первых, от характера политического быта того государства, которое является инициатором объединения более мелких политических тел, во-вторых, от степени политической зрелости этих тел в момент их слития в большое государство» [1, с. 194]. Следовательно, в определении предмета регионального управления

существенное место приобретает политико-правовой опыт присоединяемых территорий как перспективный инструментальный сохранения ее стабильности. И в формировании четкого представления возможного регионально-институционального моделирования-измерения Российской империи с обозначенных позиций будем придерживаться убеждения, что Россия постепенно инкорпорировала новые территории. Собственно, выражать политико-юридическую природу регионального управления будут, с одной стороны, большая или меньшая степень проявления имперских свойств в окраинах, с другой — учет их социокультурной, публично-правовой и геополитической специфики, которые в комплексе и служат воздействующим средством внедрения и распространения «имперских символов», свойств в присоединяемых территориях.

Соответственно, есть необходимость отразить «природу» имперской цивилизации-государства, хотя попытки обозначить ее в историко-правовой науке до сих пор не нашли широкого отклика, так же как и в кругу специалистов смежных гуманитарных отраслей знания [3, с. 26]. Подчеркнув имеющийся дуализм типизации империи категорией «цивилизация-государство» или «государство-цивилизация» с позиций сочетания цивилизационного и формационного подходов к государственности, поясним такую необходимость противоречивостью оценочных суждений ученых относительно имперской государственной власти и некоторой десубординацией государственных и право-культурных институтов в империях. Проблема соотношения формы и типа государства рассматривается в рамках формационной систематизации, и анализировать ее в рамках цивилизационных взглядов на государственность в общем-то неправомерно.

Как видим, империя представляется нам отдельным типом (как производное – формой) государства со специфическими свойствами: 1) формы правления, соединяющей в себе наследственность власти не только как монарха единого государства, но еще и как царя-князя самобытных частей империи, что влечет необходимость создания дополнительных уровней высших государственных органов и новых механизмов легитимации государственной власти; 2) государственного устройства, которое в империи сопряжено с асимметричным распределением публичной власти в едином государстве, определенным сохранением элементов местного публичного права в регионах и с различной степенью автономизма применительно к некоторым территориям, прежде всего к уже имевшим опыт государственно-политического развития в рамках других политических сообществ, и к иным частям империи — данный элемент определяющий, он детерминирует форму государства; 3)

политического режима, допускающего неравные права подданных в публичном и частном праве различных этносов, при этом одновременно народное представительство и конституционные средства в государственном управлении отдельными регионами.

Итак, при обнаруженной специфике элементов имперская политико-правовая модель организации «власти — населения — территории» сложно поддается оценке с позиций формы государства, а потому возрастает значимость оценочного момента в данной проблематике. Следует признать, что такой субъективный подход всегда будет связан с ценностями в определенный исторический период развития государства и права, от этого будет зависеть наше отражение сущности, закономерностей и тенденций развития, идеологии и направлений реализации регионального управления, о чем также указывают в рецензиях на работы автора исследователи-юристы [6, 9]. Только учитывая предшествующее цивилизационное развитие частей сложносоставных государств, характеризующееся сочетанием идеологической составляющей государственности в многоукладном социуме, и размытое соотношение «права — обычая — религии», удастся четко обозначить влияние имперского фактора на взаимосвязь теории и практики центрального, регионального и местного управления и самоуправления. Соответственно, в ситуации присутствия одновременно признаков нескольких форм правления, государственного устройства и политического режима есть смысл в более высоком уровне типизации государственно-правового материала и в выделении империи как типа государства, включающего признаки различных общественно-экономических формаций или как типа цивилизации-государства. Предпринятый автором анализ в совокупности категорий империя, бюрократия, нация и регион в их преломлении к системе государственного управления России периода второй половины XVII — начала XX в., идентифицирующие тему научной работы, позволит с еще большим интересом изучать нынешнюю реальность формирования перспектив нового геополитического разлома мира и проблемы национально-государственного строительства, а также регионального подхода в управлении внутригосударственными делами и его использования в решении межгосударственных вопросов.

Список использованных источников:

1. Алексеев А.С. Русское государственное право. М., 1892. 473 с.
2. Баринаева Е.П., Кабытова Н.Н. Феномен формирования имперской идентичности: современная историография проблемы // История. 2019. № 8 (82). С. 8.
3. Гордин Я.А. Декабристы и Кавказ. Имперская идеология либералов / Империя и либералы (Материалы междунар. конф.): сборник эссе. СПб., 2001. С. 16-26.
4. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX века). СПб.: ЛИСС, 1998. 100 с.
5. Кодан С.В. Источниковедческая парадигма в современной юриспруденции: от изучения источников и форм права к научной дисциплине. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 12-21.
6. Коновалов В.С. 2013.01.005. Красняков Н.И. Имперский фактор в государственном управлении России XVIII – начала XX в. Монография. – М.: NOTA BENE, 2011. – 374 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2013. № 1. С. 34-39.
7. Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1897. Т. 2. Особенная часть. 417 с.
8. Красняков Н.И. Бюрократические свойства империи как фактор ее позитивации / Инновационное развитие юридической науки как фактор укрепления российской государственности: материалы конф. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2012. С. 190-199.
9. Лаптева Л.Е. Рецензия на книгу: Красняков Н.И. Западные национальные регионы в системе государственного управления Российской империи в XVIII - начале XX вв. закрепление автономистской традиции в российской государственности. Екатеринбург, 2009. 208 с. // Государство и право. 2010. С. 124-126.

УДК 343.98

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ДЕЛАМ О МЕЛКОМ ХИЩЕНИИ,
СОВЕРШЕННОМ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ
НАКАЗАНИЮ, НА ЭТАПЕ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИИ**

© В.Д. Кругликов

Барнаульского юридического института МВД России

Условием эффективности криминалистической деятельности субъекта расследования способствует использование положений криминалистической этапности досудебного производства, которая позволяет «оперативно разобраться в массиве следственных действий, определяя грамотную последовательность их проведения в определенной криминалистической (следственной) ситуации, складывающейся при производстве уголовного дела» [7, с. 57].

В криминалистической литературе общепринято разделять процесс расследования на первоначальный, последующий и заключительный этапы. Вместе с тем, наряду с представленными тремя этапами расследования ученые криминалисты выделяют еще один, так называемый этап проверки сообщений о преступлении [1] (подготовительный [5], возбуждения уголовного дела [4], доследственный [6]). Причем, нельзя не сказать, что нередко эта часть криминалистической деятельности включается в первоначальный этап расследования преступлений, несмотря на то, что расследование начинается с возбуждения уголовного дела. Именно этап проверки сообщения о преступлении как специфическая часть деятельности следователя (дознавателя) является наименее изученным и наиболее сложным в организационном плане, в том числе и по делам рассматриваемой категории, поскольку на нем происходит сбор и оценка информации, указывающей на наличие признаков административно-преюдициального преступления (или их отсутствие), проверяются следственные версии и т.д..

В имеющихся исследованиях в общем виде изложен перечень действий на данном этапе, которые должен выполнить дознаватель, получивший сообщение о совершении мелкого хищения задержанным лицом, а именно: «В материалах проверки обязательно должны быть: копия постановления по делу об административном правонарушении по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ; копия определения суда; документ, подтверждающий исполнение решения об административном наказании (например, копия квитанции оплаченного

штрафа); объяснения заявителя; объяснения лица, совершившего мелкое хищение по ч. 1, 2 ст. 7.27 КоАП РФ (в объяснении в обязательном порядке должны содержаться сведения: об обстоятельствах повторного совершения мелкого хищения; об обстоятельствах совершения мелкого хищения по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, решение по которому вступило в силу и не истек один год со дня окончания исполнения постановления, при этом следует подробно выяснить, знал ли он о принятом в отношении него решении об административном наказании, присутствовал ли он на суде при рассмотрении в отношении него административного дела в суде и т.д.); справка о стоимости.» [3, с. 66]

Как видим, данный перечень включает в себя как действия (мероприятия), направленные на выяснение обстоятельств на месте происшествия, так и иные действия, проводимые до возбуждения уголовного дела по ст. 158.1 УК РФ.

Вместе с тем, считаем, что данный перечень действий не является исчерпывающим и будет дополнен в зависимости от сложившейся на данном этапе ситуации. Как отмечает А.С. Князьков и другие ученые, «рассуждения об этапности как методе организации работы по делу должны осуществляться прежде всего в контексте положений следственной ситуации, анализ которой через выдвижение следственных версий и постановку тактической задачи определяет своеобразие криминалистической деятельности следователя в той или иной части работы по делу.» [2, с. 35]

Типичной следственной ситуацией, возникающей на этапе проверки сообщения о мелком хищении, совершенном лицом, подвергнутым административному наказанию, является ситуация, когда лицо задержано при попытке покинуть место происшествия либо в момент, когда оно покинуло его, но сразу же было задержано. В данной ситуации предлагается следующий алгоритм действий:

1. задержание лица, проведение его личного досмотра;
2. установление личности задержанного;
3. направление запроса в Информационный центр Управления внутренних дел (по соответствующему субъекту Российской Федерации) для получения сведений о фактах привлечения задержанного к уголовной ответственности, а также административной ответственности, в том числе по ст. 7.27 КоАП РФ;
4. истребование информации о потерпевшем (физическом либо юридическом лице). Если потерпевшим является юридическое лицо, необходимо запросить: учредительные документы; доверенность на лицо, которое будет представлять интересы хозяйствующего субъекта;
5. получение от названного лица заявления о совершенном хищении с приложением CD-R диска с видеозаписью соответствующего эпизода

незаконного изъятия предметов, если в магазине или ином месте хранения материальных ценностей установлены камеры видеонаблюдения;

6. получение справки о причиненном хищением ущербе и акта инвентаризации, где будет указана стоимость похищенного имущества, счета-фактуры и товарной накладной на похищенный товар, при этом в справке об ущербе должна быть указана закупочная цена соответствующего товара;

7. получение объяснения от заявителя и очевидцев (работников торгового предприятия, сотрудников правоохранительных органов, прибывших на место происшествия, лиц, которые находились рядом с задержанным в момент хищения и т.д.), задержанного лица;

8. при необходимости проведение следственных и иных процессуальных действий, например, осмотра места происшествия, назначение экспертиз, освидетельствование.

Может иметь место и другая следственная ситуация, когда лицо, совершившее хищение, скрылось, но его действия зафиксированы камерами видеонаблюдения. В данном случае основные действия будут направлены на установление лица, заподозренного в совершении преступления (путем просмотра записи очевидцами либо прибывшими на место сотрудниками полиции, которые персонифицируют скрывшееся с места происшествия лицо, ранее подвергнутое административному наказанию по ст. 7.27 КоАП РФ). Кроме того, рекомендуется выполнить следующие действия (мероприятия): проверить возможные места нахождения скрывшегося лица; дать поручения участковым уполномоченным полиции по установлению такого лица; направить ориентировки в другие отделы полиции.

Таким образом, этап проверки сообщений о мелком хищении, совершенном лицом, подвергнутым административному наказанию, представляет собой элемент поисково-познавательной деятельности, целью которой является исследование обстоятельств, указывающих на совершение преступления. Этот этап характеризуется специфическими субъектами, целями и задачами, определяемыми следственными ситуациями, и комплексом действий, характерным для этой части криминалистической деятельности.

Список использованных источников:

1. Иванов Д.А., Московцева К.А. Ведомственный контроль за деятельностью следователя на этапе проверки сообщения о преступлении: российский и зарубежный опыт // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 1. С. 9-12.

2. Князьков А.С., Ондар Д.С. Проблемы этапности криминалистической деятельности в контексте ситуационного подхода // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 34-52.

3. Макеева Н.В. Проблемные вопросы расследования преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию» // Право: история и современность. 2018. № 2. С. 64-68.

4. Медведева Е.В. К вопросу о действиях следователя на этапе возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении // Наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза, 2022. С. 86-88.

5. Романова О.Л., Макарова Е.Н. Алгоритм действий следователя на подготовительном этапе расследования преступлений // Криминалистика - наука без границ: традиции и новации: материалы всероссийской научно-практической конференции / сост.: А.Р. Акиев, Т.А. Бадзгарадзе. Санкт-Петербург, 2023. С. 210-214.

6. Селюжицкая Г.М. Особенности этапа доследственной проверки сообщений о мошенничествах, совершенных в отношении лиц пожилого возраста // Евразийский юридический журнал. 2022. № 12 (175). С. 330-332.

7. Янгаева М.О. Криминалистическая этапность досудебного производства по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и административными правонарушениями: мат-лы семнадцатой международной научно-практической конференции. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. С. 56-57.

УДК 34.01

ЗНАЧЕНИЕ «МЯГКИХ НАВЫКОВ» В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК

© М.И. Кулешов

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева

Профессионализм в профессии – довольно комплексное понятие. В первую очередь оно включает в себя фактические и предметные, иными словами теоретические, знания в той сфере, в которой вы позиционируете себя в

качестве специалиста, или, так называемые «жесткие навыки», т.е. «hard skills». Однако, в ходе развития общества, процессов глобализации, появления конкуренции не только в сфере потребления товаров и оказания услуг, но также и в сфере профессиональных кадров, немаловажным значением стали обладать и «мягкие навыки», то есть компетенции, не связанные напрямую со знаниями в профессиональной среде, но тем не менее являющиеся зачастую ключевыми при осуществлении практической деятельности. Именно практические умения и навыки формируют из будущего юриста не просто правового эрудита и специалиста буквы закона, но специалиста, к которому будут обращаться.

По общему правилу к «мягким навыкам» принято относить такие личные качества, которые помогают специалисту решить проблему многоаспектно, многогранно. В основном, это такие общечеловеческие качества и навыки как: эмпатия, сочувствие, умение выслушать и незамедлительно вникнуть в проблему, скорость принятия решения, гибкость в поиске вариантов ее разрешения, стрессоустойчивость, умение работать концентрированно и эффективно и др.

Впервые термин «soft skills» возник в армии США в конце 1960-х годов. Как утверждают Н. В. Уварина, Н. Ю. Корнеева, Ю. В. Микрюков этот термин «относился к любому навыку, который не применялся при использовании машин. Военные поняли, что многие важные виды деятельности попадают в эту категорию. Существуют социальные навыки, необходимые для руководства подразделением, мотивацией солдат к ведению успешных боевых действий (харизма лидера)» [1, с. 4].

В современных реалиях первоначальный перечень таких профессиональных компетенций уже не совсем актуален, и, как следствие, пополняется и дополняется новыми категориями. На взгляд автора к «мягким навыкам» можно отнести и договороспособность. Ранее автором было предложено следующее определение данного понятия: «Под договороспособностью...следует понимать не только способность и умение заключить договор с клиентом, но и прийти к соглашению о его содержании, найти компромиссное решение, сформулировать существенные для всех сторон условия, выстроить диалог о ходе его реализации. И все это в сфере права и с соблюдением норм действующего законодательства» [2, с. 4].

Одним из лучших способов развития профессиональных практических компетенций у студентов в ходе образовательной деятельности необходимо назвать практическую деятельность в юридических клиниках при высших учебных заведениях, осуществляющих подготовку будущих юристов.

Согласно статье 22 Федерального закона Российской Федерации от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее – 324-ФЗ) [3, с. 4] юридические клиники являются полноценными участниками в системе оказания бесплатной юридической помощи населению. Если же сравнивать участников данной системы, то можно прийти к выводу, что юридические клиники обладают рядом преимуществ с точки зрения осуществления мер по формированию профессиональных компетенций обучающихся.

В частности, 324-ФЗ не ограничивает круг лиц, которые могут обратиться за юридической помощью в юридическую клинику. А список вопросов, по которым граждане, социальные некоммерческие организации и иные заявители могут получить поддержку, регламентирован внутренними документами клиники. Подобная «широта полномочий» позволяет подойти к вопросу формирования навыков и личностных качеств с разных сторон.

В ходе общения с заявителем в целях эффективного и качественного решения входящего запроса студент-клиницист пользуется теми навыками профессионального общения, которые у него имеются и постепенно развиваются. Несмотря на наличие регламентов по общению с клиентами юридической клиники, зачастую именно от студента зависит положительный исход дела: от того, как он сможет выстроить диалог с лицом, обратившимся за юридической помощью, от умения оперативно разобраться и предложить качественное решение, а в случае невозможности помочь – доходчиво и понятно объяснить причины, тем самым, не допустив возникновения недовольств и конфликта.

Осуществляя практическую деятельность на базе юридической клиники, студент познает основы общения с клиентами, при чем разными как по характеру заявлений, так и характеру самих клиентов, учится правилам и стандартам оформления юридических документов, осваивает приемы и методы психологии и медиации, привыкает к работе в соответствии с внутренними временными регламентами, формирует навыки по управлению своими временными ресурсами, тренирует навыки профессиональной речи и культуры юриста, знакомится с правилами этики профессиональной деятельности, развивает свою договороспособность. Все эти компетенции формируются исключительно в условиях наличия реальной фабулы от реального заявителя, в отличие от абстрактной семинарской задачи по различным отраслям права.

Нередко, знания, полученные студентами именно в ходе практической деятельности, позволяют им успешно проходить контроль знаний по теоретическим материалам по отраслевым предметам. Именно практическая

составляющая, в отличие от абстрактного правоприменения, позволяет студентам не просто выучить учебный материал, но и понять его, а также научиться применять его в дальнейшей профессиональной деятельности.

В заключение стоит отметить, что практическая деятельность на базе юридических клиник является многосторонним способом формирования не только навыков, но и личности студентов, поскольку включает в себя теоретическую, практическую, методическую, а также профессионально-ориентационную подготовку обучающихся с учетом элементов, необходимых для формирования профессиональных и общекультурных компетенций будущего специалиста в сфере права.

Список использованных источников:

1. Уварина Н.В., Корнеева Н.Ю., Микрюков Ю.В. Soft skills: актуальность, история, перспективы развития // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 4 (44).

2. Кулешов М.И. Практика в юридической клинике как элемент формирования правовой культуры личности // Правовая культура в современном обществе: сборник научных статей / Могилев: Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2023.

3. Федеральный закон Российской Федерации от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. № 263.

УДК 340.114.5

ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВО НА ВЫРАЖЕНИЕ МНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© **Т.Е. Ланг**

Санкт-Петербургский университет МВД России

Современная Россия сталкивается с динамичными изменениями в социокультурной и политической среде, что оказывает значительное воздействие на формирование правосознания граждан. Право на свободное выражение мнения представляет собой один из фундаментальных элементов гражданских и политических свобод, признанных в современных

конституционных системах. В контексте Российской Федерации данное право олицетворяет ключевой аспект гражданских прав и свобод, подчеркивая роль граждан в демократическом обществе. В настоящей научной статье анализируется соотношение деформации правосознания и права на свободное выражение мнения в современной России, а также связанные с этим вызовы и возможности.

Деформация правосознания, предопределяет правовое поведение субъекта. К его видам Г.Р. Ишкильдина относит правовой инфантилизм, правовой нигилизм, правовой идеализм, правовой фетишизм и правовой эгоцентризм, негативно влияющие на правовое поведение субъекта [1, с. 24]. По мнению Д.А. Лагун, деформация правосознания – это стойкое негативное (неблагоприятное) изменение правосознания индивида, социальной группы, связанное с нарушением адекватного восприятия правовой сферы, приданием праву неправовых свойств. Деформация влечет формирование у субъекта ошибочной системы восприятия и оценки качеств права, придание ему вымышленных (как отрицательных, так и «как бы» положительных) характеристик, нарушение познания сущности права [2, с. 29]. Н.А. Бардашевич, рассуждая о деформации правосознания, говорит о теоретических представлениях правосознания в состоянии «нормы», «нормальном» правосознании. Это означает, что сама деформация выглядит как отклонение от некой нормы, которая хотя и трудноопределима, все же предполагает некоего носителя или точнее носителей, благодаря которым перестает восприниматься абстрактно [3, с. 22]. Таким образом, деформация правосознания (или дезинформация) – это распространение ложной информации, которая искажает представление людей о правовых нормах, законах или системе правосудия. Данный феномен, обычно связан с целью ввести в заблуждение общество относительно правовой реальности, что может повлечь за собой негативные последствия, такие как неправильное восприятие законов и норм правопорядка. Деформация правосознания также может иметь правовые последствия, особенно если она приводит к нарушению законов или прав человека. Однако эти последствия могут зависеть от конкретных обстоятельств и юрисдикции.

Необходимо также отличать деформацию правосознания от субъективного восприятия права. Право, как понятие, включает в себя как объективные, так и субъективные аспекты. Присутствие субъективных элементов в праве не означает автоматически недостаток правосознания у человека, который его понимает. В том случае, если субъективный аспект права становится излишне усиленным в сознании человека и приобретает постоянный, неизменяемый характер, можно говорить о том, что правосознание подверглось

отрицательным изменениям. Ярким примером в данном контексте, становится информационная среда, которая представляет собой многообразие сведений, где наряду с профессиональными и независимыми источниками информации существуют фейковые новости и манипуляции. Восприятие непроверенной и необъективной реальности, может привести к деформации правосознания граждан, так как формируется искаженное представление о событиях и явлениях, а также подрыв авторитета законодательства Российской Федерации. По данным Mediascope, в апреле 2022 года, Интернетом в России пользовалось 80% населения в возрасте старше 12 лет или 97,5 млн человек [4]. Что свидетельствует о актуальности проблемы возможного распространения недостоверных сведений в условиях современной реальности, которая оказывает наиболее влияние на формирование мнения и как следствие накопительного эффекта – деформацию правосознания. Гражданам необходимо принимать во внимание источники, принадлежащие разным средствам массовой информации и критически оценивать поступающую сведения, для защиты себя, государства и формирования объективной картины мира.

Интерес российского законодательства Российской Федерации в последнее время направлен на защиту человека, общества и государства от *диффамации*, необоснованного распространения утверждений или сообщений, которые наносят ущерб репутации человека или организации [5, с. 16]. Диффамация связана с ущемлением чести и достоинства личности, может включать в себя ложные утверждения, клевету, оскорбление или навязывание негативного образа личности. Она может привести к правовым последствиям, таким как судебные иски, если можно доказать, что распространенные утверждения являются ложными и причинили ущерб репутации. Отличие между двумя созвучными понятиями заключается в том, что диффамация фокусируется на ущербе репутации личности, в то время как деформация правосознания связана с искажением информации о правовых нормах и системе правосудия. Оба понятия могут иметь юридические последствия, но характер этих последствий различается в зависимости от конкретной ситуации и законодательства.

Определить баланс между диффамацией и правом на выражение мнения позволит правосознание индивида и законодательное регулирование правоотношений. Также, государственным органам стоит придавать высшее значение активному взаимодействию с населением, поскольку это представляет собой одну из главных функций органов власти. В данном контексте, право на *свободное выражение мнения* должно рассматриваться как конституционное право, которое государство обязано не только признавать, но и укреплять. Откровенное подавление этого права недопустимо и противоречит духу и букве

многих международных и национальных правовых документов. Важно подчеркнуть, что право на свободное выражение мнения не должно стать объектом репрессий или преследований со стороны государства. Вместо этого, оно должно служить средством стимулирования публичного обсуждения, плюрализма взглядов и разнообразия мнений в обществе. Такой подход способствует развитию демократических институтов и обеспечивает более широкое участие граждан в формировании государственной политики [6, с. 589]. Принятие права на выражение мнения как фундаментального и неприкосновенного элемента конституционного строя способствует укреплению правовой культуры и доверия граждан к органам власти, что, в свою очередь, способствует устойчивому развитию государства и общества в целом.

Право на выражение мнения и свободу слова следует защищать по нескольким важным причинам, подкрепленным как научными данными, так и практическими примерами: Основопологающее право человека: Право на свободное выражение мнения является одним из фундаментальных прав человека, признанных многими международными и национальными документами. Например, Всеобщая декларация прав человека ООН признает это право в статье 19. Это свидетельствует о том, что свобода слова считается ключевым элементом гарантирования человеческих свобод. Поддержание демократии: Свобода слова необходима для функционирования демократического общества. Она позволяет гражданам выражать свои взгляды, участвовать в публичных дебатах и контролировать действия правительства. Благодаря этому общество может принимать более информированные и обоснованные политические решения. Продвижение инноваций и прогресса: Свобода слова способствует распространению новых идей и инноваций, в том числе развивает правовую сферу. Она позволяет исследователям, журналистам и общественным деятелям делиться своими открытиями и знаниями, что способствует научному и технологическому прогрессу. Ограничение коррупции и злоупотреблений властью: Свобода слова может служить инструментом для выявления и обнародования коррупции и злоупотреблений властью. Журналисты и общественные активисты могут использовать это право для расследования и раскрытия коррупционных схем. Преодоление недопонимания и конфликтов: Открытый диалог и свобода слова могут помочь разрешать конфликты, предотвращать недопонимание и насилие. В разных частях мира были случаи, когда медиаторы и общественные деятели смогли содействовать миру и согласию, используя свободу слова. Вышесказанное подкрепляется известными мировыми примерами: в США свобода слова была ключевым фактором в борьбе за гражданские права, включая движение за равные права

для афроамериканцев [7]. Также, в странах с ограниченной свободой слова, как Северная Корея или Беларусь, граждане сталкиваются с нарушением своих прав и ограничениями на свободное выражение мнения. Итак, защита права на выражение мнения и свободы слова не только соответствует принципам прав человека, но и способствует укреплению демократии, инновациям, и контролю над властью, что, в свою очередь, способствует развитию общества.

Не оставляет сомнений тот факт, что любая свобода не может быть абсолютной. Ограничение права на выражение мнения является сложным и контroversным вопросом, и его необходимость обсуждается в контексте баланса между свободой слова и общественной безопасностью. Важность ограничений на это право можно объяснить следующими аргументами: *Предотвращение ненависти и дискриминации*: такие выражения мнения могут подстрекать к нарушению прав и безопасности других граждан, создавая угрозу общественной гармонии. *Защита личной чести и репутации*: ограничения на выражение мнения могут использоваться для защиты личной чести и репутации людей от ложных обвинений и клеветы. Это важно для обеспечения справедливости и защиты частных интересов граждан. *Борьба с дезинформацией и фейками*: в условиях современных информационных технологий существует потребность в борьбе с дезинформацией и фейками, которые могут быстро распространяться и создавать панику или приводить к негативным последствиям для общества. Ограничения на неконтролируемое распространение такой информации могут быть оправданными. *Национальная безопасность*: в некоторых случаях, правительства могут ограничивать выражение мнения в интересах национальной безопасности, чтобы предотвратить разглашение государственных секретов или подрыв стабильности страны [8].

Примеры ограничений права на выражение мнения, в современной России, включают в себя: *Запрет на апологию нацизма и расизма*: высказывания, которые призывают к ненависти и дискриминации на основе расы, религии или национальности. *Законы о клевете и диффамации*: позволяющие гражданам защищать свою честь и репутацию в суде, если их честь была подорвана ложными обвинениями. *Запрет на призывы к насилию и терроризму*: ввод ограничения на выражения мнения, призывающие к насилию, терроризму или другим формам преступлений. Однако, важно отметить, что ограничения права на выражение мнения должны быть ограничены только в необходимых случаях, и их применение должно быть сбалансированным и прозрачным, чтобы избежать злоупотреблений и поддержать принципы свободы слова и демократии.

Право на свободное выражение мнения эволюционировало, с развитием информационных технологий и социальных сетей, это право получило новые сферы применения, создав возможности для граждан активно участвовать в общественном диалоге. Однако, вместе с этим, возникают новые вызовы в сфере борьбы с дезинформацией, деформацией правосознания, влиянием социальных медиа на общественное мнение и защитой личных данных. Право на свободное выражение мнения остается ключевым элементом демократической системы в России. Его закрепление в Конституции подчеркивает важность гражданской активности и обеспечивает свободный обмен идеями и информацией. Однако, с развитием технологий и изменением социальных реалий, вопросы, связанные с этим правом, продолжают вызывать обсуждение и требуют совершенствования правового регулирования. Деформация правосознания и ограничения на право на выражение мнения представляют собой серьезные вопросы для современной России. Решение этих проблем требует комплексных мер, включая пересмотр законодательства, развитие медиаграмотности, и активное участие граждан и общественных организаций в защите и продвижении этого важного права. Сбалансированное и непрерывное обеспечение права на свободное выражение мнения содействует развитию открытого и демократичного общества в современной России.

Список использованных источников:

1. Ишкильдина Г.Р. Злоупотребление правом как деформация правосознания // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3 (41). С. 23-28.
2. Лагун Д. А. Кризис и деформация правосознания // Право и демократия : сборник научных трудов. Минск: Белорусский государственный университет, 2015. С. 22-37.
3. Бардашевич Н.А., Китаев Д.В. Деформация правосознания как проблема развития государства и права // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IV Международной научной конференции / под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 8. Донецк: Донецкий национальный университет, 2019. С. 22-23.
4. Ачкавская К. Медиапотребление 2022 // URL: <https://mediascope.net> (.).
5. Павленко Е.М. Влияние деформаций правового сознания на формирование правовой культуры и культуры прав человека // Российское государственное ведение. 2016. № 2. С. 15-27.

6. Нагаев Ш.М. Проблемы и пути повышения правового сознания в современной России // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы : материалы V межвузовской студенческой научной конференции. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2021. С. 588-594.

7. Быков А.Ю. Свобода слова в контексте идеологии: исследование американского опыта // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. № 4.

8. Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19.12.2012 № 1666 // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

УДК 341.3

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ И ПРИНЯТИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОТОКОЛА IV К ЖЕНЕВСКИМ КОНВЕНЦИЯМ О ЗАЩИТЕ ЖЕРТВ ВОЙНЫ 1949 Г. В СФЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

© **В.В. Лисаускайте**

Восточно-Сибирский институт экономики и права

Нормы международного гуманитарного права длительное время выражались в формате международного обычая. Они были далеки по содержанию от современных правил ведения войны, однако, в любом случае, устанавливали их и ограничивали стороны конфликта в их действиях. Процесс гуманизации общества и одновременно научно-технический прогресс способствовали осознанию государствами необходимости установить новые правила по ограничению и запрещению определенных действий в состоянии войны уже в формате международного многостороннего договора.

Особое значение в вопросе формирования рассматриваемой международно-правовой платформы имеют многочисленные Гаагские конвенции мирных конференций 1899 и 1907 гг. Обобщенно можно сказать, что в этих соглашениях были установлены уже сложившиеся и новые законы войны относительно средств и методов ведения боевых действий, а также защиты отдельных категорий лиц, либо участвующих, либо ставшие их жертвами. Однако эксперты отмечают, что главным недостатком этих документов было закрепление конвенционного порядка действия обязательств. То есть, они

распространялись только на государства – участников [6, с. 22-27]. Если в вооруженном конфликте таким участником являлась лишь одна сторона, то она не обязана выполнять свои обязательства по отношению к противнику. Данное правило стало одной из причин необходимости разработать и принять новые международные соглашения по установлению общеобязательных законов и обычаев войны.

Результатом двух Мировых войн и их масштабных последствий стало изменение миропорядка в целом и создание императивных, единых для всех международных правил вооруженных конфликтов. 4 Женевские конвенции закрепили не только правовой статус и защиту конкретных категорий лиц, но и сформировали систему правил, устанавливающих запреты и ограничения относительно методов ведения войны, а также специальные принципы применительно к выбору средств ведения военных действий. На тот период времени, принятые нормы действительно являлись прорывом, как в международном праве в целом, так и в вопросе регулирования вооруженных конфликтов. Однако с течением времени, с дальнейшим развитием общества, и эти соглашения потребовали своей корректировки.

Рост вооруженных конфликтов немеждународного характера параллельно развитию процесса деколонизации, требовал своей международно-правовой регламентации. Результатом нормотворческой деятельности стало появление двух Дополнительных Протоколов к указанным Конвенциям в 1977 г. Их особенность заключается, в первую очередь, в том, что они распространяются на все четыре Женевских конвенции в зависимости от типа вооруженного конфликта. Протоколы закрепляют конкретизацию отдельных, уже действовавших правил и устанавливают новые с учетом особенностей самого конфликта [5, с. 86].

В 2005 г. был подписан III Дополнительный Протокол [2], который посвящен регулированию вопросов более детального международно-правового регулирования использования эмблемы Женевских конвенций и иных международных организаций в любом вооруженном конфликте. Необходимо подчеркнуть значимость его положений, поскольку использование эмблем в вооруженном конфликте осуществляется сотрудниками МККК и иных гуманитарных организаций, оказывающих помощь жертвам вооруженных конфликтов и контроль за соблюдением сторонами норм Конвенций. К сожалению, эти люди часто гибнут от рук комбатантов обеих сторон конфликта, несмотря на их статус и его международную защиту.

Несмотря на важность, с точки зрения международного права, содержания данного документа, его принятие прошло без особой реакции мирового

сообщества и часто обходится стороной экспертами при анализе источников международного гуманитарного права. В то же время, закрепленные в Протоколе правила, не менялись с 1864 г., несмотря на возникавшие проблемы и злоупотребления. На наш взгляд, ни в коей мере нельзя забывать о существовании и положениях этого документа, особенно в контексте установления фактов серьезных нарушений со стороны участников вооруженных конфликтов.

Конец 20-го и начало 21-го веков характеризуется большим количеством вооруженных конфликтов обоих типов и развитием военной промышленности. Как отмечает О.Ф. Эфендиев, оказалось, что Женевские нормы не всегда способны учитывать специфику вооруженных конфликтов в эпоху растущего научно-технического прогресса [6, с. 24]. Поэтому в настоящее время вновь необходим пересмотр существующих и принятие новых норм международного гуманитарного права. Конечно, требующих урегулирования вопросов в этой сфере много, однако, в первую очередь, должны быть приняты изменения и дополнения именно в формате дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1959 г., как базовой международно-правовой платформы в сфере регулирования вооруженных конфликтов.

Естественный вопрос, который возникает в данном случае, что именно необходимо откорректировать? Остановимся на отдельных нормах Женевских конвенций и Дополнительных Протоколов к ним для обоснования таких потребностей.

Первый аспект, который давно обсуждается в научных кругах, это конкретизации отдельных терминов договоров, применение которых осуществляется по-разному, что позволяет обойти обязательства государствам – участникам конфликта. Среди таковых следует отметить: «серьезные нарушения», «особая жестокость», «излишние страдания», «военная необходимость», «серьезный ущерб природной среде». Эти термины имеют определенную юридическую характеристику, однако она настолько не конкретизирована, что и толкуется странами с учетом их интересов.

Так, военная необходимость – это принцип, по которому применение враждующими сторонами степени силы, необходимой для достижения целей войны, оправдано, т.к. при этом достигается полное подчинение противника в максимально короткие сроки с минимальными людскими, материальными и финансовыми потерями [3]. В данном определении указаны критерии самой применяемой силы, но не необходимости их применения. На наш взгляд, в данном случае, в основе должен лежать гуманитарный характер, риски,

масштабы и виды последствий, а не потребность государства достигнуть цели войны.

Еще одним важным аспектом изменений норм должна быть конкретизация отдельных объектов, в отношении которых нападение запрещено, и ограниченных методов ведения войны. Ст. 56 I Дополнительного Протокола [1] перечисляет объекты повышенной опасности. На наш взгляд, он должен быть расширен. Необходимо к тем объектам отнести железнодорожные и автомобильные мосты, железнодорожное полотно и другие стратегические для жизни гражданского общества объекты при условии их использования именно в гражданских целях.

Ряд запретов, установленных I Дополнительным протоколом необходимо признать в качестве императивных правил, обязательных для всех государств мирового сообщества, а не только для участников самого Протокола. Например, запрет на установление ответственности в связи с оказанием гражданским населением медицинской помощи раненым и больным противной стороны; или запрет насилия со стороны гражданского населения в отношении раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, принадлежащих к противной стороне. В настоящее время, эти нормы обязательны только для государств-участников Протокола.

Окончательно и конкретно установить запрет воздействия на природную среду посредством использования определенных видов средств ведения войны. Данный аспект весьма проблематичен для мирового сообщества, и, по-прежнему, пока закреплён только принцип. В то же время, установление технических критериев вооружений, использование которых не может быть применено в связи с их воздействием на природную среду, закрепит дополнительное ограничение для государств, а не обобщенный запрет. Следует отметить, что на сегодняшний день государства используют боевые заряды с радиоактивным элементом, так называемое нестратегическое ядерное оружие, которое не запрещено нормами международного права, однако причиняет определенный вред экологии и человеку. Попытка расследования и применения положений Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 г. [4] подтвердила невозможность формирования доказательственной базы и привлечения к ответственности. Поэтому должны быть сформулированы конкретные запреты и ограничения относительно технических характеристик средств ведения военных действий и методов их применения, в том случае, если они могут причинить ущерб природной среде.

Еще один аспект, на котором необходимо остановиться, это институт наемничества. I Дополнительный Протокол закрепляет статус наемника – без защиты Женевских конвенций, лицо вне закона, подпадающее под нормы уголовного законодательства задержавшего его государства. С течением времени появилась конвенция, которая установила ответственность за деятельность наемника, вербовку, обучение и другие виды деятельности, связанные с наемниками. Однако ее участниками является небольшое количество государств и есть ряд вопросов относительно закрепленных норм. В то же время, сам институт наемничества интенсивно используется государствами, как открыто, так и завуалированно. В результате, существует на международном уровне нет четкой регламентации обязательств государств относительно использования наемников в вооруженном конфликте, нет каких-либо жестких обязательств. Поэтому, на наш взгляд, данный институт нуждается в его правовой регламентации для создания конкретных правовых рамок применения его государствами. Такой механизм должен быть закреплен именно в формате норм дополнительного протокола к Женевским конвенциям в продолжение уже существующим правилам. В данном случае необходимо:

- установить определение наемника с включением отличительных признаков;
- установить обязательство государств официально заявлять об использовании наемников в своем вооруженном конфликте;
- установить обязательства государства, заявившего об использовании наемников относительно соблюдения ими положений Женевских конвенций, ответственности самого государства за противоправные действия наемника.

Таким образом, институт наемничества получит определенную легализацию, но, в то же время, это позволит создать относительный контрольный механизм использования этого института государствами, которые будут вынуждены формировать и требовать от самих наемников соблюдения норм международного гуманитарного права.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что международное гуманитарное право на протяжении всей своей истории проходит различные этапы своего развития и нормативного закрепления. Факт потребности правовых изменений является вполне естественным процессом, который необходимо реализовывать посредством, либо принятия изменений и дополнений уже действующих правил, либо разработке новых договоров и обязательств государств. В рассмотренных выше случаях мы предлагаем создание нового IV нового дополнительного протокола, положения которого закрепят правила

ведения войны с учетом существующих проблем, угроз и потребностей современного общества.

Список использованных источников:

1. Дополнительный Протокол I к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843>.

2. Дополнительный Протокол III к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы // URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/protocol_iii_rus.pdf.

3. Исследуя гуманитарное право. Словарь. МККК. // URL: <https://www.icrc.org/en/doc/what-we-do/building-respect-ihl/education-outreach/ehl/ehl-other-language-versions/ehl-russian-glossary.pdf>.

4. Конвенции 1976 «О запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду» // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml.

5. Штурма П. Универсальная юрисдикция и наказание за серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 4 (291) С. 83-92.

6. Эфендиев О.Ф. О военных преступлениях в системе законов и обычаев войны // Военно-юридический журнал. 2006. № 11. С. 22-27.

УДК 343.14

ИЗЪЯТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ И КОПИРОВАНИЕ С НИХ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© Н.В. Машинская

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Процессуальный порядок изъятия электронных носителей и копирования с них информации при производстве следственных действий закреплен в ст. 164.1 УПК РФ. Указанная норма установила запрет на изъятие электронных носителей информации по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности и перечисленных в ч. 4.1 ст.164 УПК РФ.

Лишь в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ, информация с электронных носителей может быть изъята при условии ее копирования в ходе следственного действия, что должно обеспечить предпринимателю дальнейшее беспрепятственное осуществление профессиональной деятельности. Однако, несмотря на то, что процессуальная форма изъятия электронных носителей доказательственной информации установлена, всесторонний анализ рассматриваемой нормы вынуждает констатировать ее несовершенство.

Прежде всего, следует заметить, что для получения интересующей предварительное следствие информации должны быть специальные правовые основания, предусмотренные ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ. Так, в качестве первого основания к производству процессуального действия выступает наличие вынесенного следователем постановления о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации. В то же время, применение указанного основания фактически невозможно на практике. Исходя из анализа ч.1 ст. 195 УПК РФ производство судебной экспертизы возможно только тогда, когда собраны предметы и (или) документы, требующие экспертного разрешения. Именно от характера имеющихся у следователя материалов, зависит выбор экспертного учреждения, определяются вопросы, формулируемые перед экспертом. Важным с точки зрения обеспечения законности производства судебной экспертизы, а, следовательно, ее результатов является соблюдение требования, предусмотренного ч. 1 ст. 198 УПК РФ. Согласно упомянутой норме следователь обязан ознакомить заинтересованных лиц с постановлением о назначении судебной экспертизы и предоставить им возможность реализовать, связанные с производством этого следственного действия, права. Все это делает невозможным изъятие информации с электронных носителей при наличии рассматриваемого основания.

Не вполне удачным видится правило, предусмотренное п.2 ч.1 ст. 164.1 УПК РФ, в соответствии с которым основанием изъятия электронных носителей информации является наличие судебного решения. Полномочия суда по осуществлению досудебного контроля за обеспечением конституционных прав и свобод личности предусмотрены ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Среди перечисленных следственных и иных процессуальных действий, нуждающихся в судебном разрешении, отсутствует изъятие электронных носителей информации. Таким образом, наблюдается явное несоответствие положений п.2 ч.1 ст. 164.1 УПК РФ и ч.2 ст. 29 УПК РФ.

Не вполне оправданным и создающим условия для нарушения прав личности при производстве следственных действий является п.3 ч.1 ст. 164.1 УПК

РФ, в той части, которая позволяет изымать электронную информацию при обстоятельствах, когда владелец информации не обладает полномочиями на ее хранение и использование. Размытость приведенной формулировки способна привести к широкому усмотрению следователя при принятии решения о производстве рассматриваемого процессуального действия и безосновательно лишить предпринимателя возможности осуществлять свою деятельность, а также нарушить права других заинтересованных лиц.

В самостоятельном осмыслении нуждается и ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, предписывающая, что при изъятии электронных носителей информации их законный владелец вправе заявить ходатайство о копировании электронной информации. Однако при удовлетворении такого ходатайства осуществить указанное право владелец сможет только при наличии у него другого носителя. При этом закон не обязывает следователя оказывать содействие предпринимателю в поиске другого носителя, а также предоставлении ему разумного времени для его поиска и копирования информации, которая иногда бывает слишком обширна.

Остроту затронутой проблематике придает еще одно обстоятельство. Отсутствие законодательного запрета на изъятие электронного носителя информации в порядке проведения проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении (ст.144 УПК РФ), процессуального статуса участника следственного действия и вовсе создает условие для нарушения прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела. Наблюдается парадоксальная ситуация: ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ запрещает изъятие электронных носителей информации при производстве по уголовному делу, однако закон не запрещает проведение осмотра места происшествия (ст.176, 177 УПК РФ), сопряженного с изъятием электронных носителей информации, в стадии возбуждения уголовного дела, когда решение об уголовном преследовании еще не принято. Подтверждением этому служит судебная практика (Определение от 30 июня 2020 г. по делу № 77-431/2020).

Таким образом, складывается ситуация, при которой до вступления в силу оснований, предусмотренных ст. 164.1 УПК РФ, носитель электронной информации изъят, деятельность предпринимателя приостановлена, но признаки преступления еще не обнаружены и вопрос о возбуждении уголовного дела не решен.

Существующее правило дает возможность лицам, осуществляющим предварительное расследование, избегать необходимости соблюдать установленные УПК РФ правила и запреты и фактически изымать электронные носители информации без реального предоставления прав их владельцам.

Опрос правоприменителей (следователей, дознавателей) показал, что, как правило, они прибегают именно к изъятию, а не копированию электронной информации, поскольку изъятие позволяет существенно сократить время при производстве следственного действия, не требует поиска другого приемлемого электронного носителя, позволяющего скопировать информацию.

Анализируемая норма имеет еще один дискуссионный аспект. В соответствии с ч.2 ст. 164.1 УПК РФ следователь обязан привлечь специалиста к изъятию электронной информации в ходе следственных действий. Ряд авторов полагает, что такой порядок создает определенные гарантии достоверности изымаемой информации [1, с. 69]. Некоторые другие исследователи считают, что закрепление такого правила в ч.2 ст. 164.1 УПК РФ излишне, так как порядок привлечения специалиста к производству следственных действий определен в общей норме (ч. 1 ст. 168, ч. 5 ст. 164 УПК РФ) и в конкретизации не нуждается [2, с. 207; 3, с. 57; 4, с. 197]. При формулировании указанного правила, законодатель, скорее всего, преследовал следующие цели. С одной стороны, обеспечить техническое сопровождение следственного действия, с тем, чтобы не допустить утрату информации, ее искажение либо повреждение. В противном случае неизбежно возникнет проблема с использованием изъятых информации в доказывании по уголовному делу, т.к. требования, предъявляемые к доказательствам, невозможно будет выполнить. С другой - обеспечить законный интерес владельца электронного носителя информации по ее сохранению и дальнейшему использованию. Однако в любом случае, в силу императивности уголовно-процессуального закона, требования, предусмотренные УПК РФ должны быть реализованы в ходе процессуальной деятельности должностных лиц и органов государства. По правилам ч. 1 ст. 75 УПК РФ нарушение процессуальной формы проведения следственного действия, влечет признание полученных таким способом доказательств недопустимыми (ч.1 ст. 75 УПК РФ). Последствия, указанные в ч.1 ст.75 УПК РФ должны наступать и при нарушении требований ч.2 ст. 164.1 УПК РФ. Никаких исключений по участию специалиста при изъятии электронной информации рассматриваемая норма не содержит. Однако судебная практика выработала иные подходы к реализации анализируемой нормы и признает участие специалиста обязательным лишь в случае копирования электронной информации. Примером этого служат уголовные дела, рассмотренные Первым кассационным судом общей юрисдикции (Определение от 28 января 2021г. по делу № 77-292/2021; Определение от 27 мая 2021 г. по делу № 77-1475/2021). В рамках осуществления защиты адвокат обжаловал действия следователя, изъявшего электронный носитель информации без участия специалиста. Отказывая

защитнику в удовлетворении ходатайства о признании незаконным изъятие флеш-носителя, суд указал, что привлечение специалиста необходимо, когда следует исключить возможность утраты информации либо ее искажения. Если в ходе следственного действия изымаются предметы, свойства которых не указывают на необходимость привлечения специалиста для реализации обозначенной цели, то участие специалиста не требуется. В таких случаях следователь решает вопрос на основании общих положений УПК РФ о том, что специалист привлекается к участию в следственных действиях по усмотрению следователя.

Таким образом, анализ законодательного регулирования изъятия электронных носителей информации, судебно-следственной практики, позволяет заключить, что правовой режим изъятия и копирования электронных носителей информации нуждается в совершенствовании. Существующая редакция ст. 164.1 УПК РФ не позволяет обеспечить безошибочное ее применение на практике, а также обеспечить права и законные интересы лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Список использованных источников:

1. Григорьев В.Н., Максимов О.А. Об электронных носителях информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 3. С. 65-71.

2. Васюков В.Ф., Семенов С.Е. Некоторые проблемы получения и использования цифровой информации при расследовании уголовных дел // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 203-210.

3. Зуев С.В. Осмотр и изъятие электронных носителей информации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Законность. 2018. № 4. С. 58-60.

4. Зуев С.В., Черкасов В.С. Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации (статья 161.1 УПК РФ): преимущества и недостатки новеллы // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 2. С. 193-197.

УДК 34.096

ОСНОВАНИЯ ОТКАЗА В ПРЕДОСТАВЛЕНИИ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКОЙ

© И.А. Мелещук

Сибирский федеральный университет

Немало научных статей написано на предмет эффективности и необходимости существования юридических клиник, в том числе с точки зрения развития профессиональных компетенций. Однако недостаточно информации, связанной непосредственно с правилами их работы, в том числе о правомерности отказа юридической клиники в оказании бесплатной юридической помощи.

Вопрос для юридических клиник актуален, ФЗ от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» не содержит оснований для отказа юридической клиникой, в нем приведены основания для отказа только в рамках государственной системы оказания бесплатной юридической помощи. Соответственно данный вопрос отнесет к локальному нормативному регулированию образовательной организации. Проанализировав ряд Положений и Правил оказания помощи юридическими клиниками различных вузов, можно сделать вывод, что правомерный отказ возможен в ряде случаев:

1. В соответствии с ч. 2 ст. 3 Федерального закона № 324 «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» бесплатная юридическая не может быть оказана в рамках начатого уголовного производства.

2. В соответствии со ст. 11 Федерального закона от 02.05.2006 № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» ответ на письменное обращение не дается в ряде случаев, например, отсутствие информации о гражданине, невозможность определения сути обращения, повторное обращение по вопросу, на который ему неоднократно давались письменные ответы по существу и т.д.

3. Определения круга субъектов, имеющих право на бесплатную юридическую помощь. Локальные нормативные акты юридических клиник содержат перечень категорий граждан, которым оказывается юридическую помощь бесплатно. Как показывает анализ, такие положения содержатся приблизительно в 40% ЛНА [2].

Отсутствие четкого закрепленного круга лиц, считаем, является положительным элементом правового регулирования, это позволяет предоставить помощь большему количеству нуждающихся, к тому же это повышает уровень освоения профессиональных компетенций клиницистами, расширяет кругозор в связи с расширением спектра вопросов для решения.

4. Обращения в юридическую клинику с целью решения вопросов, связанных с предпринимательской деятельностью, а равно как необходимость чрезмерных затрат времени, изучения большого массива законодательства и судебной практики («сложные дела»). Предприниматель (в широком смысле) с силу своей деятельности имеет возможность обратиться за более оперативной и узконаправленной помощью, поэтому нуждающимся юридические клиники данный субъект не признают. Отказ в том числе обоснован спецификой субъекта и спектром задач, поставленных перед клиницистами. Однако с целью развития деятельности юридических клиник, разумно создать отдельное направление помощи малому бизнесу.

5. Отсутствия возможности провести качественную подготовку к консультации. Если лицо обратилось за помощью за рамками разумного срока для обращения с целью получения бесплатной юридической помощи [2]. Регламент работы юридической клиники определяет временные затраты на подготовку консультации и письменных документов

6. Обращения неуполномоченного лица, вопрос в первую очередь в обработке персональных данных обратившегося и лица, который непосредственно нуждается в помощи. Без доверенности оказание такому лицу помощи невозможно, равно как и установление его интереса.

7. Выдвижения клиентом требований, противоречащих действующему законодательству.

8. Отсутствия или невозможности формирования обоснованной правовой позиции по делу, в том числе при исчерпании возможных способов защиты нарушенного права.

9. Отстранения клиента от решения проблемы, в том числе, отказа сделать самостоятельный выбор варианта решения вашей вопроса.

Процедура отказа также не урегулирована в локальных нормативных актах. Полагаем, что отказ в ряде случаев может быть оформлен письменно.

Возможность и порядок обжалования отказа в оказании бесплатной юридической помощи в законе не установлены. Думается, юридическим клиникам необходимо внести в локальные акты соответствующие изменения, с целью упрощения процедуры отказа в предоставлении бесплатной юридической помощи.

Список использованных источников:

1. Малютина О.А. «Юридические клиники помогут всем», или Кто вправе рассчитывать на бесплатную юридическую помощь? // Юрист. 2019. № 6. С. 72-76.

2. Приказ «Об утверждении положения о юридической клинике» Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» № 29 от 07.11.2022 // URL: <https://bashedu.ru/sites/default/files/upload/1/files/pr.-no-29-ot-07.11.2022.pdf>.

УДК 343.721

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ
КРЕДИТОВАНИЯ**

© А.С. Мирончик

Сибирский Федеральный университет

Состав, описанный в ст. 159.1 УК РФ, является частично-специальной нормой, привилегированной разновидностью общеуголовного мошенничества (ст. 159 УК РФ). Основным непосредственным объектом мошенничества, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, отношения собственности только юридических лиц, складывающиеся в сфере кредитования. Дополнительным обязательным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие порядок кредитования. Отношения кредитования возникают на основе кредитного договора (ст. 819 ГК РФ), а также установленных банком правил, регламентирующих процедуру получения кредита, следовательно, за рамками уголовно-правовой охраны данной нормы остаются общественные отношения, складывающиеся на основе иных видов займа. Кроме того, пределы действия данной нормы определяют такие используемые законодателем признаки, как «банк», «кредитор», «заемщик», для уяснения содержания которых, безусловно, необходимо обратиться к регулятивному законодательству

Из диспозиции ч. 1 ст. 159.1 УК РФ следует, что объективная сторона преступления включает в себя: 1) введение кредитора в заблуждение посредством предоставления заемщиком заведомо ложных и (или) недостоверных сведений; 2) передачу кредитором в наличной или безналичной форме заемщику денежных средств; 3) получение заемщиком указанного

имущества вопреки установленных банком правил кредитования и обращение их в свою пользу или пользу других лиц. Обман или злоупотребление доверием в качестве способов не указаны в диспозиции ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, однако они подразумеваются. Относительно ложных и (или) недостоверных сведений необходимо отметить, что они должны иметь существенное значение для одобрения кредита и последующего заключения кредитного договора. Сведения могут содержаться как в официальных документах (например, в справке по форме 2-НДФЛ), так и в иных первичных документах, заполняемых заемщиком в кредитной организации (например, в анкете заемщика). При этом следует согласиться с высказанной в научной литературе позицией, согласно которой «недостоверные сведения могут изначально не быть ложными, но при определенных условиях (о которых, несомненно, знает заемщик) приводить кредитора к ошибочным представлениям о фактическом финансовом положении будущего должника. Например, потенциальный заемщик представляет банку реальную справку 2-НДФЛ и другие документы, которые требует банк, однако умалчивает о своих существенных финансовых обязательствах по договору найма, залога и т.п.» [3].

Верховный Суд РФ разъяснил, что мошенничество в форме хищения признается оконченным с момента, когда имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению. Однако если были похищены безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то момент окончания такого преступления будет определяться по-другому. В частности, Пленум разъяснил, что в таком случае «преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб» [5].

Субъект мошенничества в сфере кредитования - специальный, им является физическое лицо, достигшее возраста 16 лет и обладающее статусом заемщика. Если на стороне заемщика выступает юридическое лицо, то объективную сторону преступления выполняет законный представитель такой организации, уполномоченный заключить кредитный договор. Однако в тех случаях, когда заемщиком является несуществующее юридическое лицо или лжеорганизация, то есть специально созданная для совершения данного преступления, то состав мошенничества, предусмотренный ст. 159.1 УК РФ, отсутствует, а деяние образует состав общеуголовного мошенничества. При этом для правильной квалификации мошенничества по ст. 159.1 УК РФ следует учитывать, что лицо

приобретает статус заемщика не в момент получения кредита (что соответствует гражданско-правовому пониманию термина «заемщик»), а когда оно обратилось за его получением и выразило свои намерения его получить.

Мошенничество в сфере кредитования характеризуется умышленной формой вины. Оно может быть совершено только с прямым умыслом, направленным на хищение чужого имущества, и корыстной целью.

В правоприменительной практике нередко возникают вопросы разграничения мошенничества, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, и других преступлений.

В частности, определяющим критерием, позволяющим разграничить состав, предусмотренный ст. 176 УК РФ, и состав, предусмотренный ст. 159.1 УК РФ, является умысел виновного. Так, «если индивидуальный предприниматель либо руководитель организации представил кредитору заведомо ложные сведения о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации не с целью хищения денежных средств, а с целью получения кредита либо льготных условий кредитования, намереваясь при этом исполнить договорные обязательства, то такие действия не образуют состава мошенничества в сфере кредитования. Указанные действия этих лиц, причинившие крупный ущерб кредитору, квалифицируются по ч. 1 ст. 176 УК РФ».

Непросто разрешается проблема конкуренции мошенничества, содержащегося в ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, и мошенничества, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ. Например, индивидуальный предприниматель преднамеренно не исполняет свои обязательства по кредитному договору, который ранее был им заключен путем предоставления подлинных и достоверных сведений, а невозвращенный кредит использует для осуществления предпринимательской деятельности. Мошенничество совершается одновременно и в сфере кредитования, и в сфере предпринимательской деятельности. В таком случае «исходить следует из общей направленности сложившейся судебной практики квалификации преступлений, ориентирующей на выбор той нормы при конкуренции специальных норм, которая предусматривает более мягкую санкцию». Такой подход соответствует действующему законодательству (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ, ч. 3 ст. 14 УПК РФ), согласно которому всякие сомнения в виновности лица толкуются в его пользу [2].

В доктрине уголовного права до сих пор остается дискуссионным вопрос, подпадает ли под действие ст. 159.1 УК РФ случаи, когда виновное лицо, имея намерение не возвращать кредит, обращается в банк, но при этом предоставляет достоверные сведения о себе и своем финансовом положении.

Н.А. Лопашенко полагает, что в таком случае нельзя квалифицировать как мошенничество в сфере кредитования [4]. В свою очередь, П.С. Яни исходит из того, что заключая кредитный договор, заемщик сообщает заведомо несоответствующее действительности намерение банку вернуть кредит, таким образом обманывая другую сторону кредитного договора [6]. Представляется верным квалифицировать в таких случаях содеянное по ст. 159.1 УК РФ, в силу того, что заемщик при заключении договора с банком злоупотребляет доверием.

Помимо этого, у правоприменителей вызывает сложности и установление размера причинённого ущерба в мошенничестве в сфере кредитования. Так, спорным является вопрос о том, входит ли в размер причиненного ущерба проценты за пользование предоставленными денежными средствами или только основной долг по кредиту. Как справедливо отмечает А.В. Архипов проценты за пользование кредитными средствами относятся к упущенной выгоде, а не к прямому реальному ущербу, в связи с чем при определении размера хищения учитываться не должны [1].

Представляется, что при квалификации случаев мошенничеств в сфере кредитования правоприменителю, в первую очередь, следует помнить, что это одна из форм хищения, которая в обязательном порядке должна содержать все признаки хищения, исходя из определения «хищения», содержащегося в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. Кроме того, некоторые проблемные вопросы можно разрешить внося, соответствующие дополнения в постановление Пленума Верховного Суда РФ, посвященному судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате.

Список использованных источников:

1. Архипов А.В. Квалификация мошенничества по уголовному законодательству России: монография / под ред. проф. Л.М. Прокументова. М: Юрлитинформ, 2019.
2. Боровков А.А. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (чч. 5-7 ст. 159 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации: дисс...канд. юрид. наук. Красноярск, 2018.
3. Боровков А.А., Мирончик А.С. Преступления против собственности: учеб. пособие, Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019.
4. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс. Кн. III. Формы хищения: монография. М.: Юрлитинформ, 2019.

5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

6. Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015.№ 3. С. 47-52.

УДК 342.33

О РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЯХ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

© С.С. Митин

Сибирский федеральный университет

В научной литературе, посвященной теории разделения властей, как правило, выделяют две модели построения системы органов государственной власти на основе данного принципа [2, с. 67-68]. Первая из них заключается в гибком разделении властей и находит свое обоснование в идеях Джона Локка о тесном сотрудничестве и взаимодействии властей при верховенстве парламента. Вторая модель главным образом опирается на концепцию Шарля Монтескье и его последователей о равновесии, независимости и взаимном контроле властей.

С точки зрения Джона Локка, «во всех случаях, пока существует правление, законодательная власть является верховной. Ведь то, что может создавать законы для других, необходимо должно быть выше их; а поскольку законодательная власть является законодательной в обществе лишь потому, что она обладает правом создавать законы для всех частей и для каждого члена общества, предписывая им правила поведения и давая силу для наказания, когда они нарушены, постольку законодательная власть по необходимости должна быть верховной и все остальные власти в лице каких-либо членов или частей общества проистекают из неё и подчинены ей» [4, с. 349]. По его мнению, «в хорошо устроенных государствах, где благо целого принимается во внимание так, как это должно быть, законодательная власть передается в руки различных лиц, которые, собравшись должным образом, обладают сами или совместно с другой властью правом создавать законы; когда же они это исполнили, то, разделившись вновь, они сами подпадают под действие тех законов, которые были ими созданы; это для них новая и непосредственная обязанность, которая побуждает их следить за тем, чтобы они создавали законы для блага общества»

[4, с. 317]. Он отмечал: «Но так как законы, которые создаются один раз и в короткий срок, обладают постоянной и устойчивой силой и нуждаются в непрерывном исполнении или наблюдении за этим исполнением, то необходимо, чтобы все время существовала власть, которая следила бы за исполнением тех законов, которые созданы и остаются в силе. И таким образом законодательную и исполнительную власть ... надо разделить» [4, с. 317].

Подобное разделение властей выражено в парламентаризме, т.е. такой системе управления государством, при которой парламент имеет привилегированное положение. Парламентаризм не может существовать без парламента, именно сильный и полномочный законодательный и представительный орган является его основой.

Парламент избирается всенародным голосованием, обладает реальной возможностью осуществлять государственные функции и принимает активное участие в деятельности государства. Помимо собственно законодательной деятельности парламент формирует правительство и выражает ему вотум недоверия, определяет курс государственного развития, выбирает главу государства (президента), утверждает отчет о произведенных исполнительной властью расходах.

В республиках, где имеет место парламентаризм, существует должность Президента как главы государства и высшего должностного лица. Однако круг его полномочий чрезвычайно узок. Так, Президент Федеративной Республики Германии осуществляет международно-правовое представительство Федерации, заключает от ее имени договоры с иностранными государствами, аккредитует и принимает послов, назначает и увольняет федеральных судей и чиновников, осуществляет право помилования, в установленных Конституцией случаях имеет право распустить парламент и назначить новые выборы.

Об узости полномочий такого Президента свидетельствует и институт контрассигнатуры, в соответствии с которым любой акт Президента должен быть скреплен подписью должностного лица органа исполнительной власти, к компетенции которого данный акт относится. В противном случае такой акт признается недействительным.

В условиях парламентаризма исполнительная власть по сути является продолжением власти законодательной, что сводит к минимуму конфликт между ними, приводит к единству в высших эшелонах политического руководства страны и является сильной стороной парламентской модели государства [1, с. 5, 7].

Однако данная модель имеет и свои недостатки.

Первый из них, иногда присутствующий на практике, заключается в неустойчивости партийной системы, вследствие которой разваливаются парламентские коалиции, а исполнительная власть теряет поддержку в законодательном органе. Так, при отсутствии прочного большинства у какой-либо партии (устойчивого союза нескольких партий), при переходе депутатов парламента из одной партии в другую, при расколе правящей партии и появлении фракции, голосующей вместе с противниками правящей партии, правительство утрачивает стабильность [7, с. 112]. Примером тому являются многочисленные правительственные кризисы в Италии во второй половине XX века.

При определенных условиях политического властвования парламентаризм может перерасти в тиранию. Ее в состоянии создать простое парламентское большинство, не испытывающее противодействие со стороны исполнительной власти. В этом заключается второй недостаток парламентаризма.

По мнению Шарля Монтескье, верховная власть в республике принадлежит всему народу, который должен делать сам все, что в состоянии выполнить. То, чего народ выполнить не может, он должен делать через своих уполномоченных. Но последние не будут считаться таковыми, если они не назначены самим народом [6, с. 169-170]. Отсутствие разделения властных возможностей у таких уполномоченных приводит к разрушению республиканского строя. Великий французский философ полагал, что «если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, т.к. можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы также тиранически применять их. Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем. Все поггло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, из дворян или простых людей, были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц» [6, с. 290-291]. Он подчеркивал необходимость полного равновесия, независимости и даже обособления властей.

Указанная модель разделения властей воплощается в форме правления, именуемой президентской республикой. Ее название обусловлено тем, что в

системе органов государственной власти в отличие от парламентаризма присутствует всенародно избранный президент.

В президентской республике высшие органы государства не только структурно обособлены, но и обладают значительной самостоятельностью по отношению друг к другу, что обусловлено существующей здесь системой сдержек и противовесов. Последняя защищает от вмешательства одной ветви власти в деятельность другой и обеспечивает их полезное сотрудничество при реализации властных полномочий, стремится обеспечить единство государственной политики даже в условиях, когда президент представляет одну партию, а большинство в парламенте принадлежит другой. Именно система сдержек и противовесов является основной ценностью, главным достоинством рассматриваемой модели.

В президентской республике самостоятельного института главы государства не существует. Так, в США имеет место слияние полномочий Президента, то есть главы государства, и главы исполнительной власти. В результате властные полномочия Президента есть часть компетенции исполнительной власти.

Юридически правительство президентской республики выступает по отношению к парламенту как исполнительный орган, лишенный каких бы то ни было средств воздействия на законодательные учреждения, кроме права отлагательного вето. В рамках данной правовой конструкции законодательная и исполнительная власти действуют независимо друг от друга, но имеют возможности нейтрализовать узурпаторские акты другой ветви.

Все законодательные права в президентской республике предоставлены законодательному органу. Например, в США – это Конгресс. Его компетенция, согласно отделу 8 статьи 1 Конституции, включает в себя установление налогов, сборов и акцизов, регулирование торговли с иностранными государствами, чеканку монеты, снаряжение и содержание флота и т.д. Кроме того, она охватывает согласно последней норме отдела 8 статьи 1 Конституции США издание Конгрессом всяких законов, которые окажутся необходимыми и уместными для пользования своими правами.

Важнейшей особенностью президентской модели разделения властей является не только независимое формирование законодательной и исполнительной ветвей власти, но и отсутствие у каждой из них права досрочно прекращать полномочия другой ветви власти (за исключением процедуры импичмента). Поэтому указанные власти обречены на взаимодействие, предполагающее взаимные уступки друг другу [5, с. 83].

Тем не менее конфликты между законодательной и исполнительной властями неизбежны. Как правило, они возникают в результате борьбы

политических партий, когда одну из которых представляет президент, а вторая имеет большинство в Конгрессе или в одной из его палат. В некоторых случаях в эти столкновения вмешивается и разрешает их судебная власть, становясь тем самым эффективным орудием текущей политики [3, с. 12]. Однако, как показывает современная политическая практика в США, подобные противоречия, особенно если они носят политический, а не юридический характер, не всегда разрешаются в судебном порядке и могут продолжаться длительное время. Это причиняет вред функционированию государственного механизма и является основным недостатком данной модели разделения властей.

Таким образом, обе рассмотренные концепции имеют существенные недостатки, которые значительно препятствуют эффективной деятельности государства. В связи с этим юридическая и политическая практика сформировали еще одну модель построения высших органов государственной власти, получившую название «полупрезидентская республика». Её особенностью является выделение отдельной ветви государственной власти – президентской, которая присуща только этой модели. В трудах классиков политико-правовой мысли не содержится детальное описание данной концепции. Поэтому представляется, что ей необходимо надлежащее теоретико-правовое обоснование.

Список использованных источников:

1. Агаев М.Б. Президентская власть в системе государственной власти. М.: «Луч», 1994.
2. Барнашов А.М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988.
3. Егоров С.А. Политическая юриспруденция в США. М.: Наука, 1989.
4. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. / Пер. с англ. и лат. Т. 3. / Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. М.: Мысль, 1988.
5. Лузин В.В. Принцип разделения властей как основа конституционализма. Монография. Н.Новгород, 1997.
6. Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Госуд. изд-во полит. лит., 1955.
7. Ильинский И.П., Мишин А.А., Энтин Л.М. Политическая система современного капитализма. М.: Международ. Отношения, 1983.

УДК 343.34

**СОВМЕСТНЫЙ НАЛОГОВЫЙ КОМПЛАЕНС В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

© А.Ю. Молина

Сибирский федеральный университет

В 2008 году Мир переживал тяжелейший экономический кризис, который стал своего рода пусковым механизмом, приведшем «в действие» процесс пересмотра до этого существовавшей модели построения отношений «налоговый орган-налогоплательщик». [3, с. 32] Фискальные органы многих государств, действуя в условиях ограниченности, в первую очередь, собственных ресурсов в период кризиса сместили акцент своего внимания с налогового меньшинства, уклоняющегося от исполнения налоговой обязанности и при этом не ответственного за большую часть доходов [3, с. 33], в сторону комплаенсного большинства.

Многие юрисдикции, учитывая такие факторы, как неэффективные и нерациональные методы сбора налогов, использовавшиеся в прошлом, увеличение объема и одновременно процесс «усложнения» налогового законодательства и, следовательно, растущая неопределенность, процесс глобализации, затронувший, в том числе сферу торговли и коммуникаций, значительный рост использования агрессивного налогового планирования, налоговый дух налогоплательщиков и их комплаенс-поведение, а также изменения в модели надзора, начали задумываться над необходимостью модернизации изначально существовавшей традиционной модели (имеющий свои недостатки) взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками. Кроме того, различные исследования показали, что люди с большей вероятностью будут вести себя желаемым образом, когда они живут в системе, которая вознаграждает за правильное поведения в дополнение к наказанию за неправильное поведение и, по возможности, вместо него, и гарантирует, что поощрения и наказания применяются быстро и последовательно [3, с. 37].

Так появилась концепция гибкого или чуткого регулирования. В качестве синонимичных «гибкому регулированию» в научной литературе по налогововедению используются такие понятия, как чуткое регулирование, улучшенные отношения (enhanced relationship), а также совместный (co-operative) комплаенс. Как отмечает Катарина Брончевска в своей работе, посвященной совместному комплаенсу, совместный комплаенс - это

абстрактная идея, и гибкое регулирование является одной из возможных форм ее воплощения [3, с. 51].

В свою очередь, сам термин совместный комплаенс «обязан» своим появлением ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), объединившей «под своей крышей» огромное количество государств. Членом ОЭСР является, в том числе и Российская Федерация. Как указала ОЭСР, совместный комплаенс — отношения, в рамках которых предпочтение отдается сотрудничеству, а не конфронтации. Они основаны в большей степени на взаимном доверии, а не на обязанностях, подлежащих исполнению. При этом данное определение совместного комплаенса, по замечанию самой ОЭСР, не является абсолютно точным. Совместный комплаенс, по мнению ОЭСР, есть отношения, основанные скорее на принципах нежели, чем на правилах. Таким образом появилась концепция, подверженная как различным интерпретациям, так и разнящейся от страны к стране реализации. Подготовленная ОЭСР концепция совместного комплаенса является по своей сути рамочной. По этой причине разные страны и их налоговые администрации разработали различные проекты в духе концепции совместного комплаенса и ее широких возможностей.

По своей сути стратегия совместного комплаенса (гибкого регулирования) включает в себя любые формы взаимодействия с налогоплательщиками, которые так или иначе выводят на более высокий качественный уровень базовые отношения. Такие формы могут быть прямо установлены законом, а могут либо сводится к неким улучшенным практикам, применяемым налоговыми органами, либо вообще не иметь под собой формальной основы.

Все меры, принимаемые налоговыми органами, направлены на то, чтобы «помочь налогоплательщикам быть более сговорчивыми» и, увеличить таким образом, налоговые доходы государства. Эти меры существуют в различных формах, и в настоящее время налоговые органы их регулярно применяют. В частности, к таким мерам относят легкодоступную информацию, помощь, руководство, хорошо структурированные веб-сайты, удобные для навигации и содержащие необходимую дополнительную информацию, линии для налогоплательщиков /колл-центры, электронную подачу документов, дни открытых дверей, бесплатный офис налоговых консультантов, мягкое право (например, кодексы поведения), публикации, например, листовки, информационные бюллетени, использование каналов социальных сетей для улучшения коммуникации, предоставления рекомендаций, оповещения об изменениях в законодательстве и т.д. [3, с. 67]

Все перечисленные меры уже не являются чем-то принципиально новым в большинстве юрисдикций. Исключением из «общего правила» в контексте внедрения с последующей апробацией различных мер, относящихся к системе совместного комплаенса, не стала и Российская Федерация.

По мнению специалистов в области налогового права, в России в настоящий период времени самым активным образом формируется модель гибкого налогового администрирования в дополнение к давно существующим базовым (традиционным) методам взаимодействия с налогоплательщиками. Согласно точки зрения ряда ученых новая модель не только формируется, но и начинает применяться на практике. К доказательствам практической реализации модели гибкого регулирования, на наш взгляд, можно отнести:

- институт уточненных налоговых декларации (ст. 81 НК РФ);
- освобождение от ответственности в случае выполнения письменных разъяснений налогового органа по вопросам применения законодательства о налогах и сборах (ст. 111 НК РФ);
- риск-ориентированный подход к выездному налоговому контролю;
- развитие электронных онлайн-сервисов для налогоплательщиков таких, как «личный кабинет налогоплательщика». Например, в июле 2022 года законодателем были внесены «кардинальные» изменения в модель исполнения налогоплательщиком его обязанности по уплате налога. Теперь от налогоплательщика в рамках исполнения налоговой обязанности требуется внесение единого налогового платежа (пункт 1 статьи 45 НК РФ).

Наконец, к одной из последних законодательных инноваций в области налогообложения, являющейся примером практического внедрения концепции совместного комплаенса, можно отнести новые виды специальных налоговых режимов, которыми была дополнена статья 18 НК РФ, а именно: налог на профессиональный доход (НПД) и автоматизированную упрощенную систему налогообложения (АУСН). Оба новых специальных налоговых режима были призваны «упростить жизнь» налогоплательщиков, в том числе, посредством «освобождения» последних от таких ставших традиционными в рамках базовой модели построения отношений с налоговыми органами обязанностей, как: обязанность по представлению в установленном порядке в налоговый орган по месту учета налоговых деклараций (расчетов) (пп. 4 п. 1 ст. 23 НК РФ); необходимость самостоятельного исчисления суммы налога, подлежащего уплате.

Примечательным в контексте освещения темы совместного комплаенса является то, что российскому налоговому праву «не по наслышке знаком» такой институт, как налоговые комиссии, приглашавшие руководителей организаций

на свои заседания, а также направлявшие им информацию об отклонениях, противоречиях, выявленных в финансовой отчетности налогоплательщиков, с предложением уточнить налоговые обязательства в порядке, установленном статьей 81 Налогового кодекса РФ, с погашением соответствующей недоимки. По итогам своей работы комиссии формулировали рекомендации, касающиеся устранения обнаруженных нарушений. Кроме того, комиссии определяли меры, направленные на стимулирование плательщика к уплате налогов. В рекомендациях в обязательном порядке указывался срок для устранения нарушений (искажений). В случае неявки без уважительной причины на комиссию к налогоплательщикам применялись меры административной ответственности, предусмотренные статьей 19.4 КоАП РФ [1].

Итак, выше нами был приведен достаточно длинный перечень тех качественных изменений, которые в настоящее время претерпевает действующее налоговое законодательство в процессе активного перехода от базовой модели построения отношений налоговый орган-налогоплательщик к модели гибкого регулирования (совместного комплаенса). Однако стоит отметить, что какими бы полезными ранее названные меры ни были, как правило, их нельзя назвать достаточными для обеспечения решения насущных проблем налогоплательщиков. Ведь они все так или иначе ограничены по своему охвату. В то же время мерой, оказывающей действительно значимое, существенное влияние как на налоговые органы, так и на налогоплательщиков, является «предварительное решение» (advance ruling) («фискальный рескрипт»). Фискальный рескрипт можно упрощенно определить как индивидуальный запрос налогоплательщика с просьбой оценить налоговые риски планируемой сделки или сделок [2, с. 149]. Налоговый орган в ответ на полученный запрос проверяет правомерность предполагаемых действий и выдает налогоплательщику письменное заключение с обоснованием сделанных инспекцией выводов. При этом планируемая налогоплательщиком операция подвергается анализу не только с точки зрения ее соответствия букве закона, но и духу закона.

Основная функция предварительного решения заключается в подтверждении или отклонении интерпретации налогоплательщика по данной (будущей) сделке. Чтобы получить действительное решение, налогоплательщику необходимо поделиться определенным объемом необходимой информации с налоговым органом. «Так что по сравнению с базовым уровнем взаимоотношений налоговые органы уже лучше информированы, но объем информации все равно ограничен (она ограничивается только одной транзакцией)», - заключает Катарина Брончевска [3, с. 75]. Более того, на этом

уровне присутствует больше доверия: во-первых, налогоплательщик обязан делиться большим количеством информации о своей предпринимательской деятельности, а, во-вторых, налоговые органы должны доверять полученной информации, чтобы основывать в дальнейшем на ней свою интерпретацию.

Институт фискального рескрипта, получив достаточно широкое распространение, был внедрен в национальное законодательство многими государствами. Еще в 1999 году на конгрессе ФТА говорилось о том, что «предварительные решения являются незаменимым инструментом в современном мире налогового администрирования и комплаенса» [3, с. 76]. При этом в каждой конкретной стране названная концепция имеет особенности своего практического применения. В США к примеру не принимаются предварительные решения в области местных, государственных или иностранных налогов, а также в отношении гипотетических сделок или альтернативных планов. Налоговое управление США также не издает так называемых «комфортных постановлений», то есть решений по вопросам, которые четко и адекватно урегулированы законом, судебными решениями или другими актами. В некоторых странах введен сбор, который необходимо оплатить вместе с запросом (например, с 1987 года Налоговое управление США взимает плату с налогоплательщиков, запрашивающих предварительное решение). Это одно из средств, предотвращающих массовое обжалование решений, которые в какой-то момент могут заблокировать или значительно замедлить процесс выдачи ответов налоговыми органами. Некоторые юрисдикции требуют, чтобы налогоплательщики предлагали вместе с поданным запросом юридическое толкование проблемы (например, Италия и Польша). Такая обязанность вынуждает налогоплательщика представлять качественно подготовленную документацию, которая может облегчить процесс для налоговых органов. В качестве еще одного ограничения сферы применения института предварительных решений можно рассматривать то, выносятся ли фискальный рескрипт только по вопросам права или же возможно его принятие и по вопросам о фактах. Налоговое управление США, например, не выносит решений по фактическим вопросам. В то же время в Люксембурге обязательные последствия предварительных решений ограничены вопросом о фактах. В некоторых странах принятое решение может также иметь обязательную силу для налогоплательщиков. В Нидерландах, к примеру, предварительное решение является обязательным для обеих сторон. В Великобритании же лишь при условии, что информация, представленная заявителем, была правильной и полной, предварительное решение будет обязательным для фискального органа. В то же время в Соединенном Королевстве при определенных

обстоятельствах обязанность взимать правильную сумму налога будет превалять над обязательной силой ранее выданного решения.

В ситуации с предварительным решением между налогоплательщиком и налоговым органом имеет место «взаимовыгодное сотрудничество»: налогоплательщик делится полной информацией (в противном случае он рискует, что решение не будет иметь обязательной силы или может быть отозвано), ожидая получить большую (но не абсолютную) определенность в отношении конкретной сделки или ситуации. В любом случае можно утверждать, что должным образом функционирующий институт фискального рескрипта выгоден обеим сторонам и способствует позитивному восприятию страны в целом и ее налоговой системы. Излишне говорить, что продуманная концепция предварительного принятия решений является одним из наиболее важных стимулов для иностранных инвесторов, выбирающих место для своего бизнеса.

Успешно функционирующий в зарубежных странах институт предварительных решений на остался не замеченным и в Российской Федерации. В Основных направлениях налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 внедрение фискального рескрипта поставлено в повестку дня. Однако на сегодняшний день институт предварительных решений так и не получил законодательного закрепления в России.

С конструкцией фискального рескрипта, хорошо известной зарубежным налоговедам, имеет много общего налоговый мониторинг.

В Налоговом кодексе РФ (глава 14.7 «Налоговый мониторинг. Регламент информационного взаимодействия» и 14.8 «Порядок проведения налогового мониторинга») налоговый мониторинг получил свое закрепление в качестве новой формы налогового контроля. По своей сути институт налогового мониторинга являет собой пример весьма удачного заимствования иностранного опыта (речь идет об институте горизонтального мониторинга, внедренного в 2005 году в налоговую систему Нидерландов).

Налоговый мониторинг предполагает заключение соглашения о расширенном информационном взаимодействии, в рамках которого налогоплательщик в режиме реального времени информирует налоговый орган о предполагаемых налоговых рисках. В свою очередь, налоговый орган в ответ на оказанное налогоплательщиком доверие гарантирует ему оперативное консультирование по вопросам толкования налогового законодательства и ослабление контроля со своей стороны.

Преимущества для бизнеса от участия в программе налогового мониторинга заключаются как в устойчивой прогнозируемости налоговых последствий своей деятельности, так и в снижении бремени налогового контроля. Для налоговых органов плюсы от использования налогового мониторинга сводятся к следующему: повышение информированности о текущих тенденциях в части экономических транзакций и возможность эффективно перераспределять имеющиеся ограниченные административные ресурсы.

Подводя итог всему вышесказанному хотелось бы отметить, что в настоящее время российская налоговая система активно меняется. Как ранее отмечалось, в структуру уже существующей административной (традиционной) модели построения отношений «налоговый орган-налогоплательщик» внедряются элементы новой клиентоориентированной модели взаимодействия с налогоплательщиками, основанной на доверии, взаимном уважении, прозрачности и сотрудничестве.

Думается, что происходящая на наших глазах модернизация налогового администрирования – закономерный ответ на те вызовы, которые время ставит перед российским государством и обществом.

Можно выразить осторожную надежду, что указанные тенденции в российской системе налогового права и налогового администрирования окажутся не мимолетным увлечением, но долговременным стратегическим фундаментом реформирования налоговой системы России [2, с. 172].

Список использованных источников:

1. Ефремова Е.С. О критике налоговых комиссий и налоговом комплаенсе // *Налоги (журнал)*. 2021. № 2.
2. Демин А.В. *Диспозитивность в налоговом праве: монография*. Москва: Проспект, 2020. 182 с.
3. Bronzewska K. *Cooperative Compliance: a new approach to managing taxpayer relations: IBFD Doctoral Series*, 2016. 636 p.

УДК 343.34

**ПРИМЕНЕНИЕ ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР (МЕЖДУНАРОДНЫХ
САНКЦИЙ) КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПЕРЕХОДА К ЭКСТРАОРДИНАРНОМУ
ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНИЮ**

© **Н.А. Морозова**

Сибирский федеральный университет

В отечественной науке административного права категория «государственного управления» традиционно рассматривается в позитивном аспекте деятельности государства. Деятельность эта всегда нацелена в будущее и основными задачами управления является изыскание ресурсов и их грамотное распределение. Таким образом, «эффективность» [9] становится главным определяющим словом для государственного управления, а факторы, снижающие эффективность, традиционно принято искать внутри – в недостатках ресурсов, неправильной организации, недостаточном правовом регулировании и т.д.

Все это – отправные позиции для государственного управления в обычном его режиме, то есть «ординарном управлении». Если управление приходится осуществлять в условиях конфликтов и других чрезвычайных ситуаций, то говорят о переходе к управлению «особых правовых режимах» [1].

Можно считать относительно устоявшимся в отечественном правоведении понимание правового режима как особого порядка правового регулирования конкретной области общественных отношений, состоящего из совокупности юридических средств и отличающегося определенным их сочетанием [5, с. 8].

Отрасль законодательства, содержащая нормы, вступающие в силу при наступлении определенных обстоятельств, характеризуемых как «чрезвычайные», метко названа «чрезвычайным законодательством».

Главное, что характеризует работы ученых в данной отрасли – это то, что особые правовые режимы рассматриваются как временное явление, отклонение от обычного течения вещей, которое является конечным. Целью государственного управления является как можно скорейшее восстановление правильного, нормального хода вещей, с минимальными последствиями и затратами. Особый правовой режим, таким образом, всегда пропорционален проблеме.

Однако в том случае, если сама проблема носит всеохватный характер, настолько, что начинает угрожать основам государственного управления –

институциональным и организационным – следует признать, что набором отдельных средств и методов ее не решить. В таком случае особый правовой режим будет затрагивать все сферы управления, отражаться на формах и методах, изменять их. В таком случае мы говорим об ином режиме государственного управления в целом. В науке административного права такое управление называется «экстраординарным» [4].

Л.А. Мицкевич [7] указывает признаки чрезвычайного (экстраординарного) управления: оно осуществляется в условиях внешних или внутренних кризисов, ограничено во времени, направлено на достижение следующих целей: а) сохранение институциональной целостности системы; б) обеспечение функциональной устойчивости при неблагоприятных изменениях внешней и внутренней среды. Эти цели разбиваются на подцели: организация мероприятий по обеспечению устойчивости социальных (государственных) институтов и обеспечению жизнедеятельности общества.

К сожалению, при всем богатстве опыта России в сфере экстраординарного управления (периоды Первой и Второй мировых войн, крах СССР и проч.), оно обычно освещается в историческом аспекте, без общих выводов и выработки рецептов.

По причине недостаточной теоретической разработанности темы государство пропускает тот нужный момент, когда от отдельных точечных мер уже пора переходить к экстраординарному государственному управлению как к качественно иному правовому режиму жизни государства и внутри него.

Задачей науки административного права в таком случае является определение сущностных признаков экстраординарного управления – указания на характеристику ситуаций, при которых государство вправе к нему перейти, и на те изменения в системе органов, форм и методов государственного управления, в правовых статусах властных и невластных субъектов и, особенно, в основаниях и пределах применения мер государственного принуждения.

Выработанные наукой критерии и правила могут быть внесены в законодательство, становясь «спящими нормами» [11], то есть такими общеобязательными правилами поведения, которые в обычном режиме не реализуются. Но при необходимости переход к их активации происходит без временного зазора, без периода неорганизованности и хаоса. Право не должно иметь пробелов, и задачей законодателя как раз является не фиксация сложившихся общественных отношений, а их формирование.

Признаками «экстраординарной ситуации» традиционно является ее внезапность, непредвиденность, вредоносность, непреодолимость в

долгосрочной перспективе и нерешаемость проблемы имеющимися силами и средствами [8].

Используя данные критерии, проанализируем ситуацию с «санкционным цунами» [3], обрушившимся на РФ с 2014 г., а особенно заметным с 2022.

Строго говоря, термины «санкции», «международные санкции» не корректны. Речь идет об односторонних ограничительных мерах, адресованных, кстати, не подданным РФ, а лицам, подчиняющимся юрисдикции вводящих эти меры стран (или их объединений). Обязательность соблюдения этих ограничений обеспечивается только имеющимися в распоряжении этих государств мерами экономического и политического принуждения. Если таковые возможности есть – вводимые ограничения приобретают свойство «экстерриториальности», то есть их исполнение становится и для тех субъектов, которые юридически не обязаны, но вынуждены считаться с возможными негативными последствиями для хозяйственной деятельности, осуществляемой в пространствах, проницаемых для мер воздействия субъектов, присвоивших себе право устанавливать ограничения.

Цели введения «санкций» описаны в зарубежной литературе. К ним традиционно относят:

- 1) изменение политики санкционированной страны в ограниченной области;
- 2) смена режима с вторичной целью изменения политики санкционируемой страны;
- 3) прекращение военных действий;
- 4) разрушение военного потенциала страны;
- 5) изменение других аспектов политики санкционируемых стран [10].

Таким образом, введение санкций подразумевает влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны – реципиента и в этом смысле может рассматриваться как покушение на чужой суверенитет [2].

В статье 39 Устава ООН указано, что если Совет Безопасности ООН определит существование угрозы миру, нарушение мира или акта агрессии он вправе решить, какие меры следует принять. Из статьи 41 следует, что в том числе он вправе указать на необходимость принятия мер, не связанных с использованием вооруженных сил, - полного или частичного перерыва экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений (ст. 41).

Обобщающего названия данные меры не получили, но по сути это и есть «санкции», о которых мы говорим. Интересным является противопоставление их

использованию вооруженных сил. То есть использование «санкций» по сути, является альтернативой вооруженному вмешательству. Временной промежуток использования этой альтернативы является вопросом ситуационным, но общий вектор развития конфликта очевиден.

Учитывая, что по мнению большинства исследователей пределы санкционных ограничений уже исчерпаны, и далее остается только усиление контроля за их соблюдением, следует констатировать, что возможность санкционного давления на РФ достигла максимума.

Поскольку против интересов РФ используется максимум возможных мер, «не связанных с использованием вооруженных сил» - можно прийти к выводу все условия для перехода к экстраординарному государственному управлению уже сложились.

Из этого вытекает изменение почти всех характеристик государственного управления. В указанной статье Л.А. Мицкевич выделены основные следствия - при переходе к экстраординарному управлению первоочередными становятся иные функции: мобилизация ресурсов, оперативное планирование, подзаконное правовое регулирование (ситуационное законодательство), аккумуляция и перераспределение финансов и материальных благ, государственный контроль (надзор) за законностью дополняется контролем за дисциплиной, усиливается юрисдикционная функция (обеспечение правопорядка и безопасности). Чрезвычайными условиями трансформируются принципы государственного управления, например, законность и правовая определенность, предсказуемость (стабильность) наполняются новым содержанием в соответствии с чрезвычайным законодательством, некоторые принципы существенно ограничиваются, например, принцип открытости информации, принцип демократичности и ограничения прав граждан федеральным законом. Некоторые принципы становятся наиболее значимыми и выдвигаются на передний план, например, содержащиеся в международных и отечественных правовых нормах принципы необходимости (обоснованности), пропорциональности (соразмерности) и специальное требование для экстраординарного управления – временный характер.

Изучение изменений в законодательстве и практике его применения позволяют сделать вывод, что все указанные тенденции налицо. Однако ни системного подхода в изменениях в государственном управлении, ни их системного осмысления почти не нет. Учитывая перспективы, на науку административного права ложится большая ответственность по теоретическому анализу и выработке каких либо универсальных схем и правил государственного управления, пригодных в сложившихся условиях.

Список использованных источников:

1. Административно-правовые режимы в государственном управлении в Российской Федерации: теория и современная практика: монография / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М., 2017. 528 с.
2. Бредихин А.Л. Суверенитет: политический и правовой смысл // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 3. С. 3-8.
3. Герасимов В., Розина А., Солдаткин Я. Антироссийское «санкционное цунами» 2022 года и его последствия для рынка комплаенс-информации в России // Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. Издание 3-е, переработанное и дополненное. М.: НП РСМД, 2023. С. 10-26.
4. Зырянов С.М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 72-81.
5. Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты / под. ред. И.С. Барзиловой М.: Юрлитинформ, 2012.
6. Мещерякова О.М. Соотношение права Европейского Союза и суверенитета государств-членов // Вестник Российского университета дружбы народов. 2009. № 4. С. 93-100.
7. Мицкевич Л.А. Ординарное и экстраординарное государственное управление // Государство и право России в современном мире : сборник докладов XII Московской юридической недели : в 5 ч. Ч. 5. Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 122-127.
8. Романовский В.Г. Экстраординарная ситуация: понятие, правовой режим, особенности регулирования // Наука. Общество. Государство. 2021. № 1. С. 54-62.
9. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекций. - 2-е изд., доп. - М.: Омега-Л, 2004. 584 с.
10. Тимофеев И. Политика санкций: однополярный или многополярный мир? // Политика санкций: цели, стратегии, инструменты : хрестоматия. Издание 2-е, переработанное и дополненное. М.: НП РСМД, 2020.
11. Колесников В.В. Экономическая теория права: экономический анализ правовых феноменов: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 80 с.

УДК 343.9

ПРАВООТНОШЕНИЯ ПО ЗАЩИТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

© Г.Л. Москалев

*Сибирский федеральный университет**Шанхайский политико-юридический университет*

В 2020 году Конституция РФ обогатилась ч. 3 ст. 67.1, первое предложение которой гласит: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды» [1]. В своем конституционно-правовом смысле историческая правда – это требующая охраны от ее изменения социально значимая достоверная информация об исторических событиях, связанных с обеспечением безопасности России, главным образом, но не исключительно – с историей Великой Отечественной войны, состоящая из точно подтвержденных исторических фактов [7, с. 1077].

Неоднозначно правовое значение конституционных положений ст. 67.1 было интерпретировано в науке. Появилась позиция, согласно которой основной закон в этой части закрепил конституционный принцип неюридического характера [5, с. 29]. Применительно к рассматриваемой в работе ч. 3 ст. 67.1 с данным утверждением сложно согласиться. Во-первых, противоречивым выглядит сам тезис о том, что Конституция РФ содержит неюридические положения. Во-вторых, во исполнение ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ нормы, посвященные исторической правде, стали активно включать в различные правовые акты, в чем проявилась системообразующая функция норм основного закона страны. Более того, с момента появления рассматриваемой нормы в Уголовный кодекс РФ были включены статьи непосредственно направленные на защиту исторической правды (ст. 243.4 УК РФ). Таким образом, для умаления нормативного значения нового конституционного положения нет оснований.

Еще в 2014 году В.Н. Додонов отмечал, что «определенное видение истории входит в систему идеологических ценностей данного общества и государства, а значит, потенциально входит в сферу охраняемых отношений» [6, с. 87]. Появившаяся норма о защите исторической правды в целом стала шагом к воплощению этого потенциала. При этом она установила границы такой охраны. Использование в ч. 3 ст. 67.1 основного закона понятия «историческая правда» требует от государства защиты не определенных оценок событий прошлого, но исторических фактов. При этом Конституция РФ формулирует задачу по охране не вообще всех фактов, а только связанных с обеспечением безопасности России

(защитой Отечества). Кроме того, государство берет под охрану не все исторические факты, а имеющие наиболее важное социальное значение, искажение которых оценивается обществом наиболее остро. В противном случае нормы-запреты не могут быть включены в УК РФ, выступающий источником уголовного права и призванный охранять общественные отношения.

Препятствием для всесторонней охраны отношений по защите исторической правды выступает неопределенность их содержания. В частности, вызывает вопрос о круге субъектов таких отношений и характере их взаимодействия. После появления ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ понятие «историческая правда» было использовано в действующей Стратегии национальной безопасности РФ и Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Поэтому в поиске норм, регулирующих отношения по защите исторической правды, следует обратиться к названным актам.

Стратегия национальной безопасности говорит об исторической правде в разделе «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». Задачи по её обеспечению сформулированы в п. 93 Стратегии. В их числе названа защита исторической правды (пп. 2) и формирование государственного заказа на проведение научных исследований, публикацию научно-популярных материалов, создание произведений литературы и искусства, кинематографической, театральной, телевизионной, видео- и интернет-продукции, оказание услуг, направленных на защиту исторической правды, а также обеспечение контроля качества выполнения этого государственного заказа (пп. 11). Кроме того, Стратегия ставит задачу по защите исторической правды для достижения целей внешней политики РФ (пп. 21 п. 101). Стратегия национальной безопасности должна использоваться в работе всеми органами публичной власти в рамках их полномочий. При этом реализация стратегии обеспечивается также действиями институтов гражданского общества (п. 102-103).

Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» конкретизирует отдельные положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (п. 3). Искажение исторической правды названо в Основах в числе рисков распространения деструктивной идеологии (пп. «е» п. 17). В противовес этому риску среди основных направлений решения проблем в области сохранения и укрепления традиционных ценностей названо повышение эффективности деятельности научных, образовательных,

просветительских организаций и организаций культуры по защите исторической правды (пп. «е» п. 19).

Из изложенного следует, что общественные отношения по защите исторической правды объединяют множество субъектов: органы публичной власти, институты гражданского общества, научных, образовательных, просветительских организаций и организаций культуры. Предметом этих отношений выступает сама историческая правда, как охраняемая законом нематериальная ценность. Связи субъектов этих отношений многообразны и зависят от полномочий органа публичной власти или целей и функций организаций. В связи с тем, что вопросы защиты исторической правды раскрываются в документе, посвященном сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, то закономерно отнести эти рассматриваемые отношения к общественным отношениям по защите нравственности. Соответственно, статьи о преступлениях против исторической правды необходимо размещать в главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1991 (ред. от 06.10.2022) // Российская газета. 25.12.1993. № 237.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.10.2023) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 05.07.2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
4. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.
5. Гуторова А.Н. Конституционное положение о сохранении памяти предков: проблемы толкования и реализации // Права человека: история, теория, практика: девятая Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 28-31.
6. Додонов В.Н. Уголовно-правовая охрана исторической правды: зарубежный опыт и развитие российского законодательства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 3. С. 87-95.

7. Москалев Г.Л. Охрана исторической правды: новая задача российского права // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 8. С. 1070-1081.

УДК 340.14

ПРОРАБОТКА НОВЕЛЛ КОММЕНТАРИЕВ К СТ. 10-12 МК ОЭСР В 2011-14 ГГ. КАК МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ

© **А.В. Николаев**

Сибирский федеральный университет

Чуть более 9 лет тому назад утверждением Комментариев к ст. 10-12 Модельной конвенции ОЭСР в отношении налогов на доходы и капитал (далее – МК ОЭСР, модельная конвенция) редакции 2014 г. [1] завершилась последняя на сегодняшний день реформа концепта бенефициарного собственника дохода ст. 10-12 модельной конвенции. Этому предшествовал длительный этап открытого публичного обсуждения предложенных рабочей группой ОЭСР новелл с заинтересованными сообществами предпринимателей и налоговедов, что для ОЭСР является правилом, нежели исключением. Этот этап может послужить моделью или одним из примеров для проработки подходов к взаимодействию органов, осуществляющих нормотворчество или влияющих на практику в налоговой сфере, с профессиональными сообществами.

Предложенные рабочей группой ОЭСР новеллы Комментариев к ст. 10-12 модельной конвенции в части раскрытия значения термина «бенефициарный собственник дохода» были размещены в первой половине 2011 г. в открытом доступе на сайте ОЭСР с предложением направлять на них отзывы [2]. В отведенный срок (с 29 апреля по 15 июля 2011 г.) ОЭСР получила 39 отзывов налоговедов, практикующих юристов и деловых людей, чья деятельность связана с международными налоговыми отношениями, все отзывы были размещены в свободном доступе на сайте ОЭСР [3, с. 40-55]. Острое обсуждение в отзывах предложенных новелл привело к их корректировке и появлению во второй половине 2012 г. очередного документа рабочей группы ОЭСР, помимо текста отредактированных новелл Комментариев к ст. 10-12 модельной конвенции содержащего мотивы принятия или отклонения возражений и замечаний, выдвинутых профессиональными сообществами [4].

В числе прочего рабочая группа ОЭСР согласилась исключить формулировку «из этого не следует, что значение [термина] “бенефициарный собственник” по национальному праву автоматически не применимо для толкования термина в контексте статьи: значение национального права применимо в той степени, в какой оно согласуется с общим руководством настоящих Комментариев», – отказ от оговорки делал однозначнее принцип, что СИДН толкуется в соответствии с договорным значением термина «бенефициарный собственник дохода», а не по значению внутреннего права. Рабочая группа ОЭСР согласилась уточнить перечень случаев, когда получатель дохода не считается его бенефициарным собственником, а также дополнить положения перечнем обязательств, обременение которыми получателя дохода не лишает его статуса их бенефициарного собственника. Наконец, рабочая группа ОЭСР отвергла возражения против использования концепта в качестве правила против избежания налогов и его упоминания в числе таких правил, а также против возможности лишения бенефициарного собственника дохода договорных льгот в соответствии с иными правилами против избежания налогов, тем самым четко классифицировав условие о бенефициарном собственнике дохода как специальное правило против избежания налогов (далее – SAAR), действующее в жестко оговоренном спектре.

Этот документ также был размещен в открытом доступе на сайте ОЭСР с предложением направлять на него отзывы, на что в отведенный срок (с 19 октября по 15 декабря 2012 г.) было получено 18 откликов, также размещенных в свободном доступе на сайте ОЭСР [3, с. 58-63]. Они не поколебали выработанные рабочей группой ОЭСР позиции и следующим шагом стала публикация в июле 2014 г. поправок Комментариев к МК ОЭСР [5], в результате утверждения которых в ноябре 2014 г. появилась новая редакция Комментариев к ст. 10-12 МК ОЭСР, изложившая современное содержание концепта бенефициарного собственника дохода:

Взаимодействие ОЭСР с профессиональными сообществами при работе над новеллами Комментариев к ст. 10-12 МК ОЭСР, утвержденными в 2014 г., должно быть признано успешным. Если предшествовавшая реформа концепта бенефициарного собственника дохода, завершившаяся принятием Комментариев к ст. 10-12 МК ОЭСР редакции 2003 г., не удовлетворила множество налоговых экспертов [3, с. 32-34], полагавших цели не достигнутыми, то завершившаяся в 2014 г. реформа, будучи компромиссом не удовлетворила всех, но консенсус налоговых экспертов можно свести к тому, что базовые цели были достигнуты [3, с. 66-70]. Выработанные и утвержденные в 2014 г. формулировки оказались устойчивыми к дальнейшему развитию политики борьбы с

использованием соглашений об избежании двойного налогообложения (далее – СИДН) для избежания налогов. Когда пришла пора принимать новую редакцию модельной конвенции и Комментариев к ней в виду имплементации мер совместного проекта ОЭСР/G20 по противодействию размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (BEPS), положения о бенефициарном собственнике дохода Комментариев к ст. 10-12 МК ОЭСР редакции 2017 г. претерпели технические изменения, не затронувшие существа новелл 2014 г. [6]. Новеллы оказались привлекательными для другой межгосударственной организации, формирующей нормы мягкого права в сфере международных налоговых отношений. ООН, также ведшая реформу концепта бенефициарного собственника дохода своей Типовой конвенции об избежании двойного налогообложения в отношениях между развитыми и развивающимися странами (далее – ТК ООН), в Комментариях к ее ст. 10-12В редакции 2021 г. воспроизвела соответствующие положения Комментариев к ст. 10-12 МК ОЭСР 2017 г. [7].

В год утверждения МК ОЭСР редакции 2014 г. в Налоговом кодексе Российской Федерации (далее – НК РФ) появилась норма о лице, имеющем фактическое право на доход, являющемся эквивалентом бенефициарного собственника дохода ст. 10-12 МК ОЭСР и ТК ООН. Необходимость появления такого эквивалента в отечественном налоговом законе Правительство РФ декларировало в Основных направлениях налоговой политики РФ с 2011 по 2013 гг. включительно [3, с. 86]. В первой половине 2014 г. на сайте Минфина РФ появился соответствующий законопроект [8], позднее группа депутатов Государственной Думы внесла от своего имени законопроект того же характера [9], ставший в 2014 г. новеллами НК РФ о лице, имеющем фактическое право на доход. Публичная проработка новелл во взаимодействии с широким спектром профессиональных сообществ по модели, какой следовала ОЭСР, не проводилась, новеллы НК РФ были приняты в короткие сроки.

Принятые в 2014 г. новеллы ст. 7 НК РФ определяли лицо, имеющее фактическое право на доход, через ряд признаков, которыми оно должно обладать (п. 2), и описывали, при наличии каких признаков лицо не признается имеющим фактическое право на доход (п. 3). Налоговеды отметили расхождение дефиниции п. 2 ст. 7 НК РФ с формулировками Комментариев к ст. 10-12 МК ОЭСР редакции 2014 г., но если для одних это было малозначительным а характеристика фактического получателя дохода виделась в целом соответствующей Комментариям к МК ОЭСР, провозглашающим применение термина в свете объекта и целей СИДН, включая предотвращение избежания налогов или уклонения от их уплаты [11], то для других разночтения оказались

неприемлемыми, поскольку вопреки подходам Комментариев к МК ОЭСР 2014 г., мировой науки и практики в п. 2 ст. 7 НК РФ смешались созвучные по названию, но разные по сути международная налоговая концепция «бенефициарного собственника дохода» и концепция «бенефициарного собственника компаний из сферы противодействия отмыванию доходов» [12]. Лишь внесенные в 2016 г. в ст. 7 НК РФ поправки сегрегировали дефиниции по сфере приложения: п. 2 стал применим для целей НК РФ, а п. 3 – в целях реализации положений СИДН с российским участием, предусматривающих пониженные налоговые ставки или освобождение от уплаты налога.

Нормы НК РФ, как и тексты СИДН с российским участием, не разъяснили нюансы значения термина «лицо, имеющее фактическое право на доход» и ряд лакун ФНС РФ заполнила письмами от 17.05.2017 № СА-4-7/9270@ и от 28.04.2018 № СА-4-9/8285@. Среди прочего, в первом письме условие о лице, имеющем фактическое право на доход, описывалось как механизм «по противодействию злоупотреблению нормами международных налоговых соглашений», широкое правило против избежания налогов, применимое не только к пассивным доходам, но, «при достаточной совокупности доказательств» применимого к установлению фактов неправомерного использования норм СИДН к различным видам доходов, выплачиваемых иностранной организацией. При применении СИДН термин «лицо, имеющее фактическое право на доход» должен пониматься с учетом таких основных договорных принципов, как предотвращение злоупотребления положениями договора и преобладание сущности над формой. Во втором письме при выявлении фактов BEPS условие о лице, имеющем фактическое право на доход, признавалось универсальным инструментом борьбы со злоупотреблениями СИДН, применимым с учетом «таких основных принципов, как предотвращение злоупотребления положениями договора и преобладание сущности над формой». Основным вопросом, исследуемым в спорах о применении норм СИДН, «становится оценка деловой цели и правильной квалификации существа совершенных сделок (операций)», по итогам которой «выплаты из долгового обязательства» могут быть переклассифицированы «в акционерный капитал с соответствующим изменением режима налогообложения», а совокупность сделок может быть переклассифицирована в гибридные схемы «с применением норм национального законодательства к выведенному из-под налогообложения доходу».

Подход ФНС в первом письме позволил российским юристам заключить, что условие о лице, имеющем фактическое право на доход, есть частный случай «теста на основную деловую цель», хорошо известного «в российской практике

благодаря пункту 9 Постановления Пленума ВАС РФ № 53 от 12.10.2006» и получившего «свое закрепление в пункте 2 статьи 54.1 НК РФ» [12]. Изложенное во втором письме также интерпретируется как закрепление положения, «что концепция фактического права на доход представляет собой частный случай теста на основную деловую цель», закрепленную ранее в Постановлении Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53» [13]. Оба подхода и вывода не совпадают с упомянутыми ранее и закрепленными в Комментариях к ст. 10-12 МК ОЭСР 2014 и 2017 гг. и в Комментариях к ст. 10-12В ТК ООН 2021 г. ролью условия о бенефициарном собственнике дохода как SAAR с узким спектром применения и правилом, что при толковании СИДН его термин «бенефициарный собственник дохода» не следует значению из внутреннего законодательства.

Прошлое не знает сослагательного наклонения, невозможно предполагать, случились бы указанные разночтения значений терминов «лицо, имеющее фактическое право на доход» и «бенефициарный собственник дохода», если бы работа над новеллами НК РФ и разъяснениями ФНС РФ проходила по более трудозатратной модели ОЭСР публичного диалога творцов норм и правил в сфере международных налоговых отношений с профессиональными сообществами лиц, ведущих деятельность в этой сфере. Но, полагаем, модель работы ОЭСР как творца норм мягкого права, ее положительные стороны и недостатки, не должны быть обойдены вниманием при решении, на какие схемы следует ориентироваться во взаимодействии государства, юристов и предпринимателей при решении вопросов нормотворчества и разъяснения значения норм, возникающих в российском внутреннем и международном налоговом праве.

Список использованных источников:

1. OECD (2014), Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2014. Paris: OECD Publishing, 2014. 492 p.
2. Clarification of the Meaning of «Beneficial Owner» in the OECD Model Tax Convention: Discussion Draft (29 April 2011 to 15 July 2011). URL: <http://www.oecd.org/tax/treaties/47643872.pdf>.
3. Демин А.В., Николаев А.В. Доктрина бенефициарного собственника в налоговом праве. Москва: Проспект, 2020. 296 с.
4. OECD Model Tax Convention: Revised Proposals Concerning the Meaning of «Beneficial Owner» in Articles 10, 11 and 12 (19 October 2012 to 15 December 2012). URL: <http://www.oecd.org/ctp/treaties/Beneficialownership.pdf>.

5. The 2014 Update to the OECD Model Tax Convention (15 July 2014). URL: <http://www.oecd.org/tax/treaties/2014-update-model-tax-convention.pdf>.

6. OECD (2017), Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2017. Paris: OECD Publishing, 2017. 654 p.

7. United Nations Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries: 2021 Update. – New York: UN, 2021. 911 p.

8. Проект 27-05-2014 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)». URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=21807-proekt_federalnogo_zakona_o_vnesenii_izmenenii_v_chasti_pervuyu_i_vtoruyu_nalogoovogo_kodeksa_rossiiskoi_federatsii_v_chasti_nalogooblozheniya_pribyli_kontroliruemyykh_inostrannykh_kompanii_i_dokhodov_inostrannykh_organizatsii.

9. Законопроект № 630365-6 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/630365-6>.

10. Гидирим В.А. Основы международного корпоративного налогообложения. М.: Изд-во «Человек слова», 2016. – 1088 с.

11. Балакина З.В. Правовые проблемы интерпретации концепции бенефициарного собственника дохода в российском налоговом законодательстве // Российский юридический журнал. 2015. № 6 (105). С. 185-196.

12. TaxAlert № 90. Taxology, 31.05.2018. – URL: <https://taxology.ru/alert90>.

13. Крохина Ю.А. Имплементация концепции бенефициарного собственника в целях привлечения к ответственности за уклонение от уплаты налогов // Налоги. 2022. № 2. С. 38–42.

УДК 343.96

МОЖЕТ ЛИ КОРРУПЦИОНЕР БЫТЬ ПАТРИОТОМ?

© В.А. Номоконов

Дальневосточный федеральный университет

Название тезисов данного сообщения звучит риторически. Как известно, не так уж редко мы сталкиваемся с так называемым ложным патриотизмом, который под привлекательной вывеской прикрывает корыстные или другие низменные цели. Такая практика наблюдалась в истории человечества. Подобные ситуации дали основание англичанину Джонсону заявить в далёком 1775 году, что «патриотизм – это последнее прибежище негодяя» (Википедия). Поэтому не должно быть никаких сомнений в том, что коррупционер прежде всего – враг государства. Но возникает вопрос: каковы личностные предпосылки, источники коррупционного поведения. Это важно для профилактики, реального противодействия коррупции.

Представляется, что личность преступника вообще и коррупционера, в частности, есть результат аномального психологического развития личности. И личность коррупционера – это не чёрт из табакерки, это всё же результат социально-нравственного формирования. Психолог С.Н. Братусь убедительно показал разницу между психологически нормальным и аномальным развитием человека. Нормальное развитие — это такое развитие, которое ведет человека к обретению им родовой человеческой сущности. Аномальным, отклоняющимся от нормального является такого рода развитие, которое ведет человека к отъединению, отрыву от его всеобщей родовой сущности. Условиями и одновременно критериями такого развития он считает: отношение к человеку как к средству, как к конечной, заранее определяемой вещи (центральное системообразующее отношение); эгоцентризм и неспособность к самоотдаче и любви; подчиняющийся внешним обстоятельствам характер жизнедеятельности; отсутствие или слабая выраженность потребности в позитивной свободе; неспособность к свободному волепроявлению, самопроектированию своего будущего; неверие в свои возможности; отсутствие или крайне слабая внутренняя ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями; отсутствие стремления к обретению сквозного общего смысла своей жизни [1, с. 49-50].

Таким образом, любой преступник, в том числе коррупционер – это, как правило, в той или иной степени ущербная (морально, психически, социально)

личность. Гармоничный, истинно свободный человек не способен на преступление, а, значит, не представляет никакой общественной опасности.

В результате специальных исследований сформирован достаточно полный криминологический и психологический портрет, который дает основание для выделения личности коррупционера в самостоятельный преступный тип со свойственными только ему установками, мотивами и корыстными наклонностями [2, с. 99].

Обобщая выводы исследований личности коррупционного преступника [3; 4; 5] и др., назовём основные характерные черты, свойственные личности коррупционера:

- в общей массе лиц, совершающих коррупционные преступления, доминирующее положение занимают преступники мужского пола (исключение составляют сферы образования, здравоохранения и фарминдустрии, где традиционно в профессиональном плане преобладают женщины);

- преобладают лица в возрасте старше 30 лет;

- преступники имеют высокий образовательный уровень;

- большинство лиц имеет семью, детей, т.е. социально-благополучное семейное положение;

- лиц, ранее судимых, в том числе тех, у кого судимость снята или погашена, немного;

- у преступников преобладают мотивы личного обогащения, стремления занять в жизни более высокое социальное и должностное положение;

- лица, совершающие коррупционные преступления, отличаются властолюбием, корыстолюбием, неуважением к закону.

В качестве критериев, позволяющих выявить из общего числа сотрудников того или иного подразделения субъектов повышенного риска, нередко выступают следующие обстоятельства:

- совместное проведение досуга с членами организованных преступных группировок, а также поддержание неделовых контактов с лицами, обоснованно подозреваемыми в противоправной деятельности;

- приобретение дорогостоящих предметов роскоши, частые поездки за рубеж, наличие крупных сумм денег;

- непринятие мер по явным фактам преступных действий отдельных лиц, консультирование лиц, пытающихся уйти от уголовной ответственности;

- неделовые связи с «разрабатываемым контингентом»;

- нарушения трудовой и служебной дисциплины, частые предъявление больничных листов и смена места службы и т. д.

Как отмечал начальник Управления взаимодействия со СМИ Генпрокуратуры РФ А. Куренной, расхожее мнение, будто коррупционеры - меркантильные и жадные люди, стремящиеся к статусу, престижу и власти, - не вполне соответствует действительности. На самом деле, по его мнению, наиболее значимые черты характера, которые присущи гражданам, совершившим коррупционные преступления, — это энергичность, инициативность, высокие работоспособность и стрессоустойчивость, выраженные организаторские навыки. Такие люди, как правило, прагматичны и отличаются устремленностью к конкретным результатам. Им также свойственны готовность жестко отстаивать свои интересы и эгоизм [6].

И всё же, на мой взгляд, главное, что толкает этих людей на преступление - корыстная мотивация. Только треть из них ведь жаловалась на изначально низкое материальное положение. Нередко мотивами к противоправным действиям были потребность в самоутверждении, повышении своего авторитета, обладании властью, а также месть за несправедливость со стороны руководства и корпоративная солидарность. Лишь четверть коррупционеров считают, что к преступлениям такой направленности толкают низкие морально-нравственные качества.

Отметим особые свойства, позволяющие чиновнику стать элементом системы коррупции. Эти особые свойства таковы, что под их влиянием при вхождении в систему любой объект существенно изменяется, и изменения его характеристик тем заметнее, чем сложнее система. Вхождение элементов в систему подчиняется общей цели, обуславливается ею, поэтому уже на первом информационном этапе для элементов системы устанавливается главное условие - необходимость подчинения общей цели создания интегральной функции, приобретающей значение ближайшей цели системы. В группах лиц, совместно совершающих коррупционные преступления, участники подчиняются определенным правилам, обеспечивающим согласованность действий, распределение ролей, власть лидеров. Отбор участников групп происходит в соответствии с закономерностями системообразования, исключающими вхождение в систему абсолютно автономных субъектов, не способных изменяться, подчиняться требованиям, установленным лидерами в интересах достижения группой поставленных перед нею целей.

Из этого вытекает, что информационный этап образования коррупционной системы, включающий установление цели, сопровождается так называемой спецификацией субъектов, при которой объединяемые члены группы приобретают новые свойства или функции, превращающие их в компонент системы. Так были сформированы группы коррупционеров в военкоматах Санкт-

Петербурга, Москвы и Саранска, в которых врачам была поставлена цель за взятки выдавать призывникам поддельные заключения о состоянии здоровья, что позволяло юношам уклоняться от службы в армии. Например, в Саранске в преступную группу входили заместители начальника отделения республиканского военкомата, председатель военно-врачебной комиссии республиканского военкомата и врач-хирург. Участники подбирались в группу как по личностным качествам, так и с учетом их должностных полномочий и возможностей влиять на установление диагноза призывника. В медицинских картах незаконно комиссованных призывников наиболее часто фигурировали такие заболевания, как язва, сколиоз и плоскостопие. За определенное вознаграждение преступная группа освободила от армии более 20 молодых людей, признав их негодными к службе по состоянию здоровья [7].

Субъект, входящий в коррупционную группу, в известной степени теряет личную свободу в результате подчинения руководителю и наделяется дополнительными функциями, не свойственными его профессиональной деятельности. Велика вероятность того, что лица, вступающие в преступные коррупционные группы, и до этого совершали различные проступки и даже преступления, и что вступление в коррупционную группу стало закономерным этапом в длительном процессе искаженного развития личности в неблагоприятной среде [4, с. 230]. Такой средой многие исследователи считают бюрократическую систему современной России, для которой коррупция выступает стилем жизни и традиционной формой делового взаимодействия. Бюрократическая среда в готовом виде содержит в себе субъектов, по своим нравственно-психологическим свойствам способных стать участниками коррупционных групп.

Личность преступника, совершающего коррупционные преступления, следует понимать как относительно стабильную совокупность индивидуальных качеств, формирующих *склонность к коррупции* и определяющих коррупционное поведение в условиях коррупционного давления.

Коррупционные группы, возникающие в бюрократической среде, включают в себя только тех участников, которые обладают общими свойствами, позволяющими им стать компонентами коррупционной системы. Имманентность личностных качеств (или способность к ней) является основой «предпочтительности» при включении отдельных лиц в коррупционную группу бюрократическая среда содержит в себе отдельных лиц, по своим нравственно-психологическим качествам способных стать участниками коррупционных групп.

Находясь в обстановке коррупционного давления в бюрократической среде, должностное лицо, имеющее личностную предрасположенность к

выбору коррупционного поведения и твердую установку на извлечение дополнительных доходов путем злоупотребления своим служебным положением, начинает играть иные социальные роли, обусловленные коррупционными намерениями.

Участие должностного лица в коррупционной группе сопровождается:

- необходимостью подчинения воле лидера (или большинства);
- необходимостью соблюдения конспирации, маскировки своего поведения;
- выполнением обязанностей (помимо узко профессиональных) в соответствии с распределением обязанностей в группе;
- выполнением функций, которые объективно криминогенны и могут быть реализованы лишь с помощью нарушения закона;
- получением дохода в зависимости от роли в группе и по решению лидера.

Исследованные психологами особенности личности коррупционера позволяют представить психологический портрет такой личности. Для неё характерно: осмысление жизни через приобретение материальных благ, стремление к роскоши как показателю счастья, неосознанная мотивация и недифференцированная структура установок нравственного поведения, низкий уровень удовлетворенности жизнью, негативное самоотношение и неадекватная самооценка, экстернальный (внешний) локус контроля, импульсивный тип реагирования. Каждая из этих характеристик повышает склонность к коррупции, которую можно описать как интегральный показатель. Таким образом, личность коррупционера, если быть кратким: это лицо, склонное к коррупционному поведению.

По результатам исследований психолог О.В. Ванновская разработала и внедрила в практику компьютеризированный комплекс «АКорД», который позволяет выявлять уровень антикоррупционной устойчивости личности, как системного свойства, проявляющегося в способности противостоять коррупционному давлению и осуществлять выбор между криминальным и законопослушным поведением [8]. С учётом сказанного никак нельзя согласиться с утверждениями о том, что якобы «нет никаких оснований упрекать большинство осуждённых за коррупционные преступления в непатриотическом отношении к своей стране» [9]. На самом деле коррупционеры – это предатели государства и правовые последствия такого поведения должны быть приравнены к государственной измене. Если ложный патриотизм – последнее прибежище негодяя, то коррупция – это его первое прибежище.

Список использованных источников:

1. Братусь С.Н. Аномалии личности. М., 1988.
2. Глазкова Л.В. Личность коррупционера как компонента системы коррупции // Современное право. № 2. 2017.
3. Абрамовская О.Р. Противодействие коррупционной преступности в органах государственной власти и местного самоуправления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011.
4. Изосимов В.С. Незаконное участие в предпринимательской деятельности: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
5. Майоров А.В., Абрамовская О.Р. Криминологические особенности личности коррупционного преступника // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 37 (291).
6. Нодельман В. Портрет коррупционера: энергичный, образованный, 40-летний семьянин // Известия. 2018. 6 дек.
7. Зотикова В. Торговала язвами // Российская газета. 2016. 17 мар.
8. Ванновская О.В. Психология коррупционного поведения государственных служащих. М., 2020.
9. Герцик Е.Д. Криминологическое исследование личности коррупционера в России // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы V Междунар. науч. конф. Казань: Бук, 2016.

УДК 343.35

**МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ЗА НЕЦЕЛЕВОЕ РАСХОДОВАНИЕ
БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ**

© А.А. Пастушенко

Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС

Возможность реального воплощения любых правоотношений напрямую зависит от тех гарантий, которые государство устанавливает, на случай если участники этих правоотношений допустят нарушения в ходе их реализации. Отсутствие таких сдерживающих механизмов приведет к формальному характеру самих обязательств, возникающих между сторонами правоотношений.

Наиболее строгая система таких гарантий представлена в виде системы уголовных наказаний. Так сама категория «преступление» находит свое нормативное закрепление через указание на угрозу наказания.

Согласимся с Е.А. Антонян, что наказание представляет собой важный инструмент государства для осуществления охраны политических, экономических, социальных и иных общественных отношений [7].

Одной из задач современной государственной политики является предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности, нецелевого использования и хищения бюджетных средств в органах публичной власти и организациях с государственным участием, что прямо предусмотрено Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

В этой связи вызывает интерес вопрос эффективности и согласованности, предусмотренной уголовным законодательством РФ, системы наказаний за нецелевое расходование бюджетных средств.

Репрессивный потенциал всех видов наказаний различен, что, по первому ощущению, позволяет при их правильном и вдумчивом использовании в самом законе и на практике если не достичь, то приблизиться к достижению целей наказания. Разделяя указанное мнение [3], рассмотрим насколько «правильно и вдумчиво» использованы в законе и на практике наказания, предусмотренные статьей 2851 УК РФ.

Данная норма используют следующую систему уголовных наказаний:

- а) штраф;
- б) принудительные работы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
- в) арест;
- г) лишение свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Статистические наблюдения [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21] дают нам следующие результаты – за период с 01 января 2009 г. по 31 декабря 2022 г. по ст. 285.1 УК РФ было осуждено 50 человек. В 13 случаях в качестве меры ответственности было избрано лишение свободы на определенный срок. При этом только в одном из них лишение свободы имело реальный характер, в остальных же (12) условный. Наказание в виде штрафа было применено в отношении 23 человек. Принудительные работы, с учетом требований Федерального закона от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, смогли применяться судами только с 1 января 2017 г. и в период с 01 января 2017 г. по 31 декабря

2022 г. данный вид наказания к лицам, совершившим нецелевое расходование бюджетных средств, не применялся.

Наказание в виде ареста, до настоящего времени, фактически не применяется, в связи с отсутствием арестных домов.

Исходя из сказанного можно прийти к выводу, что наказание в виде лишения свободы к лицам допустившим нецелевое расходование бюджетных средств практически не применяется и отдается предпочтение наказанию в виде штрафа.

Санкция ч. 1 ст. 285.1 УК РФ предусматривает возможность применения штрафа в размере от 100 000 до 300 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, за совершение квалифицированного состава нецелевого расходования бюджетных средств (ч. 2 ст. 285.1 УК РФ) может быть назначен штраф в размере от 200 000 до 500 000 руб., или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет.

Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывает, что в годы, когда назначалось наказание в виде штрафа (за период с 1 января 2011 г. по 31 декабря 2022 г.), оно назначалось в разных размерах.

При этом чаще назначается размер штрафа, близкий к минимальному, что ставит под сомнение достижение целей наказания, предусмотренных ч. 2 ст. 43 УК РФ.

Например, из Кассационного определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.06.2023 № 77-1409/2023 [2] следует, что за нецелевое расходование бюджетных средств в сумме 14 608 960 рублей, что образует крупный размер, а значит было квалифицировано по п. «б» ч. 2 ст. 285.1 УК РФ, виновному лицу был назначен штраф в размере 200 000 рублей.

Указанное обстоятельство говорит о неэффективном применении имеющего карательного потенциала уголовного законодательства.

При этом это не единственная проблема санкций за нецелевое расходование бюджетных средств.

Так достаточно упомянуть, что ст. 285.1 УК РФ, по мнению ряда ученых-правоведов [1], является нормой, предусматривающей ответственность за специальный вид злоупотребления должностными полномочиями (нецелевое расходование бюджетных средств). В связи с чем возникает очевидная потребность сопоставить их меры уголовного воздействия. Проведенная в данном направлении работ показала, привилегированный характер ст. 285.1 УК РФ относительно ст. 285 УК РФ, что опять же недопустимо, поскольку в рамках этих уголовно-правовых запретов обеспечивается уголовно-правовая охрана

двух равнозначных принципов бюджетной системы - принципа эффективности использования бюджетных средств и принципа их целевого характера [6].

Возможным вариантом выхода из сложившейся ситуации, с учетом общего проблемного характера ст. 285.1 УК РФ [4, с. 101-156; 5, с. 106-110], является «возвращение к истокам», а именно квалификация действий, образующих нецелевое расходование бюджетных средств как злоупотребление должностными полномочиями, а значит использование в этих целях ст. 285 УК РФ.

При этом кроме модернизации диспозиции данной статьи, потребуются уточнение ее санкции. Например, такое уточнение могло бы быть представлено в следующем виде:

– штраф в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного месяца до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до одного года шести месяцев (ч. 1 ст. 285);

– штраф в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет (ч. 2 ст. 285);

– штраф в размере от одного миллиона до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до четырех лет (ч. 3 ст. 285).

Данная доработка уголовного законодательства позволила бы повысить эффективность карательного воздействия на лиц, совершающих нецелевое расходование бюджетных средств.

Список использованных источников:

1. Изосимов С.Г., Карпов А.Г. Нецелевое расходование государственных бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: уголовно-правовой анализ // Проблемы экономики и юридической практики. 2006. № 1-2. С. 80-86.

2. Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27.04.2023 по делу № 77-1112/2023 // СПС «Консультант плюс».

3. Лопашенко Н.А. Об уголовном наказании в России: заметки на полях Уголовного кодекса (от настоящего к будущему) // Закон. 2021. № 12. С. 33-48.

4. Минеев В.А. Уголовно-правовая характеристика нецелевого расходования бюджетных средств : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 240 с.

5. Пастушенко А.А. Диспозиция статьи 285.1 Уголовного кодекса РФ: проблемы конструирования и пути решения // Право и государство: теория и практика. 2015. № 8 (128). С. 106-110.

6. Пастушенко А.А., Антонова Е.Ю. Уголовно-правовая охрана отдельных принципов бюджетной системы РФ // Вопросы безопасности. 2021. № 3. С. 60-69.

7. Уголовное право в 2 т. Том 1. Общая часть : учебник для вузов / А.В. Наумов и др.; ответственные редакторы А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. 410 с.

8. Форма № 10-а Приложение к отчетам по формам № 10, 11 за 12 мес. 2009 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. — URL : <http://www.cdep.ru>.

9. Форма № 10-а Приложение к отчетам по формам № 10, 11 за 12 мес. 2010 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru>

10. Форма № 10-а Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации за 12 мес. 2011 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru>.

11. Форма № 10-а Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации за 12 мес. 2012 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru>.

12. Форма № 10-а Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации за 12 мес. 2013 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru>.

13. Форма № 10-а Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации за 12 мес. 2014 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru>.

14. Форма № 10-а Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации за 12 мес. 2015 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru>.

15. Форма № 10-а Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации за 12 мес. 2016 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru>.

16. Форма № 10-а Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации за 12 мес. 2017 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru>.

17. Форма № 10-а Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации за 12 мес. 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru>.

18. Форма № 10-а Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации за 12 мес. 2019 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru>.

19. Форма № 10-а Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации за 12 мес. 2020 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru>.

20. Форма № 10-а Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации за 12 мес. 2021 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru>.

21. Форма № 10-а Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации за 12 мес. 2022 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru>.

УДК 342

РЕАЛИЗАЦИЯ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИЗОЛЯЦИИ РОССИИ

© М.В. Пенизев

Сибирский федеральный университет

Федеральным законом от 04.08.2023 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и статью 44 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [1] были законодательно установлены основы того, как органы местного самоуправления должны осуществлять международные и внешнеэкономические связи.

Ранее в отраслевом Федеральном закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Закон о местном самоуправлении) [2] лишь в общем виде закреплялось право на осуществление органами местного самоуправления муниципальных образований международных и внешнеэкономических связей в целях решения вопросов местного значения (п. 8 ч. 1 ст. 17).

Конкретные рамки, в которых должны были бы действовать органы местного самоуправления в данной сфере, несмотря на законодательную оговорку «в соответствии с федеральными законами» в своей основе не устанавливались, ввиду чего муниципальные образования были предоставлены в данной сфере сами себе.

О необходимости регламентации данной сферы деятельности органов местного самоуправления высказывались как отдельные исследователи, так и должностные лица органов государственной власти.

Например, А.В. Еремин, исследуя полномочия органов местного самоуправления в международной деятельности муниципальных образований Российской Федерации на примере муниципальных образований Ленинградской области указывал, что этот вопрос требует решения в виде внесения изменений в Уставы муниципальных образований либо принятия специальных Положений, утверждаемых решением представительного органа [3, с. 45-46].

Председатель Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Комитет) по международным делам К.И. Косачев на заседании Комитета в январе 2019 года высказывал мнение о том, что «В условиях угроз и внешнего давления в отношении нашей страны, сохранение и наращивание прямого взаимодействия российских органов местного самоуправления с зарубежными муниципальными образованиями является особенно актуальной задачей, решение которой должно быть органично встроено во внешнеполитический курс Российской Федерации» [4].

Но, что показательно законодательное урегулирование данной сферы произошло именно в тот самый период, когда государственные органы Российской Федерации столкнулись с нарастающей международной изоляцией, а также «невъездным» статусом отдельных должностных лиц.

В таких условиях стремительного утверждения законодательных новелл можно предположить, что органы местного самоуправления, как один из уровней публичной власти конституционно отделенный от государственной власти Российской Федерации, рассматриваются действующей властью как альтернативный способ взаимодействия с международным сообществом.

Либо, что, более вероятно, государственная власть хочет установить тотальный контроль над любыми международными взаимодействиями муниципалитетов России, в подтверждение тому, появление новых обязанностей органов местного самоуправления согласовывать с органами государственной власти субъекта Российской Федерации осуществление международных и внешнеэкономических связей (ч. 1 ст. 69.3 Закона о местном самоуправлении), ежегодно информировать уполномоченный орган государственной власти субъекта Российской Федерации об осуществлении международных и внешнеэкономических связей (ч. 1 ст. 69.5 Закона о местном самоуправлении) [2].

При этом, как указывают Л.А. Андреева и Н.В. Ющенко, даже до внесения изменений в законодательство отдельные муниципалитеты, в частности городские округа, имели многочисленные международные и экономические договоры и соглашения с городами-побратимами и городами-партнерами из отдельных стран, а также входили в состав международных союзов и в составе союзов муниципальных образований России участвовали в международных и экономических отношениях в соответствии с договорами [5, с. 89-90]. Примеры такого успешного международного сотрудничества есть у Красноярска [6], Новосибирска [7], муниципалитетов Дальнего Востока России [8], Мордовии [9] и множества муниципалитетов из других регионов России. Вместе с тем, указанные примеры деятельности органов местного самоуправления в

указанной сфере во многом не имеют системного подхода и в данном аспекте можно приветствовать предложение законодателя создать Перечень соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления (ст. 69.4 Закона о местном самоуправлении) [2], который позволит актуализировать и сделать более открытыми для жителей сведения о деятельности муниципалитетов в данной сфере.

Однако представляется, что разумное стремление провести систематизацию сведений о международных контактах органов местного самоуправления по сути нивелируется обязанностью муниципалитетов согласовывать с органами государственной власти эти самые международные контакты (ч. 1 ст. 69.3 Закона о местном самоуправлении) [2], возникновение у органов местного самоуправления новых обязанностей по подготовке различного рода отчетов и проведения согласований своих международных соглашений с государственной властью, без какой-либо законодательно закрепленной обратной позитивной для муниципальных образований отдачи со стороны органов государственной власти (например, путем поощрения и поддержки активных на международной арене муниципалитетов), вероятнее всего, приведет к тому, что может иметь обратный, негативный эффект на развитие международного сотрудничества в муниципальной сфере, приведет к сокращению международных контактов.

В итоге, представляется, что представленные нововведения скорее говорят о продолжающейся тенденции на «огосударствление местного самоуправления» [9], в этот раз выразившейся в желании государственной власти взять под контроль взаимоотношения муниципальных образований России с иностранными коллегами.

Ранее свободные в международном взаимодействии муниципалитеты теперь обязаны будут согласовать свои действия с органами государственной власти субъекта Российской Федерации, отчитываться перед ними о своих международных контактах, что усилит и без того немалую зависимость муниципалитетов от государственной власти, создаст дополнительные бюрократические препятствия в развитии международной кооперации муниципалитетов России в и без того усиливающейся международной изоляции России. В очередной раз происходит наступление органов государственной власти на принцип самостоятельности местного самоуправления, закрепленный в Конституции Российской Федерации. Принесет ли такой контроль пользу для муниципальных образований, вопрос открытый.

Список использованных источников:

1. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и статью 44 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» : федеральный закон от 04.08.2023 № 420-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Еремин А.В. Полномочия органов местного самоуправления в международной деятельности муниципальных образований Российской Федерации // Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Том Выпуск III. Казань: Инновационный центр развития образования и науки, 2016. С. 43-46.

4. Сотрудничество российских органов МСУ с зарубежными муниципальными образованиями активно развивается — К. Косачев // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/100957/>.

5. Контакты с иностранными городами и организациями // Администрация города Красноярск. URL: <http://www.admkrsk.ru/citytoday/foreign/Pages/foreigncontacts.aspx>.

6. Евсеева Е.В., Лазарева К.В. Проект в сфере международных молодежных обменов городов-побратимов Новосибирска // МНСК-2018: Этнография: Материалы 56-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2018. С. 70.

7. Гавриков А.А. Значение и роль городов-побратимов в развитии русско-японской межкультурной коммуникации // Евразийство и мир. 2020. № 2. С. 3-9.

8. Тарасов, А. А. Производственные, научно-технические и педагогические связи Мордовии и Болгарии: города-побратимы Саранск и Ботевград // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 1(29). С. 141-146.

9. Тоболкина А.С., Елькина А.В. Поправки в Конституцию Российской Федерации 2020: огосударствление местного самоуправления // International Law Journal. 2020. Т. 3, № 1. С. 34-39.

10. Андреева Л.А., Ющенко Н.В. Актуальные вопросы международных и внешнеэкономических связей местного самоуправления // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник статей по материалам LXIX международной научно-практической конференции. Том 4 (68). Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2023. С. 83-94.

УДК 342.9

ОБ УЧАСТИИ КОНТРОЛИРУЕМЫХ ЛИЦ В КОНТРОЛЬНОЙ (НАДЗОРНОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© А.М. Переседов

*Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций
Российской Федерации*

В 2016 году в законодательство о контроле (надзоре) был внесен ряд существенных изменений, одним из которых стало установление для контрольных (надзорных) органов обязанности в процессе контрольной (надзорной) деятельности применять профилактические мероприятия рекомендательного характера [1]. Термин «контроль (надзор)» также был изложен значительно шире, чем это было предусмотрено ранее, так как помимо обеспеченных механизмом принуждения мер, которые в целом направлены на выявление уже совершенных правонарушений (проверок, контрольных закупок и т.д.) контрольная (надзорная) деятельность стала включать добровольные мероприятия, направленные на предотвращение нарушений обязательных требований. Всё это позволило утверждать, что с 2016 года профилактика стала обязательным элементом контроля (надзора) [2, с. 45].

В Федеральном законе от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – Закон № 294-ФЗ) было предусмотрено, что контрольные (надзорные) органы могут проводить следующие мероприятия по профилактике нарушений обязательных требований (далее – профилактика): размещение на официальных сайтах в сети «Интернет» перечней нормативных правовых актов или их отдельных частей, содержащих обязательные требования; информирование контролируемых лиц по вопросам соблюдения обязательных требований; регулярное обобщение практики осуществления контроля (надзора) и

размещение таких обобщений на официальных сайтах в сети «Интернет»; вынесение предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований [3]. Также было установлено, что федеральным законом, положением о виде контроля (надзора) может быть предусмотрено проведение дополнительных профилактических мероприятий, которые прямо не предусмотрены в Законе № 294-ФЗ [3].

Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон № 248-ФЗ) было установлено, что контрольные (надзорные) органы могут применять следующие мероприятия по профилактике: информирование, обобщение правоприменительной практики, меры стимулирования добросовестности, объявление предостережения, консультирование, самообследование, профилактический визит. Помимо этого, в Законе № 248-ФЗ также был предусмотрен открытый перечень профилактических мероприятий. Однако, в отличие от Закона № 294-ФЗ, контрольные (надзорные) органы при осуществлении видов контроля (надзора), которые регулирует Закон № 248-ФЗ, могут применять не любые профилактические мероприятия, а только те, которые направлены на создание у контролируемых лиц мотивации к добросовестному соблюдению обязательных требований за счет мер нематериального поощрения [4].

До настоящего времени Закон № 294-ФЗ и Закон № 248-ФЗ не содержат понятия профилактики. Вместе с тем при помощи анализа отдельных положений Закона № 294-ФЗ профилактику можно определить как мероприятия, которые являются частью системы контроля (надзора) и с помощью которых контрольные (надзорные) органы осуществляют деятельность, направленную на предупреждение нарушений обязательных требований при помощи: стимулирования добросовестного соблюдения обязательных требований контролируемыми лицами; устранения причин, факторов и условий, способствующих нарушениям обязательных требований; создание условий для доведения обязательных требований до контролируемых лиц, повышение информированности о способах их соблюдения [3].

При этом нельзя не отметить, что профилактика реализуется при активном участии не только контрольных (надзорных) органов, но и самих контролируемых лиц.

Так, учитывая открытый перечень профилактических мероприятий, которые могут применяться в рамках видов контроля (надзора), регулируемых Законом № 294-ФЗ, контрольные (надзорные) органы на уровне своих подзаконных актов предоставили контролируемым лицам возможность

самостоятельно осуществлять профилактику [5, с. 256]. Такими мероприятиями являлись, в том числе возможность проходить самообследование, декларировать соблюдение обязательных требований при помощи личных кабинетов и т. д. [6; 9]

Помимо этого, Закон № 248-ФЗ уже на законодательном уровне установил мероприятия, направленные на предотвращение возникновения условий для нарушения обязательных требований за счет предоставления контролируемым лицам возможности проходить независимую оценку соблюдения обязательных требований. Контролируемые лица получили возможность самостоятельно проходить оценку соблюдения обязательных требований в независимых аккредитованных организациях (инспекциях) и получать соответствующие заключения. В качестве меры стимулирования к проведению таких мероприятий предусмотрено освобождение от плановых контрольных (надзорных) мероприятий в течение срока действия заключения [4].

Добровольное членство в саморегулируемых организациях также стало обладать определенными преимуществами. Контролируемые лица, состоящие в саморегулируемых организациях, которые контролируют соблюдение своими членами обязательных требований, могут быть освобождены от контрольных (надзорных) мероприятий со стороны контрольных (надзорных) органов. Но, как и в случае с независимой оценкой соблюдения обязательных требований, освобождение от контроля (надзора) имеет ряд условий: такая возможность должна быть предусмотрена федеральным законом о виде контроля; предмет контроля саморегулируемой организации за деятельностью своих членов идентичен предмету вида контроля, либо охватывает более широкий круг вопросов; 3) между саморегулируемой организацией и контрольным (надзорным) органом заключено соглашения о признании результатов деятельности [4].

Наконец, заключение контролируемым лицом со страховой организацией договора добровольного страхования рисков причинения вреда (ущерба), объектом которого являются имущественные интересы контролируемого лица, связанные с его обязанностью возместить вред (ущерб) охраняемым законом ценностям, причиненный вследствие нарушения контролируемым лицом обязательных требований, также стало актуальным. Заключение подобного договора страхования свидетельствует о снижении рисков нарушения обязательных требований контролируемым лицом и, как следствие, позволяет сократить проводимых в отношении такого контролируемого лица контрольных (надзорных) мероприятий [4].

Согласно авторской позиции, обозначенные мероприятия являются не профилактическими, но превентивными [7]. Это связано с тем, что, исходя из буквального толкования положений Закона № 294-ФЗ и Закона № 248-ФЗ, профилактические мероприятия могут проводиться только контрольными (надзорными) органами. При этом мероприятия, в которых принимают участие контролируемые лица (инспекции и саморегулируемые организации) обобщенно называются независимой оценкой соблюдения обязательных требований [4]. Несмотря на смену субъектов проведения превентивный характер данных мероприятий очевиден, поскольку они: служат для предотвращения возникновения причин и условий, способствующих нарушениям обязательных требований; обладают добровольным характером; направлены, как на снижение административного давления на бизнес, так и на сокращение издержек государства при проведении контроля (надзора).

Вышеуказанное свидетельствует о том, что контролируемые лица могут принимать активное участие в предупреждении нарушений обязательных требований.

Помимо этого, в законодательстве существуют примеры, когда негосударственные некоммерческие организации могут не только участвовать в превентивной деятельности, но и прямо влиять на процесс организации и осуществления контроля (надзора). Так, Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» предусматривает, что организации предпринимательского сообщества, которые являются контролируемыми лицами, принимают участие в коллегиальном решении вопроса о проведении экспериментального правового режима в отношении бизнеса. Экспериментальный правовой режим, в свою очередь, предусматривает специальное регулирование предпринимательской деятельности, в том числе особые условия контрольной (надзорной) деятельности в отношении субъекта экспериментального правового режима [8].

При этом в законодательстве о контроле (надзоре) полномочия контролируемых лиц никак не определены, что, на наш взгляд, является явным пробелом и упущением законодателя.

Вышеуказанное позволяет нам говорить о том, что контролируемые лица выступают не только объектом, но и субъектом контрольной (надзорной) деятельности, обладающим определенными полномочиями в данной сфере. В связи с этим, а также в целях устранения правовых пробелов нами предлагается прямо предусмотреть в законодательстве, что контролируемые лица в области контроля (надзора) обладают полномочиями по участию в превентивной

деятельности, а также иными полномочиями, предусмотренными законодательством о контроле (надзоре), а также иными федеральными законами.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 246-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (ред. от 13.07.2015) // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4372.

2. Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации. Аналитический доклад — 2017 / С.М. Плаксин [и др.]. М. : НИУ ВШЭ, 2018. 124 с.

3. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (ред. от 04.11.2022) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

4. Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 05.12.2022) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007; 2023. № 32 (ч. 2). Ст. 6215.

5. Переседов А.М. Регулирование и применение профилактики контрольными (надзорными) органами // Сборник докладов XI Московской юридической недели: XX Международная научно-практическая конференция и XXII Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: в 5 ч. Ч. 5. Москва:Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, 2022. С. 252-256.

6. Приказ Ространснадзора от 16.12.2020 № ВБ-872фс «Об утверждении Программ профилактики нарушений обязательных требований на 2021 год и плановый период 2022-2023 гг.» // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

7. Переседов А.М. Понятие административно-правовой превенции в современной юридической мысли // Административное право и процесс. 2021. № 6. С. 26-29.

8. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

9. Приказ Росприроднадзора от 06.09.2018 № 351 «Об утверждении Ведомственной программы профилактики нарушений обязательных требований на 2018-2020 годы» // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

УДК 34.037

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ФИГУРЫ ПРОКУРОРА В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: НА ПРИМЕРЕ «АНТИСАНКЦИОННЫХ» ПОЛНОМОЧИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

© И.И. Писаревский

Сибирский федеральный университет

Бесспорно, что основным предназначением прокуратуры, как институционального образования, является обеспечение всеобщего режима законности в обществе и государстве. Для этого прокуратура наделяется специальными средствами и полномочиями, которые адаптируются сообразно той сфере правоотношений, где следует утвердить верховенство закона. И эта вариативность средств и мер прокурорского реагирования сама по себе не порождает каких-либо противоречий.

Очевидно, что специфика уголовно-процессуальных отношений не позволяет в полной мере использовать, например, такую общую меру реагирования как протест, и наоборот, требование об устранение нарушений уголовно-процессуального законодательства не годится при надзоре за деятельностью законодательного органа власти субъекта РФ. При этом, несмотря на различие мер, во всех описанных ситуациях прокурор остается блюстителем законности, но в различных ее проявлениях, что опять же, не порождает никаких противоречий.

В то же время и законодательство о прокуратуре и ученые-правоведы выделяют такое направление (отрасль) прокурорского надзора как соблюдение прав и свобод человека и гражданина [1; 2] при пересечении которого с иными направлениями (отраслями) надзорной деятельности, на наш взгляд, и порождаются противоречия.

Здесь может возникнуть резонный вопрос, в чем же это противоречие может заключаться? Автор на занятиях по прокурорскому надзору регулярно предлагает студентам порассуждать – можно ли нарушить права и свободы человека, не допустив при этом нарушения закона? Положительный ответ

может быть получен здесь только при рассмотрении права в целом через призму естественных теорий. Если же прочно стоять на позиции позитивизма, а именно на ней основана суть института прокуратуры, – нарушение прав и свобод человека невозможно при отсутствии нарушения закона. Соответственно надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина не может противоречить надзору за законностью в целом (общий надзор) или за его отдельными отраслями. Однако такие противоречия фактически возникают.

Одним из важных направлений деятельности прокурора является участие в рассмотрении дел судами, где отдельно выделяется участие в гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах.

Оставив остальные формы отправления правосудия, рассмотрим фигуру прокурора в гражданском процессе, так как именно здесь нами выявлена его противоречивость.

Природа полномочий прокурора в гражданском процессе, на первый взгляд, точно также обусловлена основным предназначением прокуратуры как органа государственной власти – надзором за соблюдением законности.

В то же время стоит отметить, что хотя гражданский и арбитражный процесс рассматриваются как составляющие единого цивилистического процесса, урегулированные ими правоотношения существенным образом разнятся, что в свою очередь обуславливает различное правовое регулирование одних и тех же институтов, среди которых и рассматриваемый институт участия прокурора в судопроизводстве.

Первой отличительной чертой гражданского процесса является наличие заведомо слабой стороны – гражданина, по общему правилу не обладающего статусом индивидуального предпринимателя, которому в определенных случаях затруднительна самостоятельная реализация его процессуальных прав, ввиду состояния здоровья, возраста, недееспособности и других уважительных причин, на что прямо указывает ч. 1 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ).

Именно этим обусловлена первая субсидиарная форма участия прокурора в гражданском процессе, когда он, руководствуясь ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, фактически заменяет собой истца и, за некоторым небольшим исключением, реализует от его имени все процессуальные правомочия.

Вторая особенность гражданского судопроизводства связана с характером рассматриваемых споров, некоторые из которых затрагивают основополагающие конституционные права граждан, в том числе социальные, трудовые права, право на жилище, охрану здоровья, благоприятную окружающую среду, образование и так далее, что также отражено в ч. 1 ст. 45

ГПК РФ. В этом случае прокурор также наделяется полномочиями на участие в процессе от имени истца и, дополнительно, привлекается судом для дачи консультативных заключений от имени надзорного органа, если слабая сторона представлена на стороне ответчика, что закреплено в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ.

Иными словами, до недавнего времени прокурор появлялся в гражданском процессе исключительно с целью защиты прав граждан по наиболее важным социальным вопросам.

Однако Федеральным законом от 07.10.2022 № 387-ФЗ статья 45 ГПК РФ дополнена частью 4, в соответствии с которой прокурора наделили полномочиями по своей инициативе или инициативе суда вступать в дело, рассматриваемое судом, на любой стадии процесса для дачи заключения:

1) по делам о признании недействительными сделок, совершенных с нарушением законодательства, устанавливающего специальные экономические меры, меры воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств;

2) при рассмотрении судом заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, ходатайства о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда и иностранного арбитражного решения;

3) в случае выявления обстоятельств, свидетельствующих о том, что являющийся предметом судебного разбирательства спор инициирован в целях уклонения от исполнения обязанностей и процедур, предусмотренных законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, законодательством о налогах и сборах, валютным законодательством Российской Федерации, правом Евразийского экономического союза в сфере таможенных правоотношений и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании, а также законодательством, устанавливающим специальные экономические меры, меры воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств, и (или) возник из мнимой или притворной сделки, совершенной в указанных целях.

Перечисленные полномочия выбиваются из общей логики. Они не обусловлены явным наличием слабой стороны, нуждающейся в защите, и не затрагивают основные конституционные права граждан. Напротив, данные полномочия, как исходя из их содержания, так из текста пояснительной записки к проекту Федерального закона от 07.10.2022 № 387-ФЗ [3], носят именно «атакующий» характер и направлены в первую очередь на достижение целей

государства в сфере борьбы с санкциями недружественных государств и их пособниками на территории Российской Федерации.

И именно здесь возникает противоречие в функциях прокуратуры, ведь несмотря ни на что, слабая сторона всё же может присутствовать в спорах, перечисленных в ч. 4 ст. 45 ГПК РФ, например, если встает вопрос о законности сделок дарения имущества несовершеннолетним при наличии признаков легализации преступных доходов. Аналогичным образом в этом споре может возникнуть и жилищный вопрос в виде права на жилище, коль скоро предметом сделки будет выступать недвижимое имущество. Это же касается и алиментных обязательств, которые могут преследовать цель уклонения от антисанкционных мер государства, но при этом всё равно затрагивать права несовершеннолетних, и так далее.

Иными словами, с одной стороны, руководствуясь ч.ч. 1, 2 ст. 45 ГПК РФ прокурор должен надзирать за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в лице слабых сторон гражданского процесса, не имеющих возможности самостоятельно защитить себя, а с другой, параллельно, руководствуясь уже ч. 4 ст. 45 ГПК РФ, реализовывать интересы государства в виде обеспечения анти-санкционной политики. Очевидно, что это взаимоисключающие вещи и говорить о том, что прокурор оставаясь беспристрастным должен соблюдать золотую середину в подобных спорах легче, чем реализовать это на практике, учитывая всем известную практику указаний Генеральной прокуратуры РФ по усилению надзора в актуальных для государства сферах, что не предполагает какой-либо излишней мягкости.

Как же быть в сложившейся ситуации? Как было указано ранее прокурор не может в одном процессе реализовывать два разнонаправленных вида деятельности. Одновременное же привлечение судом двух представителей прокуратуры, один из которых сосредоточен на защите права граждан, а другой, на реализации антисанкционной политики государства, будет, во-первых, создавать излишнюю нагрузку на и без того перегруженное работой надзорное ведомство, а, во-вторых, выглядеть по меньшей мере странно.

Решение ситуации видится нам в создании по подобным категориям дел компенсаторного механизма, замещающего функции прокурора по защите прав граждан, в роли которого, например, могут выступить уполномоченные при Президенте РФ по правам человека и правам ребенка.

Список использованных источников:

1. Евдокимов В.Б., Игонина Н.А. Конституционная модернизация и прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 157-170.

2. К вопросу о критериях и показателях эффективности прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина / Игонина Н.А. [и др.] // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 8. С. 47-53.

3. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Сайт Системы обеспечения законодательной деятельности Государственной думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/B30D7ED6-A31C-4DBB-A1E7-B968AF59DECO>.

УДК 343.232

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С АЛЬТЕРНАТИВНЫМИ ПРИЗНАКАМИ

© В.В. Питецкий

Сибирский федеральный университет

Преступления с альтернативными признаками - это сложные единичные преступления, при конструировании которых законодатель использует метод перечисления нескольких их признаков (свойств), образующих данный состав. При этом каждое из указанных свойств свидетельствует о наличии и достаточности общественной опасности деяния для определения его в качестве преступного. Следует согласиться с Н.Ф. Кузнецовой в том, что казуистичные с длинными альтернативными перечнями элементов составов являются неудачной конструкцией диспозиций норм. Тем не менее, иногда такой прием оказывается неизбежным, выполняет функции своего рода легального толкования [6, с. 299].

Построение альтернативного состава должно подчиняться определенным правилам. Оно оправдано в том случае, если признаки в него включенные отражают относительно однородные проявления преступного поведения, то есть обладают схожей типовой общественной опасностью. В этом случае ответственность при их совершении будет вписываться в рамки санкции

соответствующей статьи Особенной части УК. Как отмечает Н.Ф.Кузнецова: «Проблемы возникают по вине законодателя, который иногда отходит от требований альтернативности, т.е. формулировать однородные и близкие деяния в одном составе. Если они не однородны и не равны по тяжести, то описание их как альтернативных создает возможность для квалификационных ошибок» [6, с. 299]. В такой ситуации квалификация может быть недостаточной. Поэтому, если одно или несколько свойств преступления выходят за рамки типовой общественной опасности, возникает необходимость разделения признаков в самостоятельные составы с соответствующими санкциями.

Не будет отвечать требованиям законодательной техники и обратная ситуация, когда относительно однородные по опасности проявления преступного поведения в уголовном законодательстве предусматриваются разными составами преступлений с самостоятельными санкциями. В этом случае квалификация может быть избыточной. По правилам законодательной техники типовые проявления одного преступления следует объединять в один состав.

При совершении преступления с альтернативными признаками в конкретном деянии может проявляться одно или несколько (все) из предусмотренных законом его свойств. Правило квалификации основывается на свойстве альтернативности – выполнение хотя бы одного из таких признаков состава является достаточным для определения деяния в качестве преступного [8, с. 260].

В рассматриваемых преступлениях в одном деянии могут сочетаться несколько или все перечисленные в составе альтернативные признаки. Причиной этого является их взаимосвязь, типичность и однородность. Как правило такое встречается при выполнении взаимосвязанных действий, наступлении последствий, сочетания нескольких способов или предметов преступления. В этом случае содеянное приобретает сходство с множественностью преступлений. Однако при этом новое качество – иное самостоятельное преступление не возникает, так как все его проявления вписаны в один состав и им охватываются. Вопрос квалификации должен решаться на основании следующего правила: сочетание в преступном деянии нескольких или всех альтернативных признаков состава не порождает множественности преступлений, оно рассматривается в качестве единичного преступления.

В судебной практике встречаются ошибочные варианты квалификации. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор, действия осужденного по факту незаконного хранения и ношения

пистолета конструкции Токарева и патронов к нему, квалифицированные по ч. 1 ст. 222 УК РФ, и по факту незаконного хранения и ношения пистолета, переделанного из газового пистолета модели Иж-79-8, и патронов к нему, квалифицированные по ч. 1 ст. 222 УК РФ, квалифицировала по ч. 1 ст. 222 УК РФ как одно преступление [3, с. 32]. В п. 11 постановления «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» от 12.03.2002 № 5 Пленум уточнил, что незаконные действия в отношении одних и тех же огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов не требуют самостоятельной квалификации каждого по ч. 1-3 ст. 222 УК РФ.

По другому делу, приговором Хабаровского краевого суда от 28 ноября 2006 г. Х. осужден ч. 1 ст. 297, ч. 1 ст. 297, ч. 1 ст. 297, ч. 1 ст. 297 УК РФ за то, что в судебном заседании публично оскорбил государственного обвинителя, потерпевших З. и П. и свидетеля И., чем проявил неуважение к суду. Суд пришел к выводу, что Х. совершил четыре самостоятельных преступления, предусмотренных ч. 1 ст. 297 УК РФ в отношении каждого из потерпевших. Между тем об ответственности за оскорбление участников судебного разбирательства (независимо от их числа) прямо говорится в диспозиции ч. 1 ст. 297 УК РФ. С учетом изложенного Президиум Верховного Суда РФ изменил приговор: все действия Х., связанные с неуважением к суду, выразившиеся в оскорблении участников судебного разбирательства - К., И., З. и П., постановил квалифицировать по ч. 1 ст. 297 УК РФ [2, с. 21].

Однако и позиция Верховного Суда РФ в оценке таких преступлений не всегда последовательна. Так, по приговору Спасского районного суда Приморского края от 26 апреля 2016 г. действия М., квалифицированы по совокупности по ч. 2 ст. 228 УК РФ как незаконные приобретение и хранение без цели сбыта наркотического средства в крупном размере в части каннабиса и по ч. 1 ст. 228 УК РФ как незаконное хранение без цели сбыта наркотического средства в значительном размере в части масла каннабиса.

Заместитель Генерального прокурора РФ в кассационном представлении просил изменить приговор, переqualифицировать действия М. с ч. 1 ст. 228 и ч. 2 ст. 228 УК РФ на ч. 2 ст. 228 УК РФ как единое преступление — незаконные приобретение и хранение наркотических средств в значительном и крупном размерах в отношении одного предмета. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 15 декабря 2021 г. оставила представление без удовлетворения, содеянное М. образует совокупность преступлений [5, с. 23]. По данному делу суд ошибочно, на наш взгляд, признал совокупность в преступлении, где альтернативно предусмотрены действия и предметы.

Выполнение лицом не одного, а нескольких альтернативных признаков повышает степень общественной опасности конкретного преступления [7, с. 300]. Это необходимо учесть при назначении наказания на основании ст. 60 УК. Об этом говорит п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»: степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления и др. Поэтому все выполненные альтернативные признаки состава должны быть указаны в правоприменительном акте.

При применении составов преступлений с альтернативными признаками следует учитывать следующее - альтернативные признаки при их одновременном вменении не должны соотноситься как общее и специальное понятие или исключать друг друга. При не соблюдении указанного требования будет нарушен принцип справедливости (ст. 6 УК), квалификация будет избыточной и неточной. В первом случае следует применять более конкретное, специальное свойство преступления, дополнительная ссылка на общий признак будет излишней. Например, в ст. 107 УК «противоправное поведение» более конкретно, чем «аморальное поведение» потерпевшего, в ст. 105 УК «малолетний» возраст потерпевшего является разновидностью «беспомощного состояния» и т.д. Во втором случае необходимо тщательно проводить разграничение признаков при их взаимном несоответствии, несовпадении. Так, например, убийство матерью новорожденного (ст. 106 УК) не может быть совершено одновременно «во время» и «сразу же после родов». Кровная месть исключает корысть, а экстремистский мотив преступления исключает наличие любого иного мотива и т.д.

Определенной особенностью обладает квалификация составов преступлений, где альтернативным образом перечисляются признаки объективной стороны, отражающие определенную логическую последовательность совершения преступления, направленную на достижение единой цели. В таких преступлениях возможна ситуация, когда виновное лицо совершает одно оконченное деяние, предусмотренное составом, а другое деяние этого же состава не доводится до конца по независящим от него обстоятельствам. Например, виновный осуществил незаконное производство и хранение в целях сбыта продукции, не отвечающей требованиям безопасности жизни или здоровья, сбыт которого им впоследствии не удался (ст. 238 УК). При оценке такого деяния дополнительно возникает вопрос о признании его неоконченным (ч. 3 ст. 30 УК) либо по правилам совокупности (ст. 17 УК),

возникает конкуренция правил квалификации. По нашему мнению, квалификация должна осуществляться с учетом общего правила - выполнение хотя бы одного из альтернативных признаков состава является достаточным для определения деяния в качестве оконченного. Учитывая то, что преступление содержит необходимые признаки состава, оно не может оцениваться по правилам неоконченного. Стадия оконченного преступления поглощает стадию неоконченного этого же преступления, поэтому совокупность также не образуется.

В свете сказанного представляется избыточной квалификация в следующей ситуации. По приговору Приморского краевого суда от 2 декабря 2004 г. С. осужден по ч. 3 ст. 30 и ст. 275, ст. 275 УК РФ. Он признан виновным в том, что, являясь гражданином Российской Федерации, собирал, хранил и передал представителю иностранного государства сведения, составляющие государственную тайну.

В надзорной жалобе осужденный просил приговор изменить, обоснованно указав на то, что предусмотренный ст. 275 УК РФ состав преступления считается оконченным не только при передаче сведений, составляющих государственную тайну, но и при собирании и хранении таких сведений в целях их передачи. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ вместе с тем приговор в части осуждения С. по ч. 3 ст. 30, ст. 275, ст. 275 УК РФ оставила без изменения, а надзорную жалобу - без удовлетворения [4, с. 17].

Покушение на преступление с альтернативными признаками возможно в тех случаях, когда полностью не выполняется ни одно из альтернативно предусмотренных законом необходимых обстоятельств. Например, когда лицо похитило непригодные к функциональному использованию огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства, полагая, что они исправны, содеянное следует квалифицировать как покушение на хищение огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств.

Верный вариант квалификации был предложен в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ. Так, ч. 1 ст. 222 УК РФ предусматривает уголовную ответственность, в частности за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение боеприпасов. Суд указал, что совершение любого из указанных в диспозиции действий образует оконченный состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 222 УК РФ. Поэтому действия лица, которое незаконно приобрело, хранило, перевозило и носило боеприпасы, а затем пыталось их сбыть, квалифицируются по ч. 1 ст. 222

УК РФ. Дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 222 УК РФ не требуется [1, с. 26].

Правильный подход квалификации изложен и в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Указывается, что для квалификации по ч. 1 ст. 273 УК РФ как оконченного преступления достаточно установить создание части кода вредоносной компьютерной программы, позволяющего осуществить неправомерный доступ к компьютерной информации. В таком случае, если еще не было завершено создание вредоносной компьютерной программы, действия лица подлежат квалификации как создание иной вредоносной компьютерной информации. То есть по правилам оконченного преступления, без совокупности.

Список использованных источников:

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000, № 5.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008, № 12.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009, № 5.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013, № 12.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023, № 1.
6. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. М.: Издательский Дом «Городец», 2007.
7. Научные основы квалификации преступлений: учебник / С.Н. Шатилов и др. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015.
8. Ошибки в квалификации преступлений: монография / В.К. Андрианов, Д.А. Дорогин, Д.С. Корсун и др.; под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2020.

УДК 349.2

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

© Н.Г. Плотникова

Сибирский федеральный университет

Правовой статус руководителя раскрывается через его специфическую трудовую функцию, включающую целый комплекс прав и обязанностей, отличающих руководителя от иных категорий работников. Трудовая функция руководителя отражается в трех гранях его правового статуса. С одной стороны, руководитель действует от имени организации, представлением ее интересов вовне, взаимодействует с другими органами юридического лица. С другой стороны, он взаимодействует с работниками от имени работодателя. С третьей, руководитель сам является работником. Разграничить права и обязанности руководителя организации не представляется возможным, все они составляют содержание его единой специфической трудовой функции.

Специфика правового положения руководителя объясняется не только сложностью трудовой функции, но и распространением на руководителя общих и специальных норм трудового законодательства, а также положений гражданского законодательства.

Вопрос о корреляции трудового и гражданско-правового в отношении регулирования труда руководителя является в настоящее время одним из наиболее сложных вопросов в науке трудового права.

В пользу трудового регулирования природы договора с руководителем организации свидетельствует множество критериев, например:

– личное выполнение руководителем трудовой функции, сам процесс труда, а не только результат труда (в отличие от ориентированности на исключительно результаты работ, услуг по гражданско-правовому договору и не всегда личного выполнения работ, услуг подрядчиком),

– неравноправие сторон в связи с подчинением правилам локальных нормативных актов организации, обязательных для всех работников, отношения власти и подчинения и соответствующие возможности применения мер дисциплинарной ответственности (в отличие от равноправия сторон и неприменимости дисциплинарной ответственности в гражданско-правовых отношениях),

– постоянная обеспеченность и гарантированность заработной платы по трудовому законодательству за выполнение трудовой функции (в отличие от

гражданско-правового договора, где налицо зависимость размера и наличия выплат от результатов работ, услуг) и другие критерии.

Трудовые отношения с руководителем возникают на основании сложного фактического состава. Несоблюдение предусмотренных нормативными правовыми актами, учредительными документами организации предварительных процедур, предшествующих заключению трудового договора, может являться основанием для признания судом действий руководителя недействительными. С другой стороны, отсутствие заключенного в письменной форме трудового договора, в свою очередь, не гарантирует руководителю возможность настаивать на определенных условиях трудового договора, в том числе при окончательных расчетах при увольнении.

Поэтому рекомендуется заключать письменный трудовой договор сразу же после утверждения кандидатуры руководителя уполномоченным органом (лицом) организации. Представляется важным предусматривать во внутренних документах организации, регулирующих компетенцию органов управления юридического лица, не только лицо, уполномоченное подписывать трудовой договор, но лицо (орган), уполномоченное утверждать условия договора.

В случае повторного избрания (назначения) руководителя организации и заключения трудового договора на новый срок следует учитывать, что трудовое законодательство не предусматривает возможности продления срочных трудовых договоров для руководителей, поэтому каждый раз необходимо соблюдение всех формальностей в связи с прекращением одного договора и заключением нового. В связи с этим представляется целесообразным внести соответствующие изменения в закон, предусмотрев возможность продления срочных трудовых договоров с руководителями на новый срок.

При рассмотрении оснований прекращения трудового договора с руководителем организации сделан вывод о том, что именно дополнительные основания для расторжения трудового договора, распространяющиеся исключительно на руководителей организаций, получившие свое закрепление в ст. 278 ТК РФ служат дополнительным фактором более глубокой дифференциации и приводят к возникновению особой специфики регулирования труда руководителя как специального субъекта трудового права. Подробное изучение подтверждает тот факт, что при регулировании труда руководителя организации нормы трудового, гражданского права и нормы законодательства о несостоятельности (банкротстве) применяются в тесном переплетении и взаимосвязи. Подчас это порождает определённые коллизии при попытке совместного применения данных норм к конкретной ситуации. Коллизии обнаруживают себя даже в категориальном аппарате. В частности,

термин «отстранение» используется в различном смысле ТК РФ и ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Поскольку основания, предусмотренные в трудовом договоре, обычно подразумевают виновное поведение руководителя, судебная практика следует по двум направлениям - признавая и, соответственно, не признавая обязательность применения процедуры дисциплинарного взыскания при увольнении руководителей по п. 3 ст. 278 ТК. На основании толкования, данного Конституционным Судом РФ, увольнение за совершение виновных действий (бездействия) не может производиться без указания конкретных фактов, свидетельствующих о неправомерном поведении работника, его вине и без соблюдения установленного законом порядка применения меры ответственности. При этом перечень оснований увольнения в ст. 192 ТК, предполагающих необходимость проведения процедуры дисциплинарного взыскания, трактуется двояко - либо как открытый, либо как закрытый. В связи с этим представляется целесообразным внести изменения в ТК, дополнив перечень дополнительными основаниями прекращения трудового договора, включаемыми непосредственно в трудовой договор в случаях, предусмотренных законом, если такие основания предполагают виновное поведение руководителя организации.

В результате проведенного исследования, были предложены следующие рекомендации по оптимизации законодательства в рассматриваемой сфере.

1. Рекомендуется внести изменения в ст. 277 ТК РФ, дополнив ее частью 3, которой устанавливается отнесение споров о возмещении убытков организации руководителем к подведомственности судов общей юрисдикции.

2. Предлагается устранить неясность в применении пункта 1 части 1 статьи 278 ТК РФ относительно основания увольнения руководителя организации в связи с введением внешнего управления или открытия конкурсного производства путем внесения изменений в часть первую статьи 278 ТК РФ, дополнив данный пункт положением о таком основании прекращения трудового договора с руководителем организации должника, как прекращение полномочий руководителя организации – должника в соответствии с п. 1 ст. 94 и п. 2 ст. 126 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве).

3. Руководитель организации в силу специфики своих функций, с одной стороны оказывает решающее влияние на всю деятельность компании, а с другой обладает широкими возможностями по злоупотреблению своим положением в отношениях с остальными работниками организации. В то время как трудовое и гражданское право предоставляют широкие возможности для

защиты интересов юридического лица от нарушения единоличным исполнительным органом своих обязанностей, меры предоставляемые законодательством работникам для противодействия злоупотреблениям со стороны руководителя реализуется недостаточно эффективно. Так, установленные статьей 195 ТК РФ обязанности работодателя, возникающие в связи с заявлением представительного органа работников о нарушении руководителем организации трудовых норм, положений коллективного договора или соглашения, не предоставляют право представительному органу работников принимать непосредственное участие в процессе расследования факта нарушения руководителем таких положений, следствием чего выступает низкая эффективность такой нормы. Представляется важным дополнить статью 195 ТК РФ частью третьей со следующим содержанием: «Представительный орган работников, подавший заявление в соответствии с частью первой настоящей статьи, в случае несогласия с выводами, содержащимися в приказе организации об отказе применения дисциплинарного взыскания к руководителю организации в соответствии с частью второй статьи 195 ТК РФ, вправе совместно с указанным работодателем принять решение о формировании на равной основе работодателем и представительным органом работников совместной комиссии по расследованию фактов нарушения руководителем организации трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, условий коллективного договора, соглашения. В случае, если комиссия подтвердит факт совершения руководителем организации одного из указанных в части первой настоящей статьи нарушений, работодатель обязан применить к руководителю организации дисциплинарное взыскание вплоть до увольнения. Порядок формирования и деятельности комиссии, перечень ее прав и обязанностей устанавливаются статьей 195.1 Трудового кодекса Российской Федерации».

4. Кроме того, предлагается в целях укрепления стабильности стадии наблюдения, предотвращения злоупотребления правом со стороны временного управляющего, представителя учредителей (участников) должника или иного коллегиального органа управления должника, представителя собственника имущества должника - унитарного предприятия, внести следующие изменения в федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ:

- п. 1 ст. 69 изложить в следующей редакции: «Арбитражный суд отстраняет руководителя должника от должности по ходатайству временного управляющего в случае систематического или грубого нарушения требований настоящего Федерального закона с учетом мнения представителя учредителей

(участников) должника или иного коллегиального органа управления должника, представителя собственника имущества должника - унитарного предприятия»;

- в п. 4 ст. 69 рекомендуется внести изменения, закрепляющие за временным управляющим право участвовать в определении кандидата для возложения исполнения обязанностей руководителя должника.

5. Имеет место дублирование норм, как можно убедиться, рассмотрев нормы пункта 2 части 2 статьи 278 и пункт 13 части 1 статьи 81 ТК РФ. Нормы повторно воспроизводят основания прекращения трудового контракта руководителя организации. Такая ситуация порождает проблему нарушения принципа единообразия в нормотворчестве и стимулирует правовую неопределенность для работодателей и их представителей, принимающих решение об увольнении. Повторные положения п. 13 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, касающиеся расторжения договора с руководителем организации целесообразно исключить.

Список использованных источников:

1. Газизулина Д.М. Разграничение трудового и корпоративного статуса руководителя // Социально-трудовые отношения: проблемы теории и практики : сборник научных статей / отв. ред. Л. В. Зайцева. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2018. С. 40-45.

2. Глухов А.В. Применение принципов трудового права при прекращении трудового договора с руководителем организации // Инновационная наука. 2020. № 11. С. 95-100.

3. Кабанов А.В. Руководитель организации как особая категория работников // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 136-140.

4. Картухина А.В., Пожиткова А.И. Особенности правового статуса руководителей организаций в РФ // Ученые записки. 2019. № 2 (30). С. 78-82.

5. Косякин И.А. Дисциплинарная ответственность генерального директора хозяйственного общества: рудимент или необходимая опция? (исследование в свете судебной практики) // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 4. С. 135-143.

6. Кузнецова В.В. Труд руководителя организации. Правовое регулирование: монография / отв. ред. Ю. П. Орловский. М.: КОНТРАКТ, 2016. 156 с.

7. Филиппова М.В. И снова о правовом статусе руководителя / М.В. Филиппова, Е.Б. Хохлов // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 4. С. 53-57.

УДК 343.1

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА

© Я.М. Плошкина

© Л.В. Майорова

Сибирский федеральный университет

Российские ученые-конфликтологи заявляют, что XXI в. «либо станет веком конструктивного разрешения конфликтов, либо будет последним веком в истории цивилизации» [1, с. 11; 2, с. 138-151]. Согласны с данным утверждением, поскольку процессы глобализации, трансформации, интеграции и ускорения, пронизывающие сегодняшний мир в разнообразных сферах, а также особенности современного социального пространства, обусловленные, в том числе широким распространением интернета, внедрением в жизнь современного общества искусственного интеллекта и увеличением его роли, несут фундаментальный характер. Возникающая новая реальность требует новых подходов к разрешению конфликтов, в том числе уголовно-правовых. Советская, а затем российская социогуманитарная наука в XX-XXI веках от непринятия конфликта, рассмотрения его как аномалии или трагедии, перешла к его признанию, что конфликт является универсальным способом взаимодействия в обществе. Согласно Р. Дарендорфу «не наличие, а отсутствие конфликта является чем-то удивительным и ненормальным. Повод к подозрительности возникает тогда, когда обнаруживается общество или организация, в которых отсутствуют проявления конфликта» [2, с. 138-151]. В.В. Путин в своем публичном выступлении отметил, что «конфликты всегда есть. Понимаете, конфликта нет только на кладбище, там все тихо и спокойно. Поэтому это нормальное явление, когда есть конфликт. Вопрос в том, чтобы найти цивилизованные инструменты решения конфликта и выходить из конфликта, укрепляя общество и государство, а не разрушая его». Следовательно, важным и актуальным является поиск эффективных способов разрешения конфликтов, в том числе уголовно-правовых, возникающих в результате совершения преступления.

На сегодняшний день основным правовым механизмом разрешения уголовно-правового конфликта является уголовное судопроизводство, от устройства которого зависит, насколько успешным произойдет разрешение, урегулирование криминального конфликта.

Для традиционного уголовного процесса как разновидности государственной деятельности, как способу принудительной реализации уголовного права с целью защиты граждан, общества и государства от преступлений, характерно принуждение. Традиционный уголовный процесс организован таким образом, что государство в лице своих представителей (органов предварительного расследования, прокуратуры и суда) фактически полностью замещает реальных субъектов противоречия, выразившегося в преступлении (обвиняемого и потерпевшего). Используя меры уголовно-процессуального принуждения или угрозы их применения, а также показывая примеры ответственного, должного поведения в ходе процессуальных действий, уполномоченные вести уголовный процесс должностные лица по сути вменяют уголовную ответственность обвиняемому, подсудимому без обеспечения ее принятия. Фактически они, замещая реального субъекта, превращаются в псевдосторону конфликта, не в состоянии его разрешить и, не имея для этого средств. Итогом может быть лишь смягчение негативных последствий преступления и процессуального принуждения (для одной или обеих сторон), а в порой провоцирование новых конфликтов [3, с. 42-48].

Похожая ситуация складывается и при использовании упрощенных форм судопроизводства (например, дознания в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ), особых порядков принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), когда обвиняемый вследствие определенных причин «вынужден» согласиться на «предлагаемые» ему более сильной стороной, которой является государство в лице своих должностных лиц, условия, и фактически возникший конфликт «загоняется» вглубь, усугубляется.

Таким образом, организация традиционного уголовного судопроизводства по сути возможно рассматривать в качестве деструктивного конфликта, предполагающего конфронтацию сторон, имеющего тенденцию к расширению и эскалации конфликтных действий, приводящего к дестабилизации общественных отношений и ухудшению межличностных взаимоотношений, где основной стратегией разрешения криминального конфликта является соперничество. Ведь государство в лице своих должностных лиц и органов, расследуя уголовное дело, устанавливая виновных в совершении преступления, привлекая их к уголовной ответственности, назначая им наказание, стремится фактически к доминированию. Вступивший в законную силу приговор суда, чаще всего обвинительный, является итоговым документом, свидетельствующим о внешнем прекращении конфликтного взаимодействия, которое, однако, не всегда означает разрешение конфликта. Его урегулирование. Нередко конфликт

переходит во внутренний план участников, претерпевает изменения, может развернуться и продолжиться в другом месте и в другое время или может спровоцировать новые конфликты. В пользу этого свидетельствует большое количество рецидивов.

Все это побуждает к переосмыслению организации традиционного уголовного процесса, механизмам превращения деструктивного конфликта, которым является уголовно-правовой конфликт в момент совершения преступления, в конструктивный, позволяющий перейти от конфронтации участников конфликта к взаимодействию, к стремлению добровольно урегулировать возникший криминальный конфликт. Для этого требуются знания, имеющие междисциплинарный характер (как в областях уголовно-процессуального, уголовного права, криминологии, так и в сферах конфликтологии, психологии и др.).

Попытки, связанные с переосмыслением функционирования уголовного процесса и привлечением виновного к уголовной ответственности, неоднократно предпринимались. Показателен в данном отношении существующий в настоящее время в мире интерес к нетрадиционным формам реагирования государства на преступление (помимо осуществления уголовной репрессии), развитию альтернатив уголовному преследованию, который обусловлен, в том числе кризисом традиционной реакции государства на преступление. В современном мире идет поиск альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, позволяющих найти эффективные механизмы разрешения конфликтов, что свидетельствует об изменениях в уголовно-процессуальной политике: смена «парадигмы наказания» на «парадигму восстановления», направленной на примирение и преодоление вредных последствий нарушения уголовного закона вне границ уголовной репрессии [4, с. 51-58]. В современной уголовно-процессуальной науке наблюдается интерес к рационализации и экономической целесообразности уголовно-процессуальной деятельности, поощрению и гуманизации уголовного судопроизводства, о чем отчасти свидетельствуют научные темы, избираемые для защиты кандидатских и докторских диссертаций.

Кроме того, рассмотрение уголовной ответственности не только в негативно-ретроспективном, но и в позитивном аспекте [5, с. 19; 6, с. 146] позволяет по-иному взглянуть на уголовное судопроизводство в целом как социальную систему. Ведь уголовный процесс выступает механизмом возложения ответственности на лицо, совершившее преступление, где проявляется не только официальная правовая реакция общества и государства на совершенное преступление, заключающаяся в наступлении для виновного

неблагоприятных последствий личного или имущественного характера, ограничении его правового статуса, но и формирование, а также закрепление социально полезных установок, ценностей, привычек, отражающихся в законопослушном, правомерном в целом поведении (осознании обвиняемым и переосмысления содеянного как социально вредного). Понимание уголовной ответственности в двух аспектах (ретроспективном и позитивном) свидетельствует не только о возложении ответственности со стороны государства в лице своих должностных лиц, но и принятии обвиняемым на себя ответственности. В данной связи заслуживает внимания личностно-ориентированная модель уголовного судопроизводства, предложенная Н.Г. Стойко, которая возможна при соблюдении ряда условий [3, с. 42-48]. По его мнению, уголовный процесс в той мере противодействует преступности, в какой сам, в том числе в лице конкретных должностных лиц, демонстрирует примеры высокой культуры, нравственности, ответственного поведения [3, с. 42-48].

Однако действительность немного иная: большая загруженность должностных лиц, органов, ведущих процесс, временные ограничения на расследование и рассмотрение дел, необходимость составления огромного количества процессуальных документов, - все это свидетельствует о существовании в настоящем времени производства по уголовному делу так называемого «машинного» типа. В связи с чем на практике достаточно сложно конкретным должностным лицам, ведущим процесс, соответствовать данным требованиям, в том числе требовать от них содействия в части формирования и закрепления социально полезных установок, ценностей, привычек у обвиняемого, осознании им и переосмыслении содеянного как социально вредного. Кроме того, отсутствуют критерии, позволяющие измерить произошедшие у обвиняемого изменения внутреннего плана деятельности (осознания и переживания совершенного как социально вредного), а также понять, что криминальный конфликт урегулирован. На наш взгляд, личностно-ориентированная модель уголовного судопроизводства является достаточно абстрактной идеальной моделью, требующей конкретный механизм ее реализации в уголовном процессе.

В связи с чем предлагаем компенсаторную модель уголовного судопроизводства, в основе которой лежит личностно-ориентированная модель, поскольку она также трансформирует деструктивный на этапе совершения преступления с конфронтацией сторон уголовно-правовой конфликт в конструктивный конфликт в рамках производства по уголовному делу и стремится посредством различного рода компенсаций урегулировать криминальный конфликт, выражающийся в основном в межличностном

взаимодействии: на уровне обвиняемый и пострадавший, который в рамках уголовного процесса становится потерпевшим, а также на уровне обвиняемый и государство (общество) в лице конкретных должностных лиц, занимающихся расследованием и рассмотрением дела, представляющих интересы общества, государства. Вместе с тем компенсаторная модель предусматривает собственный механизм реализации: через различного рода добровольных со стороны обвиняемого компенсаций как потерпевшему, так и (или) государству, обществу.

В отличие от традиционного уголовного судопроизводства основу компенсаторной модели составляет иная стратегия разрешения конфликта – сотрудничество, направленная на его урегулирование, предполагающая стремление и причастность участников уголовно-правового конфликта к его разрешению до такой степени, что они получают взаимовыгодное удовлетворение основных интересов посредством достижения консенсуса, договоренностей между собой и предоставлением различного рода компенсаций. При этом стремление к урегулированию уголовно-правового конфликта возможно как при помощи посредников (третьих лиц), как профессиональных, так и не профессиональных, а также самостоятельно участниками конфликта. В компенсаторной модели внимание участников криминального конфликта сконцентрировано не столько на результат, сколько на процесс его урегулирования. Таким образом, компенсаторная модель уголовного процесса является конструктивным конфликтом, предоставляющим возможность урегулировать противоречие, выразившееся в нарушении уголовного закона, проявленное в конкретных поступках людей в межличностном взаимодействии, поскольку позволяет исключить конфронтацию сторон, стабилизировать общественные отношения, нормализовать межличностные взаимоотношения и снять напряженность. Реальная, достигаемая в конкретном уголовном судопроизводстве цель компенсаторной модели уголовного судопроизводства - это взаимовыгодное удовлетворение основных интересов участников криминального конфликта посредством различного рода компенсаций причиненного преступлением вреда, в результате чего происходит нейтрализация, смягчение неблагоприятных последствий совершенного преступления. Считаем, что достижение вышеуказанной цели будет рассматриваться в уголовном процессе урегулированием уголовно-правового конфликта.

На наш взгляд, в современном обществе компенсаторная модель уголовного процесса может сосуществовать вместе с традиционным судопроизводством, дополняя его. Возможно один человек, совершивший

преступление, понесет уголовное наказание, а другой может быть прощен. Однако сама идея, что хоть кто-нибудь, пусть и не каждый, в результате взаимодействия и компенсации неблагоприятных последствий, причиненных преступлением, сможет получить прощение, нравственна, ведь сохранение человеческих ценностей важнее простого возмещения ущерба. Компенсация неблагоприятных последствий, прощение как альтернатива уголовному наказанию может привести к изменению уголовной политики в части смягчения наказания в рамках правовой системы в целом. Выбор модели уголовного судопроизводства, в том числе отношение к уголовному наказанию, определяется культурой нации и зависит от состояния нашего общества на данный момент времени.

Считаем, что компенсаторная модель уголовного процесса, ориентированная на мирное, а не конфронтационное взаимодействие с целью добровольного урегулирования конфликта, возникшего в результате совершенного преступления, является актуальной на сегодняшний день, когда конфликт в жизни современного общества и человека превращается в норму повседневной жизни, когда в социуме культивируется нацеленность человека на борьбу. Многие живут под девизом: «Хочешь мира – готовься к войне». Согласны с позицией ученых, что новые поколения в современном мире «все в большей степени не способны согласовывать свои действия с другими, отказываются от добровольного признания нравственных норм, а тем самым увеличивают объем принуждения правовой нормой и нормой силы» [7, с. 112-121].

В данном контексте заслуживает внимания позиция председателя Конституционного Суда РФ, В.Д. Зорькина, провозгласившего курс на социально-ориентированное правосудие: «гуманистические начала судебной власти предполагают практическое воплощение в деятельности судов курса на социально-ориентированное правосудие. Речь, прежде всего, идет о роли судебной власти в предупреждении и разрешении социальных конфликтов и тем самым в упрочении социальной интеграции... В то же время повышенная напряженность конкретного исторического времени – не повод для создания неоправданного перевеса в сторону суровости. В тех случаях, когда закон оставляет определенную свободу усмотрения в решении того или иного вопроса, следует демонстрировать обществу гуманистический характер российского права и правоприменения, целенаправленно привносить добро, человеколюбие и гуманизм в жизнь общества теми правовыми средствами, которыми мы оперируем. Такой сигнал, исходящий от судов «именем РФ», укрепит уверенность граждан в завтрашнем дне, положительный настрой на

созидательную деятельность на благо страны» (п. 4 и 5 его доклада на X Всероссийском съезде судей в декабре 2022 г.).

Список использованных источников:

1. Анцупов, А.Я., Шипилов, А.И. Конфликтология: учебник для вузов. 3-е изд. СПб.: Питер, 2007.
2. Алейников А.В., Стребков А.И. Междисциплинарность как методологический базис анализа феномена конфликта и образовательной программы «Конфликтология» // Интеграция образования. 2017. Т. 21, № 1. С. 138-151.
3. Стойко Н.Г. Принуждение в уголовном процессе и лично-ориентированная модель его организации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5 С. 42-48.
4. Кузьмина О.В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве // Lex russica. 2015. № 1. С. 51-58.
5. Кропачев Н.М., Прохоров В.С. Механизм уголовно-правового регулирования: уголовная ответственность. Учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2000.
6. Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск. Издательство Красноярского университета, 1989.
7. Алейников А.В., Стребков А.И. Конфликтология для XXI века // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. С. 112-121.

УДК 328.185

**НЕЯСНОСТЬ ТЕКСТА НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА КАК КРИТЕРИЙ
КОРРУПЦИОГЕННОСТИ**

© Л.З. Подберезкина
Сибирский федеральный университет

По справедливому утверждению А.И. Бойко, современные объемы и несовершенство правового регулирования в РФ дают основания утверждать, что мы и мир переживаем юридическую пандемию, отдельные симптомы которой таковы: действующих НПА не менее 2 млн., они содержат примерно 100 млн

юридических предписаний, в свою очередь «запредельный объем юридических правил и их систематическое обновление безальтернативно порождают противоречия между ними, создают ситуацию «мутной воды» или благоприятную среду для коррупции, нервируют правоприменительные службы и обывателей» [4, с. 19].

Одной из причин все увеличивающейся «бумажно-электронной занятости чиновников» является язык правовых актов, в мутных водах которого создаются неоднозначные смыслы нормативных предписаний.

Под коррупциогенностью в настоящее время большинством правоведов понимается «заложённая в правовых нормах возможность способствовать коррупционным действиям и (или) решениям в процессе реализации содержащих такие нормы нормативных правовых актов» [1, с. 80]. В свою очередь недостатки юридической техники и лингвистические погрешности способны привести к серьезным негативным последствиям, поскольку то или иное положение в силу своей двусмысленности, неясности и недостаточной определенности может трактоваться неоднозначно, что позволяет чиновнику чрезвычайно широко варьировать свое усмотрение и повышает вероятность произвольного применения нормы права [1, с. 79].

Исследователи подвергают справедливой критике узкое понимание юридико-лингвистической неопределенности (употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера), представленное в Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утв. постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96), в соответствии с которым описание коррупциогенных элементов НПА ведется в основном на словообразовательном и лексическом уровнях, см. работы Барабаш О.В. [3] и др.

Вместе с тем имплицитная (или латентная, по терминологии П.А. Кабанова) юридико-лингвистическая неопределенность, которая приводит к расхождениям в интерпретации смысла нормативного предписания и выражается на разных уровнях структуры текста, традиционно остается за пределами исследовательского внимания.

Цель данной статьи - выявить приемы скрытой лингвистической неопределенности на уровне текста НПА (коррупциогенность элемента «неясность текста»).

Исходя из нормативного объема статьи, сформулируем лишь некоторые из данных приемов с примерами реализации.

1. Осознанное манипулирование порядком слов в предложении в целях сокрытия истинного смысла предписания.

Соккрытие истинного назначения нормативного правового акта может проявляться уже на уровне его заголовка. Например, заголовок и преамбула Постановления правительства Красноярского края от 11.10.2022 «*Об утверждении перечня продукции, необходимой для обеспечения импортозамещения в условиях введенных ограничительных мер со стороны иностранных государств и международных организаций, для предоставления в 2022 году в аренду без проведения торгов земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной земельной собственности, гражданам Российской Федерации или российским юридическим лицам в целях осуществления деятельности по ее производству*».

Очевидно, что утверждаемый указанным постановлением перечень продукции на 38 листах - всего лишь причина вуалирования изменений регулирования земельных отношений и предоставления земельных участков без проведения торгов, поэтому однозначное толкование обеспечивается иным порядком слов: «**О предоставлении в 2022 году гражданам Российской Федерации или российским юридическим лицам в аренду находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков для осуществления деятельности по производству продукции, необходимой для обеспечения импортозамещения в условиях введенных ограничительных мер со стороны иностранных государств и международных организаций, без проведения торгов**».

2. Двусмысленность союзной связи в предложении.

Рассмотрим данный прием на примере указанного ниже наименования «Порядка предоставления компенсации расходов на оплату стоимости проезда проживающим в районах крайнего севера и приравненных к ним местностях, неработающим гражданам, **являющимся получателями социальной пенсии по инвалидности и являющимся инвалидами с детства**, и лицам, сопровождающим инвалидов, имеющих I группу инвалидности, к месту отдыха на территории российской федерации и обратно один раз в два года».

Как видно из данного примера, союз «и», имеющий в русском языке 8 значений, а в данном контексте – значение **соединения** однородных сообщений, позволяет отнести к получателям социальной услуги две категории неработающих граждан - получателей социальной пенсии по инвалидности и категорию лиц, являющихся инвалидами с детства. Если авторы правового акта имели в виду одну категорию, однозначность толкования могла быть обеспечена отсутствием данного союза – «...неработающим гражданам, являющимся получателями социальной пенсии по инвалидности - инвалидам с детства».

3. Манипулирование сочетанием цифровых и количественных показателей.

Рассмотрим действие данного приема на одном из проектов НПА. «Законопроект позволит ежегодно поощрять лучших мастеров народных художественных ремесел в Красноярском крае путем учреждения единовременного материального вознаграждения в объеме 115 000 рублей 10 мастерам».

По мысли законодателя 115 тысяч рублей предназначены не всем десяти мастерам, а каждому. Однако представленная формулировка не создает мотивации к участию в конкурсе, поскольку данная сумма предусматривает коллективное вознаграждение всем десяти. Правильная формулировка с однозначным толкованием предполагает обязательное разграничение цифровой и количественной информации: «Законопроект позволит ежегодно поощрять 10 лучших мастеров народных художественных ремесел в Красноярском крае путем учреждения единовременного материального вознаграждения в сумме 115 000 рублей **каждому**».

4. Использование в НПА нетерминированной лексики с неопределенным содержанием.

В постановлении Правительства Красноярского края от 02.03.2022 № 155-п «О внесении изменений в постановление Правительства Красноярского края от 14.02.2017 № 84-п *«Об утверждении Порядка предоставления субсидий на возмещение части затрат на **поддержку** собственного производства молока, в том числе перечня, форм и сроков представления и рассмотрения документов, необходимых для получения субсидий, Порядка предоставления субсидий на возмещение части затрат, направленных на обеспечение **прироста** собственного производства молока, в том числе перечня, форм и сроков представления и рассмотрения документов, необходимых для получения субсидий»* речь идет о двух идентичных порядках предоставления субсидий с одинаковой категорией получателей (в обоих порядках: пункт 1.5. К категории получателей субсидий, имеющих право на получение субсидий, относятся сельскохозяйственные товаропроизводители, за исключением граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов, зарегистрированные и (или) осуществляющие свою деятельность на территории Красноярского края).

Ни в одном из пунктов не раскрывается значение понятия **поддержка** собственного производства молока и **прирост** собственного производства молока, в то время как согласно словарным толкованиям **поддержка** (оказание

помощи, содействия в чем-то) как раз и обеспечивает *прирост* (количественное увеличение, прибавление чего-либо).

В данной статье выявлена лишь небольшая часть механизмов латентной лингвистической неопределенности. Вместе с тем необходимо признать, что искажение смысла НПА в значительной степени связано с ориентацией на иноязычную лексику при полном отсутствии используемых слов в словарях заимствований и юридической терминологии.

Приведем также небольшие фрагменты из Регламента работы в едином окне цифровой обратной связи на базе федеральной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»: «В настоящем Регламенте используются следующие термины и определения: (...) «*фаст-трек*» – сообщение с сокращенным сроком обработки и рассмотрения. <...> *Модератор* осуществляет отбор загруженных в Систему сообщений для дальнейшего рассмотрения и обработки. <...> 7. *Эскалация* сообщений. Все *эскалированные сообщения* вновь проходят предварительную *модерацию* и затем направляются в работу. <...>».

Неоправданное использование заимствований с неопределенным в русском языке содержанием, отсутствующих в словарях и в Национальном корпусе русского языка, имеющих различные значения даже в Википедии, на наш взгляд, является одним из распространенных маркеров коррупциогенности.

Нельзя не согласиться с мнением исследователя, что «<...> во многом условия, порождающие коррупциогенность текста закона, определяются слабым владением юридическим языком, неумелым обращением с ним при конструировании нормативных предписаний» [5, с. 42]. Одним из действенных способов устранения коррупциогенных факторов является правильное применение юридической техники, с позиций которой должен строиться любой нормативный правовой акт. С этой целью нами была разработана и успешно внедрена программа дополнительного профессионального образования для государственных и муниципальных служащих, занимающихся подготовкой НПА, - «Русский язык в деловой документации юриста».

Если правовая политика государства направлена на действенное искоренение коррупции, то необходим полномасштабный разворот к языку нормативных правовых актов и соблюдению требований юридической техники при их подготовке, к созданию полноценной методики проведения антикоррупционной юридико-лингвистической экспертизы НПА, которая должна устанавливать, в том числе, «обеспечивает ли языковое выражение правовой нормы однозначность толкования ее формально-логической структуры, могут ли

лингвистические неточности привести к ошибочному пониманию юридического предписания правовой нормы» [8, с. 1063].

Список использованных источников:

1. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (в аспекте современной экспертологии): учебное пособие / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2019. 224 с.

2. Балдин А.К. Юрико-лингвистическая неопределенность – коррупционная угроза правоприменительной практике // Вестник Нижегородского университета .им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 166-170.

3. Барабаш О.В. Критерии выявления коррупциогенных факторов в тексте официальных документов: лингвистический аспект // Вестник Пензенского государственного университета. 2016. № 1 (13). С. 17-21.

4. Бойко А.И. Юридическая пандемия(о чрезмерной юридизации общежития и забвении других нормативных систем) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 17-31.

5. Галкина С.Ю. Характеристика коррупциогенного фактора «юрико-лингвистическая неопределенность» // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 5. С. 41-51.

6. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 г. № 96 // СЗ РФ. 08.03.2010. № 10. Ст. 1084.

7. Кабанов П.А. Юрико-лингвистическая неопределенность как предмет антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2014. № 3. С. 61-71.

8. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. О комплексной природе антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Вопросы правоприменения. 2012. № 5. С. 1048-1063.

УДК 343.35

ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ

© Е.Е. Пономарева

Председатель Камчатской коллегии адвокатов «ВИНДЕКС»

Федеральным законом от 24.02.2021 № 16-ФЗ «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации» законодатель вновь изменил формулировку понятия должностного лица в примечании 1 к ст. 285 УК РФ.

Что изменилось?

1. К должностным лицам отнесены работники государственных внебюджетных фондов и публично-правовых компаний.

2. Расширен перечень хозяйствующих субъектов с участием РФ, субъектов РФ или муниципалитетов работники которых могут признаваться должностными лицами.

3. Исключили, введенное в 2015 году, указание на контрольный пакет акций, принадлежащий РФ, субъектам РФ или муниципальным образованиям.

Фундаментальных изменений не произошло, изменения внесли еще большую путаницу в головы правоприменителей, но... С другой стороны, очевидно, что государство вовлекает в определение должностного лица все больший круг субъектов, подтверждая опасения А.Н. Трайнина, предостерегавшего в отношении применения примечания, определяющего понятие должностного лица в УК РСФСР 1922 года, что широкое толкование примечания привело бы к признанию государственной службой работы «в акционерных обществах, спортивных кружках и, конечно, профессиональных и кооперативных организациях. Но круг должностных лиц в государственной системе РСФСР и без того весьма широк. И мысль законодателя не могла быть направлена к расширению его до границ почти неуловимых» [5, с. 231]. Крайне актуальное высказывает оказалось спустя всего 100 лет.

Законодатель не решает, имеющихся проблем в определении должностного лица, но расширяет его границы почти до неуловимых. Однако делает это не только законодатель, но и правоприменитель. В данной статье мы коснемся только понятия представителя власти, так Верховный Суд Российской Федерации разъясняя данное понятие в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам

о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» указывает три вида представителей власти, не используя при этом оценочных категорий:

- лицо, наделенное правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти;

- иное лицо правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости;

- лицо, наделенное правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности.

Однако, в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 09.07.2013 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» добавляя представителю власти надзорные функции, также указывает и на иные функции представителя власти как в отношении подчиненных, так и иных лиц, на которых они распространяются. Собственно и расширяются границы понимания представителя власти почти до неуловимых.

В практической деятельности это привело к появлению спорной, на наш взгляд, квалификации деяний в отношении признания или непризнания субъекта преступления представителем власти.

Капитан морского судна: представитель власти или управленец в коммерческой организации?

Бесспорно, что капитан морского судна в коммерческой организации может осуществлять управленческие функции, но говоря о его правовом положении в период осуществления полномочий капитана, полагаем, что он является представителем власти.

В соответствии с ст. 70 КТМ РФ капитан судна вправе удостоверить завещания лиц, находящихся на судне. Удостоверенное капитаном судна завещание приравнивается к нотариально удостоверенному.

У капитана имеется еще ряд обширных полномочий, которые достаточно сложно и, пожалуй, неверно относить к управленческим функциям в коммерческой организации.

В соответствии с ч. 3 ст. 40 УПК РФ на капитанов морских судов, находящихся в дальнем плавании, возлагаются полномочия по возбуждению уголовного дела в порядке, установленном ст. 146 УПК РФ, а также выполнение неотложных следственных действий в порядке, установленном ст. 157 УПК РФ.

Согласно п. 4 ст. 43 Устава службы на судах рыбопромыслового флота РФ, капитан имеет право задерживать и изолировать до прихода в первый отечественный порт лицо, действия которого не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, но угрожают безопасности судна или находящихся на нем людей и имущества.

Ст.ст. 23, 38 КоАП РФ наделяют капитана судна полномочиями рассматривать дела об административных правонарушениях от имени органов, указанных в ч. 1 этой статьи. Согласно ст. 22.2 КоАП РФ дела об административных правонарушениях рассматриваются исключительно должностными лицами, в пределах их компетенции.

Объем полномочий капитана, предусмотренный нормативными правовыми актами, свидетельствует о том, что он является лицом наделенное правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности, то есть представителем власти.

Все перечисленные полномочия капитана судна, в момент нахождения на промысле, явно выходят за пределы управленческой функции в коммерческой организации. В.Ф. Сидорченко и А.И. Скворцов отмечают, что обязанностей международно-правового характера, иначе говоря, обязанностей по должности, у капитана несравненно больше, чем у судовладельца, которому капитан подчинен [4, с. 13-14].

Суды считают иначе. Согласно определения Судебной коллегии по уголовным делам Камчатского областного суда от 25.04.2000 г Д., являясь капитан-директором плавбазы «Приморец» и назначенный на эту должность соответствующим приказом по фирме «Форт», имея в своем непосредственном подчинении более 120 человек экипажа согласно судовой роли, фактически возглавлял структурное подразделение ООО «Форт», при этом на нем как на капитане-директоре плавбазы лежала вся полнота административно-хозяйственных обязанностей руководителя. Злоупотребляя своими полномочиями, Д., обязанный вести строгий учет принимаемой, изготавливаемой и перегружаемой рыбопродукции, допустил приемку рыбы-сырца без отражения этого в соответствующих документах, искажил сведения о числе швартовок в судовых журналах, неучтенную рыбопродукцию отгрузил в адрес иностранных фирм, сопроводив ее коносаментом с литером «А» и скрепив коносамент печатью капитана. Всё это, по мнению суда, свидетельствует о выполнении Д. административно-хозяйственных обязанностей и, следовательно, говорит о том, что он является субъектом преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ [1].

В некоторых приговорах, суды квалифицируя действия капитанов по ст. 201 УК РФ, определяют их *«единственным должностным лицом, на которого возлагалась обязанность обеспечения и соблюдения на судне законов государства, правил промысла и режима рыболовства в районе континентального шельфа»* [2].

Депутат законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления на первый взгляд является должностным лицом и относится к представителям власти, но данная позиция нам представляется спорной.

На основе анализа полномочий законодательного (представительного) органа, установленных Уставом Камчатского края от 04.12.2008 № 141, Закона Камчатского края от 14.11.2011 № 691 «О Законодательном Собрании Камчатского края», Законом Камчатского края от 08.02.2012 № 8 «О статусе депутата Законодательного Собрания Камчатского края» можно сделать вывод, что этот орган обладает довольно обширными полномочиями, в том числе распорядительными, но является коллегиальным органом и может осуществлять свои полномочия в случае избрания установленной законом численности депутатов. Решения принимаются, как правило, простым большинством, причем голоса всех депутатов равны.

Свои полномочия депутат реализует исключительно через работу в представительном органе путем совместного участия с другими депутатами в принятии решений, выработке рекомендаций, вынесении депутатского запроса и т.д.

Форма взаимоотношения депутата с избирателями заключается в отчетах перед избирателями округа о своей работе и информировании о своей работе через средства массовой информации.

Собственными властными полномочиями, позволяющими применить меры реагирования, депутаты не обладают. Более того, правоприменитель зачастую ошибочно отождествляет наличие у депутата права голоса, права на участие в коллективном принятии решения и само решение представительного органа. Соответственно, можно утверждать, что мы идем в этом случае по пути объективного вменения.

Парадоксальная ситуация возникает и с депутатами, осуществляющими свою деятельность в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации и органах местного самоуправления на не постоянной основе, поскольку помимо полномочий депутата осуществляют предпринимательскую деятельность, работают в некоммерческих организациях и т.д. Возникает вопрос: Представитель власти

может участвовать в коммерческой деятельности? Кроме этого вопроса возникает и масса других. В частности, в случае злоупотребления полномочиями в коммерческой организации что мы будем по отношению к депутату применять деяние, предусмотренное ст. 201 УК РФ или предусмотренное ст. 285 УК РФ? Взятку или коммерческий подкуп? А если депутат в своей коммерческой деятельности использует авторитет законодательной власти или указывает на коллегиальные полномочия как на принадлежащие ему единолично в целях получения преференций для своей организации или передачи ему активов иной организации и т.д. Это злоупотребление должностными полномочиями или мошенничество? Причем подобная ситуация в отношении иных представителей власти устойчиво в судебной практике рассматривается как мошеннические действия, но только не в отношении депутатов.

Так, Петропавловск-Камчатским городским судом осужден Б.В.В. за совершение преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ. Приговором суда установлено, что помимо осуществления полномочий депутата Законодательного Собрания Камчатского края, Б.В.В. с 31.03.2011 зарегистрирован в Инспекции Федеральной налоговой службы по г. Петропавловску-Камчатскому в качестве индивидуального предпринимателя. Кроме того, Б.В.В. являлся генеральным директором и соучредителем Общества с ограниченной ответственностью «Елизовский карьер», а также являлся членом совета директоров Открытого акционерного общества «Елизовский карьер» [3].

Если ли правовое разрешение обозначенной проблемы? Полагаем есть, но не уголовно-правовыми способами, а необходимостью введения запрета на возможность существования депутатской деятельности на непостоянной основе. В этом случае не будет ни только уголовно-правовых проблем квалификации деяния, но и депутат станет народным избранником, а не лицом, стремящимся получить преференции для своего бизнеса.

Проблемы есть и будут возникать в будущем по причине безнадежно устаревшего понятия должностного лица в целом, и представителя власти в частности. В результате мы получаем далеко не бесспорное признание отдельных лиц должностными лицами и невероятные случаи, например, признания виновным бывшего главного эксперта отдела спецэкспертиз Управления МВД на транспорте за ошибку во время проведения анализа по ч. 1 ст. 293 УК РФ, который «не применил в полном объеме рекомендованные экспертные методики и имеющиеся в распоряжении технические средства», из-за чего тоже решил, что в вещество в пузырьках — наркотическое. Видимо авторы обвинения исходили из функций и места их осуществления, а не процессуального статуса эксперта [6].

Список использованных источников:

1. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Камчатского областного суда от 25 апреля 2000 г. // Архив Камчатского областного суда. Уголовное дело № 22–271/2000 г.

2. Приговор Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 1 марта 2004 г., приговор Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 15 декабря 2004 г. // Архив Фрунзенского районного суда г. Владивостока. Уголовные дела № 1–235/2004, № 1–468/2004.

3. Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда от 13 октября 2022 // Архив Петропавловск-Камчатского городского суда. Дело № 1-140/2022.

4. Сидорченко В.Ф., Скворцов А.И. Капитан морского судна. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. 307 с.

5. Окунева М.О. Должностные лица как специальный субъект преступления в советском уголовном праве периода НЭПа. // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 229-236.

6. В Москве в суд передано дело бывшего главного эксперта отдела спецэкспертиз. URL: <https://www.znak.com/>.

УДК 343

**СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 284.1 УК РФ**

© А.Ю. Попова

Сибирский федеральный университет

Криминализация деяний, затрагивающие основные интересы общества и государства – приоритетное направление действующего уголовного законодательства России. Безусловно, беря во внимание события последних лет, общую напряженность в политической, экономической сферах, отметим, что законодатель акцентирует свое внимание на преступных деяниях, которые посягают на общественную безопасность, общественный порядок, безопасность государства, основы конституционного строя.

Наиболее актуальным и слабо изученным, на наш взгляд, является не так давно криминализованный состав преступления, предусмотренный статьей 284.1 УК РФ, предусматривающий ответственность за осуществление

деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности (далее – нежелательная организация). Данный состав преступления появлялся в Главе 29 УК РФ в 2015 году на основании Федеральным законом от 23.05.2015 г. № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Федеральным законом от 01.07.2021 г. № 292-ФЗ «О внесении изменения в статью 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» в состав были внесены новые изменения, касающиеся его объективной стороны. Однако наибольший интерес в настоящем исследовании для нас представляет субъективная сторона данного преступлений.

Субъективная сторона, как один из элементов состава преступления, представляет под собой психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением преступления [1, с. 438]. Элементами субъективной стороны являются вина, мотив, цель и эмоции, причем последние три относятся к факультативным, что не опровергается наукой уголовного права.

Вина, в свою очередь, это отрицательное психическое отношение лица к ценностям, указанным в ч. 1 ст. 2 УК РФ, выразившееся в совершении умышленного или неосторожного преступления и причинившего этим ценностям существенный вред [2, с. 158-159].

Уголовному законодательству известно две формы вины: умысел (прямой и косвенный) и неосторожность (легкомыслие и небрежность). Каждая из форм вины содержит интеллектуальный и волевой аспекты.

Стоит отметить, что большая часть преступлений в Особенной части УК РФ совершаются умышленно и преступление, предусмотренное ст. 284.1 УК РФ – не исключение, поскольку выполнение объективной стороны может быть совершено именно с прямым умыслом.

В связи с чем, нам интересно рассмотреть интеллектуальный и волевой моменты прямого умысла и в дальнейшем проанализировать субъективную сторону преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ.

Интеллектуальный момент прямого умысла заключается в осознании общественной опасности совершаемого деяния, а в преступлениях с материальным составом также и в предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий.

Волевой момент прямого умысла заключается в желании наступления общественно опасных последствий.

Однако не стоит забывать, что достаточно большое количество составов преступлений Особенной части УК РФ – это преступления с формальным

составом, для которых характерен только один обязательный признак – деяние, а общественно опасные последствия лежат за пределами объективной стороны.

Возникает закономерный вопрос – в чем будет заключаться волевой момент прямого умысла у преступления с формальным составом?

А.И. Рарог в монографии «Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам», приходит к выводу, что волевой аспект прямого умысла при совершении преступления с формальным составом, заключается в желании совершить общественно опасные действия, которые запрещены уголовным законом [3, с. 70]. И мы в полной мере поддерживаем такую позицию, поскольку объективная сторона формального состава не содержит такого обязательного признака как наступление общественно опасных последствий, и лицо, совершая преступление с формальным составом, волевой аспект проявляет именно в желании совершить общественно опасные действия либо бездействия.

Переходя к анализу субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ, сразу оговоримся, что его состав является формальным, и преступление будет считаться оконченным с момента выполнения объективной стороны.

Рассмотрим интеллектуальный и волевой аспекты субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ.

Для интеллектуального аспекта при совершении преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ характерно осознание факта своей преступной деятельности, а именно участие, финансирование или организация деятельности нежелательной организации. Также лицо должно быть осведомлено о том, что в отношении организации, в которой он принимает участие, финансирует или организует деятельность Генеральным прокурором РФ или его заместителем было принято решение о признании организации нежелательной. Кроме того, общественную опасность своего преступного деяния лицо должно осознавать и из того обстоятельства, что ранее оно привлекалось к административной ответственности в течение года за аналогичное деяние.

Поскольку состав преступления, предусмотренный ст. 284.1 УК РФ является формальным, то в данном случае второй признак интеллектуального аспекта прямого умысла – предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий, отсутствует.

Формальный состав преступления вносит свои коррективы и в волевой аспект прямого умысла, и с учетом уже вышеуказанного анализа данного аспекта, отметим, что в преступлении, предусмотренном ст. 284.1 УК РФ волевой

аспект будет заключаться именно в желании совершить преступное действие, указанное в ст. 284.1 УК РФ.

Рассмотрим несколько примеров из судебной практики.

Так, приговором Ленинского районного суда г. Екатеринбурга 11.02.2020 года был осужден Максим Верников по ст. 284.1 УК РФ (в редакции до принятия Федерального закона от 01.07.2021 г. N 292-ФЗ «О внесении изменения в статью 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации») и ему было назначено наказание в виде 300 часов обязательных работ.

При этом, как следует из мотивировочной части приговора, подсудимый утверждал, что организация «Открытая Россия», в котором он принимал участие, не является нежелательной, и умысел на участие в деятельности такой организации, а также посягательство на основы конституционного строя и безопасность государства у него отсутствовал.

Доводы Верникова М. Б. были опровергнуты обвинением. Во-первых, организация «Открытая Россия» была признана нежелательной на территории России 26.04.2017 года (то есть за три года до процесса Верникова), во-вторых, осужденный до возбуждения уголовного дела по статье 284.1 УК РФ ранее был привлечен к административной ответственности дважды в течение года за аналогичное деяние, что свидетельствует о том, что ему было известно о статусе организации «Открытая Россия», и он все равно продолжил принимать участие в деятельности данной организации, что может говорить лишь о его прямом умысле на совершение преступного деяния.

Аналогичная ситуация сложилась и при вынесении приговора Ленинским районным судом города Краснодара 02.10.2020 года в отношении Яны Антоновой, которая была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ (в редакции до принятия Федерального закона от 01.07.2021 г. № 292-ФЗ «О внесении изменения в статью 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»), и ей назначено наказание в виде 240 часов обязательных работ.

В мотивировочной части приговора также указано, что Антонова вину в совершении преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ не признала, обвинение ей не понятно. При этом, сам факт участия в организации «Открытая Россия» подтвердила, но утверждала, что данная организация не является нежелательной на территории России.

Безусловно, доводы осужденной не были приняты во внимание, поскольку ранее она дважды привлекалась к административной ответственности в течение года за аналогичное деяние, и достоверно знала, что «Открытая Россия» - нежелательная организация на территории России, но продолжила принимать

участие в деятельности организации и была привлечена к уголовной ответственности.

И в первом и во втором примере, преступление совершено с прямым умыслом, и интеллектуальный аспект заключается в том, что осужденные сознательно принимали участие в деятельности организации, которая за несколько лет до вынесения обвинительных приговоров была признана нежелательной, а также ранее за аналогичные деяния были привлечены к уголовной ответственности, что, как раз свидетельствует о том, что они в полной мере осознавали вредоносность своих действий.

Волевой аспект проявляется в желании осужденных совершить общественно опасное деяние, а именно принять участие в деятельности нежелательной организации.

Несмотря на незначительное количество судебной практики по исследуемому нами составу преступления, однако с учетом теоретического анализа, мы можем сделать вывод, что преступление, предусмотренное ст. 284.1 УК РФ относится к группе преступных деяний, совершаемых только с прямым умыслом.

Список использованных источников:

1. Полный курс уголовного права: В 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008.
2. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. А.Н. Тарбагаева. – 2-е изд., перераб.и доп. – Москва: Проспект, 2019.
3. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М.: Проспект, 2015.

УДК 34.01

ИДЕЯ О ПРАВОПРИМЕНЕНИИ КАК О КОНКРЕТИЗАЦИИ ПРАВА

© Т.В. Протопопова

Сибирский федеральный университет

Исследователями даются такие определения последней. Как заметил М.Ш. Гамидов, «конкретизация нормы права – технико-юридический метод

уточнения исходного содержания нормы права, реализуемый уполномоченным субъектом путем правотворческого, правоприменительного либо интерпретационного расширения (или сужения) объема отдельных признаков или элементов структуры для достижения их определенности... Конкретизация имеет своей целью достижение такой детальности изложения нормы права, которая позволяет судить о ее содержательно предельной либо окончательной исчерпанности, максимальной логичности и точности изложения» [1, с. 10]. По мнению же М.В. Залоило, «конкретизация юридических норм представляет... процесс, заключающийся... в переводе абстрактных юридических норм в более определенные правила, развитии посредством уточнения, детализации, дополнения; в индивидуализации юридических норм применительно к конкретным субъектам правоотношения, их правам и обязанностям... Конкретизация юридических норм» [2, с. 8] осуществляется, в частности, «в сфере правоприменения» [2, с. 9].

Если вести речь о правоприменении, то оно должно не изменять юридические нормы, а реализовывать их в том виде, в котором они сформулированы при правотворчестве. Вот почему совсем нельзя согласиться с идеей, что при применении права допустимо использовать конкретизацию нормы права в изложенном М.Ш. Гамидовым понимании этой конкретизации. Ведь он написал, что конкретизация есть уточнение исходного содержания нормы права, т. е. изменение последней. Относительно же использования при применении права приведенного определения конкретизации юридических норм, сформулированного М.В. Залоило, очевидно следующее.

При применении права происходит процесс, заключающийся, по словам М.В. Залоило, «в индивидуализации юридических норм применительно к конкретным субъектам правоотношения, их правам и обязанностям». При именовании указанной индивидуализации конкретизацией норм права последняя, разумеется, присутствует в ходе правоприменения.

Если же конкретизацией юридических норм считать «процесс, заключающийся... в переводе абстрактных юридических норм в более определенные правила, развитии посредством уточнения, детализации, дополнения», то этого процесса не может быть при применении права для того, чтобы применение права осталось само собой, а не превратилось в правотворчество.

М.В. Залоило в качестве примеров, по его мнению, правоприменительной конкретизации права приводит восполнение пробелов в праве путем аналогии закона и аналогии права. Этот исследователь пишет так.

«В сфере правоприменения» выделяется «конкретизация юридической нормы, регулирующей аналогичные отношения, при наличии пробелов в праве...

Применяя сходные предписания по аналогии закона при наличии пробелов в праве, правоприменитель конкретизирует юридическую норму, регулирующую аналогичные отношения. Юридическая норма, применяемая по аналогии закона, предназначена для регулирования других, родственных отношений; она не регулирует прямо рассматриваемые отношения. Правоприменитель должен уточнить ее действие не применительно к регулируемым ею отношениям, а относительно рассматриваемого отношения, неурегулированного „собственной“ юридической нормой. В данном случае осуществляется конкретизация сферы действия юридической нормы, применяемой по аналогии, а закрепленные ею права и обязанности подвергаются уточнению, переносятся на участников рассматриваемого дела.

Правоприменитель, разрешая дело по аналогии права, конкретизирует общие правовые категории, отражающие общие начала и смысл законодательства, требования добросовестности, разумности, справедливости, гуманности» [2, с. 9].

Относительно только что приведенных суждений М.В. Залоило уместно такое замечание. Восполнение пробелов в праве не является ни правотворчеством, ни правоприменением. Это ясно из результата восполнения пробела в праве. Таким результатом выступает и не претворение в жизнь правовой нормы в неизменном виде, что характерно для применения права, и не создание новой нормы права, что свойственно для правотворчества. Рассматриваемый результат есть создание при восполнении пробела в праве нового правила и реализация его лишь применительно к юридическому делу, относительно которого пробел в праве выявлен. Это новое правило не является нормой права, так как не присутствует в формальном источнике права [3].

Список использованных источников:

1. Гамидов М.Ш. Конкретизация норм права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010.
2. Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
3. Дробышевский С.А., Тихонравов Е.Ю. Способы восполнения пробелов в праве. М.: Норма, 2018.

УДК 378.6

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВКЛЮЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ
УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» В
ВЕДОМСТВЕННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

© С.А. Пунтус

Сибирский юридический институт МВД России

Социально-гуманитарная и просветительская составляющие, включая обращение к ценностям российского общества, развитие патриотизма и гражданственности и т.п., и ранее занимали особое место в отечественных образовательных программах. В настоящее время изучение российской государственности проходит красной нитью не только сквозь начальное и среднее общее образование (федеральные образовательные программы, утвержденные приказами Минпросвещения России от 18.05.2023 №№ 371 и 372) в рамках истории и обществознания, но и преподавание курса «История России» в вузах, на что ориентирует Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования (письмо Минобрнауки России от 20.02.2023 № МН-5/168376 «О направлении информации»).

Однако, появление на образовательном горизонте высшего образования новой учебной дисциплины «Основы российской государственности» (далее – УД ОРГ, учебная дисциплина, модуль, курс) произошло стремительно и требует своего научного осмысления.

Точкой отсчета учебной дисциплины принято считать поручение главы государства Минобрнауки России по ее разработке и включению в образовательные программы высшего образования (перечень поручений по итогам заседания Государственного Совета Российской Федерации, состоявшегося 22.12.2022, утвержденный Президентом Российской Федерации 29.01.2023 № Пр-173ГС).

Развивая компетенции межкультурного взаимодействия в рамках УК-5 ФГОС высшего образования, Минобрнауки России предложил образовательным организациям концепцию учебно-методического комплекса модуля «Основы российской государственности» (письмо № МН-11/1516-ПК от 21.04.2023), определив не только содержание соответствующей учебной дисциплины, но и место в структуре основных профессиональных образовательных программ (далее – ОПОП), рекомендовав ее изучение в первом семестре первого курса.

Как неоднократно утверждалось представителями ведомства: в основу нового курса положен принцип междисциплинарности, то есть в нем соединены элементы философии, политологии, социологии, истории, юриспруденции, экономики, культурологии и психологии.

Безусловно, важность государственного подхода к обучению в качестве ответной реакции на вызовы образовательной и социальной политике российского государства нельзя отрицать. Включение в ОПОП УД ОРГ – решение не только вузов, подведомственных Минобрнауки России, но и учреждений различных систем ведомственного образования – например, МВД России.

Так, УД ОРГ нашла свое место во всех рекомендуемых учебных планах ОПОП, предназначенных для реализации в образовательных организациях высшего образования МВД России (письмо ГУРЛС МВД России от 23.08.2023 № 21/11/17016) – причем не только высшего образования, но и среднего профессионального образования.

К сожалению, включение в ОПОП УД ОРГ вызвало ряд проблемных вопросов и трудностей по реализации такого шага – характерные как для любых образовательных организаций, так и для ведомственного образования. Обратим внимание на некоторые из них, а также предложим ряд инициатив, позволяющих вписать новый модуль не только в систему подготовки кадров для органов внутренних дел, но и, возможно, в деятельность иных образовательных организаций.

1. Отсутствие системности и последовательности в изложении учебного материала проекта модуля, минимально необходимой правовой основы.

Даже без оценки сомнительного подхода к структуре дисциплины (исходя из наименования разделов), в курсе отсутствуют не только опоры на нормативные акты, официальную терминологию, но и надлежащая синхронизация с Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809, утвердившим Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Несмотря на то, что дисциплина не должна быть «юридически ориентирована», следует понимать, что при подготовке юристов предлагаемое Минобрнауки России содержание модуля, некоторые его формулировки целесообразно подвергнуть корректировке с позиции правовой грамотности.

Для образовательной системы юридических кадров явно режут слух как термины «Основной закон» и т.п., неоднократно встречающиеся в тексте рекомендуемого проекта, так и сомнительные формулировки примерных тестовых заданий (например, какой из органов государственной власти

Российской Федерации – «Счетная палата», «Федеральное агентство по делам молодежи», «Совет Федерации», «Президент» – не ходит ни в одну из ветвей власти?).

Одновременно полагаю, что помимо перечней основной и дополнительной литературы, программу следует насытить рекомендуемыми нормативными актами, ключевое место среди которых должна занять Конституция Российской Федерации.

2. Отсутствие надлежащего методического обеспечения по курсу.

Проблемы новых учебных дисциплин традиционны. И одной из них выступает отсутствие качественного методического обеспечения. В литературе и публикациях, связанных с УД ОРГ, неоднократно указывалось на планирующиеся к изданию специализированные учебные пособия «Основы российской государственности».

К сожалению, создать учебники или иное методическое пособие в сжатые сроки невозможно. Практика показывает, что качественное издание должно пройти «испытание временем». И появившиеся в свет материалы нас в этом убеждают.

Так, опубликованное издательским домом «Дело» РАНХиГС издание отмечает, что конституционный принцип социальности предполагает конституционные гарантии свободы литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания, право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры и т.п. [1, с. 143]. В этом же работе дается неоднозначная оценка соотношения категорий «страна/государство», классификации органов власти и др.

Полагаю, что юридическому научному сообществу следует прийти на помощь образовательной среде, в части подготовки изданий для преподавания новой дисциплины.

3. Проблема подготовки профессорско-преподавательского состава.

С появлением новой дисциплины образовательным организациям приходится решать проблему ее кадрового обеспечения. В ведомственных вузах к настоящему времени отсутствует однозначная позиция даже по вопросу закрепления курса за юридической/неюридической кафедрой – гуманитарно-социального профиля или государственно-правовых дисциплин.

Для большинства вузов остается насущным вопрос обучения педагогического состава для преподавания УД ОРГ. К сожалению, анонсированное Минобрнауки России повышение квалификации профессорско-преподавательского состава (письмо № МН-11/1516-ПК от 21.04.2023) до сих пор не реализовано даже в планируемых объемах: обученных

– единицы по всей стране, а ведомственная система образования вообще не охвачена подготовкой кадров.

4. Спорное определение места учебной дисциплины в ОПОП.

По рекомендации Минобрнауки России изучение курса осуществляется на 1 курсе в 1 семестре обучения. Но образовательные организации оказались перед необходимостью решения нелегкого вопроса, в связи с тем, что приказом Минобрнауки России от 19.07.2022 № 662 во все ФГОС высшего образования включена учебная дисциплина «История России» с большим количеством контактной работы.

Так, основываясь на рекомендуемых учебных планах, образовательные организации МВД России ввели для освоения обучающимися одновременно 2 учебных дисциплин – «Истории России» и «Основы российской государственности». И даже, если не обращать внимание на раздавшиеся возгласы «зачем изучать дважды историю?», то возникает проблема изложения учебного материала таким образом, чтобы в содержании ОПОП отсутствовало дублирование.

5. В связи с введением новой учебной дисциплины необходимо провести корректировку рабочих программ воспитания.

Уже стало привычным наличие рабочих программ воспитания и календарных графиков воспитательной работы в качестве неотъемлемой части ОПОП [2, с. 489-491].

Обращаясь к направлениям воспитательной работы и модулям календарного плана воспитательной работы, предложенных вузам (письмо Минобрнауки России от 08.04.2021 № МН-11/313-СД «О направлении методических материалов»), мы видим схожесть с содержанием УД ОРГ.

Следовательно, необходима корректировка уже имеющихся рабочих программ воспитания. Полагаю, что появление нового курса выступает ярким примером, когда образовательная организация должна максимально использовать в воспитательной работе потенциал учебных дисциплин.

В этой связи целесообразно обратить внимание на тот факт, что патриотическому и духовно-нравственному воспитанию в ведомственных вузах, включая МВД России, уделяется особое внимание. В силу чего, потребность в обращении к основам российской государственности в таких вузах гораздо ниже, чем в иных образовательных организациях.

Завершая обращение к проблемным вопросам включения в образовательные программы учебной дисциплины «Основы российской государственности» в ведомственном юридическом вузе, отметим, что приведенный перечень является далеко не полным. Для всей системы

российского образования еще предстоит пережить первый опыт реализации такой дисциплины, определить с включением в орбиту приемной кампании вузов нового профиля школьников олимпиад (профиль «Основы российской государственности» нашел свое отражение в проектах приказов Минпросвещения России и Минобрнауки России, посвященных школьным олимпиадам на текущий учебный год) и найти ответы на иные дилеммы данной сферы.

Список использованных источников:

1. Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В.М. Марасанова, В.Э. Багдасарян, Ю.Ю. Иерусалимский, Л.Г. Титова, С.А. Кудрина. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 272 с.

2. Пунтус С.А. Физическая культура и спорт сквозь призму содержания рабочих программ воспитания // Актуальные вопросы совершенствования специальной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России : материалы Всероссийской научно-практической конференции / редколлгия: Е.Е. Витютнев, И.В. Подпорин, В.А. Михайлюк и др. Краснодар: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 487-491.

УДК 343.976

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК СУБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

© Е.С. Пустовойт

Сибирский юридический институт МВД России

Профилактика преступности имеет четко выраженную систему, одним из элементов которой является субъект. По мнению А.В. Шеслера, Л.М. Прозументова под субъектом следует считать «государственные и негосударственные организации, социальные группы и отдельных граждан, которые осуществляют деятельность по реализации мер предупреждения преступности» [1 с. 204]. Несмотря на полноту понятия, особенностью деятельности субъектов является их способность воздействовать на то, что

составляет объект профилактики, в нашем случае наркопреступность (наркоситуация). Субъекты предупредительной деятельности отличаются друг от друга по характеру выполняемых функций, содержание которых во многом определяется спецификой объекта профилактического воздействия.

Как указывает М.А. Яковлева «дифференциация субъектов профилактической деятельности по предупреждению преступности может быть произведена по иным критериям: с учетом международной или национальной направленности, по критериям подчиненности, масштабов и направлений профилактической деятельности, возложенных функций (координирующего или контрольного аспектов), осуществления общей, групповой либо индивидуальной профилактики преступности и по другим критериям, в частности, по специализированности выделяют специализированные и неспециализированные» [2 с. 97]. При этом к специализированным субъектам отнесены те, у кого профилактика преступлений является основным или одним из основных направлений, к числу таких традиционно относят правоохранительные органы, тогда как для неспециализированных субъектов профилактика не будет профилирующей функцией и даже основой их деятельности (государственные органы, общественные объединения, движения и т.д.).

На сегодняшний момент наркопреступность в рассматриваемом регионе превратилась в транснациональную проблему, затрагивающую интересы не только одного государства. Нельзя не согласиться с исследователями, которые полагают, что «эффективная борьба с этим злом возможна только на пути консолидации усилий международного сообщества» [3 с. 80]. В этой связи стоит обратить внимание на деятельность такой региональной международной организации в области коллективной безопасности с участием нескольких государств как Организация Договора о коллективной безопасности (далее-ОДКБ; Организация). Как отмечает П.В. Тепляшин «ОДКБ выступает важным субъектом (актором) профилактики наркоугроз на межгосударственном уровне. Это достаточно представительное межгосударственное объединение, государствами-членами которого являются Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан» [4 с. 10]. В рамках ОДКБ применяются, наращиваются и совершенствуются коллективные и скоординированные меры по усилению потенциала противодействия современным вызовам и угрозам, в том числе наркопреступности.

Большая часть государств-членов ОДКБ в силу своего географического расположения находятся на передовых рубежах борьбы с трансграничной наркопреступностью, поскольку через их территорию проходит так называемый

«Северный маршрут» афганского наркотрафика. Совершенно верно указывает М.Г. Мелихов «Мониторинг наркообстановки, складывающейся в регионе государств - членов ОДКБ, свидетельствует о том, что наркобизнес продолжает развиваться и продолжающийся рост производства наркотиков в Афганистане и отсутствие стабильности в этой стране позволяют с большой долей вероятности прогнозировать дальнейшее обострение обстановки, связанной с наркотиками, диктуют потребность постоянного упреждающего реагирования со стороны международного сообщества» [5, с. 39].

ОДКБ как субъект профилактики осуществляет определенную предупредительную деятельность, и общая идеология коллективных мер профилактики наркопреступности в данном регионе строится на стратегической концепции сокращения масштабов незаконного оборота наркотиков, а также их немедицинского потребления в государствах-членах ОДКБ, состоящей из совокупности комплекса мер, направленных на:

во-первых, сокращение предложения наркотиков путем пресечения их нелегального производства и оборота на территории Организации;

во-вторых, уничтожение инфраструктуры нелегального оборота наркотиков;

в-третьих, ликвидация сырьевой базы наркопроизводства, в том числе нарколабораторий;

в-четвертых, противодействие утечке в незаконный оборот прекурсоров;

в-пятых, развитие эффективной системы защиты госграниц государств-членов ОДКБ;

в-шестых, комплексное проведение мероприятий, направленных на снижение спроса на наркотики;

в-седьмых, совершенствование организационного, правового и ресурсного обеспечения антинаркотической деятельности, включая повышение квалификации и профессиональную подготовку кадров компетентных органов государств – членов ОДКБ;

в-восьмых, проведение целенаправленной работы по профилактике немедицинского потребления наркотиков, лечению и реабилитации наркозависимых.

Ключевым органом Организации в системе профилактики наркопреступности является Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств – членов ОДКБ (далее-КСОПН), осуществляющий координацию и взаимодействие компетентных органов государств – членов ОДКБ в антинаркотической сфере, который рассматривает актуальные вопросы по

совершенствованию и гармонизации национальных нормативных правовых актов, регулирующих оборот наркотиков, содействует обмену опытом и информацией между компетентными органами государств-членов ОДКБ, проводит совещания, в рамках которого обсуждаются важные составляющиеся наркоситуации в регионе и т.д.

Таким образом, стоит отметить, что за три десятилетия ОДКБ зарекомендовала себя, как надежная и эффективная межгосударственная региональная организация, способная как субъект профилактики конструктивно решать задачи противодействия транснациональной преступности.

Список использованных источников:

1. Шеслер А.В., Прокументов Л.М. Криминология (общая часть) : учебное пособие. – Красноярск : Издательство «Горница». 1997. 230 с.

2. Яковлева М.А. Органы внутренних дел как один из субъектов в системе профилактики преступности : диссертация ... канд. юр. наук : 12.00.08. Санкт-Петербург, 2019. 276 с.

3. Баранова А.А., Соломативна Е.А., Ильинский И.И. Роль деятельности международных организаций и Интерпола в борьбе с преступностью // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 79-84.

4. Тепляшин П.В. Криминологические риски в области нормотворческих антинаркотических инициатив государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности // Наркоконтроль. 2022. № 4. С. 9-14.

5. Мелихов М.Г. Организация Договора о коллективной безопасности: комплексное противодействие наркоугрозе // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 2(11). С. 38-40.

УДК 34.037

СВОЕВРЕМЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ ЗА ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩЬЮ КАК СРЕДСТВО САМООХРАНЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

© А.В. Пушкина

Сибирский федеральный университет

Конституция Российской Федерации, возлагая на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина и

гарантируя государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина, закрепляет право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой бесплатно в случаях, предусмотренных законом, и одновременно устанавливает, что каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Данные права являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, признаются и гарантируются в Российской Федерации как правовом государстве. Во взаимосвязи с иными правами и свободами человека и гражданина, в частности теми, что сопряжены с защитой каждым своих прав и свобод всеми не запрещенными законом способами и разбирательством дела судом на основе состязательности и равноправия, они выступают в качестве одного из необходимых условий справедливого правосудия [6]. Право на получение квалифицированной юридической помощи закреплено в Конституции наравне с другими правами и свободами человека и гражданина, является непосредственно действующим и обеспечено деятельностью законодательной, исполнительной и судебной власти [2].

Юридическая помощь представляет собой содействие законными средствами реализации прав, свобод, законных интересов получателя для достижения индивидуальных юридически и фактически обоснованных целей в проблемной правовой ситуации [5, с. 121]. Традиционно юридическая помощь заключается в совершении следующих действий:

1. совершение субъектов конкретных действий прямо или непосредственно влияющих на проблемную ситуацию;
2. адресное предоставление нуждающимся доступных средств для самостоятельного преодоления проблемной ситуации [5, с. 128].

Юридическая помощь благодаря своей правоохранительной функции сопровождает правовую деятельность, компенсирует недостатки правовых знаний и навыков, затрудняющих осуществление прав и законных интересов.

Одним из условий оказания юридической помощи является ее своевременность, т.е. возможность воспользоваться помощью немедленно, когда возникает такая необходимость. Своевременный означает — вовремя. Иными словами, юридическая помощь должна быть оказана в то время, когда она необходима, не раньше и не позже [1, с. 180].

При этом в настоящее время среди населения непопулярна превентивная юридическая помощь, т.е. обращение за помощью до заключения сделки или до вступления в определенные отношения. Такое обращение бывает необходимо при заключении сделок с недвижимостью или с автомобилем. В подобных ситуациях важно заранее проверить имущество и отказаться от сделки, если она может привести к имущественному ущербу, так как предупредить нарушение всегда эффективнее, чем бороться с последствиями. Обращение за превентивной юридической помощью является формой юридической самоохраны прав и законных интересов, под которой мы понимаем целенаправленные действия субъектов, реализуемые на основании механизма заложенного в нормах права для предотвращения нарушения собственных субъективных прав и законных интересов.

Ключевую роль в разъяснении значения превентивной юридической помощи играют СМИ, правовое образование, а также деятельность органов публичной власти по разъяснению их прав и возможностей. Например, в настоящее время популярность набирают телеграмм-каналы разных органов публичной власти, в которых рассказывается о случаях нарушения прав граждан и способах предупреждения нарушений. Возможно, свою роль в информировании населения может сыграть программа «Живое право», которая в настоящее время активно реализуется юридическими клиниками.

Своевременность юридической помощи напрямую связана с ее доступностью. Однако по информации, полученной с сайта адвокатской палаты Красноярского края, большинство адвокатов работает в городах и районных центрах края. Та же ситуация касается бесплатной юридической помощи [8].

При этом существующая система бесплатной юридической помощи, несмотря на декларируемые в ст. 5 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи» не всегда может своевременно и эффективно помочь гражданам [3]. На услуги хорошего платного юриста у людей не всегда есть деньги. Причем здесь речь идет не только о малообеспеченных гражданах.

В такой ситуации в качестве альтернативы предлагаем последовать опыту зарубежных стран и развивать страхование расходов на юридическую помощь [9]. Согласно Директиве 1987 года под страхованием расходов на юридическую помощь понимается обязательство, принимаемое на себя страховщиком в обмен на уплату контрагентом определенной суммы страховой премии, состоящее в возмещении страхователю (застрахованному лицу) понесенных им затрат на разбирательство конкретного дела и предоставлении иных услуг, в число которых включается обеспечение компенсации убытков, причиненного застрахованному лицу вреда посредством досудебного урегулирования

конфликта либо защиты или представительства интересов застрахованного в гражданском, уголовном, административном судопроизводстве [4].

В качестве основной аудитории граждан, которые воспользовались бы таким видом страхования можно выделить людей, не являющихся малообеспеченными и готовых вкладывать раз в год небольшое количество денег, чтобы в нужный момент обратиться к юристу и получить квалифицированную юридическую помощь. В целом возможность такого страхования и сейчас существует в России, так в гражданском праве действует свобода договора, однако страхование как услуга очень непопулярна среди россиян [7]. И здесь если КАСКО или страхование жизни существуют во многом из-за кредитов, то для страхования расходов на юридическую помощь нет таких стимулов. Однако, как нам кажется, именно для превентивной юридической помощи страхование расходов может быть тем вариантом, который повысит как доступность юридической помощи, так и ее своевременность. В случае если юридическая помощь не будет оказана своевременно и превентивно гражданин рискует уже после сделки потратится еще больше на юристов и не только в случае потенциального судебного процесса.

Список использованных источников:

1. Крутер М.С. Оказание бесплатной юридической помощи населению: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 176-180.

2. Лапинский В.О правах адвоката на осуществление защиты в производстве об административных правонарушениях // Адвокатская газета. 2023. № 9-11.

3. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: www.consultant.ru.

4. О координации законодательных, нормативных и административных актов в отношении организации и осуществления деятельности по прямому страхованию жизни (79/267/ЕЕС): директива от 05.03.1979 // OJL63. 13.03.1979. р. 1–18.

5. Панченко В.Ю. Юридическая помощь (вопросы общей теории) : монография. Москва : Директ-Медиа, 2014. 279 с.

6. По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункта 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей

подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами граждан А.П.Голомидова, В.Г.Кислицина и И.В.Москвичева: постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2001 № 14-П // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: www.consultant.ru.

7. Почему добровольные виды страхования не пользуются популярностью. URL: <https://www.asn-news.ru/smi/13472>.

8. Список адвокатов, оказывающих бесплатную юридическую помощь в рамках государственной системы оказания БЮП, утв. решением Совета АП КК 28.09.2023 (Протокол № 16/23) // Режим доступа: https://www.krasadvpalata.ru/besplatnaya_uridicheskaya_pomosh221/besplatnaya_uridicheskaya_pomosh/.

9. Страхование расходов на юридическую помощь: сравнительно-правовое исследование / А. Е. Михалева, В. Ю. Панченко, И. В. Пикулева, А. М. Сабиров, А. В. Теплякова, Е. Эккерт ; под ред. В. Ю. Панченко. М.: Проспект, 2016. 80 с.

УДК 342

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЕ УСМОТРЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕЙ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

© **З.Р. Рахматулин**

Сибирский федеральный университет

© **П.В. Сорокун**

Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета

В юридической литературе применительно к различным отраслям права авторы ведут речь о судебном и административном усмотрении [10, с. 123]. Безусловно, их характеристика играет важную роль для осмысления отдельных аспектов того или иного вида юридической деятельности, что имеет прикладное значение для теории и практики.

Например, Н.С. Погорелова подчеркивает значимость мировоззрения судьи, его убеждений и профессиональных качеств при осуществлении выбора между несколькими предусмотренными правовой нормой альтернативными возможностями [7, с. 6].

К.И. Комиссаров под судебным усмотрением понимает «предоставленное суду правомочие принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение, возможность которого вытекает из общих и относительно

определенных указаний закона, в случаях отсутствия прямого, абсолютно определенного указания найти такое из ряда предполагаемых законом решений, которое наиболее точно соответствует идее законодателя» [3, с. 51].

Вышеизложенные точки зрения позволяют понять, что судебное усмотрение включает в себя свободу при принятии решений судьями, при разрешении юридического спора исходя из его внутренних качеств, требований и принципов законодательства.

Административное усмотрение, как правило, реализуется федеральными органами исполнительной власти. В юридической литературе вполне обоснованно отмечается, что важнейшая характеристика административного усмотрения – это возможность «исходить из принципа целесообразности при обращении к гражданам с конкретными повелениями, основанными на законе и направленными на исполнение закона [10, с. 123], представляя собой «оптимальное соотношение законности и целесообразности» [4, с. 9].

Анализируемая точка зрения позволяет укорениться во мнении, что усмотрение представляет из себя явление объективно присущее органам государственной власти. Поэтому административное усмотрение осуществляется в рамках большого разнообразия видов административных правоотношений: охранительных и регулятивных; вертикальных, горизонтальных, диагональных и внутриорганизационных; материальных и процессуальных, правоприменительных и правореализационных» [1, с. 36-40].

Наличие усмотрения, ведет в определенных случаях к неоднообразной правоприменительной практике. В связи с тем, что в рамках одной статьи невозможно охватить деятельность всех органов исполнительной власти, акцентируем внимание на некоторых примерах из различных отраслей права.

Так бывший заместитель начальника колонии по кадрам и воспитательной работе исправительной колонии (далее - ИК) Тамбовской области обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями). По версии следствия, обвиняемый получал от осужденного через его посредников сотовые телефоны, коньяк, денежные средства в качестве оплаты услуг мобильной связи взамен на содействие в послаблении режима содержания и условно-досрочном освобождении [8].

Напротив, в рамках оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в ИК в Саратовской области, был проведен досмотр сотрудника А., в ходе которого обнаружены и изъяты 6 сим-карт операторов сотовой связи, 4 зарядных устройства для мобильных телефонов. Указанные запрещенные предметы А. собирался передать осужденному за вознаграждение, что привлекло к

возможности привлечения его к дисциплинарной ответственности (увольнению из органов уголовно-исполнительной системы) [6, с. 5].

Такие ситуации не являются единичными в правоприменительной практике и их обсуждение в юридической литературе является весьма обусловленным. В этой связи учеными высказывается мнение о необходимости разрешения этой ситуации с помощью преюдиции [9, с. 133-134].

Представляется, что данная точка зрения является достаточно интересной, но вместе с тем спорной. При таком положении вещей будет сложно разграничивать такие проступки, за которые при повторном их совершении будет наступать уголовная ответственность. В основе такой дифференциации должен лежать иной критерий, например нарушение конституционных прав осужденных, действия, способствующие нарушениям режима отбывания наказания, которые повлекли за собой наиболее серьезные последствия. К примеру, осужденным незаконно были переданы средства сотовой связи, и с помощью них были совершены преступления. В таком случае, правоприменительное усмотрение в этих вопросах можно будет ограничить, и выработать четкие критерии разграничения преступлений от дисциплинарных проступков.

При реализации публичного усмотрения властные субъекты вправе требовать от граждан и организаций все, что необходимо для общей пользы государства. Однако эти аспекты не всегда являются понятными. В отдельных случаях довольно сложно провести четкую грань. Этот критерий также достаточно важен, и должен быть понятен и положен в основу правовых конструкций законных требований различных служб.

Так, в нормах действующего законодательства предусмотрено, что осужденные обязаны выполнять законные требования администрации учреждений и органов, исполняющих наказания. Согласно толковому словарю, законный означает «основанный на законе, соответствующий закону». Однако «в последнее время в России все чаще возникают ситуации, когда в защите нуждаются сами сотрудники правоохранительных и контролирующих органов, наталкиваясь на выраженную агрессию со стороны нарушителей правопорядка. Участились случаи нападения на сотрудников полиции, а также сотрудников уголовно-исполнительной системы при исполнении ими служебных обязанностей, приводящие к получению травм и ранений различной степени тяжести» [5, с. 260]. Но в законодательстве предусмотрен не весь перечень таких требований, которые должностные лица вправе предъявлять гражданам. К примеру, в Федеральном законе «О полиции» они закреплены в ч. 1 ст. 13. Принципиальным здесь является то, какие требования должностных лиц

являются законными. Более того, на практике вызывает сложность неурегулированность некоторых аспектов данной деятельности и понимание правовых положений сотрудниками правоохранительных органов. «Возникает вопрос о правомерности требования предъявить документы или проследовать к месту последующего содержания и т.д., даже при условии, что у сотрудника есть законные основания для проверки документов (п. 2 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции») или для доставления (п. 13, 14, 15 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», ст. 27.2 КоАП РФ)» [2, с. 18]. Отметим, что в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы встречаются также аналогичные проблемы, которые во многом состоят в том, что не все ее аспекты можно урегулировать в нормах действующего законодательства. Например, лицу, содержащемуся в исправительной колонии или тюрьме, применено взыскание в виде водворения в ШИЗО. А оно отказывается пройти туда. Прописано ли такое требование в нормах действующего законодательства? Если да, то в этом случае спектр усмотрения должностных лиц может быть очень широким.

Отметим, что в уголовно-исполнительном праве несоблюдение этих требований может влечь за собой применение разных видов ответственности. В практической деятельности по исполнению уголовных наказаний встречались случаи, когда за отказ от выполнения тех или иных требований мнение должностных лиц и судей по применению соответствующего вида санкции к виновному существенно отличалось либо не соответствовало нормам действующего законодательства. Например, неисполнение определенных требований действующего законодательства осужденными к ограничению свободы. Правоприменитель сталкивается с комплексом проблем, связанных с невыполнением обязанностей осужденным по надлежащему обращению с электронными средствами фиксации. Причем, мнение судей и должностных лиц органов исполнительной власти по этим вопросам иногда принципиально не совпадает ввиду широкого диапазона усмотрения у каждой стороны.

Таким образом, изучение вопросов судебного и административного усмотрения имеет как теоретическое, так и прикладное значение. В тексте статьи фигурируют примеры, которые нашли разную правовую оценку со стороны судей и должностных лиц. В этой связи изучение этих аспектов должно приводить к тому, что законодателем или юридической практикой должны быть выработаны оптимальные критерии по ограничению подобной дискреции.

Список использованных источников:

1. Административное право Российской Федерации. Краткий курс / под ред. А.В. Мелехина. М.: Юстиция, 2016. 490 с.

2. Жильцов А.В. О правовой определенности категории «устное требование сотрудника полиции // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практик: материалы XXIV международной научно-практической конференции. Часть 1. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2021. С. 17-19.

3. Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 49-56.

4. Купреев С.С. Об административном усмотрении в современном праве // Административное право и процесс. 2012. № 1. С. 8-11.

5. Малолеткина Н.С. Неповиновение законному распоряжению сотрудников по ст. 19.3 КоАП РФ // Пенитенциарная наука. 2020. № 2. С. 259-264.

6. О состоянии дисциплины, законности и дорожно-транспортных происшествий среди сотрудников УИС за 2013 год: обзор ФСИН России. М., 2014. 235 с.

7. Погорелова Н.С. Судейское усмотрение в производстве по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2008. 25 с.

8. СМИ — Новости, связанные со ФСИН России. URL: <http://www.sledcom.ru/news/133667.html>.

9. Хрипушин Э.Н. К вопросу определения степени общественной опасности при правовой оценке должностных проступков и преступлений, совершаемых сотрудниками УИС России // Прикладная юридическая психология. № 4. 2014. С. 130-134.

10. Шарнина Л.А. Усмотрение в конституционном праве: дис. докт. юрид. наук. Москва, 2019. 353 с.

УДК 342.5

**КРИТЕРИЙ ВЫДЕЛЕНИЯ «ЕДИНИЧНОГО» ПУБЛИЧНО-ВЛАСТНОГО
ПОЛНОМОЧИЯ**

© О.В. Роньжина

Сибирский федеральный университет

Один из принципов эффективной организации децентрализованного публичного управления требует справедливого распределения финансового обеспечения деятельности каждого уровня публичной власти. Доходная часть бюджета соответствующего уровня должна покрывать расходы на осуществление хотя бы по минимальным стандартам всех обязательных полномочий, возложенных на публично-правовое образование. Такой принцип признан международным стандартом организации местного самоуправления. Финансовые ресурсы органов местного самоуправления должны быть соразмерны полномочиям, предоставленным им Конституцией или законом (п. 2 ст. 9 Европейской Хартии местного самоуправления) [2].

К сожалению, объем доходов местных бюджетов в России не позволяет муниципалитетам надлежащим образом решать вопросы местного значения. Это ведет к нарушению конституционных прав граждан, в том числе, например, к многолетним очередям малоимущих граждан, инвалидов на получение жилого помещения (по минимальным оценкам по состоянию на 2022 г. в очереди стоит 3,5 млн. семей) [3, с. 34], к обучению в переполненных школах, к использованию автомобильных дорог, которые не отвечают стандартам.

Реформирование бюджетных отношений требует подсчета минимально необходимого финансового обеспечения каждого властного полномочия органа местного самоуправления. Вместе с тем, остается нерешенной задача калькуляции собственно самих властных полномочий, закрепленных за органами местного самоуправления. Так, О.В. Брежнев пишет, что в 178 отраслевых законах содержится 1 766 полномочий органов местного самоуправления [1, с. 11]. Отдельные правоведы предпринимали попытки классифицировать и подсчитать публично-властные полномочия муниципальных образований также и с целью их разграничения и распределения между органами и должностными лицами местного самоуправления, закрепления их в должностных инструкциях служащих. Так, В.В. Рудой и Ю.Н. Радачинский указывают на необходимость составлять реестр полномочий органов местного самоуправления, но безосновательно полагают,

что в понятие «полномочий» входят «публичные функции» и «услуги», и в связи с чем вынуждены признать, что выделение отдельных функций затруднено и «органам местного самоуправления рекомендуется логическим путем выводить функции из правовых текстов регулирующих содержание полномочий. Органу власти, реализующему полномочие, следует самостоятельно определить наименование функции» [4, с. 97].

Часть используемых законодательных формулировок зачастую страдают правовой неопределенностью, и не позволяют квалифицировать какие конкретные полномочия и какое их количество названо. Например, остается неясным вопрос о том, сколько полномочий составляет «подготовка населения к использованию газа в соответствии с межрегиональными и региональными программами газификации жилищно-коммунального хозяйства, промышленных и иных организаций организацию муниципальным образованием газоснабжения» (ст. 8.1. Федерального закона от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в РФ») или, например, установленное п.1 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» «принятие мер по организации водоснабжения населения и (или) водоотведения в случае невозможности исполнения организациями, осуществляющими горячее водоснабжение, холодное водоснабжение и (или) водоотведение, своих обязательств либо в случае отказа указанных организаций от исполнения своих обязательств». Сложно оценить и природу такого полномочия как «организация и проведение в муниципальных образованиях информационно-пропагандистских мероприятий по разъяснению сущности терроризма и его общественной опасности» (п.2 ст. 5.2 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»).

Полагаем, что классификация публичных полномочий должна исходить из лежащей в основе властной деятельности инструментария. Отдельные правовые средства осуществления властной деятельности законодатель указал в ст. 17 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Статья именуется «Полномочия органов местного самоуправления». В теории административного права таковые называют «общими полномочиями органов публичной власти», то есть полномочиями, присущими всем властным органам, независимо от вида осуществляемых функций, отрасли управления. По сути их можно обозначить как форму, в которой происходит реализация любой властной деятельности в любой сфере. В первую очередь, таким средством, с помощью которого осуществляются властные полномочия, следует назвать издание правового акта.

Эта теоретическая концепция находит свое подтверждение в ряде конституционных установлений. Из системного анализа главы XI Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации», которая устанавливает порядок разрешения споров о компетенции как вида конституционного судопроизводства, можно сделать вывод о том, что компетенция реализуется посредством принятия правового акта или совершения действия правового характера. Согласно ст. 95 рассматриваемого Федерального конституционного закона Суд подтверждает или отрицает полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции.

То, что совокупность действий по подготовке и принятию правового акта является внешним выражением осуществляемого публичного полномочия косвенно определено федеральным законодателем в ч. 7 ст. 43 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В этой норме установлено, что должностные лица местного самоуправления издают распоряжения и приказы по вопросам, отнесенным к их полномочиям уставом муниципального образования.

Более явно о том, что властные полномочия реализуются через принятие правовых актов, говорит п. 2 ст. 7 Устава Красноярского края от 05.06.2008 № 5-1777, в котором провозглашается, что органы государственной власти края осуществляют свои полномочия посредством принятия правовых актов. Можно утверждать, что, как правило, один принимаемый индивидуальный правовой акт оформляет одно публично-властное полномочие. И наоборот, одно публично-властное полномочие реализуется при помощи одного вида индивидуального правового акта. Например, каждое из таких властных полномочий органов местного самоуправления как: выдача разрешения на строительство, на ввод объекта в эксплуатацию, на перевод жилого помещения в нежилое; разрешение на проведение земляных работ, согласование паспорта фасада здания или утверждение схемы земельного участка, утверждение технического задания на разработку инвестиционной программы организации коммунального комплекса; предоставление земельного участка в собственность или в аренду; изъятие земельного участка, проведение аукциона, определение гарантирующей организации, присвоение адреса объектам адресации; присвоение спортивных разрядов, постановка на учет нуждающегося, зачисление ребенка в ДОУ, установление факта нахождения в трудной жизненной ситуации; назначение выплат, проведение контрольных

мероприятий оформляется посредством соответствующего муниципального правового акта о назначении (...), о согласовании (...), о предоставлении (...).

Властное полномочие может осуществляться также в форме совершения действия правового характера: подписание (не подписание) главой муниципального образования акта, принятого представительным органом муниципального образования; прием документов, истребование документов, выдача акта, справки, исполнение в виде выплаты средств, подписание договора, направления письма, размещение информации и т.п. Отметим, что каждое такое действие может быть предметом оспаривания в судебном порядке. Так, в соответствии с главой 22 КАС РФ оспариваются незаконные решения, действий (бездействия). Административный истец также указывает в административном исковом заявлении сведения о том, в чем заключается оспариваемое бездействие (от принятия каких решений либо от совершения каких действий в соответствии с обязанностями, возложенными в установленном законом порядке, уклоняются орган, организация, лицо, наделенные государственными или иными публичными полномочиями (ст. 220 КАС РФ).

В основе выделения отдельного «единичного» властного полномочия, таким образом, лежит вид изданного в соответствии с установленной компетенцией правового акта или совершение одного действия правового характера. Это позволит устанавливать совокупность всех конкретных полномочий, возложенных на муниципальное образование, а в последующем определять минимально необходимый объем финансовых ресурсов, который государство должно закреплять за бюджетами муниципальных образований, использовать для методики расчета финансовой обеспеченности конкретной территории.

Список использованных источников:

1. Брежнев О.В. Законопроект об общих принципах организации местного самоуправления 2022 г.: новеллы и преемственность в правовом регулировании // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2022. № 2. С. 11-15.
2. Европейская хартия местного самоуправления // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: www.consultant.ru.
3. Пузанов А.С. Актуальные вопросы законодательного регулирования государственной поддержки жилищного обеспечения граждан // Местное право. 2023. № 3. С. 31-38.

4. Рудой В.В., Радачинский Ю.Н. Научно-методические рекомендации по юридическому оформлению полномочий, функций и услуг, осуществляемых отраслевыми (функциональными) и территориальными органами местного самоуправления // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 90-100.

УДК 341.9

OVERVIEW OF STATES' DEFENSES AGAINST FOREIGN INVESTORS DURING POLITICAL AND ECONOMIC CRISES

© **H. Sabalbal**

Holy Spirit University of Kaslik in Lebanon

Over the past two centuries, several political and economic crises have taken place. Depending on various economic, social, and political situations, States respond to crises in a variety of ways [2, p. 566; 3, p. 646]. Market intervention, nationalization, adoption of protective policies of public interest related to trade or finance, limitation of capital transfers are some of the measures that countries facing crisis may adopt [2, p. 646; 3, p. 566; 4, p. 6; 11, p. 191]. By enacting regulations to protect the national interest, States may affect the rights of domestic and international investors [2, p. 647]. These domestic measures have frequently come into conflict with international law particularly international investment law because foreign investors may resort to investment arbitration under investment treaties [2, p. 647]. Investor-State arbitration offers a new means to contest government actions [2, p. 651]. These conflicts have become increasingly common in the area of investment law since the mid-1990's as a result of the growth in BITs and investment chapters in trade agreements [3, p. 564; 4, p. 2]. Investment treaties protect foreign investors from legislative changes by providing protection standards such as fair and equitable treatment, expropriation prohibitions, protection against discrimination, denial of justice and so on [9, p. 207]. The rendering of binding decisions by independent investment tribunals on the question of whether States have violated the investment protection standards guaranteed under various bilateral and multilateral investment treaties has made international investment law one of the most active areas of public international law [1].

States may use a variety of defenses: They can invoke their right to regulate for the general interest and use the doctrine of police powers. States may also rely on

certain treaty provisions called non-precluded measures provisions and/or the exception of necessity under customary international law.

First, regarding the theory of police powers, in general, international law acknowledges the power of States to legislate in the public interest because it is a rule inherent to State sovereignty [5, p. 85]. The OECD and arbitral jurisprudence (like Saluka case), underlined that police power of States is an accepted principle of customary international law [7]. Tribunals have used the defense of police powers in emergency situations as in the AWG v. Argentina case [5, p. 88]. Not all measures taken for general interest can fall under the category of police powers [5, p. 86]. Many tribunals have held that actions taken under police powers must be taken in good faith, be non-discriminatory, and proportionate (Saluka, Philippe Morris, and Marfin cases).

In addition to the police powers defense, States can invoke non-precluded measures in treaties also called emergency exceptions clauses or “security clauses” or “necessity clause” which have the effect of excluding from wrongfulness measures and acts adopted by a State in crisis situations [5; 8]. Those provisions constitute an excuse for the State for breaching the relevant treaty without seeing its international responsibility engaged [6]. We can find this type of clause for example in the US 2012 BIT model [6], which states (in article 18) as follows: “Nothing in this Treaty shall be construed [...] to preclude a Party from applying measures that it considers necessary for the fulfillment of its obligations with respect to the maintenance or restoration of international peace or security, or the protection of its own essential security interests”. In the context of the crisis Argentina in 2001, several cases involved claims under the Argentina - US BIT, which contained a provision similar to the one mentioned above (article XI).

Moreover, international public law presents rules and remedies to address unexpected circumstances that have an influence on States’ responsibilities [6]. Customary international law includes circumstances that preclude the wrongfulness of States’ conduct that would otherwise not be in conformity with their international obligations [5, p. 97]. Customary international law defenses have been codified in the International Law Commission (ILC) Articles on the Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts. Chapter V of this text provides six circumstances precluding wrongfulness: When an international wrongful act has been committed under any of these six circumstances, international customary law eliminates State liability, in other words, these circumstances constitute a justification or an excuse for the State to fail to perform an obligation as long as the circumstance in question remains [6]. The threshold is very high to prove these defenses and the scope of their application is limited [6]. These defenses have been used in the jurisprudence of the

International Court of Justice and by arbitration tribunals [10]. The exception of necessity is codified in article 25 of the International Law Commission (ILC) Articles on State Responsibility and it seems the most relevant as a means of defense for States in times of economic and political crisis against possible pleas from investors [5, p. 98]. Under international customary law, for a claim of necessity to be successful according to article 25 of the ILC Articles, it must fulfill a number of cumulative requirements [5; 6; 8]. To invoke necessity, there must be a grave and imminent peril (1) that would threaten an essential interest of the State (2) whose action must be the "only way" to protect the said interest against this peril (3) [5, p. 108].

References:

1. Baetens, F. (2011). When international rules interact: International investment law and the law of armed conflict. Available at: <https://www.iisd.org/itn/fr/2011/04/07/when-international-rules-interact-international-investment-law-and-the-law-of-armed-conflict/>.
2. Binder, C., Janig, P. (2019). Investment Agreements and Financial Crises, In Research Handbook of Foreign Direct Investment
3. Dupont, C.G., Schultz, T. (2013). Do Hard Economic Times Lead to International Legal Disputes? The Case of Investment Arbitration, In Swiss Political Science Review, 19(4), 564-569. DOI: 10.1111/spsr.12061 Available at: <https://ssrn.com/abstract=2351885>.
4. Dupont, C.G., Schultz, T., Angin, M. (2019). Double Jeopardy? The Use of Investment Arbitration in Times of Crisis, In King's College London Law School Research Paper. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3405307> Available at: <https://ssrn.com/abstract=3405307>.
5. Funga, L.-A. L. (2022). The Impact of Investor-State Arbitration on State Action during Health Crises: the Dilemma Between Protecting Foreign Investment and the Public Interest [L'incidence de l'arbitrage investisseur-État sur l'action étatique en période de crise sanitaire : dilemme entre protection de l'investissement étranger et intérêt général]. DOI: <https://doi.org/1866/28050> Available at: <https://papyrus.bib.umontreal.ca/xmlui/handle/1866/28050>.
6. Gosis, D.B., Smith, Q., Tortorola, I.L. (2022). Concession Contracts in Times of Crisis, In The Arbitration Review of the Americas 2023, Available at: <https://globalarbitrationreview.com/review/the-arbitration-review-of-the-americas/2023/article/concession-contracts-in-times-of-crisis>.
7. OECD, (2004). "Indirect Expropriation" and the "Right to Regulate" in International Investment Law, DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/780155872321>.

8. Scherer, M. (2010). Economic or Financial Crises as a Defence in Commercial and Investment Arbitration, In Czech Yearbook of International Law, (1), 219-237

9. Simões, F.D., (2019). Investment Law and Renewable Energy: Green Expectations in Grey Times, In How International Law Works in Times of Crisis

10. Skuza, M., Oblin, K. (2022). The Invasion of Ukraine and Investment Arbitration - The Doctrine of Force Majeure. Available at: <https://oblin.at/newsletter/the-invasion-of-ukraine-and-investment-arbitration-the-doctrine-of-force-majeure/>.

11. Wilske, S. (2009). Crisis? What Crisis? - The Development of International Arbitration in Tougher Times, In Contemporary Asia Arbitration Journal, 2(2), 187-216. Available at: <https://arbitrateatlanta.org/wp-content/uploads/2013/04/Crisis-What-Crisis.pdf>.

УДК 343.573

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕЯНИЯ КАК ПРИЗНАКА ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И (ИЛИ) ОБОРОТ ЭТИЛОВОГО СПИРТА, АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

© **К.В. Садовых**

Сибирский юридический институт МВД России

Деяние является обязательным признаком объективной стороны состава преступления и подразумевает под собой общественно опасное поведение лица, направленное против интересов, охраняемых уголовным законом. Как справедливо отмечается в специальных исследованиях, под общественно опасным деянием следует понимать уголовно-противоправное, сознательное и волевое, активное или пассивное поведение человека, выражающееся в форме действия или бездействия и наносящее вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом [4, с. 168]. Соглашаясь с данной точкой зрения можно сделать вывод, что в уголовно-правовой науке выделяется две формы противоправного деяния: действие и бездействие.

Общественно опасным действием является уголовно-противоправное, сознательное и волевое, активное в уголовно-правовом правовом смысле поведение человека, наносящее вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом [4, с. 170].

Соответственно, общественно опасное бездействие выражено в пассивной форме преступного деяния, наносящего вред охраняемым законом общественным отношениям.

По мнению А.А. Тер-Акопова бездействие выражается в невыполнении лицом действия, которое оно обязано совершить [3, с. 50]. Данная позиция обоснована тем, что лицо может совершить преступления в форме бездействия лишь в том случае, когда в силу сложившейся ситуации на нем лежала обязанность осуществления определенной деятельности, отказ от выполнения которой влечет неминуемые общественно опасные последствия.

На первый взгляд, обязательный признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, – деяние, которое выражено исключительно в активной форме, а именно в альтернативных общественно опасных действиях, составляющих незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Так, рассматриваемое противоправное деяние состоит из следующих действий: 1) производство; 2) закупка (в том числе импорт); 3) поставки (в том числе экспорт); 4) хранение; 5) перевозки; 6) розничная продажа. Выборочный анализ действий демонстрирует наличие некоторых проблем их квалификации в судебной и следственной практике.

Под производством в п. 15 ст. 2 Федерального закона № 171-ФЗ от 22.11.1995 «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее – Федеральный закон № 171-ФЗ) законодатель понимает производство этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в целях ее продажи и получения прибыли, а также для собственных нужд. Давая определение производства, законодатель не указывает конкретные способы или его характерные особенности, но акцентирует внимание на обязательном наличии цели, а именно продажи и получения прибыли. Законодатель закрепляет два вида производства, а именно с целью сбыта и для собственных нужд. Представляется необходимым разграничивать данные виды не только по наличию цели, но и соответственно по обязанности лицензирования данной деятельности. Так, п. 2 ст. 18 Федерального закона № 171-ФЗ указывается, что производство в целях сбыта подлежит обязательному лицензированию, а производство для собственных нужд нет. Резюмируя данный тезис считаем необходимым обратить внимание на значении для квалификации наличия цели сбыта с последующим извлечением прибыли, которую, посредством бланкетного механизма формирования диспозиции («бланкетной диспозиции»

– как указывается в некоторых исследованиях [5, с. 50]) исследуемой уголовно-правовой нормы, фактически можно признавать факультативным признаком субъективной стороны состава преступления. Следует признать тесную взаимосвязь в исследуемом составе преступления обязательного признака объективной стороны – деяния и цели. Именно цель ориентирует субъекта на конкретные действия, является своеобразным «маяком» для достижения преступного результата. В связи с чем, считаем необходимым рассматривать общественно опасное деяние неразрывно с целью его совершения.

Например, приговором Лесосибирского городского суда Красноярского края М. был осужден по ч. 1 ст. 171.3 УК РФ за то, что, не имея соответствующей лицензии, путем смешивания воды, спирта, сахара и пищевых ароматизаторов, используя воронку, шприц, спиртометр, незаконно произвел не менее 58 литров немаркированной алкогольной и спиртосодержащей продукции на общую сумму не менее 25 708 рублей, в целях последующего сбыта [2]. В данном приговоре наглядно продемонстрировано общественно опасное деяние, совершенное в активной форме с обязательным наличием цели для обоснованного вменения незаконного производства.

Под хранением этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции понимаются действия, связанные с временным владением продукцией в подходящем месте и для обеспечения сохранности данного имущества. Применительно к исследуемому преступлению, указанные действия должны носить активную форму деяния, то есть выражаться в активном поведении субъекта и иметь конечную цель – реализацию (сбыт) данной продукции для получения имущественной выгоды. Следует отметить, что данное преступное действие является длящимся и уголовная ответственность наступает независимо от продолжительности деяния, то есть срок хранения не имеет определяющего значения для квалификации деяния.

Так, Карасукским районным судом Новосибирской области И. был признан виновным по ч. 1 ст. 171.3 УК РФ – хранение алкогольной продукции без соответствующей лицензии в случаях, при следующих обстоятельствах: И., в целях незаконного обогащения, в период до 22 часов 16 минут закупил алкогольную продукцию, а именно не менее 3468 бутылок со спиртосодержащей жидкостью крепостью 40% оборотов с надписью на этикетке: «Парламент водка», которую хранил на складе, не имея соответствующей лицензии, до момента изъятия сотрудниками полиции. В судебном заседании И. указал, что в личных целях в указанном помещении им хранилась водка, которую он приобрел в 2016 году, для личного потребления и на подарки близким на Новый Год и другие праздники. Сопоставляя показания

И. с фактическими данными, суд не принял показания подсудимого о том, что он не имел цели сбыта алкогольной продукции, подлежащей обязательной маркировке акцизными марками, приобретал ее в 2016 году для личного потребления и на подарки близким на праздники, так как алкогольная продукция приобреталась И. в Республике Казахстан большими объемами, несоразмерными с разовыми потребностями подсудимого и его близкого окружения.

Анализируя данный приговор и позицию суда можно сделать вывод, что суд указал, на общественно опасное действие лица, выраженное в конкретном поведении лица в форме закупки и последующего незаконного хранения продукции, без соответствующей лицензии и при наличии цели сбыта для последующего извлечения прибыли [1].

На основании изложенного можно сделать вывод, что в диспозиции статьи содержатся альтернативные действия лица, выраженные в конкретном активном поведении. При их совершении и наличии всех признаков состава преступления, общественно опасное деяние будет считаться преступным, что указывает на особенности законодательной конструкции объективной стороны и определяет состав как формальный, то есть преступление будет окончательным с момента совершения хотя бы одного общественно опасного действия, перечисленного в диспозиции ст. 171.3 УК РФ. Кроме того, следует отметить, что законодатель в диспозиции статьи не указал на обязательное наличие цели сбыта для перечисленных действий, что послужило возникновению проблем при квалификации деяний у судов и органов предварительного расследования.

Следует отметить, что совершение ранее указанных альтернативных действий будет образовывать состав преступления только в случае, если они осуществляются без наличия специальной лицензии. Тогда можно ли сделать вывод, что лицо совершает анализируемое общественно опасное деяние в форме бездействия, выраженное в намеренном неполучении лицензии на оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции? Как представляется, неполучение лицом лицензии без совершения конкретных действий, выраженных в производстве, хранении или розничной продаже продукции не является преступным, поскольку таковым оно становится лишь после совершения активных общественно опасных деяний, сопровождающихся отсутствием лицензии, автоматически трансформируемых эти действия в незаконные.

Таким образом, общественно опасное деяние исследуемого состава преступления выражено непосредственно в активной форме, а именно в совершении альтернативных действий, перечисленных в диспозиции статьи,

сопровождающихся отсутствием у лица необходимой лицензии на легальное осуществление данной деятельности и неразрывно связанное с фактическим наличием цели в виде систематического извлечения прибыли.

Список использованных источников:

1. Приговор Карасукского районного суда Новосибирской области от 16.08.2019 по уголовному делу № 1-26/2019. URL: <https://bsr.sudrf.ru>.

2. Приговор Лесосибирского городского суда Красноярского края от 25.04.2022 по уголовному делу № 1-178/2022 (12101040007000742). URL: <https://bsr.sudrf.ru>.

3. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М.: ЮРКНИГА, 2003.

4. Уголовное право. Общая часть: учебное пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016.

5. Уголовно-правовая политика в Российской Федерации: учебное пособие / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин, Е.А. Федорова. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020.

УДК 343.985.7

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫМИ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА,
СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТ**

© Ш.Б. Салова

МО МВД России «Каргатский»

© В.Б. Стукалин

*Новосибирский государственный университет экономики и управления
«НИНХ»*

Одним из субъектов осуществляющих уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного обвинения является следователь, который в случае обнаружения признаков преступления принимает меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. В случаях, когда уголовное дело возбуждается по

факту преступления, совершённого неустановленными лицами, как чаще всего бывает при совершении преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ первоочередные задачи следователя – выявление и задержание преступников, розыск денежных средств, добытых в результате преступления, а также решение других вопросов с целью обеспечения дальнейшего хода результативного судопроизводства, гарантирующего законное и обоснованное разрешение уголовного дела по существу.

Кроме того, в планирование и производство предварительного расследования по уголовному делу, по которому преступник известен, свои «коррективы» может внести противоправное поведение последнего. Он может скрыться с места происшествия или после начатого расследования, или после избрания меры пресечения, а также иными способами противодействовать установлению истины по обстоятельствам, связанным с совершенным им преступным деянием, подлежащего вменению в вину по основаниям и в порядке, предусмотренным уголовным и уголовно-процессуальными законами. При таких обстоятельствах, в том числе в случае приостановления производства по уголовному делу, следователь уполномочен принимать меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого, а также предпринимать меры по установлению места нахождения подозреваемого или обвиняемого, его розыску (ст. 209 УПК РФ). Однако розыскные действия следователь осуществляет только посредством использования процессуального инструментария и организационных способов, поскольку производство более эффективных и результативных оперативно-розыскных, но не процессуальных мероприятий в его компетенцию не входит.

Так, в процессуальном формате следователь:

а) выносит решение, которым объявляет подозреваемого, обвиняемого в розыск, о чём составляет постановление (ст. 209, 210 УПК РФ);

б) исходя из сведений, полученных из показаний допрошенных лиц и других материалов уголовного дела, оформляет справку о круге родственников и знакомых подозреваемого, обвиняемого, возможных местах его пребывания;

в) составляет и направляет в орган дознания поручение об осуществлении оперативно-розыскных действий для выявления очевидцев расследуемого события, установления субъекта преступления, или же о розыске и задержании скрывающегося подозреваемого, обвиняемого, для чего к поручению приобщает постановление о розыске, а также справку с полученными в ходе следствия сведениями о круге знакомых разыскиваемого лица и возможных местах его нахождения (ст. 38 ч. 1 п. 4 УПК РФ);

г) проводит обыск, выемку, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку, контроль и запись переговоров, получает информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами для установления местонахождения разыскиваемого подозреваемого, обвиняемого, а также получения иной процессуально значимой информации доказательственного характера.

Организирующая роль следователя состоит во взаимном обмене информацией с оперуполномоченными сотрудниками органа дознания, непосредственно исполняющими данное им поручение. При этом следователь:

а) ставит названных сотрудников в известность о полученных процессуальным способом новых сведениях, способствующих более быстрому решению вопросов розыскных задач, и корректирует свое поручение;

б) использует полученную оперативно-розыскную информацию для планирования дальнейшего расследования, выполнения соответствующих следственных действий и принятия процессуальных решений;

в) обеспечивает посредством обмена информацией и совместного обсуждения результатов следственных и оперативно-розыскных действий плановость и целенаправленность дальнейшего судопроизводства по уголовному делу в случае установления личности преступника или задержания разыскиваемого подозреваемого, обвиняемого.

По этому поводу Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская отмечали: «Поскольку розыскные мероприятия и следственные действия, проводимые в розыскных целях, осуществляются в процессе расследования, они являются элементами этого процесса, и в этом смысле только в этой части розыскную деятельность можно считать частью расследования. Оперативно-розыскные действия в содержание расследования не входят... Итак, если общая цель розыска – установление и обнаружение, такая же цель свойственна и оперативно-розыскной деятельности как части розыска. Но другой его части – розыскной деятельности следователя – присуща лишь такая цель, как обнаружение, ибо следователь имеет дело с розыском только известных, установленных объектов» [3]. Высказанная точка зрения остаётся актуальной и в настоящее время..

Совместная деятельность следователя и оперативного сотрудника в ряде случаев не ограничивается решением задач, связанных с раскрытием преступления, что подразумевает установление лица, его совершившего, предъявление ему обвинения или задержание объявленного в розыск подозреваемого, обвиняемого. Это может быть вызвано разными обстоятельствами, складывающимися в процессе расследования уголовного

дела. Во-первых, оставаясь на свободе, подозреваемый или обвиняемый может сокрыть или уничтожить похищенное имущество либо вещественные доказательства, угрожать свидетелям, потерпевшим, предпринять попытку расправиться с ними. Даже в том случае, если в отношении него избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, либо домашний арест или запрет определенных действий, он может использовать нелегальные «каналы связи» для совершения тех же противоправных действий руками своих соучастников. Во-вторых, легко соглашаясь с предъявленным ему обвинением, обвиняемый, как правило, может скрывать совершенные им более тяжкие преступления, либо укрывать соучастников, в том числе организатора, подстрекателя, пособника преступления (гл. 40 УПК РФ). В-третьих, в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве со следствием подозреваемый, обвиняемый, желая получить привилегии от суда при назначении наказания, может умышленно оговорить невиновных лиц (гл. 40.1 УПК РФ). В-четвёртых, что существенно важно, – это установление места сокрытия добытых преступным путём денег и имущества для их конфискации, в том числе с целью возмещения вреда, причинённого законному владельцу.

В перечисленных и других подобных случаях взаимодействующие оперативные службы органа дознания имеют больше возможностей для получения необходимой информации обозначенного характера, чем следователь. И объясняется это тем, что в соответствии со ст. 1 федерального закона об оперативно-розыскной деятельности осуществление оперативно-розыскных мероприятий, в отличие от следственных действий, допускается не только гласными, но и негласными способами [2]. Следовательно, негласное получение сведений от лица, сотрудничающего с оперативником, гарантирует конфиденциальность информатора и его безопасность, в результате чего он может проявить большую откровенность и безбоязненно сообщить оперативнику объективную информацию. Однако это не относится к лицам, дающим показания на допросе у следователя. Соответственно оперативный работник, получив, данную информацию, проводит оперативно-розыскные мероприятия в рамках полученного от следователя поручения и извещает его об этом.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: www.consultant.ru.

2. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: www.consultant.ru.

3. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Криминалистика. Учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М.: Издательство НОРМА, 2000. 990 с.

4. Бахта А. С Полнота предварительного и судебного следствия : учеб. пособие. Омск : Юрид. ин-т, 1997. 108 с.

5. Заровнева Г.С., Киселева С.Е. Криминалистические аспекты розыскной и поисковой деятельности следователя : монография. М.: Проспект, 2016. 112 с.

6. Семенцов В.А. Розыскные действия следователя // Российский следователь. № 1. 2004.

УДК 343.132

РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ СЛЕДСТВЕННОГО ДОПРОСА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВДИВЫХ ПОКАЗАНИЙ

© А.И. Семеновский

Сибирский федеральный университет

Анализ процессуальной роли показаний различных участников уголовного судопроизводства свидетельствует об актуальности изучения правовых мер их стимулирования. С одной стороны, об этом говорит сохраняющийся по настоящее время интерес в науке к вопросу обеспечения получения правдивых показаний. Оптимизации получения правдивых показаний в криминалистике посвящены работы последних лет по тактике допроса с учетом ее типовой индивидуализации и дифференциации в зависимости от «рисунка личности» допрашиваемого (Т. А. Алексеева, Р. Л. Ахмедов, А. Р. Лонцакова), в зависимости от психологических особенностей личности лица, совершающего отдельные виды преступлений (С. Э. Воронин, А. Р. Лонцакова) [2; 3; 4; 9]. Исследователями предлагается использовать для преодоления установки на дачу ложных показаний технологии искусственного интеллекта, профайлинга (О.А. Карпенко, В. П. Лавров), а также другие способы повышения эффективности выявления ложных показаний и получения правдивых показаний [5]. В науке уголовного процесса, на стыке с уголовным правом, вновь появляются работы, посвященные необходимости введения карательных правовых мер за дачу

ложных показаний обвиняемым, а также появился ряд работ, посвященных иным правовым мерам стимулирования дачи правдивых показаний обвиняемым и иными участниками, таких как уголовно-процессуальное поощрение дачи правдивых показаний, охрана лиц, дающих такие показания (А. Р. Лонцакова, С. А. Новиков) [9; 11].

Схожая тенденция существует в зарубежных исследованиях, посвященных получению правдивых показаний. Юристы Канады, США, Великобритании стремятся создать алгоритмы получения правдивых показаний, которые можно было бы закрепить в уголовно-процессуальном праве данных государств (С. М. Кассин, В. Кожинский, Д. Шоу и другие) [19; 20; 22]. Способствовало развитию зарубежной научной мысли в области допроса в указанном направлении выявление достоверных фактов необоснованного и незаконного осуждения к смертной казни невиновных лиц, к которым применялись техники допроса, прямо или косвенно принуждающие к даче признательных показаний и формирующие ложные воспоминания [20; 21].

Отечественные исследователи отмечают, что в 20% всех случаев допроса, недобросовестный допрашиваемый успешно сообщал следствию ложную информацию, которую следователь или не смог распознать и изменить негативную установку на дачу ложных показаний, или же не смог опровергнуть их в процессуальном порядке [6, с. 148].

Между тем, в российской практике также имеются случаи незаконного осуждения в силу воздействия на обвиняемого как суггестивными методами, так и иными методами, формально подпадающими под нормы закона, однако фактически «ломающие» волю лица к отстаиванию своей позиции. Согласно материалам уголовных дел, а также рассказам самих их участников, предъявленное против них обвинение выстраивалось на полученных в ходе предварительного расследования показаниях, как обвиняемых, так и свидетелей, при этом приемы получения показаний были следующими: немедленный допрос и/или получение объяснений без их согласования с защитником в состоянии стресса от резкой смены привычной обстановки и помещения в ситуацию уголовного преследования и ограничения свободы самостоятельного передвижения; допрос в состоянии алкогольного опьянения; систематические указания на то, что суд назначит минимальный срок наказания в случае признания вины (высказывалось в качестве утверждения); предложение удовлетворить ложные потребности за признание вины; указание на длительное ограничение свободы при отказе от дачи показаний, так как дело будет рассматриваться продолжительное время; ссылки на «иную информацию» без уточнений, якобы имеющуюся у органов следствия и

обосновывающую виновность лица, относительно заявленного лицом алиби; указание на то, что следствие расценивает молчание в качестве «улики поведения», свидетельствующей о причастности к преступлению [17; 23; 26]. Способствовало формированию обвинительных доказательств также переосмысление следователем сказанного свидетелями с перефразированием и переформулированием содержания показаний в виде предположений допрашиваемых [17; 25]. Некоторые случаи содержат явные нарушения закона: продолжение допроса 12 часов; не прямые угрозы жизни и здоровью, выраженные в словосочетаниях «мы же пакет на голову не надевали еще»; участие в допросе лиц, фактически осуществлявших допрос, но не имевших на то полномочий, присутствие на допросе которых не отражено в протоколе [17].

Изложенное свидетельствует о наличии как в самом российском уголовно-процессуальном законодательстве, так и в криминалистической практике ряда системных проблем, которые могут привести к формированию несоответствующих действительности показаний.

Правовое регулирование получения показаний, как всякое правовое явление, может осуществляться совокупностью мер: дозволильных, обязывающих или запретительных [1, с. 296]. Регулирование следственного допроса содержит ряд обязывающих норм, касающихся места (ч. 1 ст. 187 УПК РФ) и времени продолжительности допроса (ч. ч. 2-4 ст. 187 УПК РФ). Несмотря на указание в законе на ограниченность времени допроса, что способствует защите допрашиваемого от психического и физического истощения, сохраняет ясность мышления и снижает степень бесконтрольного восприятия информации, стоит отметить, что следственный допрос производится по месту производства предварительного следствия, то есть, огрубляя, в здании правоохранительного органа, что само по себе уже снижает психологическую защиту лица, повышает уровень стресса и дискомфорта, что в совокупности способствует повышению внушаемости допрашиваемого [18, с. 43]. И только в случае признания в этом необходимости, следователь может произвести допрос в месте нахождения допрашиваемого (ч. 1 ст. 187 УПК РФ). Здесь же следует отметить замечание исследователей, что встреча с представителем правоохранительного органа при его действии в официальном статусе уже сама по себе снижает у отдельных лиц способность к психологическому сопротивлению, повышает стресс [18, с. 64]. Соответственно, это является одним из факторов, способствующих конформному поведению и повышению степени внушаемости.

Перед допросом следователь обязан разъяснить права, обязанности, в некоторых случаях – ответственность, а также порядок производства допроса, выполнить требования относительно языка, на котором лицо будет давать

показания (ч. 5 ст. 164, ч. 1 ст. 189 УПК РФ). В целом, известность о своих правах и обязанностях допрашиваемого повышает его способность к противодействию приемам допроса, так как он будет осведомлен о механизмах защиты своих прав, например, путем оставления замечания на протокол [19]. Интересным представляется положение УПК РФ, согласно которому закон запрещает задавать наводящие вопросы, но дает свободу следователю на любые действия в тактике допроса (ч. 2 ст. 189 УПК РФ), при этом иная, кроме протокольной, фиксация допроса возможна по ходатайству допрашиваемого или инициативе следствия (ч. 4 ст. 189 УПК РФ). Также представляет интерес для анализа положения ч. 2 ст. 190 УПК РФ, согласно которым показания записываются дословно только лишь по возможности.

С учетом практики реализации указанных норм, их содержание представляет научный интерес в контексте их осмысления на предмет возможного недобросовестного применения, так как закрепленные в них нормы фактически допускают произвольную фиксацию показаний в протоколе допроса, а также могут быть использованы для практически любого тактического воздействия на допрашиваемого. Такое положение дел берет свое начало в положениях УПК РФ, согласно которым допрашивающий полномочен фиксировать показания дословно лишь по возможности, не применять иные средства фиксации и использовать любые тактики допроса, за исключением постановки наводящих вопросов. В настоящей работе коснемся норм, посвященных именно фиксации показаний.

Для осмысления предлагаемой в настоящей работе позиции по модернизации правового регулирования следственного допроса также стоит учесть то обстоятельство, что работники следственных органов психологически настроены на исполнение обязательных, формальных требований, к которым относятся обязывающие и запрещающие нормы закона, чем положения «рекомендательного характера», к которым относятся, как считается, рекомендации криминалистики [3, с. 71].

Анализ литературы, посвященной протокольной форме фиксации показаний, свидетельствует о том, что авторы поддерживают переформулирование показаний допрашиваемого путем замены его слов и выражений, фиксации в протоколе только значимой информации для расследования уголовного дела [10, с. 51; 12, с. 144].

Как видно из анализа реальных ситуаций расследования, такие воззрения на протокольную форму фиксации результатов допроса ведут периодически к искажению смысла показаний в угоду формирования совокупности выгодных для следствия доказательств.

Между тем, получение показаний и их фиксация в протоколе является собиранием первоначального эмпирического материала о расследуемом событии, чему свидетельство уже в том, что опрос, основной метод допроса, является классическим методом сбора эмпирических данных [16, с. 8]. Одним из слагаемых получения потенциально истинной информации из эмпирического материала признается его фиксация исследователем «как есть», то есть в том варианте, в котором он воспринимается, без субъективного переосмысления [8, с. 36].

Положение закона о том, что записывать показания следует «по возможности дословно» фактически дает возможность фиксировать их произвольно, на свое усмотрение. Однако отмеченные правила получения истинной информации при познании определяют требование дословной фиксации показаний в протоколе, ровно так, как они сообщаются допрашиваемым.

Данная фиксация может быть затруднительной в силу продолжительного хода допроса. Это может вынудить допрашивающего составлять протокол с одновременным получением показаний, что, как отмечается криминалистами, негативно влияет на установление психологического контакта [7, с. 384]. А с учетом избытка поступающей информации, вряд ли допрашивающий сможет качественно и досконально запомнить и записать все сведения в протокол после их фактического получения. В силу чего, выход видится в изменении позволяющей нормы относительно использования различного способа фиксации хода и результатов допроса (ч. 4 ст. 189 УПК РФ) на императивное требование осуществлять видеозапись допроса с возможностью аудиофиксации при осуществлении такой записи.

В ином случае не исключается, например, что недобросовестный следователь может отговорить допрашиваемого от проведения видеозаписи, которую он ходатайствует осуществить, сославшись на то, что все его выражения лица, междометия, иные конфузы речи будут рассмотрены публично в суде. Так, в силу механизма социальной перцепции, боясь быть воспринятым обществом в «глупом виде», допрашиваемый сам откажется от такой видеозаписи, что будет выгодно недобросовестному допрашивающему, который сможет безопасней для себя допускать манипуляции с показаниями допрашиваемого, ведь проверить их правильность будет возможно только по протоколу, где будет стоять подпись допрашиваемого, который мог невнимательно прочитать протокол и не сделать в него пометки об искажении смысла своих слов.

Видится необходимым внести законодательное уточнение, что такой вид фиксации, как видеозапись допроса с одновременной аудиофиксацией, имеет с

протоколом допроса равную юридическую силу. Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ, доказательствами по уголовному делу не являются фонограммы и видеозаписи следственного действия, а в соответствии с положениями ч. 8 ст. 166 УПК РФ, указанные результаты фиксации следственного действия прилагаются к протоколу.

Согласно ч. 4 ст. 189 УПК РФ, в ходе следственного допроса может проводиться киносъемка, аудио- или видеозапись, материалы которых хранятся при уголовном деле. Исходя из положений ч. 1 ст. 190 УПК РФ, которая требует составления протокола допроса по правилам ст. ст. 166 и 167 УПК РФ, очевидно, что указанные материалы киносъемки, видео- или аудиофиксации допроса будут приложением к протоколу в смысле ч. 8 ст. 166 УПК РФ. Соответственно, возникает вопрос о процессуальной роли таких приложений.

Исследователи отмечают, что иногда такие материалы рассматриваются даже в качестве вещественных доказательств, хотя должны быть составной частью протокола и полностью зависеть от него [13; 14; 15]. Между тем, на практике такая зависимость ведет к тому, что протокол допроса может содержать сведения, которые были неправомерно следователем дописаны, а на видеозаписи данного допроса видно, что допрашиваемый не сообщал сведения, отраженные в протоколе. Вопреки объективным данным, свидетельствующим о фактической фальсификации результатов допроса, суды иногда принимают во внимание именно результаты протокола как такового, ссылаясь на то, что видеозаписи допроса не являются ни протоколом, ни самостоятельным доказательством по уголовному делу [24].

Таким образом, подобные изменения закона потенциально способствовали бы пресечению использования сфальсифицированных протоколов в доказывании, а также оказали помощь в наиболее точной фиксации показаний. Кроме того, нивелировали использование явно противоправных методов допроса, как упомянутые угрозы в виде «надевания мешка на голову».

Список использованных источников:

1. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 361 с.
2. Алексеева Т.А. Тактико-криминалистическое исследование устной речи: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 240 с.
3. Ахмедшин Р.Л. Тактика экспериментальных следственных действий: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 320 с.

4. Воронин С.Э., Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л. Психотипологический подход в системе криминалистического знания: монография. Красноярск: Изд-во СИБУП, 2015. 328 с.

5. Карпенко О.А., Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений посредством дачи заведомо ложных показаний и меры по его преодолению: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 144 с.

6. Криминалистика. В 5 т. Т. 4. Криминалистическая тактика: учебник / под общ. ред. И.В. Александрова; отв. ред. И.М. Комаров. Изд-во Юрайт, 2019. 179 с.

7. Криминалистика: учебник / отв. ред. А.Н. Васильев. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1971. 564 с.

8. Лебедев С.А. Методология научного познания: учеб. пособие. М.: Изд-во Юрайт, 2021. 153 с.

9. Лонщакова А.Р. Тактика допроса обвиняемого по делам о насильственных преступлениях: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 168 с.

10. Михайлов А.И., Подголин Е.Е. Письменная речь при производстве следственных действий. М.: Прогресс, 1980. 94 с.

11. Новиков С.А. Институт показаний в свете современной уголовно-процессуальной политики России: тенденции развития и актуальные проблемы // Правоведение. 2013. № 2. С. 199-210.

12. Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Мн.: Выш. школа, 1978. 176 с.

13. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография. М.: Норма, 2021. 408 с.

14. Россинский С.Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2. С. 91-103.

15. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 1008 с.

16. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма: монография. М.: Юрид. лит., 1981. 128 с.

17. Они получили срок незаслуженно / О пытках в тюрьмах, угрозах и компенсациях // Режим доступа: <https://www.youtube.be/fjmsqoVfjIE?si=OQxJ5b39nEQy2KwE>.

18. Criminal interrogation and confessions. Handbook / F.E. Inbau, J.E. Reid, J.P. Buckley, B.C. Jayne. Burlington: Jones & Bartlett Learning, 2013. 469 p.

19. Kassin S.M. The psychology of confession evidence // American Psychologist. 1997. №. 52. P. 221-233.

20. Kozinski W. The Reid interrogation technique and false confessions: a time for change // Seattle Journal for Social Justice. 2017. №. 16. P. 300-345.

21. Reid S., Lee J. Confessions of a Criminal Psychopath: an Analysis of the Robert Pickton Cell-Plant // Journal of Police and Criminal Psychology. 2018. № 33. PP. 257-270.

22. Shaw J., Porter S. Constructing rich false memories of committing crime // Psychological Science. 2015. № 2. P. 291-301.

23. Уголовное дело № 1-10/2012. Архив Сегежского городского суда, 2012.

24. Уголовное дело № 2-9/2019. Архив Краснодарского краевого суда, 2019.

25. Уголовное дело № 2-0030/2020. Архив Московского городского суда, 2020.

26. Уголовное дело № 2-13/2021. Архив Краснодарского краевого суда, 2021.

УДК 347.53

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ИСКАМ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

© **Н.О. Семерня**

Первая Красноярская коллегия адвокатов Красноярского края

В связи с ежегодно увеличивающимся антропогенным воздействием человека на окружающую природную среду, вопрос правового регулирования охраны объектов этой среды приобретает все большую актуальность, стремительно меняется правоприменительная практика в данной сфере.

Основами в области охраны окружающей среды являются статьи 42 и 58 Конституции РФ, которыми закреплено право лиц на благоприятную окружающую среду и установлена обязанность по сохранению природы и окружающей среды, бережному отношению к природным богатствам.

В основе исков о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, как правило, лежит деликт. Значительное распространение также получили споры, вытекающие из нарушения природопользователями взятых на себя договорных обязательств (например, из договоров аренды земельных или лесных участков, по условиям которых арендатор обязан рекультивировать земли или иным образом привести их в пригодное для использования состояние, в последующем возвратив арендодателю).

Практическая проблематика споров о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, во многом стоит на стыке нескольких отраслей права – гражданского права (общие положения о причинении вреда - глава 59 ГК РФ), экологического, земельного и природоресурсного права (положения Федерального закона № 7-ФЗ от 10.01.2002 «Об охране окружающей среды», Водный кодекс РФ, Лесной кодекс РФ, Земельный кодекс РФ, Закон РФ от 21.02.1992 «О недрах» и иные специальные экологические нормы и правила), административного права (административная ответственность по ряду статей главы 7 и 8 глава КоАП РФ). Поскольку рассмотрение экологических споров осуществляется как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах (в зависимости от категории истца (прокурор или иной заявитель) и характера спора (подлежит выяснению вопрос носит ли спор экономический характер), споры о подсудности того или иного иска о возмещении вреда по-прежнему не утрачивают свою актуальность.

За последние 10 лет количество судебных споров, связанных с возмещением вреда, причиненного окружающей среде, с каждым годом увеличивалось. Однако после 2017 года кратно изменился размер взыскиваемых с природопользователей сумм компенсаций. Такие радикальные перемены можно объяснить изменением судебного подхода к рассмотрению экологических споров.

В области правоприменения, ключевым документом, формирующим судебную практику, является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» (далее – Постановление Пленума ВС РФ №49).

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 49, кардинально урезаны эффективные способы судебной защиты Ответчика по таким делам и перераспределено бремя доказывания. Установлена презумпция вины природопользователей в причинении вреда окружающей среде, пока ими не доказано обратного.

До выхода Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 49, по экологическим спорам судами применялось Постановление Пленума ВС РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», в пунктах 40 и 41 которого было указано, что при разрешении исковых требований о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, судам необходимо устанавливать **не только факт причинения вреда, но и его последствия, выразившиеся в виде деградации естественных экологических систем.**

Судам также необходимо устанавливать причинную связь между совершенными деяниями и наступившими последствиями или возникновением угрозы причинения существенного вреда окружающей среде.

Изучив судебную практику по экологическим спорам за период до декабря 2017 г., становится очевидным, что ключевым основанием, по которым суды отказывали во взыскании вреда, причиненного окружающей среде (на примере водных объектов), являлось **недоказанность Истцом последствий причинения вреда в виде деградации водного объекта в результате действий природопользователя**. Практически всегда данный факт устанавливался в ходе проводимой в рамках дела судебной экологической экспертизы.

В пункте 7 действующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 49 указано, что в случае превышения юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями установленных нормативов допустимого воздействия на окружающую среду **предполагается, что в результате их действий причиняется вред** (ст. 3, п. 3 ст. 22, п. 2 ст. 34 Закона об охране окружающей среды). **Бремя доказывания обстоятельств, указывающих на возникновение негативных последствий в силу иных факторов и (или) их наступление вне зависимости от допущенного нарушения, возлагается на ответчика**.

Установленная в таком виде презумпция вины природопользователя обнажила ряд проблем и создала значительный перекос в пользу Истцов по таким делам.

Проблема в том, что нередко ведение работ природопользователями осуществляется в экологически кризисных зонах, местах накопленного экологического вреда (на полигонах прошлых лет) и нормативы ПДК по вредным веществам в почвах и водоемах в этих локаций превышены многократно изначально. Доказать отсутствие негативного влияния от деятельности природопользователя на окружающую среду на таких объектах накопленного вреда становится изначально трудновыполнимой задачей.

Вред окружающей среде, причиненный юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, возмещается в соответствии с утвержденными в установленном порядке таксами и методиками исчисления размера вреда окружающей среде, а при их отсутствии - исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды.

Из указанного следует вывод, что расчет экологического вреда носит условный «виртуальный» характер. В расчете вреда (выборе формулы) и

достоверности доказательств, на которых он основан кроется одна из основных проблем правоприменения.

Расчет ущерба производится на основании показателей, полученных по результатам отбора проб, осуществленных при проведении проверки замеров (например, измерениях глубины, ширины в водном объекте, скорости течения, определения концентраций вредных веществ и т.п.).

В последние несколько лет суды по экологическим спорам все чаще отказывают в ходатайстве стороны о назначении по делу судебной экологической экспертизы, мотивируя это тем, что для произведения самого расчета не требуется специальных познаний. Положенные в основу расчета вреда показатели стороной ответчика не опровергнуты, контррасчет суду не представлен, следовательно заявленный расчет вреда является достоверным.

По своей сути, расчет вреда представляем собой несложную математическую задачу. Происходит подстановка определенных показателей в формулу расчета и получается искомое число – размер вреда. Как указано в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 49, ***специальные познания необходимы в том числе в области определения источника происхождения вреда, механизма его причинения, его размера, объема необходимых восстановительных работ, возможности и сроках их проведения***, по делу могут проводиться соответствующие экспертизы с привлечением специалистов: экологов, санитарных врачей, зоологов, ихтиологов, охотоведов, почвоведов, лесоводов и других (ст. 79 ГПК РФ, ст. 82 АПК РФ).

Сложность заключается в следующем вопросе: как быть суду в случае недопустимости доказательств, на которых основан расчет ущерба (вследствие их незаконности или недостоверности, аннулирования результатов анализа проб Росаккредитацией и т.п.), когда рассчитать ущерб по методике и таксам уже не представляется возможным и одновременно с этим, причинителем вреда никаких затрат на восстановление нарушенного состояния не несет и нести не может?

Например, вследствие загрязнения водного объекта взвешенными веществами (песком, илами) каких-либо восстановительных мероприятий в силу физических свойств взвешенных веществ проводиться не может. Песок и илы не выловить установкой боновых заграждений на водоеме и не утилизировать, как это возможно с нефтепродуктами. В свою очередь, водные объекты имеют свойство самовосстанавливаться, взвешенные вещества оседают на дно и являются естественным природным фоном и кормовой базой для рыб и иных живых организмов этих рек и ручьев.

В такой ситуации суд находится в правовом тупике, а подобное положение дел, как правило, с учетом презумпции вины природопользователя, положительного исхода спора для Ответчика не несет.

Выходом из подобной ситуации, как видится, может быть активное участие природопользователя в проводимой проверке с привлечением альтернативной лаборатории и специалистов, которые бы осуществляли параллельный или арбитражный отбор проб и на основании этих данных производить свой контролрасчет, с последующим его предоставлением суду.

Практическая реализация вышеуказанных прав проверяемого лица значительно осложнена, если проверку проводит орган прокуратуры, а не органы государственного или муниципального контроля. Это обусловлено законодательным перекосом в части сроков уведомления проверяемого лица о начале проведения проверки.

Так в ст. 73 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» установлен срок уведомления проверяемого лица о начале проверки – **не позднее 24 часов до начала проведения проверочного мероприятия.**

В свою очередь, в соответствии с ч. 3 ст. 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре РФ», решение о проведении проверки вручается **не позднее дня начала проверки.**

В связи с удаленностью объектов проверки (участков горных работ, лесных участков) оперативно добраться до них независимой лаборатории или иным специалистам затруднительно. Проверки таких мест, как правило, осуществляются с применением вертолетов, вручение решений о проведении проверки осуществляется прокурором на месте, тем самым проверяющими достигается «эффект неожиданности».

Вследствие указанного, при проверке отдаленной локации, природопользователь не имеет эффективных способов защиты своих прав на непосредственном месте проведения проверочного мероприятия.

Полагаем, что в вопросе сроков уведомления о начале проведения проверки в ст. 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре РФ» требуется внести изменения, приведя ее в единообразие со ст. 73 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ, в противном случае объем реализации прав проверяемого лица ставится в зависимость от субъекта, проводящего проверку, что недопустимо.

Резюмируя вышеизложенное, стоит указать, что экологические споры являются одной из узкоспециализированных категорий дел, правовое

регулирование и судебная практика по которым стремительно меняются в последние несколько лет в сторону ужесточения.

Пассивность природопользователей в вопросах предупреждения причинения вреда окружающей среде, а также на этапах проводимых в отношении лица проверочных мероприятий ведет к значительным рискам и финансовым потерям, которые в ряде случаев ставят под вопрос дальнейшее существование предприятий с учетом рассчитанных размеров ущерба, не говоря уже о возможной уголовной ответственности руководства предприятий-природопользователей.

УДК 341.244

ДЕЙСТВИЕ СОГЛАШЕНИЙ ОБ ИЗБЕЖАНИИ ДВОЙНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМНОЙ ЗАЩИТЫ ИНВЕСТИЦИЙ

© Т.Ю. Сидорова

Сибирский федеральный университет

Двусторонние соглашения об избежании двойного налогообложения (далее – СИНД) являются неотъемлемой частью процесса формирования инвестиционного климата в государстве. Внимание этому уделяется, в том числе, и на уровне международных организаций. Так, были приняты Типовая конвенция о налогообложении в отношениях между развитыми и развивающимися государствами принята в Организации Объединенных Наций [4], Типовая конвенция о налогообложении Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) [10].

Эти документы активно применяют при подготовке проектов двусторонних соглашения многие государства. Так, в частности, Типовое соглашение об избежании двойного налогообложения, которое использует РФ, было составлено с учетом положений обеих типовых конвенций [3].

Работа соглашений об избежании двойного налогообложения основана на том, что, во-первых, они содержат согласованные государствами положения о том, в каком государстве осуществляется начисление и уплата налогов, что в ряде случаев включает и ставки налогообложения по отдельным налогам, а вторых, если все же двойного начисления избежать не удастся, то происходит зачет или вычет уплаченных за рубежом налогов. Таким образом, инвесторы

избавлены от необходимости уплачивать налоги дважды, налоговая нагрузка на инвестиции значительно снижается.

Возможности, создаваемые этими соглашениями, активно используются бизнесом. Они способствуют оффшоризации. В свою очередь, уже другие международные организации, например, Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force, далее – ФАТФ) следит за государствами и применением соглашений на предмет их использования для отмывания денег.

8 августа 2023 года был издан Указ Президента РФ [5], в соответствии с которым приостанавливается действие отдельных положений тридцати семи из восьмидесяти четырех двусторонних соглашений об избежании двойного налогообложения. В частности, приостановлены положения, которые касаются вопросов начисления и уплаты налогов, но оставлена в силе статья, устанавливающая обязательство устранять двойное налогообложение, то есть зачитывать или вычитать налоги, уплаченные в другом государстве.

Принятие этого указа породило ряд юридических вопросов.

С точки зрения международного права, пожалуй, наиболее важным является то, возможно ли приостановление соглашения, если оно им не предусмотрено. С точки зрения налогового права – это момент, с которого вступают в силу изменения для налогоплательщиков.

Вопросы приостановления международных договоров регулируются, в первую очередь, Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года [1] (далее – Венская конвенция 1969 года). Также эти вопросы нашли свое отражение и в российском законодательстве. Сам указ ссылается на статью 37 федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» [6].

Анализируя различные аспекты приостановления международных договоров, Б.И. Осминин ссылается на Венскую конвенцию 1969 года, повторяя ее положения о том, что, как правило, это носит взаимный характер, требует соглашения, не должно быть запрещено соглашением [2].

И.А. Хаванова констатирует, что в российской науке в отношении условий приостановления действия соглашений об избежании двойного налогообложения сложилось общее мнение об отсутствии возможности приостановления действия этих соглашений, речь может идти лишь о прекращении их действия [7]. Однако сама И.А. Хаванова делает вывод, что приостановление соглашений возможно даже при отсутствии такого положения в самом соглашении, поскольку любые соглашения, которые государство может прекратить, может и приостановить.

Приостановление действия международных договоров регулируется частью V Венской конвенции 1969 года. Если последовательно перечислять положения конвенции, то можно отметить, во-первых, возможна делимость положений договоров для приостановления (п. 3 ст. 44), во-вторых, сформулировано два альтернативных условия приостановления (в соответствии с положениями договора или с согласия участников договора, ст. 57), в-третьих, приостановление многостороннего договора может затронуть только нескольких участников (ст. 58), в-четвертых, приостановление предыдущего договора при заключении последующего (ст. 59), в-пятых, возможно приостановление как следствие нарушения двустороннего договора другим участником (п. 1 ст. 60). Из этих норм можно сделать вывод, что у государства-участника есть право приостановить действие международного договора, но реализация этого права зависит от положений договора и обстоятельств, в которых принимается такое решение. Категорически можно сказать лишь о том, что приостановление невозможно, если это запрещено договором.

С реализацией данного права также не все ясно. Статья 65 Венской конвенции 1969 года предписывает государству уведомлять других участников о своих действиях, которые в течение срока не менее чем три месяца могут высказать свои возражения. При наличии возражений стороны должны мирно их урегулировать.

Если же обратиться к практике государств, то нужно отметить, что указу Президента РФ предшествовала ситуация, когда в мае 2022 года Латвия уведомила Россию о приостановлении действия двустороннего соглашения об избежании двойного налогообложения и протокола к этому соглашению. Россия ответила на это приостановлением действия соглашения и протокола со своей стороны. Соглашение было приостановлено в целом в ответ на нарушения Латвией обязательств по этому соглашению.

Надо полагать, что и в отношении российской инициативы о приостановлении СИДН в августе 2023 года возможна какая-то ответная реакция других государств. Однако пока кроме общих заключений, что Россия приостановила соглашения, хотя это не было предусмотрено их положениями, нет никаких сообщений об ответных действиях со стороны других государств. Здесь следует заметить, что иностранные государства поставлены в достаточно сложное положение именно тем, какие статьи соглашений были приостановлены. Любой их шаг, направленный на приостановление или прекращение действий положений соглашений, может повлечь неблагоприятные последствия как в отношении российских лиц, так и их

собственных. Сомнительным выглядит и шаг по применению каких-то мер по разрешению споров и мирному урегулированию.

Если говорить о второй составляющей, т.е. моменте, когда изменения будут действовать для налогоплательщиков, то «Ведомости» приводят мнение партнера партнер МЭФ Legal Александра Ерасова [9], который полагает, что приостановление СИДН ухудшает положение налогоплательщиков, а, следовательно, должны применяться не ранее следующего налогового периода. Однако это положение Налогового кодекса РФ имеет четко указанные источники – акты законодательства о налогах, к которым СИДН отнести невозможно. Указ Президента РФ от 8 августа 2023 года четко указывает, что приостановление действия соглашений осуществляется с момента официальной публикации данного указа.

Кроме юридических последствий для налогоплательщиков, эксперты попытались оценить экономические последствия приостановления действия этих соглашений. И также не смогли прийти к единому мнению. Одни отмечают возможность повышения поступления налогов в бюджет РФ, другие отмечают, что этого вряд ли стоит ожидать в условиях существенного сокращения деловой активности с недружественными странами. [9]

Опросив экспертов уже после принятия Указа Президента РФ от 8 августа 2023 года, Дмитрий Гринкевич и Роман Романов [8] выяснили, что, эксперты в оценке указа акцентируют внимание на следующем. Во-первых, речь идет об отмене льготных налоговых ставок для иностранных получателей доходов, во-вторых, это вопрос о защищенности иностранного капитала в РФ. И второй аспект имеет куда более тяжелые последствия, чем первый, поскольку заставляет задуматься инвесторов из дружественных стран о правовых и политических рисках при инвестировании в России.

В заключении можно отметить следующее. Приостановление действия Россией СИДН в части отдельных статей не отменяет действие правила об избежании двойного налогообложения, однако изменяет налогообложение в отношении иностранных и отечественных лиц. Несмотря на отсутствие норм в самих соглашениях приостановление международных договоров как практика государств существует и правовых средств противодействовать ей фактически нет. Государство может только принять ответные меры в отношении этих соглашений. Приостановление СИДН – еще один шаг на пути значительного сокращения выгод иностранных инвесторов в России, ухудшающий инвестиционный климат, в целом. Вместе с тем, это приостановление вряд ли окажет более существенное влияние, чем уже принятые ранее меры.

Список использованных источников:

1. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.
2. Осминин Б.И. Правовые модели прекращения и приостановления государствами действия международных договоров // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4. С. 116-133.
3. Постановление Правительства РФ от 24.02.2010 № 84 (ред. от 26.04.2014) «О заключении межгосударственных соглашений об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от уплаты налогов на доходы и имущество». – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.
4. Типовая конвенция Организации Объединенных Наций об избежании двойного налогообложения в отношениях между развитыми и развивающимися странами. – Режим доступа: https://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2014/09/UN_Model_2011_UpdateRu.pdf.
5. Указ Президента РФ от 08.08.2023 № 585 «О приостановлении Российской Федерацией действия отдельных положений международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения». – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.
6. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 № 101-ФЗ. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.
7. Хаванова И.А. Денонсация и приостановление действия соглашений об избежании двойного налогообложения (теория и практика) // Финансовое право. 2023. № 1. С. 22-25.
8. Что изменится для бизнеса в результате частичной приостановки налоговых соглашений. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/08/09/989174-chno-izmenitsya-dlya-biznesa-v-rezultate-priostanovki-nalogovih-soglashenii>.
9. Эксперты оценили последствия от приостановки налоговых соглашений с недружественными странами. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/03/16/966722-eksperti-otsenili-posledstviya-ot-priostanovki-nalogovih-soglashenii>.
10. Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2017. – Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/taxation/model-tax-convention-on-income-and-on-capital-condensed-version-2017_mtc_cond-2017-en#page12.

УДК 347.1

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

© С.Я. Сорокина

Сибирский Федеральный университет

К концу двадцатого столетия во многих европейских правовых системах в целом сложилось достаточно четкое понимание сути и содержания принципа добросовестности. Считается, что ему подчинена вся правовая жизнь. Он имеет значение не только в обязательственном праве, но и в других областях гражданского права, таких, как вещное или семейное право, а также в публичном праве, в процессуальном праве [7]. Можно говорить о проникновении категории добросовестность в корпоративное и интеллектуальное право.

В дальнейшем выявилась потребность в предотвращении недобросовестного поведения участников гражданских правоотношений по отношению друг к другу, защите от недобросовестных действий, наносящих ущерб контрагентам. Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) внесены дополнительные пункты. Пункт 3 содержит правило о том, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Пункт 4 устанавливает, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

При этом эти правила закрепляют принцип добросовестности поведения участников гражданских правоотношений на всех стадиях возникновения и осуществления прав и обязанностей, включая стадию защиты права. В соответствии с данным требованием стороны должны быть честными по отношению друг к другу, не допускать обмана контрагента в активной (путем сообщения неверной информации) или пассивной (путем сокрытия необходимых сведений) формах [4].

Вместе с тем, неоспорима позиция В.Ф. Яковлева, который, анализируя далее п. 1 и п. 4 ст. 10 ГК РФ делает вывод, что законодатель недобросовестное поведение приравнивает к поведению незаконному. В контексте ст. 10 ГК РФ недобросовестность приравнена к злоупотреблению правом, эти понятия с одинаковыми признаками.

Согласно классическим представлениям « злоупотребление правом есть особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения». И это поведение (злоупотребление правом) есть один из видов гражданского правонарушения, то есть поведение не только противоправное, но и виновное (спор идет только по поводу того, о какой форме вины идет речь в данном случае) [3].

Р.С. Бевзенко считает, что есть общее понятие - неправоное поведение. Оно распадается на (а) незаконное поведение (когда лицо нарушает предписания позитивного права) и (б) недобросовестное поведение (когда лицо не нарушает предписаний позитивного права, но при этом нарушает стандарт поведения честного человека) [1].

Это представление автора заслуживает внимания, оно почти дословно воспроизводит смысл определения злоупотребления правом, данного в свое время проф. В.П. Грибановым.

Однако, с учетом изменений, внесенных в ГК РФ в 2015 году, да и ранее действовавших норм, подход Р.С. Бевзенко подлежит дальнейшему осмыслению. Например, согласно ст.53.1 ГК РФ лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, несет ответственность (убытки, причиненные по его вине юридическому лицу), если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно, в том числе, если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску.

Здесь уже возникают вопросы. Во-первых, по традиционному подходу, который характерен для национального законодательства и других развитых правовых систем, возмещение убытков считается формой (мерой) гражданско-правовой ответственности, а не последствием недобросовестного поведения. И, во-вторых, в этом случае при возмещении убытков в поведении лица должны быть установлены элементы состава гражданского правонарушения.

Применительно к гражданскому праву положение о составе правонарушения как общем основании ответственности прочно вошло в доктрину и правоприменительную практику. При этом состав гражданского правонарушения представляет собой совокупность определенных признаков правонарушения, характеризующую его как достаточное основание ответственности. Но вопросы о том, является ли состав не только общим, но и

единственным основанием гражданско-правовой ответственности, а также о том, какие элементы (признаки) образуют состав, вызывает множество разногласий. Предложено располагать главные элементы гражданского правонарушения в следующей последовательности: противоправное действие (бездействие) лица, вредный результат этого действия (бездействия) и причинная связь между действием (бездействием) и вредом, как объективные элементы состава и вина правонарушителя как субъективный элемент состава [5].

Вот здесь и появляется гипотеза о возможности отнесения недобросовестного поведения к противоправному, влекущему применение мер гражданско-правовой ответственности (возмещение убытков). Однако, недобросовестность – это все-таки дополнительный инструмент и не должен заменять нормы позитивного права.

Можно предположить, что в этом случае за недобросовестными действиями стоят противоправные действия, нарушающие не нормы объективного права, а конкретные субъективные гражданские права или, как считает судебная инстанция, в данном случае недобросовестность свидетельствует о неисполнении обязанности директора действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица. Итак, в этом случае состав гражданского правонарушения для привлечения директора к ответственности дополняется недобросовестным поведением, что не исключает наличия всех других элементов состава, в частности вины как субъективного основания ответственности директора.

Так, суд указал, что привлечение руководителя юридического лица к ответственности зависит от того, действовал ли он при исполнении своих обязанностей разумно и добросовестно, то есть проявил ли он заботливость и осмотрительность и принял ли все необходимые меры для надлежащего исполнения своих обязанностей.

В соответствии со статьей 71 АПК РФ всесторонне, полно и объективно исследовав фактические обстоятельства и представленные в дело доказательства, суды установили, что причиной возникновения убытков послужили привлечение Общества к ответственности за совершение административного правонарушения, выразившегося в несвоевременном предоставлении запрошенной акционером информации, и, как следствие, наложение административного штрафа в сумме 250 000 руб.

В п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» указано, что в случае

привлечения юридического лица к публично-правовой ответственности (налоговой, административной и т.п.) по причине недобросовестного и (или) неразумного поведения директора понесенные в результате этого убытки юридического лица могут быть взысканы с директора.

При таких обстоятельствах суд обоснованно взыскал с Батыжева Д.З. в пользу Общества 250 000 руб. убытков [8].

Таким образом, добросовестность выступает дополнительным, наряду с правомерностью, критерием оценки поведения участников оборота, существенным ориентиром, позволяющим суду проанализировать действия таких участников не с позиции соответствия нормативно-правовым предписаниям, а с точки зрения их гармонирования с хозяйственной логикой функционирования и организации рынка, отношением к контрагентам и исполнением ими взятых на себя обязательств [2].

Кроме того, заслуживает поддержки основательное мнение К.В. Нама. о том, что следует очень осторожно толковать и обходиться с нормой п. 1 ст. 10 ГК РФ. В нем сказано, что не допускается только заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Ст. 10 ГК РФ ни в коем случае не должна приводить к ограничительному толкованию п. 4 ст. 1 ГК РФ, так как принцип добросовестности не ограничивается неодобрением только умышленных действий и не является наказанием, где должна учитываться вина [6].

Недобросовестное поведение нельзя считать самостоятельным основанием гражданско-правовой ответственности в связи с тем, что таким основанием может быть лишь противоправное поведение (правонарушение). Признание недобросовестности независимым основанием ответственности будет противоречить особенностям национального гражданского права [9].

Можно предположить, что нормы о недобросовестном поведении образуют институт, устанавливающий недостаточно определенные правила и не единообразные последствия совершения таких действий. Эти нормы и последствия можно дифференцировать.

1. В ст. 10 ГК РФ названы основные формы злоупотребления правом (шикана, действия в обход закона с противоправной целью, иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)).

Последствия такого недобросовестного осуществления гражданских прав – отказ судом лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, либо отказ в принятии возражений ответчика, а также применение иных мер, предусмотренных законом. П. 4 ст. 10 ГК РФ предусматривает возможное последствие злоупотребления правом - возмещение убытков.

2. В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» содержится указание на то, что если совершение сделки нарушает запрет, установленный п. 1 ст. 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной (п. 1 или 2 ст. 168 ГК РФ). Речь идет о совместном применении ст.ст. 10, 168 ГК РФ.

3. Недобросовестное поведение, влекущее возмещение убытков.

Это ст. 60 п. 5, ст. 220, ст. 53.1, ст. 431.2, ст. 434.1 ГК РФ. Сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки (п.3 ст.434.1 ГК РФ).

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (п. 19) к отношениям, связанным с причинением вреда недобросовестным поведением при проведении переговоров, применяются нормы РФ с исключениями, установленными ст. 434.1 ГК РФ. Например, юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный недобросовестным поведением его работника при проведении переговоров (ст. 1068 ГК РФ). В случае, когда вред при проведении переговоров причинен несколькими контрагентами совместно, они отвечают перед потерпевшим солидарно (ст. 1080 ГК РФ).

При этом правило п.2 ст.1064 ГК РФ не применяется. Позиция Верховного Суда РФ о применении к отношениям, связанным с причинением вреда недобросовестным поведением при проведении переговоров, норм главы 59 ГК позволяет говорить о включении недобросовестности в сферу деликтного права (в доктрине эта возможность отрицалась). Вторжение недобросовестности в деликтное право также ставит вопросы об ее месте в числе элементов генерального деликта. Тем более, что правило п. 2 ст. 1064 ГК РФ к этим отношениям не применяется. Напомним, что речь идет о презумпции вины делинквента.

4. Недобросовестное поведение, в качестве последствий которого выступают правила эстоппеля.

Например, заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (п. 5 ст. 166 ГК РФ).

Сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого

требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности (п. 3 ст. 432 ГК РФ).

5. Иные случаи недобросовестного поведения и его последствия предусмотрены ст. ст. 149.3, 157, 220, 302, 450.1 ст. 602, 1252 ГК РФ.

Список использованных источников:

1. Бевзенко Р. С. Анализ тезисов о принципе добросовестности в гражданском праве // URL: https://zakon.ru/blog/2019/08/20/analiz_tezisov_o_principe_dobrosovestnosti_v_grazhdanskom_prave#comment_531257.

2. Гончарова В.А. Недобросовестность как основание недействительности сделки: pro et contra // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 166-178.

3. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: «Статут», 2001. 410 с.

4. Кодификация российского частного права 2017 : учебное пособие / под ред. П. В. Крашенинникова. Москва.: Статут, 2017. 480 с.

5. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юрид. лит., 1970. 309 с.

6. Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19, № 1. С. 28-74.

7. Нам К.В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 7. С. 83-114.

8. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04.06.2018 № ФО7-4903/18 по делу № А44-7415/2017 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/41271642/>.

9. Шепель Т.В. Недобросовестное поведение при проведении переговоров о заключении договора как основание возмещения убытков // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. № 9. С. 2288-2294.

УДК 349.6

ЭКОИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВОВОТНОШЕНИЙ

© Т.Г. Спиглазова

Сибирский федеральный университет

Интерес человечества к природе был всегда и последующие поколения по традиции продолжают опираться на опыт предшествующих. Интерес современных историков в этом смысле тоже не случаен, хотя тенденция к обособлению экологической истории имеет как сторонников, так и противников. Возникновение этого интереса напрямую связывают с продолжающимся нарастанием в мире признаков экологического кризиса. Ученым важно знать, «как этот кризис возник, какие изменения имели место в последние века и десятилетия, как различные общества и культуры понимали и изображали окружающую природу, как обращались с ней» [1, с. 391-392]

Общепризнанной исторической концепцией в сфере взаимодействия общества и природы является теория противопоставления «традиционного» и «современного». В данном контексте Ф. Брюггемайер определяет методологическое значение экоистории, доказав, что традиционные знания долгое время недооценивали, поскольку относили их к отсталым способам природопользования. Автор заостряет внимание на том, что в основе традиционного природопользования лежит накопленный веками опыт взаимодействия с окружающей средой, адаптированный к местным условиям, и привнесение новых способов взаимодействия может как его усовершенствовать, так и уничтожить [2, с. 194]

Историческое определение природы отличается от иного научного представления о ней. Исследования в области экоистории позволили понять, что на протяжении многих столетий люди, осуществляя взаимодействие с окружающей средой, пользовались представлениями о природе в виде ими же созданных умственных конструкций, подводя под них, к примеру, политическую или экономическую основу.

Экологические проблемы современного общества в попытках ученых найти баланс между негативными и позитивными сторонами освоения природы требуют теоретических изысканий в области новейшей экоистории. Оставляя множество вопросов открытыми, однозначно можно уже сейчас сказать, что

истоки формирования современных эколого-правовых концепций имеют историческую закономерность и обусловленность.

Предназначение экологического исторического знания видится в том, что оно формирует знание последующих поколений, предшествующее опыту, и независимое от него. Исторически сложившиеся способы взаимодействия с окружающей средой позволяют ученым в области экоиcтории каждый раз не открывать мир заново, а используя возможности памяти, воспроизводить в настоящем прошлое, чтобы прогнозировать будущее. История несет общую информационную нагрузку, и в то же время способствует осознанию действительности взаимодействия общества и природы в конкретной исторической проекции, превращая информацию о природе и взаимодействии общества с окружающей средой, в устойчивое знание с определенной степенью обоснованности и доказательности.

Таким образом, экоиcтория является условием формирования представления о взаимодействии общества с окружающей средой как основания последующего отношения общества к окружающей среде. В таком случае, когда отношение формируется представлениями о нем, мы имеем возможность приобрести понимание и того, каким образом проявлять волевое (т.е. нормативное), а значит сознательное отношение в области взаимодействия с природной средой. До этого момента знание производится наукой для того, чтобы, к примеру, получить ответы на познавательные вопросы о том, что есть природа и для каких целей она необходима. Подводя итог вышесказанному, логично будет предположить, что нас должны интересовать также закономерности формирования и развития экологического общественного сознания, как особого способа отражения правовой реальности в сфере взаимодействия общества и природы. В данной интерпретации памятники национального законодательства не теряют статуса памятников национальной истории.

Экоиcтория в сфере взаимодействия общества и окружающей среды выполняет очень важную функцию, составляя его методологию. Методологией называется особый раздел философии, который непосредственно рассматривает методы познания и их специфику. Согласно основам философии, методология — это еще один вид исторического знания о производстве нового знания, поскольку исторический метод прослеживает развитие какого-либо явления во всей полноте и многообразии. Систематизируя и обобщая эмпирический материал, ученые выявляют общие исторические закономерности [3, с. 412]

Следовательно, экоистория дает представление об исторических корнях и закономерностях возникновения и развития взаимодействия общества и природной среды. Предметом изучения становятся как природные, так и общественные исторические связи, качественная определенность которых становится со временем более очевидной. Это позволяет современное взаимодействие общества и окружающей среды выстраивать на качественно новом уровне.

Когда объектом исторического исследования эколого-правовых взаимосвязей становится само развитие взаимодействия общества и природы, то в итоге это приводит к формированию нового содержания экологических правоотношений, в котором явление уступает место сущности, где человек рассматривается как субъект общественно-исторической деятельности. Это позволит изначально свести риски цифровизации экологического права к минимуму и сбрасывать со счетов функции экоистории преждевременно.

Список использованных источников:

1. Proceedings actes: Reports, abstracts and round table introductions / 19th International congress of historical sciences, 6-13 August 2000. Oslo, 2000.
2. Хусаинов З.А., Галимов Ш.Ш. Философско-методологические основы изучения природы // Фундаментальные исследования: философские науки. 2013. № 4.
3. Кальной И. И., Сандулов Ю. А. Философия для аспирантов: учебник / под ред. И. И. Кальной. 3-е изд., стер. СПб: Издательство «Лань», 2003. 512 с.

УДК 343.3/.7

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ЗАГОТОВКИ ДРЕВЕСИНЫ ДЛЯ СОБСТВЕННЫХ НУЖД

© С.В. Староватова

Сибирский федеральный университет

Ситуация с соблюдением установленного порядка осуществления лесопользования в России является неблагоприятной. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, доля дел об экологических преступлениях (глава 26, статьи 246 – 262 Уголовного кодекса

РФ) в общей структуре уголовных дел, поступающих в суды, составила в 2019 г. 1,2%, в 2020 г. – 1,3%, в 2021 году – 1,3%, в 2022 – 1,2 %. За период с января 2019 г. по декабрь 2022 года 49,2% (10 956 человек) от всех осужденных за экологические преступления составили лица, признанные виновными в незаконной рубке лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), в том числе в 2019 г. – 3 295 лиц, 2020 г. – 2 493 лица, 2021 г. – 2 792 лица, 2020 г. – 2376 лиц [7]. Официальной статистики нет, но часть этих преступлений неизбежно совершается гражданами при заготовке древесины для собственных нужд. Из проанализированных нами 150 уголовным дел по ст. 260 УК РФ за указанный период только 2,7 % совершено гражданами при заготовке древесины для собственных нужд. Примечательно то, что совершены эти деяния в различных субъектах Российской Федерации, и, значит незаконность деяний установлена на основе регионального законодательства.

Особенностью диспозиции ч. 1 статьи 260 УК РФ является ее бланкетный характер, следовательно, установление в действиях лица признаков состава данного преступления и их надлежащая квалификация возможны лишь с учетом положений нормативных правовых актов, конкретизирующих правила поведения в сфере лесопользования. В данном случае такими актами будут являются законы, регулирующие порядок осуществления лесопользования (ст. 29, 30, 75, 77, 94 Лесного кодекса РФ) [3], подзаконные нормативные правовые акты, устанавливающие порядок исчисления ущерба, причиненного лесонарушением и ставки платы за пользование природными ресурсами (постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2018 № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» и постановление Правительства Российской Федерации от 22 мая 2007 года № 310 «О ставках платы за единицу объема лесных ресурсов и ставках платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности») [4, 5], и законы, принятые на региональном уровне.

Лесным кодексом (далее – ЛК) установлены общие правила и основания лесопользования. Исходя из положений ст. 29 и 30 ЛК, можно сделать вывод, что лесопользование возможно, действующее законодательство предусматривает два вида заготовок древесины – в форме предпринимательской деятельности и заготовки древесины для собственных нужд. В постановлении Правительства РФ от 8 мая 2007 г № 273 закреплена методика исчисления размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства, а

порядок и нормативы заготовки древесины устанавливаются в региональном законодательстве (п. 5 ст. 30 ЛК).

В состав Российской Федерации на сегодняшний день входят 89 субъектов РФ, каждый из которых может самостоятельно устанавливать в региональных законах целевое назначение, порядок и нормативы заготовки древесины гражданами для собственных нужд с учетом климатического расположения региона, произрастающих на его территории пород лесных насаждений, чистоты атмосферного воздуха, а порой и с учетом его культурного, исторического и иного значения. И это многообразие должно быть учтено при квалификации деяний, предусмотренных статьей 260 УК РФ.

Приведем примеры, определим показатели для сравнения (целевое назначение, вид древесины, допустимые нормы объема заготовки, периодичность предоставления права на заготовку древесины).

В статье 2 Закона от 07.07.2007 № 130-ОЗ «О порядке и нормативах заготовки гражданами древесины для собственных нужд в Новосибирской области» устанавливаются целевые назначения ее заготовки – строительство или реконструкция объектов индивидуального жилищного строительства, ремонт индивидуального жилого дома, квартир в двухквартирных жилых домах, отопление жилых помещений в домах, не имеющих центрального отопления, не подключенных к сетям газораспределения, удовлетворения хозяйственно-бытовых нужд; вид древесины – деловая и древесина без указания на вид; нормативы объема заготовки древесины соответственно с учетом целевого назначения – до 50 куб. м, до 15 куб. м, 10 куб. м, 0,5 куб. м, до 3 куб. м; периодичность предоставления права – однократно, на 10 лет, на 1 год [10].

В ст. 4 (1) закона Республики Коми от 27.12.2006 № 136-РЗ «О регулировании лесных отношений на территории Республики Коми», установлены целевые назначения – индивидуальное жилищное строительство, капитальный и текущий ремонт жилого дома, части жилого дома, жилого помещения в деревянном многоквартирном доме одноэтажной застройки, в деревянном жилом доме блокированной застройки, строительства и (или) капитального ремонта хозяйственных построек (сарай, летние кухни, бани и т.п.), отопление жилого дома, части жилого дома, иных жилых помещений, имеющих печное отопление, отопление хозяйственных построек, удовлетворения хозяйственных потребностей, связанных со спецификой традиционной деятельности населения, проживающего в сельских населенных пунктах в Республике Коми, и возникающих при ведении садоводства, огородничества, личного подсобного хозяйства, осуществление традиционных промыслов; вид древесины – не устанавливается, есть указание на возможность рубки

древесины на корню без указания на вид; нормативы объема заготовки древесины соответственно с учетом целевого назначения – до 150 куб. м, до 20 куб. м, до 5 куб. м, до 25 куб. м; периодичность предоставления права – в течение 20 лет, один раз в 7 лет, один раз в 3 года, один раз в год, один раз в 5 лет [11].

Закон Красноярского края «О заготовке древесины на основании договоров купли-продажи лесных насаждений» от 14.02.2007 № 21-5820 в приложении 1 закрепляет такие целевые назначения заготовки древесины – строительство жилого дома для индивидуального жилищного строительства или ведения личного подсобного хозяйства гражданина в границах земельного участка населенного пункта, предоставленном на территории края, строительство хозяйственных построек, ремонт жилого дома, расположенного на земельном участке, предоставленном на семью или одиноко проживающему гражданину для индивидуального жилищного строительства или ведения личного подсобного хозяйства в границах населенного пункта на территории края, отопление жилого дома, помещения в многоквартирном жилом доме, расположенных на территории края (при отсутствии централизованного отопления); вид древесины – не указан; нормативы объема заготовки древесины соответственно с учетом целевого назначения – 150 куб. м, 25 куб. м, 20 куб. м. В законе есть примечание об увеличении норматива на 50 процентов для нужд отопления жилых домов, жилых помещений в деревянных многоквартирных домах, расположенных в Богучанском, Енисейском, Кежемском, Северо-Енисейском, Эвенкийском и других северных муниципальных районах края; периодичность предоставления права – один раз в 25 лет, один раз в 10 лет, либо отсутствует указание на периодичность (отопление) [9].

В состав РФ входят и такие субъекты как города федерального значения (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь) [1]. Например, на территории города федерального значения Москва заготовка древесины гражданами для собственных нужд невозможна, так как столица Российской Федерации является культурным, историческим центром, мегаполисом, жители которого нуждаются в чистом воздухе и в озеленении его территории. В целях реализации Закона города Москвы от 5 мая 1999 г. № 17 «О защите зеленых насаждений» Правительство Москвы в соответствии с положениями Административного регламента выдает разрешения только на пересадку зеленых насаждений на территории объектов, для размещения которых требуется оформление разрешения на строительство и для объектов, не подлежащих государственному строительному надзору [8; 12].

Мы проанализировали только четыре региональных закона, но даже из такого малого числа нормативных актов усматриваются разное целевое назначение заготовки древесины, указаны или отсутствуют указания на места использования заготовленной древесины, вид разрешенной к заготовке древесины, установлены различные нормативы объема ее заготовки и периодичность предоставления такого права. Нарушение любого из указанных в региональных законах показателей может быть расценено правоприменителем как незаконная рубка лесных насаждений или как нецелевое использование древесины гражданами [2].

Возникает вопрос, не нарушается ли в случае такого многообразия нормативных правовых актов принцип правовой определенности при привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших незаконную заготовку древесины для собственных нужд. На наш взгляд, нет.

Уголовное право выделяется среди других отраслей права особо суровыми мерами государственного принуждения. В силу этого его нормы должны содержать максимально четкие и понятные любому адресату границы уголовно-правового запрета. Неоднозначное толкование признаков запрещаемого деяния порождает возможность произвольного применения уголовно-правовой нормы, что нарушает конституционный и международно-правовой принципы правовой определенности. Как указано в одном из решений Европейского суда по правам человека, «норма не может считаться законом, если она не сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ней свое поведение» [17, с. 31-36].

Более конкретно применительно к нормам уголовного права подобный вывод сделан Конституционным Судом Российской Федерации в решении от 27 мая 2008 года № 8-П: «Принцип формальной определенности закона, предполагающий точность и ясность законодательных предписаний, будучи неотъемлемым элементом верховенства права, выступает как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания. Уголовная ответственность может считаться законно установленной и отвечающей требованиям статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации лишь при условии, что она адекватна общественной опасности преступления и что уголовный закон ясно и четко определяет признаки этого преступления, отграничивая его от иных противоправных и тем более – от законных деяний» [6, 1].

Н.И. Пикуров и Н.В. Иванов считают, что определенность уголовно-правовой нормы зависит от многих факторов, среди которых существенную роль

играет форма изложения ее диспозиции. Бланкетная диспозиции, по его мнению, вызывает особые вопросы относительно допустимости ее использования в уголовном праве [16, с. 597].

Под бланкетной диспозицией было принято понимать такую форму конструирования, при которой признаки преступного деяния указывались не в уголовном законе, а в других отраслях права. Автором, давшим жизнь термину «бланкетный закон», является немецкий ученый К. Биндинг. По его определению, бланкетным называется такой уголовный закон, который не формулирует самостоятельного запрета, а ограничивается ссылкой на правила, содержащиеся в других юридических постановлениях, и предусматривает лишь санкцию за их нарушение [14, с. 85].

«Вслед за Биндингом это определение почти без изменения повторялось Ф. Листом, Н.С. Таганцевым, Л.С. Белогриц-Котляревским и другими юристами. «Закон, говоря о каком-либо посягательстве, довольствуется в диспозитивной части только ссылкой, – писал о бланкетной форме Н.С. Таганцев, – но не на статьи того же уголовного закона, а на другие юридические постановления Свода, и притом или также с прямым указанием статей, к которым относится устанавливаемая им санкция, или же ограничиваясь только указанием общих признаков тех норм, к которым относится его санкция, допуская в этом случае иногда не только охрану норм, уже существующих, но и норм будущих, которые могут быть в законном порядке постановлены по данному предмету» [16, с. 598]. По мнению же Н.Ф. Кузнецовой «бланкетной называется диспозиция уголовного закона, отсылающая для уточнения отдельных признаков состава преступления к нормативным актам иных отраслей» [15, С. 98]. И.В. Шишко доказывает, что в бланкетной диспозиции нормы УК есть все признаки состава преступления, но все они или часть их описаны как обобщающие признаки, признаки-понятия либо обобщающие признаки-понятия, если в них непосредственно заключена связь уголовного права с иными отраслями, к которым и следует обратиться для уяснения указанных признаков» [18, с. 63], которые интерпретируются уже не в уголовных нормативных правовых актах.

Вместе с тем, негативное отношение к бланкетной форме изложения нормы существует и применительно к конституционным нормам. Анализируя свойства бланкетной формы, В.В. Ершов отмечает, что «языковое толкование оценочного понятия «бланкетный» позволяет предположить, что «бланкетную» норму можно сравнить с чистым «бланком», заполняемым правотворческими органами зачастую без каких-либо правовых ограничений. Это и дает возможность, «право» отдельным исследователям называть конституцию постоянно развивающимся и изменяющимся правовым актом, утверждать о

реальном действии «фактической» конституции, находящейся в подвижном равновесии, гомеостазисе. В результате такая конституция может не защищать, а ограничивать права граждан» [13].

Несмотря на то, что речь идет о конституционном праве, выявленные проблемы бланкетной формы имеют отношение и к применению уголовно-правовых норм, поскольку указывают на слабые места бланкетной диспозиции, поднимающие уровень усмотрения правоприменителя. Тем не менее, заметим, что в цитированном выше суждении речь идет несколько о другом виде бланкетности, можно сказать, «бланкетности в чистом виде», не связанном с правовыми актами. Применительно же к бланкетной диспозиции норм Уголовного кодекса речь идет о связанности содержания таких диспозиций с правовыми нормами других отраслей права, то есть проблемой является не сама по себе неопределенность состава преступления с бланкетными признаками, а перенос функции определения содержания таких признаков состава преступления в другую отрасль права [16, с. 599].

В современном понимании бланкетной диспозиции она представляет собой форму, с помощью которой уголовный закон освобождается от необходимости подробного и объемного описания признаков деяния, которые уже сформулированы в нормах других отраслей права. К таким признакам, в частности, можно отнести *незаконность* рубки. Таким образом, бланкетная норма УК позволяет разрешить противоречие между чрезвычайно большим объемом нормативно-правового материала, связанного с ней и ограниченными текстовыми возможностями диспозиции этой нормы.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Лесной кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного

законодательства: постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2018 № 1730 (в ред. от 18.12.2020 № 2164) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. О ставках платы за единицу объема лесных ресурсов и ставках платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности: постановление Правительства Российской Федерации от 22.05.2007 № 310 (ред. от 15.06.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян: постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Обзор практики применения судами положений главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. О защите зеленых насаждений: закон города Москвы от 05.05.1999 № 17 (в ред. от 08.06.2022) // Справочная правовая система «Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901734936?ysclid=lnvr26tipv862759483>.

9. О заготовке древесины на основании договоров купли-продажи лесных насаждений: закон Красноярского края от 14.02.2007 № 21-5820 (в ред. от 07.07.2022 № 3-998) // Справочная правовая система «Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/802091809?ysclid=lnvqteqw7p675563779>.

10. О порядке и нормативах заготовки гражданами древесины для собственных нужд в Новосибирской области: закон Новосибирской области от 07.07.2007 № 130-ОЗ (в ред. от 16.12.2022 г. № 299-ОЗ) // Правовой портал Право.RU». – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=172018666&backlink=1&&nd=172026518&ysclid=lnvqnt2v67279662766>.

11. О регулировании лесных отношений на территории Республики Коми: закон Республики Коми от 27.12.2006 № 136-ПЗ (в ред. от 25.02.2021 № 5-ПЗ) // Справочная правовая система «Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/802091809?ysclid=lnvqteqw7p675563779>.

12. Об утверждении административных регламентов предоставления государственных услуг Департаментом природопользования и охраны окружающей среды города Москвы, внесении изменений в правовые акты города Москвы и признании утратившими силу правовых актов (отдельных

положений правовых актов) города Москвы: постановление Правительства Москвы от 26.05.2016 № 290-ПП (с изм. на 23.05.2023) // Справочная правовая система «Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/537994513?ysclid=lnvr6y3n2j681653184>.

13. Ершов В.Н. Актуальные теоретические и практические вопросы Конституции Российской Федерации и Тырновской Конституции Болгарии // Российская юстиция. 2004. № 6.

14. Жеребкин В.Е. Логическая структура состава преступления. Харьков: Харьк. юрид. ин-т, 1974.

15. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. Москва: Городец, 2007.

16. Пикуров Н.И., Иванов Н.Е., Бланкетная форма конструирования в уголовном праве // Юридическая техника. 2023. № 7 (ч. 2).

17. Пронина М.П. Проблема бланкетности уголовно-правовых запретов // Труды Академии управления МВД России. № 2. 2017.

18. Шишко И.В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.

УДК 343.34

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА

© В.Б. Стукалин

*Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии
И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации*

При возникновении необходимости вовлечения специальных знаний в процесс расследования уголовных дел следователь (дознатель), как правило, обращаются к лицам, обладающим такими знаниями – это эксперт и специалист. Не вдаваясь в понятийную характеристику данных участников судопроизводства, видится необходимым рассмотреть несколько моментов связанных с их правовым статусом и привлечением к процессу расследования.

Первым моментом, на который бы хотелось обратить внимание это возможность эксперта самостоятельно получать отдельные материалы для экспертного исследования.

Казалось бы, уголовно-процессуальное законодательство лишает эксперта такого права, указав в п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ на то, что эксперт не вправе «самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования». В тоже время в ч.4 ст. 202 УПК РФ законодатель наделяет эксперта таким правом, указав, что «если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы, то оно производится экспертом». Сравнив изложенное в указанных статьях уголовно-процессуального кодекса, может возникнуть вопрос, связанный с совпадением предлагаемых понятий «материалы для экспертного исследования» и «образцы для сравнительного исследования».

В уголовно-процессуальном законодательстве не конкретизируются материалы, предоставляемые эксперту. Так в п. 4 ч. 1 ст. 195 УПК РФ говорится об указании следователем в постановлении, какие материалы предоставляются в распоряжение эксперта; в ч. 1 ст. 199 УПК РФ указывается, что «... следователь направляет руководителю соответствующего экспертного учреждения ... материалы, необходимые для ...» производства экспертизы; в части 4 этой же статьи говорится о том, что, если следователь принял решение о производстве экспертизы вне экспертного учреждения, то он «... вручает ... необходимые материалы эксперту ...» и т.д. В это же время в ст. 202 УПК РФ определяется право следователя на получение образцов для сравнительного исследования у отдельных участников уголовного судопроизводства. При этом законодатель не указывает цель получения, а определяются только случаи, когда это делается – «...в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах ...». Законодатель не указывает, что образцы для сравнительного исследования относятся к материалам, необходимым для производства экспертизы. Представляется, что в данном случае он оставил эту прерогативу криминалистике, которая определяет виды (группы) материалов, предоставляемых следователем (дознавателем) эксперту при назначении экспертизы. К таким материалам относят исследуемые объекты, образцы для сравнительного исследования и материалы уголовного дела, что традиционно отмечается различными авторами:

- «такими материалами являются объекты экспертного исследования, образцы для сравнительных исследований, протоколы следственных действий и другие документы, содержащие сведения, необходимые эксперту для производства исследований и дачи заключения» [9, с. 325];
- «направляемые на экспертизу вещественные доказательства и сравнительные образцы» [10, с. 335];

• «успех проведения экспертизы во многом зависит от полноты собранных материалов, направляемых эксперту: объектов исследования ..., образцов, необходимых для сравнительного исследования ...; от материалов дела, относящихся к предмету экспертизы» [8, с. 428];

• «следователь должен предоставить в распоряжение экспертов сравнительные образцы, идентифицируемые и другие объекты, необходимые материалы уголовного дела» [11, с. 20].

Возвращаясь к указанной выше проблеме, видится, что изложенное в законе право эксперта на получение образцов для сравнительного исследования в ходе производства экспертизы вступает в прямое противоречие с запретом, содержащимся в общих положениях уголовно-процессуального законодательства. Но поскольку на настоящий момент он существует, и на практике эксперты осуществляют такие действия, хотелось высказать несколько соображений.

Одним из аспектов имеющего противоречия является вопрос процессуального оформления данного действия. В ч. 3 ст. 202 УПК РФ указывается, что «о получении образцов для сравнительного исследования следователь выносит постановление», а в последующем при завершении данное действие оформляется протоколом в соответствии с требованиями статей 166 и 167 УПК РФ. Ч. 4 ст. 202 УПК РФ гласит, что в случае получения образцов в ходе экспертизы – «о производстве указанного действия эксперт отражает в своем заключении». Как видится, весьма не равнозначное оформление. При этом в ст. 204 УПК РФ законодатель никоим образом не указывает, что совершение такого действия должно найти отражение в заключении эксперта. В федеральном законе о судебной экспертизе, при определении прав эксперта, также не указывается приводимое выше право[6].

При предоставлении указанного в ч. 4 ст. 202 УПК РФ права законодатель не определяет круг лиц, в отношении которых оно может осуществляться, видимо посчитав, что эти лица уже указаны в части первой. Но при этом не урегулирован вопрос, каким образом эксперт решит, что именно у данного лица (выделено автором), необходимо получить образцы; не определён процессуальный порядок разъяснения прав и обязанностей участникам получения образцов (делается ли это; если да, то кто это делает; где это отражается). Имеется ещё несколько вопросов, которые так же связаны с получением образцов экспертом, требующие пояснения. К числу таковых можно отнести:

• «Кто обязан следить за соблюдением прав лица, у которого будут получаться образцы?» Как видится, это должен быть эксперт, который будет осуществлять данные действия. Он должен соблюдать положения, которые

напрямую прописаны в ч. 2 ст. 202 УПК РФ, но он должен соблюдать и иные права участников уголовного судопроизводства, например, право подозреваемого и обвиняемого на участие защитника при производстве получения образцов и т.д.

- «В каком процессуальном документе участники судопроизводства должны будут отметить, что их права не были нарушены экспертом при получении образцов для сравнительного исследования?» По закону эксперт сведения о производстве (отмечено автором) данного действия «отражает в своем заключении», в п. 8 ч. 1 ст. 204 УПК РФ эксперт указывает «данные о лицах, присутствовавших при производстве судебной экспертизы».

- «Будут ли лица, у которых получают образцы присутствующими или у них будет другой статус?».

- «Кто будет нести ответственность за нарушения прав участника уголовного судопроизводства в процессе получения образцов?» Обязанность соблюдать права участников о судопроизводства не возлагается на эксперта ни уголовно-процессуальным законодательством, ни федеральным законом о государственной экспертизе[6].

В тоже время, следует отметить, что при производстве ряда экспертиз возникает необходимость в проведении экспертного эксперимента для получения объектов, которые необходимы для сравнения с исследуемыми, т.е. сравнительных образцов, например, отстрел направленного на экспертизу огнестрельного оружия для получения пули со следами полей нарезков; нанесение повреждений ножом на определённом материале и т.п. Представляется, что указанное выше положение вошло в законодательство в связи с осуществлением экспертом таких действий. Вполне логичным выглядит то, что привлечение к осуществлению таких операций следователя (дознателя) было бы необоснованным отвлечением его от процесса расследования.

Также следует отметить, что в других отраслях процессуального законодательства, где предусматривается получение образцов для сравнительного исследования, право на их получение является прерогативой субъекта, осуществляющего судопроизводства и не передаётся эксперту. В ст. 81 ГПК РФ указывается, что «суд вправе получить образцы почерка для последующего сравнительного исследования. О необходимости получения образцов почерка выносится определение суда». В ч. 1 ст. 26.5 отмечается: «Должностное лицо, осуществляющее производство по делу об административном правонарушении, вправе брать образцы почерка, пробы и образцы товаров и иных предметов, необходимые для проведения экспертизы».

Представляется, что вовлечение в процесс получения образцов для сравнительного исследования участников уголовного судопроизводства, должно быть строго регламентировано. Представляется, это может быть достигнуто путём дополнения в первом предложении ч. 4 ст. 202 УПК РФ, которая будет звучать в следующей редакции: «Если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы **и не связано с привлечением лиц, указанных в части первой настоящей статьи**, то оно производится экспертом» (выделены предлагаемые изменения).

Вторым моментом, на котором хотелось остановить внимание, это некоторый диссонанс в уголовно-правовом положении эксперта и специалиста.

В соответствии с процессуальным законодательством и эксперт, и специалист являются участниками уголовного судопроизводства, которым предоставлено возможность дачи заключения и дачи показаний. Дача заключения закреплена в правах эксперта, а дача показаний определяется невозможностью его неявки «... по вызовам дознавателя, следователя или в суд» [5. ст. 57] и логическим продолжением, изложенным в ч. 1 ст. 206 УПК РФ, где следователю предоставляется право «... допросить эксперта для разъяснения данного им заключения», правда законодатель в данной статье не наделил таким правом иных субъектов, указанных ранее. Также возможность дачи заключения и дачи показаний экспертом определяется положениями п. 3 ст. 74 УПК РФ, где и заключение, и показания допускаются в качестве доказательств.

В отношении специалиста не всё однозначно. В п. 3.1 той же 74 статьи заключение и показания специалиста так же допускаются как доказательства по делу. Но в уголовно-процессуальной регламентации его прав и обязанностей указывается только обязанность явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд без указания цели. Поскольку специалист может основывать своё заключение на совокупности собственных знаний, в отличие от эксперта, который основывает своё заключение на результатах проведённого исследования, явка специалиста в суд может иметь цель как дачи заключения, так и дачи им показаний. Но при этом законодатель в этой же статье, регламентирующей правовое положение специалиста, не наделил его правом дачи заключения. Представляется, что законодатель является не достаточно последовательным при внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство. Помимо этого обязательность явки может быть обусловлена также и выполнением действий, предусмотренных ч. 1 ст. 58 УПК РФ. Другие отрасли процессуального законодательства не предусматривают возможность специалиста давать заключение.

Из указанного выше процессуального положения, как видится, и возникают определённые противоречия в уголовно-правовом положении данных участников. Эксперт в соответствии с ч. 1 статьи 307 УК РФ будет нести уголовную ответственность за «заведомо ложные ... заключение или показание ... в суде либо в ходе досудебного производства». Положение об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения эксперта закреплено и в ч. 5 ст. 57 УПК РФ. Но при этом специалист несёт уголовную ответственность в соответствии со ст. 307 УК РФ только за заведомо ложные показания «... в суде либо в ходе досудебного производства».

Представляется очевидным тот факт, что российским законодательством не предусмотрено не только право специалиста давать заключение по поставленным перед ним вопросам, но и его ответственность за дачу заведомо ложного заключения, что является существенным пробелом в уголовном судопроизводстве.

Видится необходимым внести коррективы в действующий Уголовный и Уголовно-процессуальный закон, а именно: в ч. 1 ст. 307 УК РФ словосочетание «показания специалиста» дополнить словом «заключение» и изложить в следующей редакции: «Заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего либо заключение или показание эксперта, заключение и показание специалиста, а равно заведомо неправильный перевод в суде либо в ходе досудебного производства». Соответственно, представляется необходимым, ч. 1 ст. 58 УПК РФ после слов: «...а также для ...» дополнить словами: «... дачи заключения ...» (далее по тексту). Также дополнить ч. 3 ст. 58 УПК РФ пунктом 2.1 в следующей редакции: «Давать заключение на основе своих специальных знаний». Соответственно дополнить ч. 4 этой же статьи после слов: «...или в суд ...» словами: «...давать заведомо ложное заключение ...» (далее по тексту).

Ещё одним моментом, который необходимо отметить, является то, что в уголовно-процессуальном законодательстве не предусмотрен порядок привлечения лица в качестве специалиста для дачи им заключения. В отношении эксперта этот порядок практически не вызывает вопросов – этому посвящена глава 27 УПК РФ. Если же анализировать процессуальный статус специалиста, то он в законе прописан, а механизм привлечения лица в качестве специалиста для дачи заключения – нет. Видится необходимым проработать и закрепить данный механизм в УПК РФ (по аналогии с механизмом привлечения эксперта).

Список использованных источников:

1. Арбитражно-процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Гражданско-процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
8. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М.: Издательство НОРМА, 2000.
9. Криминалистика / под ред. А.Г. Филиппова и А.Ф. Волынского. М.: Издательство «Спарк», 1998.
10. Криминалистика: учеб. для вузов / И.Ф. Герасимов, ЯЛ. Драпкина, Е.П. Ищенко и др.; под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина — 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 2000.
11. Назначение судебных экспертиз : учебное пособие / под ред. В.Н. Карагодина. Москва : ИНФРА-М. 2024.

УДК 343.2/.7

УЧЕТ УТРАТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ ЛИЦА ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© С.Е. Суверов

Барнаульский юридический институт МВД России

Институт освобождения от уголовной ответственности прочно вошел в арсенал средств уголовной политики нашего государства. Способствуя претворению принципа экономии уголовной репрессии, от неблагоприятных последствий судимости освобождается значительное число лиц, совершивших общественно опасные посягательства. Вместе с тем, активное задействование такого исключительного по своей правовой природе института ставит перед исследователями справедливый вопрос о «границах» допустимого отступления от идеи неотвратимости уголовной ответственности (уголовно-правового воздействия).

В доктрине уголовного право принято различать между собой общие (теоретические) основания освобождения от уголовной ответственности, которые оказывают влияние на применение всех норм указанного института [7, с. 53-54], и специальные условия, которые воздействуют на реализацию конкретной нормы, прекращающей уголовное преследование лица, совершившего преступление (такие условия также могут распространяться сразу на несколько норм) [2, с. 176]. При этом, среди специальных условий относительно каждой вышеупомянутой нормы также возможно выделить одно наиболее значимое среди прочих (относительно ст. 76 УК РФ таковым является примирение с потерпевшим) [8, с. 79].

Вместе с тем, среди всех норм, на основании которых происходит освобождение от уголовной ответственности, лишь в ч. 1 ст. 75 УК РФ указывается на достижение результата в виде утраты общественной опасности лица, совершившего преступление, посредством выполнения позитивного (позитивных) посткриминального действия (явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления, возмещение ущерба или заглаживание вреда иным образом). Установка законодателем такого итога может рассматриваться и как цель реализации нормы о деятельном раскаянии, что требуется учитывать в своей деятельности правоприменительным органам при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) на основании ч. 1 ст. 75 УК РФ.

Интересным представляется тот факт, что в сравнении с диспозицией ст. 90 УК РФ, где законодатель основывается на возможном достижении цели исправления несовершеннолетнего путем принудительных мер воспитательного воздействия (исправление может быть достигнуто), в отмеченном нами случае результат уже констатируется (лицо перестало быть общественно опасным). На основании вышеизложенного, возникает вопрос о том, насколько оправдано в общем вносить такое уточнение в норму института освобождения от уголовной ответственности и в частности закреплять его только в деятельном раскаянии?

Примечательно, что Верховный Суд Российской Федерации в п. 4 постановления Пленума от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» подчеркнул, что освобождение от уголовной ответственности вследствие деятельного раскаяния может быть исполнено лишь при утрате лицом своей общественной опасности [6]. При рассмотрении специальных условий реализации отдельных норм исследуемого института допустимо сделать вывод о том, что их выполнение виновным лицом должно отражать лишь снижение общественной опасности его личности. Например, при заглаживании вреда, причиненного совершенным преступлением, примирении с потерпевшим, способствовании раскрытию и расследованию преступления виновным демонстрируется желание снизить негативные последствия от преступного посягательства, что, однако, не дает оснований констатировать полное исправление личности такого лица. Представляется спорным убеждение исследователей в том, что только точная уверенность правоприменителя в утрате лицом, совершившим преступление, общественной опасности служит условием его освобождения от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ [1, с. 17]. Необходимо заметить и то, что такая цель, как исправление виновного, поставлена перед институтом уголовного наказания, имеющим иное смысловое содержание.

В качестве аргумента в пользу выбора законодателем изложенной конструкции мог бы послужить тезис о том, что при применении нормы о деятельном раскаянии в большей степени учитываются именно интересы государства (общества), свидетельством чего является сфера ее реализации (преступления, по которым не выделяется отдельный персонифицированный потерпевший), поэтому в публичных интересах следует установить такое требование. Однако, более распространенная в практической плоскости норма о судебном штрафе (ст. 762 УК РФ) также активно используется в таких случаях, а также в ситуации, когда потерпевший отказывается примиряться с подозреваемым (обвиняемым), что искусственно расширяет сферу ее

реализации. Более того, избранная законодателем модель представляется ошибочной еще и потому, что признавая отсутствие общественной опасности личности лица, совершившего преступление, становится нецелесообразным ставить вопрос о привлечении его к уголовной ответственности. Дело в том, что прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям, к коим относятся нормы института освобождения от уголовной ответственности, влечет для лица множество различных правоограничений [5, с. 322-323].

Полагаем, что снижение (утрата) общественной опасности личности лица, совершившего преступление, является общим (базовым) основанием для норм института освобождения от уголовной ответственности, поскольку такой результат предполагается вследствие совершения виновным ряда положительных посткриминальных действий. Верной видится точка зрения А.В. Ендольцевой, которая пишет, что указание на утрату общественной опасности личности лица лишь в ч. 1 ст. 75 УК РФ вводит в заблуждение правоприменителя, который должен дополнительно установить это обстоятельство, принимая процессуальное решение [3, с. 76]. Другим фундаментальным основанием является снижение (утрата) общественной опасности совершенного преступления, что ранее ярко проявлялось в ст. 77 УК РФ (Освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки), и может быть с определенной долей условности отнесено к ст. 78 УК РФ (Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности) [4, с. 64-65].

Кроме того, включение такого дополнительного условия в диспозицию ч. 1 ст. 75 УК РФ требует придания исследуемой норме условного характера, поскольку если после освобождения лица от уголовной ответственности оно повторно совершит преступление, то констатация утраты общественной опасности личности становится недействительной, что находит подтверждение в объективных фактах.

Таким образом, дальнейшее осмысление института освобождения от уголовной ответственности должно происходить при учете того обстоятельства, что двумя общими (теоретическими) основаниями для применения входящих в него норм являются снижение (утрата) общественной опасности личности лица и (или) совершенного им преступления. Этот тезис имеет значение как для процесса конструирования новых норм исследуемого института, так и для модернизации уже имеющихся и активно применяющихся на практике. Полагаем, что сделанное законодателем уточнение в ч. 1 ст. 75 УК РФ является излишним, не позволяет правоприменителю точно установить полную утрату общественной опасности личности виновного, не согласуется с содержанием

иных норм, освобождающих от уголовной ответственности, а поэтому требует исключения из текста уголовного закона.

Список использованных источников:

1. Аввакумова О.Ю. Уголовно-правовая регламентация освобождения от уголовной ответственности : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. 22 с.

2. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : дисс. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. 396 с.

3. Ендольцева А.В. Утрата лицом своей прежней общественной опасности как условие освобождения от уголовной ответственности // Юристь-Правоведъ. 2016. № 6. С. 73-78.

4. Коробов П.В. Виды освобождения от уголовной ответственности, носящие объективный и носящие субъективный характер // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 72. С. 61-67.

5. Нечепуренко А.А. Пределы правоограничений, устанавливаемых для лиц, совершивших преступления // Российский девиантологический журнал. 2021. № 2. С. 314-325.

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 (в ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2013. 5 июля.

7. Сверчков В.В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 583 с.

8. Суверов С.Е. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности : дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 257 с.

УДК 343;34

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРИОРИТЕТА, СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

© П.Л. Сурихин

Сибирский федеральный университет

Нормами уголовного права запрещаются одни и поощряются другие общественные отношения, что обеспечивает охрану и определенное развитие всей системы общественных отношений. Данные нормы предопределены целью и задачами уголовного права. Научный интерес, в нашем случае, представляет обусловленность самих цели и задач уголовного права, то, как у них должны быть расставлены приоритеты.

Общественные отношения, складывающиеся в государстве, охраняемые уголовным правом, можно представить как сложную социальную систему, управление в которой осуществляется через сознание человека посредством информационных потоков [2]. Исходя из этого и обозначенной научной проблемы, используя процессный подход, попытаемся очень кратко описать развитие системы общественных отношений в период действия кодифицированных уголовных законов нашего государства [10; 11; 12; 13; 14], а также информационные потоки, преобладающие в ней в тот или иной период [6, 16]. Предполагаем, это позволит увидеть искомые обусловленности.

1845 год, начинает действовать первый кодифицированный уголовный закон – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Российская Империя на пике своего развития, но феодализм, вдохновляемый церковью, к этому времени уже исчерпал свой ресурс, начинается переход к капитализму, требуется свободная рабочая сила. Отмена крепостного права в 1861 г. обеспечила потенциальных рабочих для заводов и фабрик, но повлекла значительное ухудшение положения как крестьян, так и помещиков: первых согнали с земли, вторые заложили свои имения в банки. В начале 20 века крупнейшими землевладельцами являются иностранные банки и, как ни странно, церковь. Большая часть промышленности и других средств производства принадлежит иностранному капиталу, рабочие живут в нищете. У населения эмоциональный упадок.

1903 год, разработано, но не вступило в силу Уголовное уложение. Назревает, развивается кризис власти и государственного управления: Первая русская революция 1905 г., жизнь народа становится невыносимой; Первая

мировая война в 1914 г., поражение; Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г., захват власти в государстве иностранным капиталом, развал страны; Октябрьская социалистическая революция 1917 г., перехват власти в государстве большевиками, попытки решения насущных проблем народа; Гражданская война и иностранная интервенция 1918-1922 гг., страна сохранена, это повлекло эмоциональный подъем у населения, но и существенные негативные социально-экономические последствия в виде голода, нищеты, безработицы, беспризорности несовершеннолетних, разгула преступности, значительного сокращения работоспособного населения.

1922 год, оперативно вводится в действие разработанный в сжатые сроки Уголовный кодекс РСФСР. Страна начинает преодолевать разруху после Гражданской войны и иностранной интервенции: развивается государственное управление и экономика, начинает формироваться Социалистическая коллективистская система общественных отношений, образуется СССР.

1926 год, разработан и в последующем начинает действовать новый полноценный Уголовный кодекс РСФСР. В СССР активно вступают новые члены, организуется эффективная система народного хозяйства (коллективизация, индустриализация, электрификация и т.д.). Политическая борьба за власть, соперничество троцкистов и большевиков.

1945 год, Победа в Великой Отечественной войне, эмоциональный подъем, сформирован советский человек; существенное сокращение работоспособного населения в результате войны; послевоенное восстановление страны, народного хозяйства, развитие науки и образования. Эффективная борьба с преступностью.

1949 год, создание первого атомного оружия в СССР. Стабильное снижение цен на товары широкого потребления. И.В. Сталиным заложено прочное основание для будущего развития государства: лучшая Конституция СССР, всеобщее среднее образование населения, лучшая в мире высшая школа, наукограды, сформирован социалистический лагерь стран.

1957 год, запуск первого искусственного спутника Земли, произведен в СССР.

1961 год, выведен на орбиту Земли первый космический корабль с человеком на борту, гражданином СССР. Существенный прирост населения. «Хрущевская оттепель». Эмоциональная растерянность населения страны.

1960 год, разработан и принят новый Уголовный кодекс РСФСР, вступил в силу с 1961 г. По инерции продолжают развиваться сельское хозяйство, промышленность, энергетика, космонавтика, наука, образование, искусство и т.д. Отстают в развитии производство микроэлектроники, товаров широкого потребления, не развиваются услуги населению, индустрия развлечений.

«Брежневский застой», эмоциональный упадок. Создается дефицит товаров. Начинают подниматься потребительские цены. Брожения в среде интеллигенции, критика общественного строя. Горбачевские ускорение, гласность, перестройка. Глубокое непонимание населением существа происходящего. Талоны на товары первой необходимости. Нравственное разложение общества. Рост преступности. Коммунистическая партия, как системообразующий элемент общества, утрачивает свой авторитет.

1991 год, развал СССР, утрата территорий. Разрушение сельского хозяйства, промышленности, науки, образования темпами, превосходящими военный период. «Новые русские». Уныние населения. Капитализм. Гиперинфляция. Разгул преступности, беспризорности несовершеннолетних, безработицы, нищеты. Нравственное разложение личности. Существенная естественная убыль населения, миллион в год. Формируется человек-индивидуалист, атомизация общества [3].

1996 год, сложившиеся общественные отношения ставятся под охрану Уголовного кодекса РФ.

1998 год, дефолт, государственный бюджет всего 20 миллиардов долларов, за первую половину 90-х из госбюджета пропали более 90 миллиардов долларов. Засилье перекупщиков и импорта. Повсеместные невыплаты зарплат. Бесплатные поставки ресурсов за границу, практическая колонизация страны. Попытки развала РФ. В начале 21 века преступность – почти четыре миллиона зарегистрированных преступлений – против миллиона с небольшим в худшие времена советского периода [7].

2003 год, существенная редакция Уголовного кодекса РФ, основная тенденция – либерализация карательной политики государства. Вводится широкая альтернатива санкций, которые предусматривают наказания не связанные с лишением свободы. Сокращаются нижние пределы наказаний. Практика наказания стала более дифференцированной, подобно практике в период действия УК РСФСР в его ранних редакциях. Лишение свободы стало замещаться другими видами наказаний, не связанных с изоляцией от общества [8]. На фоне тотальной «монетизации» жизни и формирования нового социального типа человека [4] (зарабатывающего честным трудом кровные деньги) существенно увеличилась доля наказаний в виде штрафа и других наказаний «экономического» характера. В 2006 г. начало продолжительного спада преступности в стране.

2007 год, «Мюнхенская речь В.В. Путина», попытки восстановления суверенитета, субъектности на мировой политической арене. Некоторый экономический подъем, улучшение благосостояния населения.

2012 год, «Тектонические процессы глобальной трансформации», начало крушения однополярного мира. К 2013 г. преступность сократилась почти до двух миллионов (практически в два раза, если сравнивать с ее пиком в 2005 г.).

2014 год, возврат утраченных территорий, «Крым наш». Эмоциональный подъем населения, стабилизация его численности. Введение радикальных экономических и политических санкций Западом в отношении России. Раскручивается инфляция. Расширение НАТО на восток, угроза национальной безопасности.

2018 год, демонстрация миру российского оружия на новых физических принципах.

2021 год, «Ультиматум Рябкова», требование к странам НАТО восстановить отношения в сфере безопасности согласно международным договорённостям.

2022 год, специальная военная операция на Украине, схватка с коллективным западом на фоне тотальных экономических и других санкций с его стороны. Попытки импортозамещения, развитие национальной экономики, выстраивание разносторонних связей со странами Востока. Состояние преступности остается в районе двух миллионов регистрируемых преступлений в год. Маховик инфляции сдерживается с трудом. Незначительно растет убыль населения.

2023 год, продолжается СВО. Тянется шлейф накопленных неразрешенных проблем. Становится очевидным, что существующая система общественных отношений выработала свой ресурс и тормозит развитие страны по всем направлениям: духовное и культурное совершенствование человека; рождаемость населения; начальное, среднее, высшее образование; науку; производство и экономику в целом; государственное управление; развитие государством отношений в международной и глобальной политике. Ощущается потребность в изменении системы общественных отношений, соответственно и действующего Уголовного закона.

Так встает проблема формирования цели и задач Уголовного права. Решение данной проблемы упирается, казалось бы, в непреодолимое препятствие – пока не существует сложившейся системы самих общественных отношений, обеспечивающих эффективную деятельность государства и общества в нем. Наша ситуация в чем-то схожа с ситуацией сложившейся в 1922 г., когда новый тип только формирующихся общественных отношений требовал нового Уголовного закона. Но у нас все сложнее, не известна даже идея системы.

Давайте еще раз, но очень кратко, концептуально, опишем исторический процесс, чтобы увидеть существовавшую ранее наиболее эффективную, в нашем

контексте, систему общественных отношений и охраняющий ее Уголовный закон.

Таким образом, этот процесс поэтапно можно описать так:

1. К концу 19 века ранее эффективная феодальная система общественных отношений, формируемая церковью, образовавшая Российскую Империю и русский народ, исчерпала себя, перестала отвечать на внутренние и внешние угрозы.

2. На смену пришла капиталистическая система общественных отношений, которая уже в начале 20 века разрушает Российскую Империю как государство, русскую общину как основу, формирующую русский народ, идет интенсивный процесс атомизации общества, страна превращается в колонию Запада.

Важно понимание причин произошедшего. Капитализм как система основан на протестантской этике, суть которой «человек – песчинка в куче песка» [3; 4]. Соответственно любое общество, по мере развития капитализма в нем, рассыпается на «атомы» независимых индивидуумов, разрушая тем самым свое государство, которое в последующем обречено на обеспечение процветания капиталистической метрополии. Любое капиталистическое государство, если оно не становится метрополией, становится колонией. Капитализм без колоний – нежизнеспособная система общественных отношений. Православие, суть которого «единение в любви», в капиталистической системе – инородный объект. Тем не менее, церковь на втором этапе приспособилась к капиталистическим условиям, найдя состоятельных спонсоров, действуя экономически оправданно, но перестала быть системообразующим элементом государства и русского общества, вписалась в капиталистическое общество.

3. В октябре 1917 г. русский народ, сохранивший в себе православную этику, во главе с большевиками, но уже без церкви, пресекает капитализацию общественных отношений, создает новую систему – социалистическую – на основе которой собирает советское государство и советский народ. Данная система общественных отношений становится лучшей в мире, что убедительно доказывается будущей историей.

4. Советская система общественных отношений на своем пике развития, начиная с 60-х гг. XX века прекращает адаптационные процессы, перестает учитывать и адекватно реагировать на внутренние и внешние угрозы. Советская модель системы общественных отношений перестает быть адекватной фактически складывающимся общественным отношениям в государстве и мире, утрачивается эффективность государственного управления, международной и

глобальной политики. Дискредитирована цель социализма. Начинается новый процесс формирования капиталистической системы общественных отношений.

5. С 1991 г. социалистическая система общественных отношений полностью замещается капиталистической, что в очередной раз, как и в начале века, влечет деградацию государства и общества, распадается СССР, человек остается один, страна становится колонией. Компартия, но уже не большевики, и (снова) церковь успешно вписываются в сложившуюся систему отношений, как ни парадоксально это звучит.

6. Пережив угрозы распада уже РФ, от которого спасает страну только наличие ядерного оружия, в 2007 г., отвергая однополярный мир, Россия делает заявку на построение собственной системы общественных отношений в условиях многополярного мира, которая, к сожалению, до сих пор четко не определена и не названа [5], что затрудняет или даже делает невозможным переход от капитализма. Ко всему прочему, в 2023 г. уже становится отчетливо видно, что рушится система самого капитализма в глобальном масштабе. Таким образом, пока, мы находимся в так называемой исторической ловушке.

Оценка данных шести этапов, позволяет утверждать, что:

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных охраняло общественные отношения, связанные с переходом от феодализма к капитализму.

2. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., 1926 г. охранял построение и собственно социалистическую систему общественных отношений.

3. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. охранял отношения, связанные с переходом от социализма к капитализму.

4. Уголовный кодекс РФ охраняет общественные отношения содержанием которых является капитализм.

Так мы определили цели действовавших ранее и действующего сегодня Уголовных законов, а также обусловленность этих целей текущим процессом в системе общественных отношений. Соответственно данные цели и есть цели Уголовного права, действующего в разные периоды истории нашего государства. Стоит отметить здесь интересный факт: ни в одном из законов, за исключением Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. и 1926 г., его цели прямо не сформулированы в тексте (!). (Здесь нужно пояснить один терминологический нюанс, цель Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. и 1926 г. формально в тексте называется задачей, в то время когда в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. и Уголовном кодексе РФ задачами называются действительно их задачи.)

Становится очевидным, что из перечисленных выше Уголовных законов первый, третий и четвертый не представляют интереса для сложившейся

сегодня ситуации, поскольку охраняли переход к капитализму или сам капитализм, который выработал на сегодняшний момент свой ресурс. Кроме того, капитализм ни раньше, ни сейчас не отвечает менталитету подавляющего числа населения РФ [15].

Таким образом, оценка результатов исторического анализа методом исключения, позволила нам выделить период наиболее эффективного развития нашего государства в условиях создания и функционирования новой системы общественных отношений отвечающей чаяниям населения страны, и цель Уголовного закона на данном этапе, а также ее обусловленность.

Формально цель в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. сформулирована как «правовая защита государства трудящихся от преступлений и общественно-опасных элементов», а в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. как «охрана социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка от общественно-опасных действий (преступлений)». Ключевым моментом в обеих формулировках цели является прямое указание на то, что под охрану ставится государство трудящихся, социалистическое государство, это означает, что народ создал государство для своего развития и процветания и все нормы данного закона направлены на достижение провозглашенной цели. Цели других Уголовных законов изъяты из их текстов, таким образом скрыты смыслы уголовно-правовых норм от правоприменителя и населения страны в целом, что делает возможным решение комплекса задач данных законов, в котором каждая отдельно взятая задача вполне правильная сама по себе, вопреки интересов населения страны.

Теперь нам можно предположить, что Уголовные кодексы РСФСР 1922 г. и 1926 г., содержат описание задач Уголовного права и их приоритетов, которые по аналогии возможно будут наиболее оптимальны для современных условий. Рассмотрим их на примере Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. Отметим, в тексте данного закона задачи как категория Общей части формально не описываются, но по существу наиболее общие из них сформулированы в названиях глав Особенной части:

1. Преступления государственные (и против порядка управления).
2. Иные преступления против порядка управления.
3. Должностные (служебные) преступления.
4. Нарушение правил об отделении церкви от государства.
5. Преступления хозяйственные.
6. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности.
7. Имущественные преступления.

8. Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок.

9. Преступления воинские.

Последовательность изложения задач можно считать расстановкой их приоритетов: вначале законодатель традиционно располагает самые важные задачи. Если попытаться системно описать содержание задач и их приоритеты (применительно к цели системы, блокам управления и исполнения, ее входу и выходу) [1], то мы обнаружим полный комплекс задач Уголовного права, достаточный для охраны общественных отношений именно как системы:

1. Нормы о контрреволюционных преступлениях (часть преступлений государственных) охраняют цель системы общественных отношений – социалистическое государство трудящихся.

2. Преступления против порядка управления, должностные (служебные) преступления, преступления в сфере правил об отделении церкви от государства – охраняют блок управления системы социалистических общественных отношений.

3. Преступления хозяйственные; преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности; имущественные преступления, преступления в сфере правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок; преступления воинские – охраняют в своей основе как блок исполнения системы (государственные, общественные институты и человека как элемента их образующих), так и вход с выходом системы общественных отношений (где на входе должен быть здоровый ребенок, а на выходе советский человек, гражданин социалистического государства трудящихся).

Такой комплекс задач формирует общественные отношения как систему, а системность, согласно общей теории систем, обязательное условие эффективности деятельности совокупности элементов [1; 9].

Схожими свойствами обладают задачи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., а также Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., но с существенной разницей. Данные законы формируют два контура общественных отношений, яркий пример: оба закона имущественные отношения одних охраняют в большей степени, чем имущественные отношения других, таким образом, по всей видимости, и обеспечивают трансформацию одной системы общественных отношений в другую.

Если же задачи Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. сравнить с задачами Уголовного кодекса РФ, то они и их приоритеты будут несопоставимы (!):

1. Преступления против личности.

2. Преступления в сфере экономики.

3. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка (в том числе и здоровья населения).

4. Преступления против государственной власти.

5. Преступления против военной службы.

6. Преступления против мира и безопасности человечества.

Такой приоритет задач является прямо противоположным, подобный комплекс задач разрушает общественные отношения как систему, т.е. как эмерджентную совокупность элементов объединившихся для достижения общей цели [1], делает элемент системы важнее самой системы, которая его воспроизводит. В нем содержится нарушение основополагающих законов теории систем, что и является причиной неэффективности формируемых до недавнего времени общественных отношений [1; 9].

В качестве выводов отметим следующее:

1. Цель Уголовного права должна быть связана с охраной государства и общественного строя в нем, который должен представлять из себя систему общественных отношений, воспроизводящую максимально развитого в духовном, нравственном, умственном и физическом планах человека, без деления общества на какие-либо группы или классы. Цель Уголовного права должна обладать высшим приоритетом.

2. Задачи Уголовного права сами по себе всегда были и остаются практически неизменными.

3. Приоритет задач Уголовного права должен обеспечивать достижение цели и обусловлен системой складывающихся общественных отношений в государстве. Задачи охраны государственного и общественного управления данной системы должны находиться в приоритетном положении по отношению к задачам охраны процессов исполнения в ней, а также по отношению к задачам охраны ее входа и выхода. Иными словами, необходимые для государства, воспроизводящие человека, как элемента системы его общественного строя, семья, школа, ВУЗ, армия, трудовой коллектив предприятий, государственные и общественные организации формируются и существуют посредством управления ими, а от качества управления зависит, какими будут данные социальные институты и будут ли они вообще.

Список использованных источников:

1. Гайдес М.А. Общая теория систем (системы и системный анализ). 2005. URL: <http://www.xaoc.ru>.

2. Добренёв В.И., Кравченко В.И. Социология: учебник для высших учебных заведений по специальностям социологии. М.: Инфра-М, 2010. 623 с.
3. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. М.: Издательство Алгоритм, 2008. 483 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Курс лекций. М.: Научный эксперт, 2012. 384 с.
5. Кара-Мурза, С.Г. Не капитализм и не социализм... А что у нас? // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 2. С. 18-30.
6. История государства и права России: учебник / В. М. Курицын, С. Г. Кара-Мурза, С. А. Чибиряев. М.: Былина, 1998. 528 с.
7. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. 868 с.
8. Сурихин П.Л. Уголовное право как инструмент, формирующий закономерности общественных отношений: на примере социальных макро- и микропроцессов // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 3(11). С. 58-65.
9. Сурмин Ю.П. Теория систем и системный анализ: учеб. пособие. Киев: МАУП, 2003. 368 с.
10. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. URL: <http://hdl.handle.net/11701/17772>.
11. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. URL: <http://hdl.handle.net/11701/18246>.
12. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. URL: <http://hdl.handle.net/11701/18179>.
13. Уголовный кодекс РФ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. URL: <http://hdl.handle.net/11701/8933>.
15. Холодковский К. Общество отброшено к прежним своим убеждениям. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/02/19/ident/>.
16. История России: учебник для учителя / В.И. Якунин, В.Э. Багдасарян, С.С. Сулакшин. URL: <http://rusrand.ru/dev/uchebnik-istorii>.

УДК 343.34

ДОСРОЧНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ДЕПУТАТОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КАК АНТИКОРРУПЦИОННАЯ МЕРА БЕЗОПАСНОСТИ

© К.С. Сухарева

Сибирский федеральный университет

В Российской Федерации правовой статус депутата представительного органа муниципального образования закреплен в статье 40 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ). В том числе в указанной статье перечислены основания для досрочного прекращения полномочий депутата. Применение указанной меры может быть как следствием противоправного поведения депутата, так и следствием объективных причин: смерти, отставки по собственному желанию, признания судом недееспособным или ограниченно дееспособным и др.

В случае противоправного поведения депутата, в том числе в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения требований антикоррупционного законодательства, которое может быть связано с использованием депутатом своих полномочий и (или) статуса замещаемой должности, досрочное прекращение полномочий выступает в качестве реакции на такое поведение, что подтверждает закономерность отнесения указанной меры к антикоррупционным мерам безопасности.

В литературе под антикоррупционными мерами безопасности понимаются «меры принудительного ограничения поведения субъектов коррупции, применяемые при наличии указанных в нормативном правовом акте оснований и имеющие целью защиту общественных отношений от вредоносных коррупционных посягательств» [1, с. 65]. Являясь разновидностью родового понятия меры безопасности, антикоррупционные меры безопасности также состоят из правил безопасности и санкций безопасности.

«Антикоррупционные правила безопасности» — это специальные запреты, обязанности и ограничения, устанавливаемые в соответствующих нормативно-правовых актах в отношении физических и юридических лиц, органов государственной власти и муниципального управления и их должностных лиц и служащих с целью предотвращения возникновения и распространения коррупционных отношений» [1, с. 66].

При нарушении правил безопасности могут быть применены санкции безопасности, примером которых и является досрочное прекращение полномочий депутата представительного органа муниципального образования.

«*Антикоррупционные санкции безопасности* — это части правовых норм, в которых в качестве последствия коррупционного поведения (деятельности), нарушающего антикоррупционное правило безопасности, предусматривается ограничение возможностей продолжения такого поведения (деятельности)» [1, с. 66].

Отличительной особенностью мер безопасности является наличие непосредственной цели, основания применения, специальных субъектов, а также сроков применения и механизма реализации применения мер безопасности [6, с. 62].

Так, *целью* досрочного прекращения полномочий депутата как антикоррупционной меры безопасности является защита общественных отношений, складывающихся в процессе деятельности представительного органа муниципального образования от вредоносных коррупционных посягательств.

Учитывая то обстоятельство, что применение мер безопасности непосредственно связано с ограничением прав граждан, для их применения необходимы соответствующие основания. Традиционно в литературе выделяются следующие: социальное, нормативно-правовое, фактическое (материальное) и организационно-юридическое основания [7, с. 20].

Социальное основание применения досрочного прекращения полномочий как антикоррупционной меры безопасности заключается в возможности совершения депутатом коррупционного правонарушения, последствия которого негативно отражаются на всей системе муниципального управления.

Деятельность депутата, как члена представительного органа муниципального образования, связана с реализацией полномочий соответствующего представительного органа. В частности, депутаты принимают решения по утверждению местного бюджета и отчета о его исполнении, установлению, изменению и отмене местных налогов и сборов, определению порядка управления и распоряжению имуществом, находящимся в муниципальной собственности, утверждению правил благоустройства территории муниципального образования и др. Осуществляя указанные полномочия депутату становится известна информация различного характера, доступ к которой обычный гражданин не может иметь. Более того, преобладающая часть депутатов представительных органов муниципальных образований замещают свои должности на непостоянной основе и не получают

доход от депутатской деятельности. Зачастую в крупных муниципальных образованиях основным родом занятия таких депутатов является осуществление предпринимательской деятельности. «В этой ситуации значительно повышается риск того, что принимаемые депутатами решения будут мотивированы не законными интересами населения муниципалитета, а личными или групповыми бизнес-интересами» [5].

Средства массовой информации не раз опубликовывали информацию о коррупционных скандалах с участием депутатов представительных органов различных муниципальных образований [3]. Складывающаяся ситуация подрывает доверие граждан и способствует формированию негативного восприятия всех органов власти в целом.

Высокая степень общественной опасности коррупционных решений, принимаемых представителями народа по широкому спектру полномочий, не вызывает сомнений. Рассматриваемая мера безопасности в данном случае выступает в качестве защитного механизма общественных отношений, возникающих при реализации депутатами деятельности, связанной с осуществлением полномочий соответствующего представительного органа. Вместе с тем, учитывая ограничительный характер меры, досрочное прекращение полномочий может применяться только при наличии соответствующих оснований.

Нормативно-правовые основания досрочного прекращения полномочий депутата закреплены в статье 40 Федерального закона № 131-ФЗ, а также в статье 13.1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ).

Частью 7 статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ предусмотрена возможность досрочного прекращения полномочий депутата в случаях несоблюдения ограничений, запретов и неисполнения обязанностей, установленных Федеральным законом № 273-ФЗ, Федеральным законом от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее – Федеральный закон № 230-ФЗ), Федеральным законом от 7 мая 2013 года № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» (далее – Федеральный закон № 79-ФЗ).

В целом основания для досрочного прекращения полномочий депутата указаны в частях 10-10.2 статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ. В частности п.

10 ч. 10 ст. 40 Федерального закона № 131-ФЗ предусмотрено, что полномочия депутата могут быть прекращены досрочно и в иных случаях, установленных настоящим Федеральным законом и иными федеральными законами. Указанная норма является отсылочной к положениям статьи 13.1 Федерального закона № 273-ФЗ. Несмотря на то, что название статьи 13.1 Федерального закона № 273-ФЗ звучит как «Увольнение (освобождение от должности) лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, в связи с утратой доверия», без использования формулировки «досрочное прекращение полномочий» это не является препятствием для ее применения, так как по своей сути положения указанной статьи не противоречат положениям статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ.

Необходимо также отметить, что в случае досрочного прекращения полномочий депутата в связи с утратой доверия, в соответствии со статьей 15 Федерального закона № 273-ФЗ, сведения о применении к лицу данной меры, подлежат включению в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, сроком на пять лет с момента принятия акта, явившегося основанием для включения в реестр.

Фактическим (материальным) основанием применения досрочного прекращения полномочий депутата как антикоррупционной меры безопасности является установленный факт несоблюдения депутатом представительного органа муниципального образования ограничений, запретов, неисполнения обязанностей, установленных Федеральным законом № 273-ФЗ, Федеральным законом № 230-ФЗ, Федеральным законом № 79-ФЗ, если иное не предусмотрено Федеральным законом № 131-ФЗ.

В данном контексте важно отметить, что «применение мер безопасности в отличие от мер ответственности не связывается с необходимостью установления всех признаков состава правонарушения, поскольку основанием применения мер безопасности является наступление указанного в законодательстве юридического факта» [2, с. 335].

Соответственно, применение такой антикоррупционной меры безопасности, как досрочное прекращение полномочий, возможно в случае установления факта несоблюдения ограничений, запретов или неисполнения обязанностей, установленных Федеральным законом № 273-ФЗ, Федеральным законом № 230-ФЗ, Федеральным законом № 79-ФЗ, если иное не предусмотрено Федеральным законом № 131-ФЗ. Факт несоблюдения антикоррупционных стандартов может быть установлен двумя способами: путем

проведения соответствующей антикоррупционной проверки или без проведения таковой.

Например, если лицо, на которое возложена соответствующая обязанность, не представило сведения о доходах, расходах, об имуществе или обязательствах имущественного характера (далее – сведения о доходах), например, по причине своего нежелания собирать подтверждающие документы, необходимость проведения проверки в данном случае отсутствует. Фиксирование уполномоченным органом факта непредставления лицом сведений о доходах в установленный законом срок является фактическим основанием для применения антикоррупционной меры безопасности в виде досрочного прекращения полномочий.

В другой ситуации, если лицо в установленный законом срок представило сведения о доходах, однако появилась достаточная информация полагать, что представленные сведения о доходах являются недостоверными и (или) неполными, факт несоблюдения антикоррупционной обязанности будет устанавливаться в рамках соответствующей антикоррупционной проверки.

В соответствии с частью 11 статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ решение о досрочном прекращении полномочий депутата входит в исключительную компетенцию представительного органа муниципального образования. В тоже время, свои коррективы вносит судебная практика последних лет. Несмотря на отсутствие законодательного закрепления возможности прекращения полномочий депутата вследствие установления нарушения им требований антикоррупционного законодательства, в кассационном определении от 09.11.2022 № 46-КАД22-14-К6 Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что «принятие решения о прекращении полномочий такого лица будет находиться в компетенции суда независимо от принятых представительным органом местного самоуправления решений об отказе в прекращении его полномочий» [4]. Полагаем, что указанное определение является отражением сложившейся в правоприменительной деятельности ситуации, когда при наличии оснований, установленных в законе, представительный орган не принимает надлежащего решения. Чаще всего мотивами к тому служат партийные или иные интересы, необходимость взаимного обеспечения депутатами интересов друг друга или третьих лиц и т.д. В сложившейся ситуации, *организационно-юридическим* основанием применения рассматриваемой меры безопасности являются решение представительного органа муниципального образования о досрочном прекращении полномочий депутата и судебный акт, индивидуализирующий отношения безопасности.

Таким образом, в качестве *субъектов* применения досрочного прекращения полномочий депутата могут выступать как непосредственно сам представительный орган муниципального образования, являющийся в данном случае субъектом самозащиты, так и судебные органы.

По своему характеру досрочное прекращение полномочий депутата является *бессрочной* мерой безопасности, так как применяется в отношении конкретного физического лица в период замещения им муниципальной должности депутата представительного органа муниципального образования. Полномочия депутата досрочно прекращаются в период деятельности очередного созыва представительного органа и восстанавливаются в должности в рамках этого же созыва возможность у депутата отсутствует (за исключением случаев восстановления на основании судебного решения). В случае если полномочия депутата представительного органа муниципального образования были досрочно прекращены в рамках одного созыва, он может принять участие в избирательной кампании представительного органа следующего созыва.

Досрочное прекращение полномочий депутата представительного органа муниципального образования, как антикоррупционная мера безопасности, имеет высокий предупредительный потенциал. Ограничение доступа лица до осуществления им властных полномочий позволяет обеспечить антикоррупционную безопасность общественных отношений, складывающихся при реализации полномочий представительного органа муниципального образования. Возникающие у правоприменителей вопросы, связанные с порядком, основаниями ее применения, требуют дальнейшего предметного изучения.

Список использованных источников:

1. Антикоррупционные меры безопасности : монография / под ред. Н.В. Щедрина, И.А. Дамм. М.: Проспект, 2020. 496 с.
2. Дамм И.А. Антикоррупционные меры безопасности в избирательном процессе // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2006. № 6. С. 331-336.
3. Депутату вынесли приговор за коррупцию на 3,2 млрд. руб. URL: <https://pravo.ru/news/242240/>.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.11.2022 № 46-КАД22-14-К6. URL: <https://consultant.ru>.

5. Сухарева К.С. Основные характерные черты коррупции в представительных органах муниципальных образований: криминологический аспект // Право и политика. 2021. № 9. С. 102-117.

6. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск : Красноярский государственный университет, 1999. 180 с.

7. Щедрин Н.В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности : лекция. Красноярск : Красноярский гос. ун-т, 2006. 26 с.

УДК 340.1:342.7

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

© И.В. Тепляшин

Сибирский федеральный университет

Необходимость развития и укрепления механизма взаимодействия государства и институтов гражданского общества является очевидным. Подобное взаимодействие выстраивается в трех основных направлениях: участие граждан и их объединений в управлении делами государства посредством соответствующих форм демократии, взаимный диалог между государством и обществом в вопросах выработки и проведения государственной политики, осуществление общественного контроля со стороны самой общественности в отношении государственных структур.

В сфере развития российской общественной и правовой жизни можно наблюдать динамичность правовых технологий и востребованность правовых средств, используемых при взаимодействии государства и гражданского общества. Разнообразие правовых средств и соответствующих форм организационно-правовой деятельности со стороны общественных институтов позволяет создать гармоничную модель государственно-частного партнерства, обеспечить осуществление взаимных социально полезных стремлений и интересов государства и общества, укрепить законность и правопорядок, гарантировать права и свободы человека и гражданина.

В свою очередь природа правовых средств сегодня исследуются достаточно интенсивно, формируются определенные идеи их развития и соответствующие концептуальные правовые теории, обусловленные отраслевыми подходами [1,

с. 4-8]. При общем рассмотрении под правовым средством следует понимать правовые установления, организационно-правовую деятельность субъектов права, направленную на достижение социально полезных, правомерных целей, получение юридически значимого практического результата в вопросах реорганизации правовой действительности и обеспечения прав и свобод человека и гражданина. При этом в юридической науке имеет место установление индивидуального правового регулирования как специальной формы правоприменительной деятельности и правового средства в системе правового регулирования как его важнейшего элемента, обусловленного социальным назначением и объектами общественной жизни, на которые они нацелены [2, с. 5-8]. По нашему мнению, индивидуальное правовое регулирование обеспечивает укрепление законности и правопорядка в обществе, диагностирует состояние прав и свобод человека и гражданина. В этом контексте можно установить статус индивидуального правового регулирования как правового средства. Представляется, что в данном вопросе значимым выступает не только технико-юридические, информационные, организационно-управленческие результаты теоретико-правового осмысления механизма правового регулирования, но и его соотношение с институтом правового воздействия. Особого внимания требует сущностное определение данных категорий, их значение в развитии общественного и государственного сотрудничества.

В современных условиях можно выделить конституционно-правовое средство, которое понимается как система конституционного законодательства, совокупность актов органов государства и общественных структур, практика конституционного правосудия, обеспечивающее в своем единстве реализацию государственными и негосударственными субъектами своих задач, функций и интересов в правовой жизни и политической системе.

При этом взаимный диалог государства и гражданского общества характеризуется устойчивостью и системностью реализации правовых средств, которые, в свою очередь, предполагают первичность и фундаментальность взаимодействия основных субъектов политической системы, предоставляют гражданам и общественным объединениям наиболее широкую возможность участвовать в управлении делами государства, укреплении конституционного правопорядка, развитии демократических механизмов и институтов гражданского общества.

Применительно к исследуемому вопросу можно обозначить следующие группы правовых средств.

1. Конституция Российской Федерации, закрепляющая правовые возможности реализации гражданами и их объединениями своих публичных интересов и стремлений в сфере государственного управления. Необходимо признать особое значение Конституции России в регулировании демократических отношений и отметить ее ведущую роль в укреплении принципов демократии, создании условий широкого участия граждан и общества в управлении государственными делами.

2. Федеральное и региональное законодательство, которое обеспечивает качественное состояние государственно-частного партнерства, интенсивность законотворческой работы, устранение пробелов и коллизий в сфере демократии, а также формирует необходимые условия для реализации демократических институтов с учетом национально-культурных, социально-экономических и иных особенностей развития каждого региона и муниципального образования страны.

3. В организационно-правовом отношении к правовым средствам следует отнести формы демократии: демократические выборы, референдум, обращения граждан, публичные мероприятия (собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования), создание объединений и профессиональных союзов и т.д. Перспективными формами демократии выступают: законодательная инициатива граждан, факультативные опросы граждан, наказания избирателей, обязательные отчеты депутатов перед избирателями.

4. Общественные объединения, политические партии, общественные ассоциации и союзы, формирование и деятельность которых направлены на взаимодействие общественности, ее отдельных групп и сообществ с государственными органами, прежде всего, законодательными и исполнительными.

5. Институт общественного контроля, обеспечивающий не только выявление нарушений российского законодательства со стороны соответствующих органов власти и должностных лиц, но и установление конструктивного, системного диалога общественников с государственными органами и учреждениями, а также совместную выработку общих и специальных механизмов данного сотрудничества в контексте политического, конфессионально, территориального разнообразия [3, с. 2-6], что указывает на высокую социальную емкость и перспективность развития данного правового института.

6. Информационно-правовые средства, выраженные в создании и реализации системы информирования общественности о возможностях ее

включенности в управленческие отношения, участия в государственных мероприятиях, осуществлении собственных инициатив и предложений.

7. Правовая культура также способная выступить качественным правовым средством, обеспечивающим намеренность и инициативность граждан в доведении до государственных органов своей политической и электоральной позиции. В этом плане отмечается зависимость состояния правовой культуры в сфере демократических выборов от уровня явки избирателей, признания легитимности выборной кампании, эффективности деятельности избирательных комиссий [4, с. 97-100], что указывает на комплексность данного правового средства, а также обусловленность от объективных обстоятельств и практики функционирования государственных и общественных институтов.

Данный перечень, безусловно, не является исчерпывающим и показывает общее направление формирования системы правовых средств, обеспечивающих взаимодействие государства и гражданского общества.

Представляется, что исследуемые правовые средства с учетом их значимости и практики реализации можно разбить на соответствующие группы.

Основные средства – это нормативный правовой массив, который обеспечивает реализацию форм демократии: демократические выборы, референдум, обращения граждан, публичные мероприятия (собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования), создание объединений и профессиональных союзов.

Дополнительные (вспомогательные) средства – это не только нормативные правовые акты федерального уровня, но и соответствующие акты регионального уровня, а также необходимые решения органов местного самоуправления, которые, в свою очередь, обеспечивают реализацию таких институтов как общественный контроль, народная инициатива, отзыв депутатов представительных органов, факультативный референдум и пр.

Специальные средства – это исключительные способы реализации демократии (конференция граждан, союзы и ассоциации субъектов общественного контроля, территориальное общественное самоуправление, партийный праймериз и др.), которые, как показывает практика их реализации, претворяются в правовой жизни недостаточно системно и повсеместно. В данном случае можно говорить о том, что в качестве специального правового средства может выступать индивидуальное правовое регулирование как система приемов и способов осуществления правового воздействия на демократические процессы со стороны негосударственных структур.

Стоит обратить внимание на феномен правового воздействия, под которым понимается системное образование, обладающее такими свойствами как

открытость, сложность и динамичность своего развития, обеспечивающее гарантирование прав человека [5, с. 47-49]. В этом плане под индивидуальным правовым регулированием можно понимать правовое средство регулятивного свойства, и, соответственно, определить место в системе правового воздействия. Возможно в такой системе можно установить реальную роль индивидуального правового регулирования, его функции, назначение и тактику действия. Соотношение индивидуального правового регулирования и правового воздействия, их конструктивное объединение может быть переложено на механизм взаимодействия гражданского общества и государства.

Можно говорить о том, что при наличии организационно-правового, информационного, управленческого сопровождения со стороны законодателя, государственного аппарата и центральных общественных институтов те или иные демократические формы взаимодействия государства и общества могут приобрести устойчивый характер. При этом практическое действие правовых средств обеспечивается правовой активностью граждан и общественных объединений, стабильностью и предсказуемостью законодательных решений, наличием единства политических взглядов государства и общества.

В итоге стоит отметить особое значение правовых средств в осуществлении права граждан на управление делами государства и формировании конструктивного диалога государства и общества. Научное осмысление механизма конструирования правовых средств способно определить качественную характеристику формирования правового государства и укрепить основы гражданского общества.

Список использованных источников:

1. Дудкин А.Б. Обязательные требования и правовые средства их оценки в механизме регулятивной политики // Мониторинг правоприменения. 2021. № 1 (38). С. 4-9.
2. Минникес И.А. Правовые средства индивидуального правового регулирования // Академический юридический журнал. 2010. № 2 (40). С. 5-9.
3. Гриб В.В. Проблемы и тенденции развития правовых основ общественного контроле: пять лет спустя // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 2-6.
4. Макарецев А.А. К вопросу об электорально-правовой культуре и социально-правовых средствах ее повышения // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 2 (16). С. 92-105.

5. Берг Л.Н. Теория государства и права о правовом воздействии // Право и управление. XXI век. 2018. № 1 (46). С. 43-53.

УДК 343.85

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАРКОТРАФИКА ОПИОИДОВ В РЕГИОНЕ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О
КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

© П.В. Тепляшин

*Сибирский юридический институт МВД России
Сибирский федеральный университет*

Тревожные тенденции в сфере существования опиоидных наркоугроз по-прежнему сохраняются. При этом считается, что планетарным центром производства наркотиков опиоидного происхождения выступает территория Афганистана. Так, в Докладе Международного комитета по контролю над наркотиками за 2022 год указывается, что «в 2022 году потенциальный объем производства опия в Афганистане составил 6200 тонн (2021 год – 6800 тонн), эта страна определенно остается мировым лидером по незаконному культивированию опийного мака и производству опия. Однако в 2022 году площадь посевов опийного мака увеличилась до 233 тыс. га (на 32%), это на 56 тыс. га больше, чем за аналогичный период прошлого года. Таким образом, в 2022 году зафиксирован третий по величине показатель площади культивирования опия с момента начала мониторинга в 1994 году [1]. Как справедливо указывает Е.С. Пустовойт «Пятый год подряд в Афганистане производство превышает 6 000 тонн. Такое количество опия можно переработать примерно в 270–320 тонн чистого героина или в 390–650 тонн героина экспортного качества. При этом в 2021 году объём производства опиума здесь вырос на 8 %. Наркопроизводители опиатов афганского происхождения снабжают этими наркотиками 85 % всех потребителей героина в мире» [3, с. 122].

Необходимо констатировать, что продолжается широкомасштабное культивирование опийного мака и производства опия в Афганистане, несмотря на объявление фактическими властями запрета на культивирование опийного мака, а также производство, использование, транспортировку, экспорт и импорт других наркотических средств и торговлю ими в стране.

Международная (транснациональная) наркопреступность на всем пространстве ответственности ОДКБ тесно связана с геополитическим расположением государств – членов ОДКБ и сопряжена с продолжающимся активным движением афганских наркотиков по всем основным направлениям до их конечного поступления на территорию России:

– по «северному маршруту» – через Таджикистан. Данный маршрут по-прежнему остается одной из ключевых транзитных зон перевозки афганских наркотиков (по данному маршруту переправляется в зарубежные страны около 10% наркотиков, произведенных на территории Афганистана). Далее направления наркотрафика в Российскую Федерацию пролегают через территории Республики Кыргызстан и Республики Казахстан;

– значительная часть опия и героина из Афганистана переправляется через территории Пакистана и Индии (по «южному маршруту»), а также через Иран и Турцию (по «балканскому маршруту»), откуда налажены морские и воздушные каналы доставки в Европу;

– активизация использования «балканского маршрута», и в первую очередь такого его ответвления как «северно-причерноморский маршрут» или «закавказское ответвление балканского маршрута», который проходит через территорию Ирана, страны Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия), акваторию Черного моря, а также Болгарию и Украину, незначительно через территорию Турции.

Поставки контрабандных партий героина из Афганистана в Российскую Федерацию через территорию Таджикистана, Киргизии и Казахстана продолжают этнические преступные группировки. Наркобизнес имеет заинтересованность также в поставках в Россию гашиша афганского происхождения, но объемы данного вида наркотика несопоставимы с масштабами поступления героина.

Как результат наблюдается усиление вовлеченности мигрантов в организованную наркопреступность. В 2022 году увеличилось на 73,2% (с 1464 до 2536) число иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших наркопреступления в групповых формах на территории Российской Федерации, в том числе на 71,3% (1918) – в составе группы лиц по предварительному сговору, на 59,1% (479) – организованной группы, в 3,2 раза (139) – преступного сообщества.

Риски поступления наркотиков через регионы Центральной Азии непосредственно связаны с ситуацией в Афганистане, где по имеющимся данным увеличились посевные площади опийного мака. Кроме того, идет рост

производства и распространения психоактивных веществ амфетаминовой и метамфетаминовой групп.

Для контрабанды и распространения подконтрольных веществ в России по-прежнему используются возможности транспортных компаний, коммерческие грузоперевозки автомобильным транспортом, а также почтовая связь и услуги курьерских служб.

Противодействие опиоидным наркоугрозам, в том числе за счет реализации активных правоохранительных мер компетентными органами государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности привело к снижению в 2022 году в регионе количества зарегистрированных наркопреступлений (за исключением Кыргызской Республики, где число наркопреступлений выросло на 34,7%, и Республики Армения, в которой рост составил 47%). В Республике Беларусь количество зарегистрированных наркопреступлений уменьшилось на 3,4%, в Республике Казахстан – на 5,3%, Российской Федерации – на 1,1%, Республике Таджикистан – на 2,6%.

Также наблюдается снижение числа лиц, являющихся потребителями опиоидных наркотиков. Так, по состоянию на 1 января 2023 года на учете в специализированных медицинских учреждениях Минздрава России и ФСИН России находилось 450,1 тыс. наркопотребителей, что незначительно превышает (на 0,1%) данные 2021 года. При этом сохраняется тенденция снижения доли (2020 год – 53,6%, 2021 год – 51%, 2022 год – 48,5%) потребителей опиоидов в структуре лиц с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» при одновременном росте удельного веса потребителя с зависимостью от других видов наркотиков и их сочетаний (полинаркомании).

Обозначенные криминологические аспекты наркотрафика опиоидов в регионе ответственности государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности и его отдельных последствий свидетельствуют о наметившихся положительных тенденциях в данной области правоохранительной деятельности. Однако наркоситуация с распространением опиоидных наркотиков в отмеченном регионе продолжает оставаться достаточно существенной и представляет реальную угрозу для социального благополучия. Во многом указанная положительная тенденция обязана международному сотрудничеству в сфере оборота наркотиков как одному из направлений Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, которое подробно рассматривается С.М. Мальковым [2, с. 52-53].

Таким образом, важным криминологически значимым выводом является целесообразность всемерной реализации профилактических антинаркотических

мер на фоне существующей угрозы афганского наркотрафика в Российскую Федерацию и другие государства-члены Организации Договора о коллективной безопасности.

Список использованных источников:

1. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2022 год (E/INCB/2021/1). URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1683862219&tld=ru&lang=ru&name=E_INCB_2022_1_rus.

2. Мальков С.М. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: характеристика, тенденции, недостатки // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 1 (42). С. 51-56

3. Пустовойт Е.С. Незаконный оборот наркотиков в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности как самостоятельный вид преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 120-126.

УДК 343.848 : 343.851.5

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ МОДЕЛИ ПРОБАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
ОСВОБОЖДАЕМЫХ ИЗ МЕСТ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА: ПРОШЛОЕ,
НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

© П.В. Тепляшин

*Сибирский федеральный университет
Сибирский юридический институт МВД России*

Перспективы создания действенных механизмов пробационных отношений, охватывающих несовершеннолетних преступников, оказавшихся в сложной жизненной ситуации и имеющих соответственные потребности, удовлетворение которых требует активизации общественных и государственных институтов, всегда были актуальным объектом отечественной практикоориентированной деятельности и теоретического анализа. Ретроспективный срез исследования данной области научно-практических изысканий демонстрирует существование различных моделей пробации

несовершеннолетних лиц, освобождаемых из мест изоляции от общества. По существу, речь идет о так называемой постпенитенциарной пробации. Причем весь исторический мост таких изысканий позволяет провести определенную связь между различными подходами к организационно-правовому построению постпенитенциарной пробации несовершеннолетних правонарушителей. В некотором смысле итогом построения всего субинститута пробации выступает принятие Федерального закона от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон).

Именно комплексный взгляд, базирующийся на взаимосвязанном понимании исторических и современных особенностей работы с подростками и молодыми людьми, оказавшимися в сложной жизненной ситуации и освобождаемых(енных) из мест лишения свободы, позволяет предложить ряд моделей пробации несовершеннолетних лиц, освобождаемых из мест изоляции от общества. Каждая из этих моделей обладает определенным теоретическим обоснованием и спецификой организационно-правовой природы, эволюция их появления и трансформации ориентирует исследователя на поиск наиболее оптимальной модели, которая отвечала бы требованиям современности и обладала прочным зарядом конструктивности в будущем.

Представляется возможным изложить и кратко охарактеризовать следующие ювенальные пробационные модели.

Модель семейно-патриархального патроната. Так, в конце XIX – начале XX вв. в соответствии Уставом Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов функционировали ремесленно-земледельческие колонии, на которые возлагалась задача «последующего попечения над питомцами по выходу их из заведения» [3, с. 25]. Реализацию соответствующих мер сопровождал «строгий режим присмотра, четкий распорядок дня, неоднобразная посильная трудовая деятельность, духовные назидания, постоянный надзор и личное влияние директора, священника, мастеров. Причем данный инструментарий должен был способствовать выработке у воспитанника осознания того, что нарушение законодательства и религиозных установок, недобросовестное отношение к труду и окружающим, противоречит Божественному учению, воле Государя и собственному человеческому достоинству» [2, с. 30]. Данная модель имеет яркий исторический «окрас», соответствующий социально-экономической и духовно-нравственной действительности 19 столетия, поэтому её сложно подвергать соответствующей критике.

Отдельно можно выделить *модель приютов*, институциональное появление которой можно связать с изданием в 1866 году Правил об

исправительных приютах. Данная модель существовала исключительно на основе общественной инициативы, в том числе земской и церковной, но правоустанавливающий статус приютов утверждало Министерство внутренних дел. Причем как правило продолжительность нахождения несовершеннолетнего в приюте определялась не судом, а администрацией исправительного учреждения, из которого он освобождался, что видится достаточно спорным с позиций реалий сегодняшнего дня.

Модель коммуны несовершеннолетних, получившая частичное развитие в первые десятилетия советского государства в рамках функционирования детских трудовых коммун. В основном данная модель была ориентирована на лиц, оставленных для продолжения обучения в школьном комбинате и получения профессиональных навыков в производственных (мастерских) цехах. Бесспорным достоинством данной модели выступает её приемлемость в условиях высочайшего уровня детской беспризорности, экономического кризиса и мобилизационного подхода к социализации подростков.

Модель службы пробации, которая активно обсуждалась на страницах научной юридической печати [5, с. 187-188] и до сих пор является предметом пристального теоретического анализа. Например, М.В. Богданов выдвигает следующий тезис: «нужен государственно-общественный институт – служба пробации (и/или законодательный механизм, который консолидирует работу определенного нами ранее института), ориентирующийся на благополучную социальную адаптацию осужденных подростков в постпенитенциарный период» [1, с. 19]. Главная причина несостоятельности данной модели состоит в отсутствии необходимых экономических возможностей. Так, еще в 2011 году в связи с поручением Президента Российской Федерации от 10 мая 2011 года № Пр-1293 подготовленный пакет законопроектов о пробации в Российской Федерации, предполагающий создание Федеральной службы пробации, потребовал годового финансирования в 65 млрд. рублей, что не позволило его принять. Именно по этой причине оптимистичные взгляды исследователей о целесообразности создания службы пробации в Российской Федерации [7] остались лишь научной иллюзией.

Модель использования существующей системы учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Так, Е.Н. Шатанкова и Н.В. Петров пишут: «Говорить о создании отдельного органа исполнительной власти на федеральном уровне сложно, если учитывать все затраты, требующиеся для воплощения этого варианта создания службы пробации. Остается идти по другому пути – реформировать существующие органы уголовно-исполнительной системы... именно уголовно-исполнительные инспекции, специализируясь на

исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы и контролем за поведением условно осужденных, как нельзя лучше понимают психологию лиц, которые адаптируются к окружающей действительности через свое исправление» [9, с. 187-188]. Необходимо возразить данному мнению, поскольку на уголовно-исполнительные инспекции возложена исполнительная пробация, которая, согласно п. 2 ч. 1 ст. 5 Федерального закона, является видом probation, представляющим собой совокупность мер, применяемых уголовно-исполнительными инспекциями [sic!] в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (за исключением осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, и принудительным работам), и иных мер уголовно-правового характера. Исходя из общего содержания Федерального закона становится понятно, что постпенитенциарная пробация реализуется далеко не только с использованием организационных усилий уголовно-исполнительных инспекций и, более того, не может быть реализована с помощью только возможностей учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Модель освобождения от отбывания наказания. Безусловно, данная модель может быть подвергнута радикальной критике. Ведь пробационные отношения не только шире и содержательнее нежели отношения, возникающие при освобождении лица от отбывания наказания, но и имеют несколько иную юридическую природу относительно оснований их появления. В этой связи сложно согласиться с мнением В.А. Терентьевой, которая указывает что «пробация предполагает освобождение от уголовного наказания несовершеннолетних под определенным условием. Указанный вид освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних весьма схож с условным осуждением, существующим в УК РФ» [8, с. 117].

Модель принудительных мер воспитательного воздействия. Однако вызывает дискуссию мнение, согласно которому «ПМВВ близки по своему содержанию к институту probation... Принудительные меры воспитательного воздействия по своей сути схожи с пробационными мерами и органично вписываются в институт probation как его разновидность в отношении несовершеннолетних» [6, с. 123, 125]. В настоящее время принудительные меры воспитательного воздействия не могут претендовать на значительную эффективность, но это не говорит о необходимости повышать их результативность за счет интеграции в институт probation. Думается, что только отдельные элементы принудительных мер воспитательного воздействия могут быть подвергнуты такой интеграции. Ведь сущность probation

несовершеннолетних состоит в социально-правовой амортизации негативных последствий реализации уголовного наказания и сопутствующих ему условий окружающей действительности. Тогда как принудительные меры воспитательного воздействия не являются уголовным наказанием, а традиционно рассматриваются (по крайней мере с позиций действующего уголовного законодательства) как иные меры уголовно-правового характера.

Модель задействования институтов координации, общей и специальной профилактики правонарушающего поведения несовершеннолетних, которая предполагает соответствующую работу комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, учреждений социального обслуживания, социально-реабилитационные центры, образовательные организации, центры социально-психологической помощи молодежи, её профессиональной ориентации и трудоустройств, молодежные клубы и иные учреждения органов по делам молодежи, органы службы занятости, подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, а также иных субъектов. При общей положительной оценке данной модели все же нельзя не заметить её определенную «рыхлость», то есть отсутствие некоего организационного стержня. Не случайно в ст. 27 Федерального закона закрепляется, что в целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, могут создаваться центры пробации. Следовательно, законодатель рассчитывает на определенную централизацию этой деятельности, её организации вокруг ведущего субъекта реализации пробации. Кстати, в юридических исследованиях обращается внимание на том, что при дальнейшей оптимизации пробации в отношении несовершеннолетних лиц «следует обратить внимание на недопущение дублирования полномочий органов власти» [4, с. 65], что, конечно же, свидетельствует о существовании фактов такого «дублирования».

Таким образом, особенности правовой природы постпенитенциарной пробации несовершеннолетних правонарушителей даёт возможность утверждать наличие значительной вариативности рассмотренных моделей, а также признать социально обусловленным процессом систематизации и унификации всей организационно-правовой архитектуры данного субинститута, что выразилось в принятии Федерального закона от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

Список использованных источников:

1. Богданов М.Н. Социальная реабилитация и адаптация несовершеннолетних осужденных в условиях воспитательной колонии // Уголовно-исполнительная система: история и современность: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. Псков: Псковский филиал Университета ФСИН России, 2023. С. 18-20.

2. Горбунова М.М. Постпенитенциарное сопровождение лиц, освобожденных из мест заключения (на примере деятельности исправительной ремесленно-земледельческой колонии Владимирской Губернии конца XIX – начала XX вв.) // Профессиональное юридическое образование и наука. 2023. № 1. С. 28-32.

3. Земледельческие колонии и ремесленные приюты как воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и бедных детей. Санкт-Петербург: Комитет Общества земледельч. колоний и ремесл. приютов. 1870. 30 с.

4. Огурцова М.Л. Перспективы создания в России системы пробации для несовершеннолетних // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2016. № 2. С. 60-65.

5. Садовникова М.Н. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных: вопросы институционализации в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы // Сибирский юридический вестник. 2010. № 2 (49). С. 116-121.

6. Сержкина М.А. Принудительные меры воспитательного воздействия как элемент института пробации в РФ // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 2 (18). С. 122-127.

7. Старостин С.А., Анискина Н.В. Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2. С. 204-212.

8. Терентьева В.А. Перспективы внедрения пробации как вида освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 1. С. 113-118.

9. Шатанкова Е.Н., Петров Н.В. Служба пробации несовершеннолетних в России: понятие, особенности, перспективы внедрения // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права: сборник научных статей. Выпуск 4. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 185-190.

УДК 342.571

ОБ ИЗУЧЕНИИ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РФ, СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РФ, А ТАКЖЕ СТРУКТУРЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК НЕОБХОДИМОМ ЭЛЕМЕНТЕ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ НЕЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

© **О.Ю. Тушко**

Сибирский федеральный университет

В ходе практических занятий, посвященных понятиям «государство», «государственные органы» и «органы местного самоуправления», проводимых в рамках изучения дисциплины «Правоведение» со студентами 2 курса Сибирского федерального университета (неюридических специальностей), было обнаружено незнание и непонимание студентами системы органов государственной власти Российской Федерации, системы органов государственной власти Красноярского края, а также структуры органов местного самоуправления в городе Красноярске. Учащиеся не смогли перечислить названия федеральных и краевых государственных органов, а также органов местного самоуправления города Красноярска, пояснить их роль в государстве, отличия друг от друга, не говоря уже о статусе, компетенции, порядке формирования. Единственными известными им лицами являются Президент Российской Федерации и Губернатор Красноярского края, но, конечно же, без характеристики их места в системе органов власти. Также оказалось, что крайне малое количество студентов приняли участие в выборах, проходивших с 8 по 10 сентября 2023 года.

Предположительно ни возраст, ни гражданство, ни занятость, ни отсутствие регистрации не могут являться основными причинами низкой избирательной активности, так как занятия проходили в самом начале учебного года среди студентов 2 курса, достигших совершеннолетия, в абсолютном большинстве являющихся гражданами России, не первый год проживающих на территории города Красноярска. Можно предположить, что незнание и непонимание студентами системы органов государственной власти Российской Федерации, системы органов государственной власти Красноярского края, а также структуры органов местного самоуправления в городе Красноярске, является одной из основных причин низкой избирательной активности в студенческой среде. Действительно, какая может быть заинтересованность у лица, осуществляющего выбор, в избрании кого-то на должность или в орган с неизвестными ему

полномочиями и неясным для него статусом. Отсутствие понимания роли и значимости конкретных государственных органов и органов местного самоуправления провоцирует безразличное отношение к процессу выборов и нежелание приходить на избирательные участки и голосовать.

Изучение студентами неюридических специальностей в рамках дисциплины «Правоведение» или иной близкой по содержанию дисциплины системы органов государственной власти Российской Федерации, системы органов государственной власти субъекта Российской Федерации (на примере конкретного региона), а также структуры органов местного самоуправления (на примере конкретного муниципального образования) может способствовать появлению заинтересованности в результатах проводимых выборов и усилению избирательной активности молодежи.

Предлагается в рамках обозначенных дисциплин целенаправленно знакомить студентов с Конституцией Российской Федерации, уставами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, а также иными нормативными документами, регламентирующими деятельность перечисленных выше органов. Большинство из указанных правовых актов общедоступны, так как, во-первых, легко находятся в Интернете, а, во-вторых, изложены понятным языком (без специальных терминов и сложных оборотов), поскольку рассчитаны в том числе и на граждан без юридического образования, что в целом значительно упрощает процесс их изучения. Разъяснение статуса, порядка избрания или назначения, компетенции, стоящих перед ними задач и реализуемых функций будет способствовать формированию высокого уровня правосознания молодого поколения, что в итоге отразится на правовой культуре отдельной социальной группы населения, а в перспективе – конкретного региона и страны в целом.

Предположение о наличии другого источника получения обозначенной выше информации кроме специальной дисциплины о государстве и праве обоснованно. Не в каждой семье есть лица, компетентные в данных вопросах, а если и есть, то не всегда сложившиеся отношения между членами семьи предполагают продуктивно-познавательное общение по государственно-правовым вопросам. Молодежная среда, где большинство субъектов также не владеют знаниями о государственных и муниципальных органах, не восполнит пробелы. Самостоятельный поиск в Интернете информации часто приводит к устаревшим, субъективным и не вполне юридически грамотным комментариям. Иные источники получения информации (телевидение, печатные издания) не пользуются популярностью у студентов, а также освещают сугубо узкие вопросы

или конкретную проблематику, что не дает комплексного и системного понимания.

Согласно ст. 3 Конституции РФ народ является единственным источником власти в Российской Федерации и осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, а также имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, участвовать в референдуме (статья 32 Конституции РФ). Не все граждане (особенно молодежь) осознают в полной мере свою роль и значимость в осуществлении власти, а зачастую просто не знают о предоставленных им Основным законом нашей страны правах. Неудивительно, что вопрос «кому Президент Российской Федерации при вступлении в должность приносит присягу» вводит студентов в заблуждение. Крайне редко указывается народ. В большинстве случаев называются депутаты Государственной Думы, судьи Конституционного суда Российской Федерации и даже Президент Российской Федерации, прекративший исполнение полномочий. Такие ответы учащихся и низкая электоральная активность свидетельствуют о как бы самоисключении их из властеотношений. Нет осознания себя частью того народа, которому принадлежит власть.

Правовая культура общества зависит, прежде всего, от уровня развития правового сознания населения, то есть в том числе, насколько информировано в правовом отношении население, его социальные, возрастные, профессиональные и иные группы [1, с. 331]. Следовательно, правовое воспитание имеет огромное значение для формирования правового сознания населения, а значит и уровня правовой культуры. Ознакомление студентов неюридических специальностей с основами конституционного строя, организацией государственной власти и местного самоуправления в рамках дисциплины «Правоведение» или иной близкой к ней по содержанию следует назвать в качестве одного из способов такого информирования. Системность изложения, использование теоретических знаний и творческой составляющей являются его существенными достоинствами, позволяющими обеспечить ясное и полное понимание организации власти.

Таким образом, изучение системы органов государственной власти Российской Федерации, системы органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также структуры органов местного самоуправления

следует рассматривать в качестве необходимого элемента правового воспитания студентов неюридических специальностей. Разъяснение возможностей непосредственного участия в формировании отдельных органов и правовых последствий данных действий будет способствовать возникновению заинтересованности в участии в выборах. В свете низкой электоральной активности молодежи можно говорить об особой актуальности и востребованности данного компонента в обучении для формирования высокого уровня правосознания и правовой культуры студентов в частности, а в дальнейшем и всего населения в целом.

Список использованных источников:

1. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М.: Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1997. 570 с.

УДК 342.5

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

© **О.Ю. Тушко**

Сибирский федеральный университет

Анализ категории «государственная власть» применительно к российской правовой науке следует начинать с трудов правоведов дореволюционной России. На рубеже XIX-XX вв. были сформулированы идеи, не потерявшие своей актуальности и в наши дни. А.С. Алексеев, Ф.Ф. Кокошин и Н.М. Коркунов уделили большое внимание раскрытию содержания данного понятия.

Так, Ф.Ф. Кокошин отмечал, что «только человек, который стоит в известных отношениях к другим людям, воля которого находится в определенном отношении к воле других лиц, может иметь власть... Власть не есть воля, а известное отношение одной воли к другой, господство одной воли над другой, - это и есть в прямом, непосредственном смысле слова власть» [3, с. 189-190]. Его утверждения о социальном характере власти и обязательном наличии подчинения подвластного субъекта властвующему полностью соответствуют современным представлениям.

А.С. Алексеев определял государственную власть как искусственно организованную волевою силу, приспособленную к охранению принудительного порядка в пределах данного государства [1, с. 34; 2, с. 146]. считая ключевым словом в определении – слово «сила». Однако такой подход является односторонним, поскольку не учитывает возможность и важность убеждения без применения силы, а также такую первоочередную задачу как регулирование отношений. «Искусственно организованная и приспособленная к охране принудительного порядка сила» является обязательным составляющим элементом власти, но не единственным способом достижения требуемого результата.

Нельзя не обратить внимание на то, что А.С. Алексеевым была отмечена важная особенность государственной власти: «она одна создает нормы для своей деятельности, она одна ставит границы для этой своей деятельности, и обязательность этих норм и этих границ имеет свое основание только в ее воле. Она, другими словами, безусловно свободна, она в своих действиях следует исключительно своей воле и никакой чужой воли над собой не признает, и в этом исключительном самоопределении заключается существенный признак юридической власти государства» [2, с. 147]. Следовательно, в данном утверждении речь идет о независимости, верховенстве государственной власти, исключительно о ее самоограничении, поскольку только сама власть в состоянии ограничить себя. Н.М. Коркунов также указывал на возможность ограничения государственной власти правом - самоограничение через выработку юридических норм, учитывающих целесообразность, различные интересы и сознание зависимости [5, с. 261-263].

Не оставался без внимания и порядок реализации государственной власти - через специально созданные для этого органы государственной власти. А.С. Алексеев указывал, что «государственная власть есть обусловленное государственной организацией право государственных органов повелевать» [1, с. 51]. Особо отмечается, что право повелевать основано не на личных качествах, а на установленных нормах (правилах): «Люди или группы людей, образующие государственные органы, повелевают не в силу присущего им естественного превосходства, а в силу того права повелевать, которое за ними закрепил правовой порядок» [1, с. 48]. Порядок образования (назначения) и деятельности, полномочия государственных органов определяются соответствующими правовыми актами, реализация государственной власти осуществляется в рамках регламентированных процедур. Роль, значение и место органов государственной власти определены следующим образом: «Если государство живет, действует, а следовательно, и властвует только через свои органы, если

оно повелевает и принуждает только через них, то и не существует государственной власти, пока не существует организации, то есть правового порядка, определяющего устройство государственных органов, порядок их призвания, пределы и формы их деятельности» [1, с. 49].

Для правильного определения понятия «государственная власть» нужно руководствоваться следующими словами Н.М. Коркунова: «...в действительности государственное властвование не фикция, не методологический прием, а совокупность реальных явлений, а потому и научное объяснение понятия государственной власти должно относиться не к фикции юридической конструкции, а к властвованию, как особой группы реальных явлений общественной жизни» [6, с. 10]. Может быть, поэтому и существуют другие подходы к определению понятия «власть».

Так, Ф.Ф. Кокошин указывал: «...слово «власть» употребляется еще и в переносном смысле, а именно, властью называется не только отношение воли известного лица к воле другого лица, но и субъект той воли, которая господствует над волей другого» [3, с. 190]. Исходя из этой логики происходит отождествление государственной власти с ее органами, через которые фактически власть реализуется. Допустимо и еще более узкое понимание. Например, Н.М. Коркунов писал о возможном отождествлении в литературе государственной власти с волею конкретных правителей, даже если речь идет об особой высшей воле, но практически проявляющейся в велениях и действиях тех же правителей государства [5, с. 242].

Большинство вышеперечисленных положений соответствует современным подходам к пониманию власти. Так, А.И. Королев и А.Е. Мушкин отмечали, что «понятие власти следует рассматривать в двух аспектах, ибо подобно каждому явлению власть представляет собой единство внутреннего содержания (волевой акт – «навязывание воли», передача воли властвующего подвластному) и внешнего проявления («подчинение» – руководство действиями и поступками людей, управление людьми)» [7, с. 16]. Данный подход более полно раскрывает суть понятия «власть», так как указывает не только на наличии волевого подчинения во властеотношениях, но и на цели властного воздействия.

В.М. Корельский дает определение власти как единства воли и силы определенной социальной общности, надлежащим образом оформленного в соответствующих институтах [4, с. 8]. Иначе воля без силы не становится властью, поскольку не реализуется.

Подводя итог, можно обозначить следующее. Все перечисленные подходы определяют понятие «власть» через господство (доминирование) одной воли над другой, т.е. видят суть явления в подчинении подвластного субъекта

властвующему. Однако в современный период дополнительно указывается, что власть — это единство внешней формы, выражающейся в управлении, и внутреннего содержания, представляющего суть данного явления (передача воли от государственно-властного субъекта подвластному лицу) [8, с. 39]. Сила указывается в качестве обязательного компонента, поскольку обеспечивает исполнение велений правящего. Органы государственной власти и конкретные должностные лица или правители являются предметно-материальным (физическим) олицетворением власти. Через них происходит реализация власти.

Список использованных источников:

1. Алексеев А.С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль: Типография Губернского правления, 1910. 122 с.
2. Алексеев А.С. Русское государственное право. Конспект лекций. М.: Типография об-ва распространения полезных книг, 1897. 584 с.
3. Кокошин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1912. 306 с.
4. Корельский В.М. Теоретические проблемы социалистической государственной власти и демократии : автореф. дисс. на соискание уч.ст. д.ю.н. Свердловск: Свердл. юрид.инст-т, 1972, 38 с.
5. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С.-Пб: Издание юрид. книж. магазина Н.К.Мартынова, 1908. 364 с.
6. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т.1. Введение и общая часть. С.-Пб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1899. 574 с.
7. Королев А.И., Мушкин А.Е. Государство и власть // Правоведение. 1963. № 2. С. 15-26.
8. Митин С.С. Государственная власть: понятие и закономерности организации: монография. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2005. 144с.

УДК 343.268

ОСНОВАНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

© Е.А. Федорова

Сибирский федеральный университет

Применение принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ) к лицам, указанным в ст. 97 УК РФ, не является срочным и зависит от психического состояния больного. Вместе с тем, уголовным законом установлены сроки обязательного освидетельствования таких лиц комиссией врачей-психиатров, в результате которого принимается решение о продлении, изменении или прекращении ПММХ.

Общее основание для изменения одного вида ПММХ на другой является отпадение необходимости применять ранее назначенную меру и необходимость в назначении иной принудительной меры медицинского характера (ч. 3 ст. 102 УК РФ). Значит при сохранении оснований применения ПММХ, указанных в ст. 97 УК РФ, отпадают основания применения конкретного вида ПММХ и возникают основания для назначения их нового вида (в соответствии со ст. 99-101 УК РФ). Изменение ПММХ обеспечивает применение судом наиболее эффективных мер для излечения психически больных лиц и обеспечения безопасности общества от их опасного поведения [1].

Необходимость в изменении ПММХ может возникнуть как в случаях улучшения психического состояния лица, так и в случаях его ухудшения. В тоже время ухудшение психического состояния лица не всегда является критерием для назначения более строгой принудительной меры.

Основным критерием для изменения ПММХ является опасность лица, при возрастании которой применяется более строгий вид ПММХ, а при уменьшении – более мягкий вид принудительных мер.

ПММХ после их назначения судом должны продолжаться до тех пор, пока здоровье больного не позволит сделать вывод об улучшении его психического состояния и снижении общественной опасности для себя и для окружающих до такой степени, когда представляется возможным изменить вид ПММХ или вообще отменить их.

Однако такая возможность отсутствует при изменении ПММХ в соответствии с ч. 2 ст. 104 УК РФ, где предусмотрено специальное основание для изменения ПММХ, соединенных с исполнением наказания. Согласно данной

норме принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях, назначенное судом лицам, осужденным за преступления, совершенные в состоянии вменяемости, но нуждающимся в лечении психических расстройств наряду с наказанием, не может быть заменено на принудительное лечение в стационарных условиях даже в случае ухудшения его психического состояния при котором возрастает его общественная опасность. В такой ситуации при изменении психического состояния осужденного лица, требующем лечения в стационарных условиях, помещение осужденного осуществляется в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, или иную медицинскую организацию в порядке и по основаниям, которые предусмотрены законодательством в сфере охраны здоровья, то есть в соответствии с Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 № 3185-1 [2]. По сути это обычная психиатрическая больница, оказывающая психиатрическую помощь в стационарных условиях на общих основаниях, и не связанная с принудительным лечением, где контроль за осужденными, страдающими психическим расстройством не осуществляется. Данная норма также не учитывает особенности психического состояния при которых может потребоваться неоднократное изменение вида ПММХ, что является возможным только в случае применения таких мер по основаниям пунктов «а», «б» ст. 97 УК РФ.

К примеру, гр. Н. (неоднократно судимый за хищения), страдающий параноидной шизофренией, был признан невменяемым в отношении совершенного им общественно опасного деяния (п. «г», «д» ч.2 ст. 161 УК РФ) и направлен на принудительное лечение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа. Вместе с тем, психическое состояние больного характеризовалось проявлением агрессии по отношению к больным и медперсоналу, стремлением к побегам (попытки он неоднократно реализовывал), в результате чего гр. Н. представлял особую опасность для себя и других лиц. Это потребовало изменения ПММХ на более строгую меру – принудительное лечение в медицинской организации, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением. Через два года психическое состояние больного Н. улучшилось, и суд вновь изменил ПММХ на принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа, а еще через год – на

принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа [3, с. 60].

К лицам, осужденным за преступления, совершенные в состоянии вменяемости, но нуждающимся в лечении психических расстройств, не исключающих вменяемости, в том числе лицам, указанным в п. «д» ч.1 ст. 97 УК РФ такой возможности для изменения вида ПММХ законодатель не предусмотрел и в случае ухудшения психического состояния, требующем лечения в стационарных условиях, осужденный помещается в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь на общих основаниях, предусмотренных законодательством в сфере охраны здоровья, что делает невозможным достижение целей ПММХ (ст. 98 УК РФ): излечение или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения им новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ. В результате возрастает риск повторного совершения преступления такими лицам.

Таким образом, хотелось бы обратить внимание на необходимость дифференциации ПММХ в отношении лиц, осужденных за преступления, совершенные в состоянии вменяемости, но нуждающихся в лечении психических расстройств, не исключающих вменяемости, в том числе лицам, указанным в п. «д» ч.1 ст. 97 УК РФ, поскольку при изменении им ПММХ также необходимо учитывать их опасность для себя и окружающих, при возрастании которой применять более строгий вид ПММХ.

Список использованных источников:

1. Шпынова Е.В. Принудительные меры медицинского характера: теоретические и правоприменительные проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4.

2. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании : закон Российской Федерации от 02.07.1992. № 3185-1 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Федорова Е.А. Принудительные меры медицинского характера в уголовном законодательстве Российской Федерации : учебное пособие. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021.

УДК 34.096

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В СТЕНАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ

© Д.А. Фицай

Сибирский федеральный университет

Организация работы обучающегося в юридической клинике (далее также – студент, клиницист) сопряжена с его взаимодействием как с клиентом, обратившимся к нему за помощью, так и с куратором (лицом, направляющим развитие правовой мысли обучающегося в целях повышения его профессиональных навыков).

Выстраивание процесса обучения, в результате которого клиницист достигает основные цели по повышению собственной правовой компетентности, требует представителей юридической клиники (в том числе, кураторов обучающегося) анализировать фактические данные клиента, обратившегося к студенту за оказанием квалифицированной правовой помощи. Тем самым, и куратор, и студент погружены в исследование правовых данных, необходимых для решения правовой проблемы или удовлетворения правового интереса клиента, обратившегося к клиницисту.

Таким образом, чем выше степень изучения дела представителем юридической клиники, тем больше вероятности правильного направления правовой мысли студента, оказывающего бесплатную юридическую помощь клиенту, обратившемуся в юридическую клинику.

Результатом взаимодействия куратора и клинициста является не только качественное оказание бесплатной юридической помощи клиенту, но и формирование профессиональных навыков обучающегося в юридической клинике. Помимо этого, юридические клиники способствуют повышению уровня правового сознания и правовой культуры обучающегося.

Справедливо отмечали И.В. Гусева и С.М. Кочетова, что одно из направлений деятельности юридической клиники - правовое просвещение, которое в современном мире является важнейшей составляющей правового воспитания [2, с. 95]. Кроме того, в ходе специальной подготовки в юридической клинике, обучающиеся приобретают также и необходимые коммуникативные навыки для работы с клиентами [1, с. 206].

По нашему мнению, в числе основных (профессиональных) навыков следует считать способности студента по:

- интервьюированию клиента, обратившегося за получением бесплатной юридической помощи путем получения юридически значимой информации по обстоятельствам дела;

- анализу дела в целях выявления фактической и доказательственной базы, необходимой для правовой квалификации дела;

- выработке позиции по делу;

- составлению юридических документов, решению практических казусов и др.

Кроме того, обучающийся в юридической клинике должен обладать и факультативными навыками, которые также необходимо развивать при оказании бесплатной юридической помощи:

- судебные навыки (в том числе, представление интересов клиентов в суде);

- навыки ораторского искусства, в том числе публичных выступлений;

- навыки в области медиации и переговоров.

Обучение навыкам интервьюирования, консультирования, анализа дела и выработки позиции по делу, юридического письма, а также изучение профессиональной этики и основ психологии общения – то, без чего не представляется возможным становление профессионального юриста.

Вместе с тем, во время интервьюирования клиента у студента-клинициста возникают сложности в выявлении юридически значимых фактов, имеющих правовое значение для разрешения дела по существу.

Учитывая, что клиент, зачастую, не ориентируется в правовых основаниях, которые обосновывают его фактические спорные обстоятельства, он вынужденно сообщает клиницисту и те обстоятельства, которые значения для дела могут не иметь, а значимые юридические факты не освещает. То есть, при анализе жизненных ситуаций в различных сферах студент-клиницист должен выделить юридические факты, с которыми будет работать при подготовке правовой консультации или составлении правового документа (например, иска, жалобы, заявления).

С одной стороны, для студента-клинициста это представляется проблематичным при подготовке консультации, поскольку недостаток фактических данных, имеющих значение для дела, снижает эффективность его работы.

С другой стороны, это стимулирует студента к более тщательной работе на этапе интервьюирования клиента, обратившегося за правовой помощью.

Еще одной проблемой, с которой может столкнуться клиницист является несогласованность позиций между клиентом, обратившимся за правовой помощью и студентом-клиницистом. При этом студент - клиницист должен знать

и понимать, что при оказании бесплатной юридической помощи недопустимо готовить консультацию или проект правового документа без внутреннего согласования с позицией, к которой он пришел. Это, казалось бы, стимулирует студента к самостоятельной работе, а также к «оттачиванию» навыков, необходимых для профессиональной юридической деятельности.

В связи с этим задача наставника (куратора) заключается в необходимости корректировки деятельности студента-клинициста в направлении выстраивания правовой линии защиты. Причем излишняя эмоциональность, порой присутствующая у клиента, может сбить направление правовой работы студента, поэтому обучающийся в юридической клинике должен быть нацелен на формирование своих личных компетенций (в том числе, организационных, коммуникативных и иных навыков), при помощи которых он сможет достичь правового роста.

Таким образом, самоорганизация, самостоятельный поиск и знания, имеющиеся у студента – клинициста – неизбежность в процессе оказания бесплатной юридической помощи клиентам, обратившимся в юридическую клинику.

К тому же, недостаток в знаниях, который может иметь место при оказании правовой помощи клиентам, должен быть восполнен либо студентом-клиницистом самостоятельно, либо при помощи куратора-наставника. При этом в задачи куратора не может входить обязанность предоставить готовые ответы на задаваемые студентом-клиницистом вопросы.

Безусловно, правовая помощь оказывается исключительно под контролем наставников-кураторов. А задачей студента-клинициста является обязанность предоставить правовые результаты по изучаемому делу, согласовать позицию с наставником (содержание устной консультации или проект письменного документа). В то время как куратор-наставник должен направить процесс работы студента в нужном правовом направлении.

В результате, такое взаимодействие куратора - наставника и студента – клинициста являются совместным трудом, целью которого выступает оказание квалифицированной юридической помощи.

По мнению С.В. Нарутто, стимулирование студентов к самостоятельному добыванию и применению знаний в процессе разрешения дела клиентов – необходимость [3]. Кроме того, автор совершенно справедливо отмечает, что внедряемые методы обучения в клинике позволяют в большей мере приблизиться к модернизации профессионального юридического образования, поскольку интерактивные методики направлены на развитие у студентов профессиональных умений и навыков юриста.

Подводя краткий итог проведенному исследованию, следует отметить, что студент-клиницист, оказывающий бесплатную квалифицированную юридическую помощь в стенах юридической клиники должен быть инициативным, организованным и дисциплинированным человеком, а развитие профессиональных навыков – задача, решаемая в процессе оказания помощи клиентам под руководством куратора-наставника.

Список использованных источников:

1. Брыжинская Г.В., Кочнева М.Н. Практико-ориентированное обучение студентов (на примере работы юридических клиник) // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : материалы XII Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Тольятти: Волжский университет им. В. Н. Татищева, 2015. С. 205-208.

2. Гусева И.В., Кочетова С.М. Юридическая клиника как основа формирования профессиональных компетенций будущих юристов // Вестник РМАТ. 2022. № 3. С. 94-96.

3. Нарутто С.В. Образовательные технологии в юридической клинике // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 7 (32). С. 907-916.

УДК 343.34

АЛГОРИТМ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТАНОВКИ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

© Н.А. Хакимов

Сибирский федеральный университет

Осмотр места происшествия является сложным следственным действием. Процесс исследования ее обстановки зависит от категории преступления, и она напрямую влияет на специфику его производства. Это связано не только с особенностями применения тактических приёмов, но и технико-криминалистических средств, поскольку они позволяют глубже проникнуть в сущность события, собрать больше информации.

Надо сказать, что окружающий нас мир находится в постоянном движении и изменении. Понятие «пространство» фиксирует момент относительно устойчивого целостного состояния предметов. Факт изменения предмета осуществляется исследованием относительно устойчивого состояния предмета и

в начале, и в конце того или иного процесса изменения (движения). Изменение предмета – это, в конечном счете, и есть последовательность чем-то отличающихся друг от друга относительно устойчивых состояний данного предмета независимо от того, на основе каких форм движения (механической, физической, химической, биологической и др.) они возникли в исследуемом пространстве. Если исходить из того, что в мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени, то в основе обстановки места происшествия лежит пространственно-временная структура. Потому что, любое изменение материальных объектов в пространстве связано с изменением временных параметров и наоборот. Структурная зависимость системы «пространство - движение - время» выступает в качестве структурной связи в процессе постоянно сменяющихся состояний материя.

Данное положение применимо и в криминалистике, где исследование обстановки места происшествия осуществляется через анализ движения (изменения) элементов обстановки. При этом выявляются различия между относительно устойчивым состоянием объектов и относительно устойчивым состоянием объектов изменившихся, а также раскрываются те стадии, через которые они прошли в процессе изменения.

Необходимо отметить, что вероятность познания обуславливается не только отражательной способностью сознания следователя, то есть гносеологическим отражением, но и отражательной способностью самих материальных объектов, которые находятся на месте происшествия

Событие преступления как материальный процесс, в котором наглядно проявляется динамика действий преступника в пространственно-временной структуре места происшествия отражается в различных формах и на разных уровнях.

Надо отметить, что «структура» отражает форму расположения элементов и характер взаимодействия их сторон и свойств. Элементы структуры взаимодействуют друг с другом только определенными сторонами, свойствами. Она также имеет сложную систему горизонтальных и вертикальных структур. Горизонтальная структура отражает специфическую взаимосвязь элементов системы, вертикальная — связь элементов с источником своего существования (вещественным, энергетическим, информационным). Структура является итогом организации, упорядочения, и она существует определенное время в относительно качественно неизменном виде. И обстановка места происшествия также представляет собой целостный, структурно организованный в пространстве и времени материальный объект, имеющий систему

сосуществующих объектов, которые обладают присущие им размерами, расстояниями между ними и другими характеризующие их элементами.

Исследование обстановки места происшествия с позиции информационного и системно-структурного подхода, каждый предмет, отображение, явление изучаются не сами по себе, а как элементы сложной специфической системы, имеющей свое содержание, развитие и ограниченной во времени и пространстве. Сначала изучаются наиболее простые элементы, затем - более сложные; сначала изучают сами элементы, затем - связи между ними; при этом сначала изучают более простые связи, затем - более сложные. Если обстановку места происшествия представить в виде взаимосвязанных элементов, то можно выделить такой элемент, как пространственное положение места происшествия во взаимосвязи с граничащими его объектами. Исследование данного элемента позволяет установить некоторые обстоятельства произошедшего события, например, откуда могли наблюдать очевидцы, где могли быть установлены камеры видеонаблюдения и т.д. К следующему элементу обстановки места происшествия необходимо отнести следы, которые возникли в связи с преступным событием. Это самый сложный и трудоемкий для исследования объект. Здесь следователь применяет как тактические приемы, так и технико-криминалистические средства. Как отдельные элементы обстановки места происшествия можно выделить следы, которые возникли естественным или иным путем и ту часть обстановки, которая не подверглась изменениям при совершении преступления.

В связи с этим, необходимо выделить следующие задачи исследования обстановки места происшествия:

- получить представление об общем виде места происшествия: его расположении, границах и пространственной протяженности, назначении помещения или участка местности;
- установить, какие объекты находятся на месте происшествия и что они собой представляют, выдвинуть предположения о причинах появления или отсутствия на месте происшествия тех или иных объектов;
- зафиксировать положение объектов на месте происшествия и их взаиморасположение, т.е. установить их пространственные отношения друг с другом и выявить отклонения от обычного для данной ситуации характера этих пространственных отношений;
- установить временные связи и отношения объектов.

Если рассматривать исследование обстановки места происшествия с точки зрения познавательной деятельности, то любая познавательная деятельность может быть успешной только тогда, когда выбор средств познания

осуществляется в соответствии с особенностями объекта, условиями, в которых проводится осмотр места происшествия.

Пространственное положение места происшествия в зависимости от вида преступления несет значительную информационную нагрузку о произошедшем событии. В тактическом плане данный компонент изучается в процессе обзорной стадии. Основная цель ее состоит в выявлении пространственной структурной связи не только внутри системы, но и вне. Естественно, что усилия следователя при этом будут направлены, в первую очередь, на обнаружение следов; во вторую - на выявление их взаимосвязи с другими объектами, следами. При этом, последовательно шаг за шагом устанавливают по возможности все элементы структуры места происшествия в пределах границы, а если возникнет необходимость, то и за его пределами.

В познавательную структуру осмотра места происшествия входят: моделирование, измерение и описание. Однако в этот комплекс еще входят тактические приемы, которые способствуют реализации познавательной структуры, поскольку тактический прием — это научно обоснованная рекомендация о наиболее оптимальном поведении, способе действия следователя, разработанная с учетом типичных ситуаций производства следственных действий в создании эффективных условий подготовки, организации выявления, собирания и оценки доказательственной информации.

Как показывает практика, познавательные возможности осмотра места происшествия не могут быть реализованы в полной мере лишь посредством тактических приемов. Сюда необходимо включить комплекс технико-криминалистических средств. Основная цель применения технических средств при осмотре места происшествия заключается в том, что: во-первых, в процессе практической деятельности человек реализует посредством техники те функции, которые он не в состоянии реализовать в силу ограниченности своих возможностей или не может выполнить с необходимой эффективностью; во-вторых, в силу особенностей уголовно-процессуального познания информация, полученная при производстве данного следственного действия должна закрепляться так, чтобы другие участники уголовного процесса могли ознакомиться.

Таким образом, применение системно-структурного подхода в процессе осмотра места происшествия существенно повышает его эффективность.

УДК 343.91

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ МОШЕННИКА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

© Е.А. Харина

Красноярский государственный аграрный университет

Современный этап развития общества характеризуется тотальной цифровизацией всех сфер жизни общества. При этом, наряду с многочисленными положительными тенденциями цифровая реальность настоящего времени таит в себе немало рисков, таких как виртуализация социума, уязвимость состояния защиты различного рода информации. Происходящие трансформации общества в целом неминуемо отразились на состоянии преступности [5, с. 38], где отчетливо наметились тенденции «переполюсации» в сторону совершения преступлений посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий. Удельный вес таких преступлений от общего количества зарегистрированных преступных деяний продолжает расти и, по состоянию на июль 2023 года, составил 32,9 %. В результате, вопросы предупреждения, выявления, раскрытия и расследования таких преступлений в настоящее время являются одними из наиболее актуальных в сфере борьбы с преступностью в целом.

Как известно, эффективность расследования любого преступления во многом зависит от имеющегося объема информации относительно структурных элементов криминалистической характеристики преступления, в которой личность преступника занимает одну из ключевых позиций.

Изучению личности преступника посвящены труды многих выдающихся ученых, чем обусловлено существование различных формулировок данного понятия. Большинство из них довольно ёмкие и различаются в зависимости от многообразия проявляемых аспектов.

Так, В.В. Лунеев, под личностью преступника понимает «человека, виновно совершившего уголовно наказуемое деяние, обладающего совокупностью социальных криминологически значимых свойств, которые во взаимодействии с криминогенными факторами внешней среды обусловили преступное поведение» [3, с. 24].

По мнению Ю.М. Антоняна, «личность преступника выступает в качестве совокупности социально значимых негативных свойств, образовавшихся в

процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми» [1, с. 80].

В целом, видится, что суть преступника, как явления в целом, заключается в осуществлении какого-либо воздействия на другую структуру посредством подчинения своей воли. Наряду с единым образом рассматриваемого явления, в зависимости от конкретного вида преступной направленности, личность типичного преступника имеет свои характерные отличительные особенности. В силу преимущественного совершения мошенничества в сфере компьютерной информации совместно с рядом других сопутствующих преступлений, целесообразно рассматривать личность таких преступников в едином аспекте [6, с. 54].

Проведенное исследование показало, что одной из наиболее существенных отличительных особенностей преступников рассматриваемой категории является нацеленность не на личностные ориентиры и качества потерпевшего, а на техническую возможность совершения преступного деяния. В целом, в социуме принято выделять следующие характерные отрицательные черты внешнего отображения социального поведения специалистов в сфере компьютерных технологий, в большей степени имеющие отношение к лицам преступной направленности:

- низкий уровень либо отсутствие патриотизма;
- пренебрежительное отношение к физическому труду, в частности к осуществлению трудовой деятельности, требующей серьезных физических усилий и в целом к лицам, имеющим рабочие специальности;
- ограниченный круг общения, не высокий уровень социального взаимодействия и адаптации, основной причиной которых являются частичная виртуализация жизнедеятельности человека, подмена ценности человеческого общения на виртуальное;
- низкий уровень моральных принципов, отсутствие каких-либо сожалений о характере и размере причиняемого вреда;
- уверенность в своей исключительности и безнаказанности, стремление к интеллектуальному доминированию [6, с. 55].

В научной среде существуют различные взгляды на классификацию преступников в сфере компьютерной информации.

Так, Н.П. Яблоков выделяет следующие группы таких преступников: профессиональные взломщики компьютерных сетей и программ, занимающиеся созданием и распространением вредоносных программ-вирусов; лица, имеющие разного рода психические отклонения, страдающие компьютерными фобиями; профессиональные взломщики компьютерных сетей

и программ – члены ОПГ, занимающихся преступным бизнесом в сфере компьютерной информации [7, с. 360].

В.В. Коломинов таких преступников предлагает разделять на:

1. профессиональных субъектов преступной деятельности («хакеров», «компьютерных злоумышленников»), которые являются программистами высшего класса (IT-специалистами) и работают либо с уже реализованными программами, либо придумывают уникальные программы самостоятельно;

2. непрофессиональных субъектов преступной деятельности (могут иметь специальное образование или относятся к «самоучкам»). Которые, в свою очередь, подразделяются на продвинутых и уверенных пользователей [3, с. 69].

Проведенное исследование, выразившееся в изучении судебно-следственной практики, обобщении мнений различных экспертов позволили сделать вывод о наличии существенных отличительных черт личности между компьютерными специалистами различного уровня профессионализма:

1. «Матерые», высококвалифицированные специалисты. Такие преступники обладают незаурядными познаниями в сфере компьютерной информации. Как правило, сами являются разработчиками высококвалифицированных компьютерных программ, к объектам преступного посягательства относятся избирательно. Нередко интерес к сфере информационных технологий проявляют с раннего возраста. Одним из ярких представителей такого рода специалистов является Константин Козловский, который еще в детстве стал победителем конкурса веб-страниц, а в последствии стал лидером легендарного хакерского преступного сообщества, ущерб от деятельности которого составил порядка 1,2 млрд. рублей. 14 февраля 2022 года члены данного преступного сообщества были осуждены ст. 159.6, ст. 272, ст. 273, ст. 210 УК РФ, к наказаниям от 5 лет 1 месяца до 14 лет лишения свободы;

2. Опытные преступники. Компьютерные специалисты такого уровня, как правило, сами не являются разработчиками высококвалифицированных компьютерных программ, однако могут с высокой степенью профессионализма их использовать, вносить свои коррективы. Примером деятельности специалистов такого уровня являются различные модификации опубликованного исходного кода троянской программы Zeus;

3. Специалисты среднего уровня. Характеризуются обладанием познаниями в сфере информационных технологий на уровне уверенных пользователей. Отношение к преступной деятельности в данной сфере характеризуется устойчивой увлеченностью;

4. «Бытовые», «случайные» компьютерные преступники. Характеризуются наличием невысокого уровня познаний в сфере компьютерной информации.

Специалистам такого уровня присуща большая степень неуверенности в своих действиях и в их результате, наличие страха быть изобличенными. При общении в социуме преобладает эмоциональность, амбициозность, невысокий психологический уровень развития [6, с. 56].

Как известно, наибольшую общественную опасность представляют преступления, совершаемые в группе лиц, а также различными ОПГ и ОПС. Проведенное исследование позволило выделить наиболее распространенную типовую структуру таких преступных объединений: лидер, его заместители, различного рода исполнители.

Лидер. Как правило, сведения о его личности тщательно законспирированы и известны только заместителям, либо очень ограниченному количеству лиц. Преимущественно лидерами являются высококвалифицированные специалисты в сфере информационных технологий, которые сами являются разработчиками соответствующих компьютерных программ, либо имеют такого высококвалифицированного специалиста из числа своих заместителей. Лидер является обладателем незаурядными организаторскими способностями и генератором различных идей по осуществлению преступной деятельности.

Заместителями организатора преступного объединения, в зависимости от характера осуществляемой деятельности могут быть как один, так и несколько человек. В функции таких специалистов, как правило, входит подбор и руководство исполнителями, а также курирование определенного направления реализации преступного умысла.

Анализ судебно-следственной практики показал, что, как правило, лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности, являются именно рядовые исполнители исследуемых преступлений, которые преимущественно не обладают подлинной информацией об организаторах преступлений. В состав преступного объединения могут входить различного рода исполнители: «дропы» (подставные лица для осуществления определенных функций), программисты, системные администраторы, тестировщики, взломщики, заливщики, прозвонщики [2, с. 45] и др.

Полагаем, что знание особенностей личностей преступников в сфере компьютерной информации, позволит правоприменителям скорректировать процесс расследования и повысить его эффективность посредством выбора соответствующей тактики проведения следственных и иных действий.

Список использованных источников:

1. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 388 с.
2. Гаспарян Г.З. Расследование хищений денежных средств, совершенных с использованием информационных банковских технологий: дис. канд. юрид. наук. М.:, 2020. 300 с.
3. Коломинов В.В. Расследование мошенничества в сфере компьютерной информации: научно-теоретическая основа и прикладные аспекты первоначального этапа: дис. канд. юрид. наук. Иркутск, 2017. 211 с.
4. Лунеев Л В. Курс мировой и российской криминологии. В 2 томах. Т. 1 Общая часть. В 3 кн. Книга 3: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2023. 413 с.
5. Харина Е.А. Некоторые аспекты квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2022. № 6. С. 38-41.
6. Харина Е.А. Личность типичного преступника, совершившего мошенничество в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2023. № 9. С. 53-57.
7. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2009. 399 с.

УДК 342

**О РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ПУБЛИЧНОСТИ В
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАЛАТ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© А.П. Червинская

Московский государственный гуманитарно-экономический университет

Современные условия цифрового и информационного общества являются принципиально новыми для функционирования двухпалатной системы народного представительства [1, с. 104].

Понятие «публичность» является одним из ключевых в современной конституционно-правовой науке и в юридической науке в целом. При многообразии толкования термина «публичность» необходимы более точные критерии, которые позволяли бы охарактеризовать с научной точки зрения категорию «публичность» применительно к парламентской деятельности [5, с. 203].

Полагаем, что парламентская деятельность должна быть «публичной», прежде всего, в том смысле, что она призвана соответствовать запросам общества, ожиданиям избирателей и быть направленной на реализацию наиболее важных публичных интересов [2, с. 18]. Это требование распространяется на деятельность каждой из палат парламента, хотя реализация принципа публичности в их функционировании может быть осуществлена дифференцированным образом [4, с. 99]. Так, сенаторы Российской Федерации не могут встречаться с избирателями в избирательных округах, потому что их мандат представительства обусловлен волеизъявлением законодательных и исполнительных органов субъектов Российской Федерации, а также (в случае кооптации), волей Президента Российской Федерации. Депутаты Государственной Думы, напротив, несут публичную обязанность взаимодействия с электоратом, даже если соответствующие избиратели в ходе выборов голосовали за другую партию или за других кандидатов. Парламент обязан осуществлять перманентный мониторинг общественного мнения и, одновременно с этим, участвовать в его формировании.

Анализируемая функция имеет множественные формы реализации и выражения, при этом следует учитывать необходимость разграничения формально-бюрократического и сущностного подходов. В первом случае сенатор или депутат выполняют свои обязанности публичного взаимодействия с обществом, главным образом, вследствие предписаний конституционно-правовых норм процессуального характера, которые обязывают их к осуществлению соответствующих действий (периодичность встреч с избирателями, работа в избирательных округах, выступления в СМИ) под направляющим воздействием конституционно-правовой санкции либо вследствие наличия соответствующего публично-правового обязательства. Во втором случае, парламентарии проявляют личную заинтересованность и инициативу, используя наиболее подходящие для этого методы и средства. Каждый из этих подходов к организации публичности парламентской деятельности имеет сравнительные достоинства и недостатки, поэтому наиболее оптимальным представляется их эффективное сочетание [7, с. 16].

Полагаем, что сама по себе двухпалатная организация народного представительства в значительной степени способствует достижению цели публичности парламентско-представительной деятельности. Сочетание территориального и прямого народного представительства позволяет обеспечить, как минимум, функционирование двух существенных «каналов» публичности, каждый из которых имеет свою специфику и нуждается в особых конституционно-правовых механизмах обеспечения и реализации.

Публичность в деятельности Совета Федерации гарантируется, главным образом, благодаря взаимодействию сенаторов с законодательными и исполнительными органами субъектов Российской Федерации [3, с. 12]. Субъекты Федерации имеют собственные публичные интересы, которые не противоречат в целом конституционным функциям многонационального российского государства, однако нуждаются в том, чтобы учитывались и реализовывались наряду с федеральной политикой. Для достижения этого конституционное регулирование обеспечивает особую гарантию – представительство публичных интересов субъектов Федерации в одной из палат Федерального Собрания, которое, в свою очередь, обладает довольно существенными конституционными полномочиями.

Важно учитывать, что законодательные и исполнительные органы субъектов Российской Федерации формируются демократическим путем, имеют мандат народного доверия, а в целом и в совокупности – представляют многонациональный народ России не менее легитимным и репрезентативным образом, чем выборные органы публичной власти на федеральном уровне. При таких обстоятельствах институционально необходимо, чтобы публичность в деятельности одной из палат федерального парламента гарантировалась ее взаимодействием с выборными региональными органами. Полагаем, что здесь возможны и более строгие конституционно-правовые нормы процессуального характера (например, обязанность сенатора от законодательного органа субъекта Российской Федерации присутствовать на заседании этого органа и участвовать в его заседании с правом совещательного голоса, аналогичная публично-правовая обязанность сенатора от исполнительной власти субъекта Российской Федерации применительно к его участию в заседаниях высших исполнительных органов субъектов и т.п.). Вслед за этим требуется, с организационно-правовой точки зрения, чтобы заседания законодательных и высших исполнительных органов субъектов Российской Федерации проводились в то время, когда не проводятся заседания Совета Федерации (насколько это возможно с учетом организационной самостоятельности органов публичной власти субъектов Российской Федерации и необходимости, зачастую, «оперативного» решения наиболее актуальных вопросов при реализации их полномочий) [11, с. 32].

Для этого, в числе прочего, мог бы использоваться апробированный в период пандемии covid-19 метод видеоконференцсвязи [9, с. 355]. Сенатору от субъекта Российской Федерации не обязательно физически присутствовать в данном субъекте Российской Федерации. Достаточно, чтобы он имел возможность следить за ходом обсуждаемых в регионе проблем, обнаруживать

соответствующие изъяны в текущей федеральной законодательной политике, предлагать со своей стороны пути по устранению пробелов и дефектов в праве. Также не исключается периодическое информирование органов публичной власти субъектов Российской Федерации со стороны сенаторов о наиболее актуальных проблемах организации деятельности федерального центра, которые в данный момент находятся на стадиях обсуждения и принятия решений. Таким образом, в числе прочего, более эффективно обеспечивалась бы публичность парламентарно-представительной деятельности Совета Федерации и входящих в его состав сенаторов.

Для повышения эффективности реализации принципа публичности в деятельности Государственной Думы, полагаем важным привлечение внимания современной конституционно-правовой науки и практики реализации конституционного законодательства к проблеме юридической институционализации форм голосования депутатского корпуса. Чтобы голосование сенаторов и депутатов было действительно публичным, необходимо установление режима, по общему правилу, поименного голосования при принятии законодательных актов. Гражданам обычно предоставляется информация об общих итогах вотирования законопроектов (какое количество голосов подано «за» и «против», каким является число воздержавшихся при голосовании), что исключает контроль избирательного корпуса над конкретными народными избранниками, которые должны, в свою очередь, объективно и беспристрастно представлять интересы своих избирателей [7, с. 12].

Введение в современной России федерального законодательного правила об исключительно поименном голосовании депутатского корпуса при голосовании за законопроекты (другие вопросы могут решаться простым открытым голосованием, кадровые – тайным голосованием) существенным образом способствовало бы подлинному обеспечению публичности в деятельности народного представительства.

Применительно к деятельности Совета Федерации, аналогичным образом, законодательным и исполнительным органам власти субъектов Российской Федерации важно обладать достоверной информацией, какую именно позицию при голосовании занимал сенатор, будучи их представителем. Устойчивая политика голосования сенаторов вопреки приоритетам в региональной государственной деятельности чревата конституционно-правовыми санкциями в виде досрочного отзыва либо отсутствия поддержки после истечения соответствующего срока полномочий парламентария данной палаты Федерального Собрания.

Парламентская практика современной России выбрала для диалога с обществом, главным образом, формат публичных депутатских слушаний. Институциональной особенностью этой формы является одновременное участие депутатского корпуса, экспертного сообщества и представителей общественности в обсуждении, как правило, одной крупной законодательной проблемы либо нескольких проблем, объединенных общими обстоятельствами и факторами нормотворческого характера [8, с. 8]. Палаты парламента обсуждают, но не вотируют. В свою очередь, не имеющие мандата народного представителя эксперты и представители общественности имеют возможность высказать народным избранникам свое мнение и, что особенно важно, аргументировать его. Но окончательное решение предстоит принимать депутатскому корпусу, причем самостоятельно (без участия экспертов и общественности) и в будущем (после завершения публичных слушаний в официальной процедуре законодательного процесса).

Данная конституционно-правовая форма имеет ряд институциональных преимуществ, которые выгодно отличают ее от популистских, внешне привлекательных для общественности видов публичной парламентской деятельности, которые, однако, не соответствуют требуемым для данного случая критериям конструктивности, рациональности, продуктивности и юридической эффективности [10, с. 7]. Основное предназначение публичных депутатских слушаний заключается, на наш взгляд, в эффективной реализации конституционной компетенции органов народного представительства в активном взаимодействии с экспертами и гражданским обществом.

Конституционный принцип публичности в организации деятельности органов народного представительства обязывает парламентариев осуществлять взаимодействие с экспертным сообществом. При этом эксперты не навязывают свою точку зрения и не претендуют на определяющее значение своих выводов и рекомендаций. Окончательное решение предстоит принимать легитимным народным представителям, которые имеют надлежащий мандат народного доверия, подтвержденный результатами очередных парламентских выборов.

В связи с этим приобретает важное значение правовая организация публичных депутатских слушаний. Здесь, на наш взгляд, требуется более развернутое правовое регулирование процедуры дебатов и обсуждений, которое не должно быть тождественным регламентации обычной деятельности Совета Федерации, Государственной Думы и иных органов народного представительства. В частности, это касается времени выступления ораторов и продолжительности публичных слушаний.

С нашей точки зрения, публичные слушания желательно проводить в течение нескольких дней или даже недель, до тех пор, пока участники собрания не придут к необходимому консенсусу в ходе обсуждения и перекрестной критики альтернативных точек зрения. Ограничения по времени не могут быть заранее предустановленными. Участвующие в публичных слушаниях специалисты и представители общественности должны быть, в конечном счете, нравственно удовлетворены, поскольку их позиция учтена в форме обсуждения и критического осмысления (не обязательно с безусловностью принята, но в обязательном порядке учитывалась в ходе коллективных дебатов). Только при соблюдении этих и ряда иных нормативных условий можно было бы утверждать, что публичные депутатские слушания действительно эффективно выполняют возложенную на них конституционную функцию обеспечения публичности в деятельности органов народного представительства.

Список использованных источников:

1. Арбузова Е.А. Публичность законодательного процесса сквозь призму цифровизации // Молодежь, наука и цивилизация : материалы международной студенческой научной конференции. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2022.
2. Аругюнян А.Ш. Проблема соотношения классического парламентаризма и постсоветского парламентаризма // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 22.
3. Бойко Ю.Ю. Межпарламентское сотрудничество Совета Федерации – залог расширения представительной демократии // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2004. № 3.
4. Клюев Ю.В. Парламентаризм, протесты и конституционный процесс в России: дискурсы, коммуникации, эффекты // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 2.
5. Крашенинникова Ю.А. Публичность и парламентаризм в политической теории Ф. Гизо // Полис. Политические исследования. 2002. № 3.
6. Кудрявцев И.И. Организация работы Палаты Представителей Национального Собрания Республики Беларусь в условиях пандемии covid-19 // 78-я научная конференция Белорусского государственного университета. Минск: Белорусский государственный университет, 2021.
7. Курманов М.М. Законодательный орган субъекта РФ: правомочность заседаний, виды голосований // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2006. № 1.

8. Никитенко М.Г. Депутатские (парламентские) слушания в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

9. Поливода Я.В. О некоторых аспектах конституционно-правового и административно-правового статуса депутата // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9.

10. Свистунова Л.Ю. Парламентские слушания как организационно-правовая форма деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

11. Шульженко Ю.Л. Исследование проблем парламентаризма в советский период // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 2.

УДК 343.85

НОВЫЕ ФОРМЫ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

© Э.В. Шамехина

Сибирский федеральный университет

Цифровизация является одним из основных трендов последних лет. Она охватывает различные сферы жизни, включая бизнес, образование, здравоохранение, государственные услуги и многие другие. Внедрение новых технологических решений несет в себе массу преимуществ экономического и социального толка. В связи с этим одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года, обозначенной в Указе Президента от 21 июля 2020 г., является цифровая трансформация [14].

Как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному собранию 2018 г., «цифровизация всей системы государственного управления, повышение ее прозрачности – это мощный фактор противодействия коррупции» [16]. Возможности применения цифровых технологий в целях противодействия коррупционной преступности в последние годы широко освещаются в научных исследованиях, успешно реализуются национальные проекты, основанные на современных технологических решениях.

Необходимость цифровизации противодействия коррупции отмечена на государственном уровне – в частности, в Национальном плане противодействия

коррупции на 2021-2024 годы применению цифровых технологий в целях противодействия коррупции и разработке мер по противодействию новым формам проявления коррупции посвящен отдельный раздел [13]. В условиях динамично развивающихся общественных отношений использование инновационных технологий представляется необходимым элементом успешно функционирующей и эффективной системы предупреждения коррупционной преступности. Как отметил глава Сбербанка Герман Греф в ходе Гайдаровского форума 2019, нет «другого способа борьбы с коррупцией, кроме как цифровизация» [4]. Вместе с тем, цифровые технологии и цифровизацию вряд ли можно считать панацеей от коррупции.

Как и преступность в целом, коррупция представляет собой исторически изменчивое явление, основные детерминационные связи которого заключены в обществе. Следуя за технологическим развитием социума, коррупционная преступность также «развивается», становится более современной и мобильной. Цифровизация способствовала появлению новых коррупционных механизмов, «преступники получили новые способы коммуникации, осуществления взаиморасчетов, позволяющие им повысить свою криминальную активность» [12]. Это отражает двойственный статус цифровых технологий в сфере коррупционной преступности – с одной стороны они выступают инструментом противодействия коррупции, с другой – часто являются способом совершения коррупционного деяния. Кроме того, цифровые технологии также могут выступать непосредственным предметом коррупционного преступления, о чем уже свидетельствует практика получения взяток в криптовалюте и других цифровых активах. Это позволяет сделать вывод о появлении таких новых форм коррупции, как «электронная коррупция», «цифровая коррупция» или «киберкоррупция».

Анализ современных научных работ позволяет констатировать, что вопрос терминологии в обозначении новых форм коррупционных деяний, совершаемых с использованием технологических инструментов, остается дискуссионным. Как отмечает О. М. Сафонов, «требуется осмысления и комплексного анализа базовое понятие преступления, совершаемого с использованием компьютерных технологий» [18].

В отечественных научных трудах авторы обращаются к использованию различной терминологии: «компьютерные преступления» [8], «информационные преступления» [1], «киберпреступления» [20], «преступления в сфере цифровых технологий» [9], «интернет-преступления» [6], «преступления, совершаемые с использованием компьютерных технологий» [18]. Такое разнообразие используемых понятий позволяет взглянуть на предмет

исследования с разных точек зрения. Вместе с тем «отсутствие развитой системы понятийных координат способно привести к формированию противоречивого правового регулирования данной сферы отношений» [5].

Ряд авторов определяет коррупцию с использованием современных технологий как цифровую коррупцию, то есть «злоупотребление должностным лицом его полномочиями, с целью извлечения собственной выгоды через использование цифровых технологий» [15]. Отмечается, что в данном случае выгода будет выражаться в получении не «классического» дохода в виде денежных средств, ценных бумаг или услуг, а в обращении в свою пользу каких-либо цифровых активов, например криптовалюты или NFT (невозмозаменяемые токены).

Встречается также мнение, что новая форма коррупции представляет собой электронную коррупцию или так называемую «е-коррупцию», которая заключается в «превышении госслужащими их полномочий в ходе работы с информационными системами и электронным правительством» [11]. Электронная коррупция связана с преступным использованием «возможностей темной «паутины», криптовалюты или просто со злоупотреблением хорошо продуманными технологиями, такими как цифровые государственные услуги» [19].

В настоящее время в научных работах все активнее используется сравнительно новые термины «киберпреступление» и «киберкоррупция». Под киберкоррупцией понимается «новая разновидность коррупционной преступности» [2], возникающая вследствие «цифровой трансформации форм и способов коррупционного взаимодействия» [2].

Отметим, что отличительной особенностью новых коррупционных проявлений является обращение субъектов к технологическим инструментам электронного или цифрового типа для достижения преступного результата. При этом данные технологии могут выступать как в качестве средства совершения преступления, так и непосредственно предметом коррупционного деяния.

Цифровизация действительно оказала ожидаемое позитивное влияние на низовую и бытовую коррупцию, позволив существенно сократить ее уровень в обществе. Как показали исследования, внедрение бесконтактных технологий при работе с заявителями порой ведет к полной ликвидации целых секторов бытовой коррупции [7]. Вместе с тем, верхушечная и элитная коррупция напротив вышли на качественно новый уровень – «перспективы и возможности цифровизации наделяют лиц, склонных совершать преступления и владеющих IT технологиями, новейшими кибер-методами, посредством которых совершаются преступления» [3].

Таким образом, развитие технологий и активное внедрение их в повседневную жизнь не является универсальным способом противодействия коррупционной преступности и не обеспечивает ее искоренение. Как и любое социальное явление, коррупция изменяется с течением времени и эволюционирует сообразно обществу. В соответствие с этим коррупция не исчезает в цифровом пространстве, а лишь видоизменяется, и научному сообществу еще предстоит познать ее новые формы и определить систему понятийных координат.

Список использованных источников:

1. Букалерева Л.А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законотворческие и правоприменительные проблемы : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2007. 574 с.

2. Бурева Л.А., Дадова З.И. Коррупционная киберпреступность: формы проявления и способы противодействия // ЛУЧШАЯ НАУЧНАЯ СТАТЬЯ 2020 : сборник статей XXXIV Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 54-56.

3. Гаджиева А.А. Проблемы противодействия коррупции и коррупционной преступности в условиях цифровой трансформации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 11-2. С. 331-336.

4. Греф назвал цифровизацию единственным способом борьбы с коррупцией. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6004202>.

5. Дамм И.А. Открытость публичной власти: вопросы понятийно-категориального аппарата // Вестник Санкт-Петербургского университета: Право. 2019. Т. 10 (№ 2). С. 226-242.

6. Дремлюга Р.И. Интернет-преступность : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Владивосток, 2007. 248 с.

7. Евсиков К.С. Цифровая трансформация противодействия коррупции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. №1. С. 67-80.

8. Жмыхов А.А. Компьютерная преступность за рубежом и ее предупреждение : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2003. 176 с.

9. Конев Д.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере цифровых технологий : автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Омск, 2022. 23 с.

10. Лопатина Т.М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2006. 418 с.

11. Мухамадиева Д.Н. Цифровизация против коррупции. Возникновение е-коррупции // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2019. № 1(171). С. 9-13.

12. Никонов П.В. Роль информационно-коммуникационных технологий и компьютерной информации в совершении коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения): сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. В.В. Меркурьев, П.В. Агапов; сост. М.В. Ульянов, Н.В. Сальников. М., 2021. С. 132-137.

13. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 – 2024 годы : Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

14. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

15. Попова С.А., Акулин С.В. Новые формы коррупции, связанные с цифровыми технологиями // Юридическая наука. 2023. №3. С. 178-185.

16. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 01.03.2018 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

17. Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения : монография. М.: ИНФРА-М, 2022. 352 с.

18. Сафонов О.М. Уголовно-правовая оценка использования компьютерных технологий при совершении преступлений: состояние законодательства и правоприменительной практики, перспективы совершенствования : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2015. 222 с.

19. Трунцевский Ю.В. Е-антикоррупция или е-коррупция: влияние глобальной цифровизации // Международное публичное и частное право. 2019. № 4. С. 42-48.

20. Шевченко Е.С. Тактика производства следственных действий при расследовании киберпреступлений : автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Москва, 2016. 29 с.

УДК 378.4

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОМПОНЕНТЫ В РАМКАХ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© Н.В. Шапран

Сибирский федеральный университет

9 ноября 2022 года Президентом Российской Федерации был издан Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1].

Пунктом 10 данных Основ утверждено, что государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется, в том числе, в области образования и воспитания, работы с молодежью.

Пунктом 24 Основ воспитание в духе уважения к традиционным ценностям закреплено в качестве ключевого инструмента государственной политики в области образования и культуры, необходимого для формирования гармонично развитой личности.

Деятельность организаций высшего профессионального образования в целом и Сибирского федерального университета в частности напрямую связана с реализацией указанных задач.

Между тем, в ходе воспитательной работы, являющейся неотъемлемой частью образовательного процесса, проводимого в организации высшего образования, возникают некоторые проблемы и сложности.

Первую группу проблем условно можно обозначить как проблемы, связанные со студентами. На наш взгляд, сюда следует относить трудный возраст контингента, с которым проводится воспитательная работа в организации высшего образования – 17-20 лет; низкую вовлеченность студентов в воспитательный процесс; несоответствие целей и задач сотрудников, занятых воспитательной работой, желаниям и потребностям студентов.

В большинстве своем студенты – это уже взрослые и сформировавшиеся личности, которые прошли этап воспитания в школе и поступили в институт как раз для того, чтобы самому определять вектор своего развития и реализовывать свой потенциал. Поэтому все попытки сеять «разумное, доброе, вечное» часто игнорируются и воспринимаются в штыки. Так, например, в каком-либо праздничном концерте или спортивном мероприятии студент видит не возможность узнать для себя что-то новое или хорошо провести время, а возможность отработать пропуск по физкультуре или получить «плюсик» за

семинар по какому-либо предмету. Само же мероприятие студенту зачастую не интересно, и он сидит, уткнувшись в телефон. В результате тот полезный замысел, закладываемый организаторами мероприятия, оказывается не воспринятым студентом.

Предлагаемые пути решения первой группы проблем, на наш взгляд, следующие. Необходимо собирать обратную связь от организаторов и участников любого проводимого мероприятия, и в дальнейшем ориентироваться на то, было ли мероприятие полезным и/или интересным для студентов. Это позволит также минимизировать количество принудительных обязанностей по типу «обеспечения явки», поскольку будет использоваться метод убеждения, а не принуждения. Последний априори воспринимается негативно.

Вторую группу проблем можно условно назвать проблемами времени. Главным образом, речь идет про перенасыщенность студенческого графика мероприятиями и различными курсами, акциями и предложениями. По данным управления социально-воспитательной работы за 2022 календарный год в СФУ было проведено порядка 1200 мероприятий. Это по 3-4 мероприятия в день.

Такая интенсивность не может не сказаться на иных видах деятельности студента. Совмещать воспитательные мероприятия с учебой, научной деятельностью или занятием спортом в таком ритме просто невозможно. И это приводит к тому, что студенты-активисты, участвующие в большинстве своем одним и тем же составом в разных по профилю мероприятиях, накапливают долги по учебе и из-за этого испытывают трудности на сессии.

Одним из путей решения указанных проблем нами видится, безусловно, снижение интенсивности мероприятий. Это позволит студентам разгрузить свой график и не делать выбор между, например, мероприятиями, которые ему действительно интересны, и научными конференциями, в которых он видит подспорье для будущего поступления в магистратуру и аспирантуру. Кроме того, уменьшение количества проблем с учебой позволит, с одной стороны, привлечение большего числа уникальных участников мероприятий (что является позитивной целью воспитательной работы – охватить как можно больше студентов), а с другой стороны – дифференциация участников в зависимости от профиля мероприятий. В таком случае каждый сможет выбрать для себя что-то свое.

И, наконец, третья группа проблем – проблемы структурные. Сюда относится низкая вовлеченность преподавателей в воспитательный процесс. Между прочим, согласно ст. 2 Закона об образовании в РФ образование есть единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, а педагогический

работник – лицо, которое выполняет обязанности по обучению и воспитанию обучающихся [2]. Однако на практике воспитательной работой в институте практически всегда занимается малая группа людей во главе с заместителем директора по воспитательной работе. И когда у студентов возникает необходимость отпроситься с занятия, чтобы принять участие в каком-то мероприятии, многие преподаватели реагируют негативным образом и ссылаются на то, что им необходимо выполнять образовательный план, совершенно забывая при этом воспитательную компоненту образовательного процесса.

Второй момент связан с проблемой коммуникации между структурными подразделениями, ответственными за воспитательную работу. Цели и задачи одних не всегда пересекаются с целями и задачами других, а требования, предъявляемые к участникам мероприятий (справки, разрешения и т.д.) могут различаться. Решение видится в иерархичности – выборе главного организатора и установлении им «единых правил игры» в целях недопущения разночтений, а также четкое разделение зон ответственности за проводимые мероприятия между структурными подразделениями.

Проблема же низкой вовлеченности преподавателей, на наш взгляд, должна решаться стимулированием преподавателей, объяснением им важности воспитательной компоненты образовательного процесса и привлечением к участию в мероприятиях.

Список использованных источников:

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

УДК 340

СУДЕБНАЯ ДОКТРИНА СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

© Н.В. Шапран

Сибирский федеральный университет

К сожалению, в отечественной и зарубежной юридической практике отнюдь не редки случаи достижения недобросовестных, а зачастую и вовсе незаконных целей путем использования конструкции ограниченной ответственности юридического лица. В качестве одного из эффективных правовых инструментов, позволяющих восстановить нарушенные права кредиторов в таких случаях, является судебная доктрина «снятия корпоративной вуали», разработанная судебной практикой США и Великобритании. Наличие аналогов данной доктрины в отечественном правовом порядке, возможность и необходимость ее рецепции в правовую систему Российской Федерации, обсуждение ее достоинств и недостатков в последние годы стали предметом целого ряда научных изысканий.

Сущность доктрины снятия корпоративной вуали состоит в возможности суда проигнорировать юридическую самостоятельность корпорации и возложить личную ответственность на ее руководителей в случае, если корпорация является лишь прикрытием и используется ее создателями и (или) участниками для мошенничества или извлечения персональной выгоды, а также для ухода от ответственности. При этом следует подчеркнуть, что доктрина снятия корпоративной вуали есть исключительный способ защиты права, применяемый лишь в тех ситуациях, когда другие способы защиты не способны защитить права кредитора.

Рассматриваемая доктрина снятия корпоративной вуали является примером более абстрактного понятия «судебная доктрина», генезис которого обнаруживается в США.

Единства мнений о том, что следует именовать судебной доктриной и каково ее место в механизме правового регулирования, не существует. Однако согласно наиболее распространенному среди отечественных исследователей судебная доктрина есть некий инструмент, набор ориентиров, при помощи которых суды рассматривают и разрешают дела [1, с. 174].

Согласно другому подходу, судебная доктрина есть более сложное правовое явление, формируемое из первоначального прецедента, путем

разрешения судами большого количества схожих дел, которые постепенно и разносторонне обогащают его содержание, одновременно ослабляя значение прецедента-первоисточника [2, с. 118].

Более перспективным для исследования представляется второе направление, поскольку здесь акцент делается не на процессе, но на результате деятельности органов правосудия.

Проанализируем доктрину снятия корпоративной вуали через призму признаков судебных доктрин, выделяемых в литературе.

Судебная доктрина формируется на основании принципа stare decisis («стоять на решенном» - лат.). Само существование судебных доктрин обусловлено наличием базового прецедента, уважаемого судьями, из которого доктрина и развилась. Для доктрины снятия корпоративной вуали в отечественном праве таким прецедентом будет известное дело Парекс-банка [3].

Судебная доктрина есть результат обобщения обширной судебной практики. Судебная доктрина формируется не сразу, но в результате рассмотрения большого количества дел с многократным применением первоначального прецедента. И каждое дело имеет определенные нюансы. Более чем десятилетняя история упоминания и применения доктрины снятия корпоративной вуали российскими судами доказывает соответствие данному признаку.

Признаки *обязательности, нормативности и более высокого иерархического статуса судебной доктрины по сравнению с единичным прецедентом* необходимо рассматривать с учетом особенностей российского права как представителя романо-германской правовой семьи. Обязательность правовых позиций судов вышестоящих инстанций для судов нижестоящих с точки зрения юридической практики не вызывает сомнений. Соответственно, судебная доктрина, сформированная высшими судебными инстанциями государства будет, во-первых, включать в себя единичный прецедент, а во-вторых, развивать и дополнять его положения.

Комплексность судебной доктрины снятия корпоративной вуали проявляется через выполняемые ей функции – систематизация судебных решений, правовой инструментарий суда при обосновании решения, средство для наполнения нормативно-регулятивных средств новым смыслом.

Также следует отметить, что, как и любая судебная доктрина, доктрина снятия корпоративной вуали *находится в постоянном развитии.* Появляются новые аспекты, на которые необходимо обращать внимание при разрешении дел, перед судами ставятся новые вопросы, например, о возможности

применения доктрины вне рамок банкротных дел путем предъявления кредитором, не являющимся налоговым органом, деликтного требования лицу, контролирующему компанию.

История доктрины снятия корпоративной вуали в отечественной судебной арбитражной практике связана в первую очередь с уже упомянутым делом «Парекс-банка». Президиум ВАС РФ исследовал, есть ли в России представительство латвийского банка ввиду осуществления им деятельности через аффилированные компании, фактически являющиеся подразделениями банка. В конечном итоге суд пришел к утвердительному выводу, прямо в тексте решения сославшись на доктрину снятия корпоративной вуали в качестве аргумента, повлиявшего на принятое решение.

Между тем, данное решение скорее породило новые вопросы, нежели чем позволило решить старые, поскольку Президиум ВАС РФ не рассматривал вопросы о применении положений ФЗ «Об ООО» или ФЗ «Об АО» в части ответственности фактических руководителей общества за действия самого общества.

После указанного решения в отечественной судебной практике наметилась тенденция пусть не всегда корректного, но, тем не менее, упоминания отечественными судами доктрины снятия корпоративной вуали [4; 5; 6]. Встречались даже попытки разрешить дела на основе этой доктрины [7; 8; 9]. В обоснование возможности применения суды ссылаются на запрет злоупотребления правом, установленный статьей 10 Гражданского кодекса РФ.

За последние 10 лет мы можем наблюдать эволюцию подходов к доктрине снятия корпоративной вуали в судебной практике. На первом этапе, с 2012 по 2015 год, суды в основном скептически относились к доктрине, отмечая, что «применение при рассмотрении дела какой-либо доктрины в качестве отдельного процессуального действия АПК РФ не предусмотрено» [10], что «сама доктрина снятия корпоративной вуали и порядок ее применения не определены действующим законодательством РФ» [11; 12] или что ее применение является «ненадлежащим способом защиты нарушенного права» [13].

На втором этапе, с 2016 по 2022 год, даже если имеет место отказ в удовлетворении заявленного требования, суды указывают на «невозможность применения доктрины снятия корпоративной вуали в рамках настоящего дела» [14; 15].

В новейших же решениях можно увидеть формулировки о том, что «в судебной практике выработана доктрина «снятия корпоративной вуали» [16; 17; 18].

Иными словами, произошел «перелом парадигмы» – суды перестали категорически отрицать существование доктрины снятия корпоративной вуали и возможность ее применения в условиях российского права и пришли к необходимости встраивания доктрины в используемый правовой инструментарий.

Анализируя причины такого резкого поворота, нельзя не отметить знаковое Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П [19], которым был дан зеленый свет возможности взыскания с физических лиц недоимок по налогам их организаций вне рамок банкротного процесса. На тот момент судья КС РФ Гадис Абдуллаевич Гаджиев в своем блоге на Закон.ру охарактеризовал эту ситуацию как применением доктрины проникающей ответственности (немецкий аналог доктрины снятия корпоративной вуали) [20].

Надо сказать, что с внесением в 2017 году изменений в законодательство о банкротстве, посвященных субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника, возникали опасения по поводу возможного массового привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности ввиду презумптивного характера содержащихся в законе положений и переложением бремени доказывания, а точнее, опровержения, на контролирующее лицо. Между тем, практика (особенно новейшая) показывает, что такие дела не являются стопроцентно предрешенными. Суды в целом верно подходят к исследованию обстоятельств дела и не допускают произвольного привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

В качестве закономерного продолжения развития рассматриваемой судебной доктрины ученые видят возможность ее применения в частных отношениях путем предъявления прямого деликтного требования кредитора, не являющимся налоговым органом, к контролирующему компанию лицу вне рамок дела о банкротстве [21]. Как отмечается в одном из дел, рассмотренных не так давно Верховным Судом «наличие специальной процедуры привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности не является основанием для отказа в иске о возмещении убытков» [22].

На наш взгляд, снятие корпоративной вуали не является самостоятельным основанием иска, напротив, оно органично встраивается в заявленное истцом требование. Причем не важно, вытекает ли это требование из договора или из деликта. То, что в отличие от деликтных правоотношений, в отношении по договору кредитор вступает добровольно, и, как правило, имеет возможность потребовать применения обеспечительных мер, на наш взгляд, не может полностью уберечь субъекта от риска недобросовестного поведения со стороны

контрагента. Поэтому, думается, корпоративная вуаль может сниматься равным образом при заявлении исков из деликтов и из договоров.

Подводя итог изложенному, отметим, что судебная доктрина снятия корпоративной вуали за чуть больше, чем 10 лет своего существования в отечественной судебной практике встала на путь, характерный для любой судебной доктрины англо-саксонского права – от первоначального «прецедента» и осторожного упоминания судами, через отрицание и нежелание применять новый правовой инструмент, до осознания его значимости и важности для правовой системы и активного применения.

Список использованных источников:

1. Ибрагимов Ю.Э. Роль судебных доктрин в практике арбитражных судов // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 172-185.

2. Тарибо Е.В. Судебные доктрины и практика Конституционного Суда Российской Федерации // Право и политика. 2005. № 2. С. 118-122.

3. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.04.2012 № 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

4. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 17.09.2013 по делу № А19-11062/2011 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

5. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 06.05.2013 № 06АП-1729/2013 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

6. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 16.12.2014 по делу № А33-3867/2014 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

7. Решение Арбитражного суда Красноярского края по делу № А33-18291/2011 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

8. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 06.08.2014 по делу № А32-1966/2014 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

9. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2017 № 17АП-5217/2016-ГК по делу № А60-21564/2014 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

10. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.10.2012 по делу № А56-38334/2011 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

11. Решение Арбитражного суда города Москвы от 10.10.2013 по делу № А40-89799/2013 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.01.2014 № 09АП-42967/2013 по делу № А40-89799/2013 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.01.2015 № Ф05-15548/2014 по делу № А40-52404/14-104-447 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

14. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.05.2016 № Ф03-786/2016 по делу № А51-21076/2009 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

15. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.04.2016 № Ф04-1202/2016 по делу № А03-14308/2015 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

16. Постановление Десятого Арбитражного Апелляционного суда от 16.06.2022 № 10АП-10160/2022 по делу № А41-242/22 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

17. Постановление Десятого Арбитражного Апелляционного суда от 08.09.2022 № 10АП-14810/2022 по делу № А41-77799/21 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

18. Постановление Десятого Арбитражного Апелляционного суда от 23.12.2022 № 10АП-39276/2022 по делу № А41-39276/22 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

20. Гаджиев Г.А. Новая юридическая конструкция деликтной ответственности руководителей юридических лиц. URL:

https://zakon.ru/blog/2017/12/08/novaya_yuridicheskaya_konstrukciya_deliktnoj_ot_vetstvennosti_rukovoditelej_yuridicheskikh_lic.

21. Тульская Е. Отдельные вопросы применения доктрины снятия корпоративной вуали вне рамок дела о банкротстве. URL: <https://bosfera.ru/bo/otdelnye-voprosy-primeneniya-doktriny-snyatiya-korporativnoy-vuali-vne-ramok-dela-o-bankrotstve#>.

22. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.10.2018 № 78-КГ18-52 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

УДК 340.12

ИДЕЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА И КИТАЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

© Д.В. Шаркевич

Сибирский федеральный университет

Время возникновения китайской философии, как правило, определяется серединой I тыс. до н.э., наряду с которой зарождались древнегреческая и древнеиндийская. Основу воззрений составляли такие древнейшие письменные памятники китайской культуры, как «Шу цзин», «Ши цзин», «Чжоу и», которые впоследствии стали частью пятикнижия «У-цзин», наиболее важной составляющей конфуцианского канона [2].

На начальном этапе развития в силу недифференцированности философского, научного и религиозного знания китайская философия представляла собой так называемое «соперничество ста школ». Попытки классификации новоявленных школ предпринимались многими философами того времени, что выразилось в появлении трактатов, в которых была представлена классификация шести учений. Таковыми являлись трактаты «Сюнь-цзы», «Чжуан-цзы», «Лю-цзя». Последняя теория свидетельствовала также о том, что в первые века формирования китайской философии носителями социально значимого знания были официальные лица, то есть ученые были приравнены к чиновникам и наоборот. Так, с точки зрения данной теории, конфуцианство оформилось выходцами из ведомства просвещения, продвигавшие гуманность и должную справедливость. Развитие даосизма обязано выходцам из ведомства хронографии, составлявшими летописи о пути успехов и поражений, горя и счастья. Над школой мирообразующих начал

трудились выходцы из ведомства астрономии. Легизм оформился выходцами из судебного ведомства, которые работали над законотворчеством.

Стоит заметить, что на различных стадиях формирования китайской философии центральное место занимало конфуцианство. Многими исследователями отмечается стержневая роль конфуцианства в духовной культуре Китая с самого начала зарождения философии Китая и на последующих этапах ее исторического развития.

Историю развития конфуцианства принято разделять на четыре исторических периода, которым, как правило, предшествовал глобальный социокультурный кризис.

Первым таким периодом являются VI–III вв. до н.э. В ответ на бесконечные войны, нападения варваров, а также децентрализацию и обособление государств Конфуцием была проведена канонизация идеологических устоев прошлого и сформирована соответствующая философия. Второй период развития конфуцианства с III в. до н.э. до X в. н.э. характеризуется компромиссной интеграцией в философию Конфуция проблематики даосистов, моистов и легистов. В третьем периоде развития конфуцианства с X по XX века наблюдалось противостояние конфуцианства с таким конкурентом, как буддизм. Четвертый период, начиная с XX в. и по настоящее время, явился реакцией конфуцианства на глобальные современные процессы развития, а также проникновение совершенно отличных от традиционной китайской философии западных теорий. В этих условиях китайские философы вновь обращаются к наследству классического конфуцианства и неоконфуцианства, переосмысляя «чужеродный материал», но, в то же время, сохраняя свою идентичность.

Учение Конфуция базировалось на том, что необходимо относиться к другим людям с пониманием, терпением, милосердием, искать компромисс при наличии какого-либо разногласия. Конфуций много рассуждал на тему морального воспитания и образования, социального порядка и баланса [7]. Конфуцианство акцентирует внимание на наличие ответственности личности перед другими людьми и обществом относительно как простых людей, так и правителей. Другими словами, выделяется определенный круг обязанностей, которые есть у каждого индивида. Исходя из учения, важнейшим элементом достойного управления является выполнение своих обязанностей государством и индивидом, которое диктуется индивидуальным нравственным сознанием [1].

Важно учесть, что конфуцианство на всех этапах своего развития характеризовалось тем, что оно не отвергало появления новых философских течений и религий. Любой вызов господствующей идеологии, который был спровоцирован очередным социальным или политическим кризисом, был

достойно встречен переосмыслением существующих устоев и адаптацией новейших философских и религиозных идей к традиционной конфуцианской этике.

По мере того, как комплексно формировалась китайская философия, так и категория человеческого достоинства наполнялась и обростала новым пониманием. Так же, как и конфуцианство видоизменялось под натиском явлений того или иного исторического периода, так и по-новому китайское общество переживало феномен человеческого достоинства.

Взаимосвязь китайской философии и религии наглядно можно рассмотреть на примере взаимодействия конфуцианства и буддизма. Весь процесс утверждения буддизма в Китае был насыщен серьезными дискуссиями относительно идеологии и воззрений на тему человеческого достоинства [5]. Свидетельством такого взаимодействия выступает Трактат Моу-цзы, который написан в виде диалога между противником и сторонником буддизма. В этом труде конфуцианский оппонент задает вопросы буддисту Моу-цзы относительно противоречия между институтом монашества, предложенным буддистами, и традиционным конфуцианским принципом сыновней почтительности, а также подвергает сомнению учение о перерождении [3]. Таким образом, путем описанного диалога двух противоборствующих сторон происходило приспособление важнейших конфуцианских принципов к буддистскому учению.

На данный момент буддизм представляет собой важнейший социальный пласт китайского общества из-за количества его последователей. Буддизм и по сей день является важнейшей моральной и национальной составляющей китайской идеологии.

Китайские буддисты способствуют укреплению ханьской идентичности и националистических настроений, которые, по мнению правительства, могут способствовать созданию стабильного и гармоничного общества. По словам Джайшри Баджориа, старшего научного сотрудника Совета по международным отношениям, в последние несколько лет в силу отсутствия традиционной коммунистической идеологии китайское правительство молчаливо признает национализм как источник легитимности КПК и как форму клея, скрепляющего общество. Китайский буддизм оказался прекрасным инструментом, способным внести свой вклад в этот процесс. Несмотря на то, что пекинские власти считают религию суеверием и символом чего-то реакционного, религиозные люди часто считаются людьми с высокими моральными стандартами. Поскольку в нынешней государственной идеологии существует своего рода моральный вакуум, религия рассматривается как заполнение этого вакуума и вклад в создание моральной основы [6].

В процессе развития гуманистических идей конфуцианство и буддизм были модернизированы в такие течения, как «новое конфуцианство» и «обновленчество буддизма», акцентируя внимание на гуманистических ценностях и правах человека [4]. И в этой модернизации можно узреть компромиссный характер взаимодействия двух течений.

В учении Тай Сюя о «гуманистическом буддизме» были отброшены надежды на улучшение своей жизни в будущем перерождении, обозначен призыв не отрекаться от семейных ценностей, не покидать свои дома и не уходить в монашество, при этом активно выражая свою гражданскую позицию. Новое конфуцианство поддержало содержание буддийского учения с принципом «не навреди окружающим», признавая необходимость толерантного и уважительного отношения человека к человеку и человека к окружающему его миру.

Симбиоз течений также прослеживается в использовании буддизма в качестве средства миролюбивой дипломатичной политики с соседними странами. Так, активно предлагает свои услуги Буддийская Ассоциация Китая в международных делах государства.

Таким образом, идея человеческого достоинства формировалась в Китае комплексно. Философия и религия не были оторваны друг от друга властвующими силами, а, напротив, умело создавали среду для сообразного заимствования воззрений и объединений идей развития человеческого общества. Китайское общество принимало тот факт, что любое идеологическое ответвление и инакомыслие есть запрос человеческого общества, который нужно удовлетворить. Выбирая траекторию сотрудничества и компромисса, властвующие структуры возвращались к истокам, переписывали трактаты, чтобы встать на путь модернизации и процветания государства. Можно смело утверждать, что данный путь является перспективным в отношении обеспечения человеческого достоинства на разных этапах исторического развития государства.

Список использованных источников:

1. Каидзука С. Конфуций. Первый учитель Поднебесной / пер. с англ. А. Б. Вальдмана. Москва : Центрполиграф, 2007.
2. Кобзев А.И. Философия и духовная культура Китая. URL: https://mipt.ru/education/chair/liberal_arts/publication/china_library/statyi/kobzev15.php
3. Цзун Бин. Минфолунь / под ред. Лю Лифу / Хунминцзи. Пекин, 2013.

4. Янгутов Л.Е. Буддизм в социально-политической стратегии коммунистической партии Китая // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13, № 2.

5. Янгутов Л.Е., Цыренов Ч.Ц. О взаимоотношении буддизма с конфуцианством в период его становления в Китае в эпохи Вэй (220–265 гг. н. э.), двух Цзинь (265–410 гг. н. э.), Южных и Северных царств (420–589 гг. н. э.)². (По материалам сочинений средневековых мыслителей) // *Учёные записки ЗабГУ*. 2015. № 4.

6. Angelskar T. China's Buddhism diplomacy // *The Norwegian Peacebuilding Resource Centre (Report)*. URL: <https://studyres.com/doc/5485787/china-s-buddhist-diplomacy#>.

7. Pinghua S. *Human Rights Protection System in China*. New York : Springer, 2013.

УДК 343.13

ЛИЧНОЕ УЧАСТИЕ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

© А.В. Шатрова

Красноярский краевой суд

Лицо, в отношении которого ведётся производство о применении принудительных мер медицинского характера законодателем наделено аналогичными правами, что подозреваемый и обвиняемый.

О праве лица, в отношении которого ведётся производство о применении принудительных мер медицинского характера лично осуществлять свои права закреплено в части 1 статьи 437 УПК РФ. Предпосылкой внесения изменений в данную норму послужило признание в 2007 году Конституционным Судом РФ за таким лицом права на личное участие в производстве по уголовному делу [1].

При этом, как указано в указанной норме, суд с учётом выводов психиатрической экспертизы, должен лично убедиться, что лицо не может участвовать в судебном разбирательстве и привести этому обоснование.

В настоящее время судебная практика исходит из того, что рассмотрение дела без лица, страдающего психическим расстройством, при отсутствии должных для этого оснований, является нарушением прав такого лица и влечет отмену судебного решения. Судебная коллегия по делам военнослужащих

Верховного Суда РФ от 9 октября 2018 г., указала, что проведение судебного заседания без участия Ч. и не обсуждение при личном участии Ч. о его не возможности участвовать в судебном разбирательстве, привело к нарушению прав Ч. на личное участие в судебном разбирательстве, что повлекло отмену судебного решения [3].

Производство по делам о применении принудительных мер медицинского характера проводится в порядке, установленном уголовно-процессуальным кодексом РФ, с изъятиями, предусмотренными главой 51 УПК РФ.

Подсудимый наделён правом ходатайствовать перед судом о своём участии в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи, что соответствует позициям Конституционного Суда РФ, указавшего, что положения УПК РФ по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего уголовно-процессуального регулирования не допускают возможности проведения судебного заседания в отсутствие подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или осуждённого и предполагают необходимость обеспечения осуждённому по его просьбе возможности обосновать перед судом кассационной инстанции свою позицию по рассматриваемым вопросам путём непосредственного участия в судебном заседании, использования систем видео-конференц-связи или иным способом [2].

С учётом делегирования законодателем прав подозреваемого, обвиняемого лицу в отношении которого ведётся производство о применении принудительных мер медицинского характера, стоит полагать, что правом на личное участие в судебном заседании посредством видео-конференц-связи обладает и такое лицо.

Как верно отмечено В.И. Качаловым и О.В. Качаловой возможность проведения допроса и иных процессуальных действий посредством видео-конференц-связи определяется судом с учётом обстоятельств каждого конкретного уголовного дела [4].

Разрешая вопрос о возможности лица, страдающего психическим расстройством участвовать в судебном заседании, в том числе посредством видео-конференц-связи, судья обязан выяснить возможность реализации таким лицом предоставленного ему процессуального права для чего требуется оценка как юридических, так и медицинских критериев.

Для верного определения возможности участия в судебном разбирательстве судье, предлагается исходить не только из имеющегося заключения судебно-психиатрической экспертизы, в котором, как правило экспертами указано о возможности лица, страдающего психическими расстройствами принимать участие в судебном заседании, но и допросить в

судебном заседании в качестве специалиста (врача-психиатра) о способности лица самостоятельно осуществлять свои права и законные интересы, влиянии фона судебного процесса на психическое здоровье данного лица.

О нахождении рядом со свидетелем, страдающего тяжелой болезнью врача, который поможет суду установить способность его адекватно давать показания при использовании видеоконференц-связи указывает Е.В. Селина [5].

Полагаем, что участие лица, страдающего психическим расстройством при рассмотрении дела судом посредством видеоконференц-связи будет способствовать не только эффективному обеспечению процессуальных прав как самого лица, но и поспособствует обеспечению безопасности участников судебного заседания, позволяя рассматривать ряд возникающих вопросов, не доставляя данное лицо из места предварительного заключения, медицинской организации, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях в суд.

Также считаем необходимым закрепить в уголовно-процессуальном законе нормы, предусматривающей обязательное привлечение судом специалиста-психиатра для дачи заключения о возможности лица с психическим расстройством лично участвовать в судебном разбирательстве по делу. Внесение соответствующих изменений в нормы главы 51 УПК РФ будет способствовать как выработке единообразной судебной практики, так и повысит уровень процессуальной защищенности лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Список использованных источников:

1. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева : постановление Конституционного Суда от 20.11.2007 № 13-Пот // СЗ РФ. 2007. № 48. Ст. 6030.

2. По жалобе гражданина Давыдова Андрея Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 № 538-О // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

3. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного суда РФ от 09.10.2018 № 204-АПУ18-2. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 11.

4. Качалов В.И., Качалова О.В. Об использовании видео-конференц-связи в судебном производстве по уголовным делам // Российский судья. 2017 № 12.

5. Селина Е.В. Электронное и дистанционное правосудие: вызовы времени и перспективы // Администратор суда. 2016. № 3.

УДК 347.736

ОТСТРАНЕНИЕ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО КАК СПОСОБ КОНТРОЛЯ ЗА ПРОЦЕДУРОЙ БАНКРОТСТВА

© **В.В. Шильников**

Московский государственный юридический университет им О.Е. Кутафина

Ни одно дело о банкротстве не обходится без арбитражного управляющего – центральной фигуры в делах о несостоятельности. Согласно статистике Федресурса, с 2020 г. происходит незначительное снижение количества арбитражных управляющих, по итогам первого полугодия 2023 года количество арбитражных управляющих составляет 10 274 человек [3].

Конфликтующие кредиторы смогут добиться равного положения, если среди 10 274 действующих арбитражных управляющих именно в их процедуре банкротства будет выполнять обязанности независимый управляющий, мотивированный на результат и имеющий значительных опыт.

Установленные статьей 20.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [7] (далее – Закон о банкротстве) высокие требования к кандидатуре арбитражного управляющего с наделенными обязанностями управляющего действовать добросовестно, разумно и в интересах должника, кредиторов и общества – очевидный сигнал законодателя об особой, ответственной роли арбитражного управляющего, балансирующей между ролью профессионального коллектора и главного медиатора в наиболее конфликтной имущественной среде.

Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывает, что за 2022 год в арбитражные суды поступило 8 603 дел по административной ответственности, связанных с банкротством [4], за 2021 год цифра поступивших дел составила 7 680 дел [5], в 2020 году таких дел было 7 160 [6]. Тем самым за три года процент рассмотренных дел по административной ответственности в спорах, связанных с банкротством, увеличился на 20%.

Как верно отмечает А.В. Винницкий, увеличение рассмотрения арбитражными судами категории дел по административной ответственности, связанных с банкротством, в том числе по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ спровоцирована не ухудшением качества работы арбитражных управляющих, а намерением заинтересованных лиц добиться административного наказания в виде дисквалификации в отношении конкретных субъектов [1].

Юридический механизм отстранения неудобного арбитражного управляющего состоит из двух вариантов:

1. заинтересованное лицо, участвующее в деле о банкротстве, вправе обратиться с жалобой на незаконные действия (бездействие) арбитражного управляющего в суд, рассматривающий дело о банкротстве. Если суд посчитает допущенное арбитражным управляющим нарушение существенным, то при вынесении судебного акта о признании действий (бездействи) арбитражного управляющего незаконными, также может принять решение о его отстранении. Между тем, процент удовлетворения таких требований против неудобного арбитражного управляющего достаточно низок, спор состязательный и требует необходимых затрат для нужд процесса;

2. заинтересованное лицо, в том числе не участвующее в деле о банкротстве, вправе обратиться с жалобой на незаконные действия (бездействие) арбитражного управляющего в органы Росреестра. Достаточным поводом для возбуждения административного расследования и дальнейшего привлечения арбитражным судом к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ является любое формальное нарушение арбитражным управляющим требований Закона о банкротстве. К примеру, опубликование итогов собрания кредиторов в ЕФРСБ с нарушением срока в один день.

Именно вторым вариантом пользуются недобросовестные лица, поскольку повторное привлечение арбитражного управляющего к административной ответственности в течение годичного срока от предыдущего нарушения, квалифицированного по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, является основанием для дисквалификации такого управляющего по ч. 3.1. ст. 14.13 КоАП РФ сроком от шести месяцев до трех лет. Впоследствии это влечет автоматическое отстранение управляющего от всех процедур банкротства, которые были в его ведении.

При минимальных затратах указанный механизм становится популярным средством устранения неудобного арбитражного управляющего, который не может не совершить какие-либо мелкие нарушения, связанные со сроком публикации, подготовки отчета, ведения бухгалтерии должников, которых у арбитражных управляющих как правило больше одного.

В результате недобросовестные заинтересованные лица получают возможность уйти от привлечения к субсидиарной ответственности и/или взыскания убытков, оспаривания подозрительных сделок, отвлечения арбитражного управляющего от мероприятий по делу о банкротстве, обременив его спорами по привлечению к административной ответственности.

Конечным итогом является нарушение заложенного законодателем состояния баланса среди конфликтующих сторон в деле о банкротстве, проявления злоупотреблений правом, снижение эффективности банкротства для экономики государства.

В.О. Пучков, проанализировав административную ответственность арбитражного управляющего в праве России и государств постсоветского пространства, приходит к справедливому выводу, что ч. 3 ст. 14.13. КоАП РФ должна претерпеть изменения, и из перечня возможных привлекаемых лиц, среди которых арбитражный управляющий, реестродержатель, организатор торгов, оператор электронной площадки, руководитель временной администрации кредитной или иной финансовой организации, должен быть исключен арбитражный управляющий [2].

Нельзя не согласиться с В.О. Пучковым, поскольку только арбитражный суд погружен в специфику каждой процедуры банкротства, суд осведомлен о конфликтности сторон, возможных злоупотреблениях, как со стороны арбитражного управляющего, так и со стороны остальных участвующих лиц. Именно арбитражный суд в порядке состязательности сторон может и должен рассматривать жалобы на незаконные действия (бездействие) арбитражного управляющего, и только суд вправе выносить вопрос об отстранении арбитражного управляющего в конкретной процедуре банкротства. Указанный порядок не повлечет отстранения управляющего от остальных процедур, возможности физического запрета на профессию и право на труд, гарантированную ст. 37 Конституции РФ.

В понимании позиции Верховного Суда РФ, изложенной в Определении от по делу № А56-17680/2017 [8], действительно, привлекаемые или уже привлеченные к субсидиарной ответственности контролирующие должника лица, как и кредиторы имеют одинаковый материально-правовой интерес в итогах формирования конкурсной массы, имеют право по контролю за действиями арбитражного управляющего, в том числе обращаться в арбитражный суд с жалобами на действия (бездействие) управляющего. В общем и целом, контролирующие должника лица являются равноправными участниками конкурсной борьбы в процедурах несостоятельности. Именно установленный Законом о банкротстве порядок рассмотрения жалоб на

действия (бездействие) арбитражного управляющего в рамках конкретной процедуры банкротства позволит устранить попытки злоупотребления правом по отстранению (дисквалификации) арбитражного управляющего, достичь восстановления равенства прав и сохранения баланса интересов в конкурирующей среде процедур несостоятельности.

С другой стороны, заинтересованные лица могут оказывать давление на арбитражного управляющего через жалобы, поданные в рамках конкретного дела о банкротстве. Но в таком случае, правом на подачу соответствующих жалоб будут обладать только участвующие в деле о банкротстве лица, а в случае признания необоснованности поданных жалоб, управляющий может взыскать помимо судебных расходов также компенсацию морального вреда в связи с причинением нравственных страданий, вызванных переживаниями арбитражного управляющего из-за необоснованных обвинений со стороны инициатора жалобы (Определение Верховного Суда РФ по делу А40-245757/2015 [9]).

Указанные недостатки в административном законодательстве, провоцирующие злоупотребления в процедурах несостоятельности, подрывают развивающуюся профессиональную сферу арбитражных управляющих, поскольку действительно независимые, талантливые управляющие как главные посредники между конкурирующими сторонами в конфликтных делах о банкротстве становятся наиболее неудобными и уязвимыми фигурами.

Список использованных источников:

1. Винницкий А.В. Продолжение дискуссии об административной ответственности арбитражных управляющих в свете подготовки проекта нового КоАП // Административное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 1-15.
2. Пучков В.О. Административная ответственность арбитражного управляющего в праве России и государств постсоветского пространства: тенденции развития регулирования в контексте цифровизации // Арбитражные споры. 2022. № 1. С. 118-158.
3. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству на 30 июня 2023. Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/e405064d-5888-447c-8245-fb7a1f91ab65>.
4. Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции. Режим доступа: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7650>.

5. Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции. Режим доступа: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=6122>.

6. Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации. Режим доступа: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5670>.

7. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2021 № 307-ЭС21-9176 по делу № А56-17680/2017 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.10.2023 № 305-ЭС19-22493(50) по делу А40-245757/2015 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 343.2/7

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА

© **И.В. Шишко**

Сибирский федеральный университет

По мере развития науки, производства и появления новых видов деятельности неизбежно возрастает и значение экспертизы, и, следовательно, экспертных заключений.

Российский законодатель предусматривает необходимость проведения экспертизы во многих федеральных законах (Трудовом кодексе, Градостроительном кодексе, в Законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и других), однако уголовная ответственность предусмотрена за дачу заведомо ложного заключения не любым экспертом, а только экспертом, назначенным в порядке, установленном процессуальным законодательством для производства экспертизы и дачи заключения в суде либо в ходе досудебного производства (ст. 307 УК), экспертом в области промышленной безопасности (ст. 217.2 УК), а также экспертом или уполномоченным представителем экспертной организации в сфере закупок

товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ст. 200.6 УК).

Эксперта, как субъекта первого из указанных преступлений, определяют как «лицо, обладающее специальными познаниями и назначенное для производства экспертизы и подготовки заключения» [10]. Однако без уточнения, что он назначается в порядке, установленном процессуальным законодательством, его сложно отличить от иных экспертов.

Субъект второго преступления тоже специальный – эксперт в области промышленной безопасности. В ст.1 Федерального закона «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» [1] (далее – Закон о промышленной безопасности) этот эксперт определен как «физическое лицо, аттестованное в установленном Правительством Российской Федерации порядке, обладающее специальными познаниями в области промышленной безопасности, соответствующее требованиям, установленным федеральными нормами и правилами в области промышленной безопасности, и участвующее в проведении экспертизы промышленной безопасности». Как видим, применительно к этому эксперту указано, специальными познаниями в какой области он должен обладать, в какой именно экспертизе принимает участие, необходимость соответствия его исключительно федеральным нормам и правилам в области промышленной безопасности, а также, что порядок его аттестации установило именно Правительство РФ.

На описании субъекта последнего из перечисленных преступлений необходимо остановиться подробнее не только потому, что статья 200.6 УК является самой молодой из трех названных статей УК, но и потому, что Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2] (далее - Закон о закупках) позволяет проводить экспертизу не только экспертам или экспертным организациям.

В соответствии с ч. 3 ст. 94 Закона о контрактной системе для проверки предоставленных поставщиком (подрядчиком, исполнителем) результатов, которые предусмотрены контрактом, в части их соответствия условиям этого контракта заказчик обязан провести экспертизу. При этом она может быть проведена как силами самого заказчика, так и привлекаемыми заказчиком по договору экспертами или экспертными организациями. В случаях, установленных Правительством Российской Федерации, экспертиза предусмотренных контрактом поставленных товаров (выполненных работ или оказанных услуг) проводится исключительно «внешняя» (ч. 4 ст. 94 Закона о контрактной системе). Ее проводят эксперты или экспертные организации

Из диспозиции ч. 1 ст. 200.6 УК следует, что сотрудники заказчика в случаях, когда он проводит экспертизу собственными силами, субъектами этого преступления не признаются. Ответственность этой статьей установлена только для экспертов и уполномоченных представителей экспертных организаций.

Конечно, при проведении экспертизы собственными силами заказчики нередко издадут локальные акты о назначении своих сотрудников экспертами (возложении на них обязанности эксперта или создании экспертной комиссии), однако определению экспертных организаций и экспертов в ст. 3 Закона о контрактной системе ни заказчик, ни его сотрудники не соответствуют. Очевидно, это обусловлено и специальными требованиями к экспертам и экспертным организациям, и требованиями к оформлению проведенной ими экспертизы. Так, результаты экспертизы, проводимой экспертом или экспертной организацией, оформляются в виде заключения, подписываемого экспертом или уполномоченным представителем экспертной организации, а при проведении экспертизы силами сотрудников заказчика документом, подтверждающим проведение экспертизы, является оформленный и подписанный заказчиком документ о приемке товара (работы или услуги) [5]. Что касается требований к экспертам и экспертным организациям, предусмотренным ст. 41 Закона о контрактной системе, то они на случаи проведения экспертизы заказчиком своими силами не распространяются [4]. Именно к экспертному заключению Закон о контрактной системе предъявляет требования об объективности, обоснованности и соответствии законодательству РФ, и устанавливает, что эксперты или представители экспертной организации несут ответственность за предоставление заведомо ложного заключения (ч. 7 ст. 41 Закона о контрактной системе).

Несут ли сотрудники заказчика, назначенные экспертами локальным актом, уголовную ответственность за составление заведомо ложного документа о приемке товара? В литературе утверждается, что они могут нести ответственность либо по статьям главы 30 УК (если акт составлен и утвержден должностным лицом), либо по ст. 200.4 УК (если акт составлен не должностными лицами) [13, с. 50]. В определенной степени такому суждению способствует разъяснение, данное в Письме Минэкономразвития РФ от 11.01.2017 № Д28и-142 [6] о том, что «экспертом при проведении экспертизы силами заказчика может быть любое должностное лицо». Однако понятие должностного лица в этом документе используется, безусловно, без учета дефиниции должностного лица в примечании к ст. 285 УК. Главное же, в другом. Нам представляется, что в документе о приемке, как правило, фиксируются результаты проверки либо, что бывает нечасто, отражается суждение лиц, обладающих определенными

знаниями (специалистами), поэтому составление документа о приемке – не относится ни к организационно-распорядительным, ни к административно-хозяйственным функциям. Следовательно, составление заведомо ложного документа о приемке, если это деяние повлекло причинение крупного ущерба и было совершено из корыстной заинтересованности, подлежит квалификации по ст. 200.4 УК.

Статья 41 Закона о контрактной системе запрещает допуск к экспертизе целого ряда лиц. К примеру, не могут быть экспертами физические лица, имеющие имущественные интересы в заключении контракта, в отношении которого проводится экспертиза, либо являющиеся близкими родственниками или усыновителями (усыновленными) с руководителем заказчика, членами комиссии по осуществлению закупок, руководителем контрактной службы, контрактным управляющим, должностными лицами или работниками поставщика (подрядчика, исполнителя) либо состоящие с ними в браке.

Если для проведения экспертизы необходимы осуществление определённых исследований, испытаний, выполнение работ или оказание услуг, и законодательство устанавливает к осуществляющим их лицам иные обязательные требования (обязательная аккредитация, лицензирование, членство в саморегулируемых организациях), то экспертами могут быть только лица, соответствующие указанным требованиям.

К экспертам и экспертным организациям, привлекаемым для проведения экспертизы поставленного товара, выполненной работы, оказанной услуги по государственному оборонному заказу, предъявляются и дополнительные требования.

Как квалифицировать заведомо ложное экспертное заключение, если оно сделано экспертом, назначенным с нарушением установленных запретов или без учета предъявляемых к нему обязательных требований? Полагаем, что уголовную ответственность за это деяние должен нести и эксперт, назначенный без учета установленных запретов или требований.

Итак, поскольку в ч.1 ст.307 УК не указано, в какой сфере (или области) дается заведомо ложное заключение, а в частях первых ст. 200.6 и 217.2 УК сферы (или области) обозначены, может сложиться впечатление, что две последние нормы являются специальными к ч.1 ст.307 УК. Однако это не так. Эксперт, как субъект последнего преступления, назначается для проведения экспертизы в любых сферах (или областях), но только в рамках судебного или досудебного производства. Что касается субъектов преступлений, предусмотренных ст. 200.6 и 217.2 УК, то они проводят так называемую

несудебную экспертизу и только в обозначенных в этих статьях сферах (областях).

В связи с изложенным нормы указанных статей являются не специальными к нормам ст. 307 УК, а смежными к ним. Как смежные они соотносятся и друг с другом.

Проведение субъектами преступлений, предусмотренных всеми перечисленными статьями УК, экспертиз в разных сферах (областях) обусловило несовпадение и непосредственных объектов этих преступлений. Как известно, непосредственные объекты многих преступлений определяются весьма неединообразно, однако в любом случае они – части разных видовых объектов. Это либо часть отношений, обеспечивающих предпосылки для надлежащего осуществления деятельности по отправлению правосудия, а также деятельности органов и лиц, призванных содействовать суду в осуществлении стоящих перед ним задач и деятельности по реализации результатов правосудия (применительно к ст. 307 УК) [9, с. 30], либо часть отношений, складывающихся в сфере экономической деятельности [8, с. 76] (применительно к ст. 200.6 УК), либо часть отношений, обеспечивающих состояние защищенности интересов граждан, материальных и духовных ценностей от разнообразных внутренних и внешних угроз общего характера (применительно к ст. 217.2 УК) [12, с. 398].

Объективная сторона всех трех преступлений в части деяния практически совпадает. Им признается дача заведомо ложного заключения (в ч. 1 ст. 307 УК наряду с ним указана дача заведомо ложного показания). Однако состав преступления, предусмотренного даже ч. 1 ст. 200.6 УК, сконструирован как материальный: в число обязательных признаков объективной стороны включено общественно опасное последствие – крупный ущерб. Ущерб причиняется заказчику в результате оплаты поставщику (подрядчику, исполнителю) фактически неисполненных обязательств или обязательств, исполненных с нарушением условий контракта. Признак «крупный» получил легальное толкование в примечании к ст. 170.2 УК. Таковым признается ущерб, превышающий 2 250 тыс. рублей.

Крупный ущерб назван последствием и в диспозиции ч. 1 ст. 217.2 УК, и признак «крупный» тоже формализованный: согласно примечанию к ст. 216 УК им признается ущерб, сумма которого превышает 500 тыс. рублей. Однако это последствие указано как альтернативное последствию «могло повлечь смерть человека». Таким образом, в части вменения последнего признака состав сконструирован как состав реальной опасности.

Признаки объективной стороны всех «экспертных» преступлений неоднократно были предметом теоретической дискуссии криминалистов.

Однако большинство споров о толковании признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 307 УК, были погашены с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» [3]. В нем, в частности, разъяснено, когда дача заведомо ложного заключения или показания считаются оконченными, а также невозможность привлечения эксперта к ответственности по ст. 307 УК, если он не был предупрежден о ней в рамках соответствующего вида судопроизводства. Был дан и положительный ответ на вопрос о возможности совершения данного преступления путем бездействия.

Признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 200.6 УК, изучены, конечно, еще недостаточно. В литературе осуждается не обоснованная сумма ущерба, названного законодателем крупным, отсутствие последствия в виде особо крупного ущерба [11, с. 79], высказываются сомнения в части возможности причинения крупного ущерба заведомо ложным заключением эксперта [13, с. 50].

Вызывает вопрос и квалификация по этой статье дачи заведомо ложного заключения в случае, предусмотренном ч. 1 ст. 41 Закона о контрактной системе. Согласно названной норме заказчики не обязаны, а вправе привлекать экспертов или экспертные организации для экспертной оценки извещения об осуществлении закупки, документации о закупке (если документация о закупке законом предусмотрена), заявок на участие в закупке. Несут ли эксперты и уполномоченные представители экспертных организаций ответственность за дачу заведомо ложного заключения в случаях, когда проведение экспертизы для заказчика не обязательно? Если бы состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 200.6 УК, был сконструирован как формальный, ответ на этот вопрос следовало бы дать положительный. Однако, полагаем, что включение в объективную сторону этого преступления общественно опасного последствия исключает причинную связь между таким экспертным заключением и крупным ущербом (либо последствиями, предусмотренными другими частями этой статьи), поскольку для проверки соответствия предоставленных поставщиком (подрядчиком, исполнителем) результатов условиям контракта заказчик позднее проведет обязательную экспертизу.

Однако самыми проблемными стали вопросы субъективной стороны всех трех преступлений. И дело не столько в определении формы вины в этих преступлениях (в преступлении, предусмотренном ст. 307 УК, она может быть только в форме прямого умысла, а отношение к последствиям – квалифицирующим признакам в ст. 200.6 и 217.2 УК указано непосредственно

законодателем), сколько в *установлении* заведомой ложности. И это не удивительно. Проблема установления заведомой ложности заключения (и показания) эксперта – это часть общей проблемы установления обмана, актуальность которой только возрастает.

В п. 23 названного выше постановления Пленума Верховного Суда разъясняется, что заведомо ложные заключение или показание эксперта в суде либо в ходе досудебного производства заключаются, в частности, в таких умышленных действиях, как неправильное отражение экспертом в заключении результатов проведенного исследования, а также в бездействии если, например, эксперт в ответах на поставленные им вопросы не сообщает (умалчивает) о существенных для дела обстоятельствах, о которых ему стало известно или которые были установлены им в ходе исследования. Несколько иначе понятие заведомо ложного заключения эксперта раскрывается в п. 6 ст. 13 Закона о промышленной безопасности. Под ним законодатель понимает «заключение, подготовленное без проведения указанной экспертизы или после ее проведения, но явно противоречащее содержанию материалов, предоставленных эксперту или экспертам в области промышленной безопасности и рассмотренных в ходе проведения экспертизы промышленной безопасности, или фактическому состоянию технических устройств, применяемых на опасных производственных объектах, зданий и сооружений на опасных производственных объектах, являвшихся объектами экспертизы промышленной безопасности». Главное отличие в приведенных определениях заведомо ложного заключения состоит в том, что во втором им признается не заключение, сделанное умышленно неправильно, а заключение, *явно* противоречащее содержанию предоставленных материалов. Что касается заключения, подготовленного без проведения экспертизы, то заведомая ложность его очевидна.

Вместе с тем, «характеристика» выданного экспертом заключения в преступлениях, описанных во всех трех статьях, тождественна (заведомо ложное), и, следовательно, таким же должно быть и ее определение. И поскольку четких критериев разграничения заведомо ложного экспертного заключения от добросовестного заблуждения нет, а рыночная стоимость, например, недвижимости носит вероятностный характер, и в правоприменительной практике для привлечения к ответственности за дачу заведомо ложного экспертного заключения о ней предлагают учитывать только *запредельное* искажение этой стоимости, то правильным было бы включить указание на явное противоречие экспертного заключения результатам исследования и в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда от 28.06.2022.

Из обзоров нарушений контрактного законодательства [7], подготовленных отдельными министерствами, видно, что экспертиза поставленных поставщиком (подрядчиком, исполнителем) результатов, предусмотренных контрактами, нередко не проводится вовсе. В этом случае ответственность по ст. 200.6 УК может наступить только в том случае, когда экспертное заключение, несмотря на отсутствие экспертизы, было составлено.

Иногда по условию контракта поставка товаров осуществляется путем доставки их непосредственно потребителю, например, инвалидам. В этом случае проведение экспертизы предполагает посещение места жительства каждого инвалида, что влечет резкое повышение трудоемкости экспертизы, и поэтому экспертное заключение составляется без ее фактического проведения. В таких случаях заведомо ложное заключение, как правило, дается без личной заинтересованности эксперта, но такая заинтересованность обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 200.6 УК, не является, и при наступлении предусмотренных в нормах этой статьи последствий, действия виновных должны квалифицироваться по указанной статье.

Список использованных источников:

1. О промышленной безопасности опасных производственных объектов : федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 997. № 30. Ст. 3588.

2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

3. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 // Российская газета. 2022. 7 июля.

4. Письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 10.05.2016 № Д28и-1312 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 26.12.2016 № ОГ-Д28-15314 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Письмо Минэкономразвития РФ от 11.01.2017 № Д28и-142 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Обзор нарушений и недостатков, выявленных в 1 полугодии 2018 года Федеральным казначейством : письмо ФНС России от 15.10.2018 № АС-4-16/20081@ // КонсультантПлюс: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России : монография. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 765 с.

9. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия : монография. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 491 с.

10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Том 4. Особенная часть. Разделы X - XII / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Изд-во «Юрайт», 2017. 276 с.

11. Соловьев О.Г, Блейз В.В. Нормы-новеллы о коррупционных преступлениях в гл.22. УК РФ: проблемы законодательного конструирования // Российский правовой журнал. 2020. № 3 (4). С. 77-81.

12. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. И.В. Шишко. Москва: Проспект, 2011. 747 с.

13. Шурпаев Ш.М. Проблемы законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 200.6 УК РФ // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 1 (32). С. 46-53.

УДК 343.13

РЕВИЗИЯ И ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА КАК СРЕДСТВА ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

© **В.М. Юрин**

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Эффективность поисково-познавательной деятельности по обнаружению и расследованию преступлений экономической направленности зависит от многих факторов и, не в последнюю очередь, от помощи сведущих лиц, привлекаемых к решению различных задач уголовного судопроизводства. В современных условиях потребность в такой помощи, а, по сути, – использование специальных знаний – все более возрастает. И этот процесс, как показывает практика, носит объективный характер и в значительной мере обуславливается особенностями

современных экономических преступлений. В большинстве своем они совершаются с использованием профессиональных знаний, знаний специфики отрасли и конкретного производства, с активным задействованием различных правовых механизмов и средств. В частности, значительная часть экономических преступлений ныне совершается под видом (посредством) банковских и хозяйственных операций, внешнеторговых сделок и иных форм регулирования имущественных отношений в обществе. В подобных случаях преступный замысел, признаки преступления распознаются с трудом, ибо внешне такое экономическое преступление мало чем отличается от обычной сделки, предусмотренной гражданским законодательством. К тому же, совершив преступление, виновные лица не остаются безучастными к тому, что в отношении них ведется проверка правоохранительными органами. Они активно противодействуют этому, формируют свое представление о целях заключенной ими сделки, допущенных при этом нарушениях и т.д., выдавая, как говорят в подобных ситуациях, желаемое за действительное. Без специальных знаний следователю или органу дознания в этом случае не обойтись. Поэтому, решая вопрос о возбуждении уголовного дела, они вынуждены обращаться к услугам специалистов, в частности, ревизоров и других сведущих лиц.

Необходимость в проведении ревизии и других видов проверок может возникнуть как в стадии возбуждения уголовного дела, так и в процессе расследования преступления. В первом случае с помощью этих средств проверяется информация о преступлении в целях решения вопроса о возбуждении уголовного дела, во втором случае сфера их использования шире, что во многом предопределяется многообразием задач, стоящих перед стадией расследования.

Процессуальным основанием для производства документальной проверки и ревизии является ст. 144 УПК РФ, согласно которой при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к участию в этих действиях специалистов. При необходимости проведения документальной проверки, ревизии в соответствии с п. 3 ст. 144 УПК РФ руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления.

Практика использования документальной проверки и ревизии как средств собирания доказательственной информации выявила ряд проблем, требующих своего разрешения. Основная проблема заключается в несовершенстве,

неполноте правовой регламентации этих форм использования специальных знаний в уголовном процессе.

Говоря о несовершенстве уголовно-процессуального закона, важно обратить внимание на понятия «ревизия» и «документальная проверка». В этимологическом смысле ревизия – это разновидность проверки. Словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой определяет ревизию как обследование финансово-хозяйственной деятельности какого-либо учреждения или должностного лица с целью проверки правильности и законности действий [1, с. 691–692]. В этой связи формулировка «ревизии и другие проверки» была бы более корректной. Такая формулировка в законе, на наш взгляд, могла бы снять и одну из проблем, часто возникающих на практике, суть которой заключается в непонимании существа вопроса, чем, ревизия отличается от документальной проверки. Ибо документальная проверка, как и проверка фактическая – это методы ревизии. Поэтому нелогично один из них выделять в качестве самостоятельного способа проверки информации о преступлении.

Еще один вопрос, имеющий практическое значение, на котором следует заострить внимание, это вопрос о возможности использования документальной проверки и ревизии в ходе расследования. Как уже отмечалось, процессуальным основанием для производства документальной проверки и ревизии является ст. 144 УПК РФ, регламентирующая порядок рассмотрения сообщений о преступлении. Это дает аргумент сторонникам соответствующего взгляда для вывода о том, что данные формы использования специальных знаний возможны лишь в стадии возбуждения уголовного дела. В пользу такого вывода якобы говорит и предельный срок предварительной проверки, который также является предельным и для документальной проверки и ревизии. Полагаем, что не так. Указанный срок касается только времени разрешения сообщений о преступлениях и не может распространяться на время проведения документальной проверки и ревизии. Поэтому начатая в стадии возбуждения уголовного дела ревизия (документальная проверка), может быть продолжена и в стадии расследования. Данный вывод обосновывается тем, что предмет ревизии (документальной проверки) не исчерпывается кругом вопросов (заданий), имеющих значение для правильного разрешения заявлений и сообщений о преступлении, поскольку включает в себя еще и вопросы, представляющие интерес для раскрытия и расследования преступления. Прекращение же ее в связи с возбуждением уголовного дела может серьезно сказаться на результатах деятельности по расследованию преступления.

Прорабатывая вопрос об организации ревизии, следователь должен определить: какие обстоятельства можно выяснить с помощью ревизии; на

каких объектах и с использованием каких методов ее следует провести; деятельность каких должностных лиц необходимо подвергнуть ревизионной проверке; какой период их работы подлежит исследованию; какие специалисты потребуются для разрешения вопросов, подлежащих ревизионной проверке, и сколько времени предоставить ревизорам для выполнения поставленных перед ними задач.

Требую производства ревизии, следователи иногда указывают персонально тех или иных лиц, которых следует назначить в качестве ревизоров. На наш взгляд, это неправомерно. Кому поручать ревизию, решает должностное лицо действий [2]. Следователь может ставить вопрос лишь о выделении специалистов определенного профиля или о их количестве, необходимом для проведения ревизии в требуемый срок.

Разумеется, это не исключает возможности для следователя возражать против поручения ревизии лицам, в отношении которых имеются основания сомневаться в их беспристрастности, могущей отразиться на результатах проверки.

До начала проведения ревизии следователь должен ознакомиться с представленным планом и программой, определить, насколько они соответствуют тем задачам, которые были поставлены перед ревизией. При необходимости следует внести коррективы в эти документы, поскольку, как отмечают специалисты, удачно составленный план ревизии – это уже половина успеха действий [3, с. 208].

В процессе проведения ревизии следователь должен периодически получать информацию от ревизора и сопоставлять ее с материалами проверки. Своевременное получение такой информации позволяет уточнить поставленные перед ревизором задачи, а также скорректировать план своей работы по проверке информации о преступлении.

Как уже отмечалось, необходимость в проведении ревизии может возникнуть как в стадии возбуждения уголовного дела, так и в процессе расследования преступления, например, для выявления новых его эпизодов, проверки определенных фактов, установления характера и размера причиненного ущерба и т.д. Однако для решения надлежащих вопросов следователи все чаще прибегают к помощи судебно-бухгалтерской и судебно-экономической экспертиз. Подобный шаг не всегда является верным. Во-первых, каждый из названных вопросов может быть поставлен перед экспертом лишь в тех случаях, когда другими средствами его решить не представляется возможным. Во-вторых, необходимо учитывать, что экспертиза не может подменять собой ревизию или документальную проверку, т.к. иначе появляется

возможность подвергнуть сомнению, опорочить в суде заключение эксперта. Это объясняется тем, что в отличие от ревизора эксперт не собирает доказательства (материалы), он получает их путем исследования материалов уже собранных. Отступление от этого правила приводит к тому, что эксперт дает заключение о достоверности тех фактов, которые сам же и установил. Поэтому в условиях, когда требуется собрать определенные материалы для исследования, судебно-бухгалтерской или экономической экспертизе должна предшествовать ревизия или выемка документов.

При производстве ревизии следователь должен самым тесным образом взаимодействовать с руководителем ревизионной группы. Он вправе сообщить ему те или иные данные, имеющиеся в материалах дела, если, по его мнению, это может сказаться на качестве ревизии. Он может также знакомить ревизоров с отдельными приобщенными к делу документами, которые необходимы для обеспечения полноты ревизионной проверки. В свою очередь ревизоры могут сообщить следователю информацию об имевшей место попытке уничтожить какой-либо уличающий документ, о создании определенных помех в работе ревизоров, об оказании на них давления и других фактах, имеющих значение для расследования уголовного дела. В таких случаях следователь принимает надлежащие меры, обусловленные характером сообщения. Однако, как показывает практика, отдельные следователи, полагаясь на компетентность ревизора и доверяя, как говорят, ему полностью, самоустраиваются не только от взаимодействия, но и расследования по делу, дожидаясь заключения ревизии. Это неправильно: нельзя как недооценивать, так и преувеличивать значение ревизии. Она, хотя и является комплексным средством, обеспечивающим выявление различных нарушений и злоупотреблений со стороны должностных лиц, но не столько, чтобы смогла собой заменить расследование, даже и на короткое время.

Одной из важных форм взаимодействия с ревизором являются промежуточные акты ревизии. Их значение заключается не только в том, что они позволяют следователю принимать оперативные решения о производстве неотложных следственных и других действий по уголовному делу. Такие акты часто используются и в процессе избличения виновных лиц. Дело в том, что обвиняемый нередко не подписывает акт ревизии по причине несогласия с выводами ревизоров. На этой почве часто возникает конфликтная ситуация, причиной которой, как правило, являются цифры, отражающие общий размер причиненного ущерба. Иногда эти цифры настолько оказывают ошеломляющее воздействие на ревизуемого, что конфликт его с правоохранительными органами сразу же приобретает затяжной характер. В таком случае обвиняемый

все свои усилия направляет на то, чтобы любым путем опорочить этот документ. Он может указывать на необъективность и предвзятость ревизоров, на свое неучастие в ревизии, и т.д. В этой связи промежуточные акты, в силу того, что они, как правило, всегда подписываются ревизуемыми (отражают лишь отдельные эпизоды злоупотреблений со стороны ревизуемых лиц или отдельные операции финансово-хозяйственной деятельности), играют очень важную роль в расследовании, и, прежде всего, как средства опровержения соответствующих заявлений обвиняемых (о неучастии в ревизии и т.д.). Поэтому с ревизором следует заранее оговорить вопрос и о возможности получения таких актов.

Таким образом, ревизия и документальная проверка как средства познания необходимы не только при проверке информации о преступлении, но и в стадии расследования уголовного дела. Учитывая, что в этом случае возникают трудности как организационного, так и процессуального характера, в уголовно-процессуальном законодательстве следовало бы восстановить ранее существовавшую норму, согласно которой органы дознания, следователь, прокурор по находящимся в их производстве делам могли требовать производства ревизии. Полагаем, что введение такой нормы положительно сказалось бы на практике борьбы с преступностью. Ибо ревизию нельзя заменить ни следственным осмотром, ни другими следственными действиями, в том числе экспертизами, как неверно считают отдельные авторы действий [4, с. 404]. По этому поводу А. М. Ларин справедливо заметил, что это не взаимозаменяемые, а взаимодополняющие средства познания действий [5, с. 122].

Список использованных источников:

1. Словарь русского языка: В 4-х томах / под ред. А.П. Евгеньвой. М., 1988.
2. Инструкция о порядке проведения ревизии и проверки контрольно-ревизионными органами Министерства финансов Российской Федерации : приказ Минфина РФ от 14.04.2000 № 42н // КонсультантПлюс: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Тимченко В.А. Организация назначения документальных ревизий и судебно-бухгалтерских экспертиз // Вопросы квалификации и расследования преступлений в сфере экономики: сборник научных статей / под ред. Н.А. Лопашенко, В.М. Юрина, А.Б. Нехорошева. Саратов, 1999.
4. Селина Е.В. Новеллы уголовно-процессуального доказывания, связанные с использованием специальных познаний // Проблемы раскрытия преступлений

в свете современного уголовного процессуального законодательства : материалы Всерос. науч.-практ.конф.. Екатеринбург, 2003.

5. Ларин А.М. Рецензия на кн. Е.А. Доля. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Государство и право. 1997. № 7.

УДК 347.191.43

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНКУРСНЫХ КРЕДИТОРОВ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА

© А.А. Яковенко

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

В Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве) [1] не содержится легального определения понятия «собрания кредиторов», указывается лишь о некоторых его свойствах и составе участников. Между тем, определение правовой природы собрания имеет важное значение не только в теоретическом, но и в практическом аспекте.

Важно подчеркнуть, что собрание кредиторов – это в некотором смысле недобровольное сообщество, поскольку кредитор лица, признанного банкротом, имеет весьма ограниченный выбор моделей поведения: либо предъявить свои требования к должнику и стать участником собрания кредиторов, либо вовсе отказаться от перспективы удовлетворения даже части имеющихся требований. Исключения составляют ситуации, когда некое лицо добровольно становится конкурсным кредитором (например, через уступку требования к должнику).

При этом закон даёт широкую дискрецию собранию кредиторов, достаточно обширные полномочия, касающихся практически всех сторон процедуры банкротства.

Так, кредиторы как коллективный субъект по существу определяют движение дела о банкротстве, принимают решения о переходе от процедуры к процедуре (хотя и с санкции суда), что вполне реализует процессуальный принцип диспозитивности, кредиторы определяют условия реализации имущества должника на публичных торгах (например, начальную продажную

цену имущества, цену отсечения, сроки реализации имущества, состав лотов и т.д.).

Собрание кредиторов определяют и кандидатуры арбитражных управляющих. И, хотя сейчас институт случайной выборки становится практически вариантом нормы, это, как представляется, является последствием нездоровых тенденций касающихся повсеместных злоупотреблений, направленных на получение контроля над управляющим и процедурой банкротства. С другой стороны, такое противоречие заложено непосредственно в законе, который, с одной стороны, требует от арбитражного управляющего быть независимым, а с другой, даёт кредиторам право самостоятельно определить кандидатуру управляющего и выплачивать ему дополнительное вознаграждение за счёт собственных средств или причитающихся им платежей в счет погашения их требований (п.7, п. 8 Закона о банкротстве).

В целом, собрание кредиторов обладает существенным влиянием на процедуру банкротства. Иногда это влияние выражается в возможности предлагать суду варианты разрешения существенных для процедуры банкротства вопросов, а иногда – в возможности самостоятельно разрешать такие вопросы. При этом возможность предложить суду разрешить такой вопрос (например, в порядке, предусмотренном ст. 60 Закона о банкротстве о разрешении разногласий) порой равносильна ситуации, при которой кредиторы принимают самостоятельное решение, поскольку у суда может и не быть альтернатив.

Например, институт разрешения разногласий зачастую используется для того, чтобы легализовать спорные (или даже недобросовестные) решения, принятые мажоритарными кредиторами. Так, два кредитора (или кредитор и управляющий) могут обратиться в суд с разногласиями, касающимися редакции положения о порядке реализации имущества должника. Оба таких лица представляют суду свои редакции положения, различия которых несущественны либо касаются иных условий, содержание которых не имеет значения для заявителей. В результате суд утверждает положение и в части, не затронутой формальными разногласиями. При пассивном поведении иных независимых кредиторов складывается ситуация, при которой недобросовестный управляющий оказывается частично защищён от жалоб или взыскания убытков за недобросовестные действия на торгах.

Несмотря на столь высокую значимость собрания кредиторов, законодатель не дал ответа на вопрос о том, что такое собрание кредиторов по своей природе.

На первый взгляд может показаться, что собрание кредиторов – это орган управления обществом. Ведь если конкурсный управляющий выступает в обороте от имени должника и формирует его текущую волю, указывается в ЕГРЮЛ в качестве его единоличного органа управления, значит он и является единоличным исполнительным органом или выполняет его функции. А так как собрание кредиторов согласовывает экстраординарные сделки, совершаемые управляющим, а также определяет кандидатуру управляющего, то можно предположить, что собрание является ни чем иным, как волеобразующим органом должника, аналогичным общему собранию участников (акционеров).

Такая позиция находит некоторую поддержку и в доктрине [2, с.109], и в судебной практике [3], однако широкого распространения такой подход не получил.

Действительно, с одной стороны, собрание кредиторов очень напоминает орган управления. Но если проанализировать природу корпорации, можно обнаружить определенные противоречия фундаментального характера. Так, признаками корпорации является членство и формирование высших органов из состава её членов (ст. 65.1 Гражданского кодекса РФ [4]). Представляется, что второй из названных признаков вытекает из первого.

Как отмечает И.С. Шиткина под правом участия (членства) следует понимать «комплекс корпоративных прав, которыми наделяется участник (член) корпорации в зависимости от ее организационно-правовой формы» [5, с.5]. Указанные права являются специфическими и происходят из добровольного вступления лица в особые (корпоративные) правоотношения, в рамках которых могут исключительно существовать корпоративные отношения [6, с.89]. Подобный подход в определённой степени представляет собой замкнутый круг, однако вписывается в действующее правовое регулирование. Исходя из такого понимания, права участников и акционеров имеют корпоративную природу.

Между тем, права кредиторов являются обязательственными, поскольку основаны на наступившем по сроку, но не исполненном обязательстве, как договорном, так и внедоговорном. Поскольку ст. 2 ГК РФ чётко разграничивает корпоративные и обязательственные правоотношения, уже на самом базовом уровне нельзя отождествлять общее собрание участников общества и собрание кредиторов.

В связи с этим, возникает вопрос о том, чем является собрание кредиторов. Особенно остро он встаёт в контексте ответственности отдельных кредиторов за причинение вреда конкурсной массе [7].

По сути, сложилась ситуация, при которой очевидно, что кредитор причинил своими действиями вред, однако отсутствует правовая

определённость в отношении норм, подлежащих применению в целях привлечения к ответственности.

Ответ на вопрос о применимых нормах влечёт за собой массу последствий, в т.ч. в части определения круга лиц, подлежащих ответственности, перераспределения бремени доказывания, способа определения размера ответственности и периода, в течение которого лицо может быть привлечено к ответственности.

Более того, возникает проблема определения субъекта, подлежащего ответственности за решения, принятые на собрании кредиторов: только кредиторов, недобросовестно получивших выгоду от принятых решений, или всех кредиторов, проголосовавших за принятие таких решений?

Одной из позиций, позволяющих определить природу ответственности кредитора и «применимое право», видится позиция о том, что собрание кредиторов является по природе своей товариществом [8, с. 53]. Как указывается в доктрине, такое товарищество является не добровольным товариществом, а вынужденным.

Эта позиция интересна с той точки зрения, что позволяет избежать «наклеивания» на собрание кредиторов ярлыка органа управления юридического лица, при этом позволяя распространить на отдельных кредиторов фидуциарные обязанности, закреплённые в ст. 53.1 ГК РФ.

В соответствии с п.1 указанной статьи, а также толкованием, данным Постановлением Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [9], на лицах, входящих в органы управления юридического лица лежат обязанности действовать добросовестно и разумно. Аналогичные обязанности свойственны американскому праву, где превалирует позиция о наличии у директоров обязанностей действовать с максимальной степенью прилежности (duty of care) и не конкурировать с представляемым обществом (duty of loyalty).

В доктрине отмечается, что возможность применения специальных корпоративно-правовых способов защиты при реализации такого подхода обусловлена товарищеской природой хозяйственных обществ [8, с. 53].

Соответственно, с такой точки зрения возникает возможность привлекать конкурсных кредиторов к ответственности в порядке ст. 53.1 ГК РФ, а также пользоваться специфическими способами правовой защиты, такими как исключение участника общества за злоупотребления или оспаривание решений собраний.

Указанная позиция также привлекательна тем, что соотносится с нормативно закреплённой возможностью применять нормы о корпоративной ответственности к ответственности арбитражных управляющих.

Явный недостаток товарищеского подхода заключается в том, что он не учитывает наличие персонального интереса каждого отдельного кредитора, который почти всегда противоречит общему интересу сообщества кредиторов.

Радикализация такого подхода до признания собрания кредиторов в качестве органа управления или признания за конкурсным (кредиторским) контролем природы, схожей с корпоративным контролем, теоретически позволяет привлечь кредиторов к ответственности в порядке главы III.2 Закона о банкротстве, в т.ч. к субсидиарной ответственности. Например, за совершение действий, ухудшивших финансовое состояние должника, в связи с которыми окончательно пропала возможность восстановить платёжеспособность и выйти из конкурсного производства или внешнего управления.

Так, если признать, что собрание кредиторов является органом управления должником, аналогичным общему собранию участников (акционеров) возникает возможность распространять на отдельных кредиторов статус контролирующих должника лиц в порядке, предусмотренном п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве.

С таким подходом сложно согласиться (по обозначенным выше причинам), однако применение института субсидиарной ответственности имеет и явные преимущества при его усеченном использовании. Например, применение доказательственных презумпций, способных упростить процесс доказывания для слабой стороны видится неплохим подспорьем для увеличения эффективности правосудия. Здесь же можно упомянуть и про принцип защиты делового решения, полезный для применения в ситуациях продолжающейся хозяйственной деятельности должника.

Иной путь, как представляется, заключается в определении собрания кредиторов как явления *sui generis* (например, в качестве особого института «конкурсного права») [10, с. 67]. В таком случае единственной возможностью (без специального законодательного регулирования или применения по аналогии описанных выше институтов) привлечь кредиторов через принцип генерального деликта (ст. 1064 ГК РФ).

Такой подход представляется нерациональным, поскольку не учитывает множества специфических особенностей правоотношений и предоставляет суду чрезвычайно высокий уровень дискреции при определении оснований для привлечения к ответственности, что, в свою очередь, может привести к «перегибам» и неоднородности судебной практики.

Сложности, как представляется, будет вызывать и процесс доказывания, поскольку суд каждый раз будет вынужден определять критерии разграничения предпринимательского риска и недобросовестности, а также самостоятельно искать «золотую середину» между индивидуальными интересами кредиторов и интересами всего сообщества кредиторов в целом.

При этом многие существующие на сегодняшний день практические запросы, как представляется, могут быть разрешены в рамках уже развитых практик «банкротной» и корпоративной ответственности.

Полагаем, что с точки зрения практической потребности, наиболее логичным представляется применение модели об ответственности кредиторов как товарищей. Нельзя утверждать, что такая теория лишена недостатков, в особенности на уровне доктрины, однако объём правового регулирования, учитывающего специфику правоотношений, которое может быть потенциально применено без возникновения существенных коллизий, является наиболее полным.

В целом же следует отметить существенную непроработанность российского конкурсного законодательства и судебной практики в части ответственности кредиторов.

Список использованных источников:

1. О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Бруско Б.С. Защита прав и законных интересов кредиторов в конкурсном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004 249 с.
3. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.06.2015 по делу №А21-5299/2013 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный законот 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301
5. Шиткина И.С. Корпоративное право в таблицах и схемах. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2016. 556 с.
6. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения как составная часть системы гражданско-правовых отношений: на примере хозяйственных обществ: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 514 с.
7. Определение Верховного Суда РФ от 14.11.2022 № 307-ЭС17-10793 (26-28) по делу № А56-45590/2015 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Шайдуллин А.И. Комментарий к статье С.Л. Будылина к определению по делу «ВЛПК». Будылин С.Л. Дело о доминирующем кредиторе: когда кредитор отвечает за результаты коммерческой деятельности банкрота // Юридическая работа в кредитной организации. 2022. № 4. С. 53-55.

9. О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица : постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. Телюкина М.В. Предмет, метод, цели, принципы, и иные характеристики конкурсного права // Труды института государства и права РАН. 2017. № 6 С.63-73

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абдрашев Р.М.</i> Основные направления развития уголовного судопроизводства Республики Казахстан	3
<i>Авдеев Д.А.</i> Российская форма правления: особенности современной модели	7
<i>Акунченко Е.А.</i> О коррупционных рисках использования в информационном обеспечении выборов социальных сетей и мессенджеров с массово-коммуникативным функционалом	13
<i>Андрианова В.В.</i> Меры стипендиальной поддержки студентов юридических вузов	19
<i>Андрианова В.В.</i> Защита прав студентов с инвалидностью в рамках юридической клиники вуза	21
<i>Антонова Е.Ю.</i> Норма об ответственности за посягательства на особо ценные растения и грибы: некоторые вопросы законодательной техники	23
<i>Богданова И.С.</i> Приобретение государством имущества физического лица, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы: современное состояние вопроса	28
<i>Босык О.И.</i> Правовые проблемы внесения права пользования имуществом в уставный капитал ООО	31
<i>Бугрова Е.Г.</i> О предварительных итогах амнистии: спасение или гибель для офшорного бизнеса?	36
<i>Бушмин С.И.</i> Конституционные основы разъяснения Пленума Верховного Суда РФ об освобождении от наказания в связи с истечением сроков давности уголовного преследования	40
<i>Великородный П.Г.</i> Предпосылки уклонения от уголовной ответственности	43
<i>Верхотурова М.А.</i> Вопросы предупреждения распространения в социальных сетях экстремистских материалов	47
<i>Виноградов Д.Ю.</i> Полномочия органов исполнительной власти Красноярского края по реализации гарантий прав коренных малочисленных народов севера в области образования	53
<i>Волкова М.А.</i> Коррупционное дробление закупок как форма коррупции в сфере публичных закупок	58

<i>Воложбенская Д.И.</i> Судебные доктрины США о компетенции федеральных судов: критический анализ	63
<i>Волосова Н.Ю.</i> Нравственность уголовного судопроизводства: неизбежность возвращения к истокам	68
<i>Гармаев Ю.П.</i> Версии стороны защиты по уголовным делам и их проверка как направление криминалистических научных исследований.....	73
<i>Гордеев Р.Н.</i> Корыстная или иная личная заинтересованность в п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ	77
<i>Грибалева А.А.</i> Право в системе социальных норм. Юридическая сила	80
<i>Гусев Д.А.</i> Правовые аспекты внедрения и регулирования цифрового рубля в Российской Федерации	90
<i>Гутник С.И.</i> К вопросу об интернет-приватности в контексте личной информационной безопасности	95
<i>Гутник С.И.</i> Стандартизация оказания бесплатной юридической помощи: проблемы и перспективы	99
<i>Давыдов С.И.</i> Проблемные вопросы оперативно-розыскного обеспечения государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства	102
<i>Дамм И.А.</i> Политика противодействия преступности как направление совместной деятельности общества и государства.....	107
<i>Двигун М.А.</i> О соотношении категорий нотариальный акт и нотариальный документ	113
<i>Денисов С.А.</i> Стадии конституционализации общества, государства и права	120
<i>Долинская В.В.</i> Развитие объектов недвижимости в системе объектов гражданских прав: на примере объектов вспомогательного использования	128
<i>Дробышевский С.А.</i> К критике идеи об индивидуальном правовом регулировании в форме правоприменительной деятельности	133
<i>Дубынин Е.А., Космодемьянская Е.Е.</i> Тактические аспекты следственных и судебных действий: сравнительный анализ	138

<i>Евсеевко Н.М.</i> Добросовестность и разумность при совершении односторонних сделок.....	143
<i>Заблоцкий С.С.</i> О некоторых проблемах освобождения гражданина от долгов при банкротстве.....	147
<i>Земцова С.И.</i> Незаконный оборот наркотиков: угрозы и вызовы как основа формирования новой родовой (укрупненной) криминалистической методики	153
<i>Иванова И.Г.</i> Использование адвокатом-защитником заключения специалиста по уголовному делу с целью назначения повторной или дополнительной экспертизы: теория и реальность	159
<i>Иванова Ж.Б.</i> Межвузовские юридические интеллектуальные игры как средство реализации культурологической миссии высшего образования...	165
<i>Исаева А.А.</i> Светское государство в современном правовом дискурсе	169
<i>Казанцев Е.Б.</i> Незаконное завышение стоимости контракта как разновидность злоупотреблений в сфере закупок	174
<i>Качина Н.В., Мирончик А.С.</i> Проблемы разграничения уголовной и административной ответственности за незаконную рубку лесных насаждений	181
<i>Качур Н.Ф.</i> Способы достоверного определения лица, выразившего волю на совершение электронной сделки	189
<i>Климович Л.П.</i> Актуальные вопросы судебных экономических экспертиз ...	195
<i>Климович Л.П., Логинова Н.Г.</i> Заключение специалиста как доказательство по уголовным делам экономической направленности	201
<i>Ковалева А.В.</i> Мультифункциональная и квазисудебная процессуальная и внепроцессуальная фигура специального мастера: американский опыт участия в досудебных процедурах и в гражданском процессе	207
<i>Кондрашев А.А.</i> Основные направления развития институтов конституционного права России на современном этапе	212
<i>Кострыкина В.В.</i> Ограничение на совместную работу родственников как антикоррупционный стандарт поведения в организации	218
<i>Красняков Н.И.</i> Конституенты империи в нормативно-управленческой деятельности государства.....	227

<i>Кругликов В.Д.</i> Криминалистическая деятельность по делам о мелком хищении, совершенном лицом, подвергнутым административному наказанию, на этапе проверки сообщений о преступлении	233
<i>Кулешов М.И.</i> Значение «мягких навыков» в ходе осуществления профессиональной деятельности на примере юридических клиник.....	236
<i>Ланг Т.Е.</i> Деформация правосознания и право на выражение мнения в условиях современной России	239
<i>Лисаускайте В.В.</i> К вопросу о необходимости разработки и принятия Дополнительного Протокола IV к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. в сфере современных вооруженных конфликтов.....	245
<i>Машинская Н.В.</i> Изъятие электронных носителей информации и копирование с них информации при производстве следственных действий: проблемы законодательного регулирования.....	250
<i>Мелещук И.А.</i> Основания отказа в предоставлении бесплатной юридической помощи юридической клиникой	255
<i>Мирончик А.С.</i> Некоторые проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования.....	257
<i>Митин С.С.</i> О различных моделях разделения властей	261
<i>Молина А.Ю.</i> Совместный налоговый комплаенс в России и за рубежом: сравнительный аспект.....	266
<i>Морозова Н.А.</i> Применение односторонних ограничительных мер (международных санкций) как основание для перехода к экстраординарному государственному управлению	273
<i>Москалев Г.Л.</i> Правоотношения по защите исторической правды.....	278
<i>Николаев А.В.</i> Проработка новелл комментариев к ст. 10-12 МК ОЭСР в 2011-14 гг. как модель взаимодействия с профессиональными сообществами ...	281
<i>Номоконов В.А.</i> Может ли коррупционер быть патриотом?	287
<i>Пастушенко А.А.</i> Меры государственного принуждения за нецелевое расходование бюджетных средств: отдельные проблемные вопросы	292
<i>Пенизев М.В.</i> Реализация органами местного самоуправления полномочий в сфере международных и внешнеэкономических связей в условиях международной изоляции России.....	298

<i>Переседов А.М.</i> Об участии контролируемых лиц в контрольной (надзорной) деятельности.....	302
<i>Писаревский И.И.</i> Противоречивость фигуры прокурора в современном гражданском процессе: на примере «антисанкционных» полномочий в гражданском процессе	307
<i>Питецкий В.В.</i> Квалификация преступлений с альтернативными признаками	311
<i>Плотникова Н.Г.</i> Особенности регулирования труда руководителей организации	317
<i>Плошкина Я.М., Майорова Л.В.</i> Уголовное судопроизводство как механизм разрешения уголовно-правового конфликта	322
<i>Подберезкина Л.З.</i> Неясность текста нормативного правового акта как критерий коррупциогенности	328
<i>Пономарева Е.Е.</i> Должностное лицо: проблемы законодательного определения и правоприменительного толкования	334
<i>Попова А.Ю.</i> Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ.....	339
<i>Протопопова Т.В.</i> Идея о правоприменении как о конкретизации права ...	343
<i>Пунтус С.А.</i> Проблемные вопросы включения в образовательные программы учебной дисциплины «Основы российской государственности» в ведомственном юридическом вузе	346
<i>Пустовойт Е.С.</i> Организация договора о коллективной безопасности как субъект профилактики наркопреступности.....	350
<i>Пушкина А.В.</i> Своевременное обращение за юридической помощью как средство самоохраны прав и законных интересов	353
<i>Рахматулин З.Р., Сорокун П.В.</i> Правоприменительное усмотрение в деятельности судей и должностных лиц органов исполнительной власти ..	357
<i>Роньжина О.В.</i> Критерий выделения «единичного» публично-властного полномочия.....	362
<i>Sabalbal H.</i> Overview of states' defenses against foreign investors during political and economic crises	366

<i>Садовых К.В.</i> Уголовно-правовой анализ деяния как признака объективной стороны состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции	369
<i>Салова Ш.Б., Стукалин В.Б.</i> Взаимодействие следователя с оперативно-розыскными подразделениями при расследовании мошенничества, совершенного с использованием платежных карт	373
<i>Семеновский А.И.</i> Развитие процессуальной формы следственного допроса как направление обеспечения правдивых показаний	377
<i>Семерня Н.О.</i> Актуальные проблемы судебной практики по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде	384
<i>Сидорова Т.Ю.</i> Действие соглашений об избежании двойного налогообложения в контексте взаимной защиты инвестиций	389
<i>Сорокина С.Я.</i> К вопросу о гражданско-правовой ответственности за недобросовестное поведение	394
<i>Спиглазова Т.Г.</i> Экоисторические предпосылки трансформации экологических правовотношений	400
<i>Староватова С.В.</i> Некоторые вопросы уголовной ответственности за нарушение правил заготовки древесины для собственных нужд	402
<i>Стукалин В.Б.</i> Об отдельных аспектах правового статуса эксперта и специалиста	410
<i>Суверов С.Е.</i> Учет утраты общественной опасности личности лица при освобождении от уголовной ответственности.....	417
<i>Сурихин П.Л.</i> Цель и задачи уголовного права: проблема определения и приоритета, системный подход	421
<i>Сухарева К.С.</i> Досрочное прекращение полномочий депутатов представительных органов муниципальных образований как антикоррупционная мера безопасности	431
<i>Тепляшин И.В.</i> Правовые средства, обеспечивающие взаимодействие гражданского общества и государства	437
<i>Тепляшин П.В.</i> Криминологические аспекты наркотрафика опиоидов в регионе ответственности государств-членов организации договора о коллективной безопасности	442

<i>Тепляшин П.В.</i> Отечественные модели пробации несовершеннолетних, освобождаемых из мест изоляции от общества: прошлое, настоящее, будущее.....	445
<i>Тушко О.Ю.</i> Об изучении системы органов государственной власти РФ, системы органов государственной власти субъектов РФ, а также структуры органов местного самоуправления как необходимом элементе правового воспитания студентов неюридических специальностей.....	451
<i>Тушко О.Ю.</i> К вопросу о понимании государственной власти	454
<i>Федорова Е.А.</i> Основания изменения принудительных мер медицинского характера.....	458
<i>Фицай Д.А.</i> Становление правовой компетентности студента высшей школы в стенах юридической клиники.....	461
<i>Хакимов Н.А.</i> Алгоритм исследования обстановки места происшествия.....	464
<i>Харина Е.А.</i> К вопросу о личности мошенника в сфере компьютерной информации.....	468
<i>Червинская А.П.</i> О реализации конституционного принципа публичности в деятельности палат Федерального Собрания Российской Федерации	472
<i>Шамехина Э.В.</i> Новые формы коррупции в условиях цифровизации общества	478
<i>Шапран Н.В.</i> Проблемы реализации воспитательной компоненты в рамках юридического образования	483
<i>Шапран Н.В.</i> Судебная доктрина снятия корпоративной вуали: современное состояние	486
<i>Шаркевич Д.В.</i> Идея человеческого достоинства и Китайское государство .	492
<i>Шатрова А.В.</i> Личное участие в судебном заседании лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера	496
<i>Шильников В.В.</i> Отстранение арбитражного управляющего как способ контроля за процедурой банкротства	499
<i>Шишко И.В.</i> Уголовная ответственность за заведомо ложное заключение эксперта.....	503

<i>Юрин В.М.</i> Ревизия и документальная проверка как средства выявления признаков преступлений экономической направленности	511
<i>Яковенко А.А.</i> К вопросу о правовой природе ответственности конкурсных кредиторов несостоятельного должника.....	517

